

Я89
Р69

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ЯКУТСКИЙ ФИЛИАЛ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ПО ГОВОРАМ ЭВЕНКОВ ЯКУТСКОЙ АССР

Выпуск четвертый

А. В. РОМАНОВА и А. Н. МЫРЕЕВА

ФОЛЬКЛОР ЭВЕНКОВ ЯКУТИИ

Под редакцией Г. М. Василевич

105 стр 4546.
321-322.

И З Д А Т Е Л Ь С Т В О « Н А У К А »
Л Е Н И Н Г Р А Д С К О Е О Т Д Е Л Е Н И Е
Л е н и н г р а д 1971

Я89
Р69

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЯКУТСКИЙ ФИЛИАЛ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ПО ГОВОРАМ ЭВЕНКОВ ЯКУТСКОЙ АССР

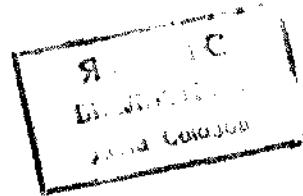
Выпуск четвертый

А. В. РОМАНОВА и А. Н. МЫРЕЕВА

ФОЛЬКЛОР ЭВЕНКОВ ЯКУТИИ

Под редакцией Г. М. Василевич

90056 / Народ
Х +

105 стр. № 46.
381 - 382.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1971

7-1-3, 7-4-3
81—1971 (I пол.)

ОТ РЕДАКТОРА

Предлагаемые в книге фольклорные материалы составляют четвертый выпуск большой работы по изучению говоров и фольклора эвенков Якутии. Выполняют ее эвенкийки — первые научные работники. С их биографиями мы познакомили читателя в первом выпуске.¹

Настоящий сборник охватывает разные жанры: песни (для эвенкийского танца и индивидуальные), загадки, сказания, сказки, легенды (о начале платы шаману за камланье, рассказ о ссоре двух семей разных родов), приметы, поговорки и теперь, вероятно, исчезнувшие жанры — обереги-запреты и космогонические сказки. Последние интересны в историческом отношении, так как они записаны в одной из древнейших форм (в виде вопросов и ответов) передачи молодому поколению «знаний» предков о природе и ее происхождении.

Если представленные ниже песни характерны только для той группы эвенков, от которой они записаны, то загадки и сказки имеют широкое распространение не только среди эвенков, но и в большинстве своем среди других народов Сибири. В одних случаях их происхождение уходит в глубокую древность, из которой они попали к разным народностям, в других — они могут быть заимствованы эвенками-охотниками от скотоводов — якутов и бурятов, а также от русских земледельцев. Заимствуя то или иное произведение, эвенки несколько изменяли его, в соответствии со своими поэтическими традициями.

Эпические сказания — нимигаканы — в той или иной мере отразили ранние этапы истории тунгусов. Нимигаканы Иркисмондя, Хуругочи, Хурокчон, Тамиапи, Деломо-Денуйкон характерны

¹ Выпуск первый: А. В. Романова и А. Н. Мицесева. Очерки токийского и томотского говоров. Под редакцией Г. М. Василевич. М.—Л., 1962; Выпуск второй: А. В. Романова и А. Н. Мицесева. Очерки учурукского, майского и течтнинского говоров. Под редакцией Г. М. Василевич. М.—Л., 1964; Выпуск третий: А. В. Романова и А. Н. Мицесева. Диалектологический словарь говоров эвенков Якутии. Под редакцией Г. М. Василевич. Л., 1968.

для алдано-учурских эвенков. От верхнеучурских, амурских и сахалинских сказаний они отличаются манерой изложения и большим влиянием как самого якутского языка, так и якутских олонхо. В нимигаканах мы встречаем, кроме якутских слов, выражений, поговорок и метафор, и такие мотивы, как помощь шаманок, коней, стариков или брата (старшего), эпизоды с превращениями и оживлениями. Частично перенесены и образы верхнего и нижнего миров и названия их обитателей (*аи, авахи*). Как и в олонхо, в этих нимигаканах основной целью похода героя является добыча невесты. В некоторых нимигаканах есть даже концовка из олонхо («стал предком»; «таким образом средняя земля существует благополучно»). При беглом просмотре все эти заимствования могут создать впечатление, что нимигаканы являются якутскими олонхо, переделанными эвенками. Поэтому на них следует задержаться подробнее.

Мы уже отмечали, что в эвенкийских нимигаканах можно найти ряд общих черт с эпическими произведениями тюркских и монгольских народов.² Исключив это общее и выделив заимствования из олонхо (духи-хозяева, шаманы, превращения; металлическая игровая площадка, броня, лук и стрелы и др.), мы можем обнаружить много самостоятельного в развитии нимигаканов.

По нимигакану об Иркисмонде можно проследить генеалогические линии нескольких родов, находящихся во взаимобрачных отношениях (см. схему). Для врагов богатырей такие генеалогические линии не встречены. Враги в этом сказании хотя и похожи на врагов из якутских олонхо, но вместе с тем сохраняют эвенкийское описание внешности и местожительства: враги Сэльргуны, одетые в броню, живут в нижнем мире, на западе, в трех «годах» пути от земель героев.

Превращение в птиц во время путешествий (в журавлей — Торонтая, Монгундора, Хуркокчона, Дылконукона; в белого журавля — Солкокчон; в «белую птицу» — Коколдокона, Аякчай, Денукчан; в лебедя — Иркисмонди, Дергокчона, Тамнаринди) и запрет убивать этих птиц свидетельствуют о том, что в период создания этого нимигакана еще продолжал существовать культ птиц-тотемов. Исторический интерес представляют и имена, оканчивающиеся на *-дар ~ -дор ~ дыр* (множ. ч.) — суффикс монгольского происхождения: Чолбондор, Солкандор, Мангундэр, Ондердон, Немедар и свидетельствующие о тесных тунгусо-монгольских связях в период создания этих нимигаканов.

² Форма исполнения (пение и речитатив), стиль (длинные абзацы, преобладание подчленения в виде падежных форм причастий), цикличность, одноподиальная композиция каждого цикла (описание детства и юношества героя, его походов и столкновений с противниками, часто — врагами отца непресты, женитьба, непрерывительная жизнь в доме отца жены и возвращение), положительная характеристика героев и отрицательная — врагов, особая роль имени, картины подхода врагов и поединка (см.: Исторический фольклор эвенков. М.—Л., 1966).

Для ведущих героев, с которых начинается родословная нимнгаканов амурских и охотских эвенков, характерна неизвестность происхождения и отсутствие у действующих лиц всякого имущества, а тем более скота (нет «даже собаки»). Богатыри, с которыми встречается главный герой, происходят из других племен (кидаи, сивир), могут иметь верховых коней, оленей для мяса, а в отдельных случаях и для езды, носят имя, имеющее значение «солнце» (*Дылача, Сигун, Юлтэн, Геван* — синонимы). Другие герои с такими именами не отмечены. В нимнгакане Иркисмондя предки ряда богатырей, старше которых никто не упоминается, имеют имена, данные по небесным светилам: Геван (солнце в момент восхода) — отец трех дочерей; Дылача (солнце днем) — отец Дергэлдина, Дюгирмона; Дылача — отец Монгундора; Хэглэндор (хэглэн «Большая Медведица») — отец Таминариди и шаманки Аякчан; Чолбондор (Чолбон «Венера») — отец Уяптук, Ирглинди и Отани. И только у Иркисмонди не указан отец и не названо его имя. Принято считать,³ что основной художественный прием в фольклоре — гиперболизация в изображении героев, присыпывание им особого божественного происхождения. Объясняется часто это тем, что герою как бы приписывается сила и героизм целого коллектива. Возможно, это и верно в отношении нимнгакана Иркисмондя. Но в нимнгаканах амурских и охотских эвенков, менее затронутых чужим влиянием, родители ведущих героев (или геронинь) не упомянуты. Этот факт скорее всего говорит о том, что божественное происхождение героев было не характерно для эвенкийских сказаний, хотя гиперболизация действий и поступков героя уже существовала.

В языке сказителя нимнгакана Иркисмондя можно отметить интересное явление, характерное для лиц, живущих на границе двух диалектов или двух языков. В данном случае сказитель кочует со стадом на территории, где раньше кочевали эвенки и эвены. В его речи часто употребляются характерные для двух языков синонимы, разные согласные, например *г~в*; *лагир~лавир*; *н~л*; *гондир~толдыр*, *оллыр~онлыр*; *м~л*; *сэллэнд'э~самулэнд'э* и др.

Исключив все общее для эпических произведений народов алтайской языковой семьи и якутские заимствования и сравнив олонхо с нимнгаканами, можно легко проследить эвенкийскую основу нимнгаканов.

1. В нимнгаканах во вступлении дается картина начала становления окружающей природы и указывается, чем жил герой-охотник, не имевший даже собаки, питавшийся мясом диких животных и одевавшийся в их шкуры. Обычно он не знает своего происхождения и по некоторым признакам определяет, что он родился в горной тайге. Герои имеют самоназвание (эвенки, уранкай, мата) и собственные имена.

³ К. С. Давлетов. Фольклор как вид искусства. М.—Л., 1966, стр. 84.

В олонхо⁴ во вступлении дается подробное описание страны героя, его внешности, вооружения, богатства и занятий. Герой должен происходить из людей группы *ан* (жителей среднего и верхнего миров). Герои имеют имена, а самоизвание некоторых из них двойное: уранкай-кижи или уранкай-саха. Основное занятие у них — скотоводство, охотой они занимаются больше для развития отваги и смелости. У них есть табуны рогатого скота и лошадей. Питаются героями мясом, жиром, сливками и кумысом, одеты в меха и имеют работников.

В олонхо обязательны три мира: первые два населены людьми добра, нижний — людьми зла, живущими в жилищах с выходом через дымовое отверстие. В нимнгаканах также три мира, но все в них конкретнее: верхний — это зона гольцов с тундрами и снегами; средний — это зона лесистых склонов гор; нижний — это зона степных долин и степей. Жители последних — металлурги-коневоды — извечные враги охотников первых двухзон. Территориально враги осваивают степи к западу от охотников, в отдельных случаях их местности имеют названия. Иногда в нимнгаканах враги Сэлэргуны названы по-якутски — авахи, им приписано людоедство. В олонхо враги — «темные силы нижнего мира», под которым иногда подразумеваются южные соседи с татарской речью.

2. Цель походов героев нимнгаканов заключается в желании посмотреть мир и испробовать силы со встречными противниками, а поиски «друга» (мужа, жены) — мотив второстепенный. Случай мести отсутствуют. В олонхо главная цель героя — всегда жажда подвигов для получения невесты, месть за обиду, борьба с другими родо-племенными группами для захвата скота и имущества или защиты родичей. Поэтому так подробно описано вооружение, чего нет в нимнгаканах.

3. Для нимнгаканов не характерно участие шаманов, кузнецов, коней-помощников, что есть в олонхо. Помощь стариков или брата в указании направления, в котором должен следовать герой, обычно была в тех нимнгаканах, которые пел сказитель, знающий олонхо.

4. Для нимнгаканов характерно отсутствие осложнения основной линии развития детальными описаниями частностей и эпизодов, а также отсутствие сказочной фантастики в приключениях героев, что есть в олонхо. Превращение в птиц мы относим к пережиткам тотемизма. Редкие случаи превращения в насекомых, по-видимому, заимствованы из олоихо.

5. В нимнгаканах нет применения волшебных средств в борьбе с врагами и отсутствует оживление мертвых и вещей, что характерно для олонхо. Если и встречаются такие эпизоды, то они заимствованы.

⁴ Материалы для сравнения взяты из кн.: С. В. Ястребский. Образцы народной литературы якутов, Л., 1929; Якутский фольклор. Л., 1936; Нюргун Боттор Стремительный. Якутск, 1947.

6. В нимгаканах основной герой чаще живет одиноко, реже с семьей, состоящей из небольшого числа членов. Случаи, когда главными действующими лицами являются братья, из которых один калека, а другой колдун, заимствованы. В олонхо часто противопоставление рода герою.

7. В нимгаканах праздники, на которые собираются все живущие высоко в горах и на их склонах — в лесах, связаны со свадьбами или с игрищами молодежи. В олонхо — с праздником скотоводов высоких и со свадьбами.

8. В нимгаканах, кроме названия рода, племени и собственного имени, имеют значение и названия мест, по которым проходит путь героя. При этом указывается соотношение земель. Герои путешествуют всегда в одном — восточном направлении (к востоку от земель Онон, Ануй). Отклоняются они в пути лишь в поиске за противником (южное) или за врагом (западное). После того как герой достиг цели своего преследования, он возвращается на главное направление. В олонхо район походов героя иной: к востоку от Аральского моря, к западу от Байкала, к югу от Орхона и Селенги. Название Сибир (Сивир), встречающееся в олонхо, воспринимается якутами как нарицательное слово — синоним слова «земля», в нимгаканах Сивир — это не только название земли, но и название племени. Этот момент позволяет считать слово Сибир в олонхо заимствованным во времена, когда предки саха и эвенков жили рядом с манчжуорязычными сивирами (шивеями VII в.).

В нимгакане Иркисмонда исключительно интересным в историческом отношении является указание на ношение ножа на правом бедре (стр. 224). Такой способ ношения ножа известен в ангарском энеолите. Эта традиция, как и ряд других, сохраняется до сих пор у эвенков, живущих между Леной и Енисеем, значительная часть которых является потомками ангарских тунгусов XVII в. От эвенков этот способ попал и к энцам. Встречается он и у кетов. Но его никогда не было у тюркоязычных народов. Нимгаканы отразили расселение тунгусов на восток от Байкала. Следовательно, в период создания нимгаканов эта традиция уже существовала и в Забайкалье, хотя эвенкам-скотоводам она неизвестна. Общность между ангарскими и нижнетунгусскими, с одной стороны, и забайкальскими эвенками — с другой, сохранилась еще в XVIII в. и выражалась в общих особенностях шишищего диалекта, характерного для тунгусов Приангарья. Ряд фактов свидетельствует, что выход древних тюрок в Приангарье — Прибайкалье разделил древних тунгусов на две части. По-видимому, какая-то часть осталась в Забайкалье (между Ононом и Чикоем), где и было положено начало нимгаканам — героическим сказаниям. Расселившись на восток и по отрогам Станового хребта — на северо-восток, древние тунгусы разнесли и свои нимгаканы. Большие расстояния кочеваний носителей одних и тех же родовых названий, многие века существования этих нимгаканов и, наконец,

их распространение в среде соседей привели к тому, что собственные имена сохранились частично, мотивы строк запевов и прямой речи, характерные для героев, в некоторых случаях перепутались, хотя слова для этих мотивов и остались прежними. Особенно это заметно в нимигакане Иркисмондя (запевы и слова запевов Кокдолокона и Аякчан даны в двух вариантах, и, наоборот, у двух Хуркокчонов из разных родов слова запева одни и те же).

Как мы видим, все изложенное не позволяет считать нимигаканы заимствованными. Наоборот, мы знаем примеры заимствования якутами эвенкийских нимигаканов (например, нимигаканы об Уроне, Нурговуле и др. в районе истоков Вилюя, Оленека и Анабара). Подобные факты объясняются тем, что якуты, распространяясь, могли смешиваться с эвенками и включать в свой культурный комплекс не только элементы тунгусской материальной культуры, но и отдельные героические сказания. Изучение фольклора севера Якутии еще ждет своего исследователя.

Текст этого сказания представляет исключительный интерес для лингвистики как образец говора, распространенного на стыке трех языков: эвенкийского, эвенского и якутского. Влияние последних двух на говор сказителя несомненно. Этим и объясняется употребление им разных фонетических вариантов одного слова и разных морфологических форм и лексики одного значения. Богат язык сказания и изречениями тунгусской мудрости. Исследование его даст много нового и ценного.

Тексты даны без изменений и отражают местные говоры сказителей; они записаны на говорах следующих диалектов: токкинский олекминского диалекта; учурский зейско-учурского диалекта; майский аянского и урмийский говор буреинско-урмийского диалекта. Перевод близок к подлиннику, но дан в нормах русского языка. Это потребовало введения слов для связи главных и придаточных предложений, а также местоимений-подлежащих, что не характерно для эвенкийского языка. Дополнительные слова даны в квадратных скобках, в отдельных случаях в круглых скобках дан буквальный перевод.

Тексты записаны в общепринятой советскими тунгусоведами транскрипции, т. е. на расширенном практическом алфавите с обозначением заднеязычных ң и Ҥ, палatalьных н', д', л' и среднеязычного й. Добавлены гласные звуки среднего ряда ё, і и обозначены долготы гласных чертой над буквой.

Прямая речь сказаний, которая поется, приводится не в стихотворной, а в прозаической форме. Перед переводами указаны: место и время записи, имя и фамилия рассказчика, название рода, год рождения, грамотность и разговорный язык. В квадратных скобках даны пояснения переводчика, в круглых — буквальный перевод некоторых слов.

Г. М. Василевич

Тексты и переводы фольклора тотккинских и аяно-майских эвенков

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Собиранием фольклорных материалов у эвенков Якутской АССР занимались Г. М. Василевич (1929—1947 гг.), А. П. Козловский (1931—1934 гг.). Их тексты с переводом опубликованы в 1936 и в 1966 гг.⁵ С. И. Николаев записал на якутском языке предания, рассказы о недавнем прошлом и запреты, но опубликовал их содержание только на русском языке.⁶

Тридцать пять лет назад А. П. Козловский писал: «Как в этой командировке, так и во время пребывания моего в Якутии в 1931—1932 гг. я встретил очень мало эвенков, знающих свои сказки и предания. С каждым годом становится меньше стариков-сказочников».⁷

Ко времени нашей диалектологической экспедиции (1958 г.) в Олекминском районе остались уже единицы, знающие свой фольклор, преимущественно старики и старухи. Они помнили сказки и предания, сочиняли песни-импровизации на современные темы. Однако и они перестали рассказывать эти сказки и сказания эвенкам, как это бывало в прошлом. Умерли сказители, певшие сказания в течение 3—4 поколий. Молодежь сейчас интересуется литературой, кино, художественной самодеятельностью в клубах и в домах культуры, которые сейчас имеются в каждом селе.

Эвенкийское население Олекминского района говорит на якутском языке, поэтому здесь вошли в быт якутские песни, исполняется и якутский танец «косуохай». Почти вся художественная самодеятельность в клубах и в оленеводческих бригадах проводится как на якутском, так и на русском языках.

Иначе обстоит дело с устным народным творчеством у аяно-майских эвенков Хабаровского края. Ко времени нашего пребыва-

⁵ Г. М. Василевич. Материалы по фольклору Сибири в кн.: Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Состав. Г. М. Василевич. А., 1936, стр. 1—146; А. П. Козловский. Сказки тунгироолекминских эвенков. Там же, стр. 228—233; Исторический фольклор эвенков. Защищ. текстом, перевод и комментарии Г. М. Васильевич, М.—Л., 1966.

⁶ С. И. Николаев. Эпосы и эпизоды юго-восточной Якутии. Якутск, 1964, стр. 177—200.

⁷ Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору, стр. 225.

вания в этом районе (1960) сказки, предания в какой-то мере сохранялись не только у старшего поколения, но и среди молодежи. Молодые люди на родном языке передают части преданий и сказаний, а также эпизоды из современной жизни.⁸ Художественная самодеятельность у них проводится больше на русском языке. До нас собиранием и изучением устного народного творчества у аяно-майских эвенков никто не занимался, только В. И. Левин опубликовал на эвенкийском языке две сказки.⁹

Предлагаемые ниже фольклорные тексты записаны во время диалектологических экспедиций 1958 г. в Токкинском наслеге Олекминского района, где проживают потомки родов Букачар, Метткар, Кангагил, Чакагир, Лалигир, Дойдуган (Сологон), Игинлас, Сахалиткар; и в 1960 г. в населенных пунктах Нелькан, Аим и Курунт-Урях Хабаровского края, где проживают потомки родов Бутал, Эдяр, Бетунгил, Кангагил, Конинггал, Курбугыл и Мэкагир.

Тексты №№ 1, 2 (сказания), №№ 3, 4 (сказки), №№ 5, 6 (рассказы), №№ 7—12 (песни), № 13 (загадки) записаны от эвенков, говорящих на токкинском говоре¹⁰ Олекминского диалекта; тексты №№ 14, 15 (сказания), № 16 (запевы и припевы на эвенкийском языке) записаны от сказителей, говорящих на майском и тоттинском говорах¹¹ Аяно-Майского диалекта; тексты № 17 (рассказ), №№ 18, 19, 20 (песни) записаны в 1962 г. от эвенков, говорящих на урмийском диалекте (пос. Талакан б. Кур-Урмийского района). Говор их имеет много общих особенностей с говором майских эвенков Аяно-Майского района.

Записи произведены от следующих лиц:

1. Льдинова (Букачар) Наталья Семеновна, родилась в 1865 г. в селе Киндигир Олекминского района. Еще крепкая и бодрая старая женщина. С 12 лет она начала охотиться за белкой, позже охотилась и на копытных зверей, а также на боровую и водоплавающую дичь. Перестала заниматься охотой только в 1953 г. До сих пор Н. С. ведет домашнее хозяйство. Она несловоохотлива, но когда начинает рассказывать — говорит очень долго. От нее мы записали геронческое сказание «Торганэй, Алтанэй и их сестра Нэлэнчик».

2. Кульбертинова (Чакагир) Анна Афанасьевна, родилась в 1888 г. в селе Пост Олекминского района, живет на иждивении детей. Из четырнадцати ее детей остались в живых семь. Все они имеют семьи. Анна Афанасьевна мастерица шить кумаланы (ме-

⁸ А. В. Романова, А. Н. Мицкевич. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров, стр. 147—150.

⁹ Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору, стр. 215.

¹⁰ Романова А. В. и А. Н. Мицкевич. Очерки токкинского и томмотского говоров.

¹¹ Романова А. В. и А. Н. Мицкевич. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров.

ховые коврики). Она очень общительная, любит рассказывать и петь песни. От нее мы записали героическое сказание «Путонгай-Эден и Мэнгулта-Эдекун» и песни «Чара-матушка», «Гэсугэр» и «Токко-матушка».

3. Трынкина (Йокоткар) Матрена Петровна, родилась в 1893 г. в селе Средняя Чара Каларского района. До 1939 г. она жила в средней части р. Чары, поэтому в ее языке сохраняются особенности каларского говора. С 1939 г. жила в поселке Тяня Олекминского района на иждивении дочерей. Жила она в чуме, который стоял во дворе. Занималась выделкой камусов. В 1958 г. от нее мы записали три сказки: «Девочка и медведь»,¹² «Птичка с мышкой» и «Птичка и лиса», а также загадки (№№ 1—4, 6, 8, 10, 11, 13, 14, 16—23, 25, 26). Умерла в 1962 г.

4. Трынкина (Чакагир) Анастасия Спиридоновна, родилась в 1934 г. в пос. Тяня Олекминского района. Работала счетоводом в колхозе «Путь коммунизма». Одинока, замкнута. От нее мы записали песню «О деревьях».

5. Трынкин (Чакагир) Иван Егорович, родился в 1893 г. на реке Торго Олекминского района. С 1931 г. работал пастухом. Как один из лучших пастухов он в 1958 г. побывал в Москве на сельскохозяйственной выставке. Очень любознательен, от него записаны загадки (№№ 5, 7, 9, 12, 15, 24, 27).

6. Кульбертинова (Метаткар) Анна Спиридоновна, родилась в 1920 г. на реке Токко Олекминского района. Работала на колхозной звероферме в пос. Тяня. От нее записана песня «хэйэн».

7. Трофимов (Бута) Егор Гермогенович, родился в 1908 г. в селе Чулба (бывшего Учурского) ныне Алданского района, член КПСС, колхозник, передовой охотник. С 1936 г. он проживал в селе Аим Аяно-Майского района. Может рассказывать долго. От него записано героическое сказание «Сиротка Нюнгурмок».

8. Титов (Эдян) Семен Васильевич, родился в 1890 г. в пос. Нелькан Аяно-Майского района Хабаровского края. Работал конюхом в колхозе «Первое Мая» в селе Курунг-Урях этого же района. В молодости занимался охотой, поэтому хорошо знает территорию Аяно-Майского района — названия рек и местностей. Он побывал в населенных пунктах своего района. Несмотря на свой преклонный возраст, выглядел бодрым, любил рассказывать. От него мы записали героическое сказание «Тамнани и Деломо Денуйкан».

9. Логинов (Монго) Михаил Васильевич, родился в 1887 г. в селе Тырма Верхне-Буреинского района Амурской области. С 1924 г. живет в селе Талакан Кур-Урмийского района Хабаровского края. Колхозник, живет у дочери-учительницы. Любознательный и разговорчивый. От него записаны рассказы: «Бутал и

¹² Романова А. В. и А. Н. Мицесна. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров, стр. 158—159.

Аалигир», а также песни «Коршун», «Хэд’э» и шаманский припев «Дадивка».

Свои устные произведения олекминские и аяно-майские эвенки разбивают на следующие группы: 1) *нимнгакар* — сказания и все виды сказок; 2) *ултурил* — бытовые рассказы (о недавних событиях); 3) *нэнэвкэл* или *тагивкал* — загадки; 4) *һэгэр* ~ *икэр* — песни-импровизации¹³.

Героическая сказка, как и сказание, рассказывается в течение 2—3 вечеров, а иногда и больше. Речь героя сказания передается пением, каждый герой сказания имеет свою мелодию.

Героическая сказка «Торганэй, Алтанэй и их сестра Нэлэнчик» записана, кроме нижне-олекминско-чаринских эвенков, еще от чульманских и гилюйских.¹⁴

В сказании «Путонай-Эден и Мэнгултэ-Эдекун» рассказывается о столкновении двух братьев с девятиглавым людоедом. В их борьбе активным помощником является конь.

Сказание «Богатырь Тамнани и Деломо Денуйкан» бытует среди аяно-майских эвенков, живущих в населенных пунктах Джигда и Тотта. В основе сюжета двух последних сказаний лежит обычай язогамии, запрещающий бракосочетание внутри одного рода, поэтому герои этих сказаний вынуждены странствовать в поисках невесты, преодолевая трудности в пути и вступая в борьбу со встречными врагами.

Сказание «Сиротка Нюнгурмок» отличается яркими художественными описаниями, которые характеризуют отдельные черты героев сказания. Описание гнева здесь традиционное для якутских олонхо, например «от великой злости у него толстые части (организма) едава не лопнули, тонкие части чуть не порвались».¹⁵ Или еще: «Богатырь средней земли Хуругочон до того рассердился, что его густая кровь хлынула в живот, горячая кровь дошла до колен, бурлящая кровь поднялась до глаз, злая кровь подошла к горлу, жидкую кровь в десяти пальцах запульсировала».¹⁶

Описание поединка: «Уперлись лбами, опервшись руками в плечи, они сделали передышку. Сильно задрожали у них колени. Изо рта стала падать пена величиной с зайца, из носа стала падать мокрота величиной с куропатку».

Преувеличение описание силы богатыря Хуругочона сходно с описанием в якутском олонхо, например: «Богатырь средней земли бросил авахи на землю так, что вогнал его в землю на три сажени».¹⁸

¹³ Г. М. Василевич. Исторический фольклор эвенков, стр. 226—275.

¹⁴ Подобное описание встречается в урмийском тексте «Солу Сорончо Солдани». В кн.: Сб. материалов по эвенкийск. фолькл., стр. 102.

¹⁵ «Темной кровью крашеный, свежей кровью мазанный, сгустками крови обведенный» (С. В. Ястребский. Образцы народной литературы якутов, стр. 100).

¹⁶ «Соготох удачный бросил демоновского сына: тот упал и пробил землю на семь сажней». Там же, стр. 33.

То же при описании безвыходного положения героя: «Наступила беда. Укоротилось (мое) длинное сознание и сузилась широкая грудь». Такое описание встречается и в якутском олонcho.¹⁷

Сказка № 4 записана в варианте от иенских эвенков Иркутской области¹⁸ и от читинских эвенков.

Язык загадок современный, на нем разговаривают в настоящее время токкинские эвенки.¹⁹

Загадки по ответам распределяются так: человек и части человеческого тела (№ 1—4, 20—22, 26); предметы домашнего обихода и орудия труда (№ 7—9, 12, 17, 19, 23 27); природа (№ 5, 6, 13, 16, 18, 24) и животные (№ 10, 11, 25).

Большинство загадок построено в виде простого распространенного предложения, например: «Я никого не боюсь, кроме одного человека» (ответ: огонь и вода).

Эвенкийская старая песня в настоящее время не бытует. Нет ни одной песни с твердо устоявшимся текстом, которую могли бы исполнять многие. Как молодежь, так и старшее поколение танцуют под пение якутской хороводной «Охукай». Только изредка (летом) эвенки танцуют под эвенкийскую песню-пляску «Гэсугэр».

Песни-импровизации сочиняются обычно старухами и стариками за праздничным столом. В них они воспевают родную природу, жизнь и труд людей. А. С. Кульбертинова, автор песни № 8, воспевает реку Токко за то, что в ней много рыбы, а в ее лесах множество пушных, конькных зверей, на ее берегах живут смелые и храбрые охотники. Почти такое же содержание и песни о реке Чаре.

В импровизации А. С. Кульбертиновой «Нэгэн» говорится о людях, рожденных, чтобы быть счастливыми и радостными, о молодежи, которой завещал великий Ленин учиться и трудиться. Примерно такое же содержание песни-пляски «Гэсугэр».

Как в песне-импровизации «Нэгэн», так и в плясовой песне «Гэсугэр» есть сходные моменты, указывающие на общие традиции сложения песен, например:

«Нэгэн»

Умнбён балдіңнарап,
Гёвнал балдіксай,
Эңиәрап хөбэрэ!
Тар д'үүдүн хөбөд'өрөп!
Тэткэ бирекин тэтнэл!
Д'өнгө бирекин д'өннэл!

Ведь рождаемся раз!
Вторично родившись,
Не можем мы петь!
Ради жизни мы поем:
Если есть одежда, одевайтесь!
Если есть еда, ешьте!

¹⁷ «Громадная беда обступила, злая гибель притиснула». Там же, стр. 94.

¹⁸ Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору, стр. 20, № 18.

¹⁹ Там же, стр. 209, № 64.

«Гэсугэр»

Д'урә, иларә балдіксаң
әтәрәп гэсүбәрд'эрә!

Дулгү дуннә дулиндүн
евидбәр балдічат!

Д'эвгү бирекин, д'эвгүиёт!
Тэткә бирекин, тэтчиёт!

Ведь двух, трех жизней не бывает и гэсугур цоот только в течение одной жизни!
Посреди средней земли родились мы, чтобы есть и плясать!

Если есть еда, будем есть!

Если есть одежда, будем одеваться!

Из-за постепенной утраты родного языка как средства общения песни-импровизации не получили широкого распространения среди токкинских эвенков, и их исполняют лишь сами певцы-импровизаторы.

У токкинских эвенков также постепенно исчезает исполнение круговой пляски «икэн». При исполнении этой круговой пляски употребляются традиционные слова-припевы, например, «Гэсу, гесу, гэсугэр» без смыслового значения.

Для аяно-майских и кур-урмийских эвенков в такой круговой пляске характерны запевы-припевы:

аяно-майские

Эд'о, өд'о!
Андә, андә!
Эмәкб, өмәкб!
Идә, идә!

кур-урмийские

Э! хәд'о! хәд'о!
Э! городу! городу, городу!
Э! хуюй! хуюй! хуюй!

Слова запевов-припевов постоянны.

Песня, сопровождающая круговые пляски, начинается в медленном темпе, а затем постепенно ускоряется. При этом движения участников круговой пляски делаются наиболее энергичными (у аяно-майских и кур-урмийских эвенков), а олекминские исполняют круговую пляску «икэн» так же, как якутский «охукай».

В текстах есть две детские песни «Деревья» и «Коршун».

Песня № 19 «Запев и припев» записана от М. В. Логинова. Она была сочинена шаманом Поротовым (Лалигир) Иваном, по прозвищу Кэллэрәк «хромой». Он жил в селе Явурин Верхне-Буринского района Амурской области.

В преданиях рассказывается о прошлом эвенкийского народа.

Наши наблюдения над бытованием устного народного творчества у эвенков Олекминского района ЯАССР и Аяно-Майского района Хабаровского края показали, что многие виды фольклора (сказка, сказание, предание, загадка, песня) на эвенкийском языке у эвенков Якутии исчезают благодаря измененияшимся условиям духовной жизни и все большему переходу на якутский язык в домашнем быту.

ТЕКСТЫ

1. ТӨРГӘНӘЙ, АЛТАНӘЙ-ДА, НӘКҮНТИН НӘЛӘНЧИК

Умүн тәбәлтәнәниду хунат хәјелчә:

— Төргәнәй акийал, әр инәйләду өнәйкүч, дәмәрикулчә, оронов д'аваксäl, минду өмувкәллү.

Төргәнәй бәйурән, андагиwa д'аваксä өмуврән. Тар әмәксö, Төргәнәй хәңделчä:

— Нәләнчиккәй, нәкәйәл, әр андақит әвйд'екәл!

Нәләнчик әвйд'еллән, әвйд'еллән. Акнилин бултажина:

— Нәләнчик әвйд'екәл-дб, әвйд'екәл! Эвйд'әчә әвйд'өңәрән. Тар әвйд'екес, умүн тәбәлтәнәни Нәләнчик хәбәллән:

— Төргәнәй, акийал, әр андағихүн әрүкүн, иктәлд'иви кикчäвкىй, охыктатпи охывкىй, хуңтукбнö д'аванакал.

Төргәнәйкүн, туксахукичиксä, туксакива д'авачä. Эмувуксö, нәкүндуви бүйнәрән. Нәкүнин әхилә туксакит әвйлчä. Эхилә әйд'аңынәрән. Акнилин тикин бултаничäл. Бултаниксаł көхө әхилтәниә әмәчзәл. Эмәксäл әхиниңнәрә. Тадук тәбәлтәнә тәбәнәрә. Нәкүнтиң и'ән хәңделчä:

— Акийал, акийал, мү-деңби әхид'ин йра, ёкун-дә әхид'ин йра орокбнди д'ахиккәнан әкал.

Төргәнәй әхилә орокбнди д'ахиккәнан блән, мү-дб әхид'ин йра, ёкун-дә әхид'ин йра. Окса әтәңнәрән, тадук нәкүндуви бүйнәрән.

Д'ур акнилин бәйуд'әхине. Тикин бәйуд'әхине. Нәләнчик орокбнми д'ахиккәндуви димәчйинин, тадук Нәләнчик дукувүнима дукулчä: «Күрәнай әмәбнин, минәвә ахийави ганбҗин». Дукувүнима орокбнниуми умүкбнди д'ахиккәнди дірән, тадук д'ахиккәптикйи гүнен: «Си Күрәнай ойбондулын йүдбви», — тар гүйиксö, д'ахиккәнми мян ойбондуви дірән.

Умүн тәбәлтәнәниду Күрәнай бökәнниң ойбоними хулталичициңнерән, хулталичициңнәрән, тар арай д'ахиккән ойбондулын лупор тарйалла хәтакбичайттын. Күрәнай бökәнниң лаңгалицинаран д'ахиккәнми, тар лаңгаликсе, хурұнуңиброн діскәкій Күрәнайдулб. Қе, ахила Күрәнайдулб ихинуңиараң.

— Эр ёкун ымарән, ойбондулайт йурән, ичекәл, — гүнә, Күрәнайду бурос, Күрәнайдың иирон, тадук ячверән, иченән дукувүни, тациллан. Тациксä, ахила хурухиладән. Муриними д'аваран,

кулуйиллэн. Мурунми кулуйиксб, ампардукни аракийкбүнма гаран, сибайбави өмнек, тадук элән'икүн д'өвгөвэ тэйин, тэйнэ хергадүви тэвурён.

Эхилэ, тэйиксб, тэйиксб юнөхиллэн. Тэйэрэн-дэ хөргадуви бираиль хуктуухинан. Курэнай хуктууд'энэ артикула истан. Кэ, эхилэ артикули муринми туктивкэнэн. Туктирэн-дэ муринми кулуйилгэрэн, тадук хергадүви уййэн.

Курэнай уркэлэй йрэн. Нэлэнчик өмууцкбон бичэн. Курэнай дороволостон, гүнэн:

— Акийлли илэх хуручбтэн?

Нэлэнчик гүнэн:

— Акийал бэйуксбл, өчир өмэрэ.

Курэнай гүнэн:

— Тадук эхилэ осталби бөлөннбэл, бий акийлдус көхиви аракийлба омуум. Эр-дэт акийлли өмэд'өлль. Көхийэви омуувум.

Нэлэнчик араснаи сокускалба ирикучилиунбэрэн. (Уллокбүн сб кэтэ биннэрэн). Ирид'эмий этэннэрэн. Бэйчэл акийлин өр-дэт өмэрэ. Йре Курэнайва дороворо. Нэлэнчик сб кэтэ д'өвгэлэв осталдуви нэйтэрэн. Нэлэнчик хэбэллэн:

— Торганийкүн, Алтанчэл, акийал, осталдувар дагадүн таёж-кэллү, аянакий-бэйэх көхийвэн д'өвулкбллу тар нууцан сунду көхийч бичс.

Курэнай Нэлэнчик акийлдүн аракийва ўцкүнб, ўцкүнб буд'эрон, Торганий умд'аксбран, Алтанчэл бими өхин умна. Алтанчэл акийни нувчллан:

— Торганийкүн, акий, ёдь-юан соктод'онии! Ёкунави тэд'зэд'янни? Тар хүнтуво бэйэвэ, энэ хэрбид'эрэ мэнэкэн умуунинни! Би-дэ ёнэм умна, би-дэ ёнэм тэд'бэрэ.

Торганий сбт соктолкууттан, моста дулиндуулэн тиктен. Тикиксб, эхилэ таду хун'иллабч, элчб тэжэвтэ.

Тар бид'эректи, арай Курэнай д'у дүчин мунинуктуун дүчин гуулувумо иламалчача. Тикин д'у д'өгдөлкууттан. Торганий мбста дүйндуун хуклбд'эрэн. Алтанэй хэбэллэн:

— Торганий акийал, лородокби бкса, дэжилмечин бичс. Бий дилкэчэн бмий-дэх дэжилим.

Алтанэй дилкэчэн бкса дэжиллэн. Торганий лородокби бкса дэгилиллэн. Арай Курэнай түннукту адилч. Торганий дэжилд'янэ адилдү лумпбс тацаан. Курэнай туксаны өмечэ. Эмекс, Торганийва сэптүви дүннэрэн. Курэнай гүнд'эрэн:

— Эдук бий нууцанмэн көхөүид'ајб! Токунмө-Алтанэйва, бокониксб, д'авад'ајб, тадук көхэбийд'ајб нууцанмэн!

Курэнай муринми кулуйшэн, хөргадуви ахийви таёжвекбнэн, тадук н'брэхинмувкэнан. Мбнин муриндүви н'ян тэжэрэн, авдулба тахихинан. Нэлэнчик н'брэхинан. Биралд өвкучбл, ввуксбл ахийн гүнчб:

— Кэ, сий мбнни-дэ н'брэкал, бий хокторбнмо ахим сэра, бий тахикта. Курэнай н'брэхинан. Гё турэн амардукни авдулба ти-

хилд'аллан. Нәнәд'әңмәру-у. Арай уңиһәй Алтакәй һәјәкәрин илә:

— Төргәнәй, акыйл, «инмәкән-де әксә, буруд'öйөв-дö», гүнәкис-ка, инмәкән әксә, бурукул!

Төргәнәй, инмәкән әксә, буурон. Нәләнчик амарлә әмәд'әнә гүнчө:

— Бәйәл, әр ёкүннүн буурон?

Күрәнай дәлдікәс, н'ай уңирикең, инмәнә сәптуви дран. Н'ай җәнжинә әхилә.

Тар җәнәд'әрактىн, Алтәнәй хәյәрин илә:

— Төргәнәй, акыйл, «чийәкан әксә буруд'үйөв-дö», гүнијикс. Кө-на, бурукул!

Төргәнәй чийән әксә буурон. Нәләнчик, ичәкес, гүнән:

— Бәйәл, әр ёкүннүн буурон?

Күрәнай әмәрән-де гүнән:

— Еда буруңнокутчурун!

Гәксә, сәптуви димәлчәрән. Н'ай җәнәд'әүнәрә, җәнәд'әүнәрә. Эр җәнәд'әрактىн, н'ай Алтәнәй әүнәни дәлдівулчä:

— Төргәнәй акыйл, синци д'улдөс хүнту әбин, миндй д'улдөс хүнту әбин. Эдук әлбетта-дö әтәм, дүүттö-тö әтәм! Умиәт тарит хүйдтö!

Төргәнәй Күрәнай сәптуүн җәнәд'әрән, бурунбичтим давдаран. Күрәнай д'улән иста. Күрәнай ббәрткىкви гүнән:

— Ойкучаккүна сунтаккүнди улбоколлу!

Күрәнай ббәрткүн кетәкүн. Нуцартын ойкучаккүна улбала. Тар улбосыл, Төргәнәйкүнма ойкучактулай ийдәицара.

Күрәнай умүн ахый, умүн ахй иримүчүч бичә. Арай тарицилаб умутол әхалбатын улбтич, калтакалбатын халыкарбатын коксоңоччо, калтакалбатын җалабетин н'ай коксоңоччо. Тар коксоңоткес ахалба д'улуви ибдүчä. Менин ахий'үнми нулгихинән. Тар нулгид'әхинән. Иртіккай-ка нулгипәвән үй-де әвки сара. Тикин хурупнуру.

Ахакур әхилә таду битчахина. Умүн тәјәлтәнениду, арай тар ахал Төргәнәйва гәләктәчилилә. Гәләктәчилилә әлгемәтчәнәл. Ахал рүмәтчара:

— Йау-яң имаркал? Тар ойкучакка бакајат!

Тар ойкучакка гәләктөллә. Тар гәләктад'әнел ойкучаккүнма бакара.

— Э, в! Ойкучаккүн иду аппалачакуттон. Эду-яң имачал! гүмәчиллә.

Арай ойкучак дәйиадукин Төргәнәй хәյәкәрин илә:

— Төргәнәй, Төргәнәй бил'әүе бимй Күрәнай әхалбап улб'öйөв. Би иудаң, екунла-ваа ухийкән тикивкәллү! Күрәнай күрәлдүкиш тавуксай томкоколу. Томкоксой тикивкәллү. Би, лородокан әксә, лумбурчана түктid'ајни.

Кәна, ахайл томкочол, томкочол. Томкоксой ухийкәллөр тикивкәлләр ахилә. Төргәнәй хәйәлләнні:

— Атіркәкүр, атіркәкүр, умүн айайа өд'аңға хитекенд'и абулан, томокосбәл сирақаллу!

Ахәл, кә өхіле сиралла. Чуптуликсәл сирачәл. Сираксал, ти-кивкәллә, «городокан бкә, лумбәрченә туктід'әңғ», — гүннәл тикиврә өхилә. Ахакүр нујанмән тәлла. Тәнијнара, арай тән-наткин, городокан бкә лумбәрченә туктиңәрән. Төргәнайкүн туктірән-де мәнин мәнд'иви бран. Төргәнәй ахәлтікій гүнен:

— Эдү битекән әкаалду, тәкійа вәкса, әмөвд'әңға, — тар гүнисе, нунаң үнәрән. Эр-дәт тәківа әмууров. Гөзокүнма иларан, ул-дүттои, силаңнаран. Кә, д'әлби улірән. Эр ахәл д'әпкүчиңәрә. Улирән, тадук Төргәнәй хәңделкүчіллән:

— Төргәнәй, Төргәнәй, бид-дәкә әба бид'ем. Минду со нада бран блікүр. Олікүр, блікүр, әмәкеллу, әмәкеллу!

Ан дойдү әлікүрин дәғнәл әмәре-вәт. Олікүр Төргәнәй ул-әңжилбән чоңкинал д'әпилла. Төргәнәй-турән и'ян хәңдәд'екиллән:

— Олікүр, блікүр, минди гүнәвәв д'алувкәллу! Суксәйә сәд'біңахун, соң нарададу иллан тари!

Д'әптә, әтәре блікүр. Умүн блікүн һәңделд'өхинән:

— Төргәнәйкүн, Төргәнәйкүн, — си гүннәвәс д'алупкид'әңәві д'үлләләй әмәд'әңға. Соң горокүн, д'ур долбони өд'әллакин әмә-д'әңға. Олай «Күү!» гүнд'әмнәк дәңжалкүттән.

Д'ур долбони әкіду илтәнд'әңән! Төргәнәй тәкілба вана, вана ирүд'авкі, мәкчикбәччин тәкілба йруна әмууувкій. Кә, өхіле бид'әңнәре, бид'әңнәре: тәңделтәне тәжексәл, аләчивкіл. Иңәудү-лий әд'әлікәнин бра «Кү!» — гүнно, Төргәнәй д'үләдүн дәкү-чиңнаран блікүн хәңделлән:

— Төргәнәй, Төргәнәй, гүнновәс д'алувуксә әмууум. Тіңәнми инҹактадүн хоривуксә әмууум. Тіәвә әчин бичан, тәра сирбиксә, нарадави д'алувкәл.

Төргәнәй тіңәккүнмә гаксә, сирбидлан тіңәндукин д'аваксә. Тіңәвә д'алумкәкій сирбираң. Тар мүжитпи ахәлба булкуран. Арай ңалатин ңалатпи бран, ҳалгантин ҳалғанд'иви бран, әхатин әхатпи бран. Ахәл ахалгачир бра. Бәңдәтірән ахәңжаби, тадук Төргәнәй хәңделлән:

— Төргәнәйкүн өхіле айакәнма бран, атіркәкүр, әкеллу ак-сәд'ара, Алтәнәй гүнәрі иәкүчі бичәв. Тарыңи гәлбіткеңд'ем. Күрәнай әхалбән уләтід'оңбы!

Тікин хороптікән бкә дәңжиллән, Алтәнәй үд'авән мүнд'әхинен. Мүйд'әнә үд'авән бакаран, үд'алын үенәд'әңнәрән, ңәпәд'әңнәрән. Арай тар үенәд'әнә, и'аня'алә исті қадаралә истан. Алтәнәй тоқоңимо илачә, тәдү хибритчана әд'аран.

Төргәнәй и'урмана үекексә, лаңғалиран Алтәнәй аркандукин, д'аваңнаран нујанмән. Д'авачәлә өхіле гориҷилиңнаран. Гори-д'ана д'олокурба ултурутікій, бургивкій. Тадук өхіле хәңделд'өхинән:

— Д'әпд'әңғ-да бимй д'әпкәл! Элбә-да бран! Д'олокурба-да бургим, Сәтәкә бихинни, д'әнд'әңға бимй өхіле д'әпкәл!

Төргэнэй өхилэ хөжөрөн:

— Төргэнэй-гү бихим. Ёкуунмий-цангт орнад'анин? Курэнай ёхалбан улонојот.

Гё дилкечен оча, гё н'ян хоропткэн оча. Даран дээшиллэ Курэнайна гөлөктэнхинэ. Тар цэнэд'өрөктэн ёмуткуү бичээ.

Кэ, эду чайтијэт, дээрумкий-јэт, -- гүнэн акинни.

Тар дээрумкий-өрөктэн, арай өр ёмут мүкиүн тикин ёчин бүнэрэн, тикин олготтон. Тадук н'ян тутумчо бид'яյнэрэ, арай өр ёмут мүт н'ян билэ билбдүүи бран.

— Эдээ тикэн олгохинчараан, ёдээ н'ян д'алупихинчакүттэн? -- улдэд'хиннен Төргэнэй.

— Энэ сэра бид'өчэл бихил, урекүн, д'ай-цу гүнчэнэт, арай букатир-бийнкүн бүнэрэн өр ёмут д'апкадун.

Кэ-нэ, тара дацамачилкууттан Төргэнэй, дацамаксэ Төргэнэй хэбэлд'хиннен:

— Амуткакүн мүн ёда олгохинчавкй, ёдээ д'алупихинчавкй, тара улгучокол. Би Төргэнэй бихим, улгуроби улгучокол!

Сöний хэбэллэн:

— Бий-дэвэн, бий-дэвэн Багдапкйкүн бихим. Төргэнэй, ёкуума наадайкитпи тэдэвэклэ миндү. Би Багдапкй бихим.

Төргэнэй хэбэллэн:

— Багдапкйкүн, амикэн, би гүнновбэ д'алупкйд'ав! Куренай ёхалбан улбдбүүн бөлөкэл, мунэ бодокол. Куренай д'ував тојот каторонон. Мууцуй ёксбдбви.

Багдапкй гүнён:

— Төргэнэй, Төргэнэй иекбкэн, гүнновбэ д'алупкйд'аюв. Си-дэнжэн н'брэкал! Куренай йду бид'өрэн? Би нуцанмэн хөхөнжид'энэв.

Кэ, өхилэ бутун ёмут мүвбн багдаран. Төргэнэй н'брэхинан. Багдапкй амардуктии паксуканд'апкй. Тар өхилэ паксуканд'анал цэнэд'өчэл, цэнэд'өчэл, Төргэнэй н'орад'ача. Тарнукэн цэнэд'өчэл, цэнэд'өчэл. Тар цэнэд'өрөктэн арай Куренай унёкбнин ичөнүллэн. Төргэнэй гүнэн иекүнткиви:

— Ичнэквэл Куренай-бу, хуяту-бу?

Кэ-нэ, ур омолгий, ичнэнаксэ, эмэйнэрэн. Эмэксэ, гүнён:

— Куренай бид'өрэн.

Кэ-нэ, өхилэ цэнэхиннижэрэ. Нэнэчэл, цэнэчэл, горючираклэ, даргиддүүвар Багдапкйва д'айара, мөртн хурухина. Төргэнэй-күн Алтайнай д'укрий ирэ Куренайдула. Арай төгөтчэрэ д'укрий. Нэлэнчик лэчблйрви-дэ чаймумуллан,

— Эх акинлби вмэрэ!

Чайн'икитин хүйуллан, кэ, остолдү д'өвгэлвэ, аракийлба иэрэ. Эхилэ аракидалла. Төргэнэй н'ян соктолуулсан. Алтайнай өвий умна. Куренай Төргэнэй соктолибон мэдэча, н'ян дэциин муннуктуви лицен гулувүнма илаача.

Төргэнэй гүнён:

— Кэ! Алтайнай гэннэвэл Багдапкйва!

Алтайнэй түксака��уттан, түксүкүтгөн Багдапкила.

— Кө, Багдапкі, амйкән, юнәцүт! Багдапки ташалә әмәкса, мүциң түкүттон, Алтайнэй түксана юнәрән, Нәләнчик хаагандукки тайлан. Урәткәк мәртүн түксахина. Курәнай мәтәй курча сохулун әйәхинә. Тикин курча ачин бра. Уралә хуруксөл, Төргәнәй өхилә ҳәбәллән:

— Багдапки-амйкән, өхилә д'уләви юнәктә. Айакаима әналис, бий-дә сийду байланыдукки бүд'әлим. Си-дә д'уләв юнәктәкәл!

Кө, өхилә юнәд'әкүтчөл. Төргәнәй н'брәхинчә Багдапки амардуктиң юнәхинчә. Йәнәд'әңнәрә, юнәд'әңнәрә. Нәләнчиккә кавкадукки ухыйкүтчөл, ируд'анәл юнәвчөл. Арай Төргәнәй д'улән искучијнара. Курча Багдапкитай иста. Төргәнәй сохулби тасчә, тасчә, әдүкта көтөкүн сохүн бичә. Тар тахикса, тахикса, Төргәнәй ҳәбәллән:

— Багдапкүн-амйкән, эр бид'әри байланмәв калтакәвән юнәвкәл. Кихака��үр брактүн синдулә үлбәнд'օյбә.

Арай Багдапки амյакүнми аячай-дә, гүнчө:

— Амжайәлів тахилкүтка!

Кө, тар амյалән Төргәнәй байланми калтакәвән тахилкүчијнаран. Төргәнәй гүон:

— Кә-нә, калтакән өран.

Тахилкүтчами әтәрән. Багдапки паксукәнд'ахинан.

Тикин Төргәнәй Алтайнәйнүн, Курәнайва кейиксал, нәкүнмәр ируд'анәл апкисал, умүкбәндү бид'әлле.

2. ПУТОНОЙ-ЭД' ЁКҮН, МӘҢҮЛТӘ-ЭД' ЁН

Арай Путоной бәйүктәнә мәнигиви амյави иргид'әрен. Тар н'әкәд'ә-не отучи. Умүн коюнокува вәча. Тарији бутуннүүбөн силачә. Таријиң калтакан ирчө. Согдончови хијитчана хуклад'әрен. Кө, тар бид'әнә ҳәбәнмә дәлдіран. Байеткү йду-да бихин өвки сәвра.

— Алтайнчакүн бихим, Путонойкүн бүтүлүвни ёкүнма сәна хуклад'әнни? Алтанд'и д'әривчә, мәңүнд'и-кө моривчә нәкүчикә биркәс? Таријиас һөзүн диличай Д'әвүлтә, вакса, хурурун.

Путоной гүнд'әрән:

— Күңәкәчән бине, дүннөвө ёдә чөчәрид'әрен? Икәндічән өмәјечи, кадаринча моролкөн атігам, дулгу дүннө дәңин дәгкіттәйн дәүйләд'әп.

Тар юнәд'әрәктин, арай һәбән, һәбән оча:

— Путонойкүн — Эд' скүн тикиндеңни ёкүтчани! Мәңүнди мәривчә, алтанд'и д'әривчә нәкүнмәс һөзүн диличай Д'әвүлтә, вакса, д'әвүкса, хурурун.

Тара дәлдіксә, Путоной гүнд'әрән:

— Энәде-вәл мәдерә, аваккәвүн; өнә мәдерә бид'әчөв. Күңәкән бине, ёда юнәктәхичен? Икәндічән өмәјечи, кадарма морокөн атігам, химәмийт юнәрәт!

Тар јәнәд'әнә күхйкиттуләстан, нәкүнми ичвәрән. Нәкүнин гирамнағдан әмәнмучә. Тәду соңод'оллон. Мурин һәҗәлчә:

— Торгийя, торгийя! Путонойкун Эд'әкүн, ёда соңод'онни, окин-ка айд'әјат! Аңиулил сәндулил иյәхикәл, тәду д'апкун дарикта кимни бил'әјән. Тара гакал. Ділачә Йүксәнтикин минә д'авакса, д'апкун дарикта кимнитни кохиликал! Илалләди-н'үн әмәл'әңәвә. Тар әмәрәкүв, багдарин чөвикса н'әхәңичи бил'әјән. Тара тиңеду сирбина гадави. Нәкүнми гирамнавән билә биләдүн нәкәс, тар н'әхәңид'ив умуд'әңәс.

Путоной муринми сәндулән йәрән. Тәду д'апкун дарикта кимнит бихим, тара гача. Ділачә Йүксәнтикин муринми иливукса, д'апкун дарикта кимнитни иларәкән кохилиран. Путоной әмәнмурән. Муриннил илаллакса әмәрән. Тар әмәрәкүн, багдарин чөвикса н'әхәңичи. Тариңди тигаду сирбиран. Нәкүнми гирамнавән билә биләдүн д'авакса тариңитни ивирирән. Арай бәйә-бәйәтни бран, ләчес иллан:

— Путонойкун-Эд'әкүн, ақйәкүнми, айд'акса-гу, ёд'акса-гу, тәбәэм.

Путонойкун-Эд'әкүн гүнд'әрән:

— Мәңунд'и-ка морәвчә, алтанд'и-ка д'әривчә, ёда дүнне чөчбәвән чәчәрид'әңбес? Бүзәләви хуруд'укүл! Би бунәдүви буд'әңбә, иннәдүви инд'әңбә.

Муринтиң хәҗәллән:

— Торгийя, торгийя! — Мәңунд'и-ка морәвчә, алтанд'и-ка д'әривчә, гирамнави маңллакин гиркудайви. Путонойн'үн бү иннәдүвәр инд'иңевүн, бунәдүвәр буд'иңевүн. Мәдәчى биләвү, тобакнудулас ийд'әјән.

Мурин Путонойтики гүнән:

— Д'әүнинулаш сәндуләв итәхинекис, тәду мәңумә кироват бил'әңән, тәду ахикал!

Путоной шәхинен муринми д'әүнину сәндулән. Кадарма морокон ятија кәле хурухинән. Нәңәд'әчә, јәнәд'әчә. Тар јәнәд'әнә, Нәңин дәлий Д'әвүлтәвә тар-дат бокончо. Тар боконикса, мурин хәҗәлчә:

— Торгийя, торгийя! Нәңин дәлий Д'әвүлтә, си-ку бәд'анни, бу-ку бә'рав. «Күңәкәнма-бәйәвә бачам», гүнна, эквәл хәгдәллә.

— Путонойкун-Эд'әкүн, бүнни-ку, иннени-гу? Йұмалчәкәл.

Путонойкун-Эд'әкүн, арай лупбр Йүрән. Тар Йүкес, күнжан н'ан хәҗәллән:

— Нәңин дәлий Д'әвүлтә, әхилә йлқалд'әлләп!. Мәңунд'и морәвчә, алтанд'и д'әривчә Мәңултәкән-Эд'әнме, күңәкәнма-бәйәвә ёда бәкса, хурунни?

Д'әвүлтә әтәкбүттән, ин'әхикүттән: — Аха-хик! — гүнис, тадук хәҗәллән:

— Герәл, герәл! Аягу-нән ионод'оп?

Путоной гүнән:

— Си ионокол!

Йәүин ділічій *Д'өвултә* мәчикитпи гараңдачә. Путоной *Д'өвултә* мәчиккән тәвөәб, тадук кампаритчә. *Д'өвултә* ичәткүтчә, тәдук уккәнд'иби н'ән *д'улұңундöбө*. Путоной тариңџан лаңга-лайчә, тәдук капугача. *Д'өвултә* ичәткүтчә, тәдук гидаканд'иби н'ән *д'улұңундöбө*. Путоной тариңџан лаңгалайчә, тәдук иријача.

Д'өвултә хәбәләчә:

— Герол, герол, герол! Сәбилбәв чукчачинни. Нәлал солд'инвар күхйлд'елләп!

Кәнә, лаңгаңдалдәчәл. Путоной колтовкі *Д'өвултә* дулиндулайви йәхиргәрд'ин. Тариңкүнин билб билдүви н'ән намаралдівкіл. Умүн анjanйва күхйчәл. Арай йәүин ділічій *Д'өвултә* Путонойво бутоқтблч. Мурин хәбәләчә:

— Торгийа, торгийа! Беңә калтакан бәңачай-ка, ділача калтакан ділачачай-ка әмәксекил, кейивд'әківүн өран. Үбиский гүнми, мәңүнд'и морәвчә, алтанд'и *д'аривч*а хутәчил-де бичбүн. Толкин-дулән йүнин.

Мәңүнд'и морәвчә, алтанд'и *д'аривч*и Мәңултә *Әд'ән* толкиттан, хәбәллән:

— Хәрика, хәрика! — Хәргүйәдү дүннәдү Путонойво-бәйәвә йәүин ділічій *Д'өвултә*, вәксә, *д'әвд'әрән*, гүнд'өра. Икбидічбі әмәбәчи, кадарма морокон атіба, турбайәлвәв дәлдікал, химат миндулә әмәкел!

Тарнукан мурин әмәрән. Мәңултә-*Әд'ән* муриндуләви укуран. Химат әмәрән. Арай ичәрән — йәүин ділічій *Д'өвултә* Путонойво мудуд'әне *д'әвд'әрән*. Мәңултә хәбәллән:

— Хәрика, хәрика! — Йәүин ділічій *Д'өвултә*: «Күңакачан би-ңәхій бәчәм», — гүннебүн, әкәл хәгділлә! «Путонойво-бәйәвә, хагдачаша бәйәвә бәмй-вал» — гүннә, әкәл, әкәл хәгділлә! Йәүин, йәүин ділчәнмас, йәүин, йәүин боқотоючинна хәрәкүпчәд'өлим.

Д'өвултә ичәхикүттән, н'ән «аха-хик!», — гүннә, ин'әд'әрән, тадук гүнән:

— Авгу ионод'ороп?

Мәңултә гүнән:

— Кә, ионокол, сағді бәйә комоид'оңс, кейівмій.

Д'өвултә сәбсә ёчин бәйә, арай умүкбін мәчикин бичә. Мәчикитпи *Д'өвултә* гараңдачә Мәңултәтәкій. Мәңултә тариңџан лаңга-лайчә, компаритчә. Тәдук боеототпи умнокбін йәүин ділбән тон-норобор иктәчә. Акйими гирамнавын тавуксә, бужаләвій хурухинчә. Күхнікттулә исчә, тәдук, нујан хәбәләчә:

— Хәрикәй, хәрикәй! Икбидічбі әмәбәчи, кадарма морокон атіbam, миневе он авгаранчас, тіке авгаранд'алинни акйимав!

Мурин турбчиллән:

— Торгийа, торгийа! Мәңүнд'и морәвчә, алтанд'и *д'аривч*и Мәңултәкбін-*Әд'ән*, аңжүлів сәндулай иңәхикел, тәдү *д'апкүн* да-рикта кимн'и бид'әїн, тара гакал. Ділачә йүксәйтікін миневе *д'аваксә*, *д'апкүн* да-рикта кимн'итпи иларкән кохилайкал! Илал-лалай әмәд'әїз. Н'өхәңкүнни багдарин човиксан бид'әїзи. Тара

тігедү сирбидави Тадук ақинми гирамнаван билә биләдүн иңкес, тар н'өхөңид'ив имудбви.

Кө, Мәңулта муринми сәндулай иңхинчә, тәдук д'апкүн дарнекта кимн'ива Йувчә. Ділачә йүксентікін муринми д'аваксай, илардай кохилича.

Муринин, илаллаксай, әмәчә. Муринми н'өхөңији сирбичә, ақинми гирамнаван билә биләдүн иңкес, тарит ивирчә. Тарит Путоной-Әд'екүн бәйе-бәйетви әчә. Мурин хәбәлчә;

— Торгийа, торгийа! — Мәңунд'и моревчә, алтанд'и д'аривчә Мәңултәкен-Әд'екүн, кујакачан бинә ңәнәктәд'екес сәт-тә өрәй-дөнни! Бујалави ңәнәд'екел, аят бид'екел!

Ке-нә, хүйттіре. Путоной-Әд'екүн хурурун. Мәңултәкен-Әд'екүн бујалави ңәнәд'өрән.

3. ЧИПАН'УН ТӘПӘРӘКЕН

Чипа д'олодү д'үтәвкі бичә. Умнәкен чипа бакалдічә тәпәрәкенмә. Тар бакалдікса, тәпәрәкен гүчә чипаткай:

— Чипа, н'брсајат! Сай минәвә тірәрәкис, бәйе әвкі будә әд'аңан. Бй синәвә тірәрәкис, бәйе бувкій әд'аңан. Таду чипа гүчә:

— Кө, н'брсајат! Сай-ку, бй-ку кейд'ап болжа! Тәпәрәкен гүчә:

— Кәнә, кәнә, н'брсајат! Нуңартын н'брсалчал, чипа тәпәрәкенмә мукчес әкин иәдәчә. Тар иәдәкса, чипа гүчә:

— Элук д'улвский бәйе әвкі будә әд'аңан.

Тәпәрәкен гүчә:

— Тар тікә әчә бихай, ионолй бй бујадув н'брсајат, тәдү кейми, төли гудбви. Кепа, суројст бујалав, — гүчә нуңан. Чипа гүчә:

— Сай-ку, ёдә ионолй тікә әчес гуна, си гүчәс: «Нөрсагат, үй кеййакин тікә әд'аңан», гүчәс. Тар-да бихикин, ке суројст бујалас.

Тарнукән нуңартын сүруре тәпәрәкен бујалан. Тар тәпәрәкен бујан арай маркүн бичә. Тар мардулә әмәкес, нуңартын н'брсалчал. Тәпәрәкен иргиви лалбукаду дойвалә тіпкәнчә. Тар тиқвникес, иргиви лалбукаду, нуңан ән-дә әвкі тікта. Тарит нуңан кейнчә чипава. Тадук ахилә бәйе бувкій әчә.

4. ЧИВКАЧАНИ'УН СУЛАКИЙ

Арай чивкачани мәду хутаңчә, умучә. Сулакий чивкачандулә, мәңцин тәквидулви әмәчә. Чивкачани чипичә: «Чип! чип!» гуна. Сулакий бимй үйиский ичхинчә, тар ичхиникес, чивкачанима ичечә. Тар ичекес, нуңан чивкачандук ханыұтташад:

- Аді хутәчй бихинни?
- Түніңа хутәчй бихим, — гучб чивкәчән.
- Түнүйкәнми умуктави әмөвкәл, тікинкәл, — гучә сулаки.
- Этім, этім бура, — гучб чивкәчән.

Сулаки гучб:

- Тәли бى түктід'әлим, чиңид'әңәм, хоңийд'әңәм мәңјас!
- Тар ңәләликсб, чивкәчәкән умүн умуктави бучб, тікинчб.
- Тара сулаки д'әвуксб, хуручб. Тар амардүн чивкәчәкән соңод'очб. Тар соңод'орокин арай бәчүүрәс әмәчб, тәдук хан-үүктачә:
- Чивкәчән си ёдә соңод'онни?
- Сулаки хутәвәв д'әптән! — гучб чивкәчәкән.
- Си ёдә-ка мәни буд'әнни? — гучб бәчүүрәс.
- Чиңид'әңәв, тікинд'әңәв, тәдук хутәлбес курча гад'аңәв, гучән сулаки.

Бәчүүрәс тәрә долдікса, гучб:

- Си ёдә акаритани, ёдә тікинкәнниңәнни. Эдук әмәрекин, «Екүнд'иви чиңид'аңәс, ёкүнд'и түктід'әңбс», гундәни!
- Эк, — гучб чивкәчәкән.

Тікә гүйксе, мәңдүүви дәчад'аран. Бәчүүрәс гучб:

- Кә-нә, би тар бохойкөндүләви угдухиңам, — гучб-да дә-бильчб.

Тар бәчүүрәс дәңилчәлән, н'ян сулаки әмәчя. Тар әмәксе, хан-үүктачә чивкәчәкәнду:

- Аді хутәкәнни бихин?

Чивкәчәкән гучб:

- Дікбн, д'әвчәс әчб бихи! Эдук этэм, этэм бура би син-ду, — гучб нуңан.

— Тәли би түктід'әм, чиңид'ам мәңјас, — гучә сулаки.

Тәдү чивкәчәткән гучб:

- Кә, түктікәл, чиңикал, сб бимй! Ёкүнд'иви түктід'әңс, ёкүнд'иви чиңид'әңс!

Сулаки хан-үүктаран чивкәчәкәнду:

- Чивкәчәкән, синәвә ўй алаңуран?

Чивкәчәкән гучб:

— Ботокән миңәвә алаңуран.

— Тар ботокәнни иртікбй дәңиллән?

Тәдү чивкәчәткән гучб:

- Тар «бохойнови увгахинам» гучбын, тәдук дәңилчбын, тара ўй-кб сад'ан!

Сулаки, тарә долдікса, гучб:

- Ботокбимо би д'әпнәд'әңбс, ёдә нуңан алаңустан, — гучә сулаки, тәдук гәлбектәнбхийч ботокбимо. Сулаки үәнәд'әчб, н'урмад'ана. Нуңан тар н'урмад'ана, ичәчб ботокбимо, бохбү-дүкви йүвбнди'әрівә. Тар йүвбнди'әрекин, сулаки лаңгалич нуңанман. Тар лаңгаликса, сулаки лавадад'аракин, арай ботокбимо гучб:

Сулакй, си нонолй ләпурәвәв д'әпилкәл, тәли бى втәм дә-
ңилкәсарә, ләпурәйә ачин бми. Таду сулакй «әләкин» гудәви
амјәви аյәд'аракин, ботокон дәңгүлкүттән. Гарит сулакй улбки-
чиарән ботоконду.

5. ӘКИНТІН-ДӘ, НӘКИЛІН-ДӘ

Со горо аңданыптыду д'ур иекүнәл-бейе бичәл, умүн әкічіл.
Тар әкінд'ивәр иуалгиктәд'әнәл гиркуд'ақәл. Акіндізу д'үрд'ар
илан аңданынүчі, иекүнин д'әбин аңданынүчі бичә.

Умнәкен боло уринчед'әчәл биракан дөрәндүн. Тар бид'әнәл
улгучембичивкіл әкакарва бичәл. Әкінтін гучә: «Мәдәтнәл, чаңи-
тіл амәд'әнүсті! Мутве ватымувкіл», — гүйівкі бичә.

Арай умнәкен ахилд'арактін лујир әкінтін йүд'әнә чаянитіла
и чечәб, идеңделдүн каптарұчад'арылва. Ичәксөк, нујан тәпкәхічә:
«Чаянитіләмәчел!» гүниә, д'үләві түксача. Тар әкінмәр турәхин-
нәлән, сағдіүй иекүнин, үәләйкесәк, бәркәнмән лангалайчә. Тар
чаянитілдін д'үватін тәпәмнәк гарпучәл. Эр сағдіүй иекүнин
гарпумачылдәви гүниә: «Бәркәнми тәникта», гүчә-дә хокос бекин,
тәчә. Некүнин бәркәнин көвирек бимі капургача. Акінин бәр-
кәнә ачин бекәк, вәвүгаликсәк айткәкі түксахинд'аракин,
Некүнин тәпкәхічә: «Акіңай! Экөл суптира мунәвә!» Тар гүнә-
вөн дәлдіксәк, акінин иллан. Иллакин чаңитіл акінмән гарпунал
вачәл. Тадук иекүнмән вачәл, әкінметін әммен вәрә.

Тәліптіду аңданылду ахийә өвкіл вәрә бичәл. Чаянитіл бейет-
көрвә вәвкіл бичәл «хәгділмій мутве ватид'әнүән», гүниәл. Эрәзәр
бейеткөнә вәвкіл бичәл.

6. СЕҚТАНӘЙ

Аңиду л'ур бейе бичә. Тар бәйел гәрбілтін гә Д'олоной,
гә Кадәнәй. Тадук умүн бейе гәрбін Сектанәй. Нујан ахичи
бичә.

Умнәкен Сектанәй бейиучә, ахин д'удуви әмәнимүчә. Тар бәйүкесә,
умүн бәйүнма вачә. Тар бәйицми хигиаца. Тар хигд'әнә, бейел
турәрвөтін дәлдіча. Арай ичәхинән — Кадәнәйна Д'олонойн-үүн
ахивән сурувад'уру. Сектанәйә ичәксә, ахин союлчо: «Сиквакун
бид'әкәл д'удуви! Эмүккәкен бид'әкәл, бәйицми д'әнәл'әнә бид'-
әкәл! Минци турәнмәв аркес дәлдіра! Ур би синәвә „әкәл суруру“
гүниркәв, „әрут толкичим“ гүниркәв, тікә гүнд'әрекин бейуркәс,
мәйни турәнмәв ана дәлдіра», — гүниә цәнача.

Сектанәй ичәхинчә, арай ахивән сурувад'эрә. Сектанәй Кадә-
нәйна гарпачә, таду кадарыцилин бутаричал. Тадук Д'олонойно
гарпачә, таду д'олоцилин хәтәкөрүчәл. Сектанәй Кадәнәйна Д'о-
лонойн-үнма ахалчә, бәйицми вәмәнәк ахалчә. Сектанәй вәмәрекин,
Д'олоной гучә: «Ке, ёд'арап? Күхяд'әреп!»

Сёктанэй д'олонойн'ун кухычбл. Тар кухыксбл. Сёктанэй кёйчá
д'олонойво. Тар кёйиксá, Сёктанэй Каданэйткى гучэ:
— Тулискى йүксэл кухибет! Кэ, авгу ионод'ороп? — гучэ
Сёктанэй.

Таду Каданэй гучэ: «Бий ионокто!» гучэ.

Сёктанэй таду гучэ: «Кэ, ионокол!».

Каданэй мэчикитпи гарандача Сёктанэйва, эчэ навкана.

Сёктанэй-кана мэчикитпи гарандача, навкана Каданэйва.
Тар давдича, кёйча. Тар кёйиксак, ахьви д'улэви сурувухинчэ.

7. ЧАРА-ЭН'ЙКЭН

Чара-эн'йкэн д'укейблэн юнэд'энэ,
чакурдахва ичетми,
Ексаканин, сицилия ичевуңкитин.
Тар ёкса ойбткйн ичетми,
йдү-таду д'акдакар ичевуңкитин
Ләбәктемел сектэчил.
Чара-эн'йкэн урэлэн сибжардүти
Бэйчбл, дэбйл кэтэ бивкил.
Эхиткэн он бихин гүнмий,
Чара-эн'йкэн сибжийн бид'ёктути? —
Тикин кэтэ д'ул илчэл.
Чакурдак-тэ эргэчин бд'аңян гүннэ,
өдөрдүви өкйн-дэ эчэв гүнчэрэ.
Д'алдамай-дэ д'алду ячин биччи,
Толкитмай-дэ толкйндү-дэ ячин биччи.
Тикин танյүйя ячир хоктокёр
Тарткай, иртий кэтэллэ.
Таткичил, интериатла нийре,
Тадук айткайчил нийре.
Ленин н'уңнинэн хоктолийн
Коммунистти партийя, Советти биласт
Упкагту айава бинийвэ иливд'ара.
Эр айава бинийвэ
Чукчатчарайл өмөрэктин,
Коммунистти партиятт кадаритпи илд'аңян.
Комсомол хутэлти курел бд'аңятин.
Пенер хутэлти өтэйчимнүл ёд'аңятин.

8. ТОКО-ЭН'ЙКЭН

Токко эн'йкэн кутуктура бира
мүвбн ичэтми,
ахари цбри мүчий.

Сокохинмұвкій оллочай.
Әр л'укдус-мәл урәлдү
Коңорин иңақтачай
Амйән көтә бивкій.
Буқарилә үәнәмій,
Сәктарилә үәнәмій,
Токй-бәйүн көтә бивкій.
Уксамалә үәнәми,
Мәиету көтә бивкій.
Сивеңіле үәнәмій,
Кумака-бәйүн көтә бивкій.
Амуд'илә кәриймій,
Андатир көтә бивкій.
Токко ән'йеки
Д'апканңадуккій улукічій.
Бираң дәрәхәлдүтін
андаси көтә бивкій.
Бәркә бәйә-бәйәчій,
Бултаңахә бултавкій омолгіхачай.
Токко-ән'икбін д'өвгөчій, идәбәчій,
тәрит Токко-ән'икбін д'алум кутучай.

9. ҚӘҢЕҢ

Нәбәмкәд'әм ән'йи, ам'ян
Бунәд'ин комәйкәнд'иви.
Кемус голохйтпи
Нәбәмій хәңед'әм.
Умнәкөн балдіјнарап.
Гәвнал балдіксала,
Әңжереп хәңдер.
Тар л'үүбудун хәңед'әрәп.
Тәткә бирәкин тәтнәл,
Д'өвгә бирәкин, д'әниәл!
Әдәрил куңакәр,
Әд'әлияр сағдана,
Ункагатту татнал,
Д'орсо ихәнкәллү!
Ақнилбар, әкнилбәр
Әкеллу омјоро!
Айат татнал,
Ленин гүннәвін турғынма
Әнәл омјоро,
Айат бид'екеллу!

10. ГЭСУҮР

Гэсүүр, гэсүүр
Гэсүүрдэксэн бд'ацат!
Гэсүүрлэб өмөкэллү!
Гэсүүр, гэсүүр
Балдинавар д'уцудун
Гэсүүрдэбд'өхтэ!
Д'урэ, илары балдикэл,
Этэрэп гэсүүрлээрэ.
Дулгу дунинэ дуайндүн
Эвидөвэр балдичэт!
Гэсүүр, гэсүүр!
Д'өвгэ бирэкин, д'өвд'ицэт,
Тэткэ бирэкин, тэтчицэт!
Митту ци-дб эвкий бэзилкэрэ
Советской билас бнадүн,
Н'элипнэвэр д'уцудүн
Эвид'энэл гэсүүрдэбэт!

11. МӨЛ

Э! Ирбктэкур икблэ,
Э! Д'агдакэкур д'арилла.
Э! Ахиктэкур ахалла,
Э! Чалбакэкур чаварилла.
Э! Тактикэкур тагдилла,
Э! Болгиктакэкур болгилла.
Э! Најтакэкур юлилла
Э, Сёктакэкур сёлла.
Э! Најнукаакэкур н'имнүллэ,
Э! Урекэкур урийллэ.

12. ДЭВЭЙДЕ

Дэвэксэйх хулакан'ун,
Н'эчуксэйх наийаксан'ун,
Байуксэйх ороксон'ун,
Кумакаксайх авдуксан'ун,
Муриксайх коңнокуксан'ун,
Сулакийксайх юнаксан'ун,
Улукийксэйх андаижсан'ун, --
Авгутин-ка айатаран?
Авгутин-ка мод'утаран?

13. НӨНӨВКӨЛ

1. Д'ур бэйэл гумэгчээрэ: — Си-кэнэ, би-кэнэ (*халгар*).
2. Кэвэркүн дулийн дүцэжин тэвчэд'эрэн (*цуңгурүү*).
3. Кирацкэн дүцэдүн сулакий коронин ичэвэд'эрэн (*сэлүүн*).
4. Чалбуккун дөбүдадун сицарии мурин кёцад'ааран (*инги*).
5. Умун бэйэ гүнэй: «Бүйттэксун д'эпд'эхэв, бкийдү-дэ өүнэм айувра» (*тобо*).
6. Би умун-н'ун бэйэдүк цэвлэд'эм, тэдүк-тэ ёкүндүк-тэ ахим ювлээрэ (*тобо*).
7. Д'ур д'элжкүн гүкчанд'ачал (*киңнэл*).
8. Дэжин бэйэл умүкби авучил бичбл (*остол халгарин*).
9. Умун бэйэ дбүидэн индяктачай, тулгидэн индяктаай ачин (*сивээске*).
10. Ахиктал тэкбэргүн узискээй бчал (*авдучар иргилтийн*).
11. Умүкбэнэ гокоду ухёвкий локочитмий, бки-дэ өвий локовро (*чипичий үмүктан*).
12. Сицарии авдучай олдоксово чивд'ааран (*ирээчүнэ, кухамна*).
13. Умун бэйэ анџаний калтакаён хэյзэвки, тэдүк өтөвий (*бира эйэнин ибин*).
14. Умун бэйэ мэнживи мёчниклий өвий кеййа бичб (*мүү, д'оло*).
15. Кэтэкүн бэйэл тускаийксал авучил (*иманначил цэкцэктэр*).
16. Умүкби бэйэ ицсэкүн бичб, ёкүндү-дэ ахи айувра (*тобо*).
17. Умүкби бэйэ мёванин, хакинин хуйуд'брю (*саловар*).
18. Унэхэними сајжиркта бичэ (*осноктажий н'аңн'а*).
19. Умун бэйэ гучай: «Минду ёдэ-лайн өрүвэ төхивкэниижнэрэс?» (*игдигүүн*).
20. Аладук-н'ун ала бичэ, сё ала (*ами*).
21. Д'ур коңиоку баргилта тојотчбю (*сер*).
22. Д'ур бэйэ мэмэрийвэр иктуумтчбэ (*киримкин*).
23. Умун бэйэ хэдэмма-н'ун, хэдэмма бичэ (*чбран*).
24. Сицикүн дөгидлэдүн сямай ишмианд'ааран (*аццај авданнал ицилтийн*).
25. Ойкучак дбүиддүн вру мичивун хуҗлэд'эрэн (*амакан корон-дүви билд'эрин*).
26. Коңорин дай коңорин урэвэ Խавус ёкин тикчб (*дил, авун*).
27. Үд'алий ёлаха-дэ өвий үэнэрэ (*тийэвүүн*).

ПЕРЕВОДЫ

Записано в 1958 г. в пос. Тяни Олекминского р-на Якутской АССР от И. С. Лыдиновой (Букачар). 1865 г. р., неграмотная, разговорный язык авенкийский и якутский, русским не владеет.

1. ТОРГАНЭЙ, АЛТАНЭЙ И ИХ СЕСТРА НЭЛЭНЧИК

Однажды утром девушка начала петь:

— Торганэй братец, в эти дни я очень скучала, мне стало тоскливо. Поймайте и приведите для меня игрушку.

Пошел на охоту Торганэй. Поймал он соболя и принес. Пришел Торганай и запел:

— Нэлэнчик, сестрица, играй с этим соболем!

Начала играть Нэлэнчик, играла долго. Отправились ее братья на охоту:

— Играй, Нэлэнчик, играй!

[Нэлэнчик] все играет да играет. Вот так, играя, однажды утром Нэлэнчик запела:

— Торганэй братец, этот ваш соболь очень плохой: зубами кусается, когтями царапается. Поди поймай мне другого!

Торганэй побежал и поймал зайца. Принес его и дает сестре. Стала играть Нэлэнчик с зайцем. Вот и играет. Опять отправились ее братья на охоту. Поохотившись, вечером вернулись. Придя домой, легли спать. Утром встали. Снова запела сестра:

— Братцы мои, братцы, сделайте для моей игрушки ящичек, сделайте его таким, чтобы туда не попадала вода и ничто другое не могло бы туда проникнуть.

Тогда Торганэй начал делать ящичек для игрушки, такой, чтобы ни вода, ни что-либо другое в него не проникло. Сделав, отдал сестре.

Снова оба брата ушли на охоту. Долго они охотились. Положила Нэлэнчик свою игрушку в ящичек, потом начала писать письмо: «Пусть придет Куренай, пусть придет и возьмет меня в жены». Она положила в ящичек письмо вместе с игрушкой и

сказала ящичку: «Ты выскочи из проруби Куреная». Сказав, она опустила ящичек в прорубь.

Однажды утром работник Куреная расчищал прорубь от льда, расчищал, расчищал — и вдруг выскочил из проруби ящичек. Схватил работник Куреная этот ящичек, взял и пошел к своему хозяину. Принес Куреная:

— Что это выскочило из проруби, посмотри! — сказал и дал Куреную. Куренай открыл, посмотрел, видит письмо, начал [его] читать. Прочтя, стал собираться в путь. Поймал своего коня и начал запрягать. Запряг он коня в сани, вынес из амбара много вина, чтобы устроить свадьбу, принес разной еды для угощения и все нагружил на сани.

Вот нагружил и отправился. Сел в сани и поехал по реке. Доехал Куренай до того места, где дорога с реки в гору полнилась. Вот погнал он коня в гору. Поднялся на гору, распрыг коня и привязал его к саням.

Вошел Куренай в дом. Нэлэнчик сидела одна-одинешенька. Поздоровался с ней Куренай и говорит:

— Куда же ушли твои братья?

Ответила [ему] Нэлэнчик:

— Мой братья ушли на охоту, не вернулись еще.

Говорит ей Куренай:

— Ну, а теперь приготовь стол, я привез для твоих братьев гостинец — вино. Скоро придут братья, я привез угощенье.

Нэлэнчик начала приготовлять разные закуски (мяса очень много). Кончила она готовить. Скоро пришли братья-охотники. Вошли и поздоровались с Куренаем. Нэлэнчик расставила на столе много блюд. Запела Нэлэнчик:

— Торганыйкун, Алтанчэк, братья вы мои, садитесь ближе к столу, угощайтесь гостинцами чужеродца, это он вас угощает.

Куренай все подливал вина братьям Нэлэнчик. Пил Торганэй, а Алтанэй не пил. Стал Алтанэй укорять Торганэя:

— Братец Торганэй, зачем же ты пьянешь? Кому ты веришь? Ты сам пьешь, а чужого человека не остерегаешься! Я вот не пью и не верю ему.

Сильно опьянял Торганэй, упал на пол. Упал да так и остался лежать, не мог подняться.

Между тем Куренай четырьмя кострами поджег дом с четырех углов. Загорелся дом. Торганэй лежит на полу посреди комнаты. Запел тут Алтанэй:

— Братец Торганэй, стань бабочкой и лети. Я же превращусь в муху и полечу.

Алтанэй превратился в муху и полетел. Торганэй, став бабочкой, тоже полетел. Но Куренай затянул окна сетями. Торганэй на лету попал в сетку. Подбежал Куренай к нему. Подбежав, схватил и сунул в свой карман. Говорит Куренай:

— Теперь я его замучаю; [и] Алтанэя-разбойника догою, поймаю и проучу!

Затем Куренай запряг коня, посадил на телегу свою жену [Нэлэнчик] и заставил ехать вперед. Сам же верхом на коне гнал стадо. Нэлэнчик ехала впереди. Спустились к реке; когда спустились, жена говорит:

— Поехай-ка ты сам впереди, я не знаю дороги, я буду погонять [стадо].

Куренай поехал вперед. Она гонит за ним стадо. Вот они и едут. Вдруг сверху послышалась песнь Алтанэя:

— Братец Торганэй, ты говорил: «Превратясь в иглу, [я] упаду». Ну-ка, упади, превратившись в иголку.

Превратившись в иголку, Торганэй упал. Нэлэнчик идет и говорит:

— Люди, что это упало?

Услышал это Куренай, поднял [и] положил иглу в карман. Вот поехали они [далее].

Когда ехали, послышалась песня Алтанэя:

— Братец Торганэй, ты говорил: «Превратившись в хвоинку, упаду». Ну-ка выпади!

Превратившись в хвоинку, упал Торганэй. Увидела Нэлэнчик и говорит:

— Люди, что это выпало?

Подъехал Куренай и говорит:

— Почему все время падает?

Поднял он хвоинку и сунул в карман. Так ехали, ехали, и опять послышалась песнь Алтанэя:

— Братец Торганэй, теперь мы расходимся: твой путь будет одним, мой путь будет другим. Я не стану больше предупреждать тебя, не стану защищать тебя! Мы расстаемся с тобой окончательно.

Едет Торганэй в кармане Куреная, и не может он вытащить. Приехали к дому Куреная. Куренай сказал работникам:

— Выкопайте глубокую яму!

У Куреная много работников. Стали они копать яму. Кончили они ее копать. Выкопав, бросили туда Торганэя.

Была у Куреная жена [не Нэлэнчик] и одна женщина-стряпуха. Куренай вырвал у них по одному глазу, отрубил по одной ноге, по одной руке. Проделав это с женщинами, оставил их дома. Сам откочевал с [новой] женой. Итак, он откочевал. Никто не знал, куда они откочевали. Вот так и едут.

А женщины там остались жить. Однажды утром стали те женщины искать Торганэя. Ищут, держась за руки. Женщины говорят между собой:

— Где же зарыли его, поищем-ка ту яму!

Начали искать тот овраг. Наконец нашли его.

— Э, э! Вот где полуоткрытая большая яма. Здесь и закопали его, — говорят.

Вдруг из глубины ямы послышалась песня Торганэя:

— Не будь я Торганэм, если не вырву глаза Куренаю. Чтобы мне выйти наружу, спустите веревку! Выдернув ее из ограды Курена, свейте ее. Свив, опустите. Я превращусь в бабочку и, прилипнув [к веревке], поднимусь наверх.

Вот женщины вили, вили [веревку]. А свив, стали опускать [ее в яму]. Запел тут Торганэй:

— Старушки, старушки, я [вам] добро сделаю, чуть-чуть [веревки] не хватает. Свейте и добавьте еще!

Вот начали женщины добавлять. Вырвав [тальник из ограды], свили. Свив, опустили со словами: «Пусть, став бабочкой, прилипнет [к ней Торганэй] и поднимется». Женщины начали его вытаскивать. Тащат, а он, превратясь в бабочку, подымается. Поднялся Торганэй и стал человек-человеком. Говорит Торганэй женщинам:

— Побудьте немножко здесь, а я добуду лося и принесу, — сказал и ушел. Скоро вернулся Торганэй с лосем. Разжег он кострище, [поставил котел] варить мясо и стал жарить [его] на вертеле. Накормил своих избавительниц. Наелись женщины. Накормил [их] и запел Торганэй:

— Эх, Торганэй, Торганэй, — с чего это я расселся?! Мне-то ведь очень нужны вороны. Вороны, вороны, прилетите ко мне!

Прилетели вороны из разных стран. Стали они есть мясо, добытое Торганэем. Опять запел Торганэй:

— Вороны, вороны, вы исполните мою просьбу! Принесите живой воды. Вы ведь должны знать, где есть такая вода (сок), он мне очень нужен!

Кончили вороны есть (мясо). Запел тут один из них:

— Торганэйкун, Торганэйкун, — твою просьбу [я] выполню! Прилечу через двое суток, [лететь] очень далеко, [я] вернусь через две ночи. Крикнул ворон: «Куу!» и полетел.

Долго ли пройти двум почам! Бьет Торганэй лосем, бьет и приволакивает, как кабаргу, волоком. Вот жинут они; утром прошились и ждут. Еще не настал полдень, как с криком «Ку!» — сел ворон перед Торганэем и запел:

— Торганэй, Торганэй, я выполнша твою просьбу и принес то, что тебе надо. Я принес [воду], спрятав [ее] в пухе на груди. У меня не было посуды. Выжми из пуха воду и выполняй свое дело.

Взял Торганэй посудинку и начал выжимать пух. Набрал он полную посудину воды. Помазал этой водой женщин. Вдруг глаза [их] стали глазами, ноги — ногами и руки — руками, и стали женщины — женщинами. Так вылечил [он] своих женщин, [и] тогда запел Торганэй:

— Теперь вам Торганэйкун сделал добро. Не обижайтесь,

старушки! Был у меня брат по имени Алтанэй. Я пойду его искать. Вырву Куреную глаза!

Так, превратившись в осу, полетел [Торганэй] по следам Алтанэя. Все искал его следы; шел он долго. Идя по следам, он дошел до скалы, доходящей до неба. У подножья этой скалы Алтанэй развел костер и, грея свою спину, лег спать.

Торганэй, тихонько подкрадываясь, быстро хватает Алтанэя за плечи и держит. Когда [он] схватил его, [Алтанэй] начал вырываться; вырываясь, раздробил и превратил в пыль большие камни. Тут он [Алтанэй] запел:

— Если ты убийца, то убей! Моей силе пришел конец! Камни я крушил. Если ты невидимка-людоед, то съешь [меня]!

Теперь запел Торганэй:

— Это же я — Торганэй. Что же ты вырывась? Пойдем вырвем глаза Куреную!

Один [Алтанэй] превратился в муху, а другой стал осой. Полетели они рядом, отправились искать Куреная. Когда они летели, показалось большое озеро.

— Давай здесь пить чай и отдохнуть, — сказал старший.

Когда [они] отдыхали, вдруг в озере исчезла вода, все оно высохло. Побыло озеро немного без воды, и опять вода оказалась на своем месте.

— Почему же озеро высохло и снова наполнилось водой? — удивляется Торганэй.

— Не зная ничего, жили [мы], принимали гору за голец. А оказывается, голец на берегу этого озера превратился в богатыря-человека.

Торганэй пошел к богатырю и, подойдя, запел:

— Ты расскажи [нам], почему вода в озере быстро высыхает и [озеро] снова наполняется водой? Я — Торганэй. Расскажи мне об этой тайне.

Богатырь запел:

— Я-то, я-то Багдапки. Торганэй, что тебе нужно, скажи мне. Я — Багдапки.

Запел Торганэй:

— Багдапкиун, дедушка, ты исполни мою просьбу! Помоги нам вырвать глаза Куреную, пойдем с нами! Куренай сжег мое жилище. Возьми с собой воду.

Отвечает ему Багдапки:

— Я выполню твою просьбу, Торганэй, братец. Ты или вперед. Где живет Куренай? Я проучу его.

Вот (Багдапки) сделал воду в озере белой. Торганэй пошел вперед. За братьями зашлепал Багдапки. Так они, шлепая, шли, шли. Торганэй шел впереди. Долго шли. Потом показался чум Куреная. Говорит брату Торганэй:

— Иди взгляни, Куренай это или кто другой.

Пошел наш парень, посмотрел. Вернувшись, сказал:

— Да, это Куренай.

Теперь отправились остальные. Щли, шли, потом спрятали они Багдапки в сторонке. Сами пошли Торганэй и Алтанэй вдвоем вошли (в дом) Куреная. Вот сидят они вдвоем. Их сестра Нэлэнчик быстро выскочила и стала готовить чай (для своих братьев).

— Вот-то [хорошо] — братья пришли!

Вскипел чай, и расставили [хозяева] на столе всякую еду и вино. Начали пить. Опять Торганэй напился. Алтанэй не пьет. Заметив, что Торганэй опьянел, Куренай опять развел на четырех углах четыре костра.

Говорит тут Торганэй:

— Ну, Алтанэй, сходи и приведи Багдапки.

Побежал Алтанэй бегом к Багдапки:

— Ну, пойдем, Багдапки-дедушка!

Лишь только он пришел, как сразу же выпустил воду. Алтанэй прибежал и поволок за ноги Нэлэнчик. Они же сами [Алтанэй и Багдапки] побежали к горе. Куреная вместе со всем его добром унесло водой. Так не осталось никого. Уйдя в горы, запел Торганэй:

— Багдапки-дедушка, теперь отправляюсь-ка [я] домой. За все хорошее, что ты сделал, я отдаю тебе кое-что из своего богатства. Пойдем ко мне домой.

Вот отправились [они]. Идет Торганэй впереди, а Багдапки за ними. Долго идут. Привязав веревку к шее, Нэлэнчик волокут по земле. Подходят к дому Торганэя. Все дошли вместе с Багдапки. Торганэй пригнал домой все стадо. Скота у него было очень много. Пригнал он стадо и запел:

— Ну, Багдапки-дедушка, уведи к себе половину моего скота. Если будет нужда, приду к тебе опять.

Вот открыл рот Багдапки и говорил:

— Загони скот в мой рот.

Загнал Торганэй в рот Багдапки половину скота и сказал:

— Ну, половину загнал.

Загнал, а Багдапки закрыл рот и ушел, шлепая ногами.

Итак, Торганэй с Алтанэем, победив Куреная и задушив младшую сестру, стали жить вместе.

Записано в 1958 г. в лес. Тияя Олекминского р-на Якутской АССР от А. А. Кульбертиновой (Чакагир). 1888 г. р., неграмотная, разговорный язык авенкийский и якутский, русским не владеет.

2. ПУТОНОЙ-ЭДЕКУН И МЭНГУЛАТ-ЭДЕН

Путоной уходил на охоту и добывал себе пропитание (букв.: свой рот кормил). Жил он у костра. Убил одного лося, обжарил его целиком на вертеле. Половина [мяса] поспела. Лежит [Путоной]

тоюй у костра], грея свою спину. Лежит он и слышит песню. Человечице где-то [поет], а где — неизвестно.

— Я Алтанчакун, Путоной, что ты знаешь, лежа у костра? [Ты], вероятно, имел младшего брата, золотом обшитого, серебром распестренного? Девятиглавый Девульта, убив его, скрылся.

Путоной говорит:

— Зачем он, будучи ребенком, странствовал по земле? Мой конь с седлом величиной с котел и с головой, подобной скале, полетим же там, где обычно пролетает птица средней земли!

В то время как они летели, вдруг послышалась песня:

— Путонойкун-Эдекун, что ты делаешь до сих пор! Ведь девятиглавый Девульта, убив и съев младшего брата твоего, обшитого золотом, распестренного серебром, скрылся.

Услышав это, отвечает Путоной:

— Не мог же я раньше [это] знать, ах какая досада, жил же я, не зная [ничего] об этом. Зачем только он совсем ребенком стал бродить [по свету]! Мой конь с седлом с котелок, с головой, подобной скале, поедем быстрее!

[Путоной], отправившись, доехал до места схватки, посмотрел на брата. От брата его остались одни кости. Заплакал [Путоной]. Тут запел его конь:

— Торгия, торгия! — Путонойкун-Эдекун, почему [ты] плашь? Когда же спасем его? Влезь в мое правое ухо, там должен быть кнут в восемь маховых саженей. Возьми ты его. Затем, поставив меня [мордой] к восходу солнца, хлестни кнутом в восемь маховых саженей. (Я ускаку и) вернусь через трое суток. Когда вернусь, на мне будет белая пена [от] пота. [Ты] возьми ее, собери в посудину. Сложив кости своего брата так, как [они] должны лежать, помажешь этой пеной.

Влез Путоной в [правое] ухо [своего коня], смотрит — кнут в восемь маховых саженей, взял его. Поставив своего коня [мордой] к восходу солнца, хлестнул его кнутом в восемь маховых саженей. Остался Путоной [один]. Прискакал конь его на третий день. Прискакал весь в белой пени. [Путоной] собрал эту пену в посудину. Положил кости своего брата на место и смазал их. Стал его брат человек-человеком, встал и говорит:

— Братец ты мой, Путонойкун-Эдекун, то ли поспав, то ли сделав что-то, [я] проснулся.

Отвечает Путонойкун-Эдекун:

— Золотом обшитый, серебром распестранный, зачем же ты бродил по извилинам земли? Ступай к себе на родину! Я же буду жить своей жизнью или умру своей смертью.

Запел и конь:

— Торгия, торгия! — Золотом обшитый, серебром распестранный, когда окрепнут кости твои, тогда отправляйся странствовать. Мы же с Путоноем проживем своей жизнью и умрем своей смертью. [Ты] почувствуешь [нашу смерть], когда увидишь сон.

Стал говорить конь Путоню:

— Когда влезешь в мое левое ухо, там будет серебряная кровать, усни на ней!

Путоной влез в левое ухо коня. Конь же его с головой, подобной скале, тотчас пошел. Так шел и шел. Наконец-то он догнал девятиглавого Девульта. Тогда конь запел:

— Торгия, торгия! — Девятиглавый Девульта! Кто-либо из нас останется в живых. Не хвались ты, думая: «Я убил человека».

— Эй, Путонойкун-Эдекун, жив ты или нет, выходи поскорей!

Вот и выскочил Путонойкун-Эдекун [из уха своего коня]. Выскочив, запел:

— Ну, девятиглавый Девульта, сейчас вступим мы в бой! Почему ты, убив человека, обшитого золотом, распестренного серебром, ушел дальше?

Вскочил тут Девульта, засмеялся: «Аха-хик, аха-хик!» и запел:

— Герол, герол! — Который же из нас начнет!

Путоной сказал:

— Ну, начинай ты!

Девятиглавый Девульта бросил [в Путоной-Эдекуна] мячом.

Путоной, поймав мяч Девульта, раздавил его. Девульта, увидев это, бросил в Путоноя своей пальмой. Схватив ее, Путоной разломал [пальму] на части. Увидел это Девульта и бросил копье. Путоной и его схватил, разломал на куски.

Тогда запел Девульта:

— Герол, герол! Герол! — Мое боевое оружие ты разломал. Теперь же давай будем биться врукопашной!

Вот схватились они. Ударил Путоной кулаком наотмашь так, что Девульта раскололся пополам. Но снова склеились обе половины. Целый год бились [они]. Девятиглавый Девульта начал наступать на Путоноя. Снова занес конь:

— Торгия, торгия. — Не прошло и полгода лунных ночей и полгода солнечных дней, как наступило наше поражение. Если подумать о прошлом (обратиться вверх), то мы можем сказать, что был же у нас сын, золотом обшитый, серебром распестрений. Пусть ему приснится сон.

Вот обшитый золотом, распестренный серебром Мэнгулта-Эден увидел сон, запел:

— Харика, харика! — На нижней земле Девульта, убив Путоноя, есть [его], говорят. Мой конь, с седлом с котелок, с головой, подобной скале, слушай мои слова. Быстрее, быстрее ко мне приходи!

Конь тут же пришел к нему. Вскочил на него Мэнгултакуун-Эден. Быстро приехал он. Смотрит — девятиглавый Девульта грызет тело Путоноя. Мэнгулта запел:

— Харика, харика! — Девятиглавый Девульта, не хвались, говоря, (что меня) убил ребенком когда еще был, не хвались, го-

воря: «Осилив старого человека, Путоноя я убил». Как девять шишек, отсек (я) все твои девять головок!

Посмотрел на пришельца Девультэ и, сказав «Аха-хик!», стал снова смеяться. Потом сказал:

— Ну, который из нас первым начнет?

Сказал [ему] Мэнгултэ:

— Ладно, начинай, ведь ты старый человек, обидишься, если окажешься побежденным.

У Девультэ нет уже больше боевого оружия, остался лишь один мяч. Мячиком и бросил Девультэ в Мэнгултэ. Тотчас схватил его Мэнгултэ и раздавил. Потом ударил шишкой так, что сшиб его девять голов. После этого он собрал кости своего брата и отправился на родину. К месту боя доехал и запел:

— Хэрикэ, хэрикэ! — Мой конь, с седлом с котел величиной, с головой, подобной скале, как ты сумел оживить меня, так оживи и моего брата.

В ответ ему конь:

— Торгия, торгия! — Обшитый золотом, серебром распестренный Мэнгултэ-Эден, влезай в мое правое ухо, там должен быть кнут длиной в восемь маховых саженей, возьми [ты] его. Поставь меня [мордой] к восходу солнца, хлестни три раза меня кнутом в восемь маховых саженей. [Я] возвращусь через трое суток. Когда я вернусь, ты увидишь на мне пот — белую пену. [Ты] сбери ее в сосуд. Потом положи кости брата на прежнее место и смажь [их] этой пеной.

Влез в правое ухо коня Мэнгултэ и вытащил оттуда кнут в восемь маховых саженей. Поставил коня [мордой] к востоку и три раза хлестнул его.

Через три дня конь вернулся. [Мэнгултэ] собрал пот коня и разложил кости на прежнее место и обрываял их [потом]. Стал Путоной-Эдекун человек-человеком. Снова стал петь конь:

— Торгия, торгия! — Обшитый золотом, серебром распестренный Мэнгултэку-Эден, будучи юношей и странствуя по земле, ты [нас] очень измучил! Отправляйся к себе на родину и живи хорошо.

Так они расстались. Путоной-Эдекун поехал. Мэнгултэкан-Эден тоже отправился на родину.

Записано в 1958 г. в пас. Тяня Олекминского р-на Якутской АССР от М. П. Трыкиной (Йокоткар). 1893 г. р., неграмотная, разговорный язык эвенкийский и якутский, русским не владеет.

3. ПТИЧКА С МЫШКОЙ

Птичка жила среди камней. Однажды птичка встретилась с мышкой. Мышка, встретившись с птичкой, сказала:

— Давай поборемся, птичка! Если ты меня свалишь, человек

не будет смертным. Если же я свалю тебя, человек будет смертен. Птичка ответила на это:

— Ну, давай бороться! Ты или я, кто-нибудь победит!

Мышка сказала:

— Ну-ну, давай бороться!

Вот они стали бороться, и птичка так бросила [мышку], что [свалила] ее. Свалив мышку, птичка сказала:

— Ну, теперь человек не будет смертен.

Мышка отвечала:

— Нет, это не так, сначала давай бороться там, где я живу; если там свалишь меня, тогда считай, [что твоя взяла]. Ну, давай, пойдем ко мне! — сказала она. Птичка сказала:

— А почему [ты] сначала не говорила об этом, ты же сказала: «Давай бороться, если кто победит, то по его и будет», ну если так, пойдем на твою родину.

Тут же они отправились на родину к мышке. Родина мышки оказалась большой марью. Придя на марник, они начали бороться. Мышка воткнула свой хвост глубоко в мох. Воткнув [же] свой хвост в мох, она не могла упасть. Поэтому она [и] победила птичку. С тех пор человек стал смертным.

Записано от нее же.

4. ПТАШКА И ЛИСА

Однажды пташка на дереве снесла яйцо и начала выводить птенцов. Пришла лиса к дереву, к пташке. Пташка заскрикала: «Чип! Чип!». Лиса взглянула вверх, [а] взглянув, увидела пташку. Увидев [ее], она спросила птичку:

— Сколько детей у тебя?

— Детей у меня пять, — ответила пташка.

— Отдай мне пятое яйцо, брось, — сказала лиса.

— Нет, не отдам, — ответила пташка.

Лиса сказала:

— Тогда я влезу [на дерево] или подрублю его.

Испугавшись, пташка отдала одно яйцо, сбросила. Съев его, лиса ушла. После этого пташка стала плакать. В это время вдруг подлетел рябчик и спросил:

— Пташка, почему это ты плачешь?

— Лиса съела моего детеныша! — сказала пташка.

— Зачем же ты сама отдала? — спросил рябчик.

— Лиса сказала: «Срублю и свалю это дерево и заберу всех твоих детенышей».

Выслушав это, рябчик сказал:

— Какая ты глупая, зачем же нужно было сбрасывать [яйцо]. Если [лиса] еще придет, тогда скажи: «Чем ты срубишь это дерево, как влезешь?».

— Ладно, — ответила пташка.

Ответив так, продолжала [она] сидеть на дереве. Рябчик сказал:

— Ну, я влезу в свое гнездо, — сказал и полетел.

Как только рябчик улетел, опять пришла лиса. Придя, спросила пташку:

— Сколько детей у тебя?

Пташка ответила:

— Только четыре, съела же [ты] одного! Теперь я уже не отдам тебе [яйца], нет! — сказала она.

— Тогда я влезу на дерево или срублю его, — сказала лиса.

Пташка ответила на это:

— Если ты такая храбрая, влезь, сруби! Как же ты сможешь влезть, чем же ты срубишь?

Лиса спросила пташку:

— Кто же научил тебя, пташка?

Пташка ответила:

— Меня научил рябчик.

— Куда же улетел твой рябчик?

На это пташка ответила:

— Он сказал: «Влезу в свое гнездо» и улетел, кто его знает куда.

Выслушав это, лиса сказала:

— Я съем рябчика, зачем он учит [тебя], — и пошла искать рябчика. Шла лиса, подкрадывалась. Покрадываясь, она увидела рябчика, снувшего в гнезде и обратно. Когда он вышел, лиса схватила его. Схватив, понесла в пасти. В это время вдруг рябчик сказал:

— Лиса, вначале съешь мое крыло, тогда без крыла не смогу улететь.

Лиса только открыла рот, чтобы сказать «ладно», как рябчик вылетел. Так лиса оказалась обманутой рябчиком.

Записано в 1947 г. от Р. Малдякитова,
с. Токко. Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5,
оп. 3, ед. хр. 873.

5. СТАРШАЯ СЕСТРА И БРАТЬЯ

Давным-давно жили два брата, у них была старшая сестра. Вместе с сестрой они бродили, кочуя. Старшему парню было двадцать пять лет, а младшему — девять лет.

Однажды осенью они жили в верховых речушки. Так жили они, разговаривали о том, о сем. Старшая сестра сказала: «Будьте осторожны, придут чаигиты! Они хотят нас перебить», — говорит.

Однажды вечером, когда стали ложиться снать, сестра, выходя из чума, увидела чаигитов, прижавшихся к земле за щёками. Уви-

дев, она закричала: «Пришли чангиты!». Вскрикнув так, бросилась в чум. Услышав крик сестры, старший брат испугался, схватил лук. А в это время чангиты уже начали обстреливать их чум. Старший брат стал натягивать лук со словами: «Натяну-ка лук», и натянул его так, что тот сломался. У младшего брата тоже сломался лук — он был непрочным. Старший брат, оставшись без лука, из боязни быть убитым убежал в лес. Младший брат крикнул: «Братец, не оставляй нас!». Услышав этот крик, брат остановился. Когда он остановился, чангиты выстрелили и убили его. Потом убили его маленького брата. В живых оставили сестру.

В те времена не убивали женщины. Чангиты убивали мальчиков. Они говорили так: «Большим станет, нас будет убивать». Всегда убивали мальчиков.

Записано в 1947 г. от Трынкина из Олекмы.
Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3,
ед. хр. 873.

6. СЕКТАНЭЙ

Жили в тайге два человека. Имена этих двух людей: одного — Дёлоной, второго — Каданай. Еще жил в тайге один человек — по имени Сектанэй. Он был женат.

Однажды он ушел на охоту, а жена осталась дома. Охотясь, убил он одного лося. Начал свежевать зверя. В это время вдруг услышал человеческий разговор. Посмотрел — Каданай с Дёлоноем ведут его жену. Увидев Сектанэя, жена заплакала: «Теперь живи в чуме! Живи один, живи питаясь зверем! Не слушался меня! Говорила же я тебе утром, чтобы не уходил, я видела плохой сон, а ты не послушался моих слов и ушел охотиться». Сказав, прошла мимо.

Сектанэй смотрит — уводят его жену. Выстрелил Сектанэй в Каданая — только полетели каменные осколки. Тогда Сектанэй выстрелил в Дёлоноя — и разлетелись только одни каменные осколки. Сектанэй погнался за Каданаем и Дёлоноем, оставил убитого зверя. Когда Сектанэй подошел, Дёлоной сказал: «Ну, что станем делать? Побьемся!».

Дёлоной с Сектанэем начали биться. В поединке Сектанэй победил Дёлоноя. Победив, Сектанэй сказал Каданаю:

— Выходи! Побьемся! Кто начнет? — сказал Сектанэй. Каданай сказал: «Я начну!». Сектанэй ответил ему: «Ну, начинай!». Каданай бросил шаром в Сектанэя, но не попал. Тогда Сектанэй бросил шаром в Каданая, попал. Так они победил их. Победив, увел жену.

Записано в 1958 г. от А. А. Кульбертиновой
(Чакагир) (см. № 2).

7. ЧАРА-МАТУШКА

Когда [раньше] проезжали по льду Чары-матушки,
И если смотрели на Чакурдак,
То были видны его скалы и чаща.

Если смотрели на вершину тех скал,
Были видны кое-где елочки
С разлапистыми ветвями.

В гористых лесах Чары-матушки
Водилось много зверей и птиц.

А если спросить: как же теперь.
На месте тайги Чары-матушки? —
Теперь стоит много домов.

Что Чакурдак станет таким —
В молодости никогда не думала,
И в мыслях у меня не было,
И во сне не снилось.

Теперь бесчисленные дороги
Идут в разные стороны.
Открылись школы и интернаты,
Открылись больницы.

[Идя] по пути Ленина,
Коммунистическая партия и Советская власть
Строят всем счастливую жизнь.
Если придут те, кто захочет разрушить
Эту счастливую жизнь,
Коммунистическая партия станет скалой.

Наши дети-комсомольцы станут изгородью.
А наши дети-пионеры станут дозорными!

Записано от нее же.

8. ТОККО-МАТУШКА

Токко-матушка, счастливая река,
Если смотреть на воду —
С очень светлой водой она.
Хочешь зачерпнуть — с рыбой зачерпишь!
На горах с лохматым лесом
Много черношерстных
Медведей бывает.

По горям пойдешь,
По тальникам пойдешь —
лосей много.

По склонам пойдешь —
Много диких оленей.
По зарослям хвоща пойдешь —
Изюбрей много.
Станешь ездить по озерам —
Много ондатры.
На берегах Токко-матушки
Белок много,
На истоках ее —
Много соболей.

И много, много смельчаков,
Смелых охотников-парней.
Токко-матушка изобилует пищей, одеждой,
Поэтому Токко-матушка полна счастья.

Записано в 1958 г. в пос. Тяня Олекминского р-на Якутской АССР от А. С. Кульбертиновой (Метаткар). 1920 г. р., малограмотная, разговорный язык авенкийский и якутский, русским владеет плохо.

9. ПЕСНЯ

Спою-ка отцом и матерью
Данной мне глоткой.
Звонким голосом
Пою я, распеваю.
Ведь рождаемся раз!
Вторично родившись,
Не можем же мы не петь,
Ради жизни мы поем.
Если есть одежда, одевайтесь,
Если есть еда, ешьте.
Молодые ребята,
Пока не состарились,
Обучаясь всему,
Все время растите!
Старших братьев и сестер
Не забывайте!
Старатально обучаясь,
Сказанные Лениным
Слова не забывая,
Живите счастливо!

Записано от А. А. Кульбертиновой (Чакагир) (см. № 2).

10. ГЭСУГУР

(Приглашение встать в круг, петь и плясать)

Гэсугур, гэсугур,
Давайте устраивать гэсугур!
Приходите на гэсугур!
Гэсугур, гэсугур!
Ради того, кто родился,
Давайте устраивать гэсугур!
Ведь двух, трех жизней не бывает,
И гэсугур поют только раз!
Посреди Средней земли
Родились мы, чтобы петь и плясать.
Гэсугур, гэсугур!
Если есть еда, будем есть,
Если есть одежда, будем одеваться!
Нами никто не повелевает
При Советской власти.
Ради нашей радости
Давайте играть и петь гэсугур!

Записано в 1958 г. в пос. Тяня Олекминского р-на Якутской АССР от А. С. Трынкиной (Чакагир). 1924 г., р., грамотная, разговорный язык эвенкийский и якутский, русским владеет хорошо.

11. ДЕРЕВЬЯ

Э! Лиственницы запели,
Э! Сосны стали подлевать.
Э! Ели погнались [за ними]
Э! Березы стали задевать [бегущих],
Э! Кедры начали хватать,
Э! Стланики стали расстилаться.
Э! Пихты распростерли ветви,
Э! Тальники начали [жвачку] пережевывать.
Э! Сухостой застонали,
Э! Горы остановились на стоянку.

Записано от нее же.

12. ДЭВЭЙДЭ

Сурик и красный цвет,
Замша оленя и замша лосиная,
Шкура дикого оленя и домашнего,

Шкура изюбря и коровья шкура,
Шкура лошади и лосиная шкура,
Шкура лисы и шкура собаки,
Шкурка белки и соболя,
Которая же из них лучше,
Которая же из них прочнее?

Все загадки записаны в 1958 г. в пос. Тяня
Олекминского р-на Якутской АССР от
М. П. Трынкиной (Йокоткар), за №№ 1—4,
6, 8, 10, 11, 13, 14, 16—23, 25, 26 и
от И. Е. Трынкина (Чакагир), за №№ 5, 7,
9, 12, 15, 24, 27.

13. ЗАГАДКИ

1. Два человека договариваются: «Теперь ты, а потом я» (ноги).
2. Посреди луга чашка стоит (пуп).
3. На конце холмика видна лисья нора (ноздря).
4. В березняке ржет рыжий конь (язык).
5. Один человек говорит: «Если только дадите — съем.
Сколько бы ни ел я, никогда не наемся» (огонь).
6. Никого не боюсь, кроме одного человека [воды] (огонь).
7. Два тайменя соревнуются (лыжи).
8. Четыре человека под одной шапкой (ножки стола).
9. Внутри одного человека шерсть, а снаружи нет (свечка).
10. Корни елки, поднявшиеся вверх (телячьи хвосты).
11. На крюк повесишь — никогда не повиснет (птичье яйцо).
12. Желтая корова облизывает доску (рубанок, стружка).
13. Один человек полгода поет, потом перестает (шум переката).
14. Один человек не может удержать своего мяча (вода и камень).
15. Множество людей в заячьих шапках (снежные кочки).
16. Один человек — обжора, никак не наестся (огонь).
17. Один человек с кипящим сердцем и печенью (самовар).
18. Дырявый нюк (небо со звездами).
19. Один человек говорит: «Зачем постоянно заставлять меня заниматься чисткой?!
20. Слаще сладкого, уж очень сладок (сон).
21. Два лося лежат напротив друг друга (уши).
22. Два человека бьют друг друга (ресницы).
23. Один человек поет да поет (колокольчик).
24. В чаще шаманит шаман (шелест листвы в тайге).
25. В яме лежит плохой веник (медведь в берлоге).
26. Черный ворон упал на черную гору (голова и шапка).
27. Никогда не идет по следу (посох).

Тексты и переводы фольклора майских и урмийских эвенков

ТЕКСТЫ

14. Н'УНУРМЭКУ АЦАД' АКАН-ХУНАТКАН

Дундэ мбикайнин сёниачинин сёрилдөвд' аракин, мө бими влэ-
кэс мбкинд' аракин, урэ бихикин улуки иргицччинин уудургод' о-
рокин, йанә бими өлэкэс киринэс наандажачинин гилбаргад' аракин,
дулин буяв ойодүн Н'унурмэк ацаад' акан-ахаткан өмүккөччи
оскёд' эчэ. Тар н'экэксбэн яргит—тэ тэвэлкбими, сэксөлкбими
энэ сара оскёд' эчб. Сома сорво, мүјма ичэнэ оскёд' эчэ бичэ.
Тар н'экэксб ахунма-да горово бинбви эчэ сара.

Тар н'экэксэ, нуңан урин дбдүн ёкүн-ка, хуруүчондин бна,
оскёд' эчб. Олоңко биксбкэн, удавд' ийян баро-до! Тар-да дбдүн
куңжакан оскёд' эчб бичэ-вит. Ахунма-да эчэ бирэ. Тар-дэт ан'йими
эриксөвбн иксэлттан, Ѣндумунд'а д'алван урумулившнан. Беремен
өмэрэн, эриксэн урумулдэн, Ѣнум д'алин урумулдэн. Уйдуккай
йурэн.

Умнбкэн уйдэрэкин, д'улдэрэкин, арай амаргийдаткин сэндүн
сэхэн, турэн долдивуттан:

— Эн'эй, эн'эй! Ийин'е, ииин'е! Силгимб, силгимб! Бирбэнд' э
бидэн. Тёнум д'алин урумулдэн, эмье кэнтирэв тийядэн! Эн'эй,
эн'эй! Ийин'е, ииин'е! Биргэв бран! Сод'й турганд'и карайкал!
Би синдук балдим! Бэйэ бми, синэвэ эриксэнд' Ѣвэс эрухууд' Ѣнъян.
Карайкал, карайкал сод'й турганд'и, эн'эй, эн'эй! Минэвэ д'и-
кийлдэ ёкүн тэтилкэн бихиндэ? Минэвэ д'акилкал, карайкал! Хур-
кэн-хутэс би балдим, эн'эй, эн'эй!

Урүннудуви сёдүн энүривэвэ-дэ энэ сара, сэктэвүүими дондуун
чакилдан хутэви, карайран. Тар н'экэксб ахунма-да бинявар вчла
сара. Хуркэн-куңжакан умнб йиңамай умучий куңжакадин бран, д'улдэвэ
аньякса д'ур аньянйтїзачийн бран. Илалдава биксэ, лукийеви
эн'йими бикатчэ. Эн'инин, тара биксэ, бучэ. Тадук эр куңжакан
ахучий-да бнавайн эн'йинин эчэ сара. Эр хутэн бими бэйчэвэе дурук-
кан вэлчэ.

Эр омолгий, тиматна эрдэвбн иликсэй, түксачай, тадук киректэвэе
вэксэй эн'йиндуулбви түксэвна эмувчэ. Нујартин тара д'епнээл
аньяччал. Омолгий, н'ян эрдэвбн иликсэй, айтий юнечэ. Тар
юнэксб, умн борокийва вэксэй эмувчэ. Тара д'епнээл аньяччал.
Тимийнин н'ян бэйчэ. Тар бэйчэкс илан мөнжтувэе вэксэй, илан
имэннэдүви ўйнксб, эмувчэ.

Таргачийн букатир бча тар илан долбоийду.

Тара л'аңуксөл ән/йин гүнчэттөн: «Тәд'өмө, дулин буңа ойодун байы тәкбии бләви оскече хутөв бладаңа,» — гүндө д'алдаттан. Сомат уруйттөн. «Дулин буңа йтчин бләви оскече күңжакан», — гүндө. Сомат уруйттөн, мактанийттан. Он н'әкексөл, хутави байы онканд'өңде болда? — гүнчәнә д'алдаттан.

Тар бид'өректи, аргит, таргит әдин—дәлдүн өмәд'әрән-ивит арай, ахүнма-да очи удара. Арай иргит, таргит турбын, турбы саҳан, сөхән сейялтиң силдівд'аран, дойялтиң дәлдівд'аран.

— Кимә, кимә, кимән'ин! — Д'ө, нәкнил айамат иченәл гиркукаллу. Н'үңүрмәк гүнәрі аңад'акән-куңакән оскече дулин буңаду. Тар хүркән-хутәч, тара иченбәет! Тара айамат ичекәллу! Тара ёмй-кәт ичекесөл илтәнд'өңде!

Тікби гүнчөвлөн, нұнартқиң үтөн уркәлән әмексөл, тіктө. Тар н'әкекесөкөр н'ән-дәт тікен гүлчө:

— Дулин буңа ойодун оскече ахәткән, аңад'акән-куңакан, Н'үңүрмәк гүнәри, доңдоломо доровою д'авад'акал! Утбәнд'өзи уркаван н'ид'әкал! Бу синдула сорујан сәнад'ал әмәчбөун. Гёван-әтіркән хүнийлиң биңнәрәв. Си хүркән-хутәс хуругучбидиң биң оскече Хуругучон гүкари дулин буңа буқатириң оскече, балдічә. Тара ичәнвәд'ал әмәчбөун, Гёван әтіркән хүнийлиң. Би әкімәтін биңнәм сәмә солко тәтілкән Солкокчың гүнәри гәрбілкән. Дулгу нәкүнми Дарпек гүнәрі гәрбілкән. Д'окергү нәкүнми Сәкак-киливал ғүнәри гәрбілкән. Тәдүк сәмә горо дүннәдүк айаннәксәл, әмәчбөл биңнәрәв, сәд'и турғәнди авататкал, әкбй, дулин буңа йтчин, сәмат утәчанал гиркуд'арав. Бу буңавун сәмә содбм. Эргит, таргит авахйыл-атамәртін, убү буңа сән/ицилатін сәмәт гиркүрил беремелтін билдән. Тарит сәмәт утәчанал гиркуд'арав.

Н'үңүрмәк гүнәрі атіркән үтөнми уркөвби нәкесөкөн, әхиле әтірлөн нұңарбатін. Били хутәви әннаван ирун бәйінжүлбі ул-әлбатін ирикесөкөн, әвәттәрән нұңарбатін.

Тар ахәткәр-куңакәр буқаләвар сәмат утатра. Тар-дәт бугаләвар л'ә џәнәхина.

Тар џәнәхинд'әнәл, әкімәтін тікби гүнән түрәлкән оча:

— Дулин буңа йтчин Н'үңүрмәк атіркән, л'ә сәмәт айат биңәл, хутави айа байы өвкәкал!

Тавар хүнийл, д'ө буқаләвар џәнәхина, Н'үңүрмәк гүнәрі атіркәнма поростілахисәл.

Тавар атіркән хутән, хуруғучбидиң биң оскед'әри, Хуруғучбидиң гүнәрі дулин буңа буқатириң тавар ахәткәр-куңакәрба ахары д'алин йран. Он-кәт буқадуви оча тулуйшы. Эр ахәткәр-куңакәрба ахары д'алин йран. Нуңан-да ициләран, гүнйән. Тар н'әкекесөкөн, нұңан иларәкән үзүүрүс, таралыс н'әкәрән. Тар н'әкекесөкөн мәримә качикән бран, ахәткәр-куңакәрба ахалдан, мәримә качикән әкес. Дәгрій ләгілбә качикән өкесәкән ахалдан.

Д'ө әркви-дб, таркән-да ахамай-нүн ахаран. Илан-дә бәңава џәнәхини оча сәра, илли-ди лиңәнәнба џәнәхини оча сәра. Эркән-дб, таркән-да ахамай нүн ахаран.

Тексты и переводы фольклора майских и урмийских эвенков

ТЕКСТЫ

14. Н'УЦУРМЭКҮ А҆ДАД' А҆КАН-ХУНАТКАН

Дунда мбиканин сөнгачинин сёрилдівд'аракин, мө бимй өләкәс мбиквид'аракин, урә бихикин улуки иргүйәчинин уңдурғод'орокин, йанә бимй өләкәс киринас нандаҗачинни гилбаргад'аракин, дулин бұғав ойодун Н'уцурмек аңад'акан-хаткан вмүккөчөн оскәд'әчө. Тар н'әкәксөкән йргит—тә тәкәлкәними, сәксәлкәними әнә сәра оскәд'әчө. Сәма сөрво, мүңма ичәна оскәд'әчө бичө. Тар н'әкәксө ахұнма-дә горово бинәви әчә сәра.

Тар н'әкәксө, нұңан урин дәдүн ёкүн-ка, хурупчондан бна, оскәд'әчө. Олоңко биксөкән, уада'иңән баро-до! Тар-да дәдүн күңәкән оскәд'әчө бичө-вит. Ахұнма-да әчө бирә. Тар-дәт ән'йинми әриксәвән иксәттан, ңбнумунда д'алван урумуливкәнән. Беремен әмәрән, әриксән урумулдән, ңбнум д'алин урумулдән. Үйдүккүйүрән.

Умнәкән үйдәрәкин, д'улдәрәкин, арай амаргидаткин сәндүн сәхән, турғын долдивуттан:

— Эн'әй, ән'әй! Иңин'е, иңин'е! Силгимб, силгимб! Бирғәнд'ә билдән. Ңбнум д'алин урумулдән, әмнә көңтирең тиңәлдән! Эн'әй, ән'әй! Иңин'е, иңин'е! Биргәв бран! Соб'и турғәнд'и карайкал! Би синдуқ балдым! Бейә бми, синевә әриксәнд'әвас әрүхүйд'әнжән. Карайкал, карайкал соб'и турғәнд'и, ән'әй, ән'әй! Миневә д'акылді ёкүн тәтілкән бихинди? Миневә д'акылкал, карайкал! Хуркән-хутес би балдым, ән'әй, ән'әй!

Урүннудүви сәдүн әнүриве-дә әнә сәра, сәктавунми дәндүн чакылдан хутөви, карайран. Тар н'әкәксө ахұнма-да бинавер ачел сәра. Хуркән-куңәкән умнә әнжәмай умучй күңәкәдін бран, д'улдвән әнжакса д'ур әнжаниптиңаңын бран. Илалдава биксө, луканеви ән'йинми әвкатчә. Эн'инин, тәрә бксә, бучө. Тәдүк вәр күңәкән ахучай-дә әнавән ән'йинин әчө сәра. Эр хутен бими бейнүвә дуруккән вәлчә.

Әр омолгый, тімәтна әрдәкән иликсә, түксача, тәдүк киректөве вәксә ән'йиннудүви түксавна әмүвчө. Нуцартын тәрә д'әпиәл әнжатчал. Омолгый, н'ан әрдәкән иликсә, аյиткай ңөнечө. Тар ңәнәкесө, умун хорокижа вәксә әмүвчө. Тара д'әпиәл әнжатчал. Тімәйнин н'ан бейнүчө. Тар бейнүкесө илан мәңгетура вәксә, илан имәннедүви уйикесө, әмүвчө.

Таргачай букатир әча тар илан долбониду.

Тара д'ювуксва өн'йин гүнчэттөн: «Төд'бмө, дулин була ойодун бээс тэкэний өдлийн оскёчб хутав бэлдаца,» — гүндэ д'алдаттан. Сомат уруйттан. «Дулин була ятчин өдлийн оскёчб куяа-кан», — гүнде. Сомат уруйттан, мактанийттан. Он н'өкөксө, хутэви бээс онканд'эцэв болда? — гүнчэнэ д'алдаттан.

Тар бил'эрэктин, аргит, таргит эдн — дэлдүн өмэд'эрэн-ивит арай, ахүнма-да энэ удара. Арай иргит, таргит турви, турви сэхэн, сэхэн сэйлэйтн силдэвд'аран, доийлтийн дблдэвд'аран.

— Кимя, кимя, кимэн'ин! — Д'в, нэктнил айамат иченэл гиркукалду. Н'үүрмэл гунари аяад'акэн-куяакэн оскёчб дулин буладу. Тар хуркэн-хутэчий, тэрэ иченэвэст! Тэрэ айамат ичекеллу! Тэрэ ёмий-кэт ичэксва илтэнд'эбэст!

Тики гүнчэлэн, шуцартни утэн уркалан өмэксва, тикте. Тар н'өкөксэхэр н'ли-дат тики гүлчэ:

— Дулин була ойодун оскёчб ахаткэн, аяад'акэн-куяакэн, Н'үүрмэл гүнэри, доидоломо доровою д'авад'акал! Утвид'эви урквээн н'ид'эхэл! Бу синдула соруйан санад'ал өмчэвүн. Гёван-этirkэн хүнийлин бицнэрэв. Си хуркби-хутэс хуругучондн бна оскёчб Хуругучон гунари дулин була булатирин оскёчб, балдича. Тара иченэвэд'эл өмчэвүн, Гёван этirkэн хүнийлин. Би экиймтн бицнэм сома солко татилкэн Солкокчн гунари гэрбилькэн. Дулгу нэктни Дарнек гунари гэрбилькэн. Д'окёргу нэктни Сёнак-киливлй гүнэри гэрбилькэн. Тадук сома горо дуннэдүк айннэхэсэл, өмчэбл бицнэрэв, сбд'и турганд'и авататкал, эхий, дулин була ятчин, сомат утажанал гиркуд'аран. Бу булавун сома содом. Эргит, таргит авахийл-атамартин, унж була сбн'ицнитн сомат гиркурил беремэлтий билди. Тарит сомат утажанал гиркуд'аран.

Н'үүрмэл гунариятirkэн утбими уркевши нийсэхкэн, эхилэ автэрэн нуяарбатин. Били хутэви ванавай ирун бэйнёхийлби улдээбатин ириксэхкэн, эвэттэрэн нуяарбатин.

Тар ахаткэр-куяакэр буцаалавар сомат утатра. Тар-дат буга-лэвэр д'э цянхине.

Тар цянхинд'энэл, экиймтн тики гүннэ турэлкби оча:

— Дулин була ятчин Н'үүрмэл атirkэн, д'в сомат айат бинкал, хутэви айа байв бикэкал!

Тавар хунал, д'в буцаалавар цянхине, Н'үүрмэл гунариятirkэнма поростилахисэл.

Тавар атirkэн хутви, хурувучондн бна оскёд'арий, Хурувучон гунари дулин була булатирин тавар ахаткэр-куяакэрба ахарий д'алин Яран. Он-кэт буцаудуви энэ тулуийга. Эр ахаткэр-куяакэрба ахарий д'алин Яран. Нуян-да ицилдран, гунйран. Тар н'өкөксэхкэн, нуцан илэрэхэн үзүүрэс, тараалыс н'өкөрэн. Тар н'өкөксэхкэн мэрийн качикэн бран, ахаткэр-куяакэрба ахалдан, мэрийн качикэн бкса. Дэгий дэгийлбэ качикэн бксаан ахалдан.

Д'в аркан-дэ, таркэн-да ахамий-нун ахаран. Илан-дэ бёёлава цянхинэвийн энэ сэра, илан-дэ лицензийнца цянхинэвийн энэ сэра. Эркэн-дэ, таркэн-дэ ахамий нун ахаран.

Тексты и переводы фольклора майских и урмийских эвенков

ТЕКСТЫ

14. Н'УДУРМЭКЭ АЦАД' АКАН-ХУНАТКАН

Дундэ мёйканин сёниачинин сёрилдээд' аракин, мё бимй өлэх кэс мёкинд' аракин, урэ бихикин улукй иргиэчиин уздургод' орокин, йаня бимй өлэх кэс киринэс наандаачийн гилбаргад' аракин, дулин бүбэв ойодун Н'удурмэк ацад' акан-ахаткан өмүккөчэн оскёд' эчб. Тар н'экэксбкэн йргит—тэ тэколкбнми, сэксвялкбнми энэ сара оскёд' эчб. Сома сбрво, мүүма ичэнэ оскёд' эчб бичб. Тар н'экэксэс ахүнма-дэ горово биньви эчэ сара.

Тар н'экэксэ, нуцан урин додун ёкүн-ка, хурууучбнди он, оскёд' эчб. Олонко биксэхэн, удавд' ижэн баро-до! Тар-да додун куңакан оскёд' эчб бичб-вит. Ахүнма-да эчб бирэ. Тар-дат ан'йинми эриксэвэн иксаттан, јёнумунд' а д'алван урумуливкбнви. Беремен эмэрэн, эриксэн урумулдэн, јёнум д'алин урумулдэн. Уйдуккий юурэн.

Умнэхэн уйдэрэкин, д'улдэрэкин, арай амаргийдаткин сэндүн сэхэн, турэн долдивутган:

— Эн'эй, эн'эй! Иңин'е, иңин'е! Силгимо, силгимо! Бирбэнд' э билдэн. Јёнум д'алин урумулдэн, эмжэ квяутрэв тийэлдэн! Эн'эй, эн'эй! Иңин'е, иңин'е! Биргэв бран! Соб'й тургэнд'и карайкал! Бий синдук балдим! Бэйэ бми, синэвэ эриксэнд' авас арухуйд' ижэв. Карайкал, карайкал соб'й тургэнд'и, эн'эй, эн'эй! Минэвэ д'акийлдэ ёкүн тэтилкэн бихиндэ? Минэвэ д'акилкал, карайкал! Хуркэн-хутэс би балдим, эн'эй, эн'эй!

Урүннудүви сбдун энурив-дэ энэ сара, сэктевүими дондаун чакилдан хутэви, карайран. Тар н'экэксэ ахүнма-да бинэвэр вчвэл сара. Хуркби-куңакан умнэ андамай умчий куңакалдии бран, д'улдвэвэ андаксэ д'ур анданийтдэгчийн бран. Илалдава биксэ, лукайсан эн'йинми бвкатчэ. Эн'инин, тэрэ бксэ, бучэ. Тэдук өр куңакан ахучий-дэ бнавэн эн'йинин эчб сара. Эр хутэн бими бвайява дурук-кан вэлчэ.

Эр омолгий, тимэтна өрдэкби иликсэ, түксачэ, тэдук киркетэвэв вэксэ эн'йиндулэвти түксэвна өмүвчб. Нуяартэн тэрэ д'епнэл андматчал. Омолгий, н'ян өрдэкби иликсэ, айткй үнечэв. Тар нэнэксэ, умун хорокйва вэксэ өмүвчэ. Тара д'епнэл цијатчал. Гимйин н'ян бэйчэ. Тар бэйкссэ илан мөнжтувэ вэксэ, илан иммэннедүви уйкссэ, өмүвчэ.

Таргачийн букатэр бча тар илан долбонийду.

Тара д'әвүксөл ән'йин гүнчөттөн: «Тед'еме, дулин буңа ойодүн бейе тәкөниң бләви оскөчө хутөв бөлдөң!» — гундэ д'алдаттан. Сөмат уруйттөн. «Дулин буңа йтчин бләви оскөчө күңгүй», — гүндя. Сөмат уруйттөн, мактаниттан. Он н'өкөксөл, хутөви бейе онкәндәңдә болда? — гүнчөн д'алдаттан.

Тар бил'өрөктин, аргит, таргит өдін—дәлдүн әмәл'өрөн-ивит арай, ахунма-да вчы удара. Арай иргит, таргит турғын, турғын сөхөн, сөхөн сейәлдітін силдівд'аран, дойылдітін дәлдівд'аран.

— Кимб, кимб, кимбен'ин! — Д'ө, нәкнил айамат ичәнәл гиркукаллу. Н'үңүрмәк гүнәри аңад'акән-куңакән оскөчө дулин буңаду. Тар хүркән-хутвич, тәрә ичәнәсүет! Тәрә айамат ичекөллү! Тәрә ёмй-кәт ичекесөл илтәнд'өңстү!

Тикән гүнчөлөн, шуцартын утен үркөлөн әмекесөл, тіктө. Тар н'өкөкесөкәр н'ән-дәт тикән гүлчө:

— Дулин буңа ойодүн оскөчө ахәткән, аңад'акән-куңакән, Н'үңүрмәк гүнәри, доңдоломо доронойо д'авад'акал! Утәнд'өзи үркәнен н'ид'әкәл! Бу синдулә соруяң сәнад'ал әмәчөвүн. Гёван-әтиркән хүнйлини биңнәрәв. Си хүркән-хутәс хуругучбидің бна оскөчө Хуругучон гүнәри дулин буңа букатриң оскөчә, балдичә. Тара ичәнәд'өл әмәчөвүн, Гёван әтиркән хүнйлини. Би әкимәтін биңнәм сәма солко тәтілкән Солкокчын гүнәри гәрбілкән. Дулгу нәкүнми Дарпек гүнәри гәрбілкән. Д'окөргү иңкүнми Сәкак-киливлі гүнәри гәрбілкән. Тадук сәма горо дүниәдүк айаннәкәл, әмәчбәл биңнәрәв, сәд'и турғәнд'и анататкал, әкбىй, дулын буңа йтчин, сөмат утәчанал гиркул'аран. Бу бүгавын сәма содом. Әргит, таргит авахил-атамәртін, уңу буңа сән'ицилатиң сәмәт гиркурил беремелтін билдән. Тарит сәмәт утәчанал гиркуд'арас.

Н'үңүрмәк гүнәри атиркән утбими үркөвөн нәкесөкән, әхиле йәтірән иңдарбатын. Били хутеви вайнашын ируи байиңүйлби ул-дәлбеттін ирикесөкән, әнәттәрән иңдарбатын.

Тар ахәткәр-куңакәр буңалавар сөмат утатра. Тар-дәт бугалавар д'ә цәнәхине.

Тар цәнәхинд'әнәл, әкимәтін тикөн гүннә туралкән бчай:

— Дулин буңа йтчин Н'үңүрмәк атиркән, д'ө сәмәт айат бикәл, хутеви айа бейе бикәкал!

Тавар хүнйл, д'ө буңалавар цәнәхина, Н'үңүрмәк гүнәри атиркәнма поростылахикәл.

Тавар атиркән хутәп, хурупучбидің бна оскөд'әрі, Хурупучбиди гүнәри дулин буңа букатриң тавар ахәткәр-куңакәрба ахарі д'алин иран. Он-кәт буңадүви вчы тулуйна. Әр ахәткәр-куңакәрба ахарі д'алин иран. Нуңан-да иңилдіран, гүнйіран. Тар н'өкөкесөкән, шуңан иләрәкән уңурус, тараңыс н'өкөран. Тар н'өкөкесөкән мәримә качикән бран, ахәткәр-куңакәрба ахалдан, мәримә качикән бкса. Дөгрі дөгйлабе качикән бкса.

Д'ө өркөн-дә, таркән-да ахамй-нүн ахаран. Илан-да бейнави җәнәнәни вчы сәра, налан-да анижаның җәнәнәни вчы сәра. Әркеби-да, таркән-да ахамй нүн ахаран.

Тар н'әкәксбәр ахәткәр-куңақәр буңалайар ихиксакәр н'ән икәлдә.

— Кимә, кимә, кимән! --- Гәван өтіркән аминд'ан, доңдо-лайма доровою д'авад'акал! Бү гүнчәнәвәр буңаңа бутунниузын гиркүрав, әмәрәв. Дулин буңа итчин, Н'үцүрмәк гүнмури, әвә-кәвәр ичәрәв, хуркән-хутәвән ичәрәв. Сә айа куңақән әмәнму-рән тәдү буңадүви. Тар качиканин бу хәргидәдүүн и'брүликан әмәд'әчбән. Тар иш иснаван әчәлбүн сәра. Сәд'и тургәнд'и д'өвгәйә бәләндәкәл, сәмәт д'әмуликсбл әмәрәв. Тәтти-тәттіне ба-ләндәкәл.

Д'е д'үләвар йиридүтін, әнә сәвра били Хуруүчон гүнмурий, дулин буңа букатирин ишмә боксакән арай йәдічә тар хүнйләнүн. Солко тәттіч Солкәкчән авсалән йәксә, ишмә боксә, тәдү дікән-чечә. Тар н'әкәксәкән илалдаван'ун бичә. Тар устадүн әчир сәра тар хүний.

Тар н'әкәд'әрәктин, әргйт-тәргйт әдін, бурга бча. Тәдүк хәргү буңадүк авахайл атамәнтиң әмәчбә. Эрхүнйәл гәннәрйәл гәрбйлду-ләттин, сунтарий суракйлдулатин н'ән нуңан д'е әмәчбә. Гәннәрй гәрбйи, сунтарий суракий илан кирилкан Сөләргүн Сөвәйәнд'е гүнәрй гәрбйләкән. Тар ахйләдәви әмәчбә.

Тар әмәксбән д'е тікән гүндә улгурдач, сәйәлі сәхәргәлчб.

— Кәңәрдәнин, кәңәрдәнин! — Гәван өтіркән доңдолайма до-ровою д'авакал! Бү хәргү буңа авахйлини атамәнтиң бихим. Д'әмәм, си хүнйләт гәннәрй гәрбйлдулатин, сунтарий сурактулатин әмәм. Айа әйбт-кү бүчинди, уха әйбт-кү бүчинди! Си хүнәд'ис сәмәт Солкәкчән гүнәрй гәрбйләкән хүнәтләс әмәм. Гадимадү гадилү әмәм. Сәд'и тургәнд'и д'алби гурбәлкәл, гүнд'әкәл!

Инмәкән боксакән дікәнчәд'әри, дулин буңа букатирин Хуру-үчон гүнмурий букатир ухук сәксән урдулән әмәрәп, бәрдак сәксән бәлгәлән әмәрәп, әхирек сәксән ўхалдулән истіран, брәдәк сәксән олуктулән истіран, д'ән чаратқидукини уваңас бүйүкесу сәксән чиңніран. Тәдүк иларәкән ууурус, таралис боксакән иш мәнин бран.

Д'е, тар н'әкәксәкән, авахйва утарй, дүйүлі дундаңдуви әрчәкләви бадарәнд'ана, мајаді дундаңдуви хәңџаклави бадарәнд'ана авахйва утарй гиркүран. Тар н'әкәксәкән, таргачин, әргачин гүндә икәлчб:

— Гүйб, гүйә, гүйәкәнин! — Дулин буңа бойнунин, хуруүчон-дин биңа оскәчә, Хуруүчон гүнмурий букатирба он әнә сәра гир-күд'анді. Бү бихим Хуруүчон — букатир. Бү синәвә сәчим, хәргү буңа авахйлини атамәнтиң бихинди. Сәмәт солко тәтілкән Солкок-чәнми бү синду айа әйбт әхим бура. Тәра әмй көрәйнән әмәкәл, кухиңет! Умүн кейича солко тәтілкән Солкокчәнми гад'әзан. Айи ахәткән-куңақәнми гаксә, иргйтчиңс — тб? Хутәвә-гү, сохуна-гү иргитиңсий сәнді-гү, өчбс-кү? Окии-дә өчбән таргачин бихи! Тарит бү синәвә әр буңадүк, дулин буңадүк н'аң'алай услад'үјөв. Ги-рамнавас мбра урускалин итәбестүн гиркәд'үјөв. Тар д'уләдүн

буңаләви юнәкәл! Эр буңаду әкәл ичәвәрә. Тарит бى тар әүгі-
дәлин Солжокчимо әхим бурә. Тәрә әми дәлдіра, әмәкәл, күхі-
ңәт! Ның кейін Солжокчимо гад'ајан.

Авахйқан икәлден:

— Көңірдәнин, көңірдәнин! — Дулин буңа букатирин, хуруқу-
чондін биң оскечб, Хуруғучбон гүнәрій букатир, си үлдәс саҳин
әчин д'ипкінә, гирамдас әчин манділда, айи-букатирин, си втәнді
тулуйра минду. Би сандук бин'вің букатирба йчиңчә бихим. Си
мәндә буңаләви юнәкәл! Постой дулин буңа бәйен әхинд'әңбі,
дулин буңа итчин йчиң әд'ајан. Тәрә әми дәлдіра, әмәкәл, кү-
хіңәт. Үмүн кейін сәмә солко төтілкән Солжокчимо гад'ајан.
Би-дә күхіріве әхим сәлде. Барада комаңдағ би сивайбадукив
тухәнд'әңбі. Ани бәйен үлдәд'ин сивайбайи дракив, д'урсу ая
биденбін. Хәргү буңа авахйләтін д'урсу урунд'оңдін.

Тікен гүндәлүн мит букатирит — дулин буңа букатирин тікул-
дан, сөдүн сәксөн урлән әмәрән, әхірик сәксөн ёхалдулын исті-
ран, д'ән чараткідукин уваңас буйуксу сәксөн чикнирән. Ава-
хйва утәрій гиркүран, маңаді дундаңын хәннәндүлбви бадаранды-
ран, дүңді дундаңын әрчакләви бадарандана. Ихисә, авахйва
сәнин тәкембүн коңорйқан колтоби тіківрән. Аважий иларәкән
токорихиндәви әчә сәра мәнин-дә.

Тәдук әркән-дә, тарқан-дә әлдімій-нун әлдіра. Илан-дә бәңава
кухінәвәр әчәл сәра, илан-да анжанайва кухінәвәр әңбл сәра.
Тар н'әкәкесәл, умнәкән хәйә-хәйәтпәр уйунчумбтнол, мирә-мирә-
дүккәр д'авалдіксал, әрікесәвәр сәмәтнал илитта.

Тар н'әкәкесәл, авахй-турән д'авад'идукин болор-boroj мун-
дукән наңададырын тәпүксәл тіктілчәл, ёхадукин илан истакәндін
ирас мұл тіктілчәл. Көңурвәд'ян дәдүн ёдук-тә хәгдіңт ниргий-
илчә. Оюктодукин хәннәндүлбви илираңар-иликсал тіктілчәл. Д'а-
ларин дәлбін сиғидачәл.

Гадук эр айи букатирин авахина дундәле илан саҳамакту ті-
мирдәлән ғарадаача.

Тар гарадақса, әр айя букатирин тікен гүнд'әрән:

— Гүйе, гүйе, гүйекен! — Д'ә, әр хәргү буңа авахйлии ата-
мантин, дулин буңа ахаткән-куңакәнмән ахиләдәви ямәкесөбін, кө-
рес турғыми аңа гүна буми комойд'оңс. Сөл'и тургәнд'и кө-
респи гүкәл, дізин ңәлалқан котоконд'ини қанкавас әд'әлів хогра!

Д'ә, әр авахй әргәчин, тарғачин гүлден:

Көңірдәнин, көңірдәнин! — Би әр буңаду әргәчин айи бу-
катирин бил'әңзи әчән гүнчәре. Си бихинде-ивит! Ад'ас-тә аха-
кән анжаниду әчин бичас. Домно әргәчин сурдәк бчә бихинде-
ивит? Сөлә биттән-ивит, бунадуви-дә әхим комойло. Будан ирак
буңасай биңи! Би будәм, си би ондуудүв бәйә бқал.

Авахй тикаң гүмурәкин, әр Хуруғучбон гүнәрій букатир лізин
цілалқан котоконд'ини қанкапд'али чакдайлай.

Тар н'әкәкесәкен, дулин буңа букатирин Хуруғучбон гүмурый
тәрбиялқан л'и, лихийрій нақса, Гәнан атіркән түркотонда тулаги-

дәлбін, тараңнарй табирлән. Әмәрән. Сöма солко төтілкөн Солкок-
чын гүнәрй ахаткән-куңакәндүлл, пүңаман ахайави гадаиви,
алгана исчä.

Н'аң'ар ииәни юэмтәләд'брәкин өргит-таргит әдин әмәлчөн,
екундуқ-та сурдақ бурга әмәчбн. Тар илтәнмуруәкин, әдук-та
айа, ирас сәксәлкөн айи букатирин әмәчбн. Эмәксә, пүңаман
утарй гиркуна тикбн гунде турбчилчб:

— Эрйл—дәрил, эрйл—дәрил! — Эр ир буңадук әмәчб матат-
кән биңнди? Йадук сәксәлкөнмй, тәкблекиң сöд'и турғанди
улбулы улгучбкөл, гурбл гүнтід'әкөл! Ай бейевви әкәл алаачив-
чара. Сири бейевви әкәл сиричивчара. Минәвә гөннәрй гөрбиве
дәлдидәви улгумири бихикис, би дулин буза Н'ууцурмекин хүркбн
хүтән биңнәм, дулин буза бойунин Хуркокчон гүнмурй биңнәм.
Екүн надалә әр буңадә әмәчбн гунде улгумири бихикис, би
акийми Хуругучбн гүнәрй букатирба гәлбктәд'ем, Гёван әтиրкбн
хүйлип ән'йндукив д'оромонол эксәчб. Тара бй үд'ана әмәд'ем.
Тара сәнді-бү, әчес-ку? Сöд'и турғанд'й гурәли гунд'әкөл, улгулы
улгурд'әкөл!

Эр акийни бимй гунд'әрән:

— Гүйб, гүйб, гүйбкенин! — Хуруңчбн гүнәкис би биңнәм.
Авахйл атаманнатин әмәчбвә хуләптербн хувбчим. Тарит Гёван
әтиркбн хүйлбән би авахйлдуқ тітәм. Экйндеңүәттн сöма солко
төтілкөн Солкокчбнмо би гачим, тар иекүнмэн Дарпекчан гүн-
мурй ахаткән куңакәнма си гакал. Тарит буңалавар юңәйт.
Олоккор әбәт. Дулин буза итчилии мит бд'әбәт, бейә тәкекбн-
мэн мит бд'әбәт! Сохувә мит иргид'ибәт.

Д'ә, иекүнин әләкәйрәп бадаңа, тикбн гунде турбчилдән:

— Акай, акай, дулин буза букатирин Хуруңчбн, акай! Д'ә
тәд'әмә, букатир бихинд-ивит! Хәргү дуңдә авахйл атаманнатин
вача суракис сутад'арап. Кейчай гөрбис гөрбивд'әрән. Тикин
әхилә мит дулин буза итчилин әдан, әхин! Тар бихикин, Гёван
әтиркбн хүйлбән ахайавар гакса, д'үткәкйвар муңаңт.

Д'үкәрб хүйлдүлл әр, әмәксәкәр. Тар йеккөн, Хуруңчбн
н'ян әргечин, таргачин гунде Гёван әтиркбн хүйлдүлән гуралы-
кен гунд'әрән, улгуликбн улгучбн әрән:

— Д'ә, әр Гёван әтиркбн хүйлд'алин, минәвә сормордук сöр-
гувән, муңмадук муңтутурбән, әрәймәдук ән'йимәгүнән ишанкимн,
тарит әкүнд'и тамад'ајақхун? Арай сүнөө әрикеңд'әлбәхүн ару-
хүйчөв. Авахйл атаманнатин сүнөө хуләптербәхүн хунувкбчимчб,
би ачин бихикин. Тарит бихикин, мәрбәхүн ахайавар гад'әйвүн.
Тара әлекиттбс-ку, әчелдүн-иу? Сöди турғанд'и гуралыкян
гунд'әкөлду, улгуликбн улгукөлдү! Айан бейевви әкөлду алчичив-
чара, сири бейевви әкөлду сиричивчара. Сöд'и турғанд'и
гүкөлду!

Гёван әтиркбн хүйлд'ии сöма солко төтілкөн Солкокчбн-куңа-
кән ділбі тір-тар бхисәкән тикбн гунде, улгулы улгучбн әрән,
гурбл гүнтід'әрән:

— Кимб, кимб, кимән'ин! — Д'ө, өр гүнәм, дулин буңа бука-
түрин, хурупчондің она оскече, Хурупчон гүнмурі буқатир,
би улбулы улгурдивә, гүрәли гүндівән дойылған дәлдікал,
иргейеләви иктәвкөл! Д'ө, тәд'емә си, әмексе, авахил атамән-
дуктің айи бейевен. Айи бейәдукин авахйла ңенәд'иңен-до? Тар-
ит гарі бихиксүн, әхис арқастара. Эр буңаду бихикин, син
бір әтәрә сузун бивкәне. Хәргү-де, убұ-де буңадук арахинай
буқатырыл аңад'иңати, сузун әтәрә бивкәне. Тарит дулин буңа-
дувар мәрті оләккор әд'иңат. Екүн бид'ән тар, бајар колбошок.

Хурупчон гүнд'әрен:

— Гүйс, гүйс, гүйекинни! — Д'ө, Гёван әтіркән хунәд'ин,
сома солко тәтілкән Солкокчын гүнмурі ахатқан күнәкән, тәвар
гүниәдус сомыт әлекісім, әлекінд'и гүнд'әнді. Дәмдүн-да бихи-
кин, сивайбайда әңат! Иңәранду колонді инак сохувөр айаргүйан,
астакалду, д'олукдү колонді д'олдок сохуйәвөр вәкалду, мүкәндү
колонді мурин сохувөр астакалду!

Тар әчалән, де ахиллара. Сағдаңу сағдаңува гавкі, нәкүн-
дәзү нәкүндеңүве гавкі. Тадук буңалавар, д'уләвар, ән'йндулә-
вөр ңенәвкіл. Айандәксал, айандәксәл, д'уләвар иста. Тар ихи-
ксәкәр Хурупчон гүнәрі мататқан тікен гүндө, улгулы улгу-
ченд'әрен:

— Гүйс, гүйс, гүйекинни! — Дулин буңа әмүккәчән оскече
Н'үнүрмек гүнәрі, ән'йн гүнді ән'йни, д'ө би әмөм. Доңдаблым
доровою д'авакал! Тадук амаргүптиң бимі улбулыкән улгуринд'ә
од'аңан. Дәйаләви дәлдід'акал, иргейеләви иктөвд'әкөл. Д'ө, Гёван
әтіркән хунәд'ин сома солко тәтілкән Солкокчынмо би гам. Ила-
чиликкү үйелендек гиркійәви гам. Тар нәкүнмән, Дарпек гүн-
мурі гәрбілкән ахатқан күнәкайма нәкүнми гадан. Тарит д'үкре
кәргөлекхәл бқасал әмәрәв. Эдук д'уләсский дулин буңа бейән тә-
кынмен тәрийридү, сохувә иргиттідү бқасал әмәрәв. Эхилә әдук
сивәвә мәнмес д'ө карайд'иңәвүн. Си мунәвәв балдівчәс, бейә
бқанчәс, тарит дулин буңа әхилә митци оран.

Ән'йнтиң, д'ә тікен гүндө, гүрәли гүнд'әрен:

— Кимә, кимб, кимәнин! — Д'ө, хүркен-хутәв хурупчондің
она оскече, Хурупчон гүнмурі хутәв сомат-та айат гиркүксәл
әмәрәс. Би, су ңенәчдүксүн, әхинде-да, дерумкірй-де бокой
ачин. Д'ур әхав мүн арбадалан соңоксб, бид'әм. Эмәрівәхүн-де
әчбә сәра. Д'ә-ву, д'ә-ку әмәрәс, урувсә, урувсә! Алаван'ум ала!
Эмәрәс-ку әхилә, урувсә урувсә, хутөлбі!

Тар и'вәкәсәкәр. д'үйавар бқасал, курейәвөр бқасал бәйәдіт
бид'әра. Тар бид'әнәл, горово-до бинәнәр, мәртін әчвә сәра.

Тәвар, Хурупчон гүнмурі хүркен-хутәлкен оча. Хутән бимі,
илялдана әнәкәс, илачи күрәкадын оча, туңцалдана бикес, туң-
цажи күрәкадын оча. Тарит сомат түркенд'и хәгдиә оран. Амин-
дукки-да буқатыр бейә од'аран.

Тар и'әнәкәсәкәи, нуцан гүнәрін гәрбийени, сунтари сұракин,
утары тақақса, аминдукки, ән'йндулукки тәләд'әрен:

— Дәгри, дәгри дәгримой! —

Әр-кә, гунд'әм, әхйлә бى ийәв-де әтән балдира, уруими-да әтән йурә, хүркән-кујакән биксәкән, он гәрбийә ачин бил'әүө? Миндү гәрбийәв буқәлду амйн гунді ам'йними, өн'ин гунді өн'йними! Эмәрй, сурурй, дәгрй дәктәндәлкәндүк йлә, дурукки гәрбийә ачин гундәл ин'эвүнтәттә. Тарит сөд'и тургәнд'и гәрбийәв бу-кәлдү!

Солко тәтілкән Солкокчын гүнәри өн'йинин түрәчилилттән:

— Дулин буңа бойунин Хүркокчын әд'акал! Уңу буңалә исмә сөн'иң Чивқачатқан гүнумурй әка! Тадук тара әләкәймій „әләкін“ гүкәл, әмй „әхин“ гүкәл, уха гүнмүй „уха“ гүкәл.

Умнәт, тімәткакән әрдекен иликсәкән, хутетін амйними, өн'йними дәптикәй тәғәккес, тікбн гүндә улгурд'әч:

— Дәгрй, дәгрй, дәгримой! — Д'ә, бى әдүк ийәв-де әтән йурә, урүнми-да әтән балдира. Умүчидукки үйәләнәк гиркйәви, д'үчи-дукки д'үвчамыу гиркйәви гәлбәтәдбви н'әкем. Ема буңаду миндү әләкін ахаткән бил'әүбн? Талә н'үңи'икәлдү! Ахүн-да буқатирил бихиктің әкәлду үәләре. Йду хунат бихин-дб, талә исчаңаў. Сөд'и тургәнд'и улгучбкәлдү.

Тадук амйлән өн'йинин мән мәннәр ичәтмәчйттә, „си н'үңи'и-кәл“, „сай н'үңи'икәл“ гүндәл, найламаçитта.

Тадук тавар өн'йинин н'үңи'илч:

— Дәки, дәки, дәкимой! Д'ә хүркән-хутәв, тар н'үңи'инәвәв әләкәймій „әләкін“ гүндәви, әмй „әхим“ гүндәви. Д'ә, геван йүктігидткін, дундә мудандүн кири буңа кинәхин, горо буңа городин кулуван Геван әтіркән гүнумурй бихин. Таду бихин хунат. Үн'акәчива әчин тәрәвәкән, сөн'иң Үн'аптук гүнәри гәрбіләкән ахаткән-кујакән бихин. Хәргү-дә бугадук буқатирил, уңу-де буңадук ай буқатирили-да кейан өүётин гада. Тайлә үәнәд'әүжес арай? Диңин халгалкән байуә, дігрәкән балдікән, истин, гори буңа. Д'ә, тарә би, ёкүн албахиал'иши истіви мәнді сәд'ајас. Тар-да биче-лии, тавар Н'үңүрмәк гүнумурй әвәккес би н'әкәривес баңар суве-ләд'иңән дағамақтү.

Тадук омолгын бимй тікбн гүндә турәлкән бдан:

— Дәгрй, дәгрй, дәгримой! — Дулин буңа бойунин Хуругучон гүнәри амйнда, Солкокчын гүнәри өн'йинми, Н'үңүрмәк гүнәри әвәккенд'ев, дәгрй дәйй дәктәннәлкән әксакән, дәқиляллим. Буңави иларәкән токорихиниксә үәнәхинид'ијәв. Тардалап әкүима гүнит-тәс, сөд'и тургәнд'и гүкәлдү!

Гүнекес, тар поросайдасчаран. Тадук тәргәндулаеви Йұксәкән иларәкән хүн'идбхинән, гәңинд'а әксакән, дәүилдәв.

Н'үңүрмәк атіркән, йүмәлчәкес, сәт тургәнд'и турғаликән гү-нилән, улгулыкән улгучбладән:

— Д'ә хүркән хутәв, бى турғанд'евәв дойыләви доддід'акал, иргейзәви иктәвд'әкәл! Сомат айат гиркукал! Танар ен үнияд'ә-риє буңалә д'оке дулин буқатир әд'екин кейан гиркура. Тадук тавар, амйндуң би әнав, ирбкте калтакән аллајанд'а бихин, иракта

калтакәк и'уринд'а бихин. Тара әксәкәл, ёмй-кат иңда бил'әүен. Тәдүк хуңтуву ёкүнма-да анирйиң ачин. Сөт айат алгаксә гарнаракис, конюрин-да токсудук өтөн тајавра. Сөт айат гиржүкса, ёмәка! — гунде, хиргәттен! Д'е хиргәкес, өтөрөн. Тәдүк өп'инин поростіләхинан, хиргәлдән:

— Хуркәкби гунәри хутев, сөт айат гиркукал! Эвтіләлкәндүк әкәл тікре. Д'уләчидү әкәл д'уләви буро! Олдбләкәндүк әкәл олдонд'иви бра! Албахайлкәндү әкәл давдіра. Албахайлкәрба ачынкал!

Тар омолбин уңилай токорд'оно, нахайланчана ёмәкескән, ала-џанд'ави деңимнин чаварихинан. Д'е тар гәван йүктүйдбткүн нуңан бимі дәғд'әхинен, хәргү тұксу ойойблайн, уңу тұксу уңай-дәйелін дәғд'әхинен.

Тар дәғд'әнәйә омолдай хиргәлдән, икәлдән:

— Д'е би айат гиркумай илан аңијан дәйіндәдүн ёмәд'әүен. Тарә илтәнмій, ёміјенд'е кәңтірөв тиізләдекин, ңонум д'алив урумудекин, итчилкән турәнд'еви әдійелү үнбелд'иңев, сома турғәнми салгийдәдү салайд'әнәв!

Тар гүникес, нуңан дәғд'әхинен. Эркән-дә, таркән-да жәнә-ми-н'үн ңенәрөн. Горово-дб, дағава-да жәнәнәеви әче сара. Илал-да, илан-да беғава ңәнәнәеви әче сара.

Тәдүк Гәван-әтіркән буғалан ихилдан, болдаға. Гәван-әтіркән турғотонді тулагйдән, тараңнары табарин д'е ичевулдән.

Иңарар гүнчәнәлін инакіл-сохул әд'ара, чәкчекәл гүнчәнәлін мурир-сохул әд'ара, бқтаңыл гүнчәнәлін орор-сохул әд'ара. Тәдүк, д'е, тар Гәван-әтіркән мөманд'а д'улән, ёмәкес, уркән-д'әлүи дәксекаң, тікән гунда, д'е икәлдән:

— Дәгрій, дәгрій, дәгримой! — Д'е Гәван-әтіркән әхәкәнд'ев, горо буја горотин кулуван, кири буја кинәхин синдуль, д'е, ёмемій-н'үн, ёмәд'әчәв, дәгмій-н'үн дәғд'әчәв. Тарит би синдуль соруған ёмәм. Екүн сома соруклан, ёкүн гиләвнай надалан ёмәнәви улгучанд'әләв. Уркәнд'әни шид'әкәл, доровонд'ою д'анакал, амаргүлтін улгуриңд'а бил'әүен. Си мәнді сәнді бил'әүен, хуркән-куңакан ёкүн надалун гиркуривән. Би гәннәрәй гөрбів, сүнтары суракиң сән'иң Хуркәкби, дулии буја букатирин Хуруңу-чон хутен бихим, Солкокчон ән'йими хутен бихим. Айан бәйәвени әкәл аләчивчара, сиря бәйәвени әкәл сиричивчара, улгулы улгучекел, гуралы гүнтід'әкәл!

Тәдүк Гәван-әтіркән уркәнд'еви ийкес, вр бәйәв, қаладукин д'анакас, д'уләви йөрөн. Тар йавукес, Гәван-әтіркән тікби гунда турәчи, сөхачи әд'арас;

— Орил Дориал! Орил Дориал! — Д'е дулин буја бойунин доровонд'ою д'анад'акал! Амаргүлтін улгур од'ајан. Би турәнмен доннайлан дәлдікал, иргәйелави ивқат. Эр би хунатпав, сөн'иң-Ун'антук гүнмури ахаткан-куңаканма гадавар хәржү бујадук ахали атамалитин Саларгүн-Сумушонд'о, ёмекес, бил'әрен. Уңу бугадук айи бугатирин, ёмекес, бил'әрен. Илан аңијаниду күхй-

д'эрә, авгу-дә өхй кейилдіра. Ёкун дурук албахилд'ивар күхірә-дә әчбәл кейилдіра. Дөрүмкілнәтін илан бөјә оран. Эр-ті, иликса, күхілд'әңгәтін.

Д'ә этіркән бимій бойун-бейе д'өвгәйен астаксақан д'өзувек-нилдән. Тар бейе д'өвд'өривен ичэттәким, тәд'әмб-дә буказір-бейе биңдт, ивит. Д'өвд'өрін-дә со бейе, бадаң: күн улдағы мұкудікән аміахиниксә, коколододиң әд'аракин н'имінжеттән, имүкесең бимій, мундуқанында аміахиниксә, киринастін әд'аракин н'имінжеттән. Силявән бимій сиуаксә, симтуид'өви манаңнаван хайялбви қујкухиниксә сәттан.

Тар д'өзүкесе этәрән-дә, буказірилдүлә цәнәрән. Нәнәксә, иченән, бойундаскит полбид'өдүвәр д'ур дәлкенду д'ур буказір әд'ара. Ойодүтін илан токорикта иманда тікчб. Эр бейе бимій тала ихиксә, арай әр дәлкінме хәқинтүрән, тар дәлкінме хәқинтүрән. Тар и'екәкесе, тікби гүндә түрәчі әдан:

— Дәгри, дәгри, дәгримой! — Д'ә, убү буза буказірин, мәнумә тәтілкән Мұңулайбын гүнәрій буказір, доровоид'авакал, амар-гүптиң улгурйнд'ө әд'аңән! Би дулин буза бойунин биңнам, дулин буза бойунин Хуруңучбон гүнәри амілкән, Солкокчон гүнәри ән'йлкән Хуркокчон гүнәри буказір бихим. Си „ёкун надала әду гиркүд'арій мататқан биңнанді“ гүнекис, би Геван этіркән хұна-д'ин, сән'иң Ун'аптук ңәнәрій гәрбілкән, сунтарій сураклән әмем. Си улгүй улгучбқа, гүрәлій гүкә!

Гә бимій, уәү буза буказірин, д'ә тәңәрән, надан. Тар иликса, тікен гүндә сәхәчі әлдан:

— Уәзел, уәзел! — Д'ә, әр дулин буза буказірин, әзә ёкун надала әмәкесе, доронді, доксурганді? Бахиванд'ат барғаңнанді! Тукунә, тукунә биргәнд'әв билдән! Си әкәл әду миневә д'ар-дәре! — гүндә, нуңан әчб-дә довоболосто.

Тар и'екәкесе, тікулнаудүви сөбүн дірамдуліви аран әчә хитар-гара, нәмкундулайви аран әчә этіргәре. Өрдәк сәксән олуклән тікрен, ухук сәксән урлән әмөрән, ихирик сәксән әхалдулән истиран.

Тар и'екәкескән авахийдуләви, дуйуді дундаңи өрчекләви бадарәннәд'ана, маңаді дундаңи ҳәніјекәви бадарәннән әмә-кескән, авахийди дөлкөнмән дунделә хүкәлчекнән ҳәкіхинан, тәдү авахийнд'а дунделә илихинчана тікрен.

Коңюрикәр колтолд'ивар буказірил иктәлдіра. Хуркокчон әдү-тадү гиркүктаттан. Сәмәт хивинан, халд'араш - ју, оран- ју, әнәдүтін кихана. Дәдүви сәммат курутуйран.

Д'ә, тар горово-дә күхінәтін әчә сәвра, даңава-дә күхінәтін әчә сәвра. Тар күхікесәл, күхікесәл, мудантін оран. Хәйе-хәйе-лувәр уйунчумбтнол, ми्रә-мирәдуккөр д'авалдікесәл, дәрүмкіхине, ҳәніјертін дәділи сиаличәл. Д'авад'илдуктін мундуқаның тәпуш-кесәл тіктілчәл, ојоктолдуктін хәлакідікәр иликса тіктілчәл. Тар и'екәкесәл, и'ян-дәт күхілчәл. Анахірін көйилча. Көйину-лика, әр уәү буза буказірин тікен гүндә түрәчиңе:

— Эмијенд'е кәңтирең тійелдән, үбнумунд'а д'алив урумулдән, авахыл атамәнтиң, д'әңкүр д'әпниәд'е, ад'ас әчиңнад'ал. Д'әптиң иңеңиң д'е өмарен. Бى әріксенд'евен әрушийдің идү бихин болда зду, дулин буңа бойунни Хуркокчон йыл ңөнәрән? Ай бейәвнән әріксенд'евен әрушийріңү бәйә бичес, әхй-гү? Бى бури, мунд иңеңиң өмарен. Союзомо соринд'ав, тукунә бирғәнд'ев билдән, — гунде түрбчittән.

Тарә дәлдікәс, әр дулин буңа букатирин вәж тулуйра. Ай буңа ай бейәвнән муләниттан. Мәванд'ан, ақиид'ан муләниттан.

Тар н'екекса, нујардуләтін өмерен. Ичәрекин, авахынд'а ай бейәвнән кәйилчә. Д'әдүктөн улделдукин кәңихиникес, д'әвүхинде, д'әвүхинде күхид'өрән.

Тарә ичекес, әр Хуркокчон гунари букатир тікулнапи сәдүн авахынун күхидән. Ихисә сөнин твәндүн иктәрән, иларәкән токорихинчакнан. Тар күхикес, күхикес, н'ән-дәт тәрбчивкил. Тікән н'екексәкәр, авахы гунивки:

— Кәңәрәнин, кәңәрәнин! — Эр дулин буңа букатирин, коңорйқар колтодл'ивар өңстіл кәйилдіра бихип, алаңанд'атпар гарпудләңдәт. Умүн нәвкәнчә вәзин, тәдук умүн кәйчә тар хунатпа гад'иән, — гуниттен.

Хуркокчон н'ән вәлекірән:

— Ка, тікән-дә биңин, — гүнин.

Поләнд'етін д'ур мудашдүн оңкучакыл бихи, хәрәдүтін әрбәчіл сөзлә бихи. Тар оңкучакыл хулидүтш иліксәкәр, авахын'ун бәйә гарнумайчал. Д'о, тар авахыннан н'ән-дәт гүнчө:

— Би инон балдачә бәйә, инон гарпакта! Нәнәкес, тәдү илкал!

Тәдү дулин буңа букатирин тікән гунде түрбчай, сәхәчі өран:

Генди-этіркән, ахқазид'иң, тәдук сән'иң Ун'аптук гүнумурй ахаткән-куңакан, д'и би алайа имәжалан ңәнәд'ем, би әмијенд'е көйтірең тійелдәкін, үонум д'алив урумкулдәкін, түрбид'еви әдійду үңелд'иңен сундула. Би баркендү нәпракив ділачә коңоргод'иңди. Тәрит садақвахун би кәйиннава. Тікән гуникес, оңкучак хулидүн илдан.

Д'о, авахынд'а алаңанд'ави хиргәлдән:

— Салемәнд'а алаңанд'ав, дулин буңа букатирән, коңорйқан хакинин дулиндүн тішкөнмүкәл, — ңүникес, — хурубунин ицин дүнделә ширгихинчарен, н'уринд'ан ицин и'ән'алә күбүнәран. Тарну-кән дулин буңа букатирин дулин буңаткайви калбарис биң адаңа-ран. Тарә н'уринд'а, әмекес, хүнмәвн тәвдурегар ңәнәрән.

Тәдү пәнум-ију, — гунда, ңәләніәдүн, ділача коңоргохинан даңава, коңоргохес илатанын. Тәдук ай-букатирин Хуркокчон гүнен:

— Ка, си илкал!

Д'о, авахынин, оңкучакиңи хулидүн ңүнәкес, иллан, алајави хиргәкес, гарналд'иңи.

— Д'е дулин буҗадү өмүккөчөн оскөчө Н'үйүрмөк гунәрй ән'екәнд'ев биләркәтә калтакан алаңанд'ав, ирәктә калтакан н'уринд'ав, бى итчилкән түрбәмөв инихинисе әббүйлд'екәл! — гуниссәкән, хурупунин иции дундәйәлб ниргүхинчөрөн, алаңан иции н'ајн'алә күңүхинан. Тарит авахйнд'а хәргү бүжаткайви ада-бадәви н'екәнен өчб кейән адајара. Хакинин дулкәкйидүн н'уринд'а тілкәнмүрән. Тар кеййан авахйва. Кейиксә, ңөнәрән Гёван-әтиրкәндулә. Тар өмәксө, тікен гунд'эрән:

— Дәгрй, дәгрй, дәгримой! Геван-әтиրкән, әхбәнд'ев, си хунәд'ис, сән'иң Үн'аптук гәрбилкән ахаткай гәннәрй гәрбилән, сунтарй сураклән өмәксө, сәмардук сөргүван, өрәймәдүк ән'ин-диәби ичәм. Хәргү буңа авахйл атаманн'үнтән Сәләргүн-Сумуңун-д'ек'ун, тәдук узу буңа айи бәйә букатирн'үнин мәңүмә тәтілкән Менделевичинн'үн бى күхим, нуңартын өмөчбәл си хунаттуләс, сән'иң Үн'аптук гәннәри гәрбилән, сунтарй сураклән. Нуңан д'үңүдүн илан аңјани илан бәңава күхирә. Авахйл атамантин узу буңа айи букатирван кейд'аракин, би нуңанмән, муләниексә, бихам авахидүк. Дулин буҗадү өмүккөчөн оскөчө Нуңурмөк гунәрй ән'екәнд'ев биләркәтә калтакан алаңанд'атпи, ирәктә калтакан н'уринд'атпи бий-дә кейим хәргү буңа авахйл атамантин букатирва. Бى ачин бихикив, тар хәргү буңа авахйл атамантин хуләптәнмәс хувумчә, колумтуvas уркүчимчә. Тарит бихикин, Геван-әтирикән, әхбәнд'ис, хунатпи минду ахийав бүкәл! Тара әләкәйнді—гү? Эңас—ку? Соди турғәндәй, гурблайкән гүкәл, улгулайкән улгучкәл! Айи бәйәвән өкәл аләчивчара, сирий бәйәвән өкәл сирыйчивчара. Гёван-әтирикән тәрә дәлдіксә, тікән гундә турбәтчөрән:

— Орил дорил, орил дорил! — Д'е, дулин буңа букатирин, сән'иң Хуркәкчөн, д'е бى улгүлй улгүрдівәв, гүрәли гүндінәв дәйәләви дәлдікал, иргәйәләви йәкәл! Д'е тәд'емә, си өмәксө, авахйл атамандуктән биханды. Айи бәйән айи бәйәвән авахйду бүмчә-дö? Тарит бى хунатпав сәнни Үн'аптукка гарй бихикис, ехим аркастара. Эр буҗадү бихикин, син бир өтбәре суңун бивкәнә. Хәргү-де, узү-дә буҗадүк арахинай букатирл аңјаниткүн суңун өтәре бивкәнә. Тарит дулин буҗадүвар мәрдүн олоккор әкалду, ёкун бид'ән!

Тар улгучбәмчекисбәл, хунатпән гадан, сибайпава бран. Талук д'е колбосто. Ахиви буҗаләви өксәрән. Буҗаләви — әнтілдүләви, амтілдүләви истан, ихикса, талу бид'әлән. Д'е тәдук өвеник тәкбенин бид'ача. Нуңартын орор-сохулбә иргилчбә.

15. ТАМНАЙ-ЖАТА, Д' ОЛОМО Д' ОНУЙКАН

Әтирикәлкән атирикән бира улайдүн бид'әчәл. Тар бид'әрактән птіркай өнімдерин көпелчә. Д'е көпәд'әчә, көпәд'әчә, гөгдәк көпәд'әчә, әнә өнүрә. Үмнәкби атирикән бимй күлтурләви начача көпәчө өнінд'иви. Тар начанан арай күңәкән чөрәжимнәк тікчә, өнімдерин

ултэргеч. Тар куңакан бимің аңаңдағы тәвбәч, тарниңнан уркбиң-куңакан биче.

Әр куңакан, умұлдуву әніжамій, умұлқон куңакадің оча; д'улдеве әніжамій, д'улкөн куңакадің оча. Надалдава әніжамій, надалкан куңакадің оча. Әр куңакан бимің түксектарі, әвіктарі оча. Тәлук әр куңакан бимің улкіншімде гәлектәрі, бәйічіктәрі оча. Әр уркен-бәйәткен бәркән бәричи оқсас, д'ә, горолдулы гиркуктарі оча. Нуңан бимің дундеве, ёлба, борилба гиркуктанаға городайталч. Тар горолдулы гиркуктадаңа, арай умұн д'әкдекек имүк-тәлеки үредү өхемійәве ичәче. Д'ә куңакан нуңанман бәйічилч. Нуңан бәйіншің даңамача, бәйиттең ңөңед'ене. Әр даңамаксәкән, куңакан бимің түрәчилч.

— Эйин, әйин! — Екөн бәйің бихинде?

Тарниңнан бимің тікен гүндө турәлкен оча:

— Екөн, екөн иніулден, екөн, екөн түрәчилден? Би бимің аңы бәйіңен бихим. Күңакан, күңакан, токтохикал!

Күңакан бимің тар-дат тікен гүндө турәлкен оча:

— Эйин, әйин! — Би күңакан синеве бәйіжт гәрбітчөм. Би бәріттің тілбенмұд'өлім, гәрбіви мәтәвекел!

Әхәзин бимің тікен гүндө турәлкен оча:

— Энде, әнде, әнде! — Би гәрбінд'өв, әтіркен гәрбінд'өв Сатана-әтіркен. Си, күңакан гәрбінд'өв әчин гиркуд'анді! Уте, н'ика. Синеве гәрбід'екте, Тамнан гәрбінд'өс бінин, Тамнан-букатір бейе.

Тікен гүнчөлең, әр күңакан бимің түрәчилч:

— Эйин, әйин! — Эхим ңбларе, аңы бәйіңд'ин гәрбітчөв, амаргуд'ин әхәкөв-гү бихинде? Таркән әдакин, гәрбінәдүс пасибанд'а өген. Әхәкә, әкел аксандаңара! Байең амасқай мұчұд'а хина.

Гәпнің бимің, әхәкән тікен турәлкен әдан:

— Энде, әнде! — Уте-н'ика, џанәйе џәнәд'екел! Н'үніеве н'үнәрүд'әңеу үтә-н'ика. Айат есқандад'акал әхәкән гүнөн. Тар гүнисе, тікен гүндө н'үнәрүлден:

Тамнаны, матаң-бейе, ёду—вал кихалгаду кихалинми, би гәрбійевен гәрбійеттөві! Будвари кихалгас әмәрәкин миневе д'онтудағы. Си џәнәд'екел бираңың солокобы. Д'уләзи џәнәд'едави, џәнәд'адави, урәзе түктід'әңес, д'әгдәкен урәзе ойовын исчана. Тәлук әдакин, урәјнес ойолын истакис, пургалду пургавд'әңес, әдінде әдівд'әңес. Тарикин ёкона—вал гарададағы «әкәл пургара, әкәл әдінә!». гүндө. Тәлук әд'акен, бујайна мүндиңд'әкәл, ичәткел! Тар ичәттәкис, сиңарин инјактачы мурин бид'әңең. Оңқод'оринан ичәд'иңе, тара бәйиткал айамаканд'и, әхитпі мәдәнкана. Даңамаксәкән оловкөкөл, «уніис бихим» гүн-д'анға оловкөкөл.

Күңакан бимің л'утқакини түксед'ахинан. Д'ә д'уләви исчә. Ихинсәкән әнізатч. Тәлук күңакан бимің л'удауди әхин тәхнийе,

илб-вэл юнэдэви өйбттэн. Тардалан нујан ихэнрэн, сагдчирда бэлдэн. Этэркэлкэн атirkан бими гүнэ:

— Уте-н'ика, экэл горолцтара!

Д'э, тар этиркэн, атirkан ахинчал. Омолгити бими тэтгэн бихид'ин амтлаби нэмечэ. Тар нэмэксэкэн, «би иgvэн, кацунариав эхий долдира», гундэ, йүчэ-дэ этэкэнчэ.

Нујан бими юнэд'екэн юнэчэ, тусгад'акан тускач бирацжин солокбэй. Д'э урэнжу туктчэ, ойолон ихиача. Д'э эр исчаракин эдикбүй, унчэктэй тикчэ эхилэ. Эр куякай бими гүнчэ: «Оксэ! Он н'экэд'эм?» — гунчэксэки, иличихинчаксэ, тэтви унмэдукин тэкэрэгээр танчч, тэдүк гарадачч. «Улгаминд-чү», гүнжес, — гарадачч. Адиркэн гарадачч. Буџан юэмтэс очч. Тэдүк буџави мундхинчэ, арай мундхиндэн сијарин мурин гилбаларан. Нујан бими тарйакла юнэхинчэ. Нёнэд'очч юнэчэ, дагамачч, д'э мурин эхин сэра. Тарију байчилчч, бэйбэд'очч ёнэ сэвра. Д'э ад'ас дагамаксэ, оловкбонч бурины «унжис би бихим», — гундэ.

Д'э эр оловкбончблын, мурин бими тикэн гундэ турэлкэн очч:

— Эрнэй, эрнэй! — Д'э минэвэ оловкбондн, «унжис би бихим» гундэ, оловкбондн, бий синдү мурин бд'ицэв. Оловкбондбви д'үүд'ин укчалхикаал! Укчалхинччалас бий турэлкэн од'ицэв:

Д'э куякай бими, д'аваксакэн, укчалхинчч. Д'э, эр укчалхинччалан, мурин бими тикэн гундэ турэлкэн очч:

— Эрнэй, эрнэй! — Миндү укчалхинчнди-дэ, бий илалдамакту улумосчоюб, курбод'оюб. Айат д'авадави, айат укчалхикаал, эхитти буруу умэрэкэл!

Д'э тар учакалхинччалан, муринин курбуч бурчурин, улумсч булумустон. Ийин долбоний д'алуптэдүн аран эчин буруу. Д'э тар н'экексэ, эхилэ юнэхинчэ бид'ицэн. Тар юнэксэ, бэйэ илб-дэ ислави эчин сэра бичч. Арай, л'үүдэ укэд'ексэ мёлчч. Эр мёлччалан арай тулилэ турэн ижин долдивулач:

— Эрнэй, эрнэй! — Горокэ ёд'анди, ушихак! Нёну бэйэ юнэхинд брин бдан. Ед'анди юнэхинчжэ!

Д'э йүкэскэн бэйэ юнэхинчч. Тар юнэд'эрекин, мурин тикэн турэлкэн очч:

— Эрнэй, эрнэй! — Иртийкэй юнэхинд'энд, ушихак, д'албя гунд'екэл!

Тар бими бэйэ тикэн гундэ турэлкэн одан:

— Эйин, эйин! Д'улбэс иртийкэй бихин, тарткай юнэхинд'эм. Киливлийкар иртийкэй бихи мэндэ-дэ сэндэ. Килинлийкар иртийкэй буяаткай юнэхинмэй сэндэ, тарткай юнэхинмэй!

Д'э муринин юнэхинчч, унчийкай укчалавд'ана. Бэйэ бими илб-дэ юнэнэвий эчин сэра, авахинд'акки-нуу сэча. Нёнэнэнди-да, ёнави-да эхин сэра. Арай буяайкайканду ёд'арилавий мёлчч. Мёликсэ, илчч, ичэчилчч. Арай ичэчилдэн, тар тэлэ оту д'яглэд'эрэн. Тэлэ эмэрэн, арай улдэчч калан оллончод'орон. Эр бийн д'эмулчч болдага.

— Оксэ! Тамнаний мат-бэйэ бихим, эр ёкон болонадачан?

Д'е, бейе бимй өр каландук д'евулчб. Калан дөвән манакнави д'епчб, улдә бицин, силә бицин. Эр д'өвүкес өтөксекб, өр бейе бимй отучй бейе үд'аваин гөлбктәлчб. Арай бакача үд'аваин. Эглиңнд'е үд'алкан бейе цәнечб. Дүйнәндо лундән чиклйни ләвзәнә цәнечб, маңанд'а дундәнән өңүркәтие цәнечб. Д'е үд'ана, үд'ана цәнечб. Тар цәнәд'енә умүн д'ува исчә. Ихисәкән, нуңан тар д'ү уркәвән тәмкаран. Тәмкәнан маңа сб. Тадук дәла турбы, турғын ииңүлчб:

— Энде, өндә! — Екби, ёкби качуттәлдан?

Тікен гүнекин, өр бейе н'ян-дәт уркәвән нийхийчә. Тар нийхийнакин дәлә турғын, турғын турбичилчб:

— Энде, өндә! — Екби, ёкби качуттәлдан. Эңжай, өңежайвәр сәлдідәвар н'екәрәп, Сәлеме-Сәле гәрбилкән-букатир бихим.

Гәүин бимй, тулий бихй тікен гүнде турблкен оча:

— Эйин, өйин! — Гәле, талдаха сәлдігәт-тә, баңар. Тамнани матаи-бейе бихим. Ичәдәвәр ичәлдібет. Энел ичәлдіре, өн-ка мит тікулләд'ап? Си Сәлеме-Сәле букатир бижинді-бү.

Д'е, тәдук тікен гүнчелбн, гә бимй н'ян турбичилчб:

— Энде, өндә! — Синәве бикбән сайд'ам! Синәве ңикбән гарбид'әчбн? Тар-гү бигерәд'ен? Д'әгдәккәк уредү бейайчишб цүй бичан? Тара сәнді-до? Турбайдукив-дб әхинде сәро-до?

Д'е, тар н'екаксәл, уркәвәр нікесәл, бакалдіра, әйзәклил бра.

— Энде, өндә! — Тамнани мата-бейе, си, мікес, н'екейід'виді. Н'ян-дәт н'үңәрүкто; аръяккәл цәнекәл, нәм гирилән исчиңәс.

Тар тікен гүнчеләц, Тамнани мата-бейе өтәкәнчб. Горово-до цәнәнөвй, даңама-да цәнәнәви өр бейе өчин сәра.

Умнёт арай тулгиден бубан өхи сәвра. Эргиски ичәттәкин, му оча, нуңан урәнә цәнәд'әрән. Д'е өр урә ойокбымбн «түксәд'акал-да, түксайд'акал» оча өр бейе. Соләкій-да, өйбәй-дб цәнәнәви өхин сәра. Да, цәнәд'әнә, цәнәд'әнә. Тар цәнәд'әрәкин, умүн бујаду, арай тұракиң-дай ләңдела д'уләздукин, сулакиң-дай өтәкәнчб, киринахиң-дай өтәкәнчб. Тар даңаманан ы, үю оча. Эр ыб, үю өдакин, өр бейе бимй тікен гүнде турблкен оча:

— Эйин, өйин! — Екбомалә әмәрәм, үәкел ёкби, ёкби? Мунд'еклен әмәрәм? Ңоке, ңоке!

Тікен гүнекес өтәчәлән, арай ңәхйидук турғын ииңүлчб:

— Айн, әйн! — Минәве тұракиң-дай д'әпнәл манара, сулакиң-дай д'әпнәл манара, киринахиң-дай д'әнд'әрә. Калтур калтакас сулаппраи. Екби, ёкби-ра айді, айді бил'ен! Екби, ёкби турбанин ииңүд'әрән! Екби, ёкби ңәйәнад'аран бил'ен-мәл? гүнд'ем. Айді биңарәд'ен, күрдесчөд'ом. Біккәвци, наңдук гарадаўум бтаду! Намнадаң өкон гарадарай бил'ен мән буја бујадун.

Әмәркі бейе, матаи-байе тікен гүнде турблкен өдан:

— Эйин, өйин! Ңоке, ңоке, ңоке! Эңжай даңамара бихим! — Гүнәд'им, ңоке, ңоке, ңоке! Мунчакай бујадуни укләд'әкәл! Гәрбийнаве ачин сәра. Екүйә гәрбилкән бихинде? Ңоке, ңоке! Экес өңдәт даңамара бихим! Тікен гүнчелән, гә бимй н'ян турбичилиттен:

— Айн, айн! — Ондакан-мал дагамайд'акал, алтачад'ам, курдусчод'ом! Он-мал убйрд'еквя, гаксуяятви бэлэтчијен, намайлашь он-мал укеливкёквя! Бий курдустівв бука-дэн илайнд'акал! Сиде он-мал одакис, би-дэ бэлэтчијен амаргут! Он-мал бий турэмев илайкал! Бука-дэн минэвэ гарадакал, эквя минэвэ эмнен! Д'э, тикин гунчблэн, тар Тамианы, ўр юбчанд'авкий бэйе тикин гунд'эрэн:

— Эйин, эйин! — Д'э, юхийс-тэ сө! Амаргутта бэлэтчест-тэ бихикис, он-мал гарадамкад'ицвя!

Тар гуниксбён, бэйе, дагамақса, кумнечь, тэдук убйрчэ-дэ нэм дулиялан гарадача. Д'э, тар гарадаксаан, цэнэхинчэ д'улбэй. Д'э цэнэд'екби юнэдэчэ нуцан. Даажава-дэ, горово-до цэнэнэвэи очин сара нуцан. Тар цэнэд'ечь, арай нэм гирин мудачий оча. Тэдук тар мудачий бракин, илихиникссаан, «Дэрүмб»! — гуниксбён, арай уклэхинчэ, тар ёхинчэ. Тар ахимуракин, арай нэм мун эмечь, гача дундэвэ. Тар бэйе уклэд'эрйгэ дундээний сулапчай. Тамианы мата-бэйе мёлча, ичечь нам мун дундэвэ гад'ариван. Д'э, нуцан иксаксаан, тар ўр гараданави эдэринд'эвэ д'омжилчай.

— Оксё! Д'э, буд'элим, — тикин гунда турблкан оча:

— Эйин, эйин! — Екби, ёкби-кэн албаспа бакад'ам? Он гункэнэм, он д'алдайтвя? Эркби, ёркби нэмлэвий гавум-ка! Муду ёрти, ёртэй буд'элим. Он-ка н'екекс тивандилэвий ихим? Союмб, союмб! Эркэн, ёркби, бикэн н'екэд'эм? Нийвэ, цийвэ д'онтуд'ам? Эркэн, ёркби улэхийтчэн-иү мунчбэнд'эжив. «Бэлэд'ицвэ» — гунчэн ювхийжив эдэринд'эжив. Буд'элим, будерийлэвий ихим! Нэм дулиялан гараданав бэкия эмэксэ, минэвэ айд бид'эн? Оксё! Буд'элим ёрти! Гунчблэн, арай турэн, турэн нэмийлашь мү лобдун долдивулач. Д'э тар эдэринд'э бимий тикин гунда турблкан оча:

— Айн, айн! — Эдэринд'эй, турбтчэд'эм! Бикбэн бимий нэмийлашь бид'эм, эмэдэвий н'екэд'эм! Тэдук бихикин дэлчүд'акал! „Нэгэе, нэгэе“, гунд'ечьс. Тар гунд'ексы тикин-мэл эмбичэ бихикис, ёкбина ёрд'эмчэс, ёкбина д'онтуд'амчэс? Тулуйд'акал. Эрти, ёртэй эмэд'ицвя, бэлэнд'еквя!

Тикин гүниксб ётэчблэн, ўр Тамианы иксаран, тикин гунда турблкан бдан:

— Эйин, эйин! — Эдэринд'э, имаканд'и эмэд'еквя! Эрти, ёртэй нэмув эксэд'элден! Эрти буд'элим!

Тар гунчблэн, ётэчблэн, эдэринд'э сулинд'ап ичвувчай. Д'э ичвувкосбэн өхилэ вдэринд'э гунчэ:

— Будерий оча бимий имат ётэкбнчеквя!

Д'э Тамианы нэм дулиялан ётэкбнчэ. Тикин цэнечэ нэм дойдлэн! Тар ётэкбнис, нуцан он-дэ ондэвий очин сара. Арай эр бэйе ёд'арилэвий мёлча. Мёликсай ичэнэн, арай дундэ-дундэдүн, бирд улдидун уклэд'эрэн-ивит. Нуцан илдан, илиттар биксэ, л'э цинхинчилтэн. Эр бэйе дэсвэй колдос цэнечэ. Д'ундукувэдук д'упдукувэд ётэкуусчэн юнэд'ечэ. Тикин цэнэд'ене, арай л'улэ шечэ. Д'улэ исчайлэн, бэйе д'удук иучэ. Тар бэйе гунчэ:

— Эр оорбов ёда вана өмәнді? *Д'ундуқ* д'ундуқендүлә *«Д'ундуқ»* гунда, әкинә өмәнді. Тікин оорбов арыйкал! Мучукал-да арыйкал, — гунчя өр байе.

Д'я Тамнанай бимій амасқақи мұчұчә, он и'екәд'ијән. Мучукса иңчөнән, арай д'ан оронмо әкина өмәчә.

Д'я, өр д'ан оронми оюохонду локочо. Тар мә тәкәндүкин мудандулан ңәнәксә, иргәлчә:

— *Да*, өр мә курбурийян аламәнал курбулкулду, гиркулкалду!

Тар оюохон мә мудандүн иликсә, курбувчолч. Кә, тар мән аламәнал оор курбулчәл, гиркулчал.

Д'я нұнғандүн ёқбын бид'ын, ухй-бы, ёқбын-ңү бид'ән? Ачин болдача. Сәкта илакалбап иләнә д'ан оронми уйтіксекви әтәксә, гилбентіксә әкесхинчә. *Д'я* әкесхинчә. Тар әлгәд'әракин, оорин ѫдук, тәдук ололдоноол ухйләр әтібенәл, әтігәнәл ңәнәд'әчәл. Бейе бимій «чә, мәдбі!» — гунда, тәпкеби, тәпкеби ңәнәвчә. *Д'я*, өр д'ан оорбай мәндүви әкесб'әчә. «*Д'я* өр оорд'и ахийави ахйләд'ијәв», гунда, гүндә ңәнәд'әчә. Тар ңәнәд'әнә умүн н'имәрдуда исчә. Адіңйлби оорбай ихивчә, адіңйлби чучавчә. Ила-калду брчад'иңатін до?

Д'я тар д'ула йәнән, тар д'ула йәнән, арай умүн ахй бихин. *Д'я* тар ахй гунчб:

— Кә, си Йүхикәл тулысқый, бى уха тәтіви тәтчәд'әм, улариттика тәткәві.

Тар бәйе Йүкса, оорбобо мунділчә. Ахй оорин н'ан бихи. «Эр оронмо үкчактайд'ијав, әрә актайд'ијав», — гунда, ичәчиктәд'әкса, ичә д'ула. Арай үр ахй уәту ахй оча. Сö айа тәтіве тәтчә, сö айа ичәдәлкән оча.

Д'я, нұнғартін умұнду биңгітілгәчай оча. Сиксә ахинартін дағамача. *Д'я* тар ахй бимій сәктөвүнми сектөвчә, бәйе бимій тәтілбай лукчай. Лукиксаал, умұнду ахилчал. Тар ахилд'ана, ахй гунчә:

— Аритнаријачин буя. Арахинай иғ ишүулд'ијән, арахинай турвр дәлдівулд'иңатін, тәлі әнә авахина уқладағы.

Д'я тар ахинчалатін, әд'әлкінин актіралда, арахинай иғ ин-жулчә, киңгиналчә, сәкканин иңин ишүулчә. Киңгилай уркөлітін зәңғә. Әмексекви тікви гунда туралқен оча:

— Кәңгә чбран, кәңгә чбран! — Утәлд'ин, Мәкалд'ин, күлти-рієни пид'әквә! Секәрдүви, чбәрдүви капитанмуд'алим! Імәт, имәт никәл! Ед'анди, ёд'анди? Тәдук бейәнүн-ңү уқлад'әнді, — гунчб-де, урқапи инача. Урқава никса, әтәхинчә-де, ичәчә бейәнүн адаариван. Тәдук амасқақи киңгирмұкәхинчә.

Тар бәйе әтәкенин-де ахйни ңалалбап, алгарбап окогочб-де, гарадайчай д'удун. Тәдук тар ахйна ахалчә. Дәктілжакын ахй нұнғандүн боконмуд'иңән-де? Эхй болдача!

Д'я, өр ахива өр бәйлә ахалчә. Илли ишәйидү ахактачай. Тар ахамайчикес, амасқи әмәвкай.

Тар ўр окоюонон ахйүн н'ан-дат ууту ахй ёвкүй. Тар ахйнун биливкүй. Тадук битэр боксай, н'ан-дат юлалбай, алгарбай окоюовкүй, тадук д'удун өмөнисе, ахаливкүй тар дээшилч ахивай.

Этиркэлкэн атиркэн ад'амийн эмбимчбл болдацаа. Ахунма-да ановар нуцартин эчир сара бичбл. Ад'аксал, д'в нуцартин илчэл болдацаа. Тар иликсэлж, д'уввар ичнэтийн, арай омолгийтн илү-де ёчин. Окин-дэ ќенэхэндэн эр атиркэлкэн этиркэн эчир сара бичбл. Тикэн нуцартин д'урькэн бид'ечбл, омолгийвэр алтнаал, алтнаал бид'ечбл.

Тар бид'эрэктин, арай атиркэн энчэни н'ан-дат көпөлч. Д'э тар көпэд'ечбл-нуун көпэд'ечбл, энэ Ѹнүрэ.

Арай умийбкби, атиркэн «Иүктэ» гуидэ, көпөчб энчэнид'иви културлэви ийччэй. Көпөчб энчэни ултэргэчбл-дэ, арай уркэн-кунчжан чёрнамнек тикчэрийвэ этиркэн ёнчалави тэвчч. Д'в, утэлжэн боксай, атиркэлжан этиркэн урунд'учб урунд'увкий бичбл. Тэд'як-дэ, эр кунчакан бими д'алдава ёнчаксай, д'ячий кунчакадин оччай. Д'я акинчачинми горолцтана гиркуктавий оччай. Нуџан бими бэржэн-бэржилжэн боксай, дундэвэ горолцтана, горолцтана бултавий оччай. Эр омолгий бэйцблэвэ вана, вана, ириа Ѹмуувукий оччай.

Умийбкэн эр омолгий бими эн'индуки, амийндуки улгумийлч:

— Эрэй, эрэй! — Амай, эн'ий-дэ бий эмүкин утэхун бихим? Тадук бихин-иүү, ёчин-иүү утэхун, бигдэ-дб утэхун бихим? Эртэ гунд'экэлду! Бий дулии дундэвэ ќенэхиндбий н'экэд'эм. Сот имэт гунд'экэлду!

Д'в, тикэн гундэвэн дэлдэжсан, амийнин, эн'инин мэмбривэр ичхинчбл, тадук бими амийнин тикэн гундэ турэлжэн оччай:

— Утэ-н'ика, энэ сигдэ-дб бид'энд, сий ажиндэ биччэн! Нуџан н'ан горолцтавий, бултактавий биччэн. Ажиндэ д'улувин энэ тахийэ, ќенэмүд'ёнжин. Бү нуцамнай би-дэ эчэнүү д'анара. Умийбкэн, ёхинчалавун, нуџан ёчин оччай биччэн. Бү иль-дэ ќенэхиндбий эчэвүн сэд'ара. Илан долбонийва, илан инэхийвэ алтчача-алтчачавун. Тикэн алачилналавун илан анчанай бдан!

Амийнми тикэн гунчблэн, эр омолги бими турэлжэн бдан:

— Амай, эн'ий, ёдэ су миндү эчхүн д'улэлж мөтвэрэ, улгучэнэ. Тикиндэлэн бий нуцамнай ёмий-дэ бакамчай! Тар-дэ биччийн бий нуцамнай боконорий, бакарий бдэм эчб-дб! Д'в су айат бид'екэллу, бр-дбт бийчихун ахалд'ам ажиний!

Амийнин бими н'ан утэтихи турви мэдуулдэн:

— Утэ-н'ика, сий айат н'экэйд'экэл! Д'улувин мучувандай, мундү сэвкэндэ гиркуд'акал! Бү н'ан-дат алттэлэвэр истас.

Д'в, омолгий бими этэгэлдирэн. Түксачай түксаран, ќенэд'яч янэрэн. Тар ќенэд'янэ, арай умүн д'ува истас. Д'в нуџан бими уркэвэ тэмкаран, тэндан мацаа сий уркэн. Н'ан тэмкаран уркэвэ, ёчэ нийвэр. Д'в, тэлж нуџан уркэвэ нийхийн, нийхийн, юй-дэ эхин нийрэ. Тар нийхийд'аракин, арай турви, турви дэлдэвудан:

— Екби, ёкби уркэвэв нийхийд'аран? Сий-гү, Тамнаний-матл бихиндэ? Гүкэл, тэлж нийд'влим, — гунчб эр этиркэн.

Омолгый бимий тікөн гунда турәлкөн оча:

— Акйими бими, сöt имат нийкөл! Би си нэкунді биңерәд'эм. Амай, эн'ей гунчэтин: «би акичи бичев. Нуңан үэненәлән илан анџани оча», — гунчэтин.

Д'е, өтіркөн бими тікөн гунда турәлкөн оча:

Би, Сөлемә-Сөле гәрбйлкөн, өтіркөн бихим. Тамнани нэкуниң бихикис, әр-дәт нийд'эм — гүникса, уркөви ниရән.

Эр омолгый, д'улә иксө, н'ян тураңкөн өдан:

— Би акйими гәрбийөн-да вчөв сара, гәрбичи-ку, ачин-үү биркө? Ны нуңанмай гәрбйркө болда? Сәри бими улгучкөл-да минду.

Сөлемә-Сөле өтіркөн тікөн гүндө турәнме йувулчын:

— Эндө, эндө! — Уте-н'ика, умүн уркөн бәйөвө иченәлөв илан анџани илтөнөн. Би нуңанмай гәрбичөв, би нуңанмай н'үңеручев. Са-да бука гәрбийө ачин гиркүд'анді. Биккөн сийөвө-да гәрбид'эм, н'үңеруд'эм! Тарә сүвлөрекис, әрті гәрбийес гунд'эм, тәдүк н'үңеве н'үңеруд'эм! Эр-дәт гунд'екөл!

Омолгый бими тарә әлексайкес, турәлкөн өттән:

— Эрәй, әрәй! — Сөлемә-Сөле әхәкөв, кө сöt гәрбид'екөл, н'үңеруд'екөл! Ирті-кай үэнеччи Тамнани акиними, тарті-кай н'үң-н'икәл оқтовөв!

Сөлемә-Сөле өтіркөн, д'е тікөн гунда турәлкөн очан:

— Эндө, эндө! — Уркөн-бәйө, гәрбис бөзин Д'оломо Д'онуй-кан, Иңама Иңә! Тәдүк өдакин дәлчәткал н'үңеруд'өривөв. Тамнани акинді әр бираава солокөкү үэнәччи. Си н'ян солокөкү үәнекөл. Тар үенәд'энә д'екдәк урәвө исчијас. Тарә ихикса туктірекис, тар д'екдәк урәдү сијарин мурин ојкоктод'ориwan ичәд'иңес. Си бәйәдәнә, үенәкес «үнүис бихим», гунда д'авамалчадаави. Тар мурин ёмий-да акиндудаас ихивд'аңын.

Уркөн-бәйө тікөн гунда турәлкөн очан:

— Эрәй, әрәй! — Сөлемә Сөле әхаканд'эм! Гәрбинаңдус, н'үңерудодус бахибанд'а өгей! Би әр-дәт үенәхинәм акиними үенәд'ек удалий.

Гүнән-да үенәд'ехинән. Нуңан бими үенәчө үенәрән, түксарак бираава солокөкү. Тар үенәд'энә, арай нуңац умүн д'екдәккөн урәлә истан, тәдүк урәвө туктірән. Нуңан бими уреијүй ойолын үенәд'ени, арай ојкоктод'ориwa муринма ичәрән. Тар ичекес, бәйәдәд'ени үенәкес, дағамаран муринма. Мурин ачин мәдәрә бичи. Д'е дагамәкса, әр бәйө «үнүис бихим» гунд'яны муринма д'аваксонаи.

Д'е, мурин бими тікөн гунда, турәлкөн оча:

— Эрнай, әрнай! — «Үнүис» гунда миин д'аванді-да, д'е, втәнді тәрәре би курбурайдув, би улумостідув. Тікөн илаадамакту улумосчојб, курбод'ојб. Тәдү тәрәми «үнүис» гундәви.

Д'е әр омолгый муриндуви укчалхинан. Д'е тар укчалхинчалан, муринни курбучо курбурон, улумусчо улумустон. Илан

долбонй д'алуптідүн әр бейе аран өчб бууро. Эр мурин кур-
буд'омй, улумбосчомй әтәксө, тікбн гундә турәлкөн одан:

— Эрнәй, әрнәй! — Иртікәй үзенөхинд'әнді, унужихак, д'алби
гүкә!

Эр омолгй бимй тікбн гундә турәлкөн одан:

— Эрәй, әрәй! Д'улбс иртикей бихин, тартыкакай үзенөхинд'ем.
Ақйнмй иртикбк бихин мәнді сәнді! Ақйнми иртикей бүжаткай
үзенөхинмей — сәнді, тартыкакай үзенөхинмей. Омолгй тәкбн гун-
д'әнійевбн муринин үзенөхинч. Эр бейе үзенөнәпі-де, әнави-дә өхин
сара. Арай нұңан бимй бугайқақинду әл'ариләши мәлча. Мәликса,
иля. Иликса, арай ичечб бейе үд'аваң. Тар ичекес, әр бейе тар
үд'ава үд'алч. Нұңан бимй үд'ана, үд'ана үзенәд'өч. Тар үз-
нәд'әнә, арай ичечб бейе үзенәд'әривән. Нұңанмән ахаса, бо-
кончб. Д'ә боконисқа турблкөн одан:

— Эрәй, әрәй! — Акай-бейе, си минәвә санді-до? Би си не-
кунді бихим! Амай, ән'әй д'удувар бид'әмнин әмәнмұчтән. Илан
анцанй әчә синәвә аләчилаңалатин. Тікнәдән әкөнма әд'ачас?
Екбн, әкөн дунделәвән гиркуд'ачас? Эр-дәт гунд'әксекол!

Д'ә, ақйнин бимй турблкөн одан:

— Эйин, әйин! — Нәкәй, нәкәй, тәд'әмә, гиркукталиәв, и'в-
кейәлнәв горокбн одан, ахүн-дә анцанй илтәндеңән өчәв сара.
Амай, ән'әй д'удувар әд'амнил әмәнмұчтән. Эр би килявлива
ақйави ғамнак, нұңанмән д'авадави ахад'ам. Он-мад боконд'ом
дектіләлкөн килявлива.

Тара дәлдікса нәкүнин омолгй и'ән-дәт турәчилдән:

— Эрәй, әрәй! — Акай-бейе, би си нәкүнді, Д'оломо Д'онуй-
кән Иүјама Иүјә гөрбилкбн нәкүнді би бихим. Акай, акай, си иду
бихинді, бихидүви бид'әкәл. Ахйңатпас тімәтна әмүвдиңә, ңе-
нәд'әкәл д'үләви!

Д'ә, тар тікбн гүнәкин, ақйнин д'үләви үзенечб.

Нәкүнин бимй чивкачан әкса дәгіктөвлө. «Чип! Чип! —
гундә, дәйкітед'әрекин, иду — таду дәни, дәни дәйкітед'әрекин,
умүн дәййнәд' дәргнә әмерен. Эр чивкачан: «чип, чип» — гундә,
дәййнәд' д'уләдүн мәдү дәча. Эр дәйй дәргнә әмякес, нұңанмән
оролхинчан мәдү дәча. Эр чипкачан даңадун әмекес, доча.

— Чип, чип! — Дектіләви луккал, ай-ке дектіләс, ичекте!

Тар ахй, дектіләви лукчамакса, чивкачанду буче. Д'ә вр
чивкачан дектіләвән гача-дә тікбн әргиский-мәл, мәдү начакса.
Тар и'әкекес, нұңан бейе бейәд'ин әчә. Ахйңин бимий, тар ки-
лявли Күвулгатілкән, Д'ивиалгәтілкбн сойку ахй биче.

Тар бейе бимий тікбн гундә турблкөн әчә:

— Эрәй, әрәй! — Чипкачтән чипкәд'амнаканин килявли-
кәнма. Чипкачан чиппід'ана тәржетчене, дәйкенмә тәнд'амманан, —
гуникес, — әр чивкачан Күвулгаттуви, Д'ивиалгәттуви әнә сәв-
каны дәвкәнан дәйине. Д'ә әхйә мәнінів оданді, минүй оданді.

Д'ә тікбн гүнчбләни, тар уәү килявли тікбн гундә турблкөн
одан:

— Өнкәчән-ка әнә сәра әмәчөв. Чипкәчән-ті гүнде, әнә сәра доча? Сача бимй, әмчөв донад'ара, бузаң үзенемчөв. Би кувулгатів, дөвилгетів ойолан си кувулгатічи, д'ивилгетічі бихиндеңдиң бихинде миндук. Тікин дектілдөн тітбум. Өн-дә өлбт үз-нера бихим, синиң әдам!

Д'ә, тар омолғы ахй бид'ерін мә тәкбимен илачай. Тар-өхіле кувулгатпән, д'ивилгетпән әчиңилчай. Тар ахй дектілбәлд'ин дөңкітед'әнв, ахива сектет идакаттан «кувулгатіс, д'ивилгетіс әчин әбән», — гүнде. Тар идакаса, ақиндулағи ахийни вәсбөв. Экесеке, д'ә нуңан со әлачай.

Тар ақинни нонопті ахйн бокан очай. Д'оломо-Д'онуйкән мән-дуви ахийни гөлбектеңетін бран. Д'ә, ақинни сивайбави әлдан, А'ур оронмо тәріндүккөр вәјре. Эр д'ү ахй д'үп биче нонон, Гам-нән әд'өлін әмәрә. Эр ахи Гамшани әмәнәнен сәкса, дөңкітед'әнб, түксәннектағи биче. Тара өхіле Д'оломо-Д'онуйкән чипкә-чән бокса, д'апаса әмүлрән-да ақиндуви бүрән, бблдаңа.

Д'ә, нуңартын сиңайбара, ора. Д'оломо-Д'онуйкән үзенәхин-дени и экад арикин, әр ахй тікен гүнде турәлкөн әдан:

— Миндук сөргү ахй-килайвали, Кувулгаттүк кувулгатмәріә, Д'ивилгеттүк д'ивилгетмәріә ахийна бакарийас, ичәд'иңет!

Д'ә тар бейе даңайа бид'ен-чу, городо бид'ен-чу. Мурилкән биче, уларин мәнүн инжактәлкән. Нуңан бимй тарицини өрічә. Мурин әр-дәт әмәчөв. Муриндуви укчай-да, д'ә үзенәвкендөвн и'з-кед'өрекин, муринни турәлкөн оча:

— Эрнәй өрнәй! — Ирекекәле д'алдад'анди Д'оломо-Д'онуйкән? Киливалий-гу, д'умалан-чу, әкінд'ектуләтін-чу үзенәңбтіс? Үнижәк, үнижәк, әла д'алдад'анди? Д'улан-чу, әкінд'ектулән-чу үзенәңб'ем синәвә?

Үницин бимй тікен гүнчөв:

— Эвивун бұздалатін, болдаңа.

Д'ә, муринни үзенәкча үзенәнрән. Эр бейе ахұнма-да үзенәнәви әчин сара. Горово-до, даңала-да үзенәнәви әчин сәрә биче. Тар әкінд'ектуләтін гүнден, муринни тәлә ихивчай. Бейе өвчө мурин-дүккі, тәдук нуңанман тінчө; „буздалағи онконбок”, — гүнде.

Д'ә, бейе бимй тәду биктед'аран. „Д'ә би ән и'зекд'әм? Әввирлатін даңамаран”. Тәдук гүнөн: „Иду дікбид'иңев? „Орон инжактаканни оқта”, — гүнисеке, орои инжактаканни әдан. Тар инжактакан бокса илантты мә угдаксадүн лапкувчай, „орола'оно әр мона аркурид'ин” — гүнде. Тәду бид'әчөв, бид'әчөв. Тар бид'өрекин, д'ә бейел умйупчал әвідәндер. Барап со бейе умипчай.

— Қа, әр килявлийт әчин әмәрә, — гүмбчитте бейел.

Тара нуңан, дәлчуд'ана, ичтетчәрән. Д'ә, тар әмәчөл бейел әннілчай, әннілчай. Тар әнніл'өректін, киливали д'алнүнми әмәлгөчөв. Едук-тә ала тетілкән.

— Д'ә әнніл, әнніл, — гүмбатчай бейел.

Эр омолғы гүнчөчөв: „Тавар ті кнайшантін бид'иңви”.

Д'ә килявлитін әмексөкбін, әкинд'бліктін йчб, әвілчб. Д'ә токорилчал бутунду. Тар гёврі токорихинарйдун моба килявли унмәлән намарача-дә оғонйлән ичб. Д'ә, оғонйлән ичблән, ахыңит бимій әлчб әвілдә. Эвінтін токточб, килявли әлчблән кейін әзірә. Эр бәйәл, әвірйівер өтәксәл, самаңма самалдақачал. Д'ә самаң самалдақача:

— Д'әду, д'әду, д'ә, д'ә, д'әдой! — Екір, ёкір әмечбл? Екін, ёкін тәктакәнин унмәйбүй намарача? Инјактакән намарача. Тар инјактава би н'әкөнжетіхүн? Аватари инјактакән намарача! Эр инјактакән бимій д'үр алгалкән, д'үр үалалкән, д'үр ёхалкән, д'үр сәлкән, оюктолкән, амжалкән, улгурбе улгучәнді, сөхене сәхербәрі. Кувулгаттү кувулгатілкән, д'ивилгәттү д'ивилгәтілкән. Гәрбін бимій Д'оломо — Д'онуїкан Иіјама Иіја. Эңжайидук әнәхій, иктәчблій-дә әра-дә әхій, д'оло д'олотпі, иңд иңјатпі. Таргачин бейе әмексө мәдалад'аран килявлива. Ахйләдәви әмечб бәйә. Мит килявлиңит кувулгаттү кувулгатілкән, д'ивилгәттү д'ивилгәтілкән бәйә, мит унәд'ит ойолын! Тәрә би н'әкеттес?

Тар бәйәл гүңчәл:

— Мәнд'иви әмексө әвійін, Мәними ичәвкәниүин.

Тар ичәтчәректін, әр килявли урбакун дöдүкін тікчә. Тікіксө, бәйәнд'с бчә. Эр килявли ән'йнин, амйнин бихи, өтіркәлкән атіркән. Нунартін тар бәйәвә д'үләвәр әксерә. Унат кейиивчә, оғонйлән ичблән әр бәйә. Өтіркән унатпі давдавнівән әхин әлек-сирә, әр өтіркән мәннин н'ән буқатір. Мәннин-кәнә давдавмій, унатпі бүйдтін. Д'үләви ихиссәкән, турәлкен әдан:

— Икбән, икбән! — Синтикі тікүлчад'ам, турәкөрбә турәтчиңев! Энәкбін бакалдіра, әнәкән ичәдәви ичәвкәнә, кувулгаттіпі кувулнанда, д'ивилгәтілпі д'ивеләнді. Д'уләлій ичәдәвпі ичәвкәнчө бихикис, әмчөв тікулда. Кувулгаттіпі кувулунда, д'ивилгәтіпі д'ивеләнді н'әкөчәс. Би-дә кувулгат бихим, би-дә д'ивеласчайев! гәрбів Сәләмә-Сәлә буқатір бихим! Д'ә, илдә илдөвөр ймкәлді-бүт, суму сумуур салдібәт. Тар әвгидастын би синду д'алби әхим буре!

Гә бичә, тәрә дәлчәчиксәкәц, тікән гунда турәлкен әдан:

— Д'ә, кувулгаттіпі-дә кувулунд'иңев, д'ивилгәтілпі-дә д'ивеләнд'иңев. Би-дә бихим д'авалдіріду, би-дә бихим ймкәлдіріду, ке, си Сәләмә-Сәлә бихинде, болдаңа! „Сәлә бихим“, гунда әкәл сәкката! Сәлә тун'ирғавки. „Сумулкән бихим“, гунда сәкәтчанді. Би-дә сумучи бихим! Би-дәнени сопчары бейәнүн сопчад'иңев, кихиргерій бейәнүн кихиргед'иңев. Эмкөрй бейәнүн би-дә ымке-ләд'иңев. Д'ә, си әкәл сопчара, әкәл кихиргер! Би куңактан бихим, си сағді бихинде! Бајар өтәнді тәрбре миндү, бајар би ойоңу әд'иңев! Би бәлдітпі әхим бәлда синду! Минәнә турән-д'иви үбләвкәтчәнді, си турәндукис әхим бәлда! Си „бәйәнә ик-тәм“ гунда иктәд'иңев Д'оло Д'оловбі, Иіја Иіјаван“. „Би синду

давдівд'иңәв", гундә әхим д'бінчара. „Күйәкән" гундә бөливләви н'әкәнді! Бы әхим синдуқ бәлда!

Д'ә тікән гүнчәлән әтіркән тікулчай:

— Д'ә, тәд'б-дә! Миндүн төрөттөзи н'әкәнді-до? — гүнчә-дә, әтіркән әтекбінчәв омолғыла. Тәдук әтіркән бими иктәчәв омолгыва. Арай иктерінүнин умұнду иңа билчә. Д'ә, әр иңәва әтіркән бими палкичә-дә палкичә. Ера-дә әхин, әр иңа, тәпкөре-дә әхин. Д'олоюн бими турелкән дә:

— Д'ә, әкәл минәнә дүктере, бостой ңалави окотчоңды!

Тікән гундевенің алдаччикса, әтіркән гүнчә:

— Син бир синәнә кейд'иңәв. Д'оло бихикис, д'оловбес ултурутчоңды алқатпи!

Долбонйва күхйәл. Доломо-Д'онуйқан иктәвкі әтіркәнмә, әтіркән бими тун'иргавкі. Әтіркән бими иңәва иктәвкі, иңа „ләс!" әвкі. Тар күхид'әнәл, әтіркән арай алкави гамалчавкі-да тарит иктәвкі бейеңүн, тарицин „Лас!" әвкі. Н'ан алкатпи д'віеңізд'ин иктәчә, арай алкан омчорбөргө әтекенчә. Д'ә ңәрілдәлән, долбонйва коңдос күхйәл. Әтіркән бими д'ә бәлдан. Тар бәликса, тікән гундә турелкән бдан:

— Йқбын, йқбын! — Тәд'б-дә бими әңүт кейіна бихим, илдәв-дә тукувран. Эңәхідүс-тә кейін әчбә турұру. Сумудүс-тә сумув кейін әчбә туруру. Эңәхів-дә давдаран синду. Тарит Д'оломо-Д'онуйқан вівілескет. Букатірма букатір бихинде! Күвулғратіс, д'ивилгәтіс би күвулғаттуқив, д'ивилгәттүқив әгдәбу бдан! Д'ә тарит әйелескет, айаралдіңт!

Д'ә гә бими өргөчін турелкән бдан:

— Эрәй, әрәй! — Д'улайзлі-дә әмчәс тікән гүнчәре, Чадай сағдагу? Д'улайзлі-дук сәчәс бид'иңбі! Үнәд'ис күвулғатін-д'ивилгәтін кейівчалан, „бі-кене кейд'иңәв", гүнчәчәс-тә? Си д'уләл тағдінадуқис бі-де әчбә тікүлчара-да! Тар бихин кә, айаралдіңт, әйәрәлдіңт! — гүнчә әр бейі.

Әтіркән бими сөт әлекісірән, тәдук бими тікән гундә турелкән бдан:

— Икән, икән! — Уте, иика, кә унатпав ахийави гад'акал, сивайбачинде-бу, әчинде-бу?

Омолгый бими тікән гүнчә:

— Эрәй, әрәй! — Он-мал әнә сивайбара ахйайд'ам, дәмдүн ёмай-да бә'алим, болдаңа. Тарит тікін амай, ән'бій бәлас! Тар-да сивайбаду белетте, ед'ес.

Әтіркән бими турелкән бдан:

— Д'ә, болдаңа, ёкон д'евгә бихид'ин, дуруккән тәвучим! Сивайбала браксун, сө киливал хунаттуқки ёқбінма-дә әхим муланд'ара.

Д'ә тікән гүмбчикесе, сивайба бујуву отта. Омолгый, сивайбаса, умұнду биликсе, шуңан бими турелкән оча:

— Эрэй, эрэй! Д'оломо Д'онүйкан бейе гэрбид'ин гэрбитецді өдам. Бейе бинидун бихи өдам. Д'улкән өдам, гиркич өдам. Бейе гэрбид'ин гэрбитецд'иүөв, гүнд'өриду гүд'өйкөн бид'иүөв. Аламаңайду аламаңай бид'иүөв. Тар мудандүкін бимі буџалқан бузатківи үенәхінд'иүөв. Н'имәр гэрбидүн гиркілжын оқса цәнәхінд'иүөв. Амай, дөлдікал! Д'ә, сагдаңу, порості өңен, өмбін-мұсін-дө! Би өчөв ухава әра, би әва-дә ухава өчөв туреттө. Би буруйви әнә сара өмбінәм. Кә, тарит амай, ән'өй әкелду мин-дук аксатта.

Д'ә, атіркән әләкесічә әхіль. Мәнин мәңд'иви буруйви өринчә:

— Йән, йән! — Би мәнми буруйчи өдам. Би мәнми ухава тәлжес, тікүлакас әна, тікүліксә тармалид'ин „өмкәлдіңтө“ гүнде гүнчбә. Алгахача бихим тікулнайдуви. „Куңакан куңаканыңтө“ гүнде гэрбид'өчөв. „Умүн д'авактат д'авад'иүәв“ гүнчәчөв, „умүн колтоттот умнб колтод'оңб“ куңаканма гүнчөчөв, — тікән гүнікес, атіркән ичәчилдән күтетті.

Умүн-ңү, д'ур-гү анданай әчә билнәлбітін. Д'оломо-Д'онүйкан ахітківи үенәхінә. Нујартін ахүндүн исчиғатін, тар-ті, болдаға, ақйыми истан. Ахіви ақйндүви ичәвкінчә. Тәдүк ақйими, әкімни поростілахікес, н'ай-дат үенәхінчәл „амтілдулабар“ гүндел. Тар үенәчә үенәд'өчбәл. Тар үенәд'әнәл, арай тіпунма ичәчәл. Д'оломо-Д'онүйкан ахітківи тікән гүнде турәлкән әчә:

— Эрэй, эрэй! — Эдәй, си ичәд'әнді тар тіпунма? Тар би амай, ән'өв гулувүнти тіпуд'аран, әр-ті истап, өчә-дө?

Тара ахүндүн исчиғатін, даға, болдаға, тіпун ичәврін. Д'ә, әмәре нујартін. Эмексл, дороволосто әра. Д'ә, атіркән урун-д'октүви урунчб, „утәв кәргечи бекә әмәрән“ гүнде. Тар урунікес, мәванин дәлпәргекес бүчә атіркән.

Амінтін бимі тікән гүнде турәлкән әдан:

— Уте, н'ика, әда, горово и'екейкес, әмәнді. Эн'әй-әшиңді сöt алатчана бид'өңкін. Эмевбін-дә и'екейәчә бихикес, тікән будәлбви әмчә сöt уруно! Ӧн, он и'екекит бран? Әдүк-тә әдан-кін, өңбтіс миңәве әмәнә әдан! Ақйнді си д'уләдүс, әд'өліс үенәре, үенәнәгден әдан. Будән-ңу, әран-ңу? Тара үй-ләв әхин сара. Д'ә, утәл-н'икал, ән'өвөр карайшыт, — гүнән амінтін.

Д'ә, әр омолгү, сöt бүргәләнд'өлә, тікән гүнде турәлкән әча:

— Эрэй, эрэй! — Амай, амай! Тікіндәән ақай әчінин әмәрәдо? Нујан окто дулиндун бид'өрен. Нујан мәнин д'үчі, кәргечи бекә, бид'өрен. „Ақай әмевбінниттөн“ гүнде, әнә сунева киҳана и'екейәд'өчә бихим. Тар-дә бичблән би буруйлакан әдан! Эрэй, эрэй! Мулан'е, мулан'е, ән'өй, әда тікән онді! Амай, амай, әдүк-тә әдан-кін си әмүкін әтенді бисій. Д'ува д'увчарй, д'әзгеве брі киілівли ахіва ахілам. Амай, амай, сöt мандувкал, әкәл соңод'оро! Эрті ән'өвөр карайлайлабар истап.

Он'н'екед'иүбтін, карайилда, бладаға, ән'өвөр. Д'ә тікви оксал, нујартін иланай бид'өчба. Амінтін бими өгдегү омолгылаби үенәктөвкій әчә. Тікән нујан ускиттән үенәктөн бид'өвкій.

Д'оломо-Д'онүйкан утәлкөн оттан. Д'е нуңартын айамамат бид'элчөл. Акинии бимй Гамнәй мата н'ян аді-дә утәлкөн бчә. Д'е, нуңартын ирамымбетчөнөл, н'имәр бксал тикиндөлөн бид'өре.

16. ӨД' Ө

(Препевы хороводной пляски перевода не имеют)

Әд'б, әд'б.	Мүнәб, мүнәб
Анда, анда!	Амокб, амокб!
Әмбәб әмбәб	Иргә, иргә
Йәб, яб!	Такә, такә!
Ур-гә, ур-гә	Тиргә, тиргә
Сандә, сандә!	Йургә, йургә!
Йүргә, йүргә	
Акә, акә!	

17. БУТАЛ, ЛАЛИЦИРИЛ

Билир, билир Лалицирил Бутал амардуктін ңәнәд'әчөл-вөле. Тар ңәнәд'әнәл, нуңартын Бутал әнәктүләтін исчәл. Тар әнәктүтін Лалицирил ичөчөл хувчал мөлва. Тарлаха Лалицирил хувұнма әвқайл сәра бичөл-вәле. Умүн Лалицирил гүнівкі:

— Эр моба өн хөгчәтін нуңартын, өн котот хөкчәтін әргәчин дірамма. Кә, мит н'ян котот хөбімкәйдәт өр мова, — гүнчб.

Д'е, өр бейәл котот хөбімкәра, хөбімкәра, кейан өчөл хөгрә. Он хөрг'ибәтін хувүнд'и хұвчә моба? Тәдүк нуңартын н'ян-дәт Бутал хоктолйтін ңәнәд'әхине. Тар ңәнәд'әнәл, нуңартын н'ян иста Бутал әнәктүләтін. Таду Бутал колботиң бичә. Тар колбо дован Лалицирил ичәре, таду дәдүн со барап сумул бичәл. Лалицирил тар колбово арай илара. Д'е тар иләнатін колбо дәлби насканалчә, бәр тілкәд'әрізәчинин. Тәдүк Лалицирил сөт ңәлел-чәл. Д'е, нуңартын ңәнәхинчәл ура ойолин. Тар ңәнәд'әнәл, арай нуңартын урәве хәргиски — бираткай ичәчиличәл. Тар ичетчөйәл, нуңартын ичөчөл мү дәдүн мәр хан'арвар. Таду сағдауымати Лалицирил гүнчә:

Кә, бейәл, мит үд'ад'арап со сурдәкилба бейәлове. Нуңартын со аїжайл бейәл биңстіл. Нуңартын дірамулаға мөлва-дә бултулы хојитта. Тәдүк колбодувар сурдәкил сумудуву иәкүттә. Тәдүк нуңарбатын му дәдүн ичәрви. Эдук чәсқи буңаский ңәнәзәт! Эзәт нуңардудын ичәвре. Со сурдәкіл бейәл өчә-до!

Кә, тар Лалицирил гүнүрін ёва-дә әвқайл сәра бичәл, сатар мән хан'анмар, тәдүк хувұматша әвқайл сәра биккүттә Билир тарғачынр бейәл н'ян бивкіл бичөл-пәле.

18. ХИГӨЧӨН

Хигөчөн, хигөчөн,
Хигэ, хигэхигөчөн!
Каптургави бурйкэл
Хигөчөн, хигөчөн!
Хигэ, хигэхигөчөн!
Кэдэрэккй бурйкэл.

Хигөчөн, хигөчөн,
Хигэ, хигэхигөчөн!
Дэгэр, дэгэр дэгийлкэл!

19. Д'АРИВКА

Д'аралахив, д'аривкалби!
Д'арив, д'арив д'аривчä.
Дблакийлби, олгакилби!
Дблакийлби дблла,
Олгакилби олгэлла!

Дугэкийлби дуйуулэ,
Дэгийнкийлби дэгийлэ!
Д'аралахив д'аривка
Д'арив д'арив, д'аривчä.

20. ХЭД'Э

(Притевы хороводной пляски)

Э! хэд'б! хэд'б, хэд'б!
Э! хородү! хороду, хороду!
Э! хугбий! хугбий, хугбий!
Э! хэндс! хэндс, хэндс!

Э! хэмбгб! хэмбгб, хэмбгб!
Э! хүндб! хүндб, хүндб!
Э! хагбий! хагбий, хагбий!

ПЕРЕВОДЫ

Записано в 1960 г. в селе Аим Аяно-Майского р-на Хабаровского края от Е. Г. Трофимова (Бута). 1908 г. р., неграмотный, разговорный язык эвенкийский и якутский, русским не владеет.

14. СИРОТКА НЮНГУРМОК

В те времена, когда земля становилась подобной лосиному уху, когда дерево впервые становилось деревом, когда гора становилась похожей на хвост белки, когда голец блестал, как белая шкурка у горностая, на средней земле жила одна-одинешенька девушка-сиротка по имени Нюнгурмок. Жила и не знала она, откуда же ее корни, откуда [она] родом. Жила в большом горе и мучении. Как долго жила [она] — не знала.

В это время у нее в животе что-то росло с большой пальц [величиной]. Разве долго происходит событие в олонхо? Оказывается, в животе рос ребенок. Прошло немного времени. Тогда он затруднил дыхание матери, укоротил ее долгие мысли. Настало время родить, участилось дыхание ее, и укоротились ее длинные мысли. Потеряла сознание.

Вдруг она пришла в сознание, и позади послышались слова:
— Мама, мама! Холодно, холодно! Дрожу, дрожу! Наступила беда. Укоротились [мои] длинные мысли и сузилась [моя] широкая спина. Мама, мама! Холодно, холодно! Пришла моя беда! Поскорее же спасай [меня]! Я же от тебя родился! Когда вырасту, тебя и твою жизнь буду опекать. Скорее, скорее сохрани меня, мама, мама! Что у тебя есть, чтобы завернуть меня? Укутай, позаботься обо мне! Я мальчик — сын твой, [родная] мама, мама!

От огромной радости даже не почувствовала [она] никакой боли. Быстремко завернула его в шкуру, на которой лежала. После этого сколько [они] прожили — не знали. Этот мальчик, ночь переночевав, годовалым ребенком стал, двое суток прожив — будто двухлетним стал. Прожив трое суток, попросил мать сделать лук. Мать смастерила ему лук и стрелу и дала. Мать не знала, сколько лет сыну. Сын начал бить зверя.

Парнишка, ранехонько встав, побежал [в тайгу], убив дятла, бегом прибежал с дятлом к матери. Съели они его и легли спать. Опять он встал рано утром и пошел в лес. Дорогой убila глухаря, принес его. Они съели его и легли спать. На следующее утро [он] опять ушел охотиться. Так охотясь, [он] убил трех диких оленей, привязал [их] к трем вязкам [кафтана] и притащил.

Вот таким богатырем стал [он] за эти три ночи.

Съев [мясо], мать подумала: «Действительно, сын мой родился, чтобы стать родоначальником-предком человека на средней земле». [Она] очень обрадовалась. «Растет, чтобы стать духом — хозяином средней земли», — подумала. Обрадовалась и благодарит [судьбу]. «Какими путями [я] воспитаю сына своего?» — подумала [она.]

В это время отсюда и оттуда подул ветер, нигде не задерживаясь. Вдруг с какой-то стороны донеслась до их ушей, ясно послышалась чья-то речь:

— Кимо, кимо, кимонин! — Сестрицы мои, идите, взглядываясь хорошенъко. На средней земле вырастала девушка-сиротка по имени Нюнтурмок. У нее есть сын, пойдемте посмотрим. Посмотрите на него хорошенъко! Пойдем мимо, хорошо посмотрев на него.

После того, как сказала [так], они [сестры], прилетев к дверям чума, опустились. Опустившись, [одна из них] заговорила так:

— Рожденная на средней земле, сиротка-девушка по имени Нюнтурмок, прими наш привет! Открой дверь своего чума! Мы пришли к тебе, чтобы познакомиться с вами. Мы дочери Геван¹-старика. Твой сын родился богатырем средней земли, ежедневно прибавляя в росте на большой палец, имя его — Хуругучон [Мы] — дочери Геван-старика, пришли посмотреть на него. Я самая старшая из сестер, по прозвищу-имени в шелковом платье Солкокчон. Средняя сестра по прозвищу-имени Дарпек. Младшую сестру зовут Секак-девицей. [Мы], направившись в путь, прибыли из далекой земли. Мы очень спешим домой, тетушка, дух-хозяин средней земли, поторапливайся. На нашей родине [настоящий] содом. Наступает время прихода со всех сторон атаманов-авахи [и] наших богатырей верхнего мира. Вот почему мы странствуем, очень торопясь.

Старушка по имени Нюнтурмок, открыв дверку [своего] чума, впустила их. Быстро сварив мясо весенних оленей, которых недавно добыл ее сын, угостила их.

Девушки эти очень спешат домой. Сразу же отправились домой.

¹ Геван — солнце в момент восхода.

Перед отправлением старшая из них начала так говорить:

— Дух-хозяйка средней земли, Нюнгурмок-старушка, живи хорошо, вырасти сына хорошим человеком.

Итак, попрощавшись со старухой по имени Нюнгурмок, эти девушки отправились на свою родину.

Сын этой старухи, ежедневно выраставший на большой палец, по имени Хуругучон, — богатырь средней земли, задумал догнать этих девушек. Не сидится ему уже у себя дома. Мысль о преследовании девушек не выходит из головы. Он даже завыл и завизжал. Потом трижды перевернулся, покатился. Таким образом стал пестрым щенком. Став пестрым щенком, он погнался за девицами. Щенок начал догонять летящих.

Вот он почти догоняет [их]. Три месяца пробежал или три года — не знает; так бежит и бежит вдогонку [девушкам].

Между тем девушки, добравшись до дома, запели. Солкокчон начала петь:

— Кимо, кимо, кимонин! — Отец наш, Геван-старик, добрый привет прими! Мы прошли все места, о которых мечтали, и вернулись. Мы видели бабушку по имени Нюнгурмок, хозяйку средней земли, видели парнишку — сына ее. Очень хороший парень остался там у себя на родине. [Когда летели], под иами, мелькая пестрой шерстью, бежал его щенок. Куда [он] девался, [мы] не знаем. Отец, быстро приготовь еду, а то мы очень проголодались. Готовь-ка [нам] одежды.

В то время как девушки входили в дом, богатырь средней земли по имени Хуругучон, став иголкой, незаметно проник вместе с девушками. Вткнувшись в сумку Солкокчон в шелковой одежде, спрятался там. В этой сумке он пролежал только трое суток. В течение этого времени не заметили его эти девушки.

Между тем вдруг задул ветер и поднялась пурга. Потом из нижнего мира пришел атаман авахов. Он пришел к девушкам, имена которых были широко известны и прославлены. Имя пршедшего [тоже было] известно всем — Трехгранный Сэлэргун Саваэндэ. [Он] пришел жениться.

Придя, такую речь держкал:

— Конгордонни, конгордонин! — Геван-старик, прими добрый привет! Я атаман авахов из нижнего мира. [Я] пришел к твоим всюду известным и прославленным дочерям, пришел, чтобы жениться [на одной из них]. По-хорошему или по-плохому, [но ты] отдаши мне одну из них. Я пришел к дочери твоей, по имени Солкокчон в шелковом платье. Пришел взять ее в жены. Скорее шевели мозгами и говори!

Богатырь средней земли по имени Хуругучон, который, превратясь в иголку, спрятался в сумке, [услышав слова авахи], до того рассердился, что густая кровь у него хлынула в живот, вспыхнувшая кровь дошла до колен, бурлящая [кипящая] кровь поднялась до глаз, злая кровь подошла к горлу, жидккая кровь из

десяти пальцев брызнула. Потом [он], трижды перевернувшись и покатавшись, самим собой — человеком стал.

Став человеком, он направился навстречу авахи, проваливаясь в мягкой земле до бедер, а на твердой земле — по колена. Подойдя, [он] запел такие слова:

— Гуйэ, гуйэ, гуйэканин! — Как же ты ходишь, не зная героя средней земли, ежедневно прибавлявшего в росте на большой палец, богатыря по имени Хуругучон. Я и есть Хуругучон-богатырь. Я же знаю тебя, ты атаман авахов нижнего мира. По доброй воле не отдам тебе девицу в шелковом платье — Солкокчон. Если ты на это не согласен, то подходи, давай драться! Кто победит, тот и возьмет в жены Солкокчон в шелковом платье. Разве ты сможешь содержать девицу, [рожденную] человеком? Знаешь ли ты, как выкормить ребенка-человека или разводить скотину? Никогда такого не было! Поэтому я заброшу тебя с этой средней земли на небо. Кости твои разбросаю там, куда не заходят реки, впадающие в море. Иди-ка [ты] домой своим путем! Чтобы на этой земле тебя не видели! Я не отдам Солкокчон. Если не хочешь слушать [меня], подходи, давай драться!

Авахи запел:

— Конгордонин, конгордонин! — Богатырь средней земли, прибавлявший в росте на большой палец, по имени Хуругучон, у тебя еще не окрепло тело, не окрепли твои кости, богатырь-ан, ведь тебе не выдержать силы моей. Я побеждал богатырей сильнее тебя. Иди-ка ты сам домой! Зря погибнет все человечество средней земли, зря будет уничтожен дух — хозяин средней земли. Если не послушаешься [меня], то давай подходи, подеремся! Тот, кто победит, возьмет Солкокчон в шелковом платье. Мне битва не претит. Моя большая команда получит пользу от моей свадьбы. Я поставлю угощение из человеческого мяса — вот будет хорошо, вот обрадуются авахи нижнего мира!

На эту речь наш богатырь — богатырь среднего мира — рассердился так сильно, что кровь [его] хлынула в живот, бурлящая кровь дошла до глаз, брызнула жидккая кровь его из десяти пальцев. Пошел он навстречу авахи, проваливаясь на твердой земле по колена, а на мягкой земле — по бедра. Подойдя, [он] ударом черного кулака в основание уха авахи свалил [его]. Не успев опомниться, авахи трижды перевернулся.

И так и этак бились. Не знают, то ли три месяца, то ли три года бились. Во время битвы [они] остановились, упервшись лбами [друг в друга], прижавшись плечами друг к другу, чувствуя дыхание [врага].

Пока так стояли, вдруг изо рта авахи стала падать пена, словно осенняя заячья шкура, а из глаз потекли слезы, как чистая вода из трех стаканов. В спине у него что-то зашуршало. Из носу стали течь сопли, растягиваясь до колен. Задрожали суставы ног.

Потом богатырь бросил авахи на землю так, что вогнал [его] в землю на три сажени.

Бросив авахи, богатырь заговорил так:

— Гуе, гуе, гуекон! — Ну ты, атаман авахов нижнего мира, пришедший, чтобы взять в жены девицу средней земли, если не скажешь прощального слова, [то], умирая, будешь огорчаться. Говори поскорее последнее слово, пока я не перерубил тебе горло своим мечом с четырьмя рукоятками!

Авахи заговорил и так и этак:

— Конгордоин, конгордонин! — Я не думал, что на средней земле есть такой сильный богатырь-человек. Оказывается, это ты. В течение долгих лет тебя не было. Ты давно стал таким? Бывают такие сильные [люди], и я не огорчаюсь, что умираю. Прощай на долгие годы! Я погиб, а ты живи вместо меня.

Как только авахи так сказал, богатырь Хуругучон перерубил [ему] горло своим мечом с четырьмя рукоятками.

Таким образом, убив авахи, богатырь средней земли по имени Хуругучон пришел в просторный двор Геван-старика, в его роскошный табор. [Он] пришел к девице в шелковом платье Солкокчон, чтобы взять ее в жены.

День был ясный, [но] в это время отовсюду задули ветры и поднялась сильная пурга. Как только затих ветер и кончилась пурга, пришел очень красивый на вид белолицый румяный богатырь. Придя, подошел к [Хуругучону] и начал так говорить:

— Эрил-дорид, эрил-дорид! — Ты из какой земли, мата-чужеродец, пришел? Откуда ты родом? Скорее рассказывай по порядку, толком говори! Не заставляй ждать путника. Не задерживай дорожного человека! Если хочешь спросить меня, если хочешь услышать мое известное имя, [то] я сын Нюнгурмок средней земли, богатырь средней земли по имени Хуркокчон. Если спросишь, зачем я пришел в эти места, [то знай]: я разыскиваю своего брата по имени Хуругучон, которого взяли дочери Геван-старика, похитив у матери. Идя по следам его, я пришел. Ты знаешь его или нет? Скорее рассказывай по порядку и толком говори.

Брат говорит:

— Гуе, гуе, гуеконин! — Если ты говоришь Хуругучон, [то] это я. Я победил пришедшего атамана авахов, раздул его пепел. Так отнял [я] от авахи дочерей Геван-старика. Я возьму в жены самую старшую дочь в шелковом платье Солкокчон, а среднюю сестру по имени Дарпек-девица возьми ты. Потом уже поедем домой. Заживем семейной жизнью. Мы станем духами — хозяевами средней земли, станем предками людей. Будем разводить [домашних] животных.

Младший брат, видимо, согласился [и] стал говорить так:

— Братец, братец, богатырь средней земли Хуругучон! Действительно, ты богатырь! Распространяется слух о том, что ты убил атамана авахов нижнего мира. Стала широко известна победа

твоя. Теперь же изверняка мы будем хозяевами средней земли. Раз так, давай возьмем в жены дочерей у Геван-старика и вернемся домой.

Придя [к старику], оба пошли к девушкам. Войдя, Хуругучон опять подробно [и так и сяк], подряд [все] рассказывая, говорит дочерям Геван-старика:

— Ну, дочери Геван-старика, из-за вас [я] принял большие муки, из всех мучений мученье пережил, чем же отплатите? Я спас вам жизнь. Атаман авахов развеял бы ваш пепел, если бы меня не было. Поэтому [мы] возьмем вас в жены. Согласны [вы] или нет на это? Скорее отвечайте, говорите по порядку и прямо! Не заставляйте ждать, не задерживайте путников. Скорее отвечайте!

Выслушав его, дочь Геван-старика в шелковом платье Солкокчон-девушка, так и сяк почесав голову, по порядку начала говорить:

— Кимо, кимо, кимонин! — Богатырь средней земли, прибавлявший в росте ежедневно с большой палец, богатырь по имени Хуругучон, почувствуй нутром своим, пойми разумом мой деловой разговор! Действительно ты, придя, спас человека от атамана авахов! Кто же из добрых людей пойдет к авахи? Поэтому, если [вы] хотите взять нас в жены, то [мы] не откажемся. На этой земле все равно не дадут нам жить. Из верхнего и нижнего миров придут богатыри и не дадут [нам] жить. Мы сами согласны жить на средней земле. Будь что будет, давайте поженимся.

Хуругучон отвечает:

— Гуе, гуе, гуеконин! — Ну, девушка, дочь Геван-старика по имени Солкокчон в шелковом платье, мне приятно все то, что ты сказала, [ты] правильно рассуждаешь. Давай хоть для вида спрашивай свадьбу! Приготовьте еду, [забив] самых лучших коров, подобных речной гальке, забейте на счастье скотину, подобную валунам, приготовьте еду, забив коией, подобных кочкарнику!

После разговоров поженились: старший брат взял старшую сестру, младший брат взял среднюю сестру. Потом отправились домой на родину, к своей матери. После долгого путешествия добрались до дома. Придя, Хуругучон-парень начал рассказывать все по порядку:

— Гуе, гуе, гуеконин! — Родная мать, одна-одинешенька живущая на средней земле, по имени Нюнгурмок, я принес. Прими мой добрый привет! Потом уж расскажу [все] по порядку. Послушай внимательно, пойми своим разумом. Я взял в жены дочь Геван-старика в шелковом платье Солкокчон. В трехлетнем возрасте я взял себе спутницу. Младший брат мой взял в жены сестренку ее, по имени Дарпек-девушка. Таким образом, пришли мы оба, став семейными. Теперь мы будем растиль потомство — людей средней земли и разводить скот. Став такими, [мы] вернулись. Теперь мы будем заботиться о тебе самой. Ты родила нас, сделала нас людьми, поэтому средняя земля стала нашей [родиной].

Мать их стала говорить:

— Кимо, кимо, кимонин! — Сын мой, выраставший ежедневно с большой палец, по имени Хуругучон, удачно постранствовав, благополучно вернулся [ты]. С тех пор как вы ушли, не было у меня покоя, ни сна, ни отдыха. Я до того наплакалась, что слезы высокли на глазах моих. Не знала [я], когда [вы] вернетесь. Вот вы вернулись, как [это] радостно! Приятная встреча! Дети мои, хорошо, что [вы] вернулись!

Тем временем поставили дом и ограду и зажили по-человечески. Вот так и жили они, долго ли, коротко ли, сами не знали.

За это время у Хуругучона появился сын. Сын, переночевав три ночи, стал с трехлетнего ребенка; переночевав пять ночей, стал с пятигодовалого ребенка. Очень быстро он вырос. Становится богатырем, сильнее, чем отец.

Однажды, сев напротив отца и матери, начал просить дать ему звучное имя, которое может прославить его.

— Дэгри, дэгри, дэгримой! — Вот я говорю, что больше уже не возмужаю (теперь не вырастут у меня рога, не покажутся у меня копыта). Как же [я] парень буду без имени? Дайте мне имя, батюшка с матушкой! Приходящий, уходящий и надо мной летающие, говоря все: «Без имени», — смеются. Поэтому прошу — скорее дайте мне имя!

Мать его Солкоккон в шелковом платье начала говорить:

— Стань богатырем средней земли Хуркокконом! Если дойдешь до верхнего мира, стань Чивкачатканом (птицей-богатырем). Если ты согласен с этим, то скажи: «Ладно», а если не нравится, то скажи: «Нет», если имя плохое — скажи: «Плохое».

Однажды сын, встав рано утром и сев против родителей, стал так говорить:

— Дэгри, дэгри, дэгримой! — Теперь не возмужать мне (не расти ни рогам, ни копытам). Во-первых, хочу искать спутницу, во-вторых, искать хозяйку-спутницу. В какой стране есть девушка, подходящая для меня? Укажите мне дорогу туда! Сколько бы богатырей ни было, не бойтесь, [не поддамся]. Где бы ни находилась девушка, доберусь туда. Скажите быстрее!

Родители переглянулись друг с другом, говоря: «Скажи ты», «Нет, ты скажи»; говоря, наседали друг на друга.

Тогда начала говорить мать:

— Доки, доки, докимой! — Ну сынок мой, если одобришь мое указание скажи: «Ладно», а если нет — скажи: «Нет». В стороне, где восходит солнце, на краю земли, есть князь крайней земли, голова-начальник города далекой земли, по имени Геван-старик. У него есть [дочь] девушка. [Никто] из имеющих указательный палец не побеждал ее, имя девицы-героини Унаптук. Никто не может взять ее, ни богатыри нижнего мира, ни богатыри верхнего мира. Разве ты туда пойдешь? Очень далекая страна, — даже четырехногий зверь только после четвертого помета доходит туда.

Сам должен узнатъ, какои хитростю можно добраться туда. Как бы то ни было, посоветует тебе бабушка твоя, по имени Нюнгурмок.

Потом сын заговорил так:

— Дэгри, дэгри, дэгримой! — Отец мой, богатырь средней земли по имени Хургучон, мать моя по имени Солкокчон, бабушка моя по имени Нюнгурмок, улетаю я, став крылатой птицей. Отправляюсь я, сделав три круга вокруг родной земли. А сейчас, если что собираетесь сказать, говорите быстрее!

Сказав так, простился. Затем, выйдя быстро на улицу, трижды перевернулся и, став лебедем, полетел, [делая круги над жилищем].

Старуха Нюнгурмок, быстрынько выйдя, второпях начала говорить:

— Итак, внук, дитя мое, выслушай мой совет очень внимательно! Счастливого пути! В той стране, куда направляешься ты, ни один слабый богатырь не мог преодолеть всех препятствий. У твоего отца есть лук, сделанный мной из одной половины лиственницы, и стрела, сделанная из другой половины. Возьми их: наверное, [они тебе] пригодятся. Нет ничего другого у меня, дарить тебе больше нечего. Если ты выстрелишь, хорошенъко благословив свой лук, то стрела твоя не застрянет даже в черной туче. Удачного пути, возвращайся домой! — сказав, благословила.

Так благословив [его], закончила совет свой. Потом стала прощаться мать и напутствовать [сына]:

— Сынок, Хуркокчон называемый, хорошего пути тебе! Не падай от крутобоких! Не поддавайся опережающим! Не становись поперек идущим сбоку. Не поддавайся лукавым! Уничтожай хитрецов!

Итак, сын ее сделал прощальные круги, взмахивая крыльями, на лету схватил большущий лук. Итак, полетел между облаками в сторону восхода солнца.

Улетая, парень заговорил, запел:

— Если удачно проведу я свой поход, то вернусь через три года. Если же не вернусь к этому времени, — когда сунется широкая спина моя, укоротится мой длинный ум, тогда я отправлю по ветру свое волшебное слово, с быстротой отправлю его по воздуху.

Сказав так, он полетел. И так он летел и летел. Долго ли, коротко ли летел он — не знает и сам: то ли три дня, то ли три месяца.

Видимо, он начал добираться до родины Геван-старика. Вот показался просторный двор, роскошный табор Геван-старика.

[Он] подумал: «Камни» — оказались коровы, подумал: «Кочки» — оказались кони, подумал: «Кустарники» — оказались олени. Пролетев над огромным деревянным домом Геван-старика, опустившись около двери, начал [он] петь:

— Дэгри, дэгри, дэгримой! — Ну, дед мой Геван-старик, начальник города далекой страны, князь крайней земли, к тебе я шел, летел, летел. К тебе я прибыл не просто. Расскажу [я], за-

чем пришел и что надо мне. Открой свою большую дверь, прими [мой] привет, после этого будет [у нас] большой разговор. Ты сам, наверное, знаешь, с каким намерением ходит [в дом] молодой парень. Мое громкое и известное всем имя — богатырь Хурокчон, сын богатыря средней земли Хургучона, сын матери по имени Солкокчон. Не заставляй ждать дорожного человека, не задерживай путника, говори толком и прямо.

Геван-старик, открыв дверь, взял за руку этого человека, ввел в дом. Приведя его в дом, Геван-старик завел разговор, так говоря:

— Орил дорил! Орил дорил! — Ну, богатырь средней земли, поздороваемся! Потом уж будет разговор. Выслушай внимательно мои слова, пойми [их] своим разумом. Здесь находится атаман авахов нижнего мира по имени Сэлэргун-Сумунёндэ. И богатырь из верхнего мира, прибыв, здесь же; они пришли взять в жены мою дочь, богатыршу Унаптук, девицу-красавицу. Три года [они] боятся, никто не может победить. Всегда хитрят, но никто из них еще не победил. Прошло уже три месяца, как у них передышка. Вот-вот встанут и начнут биться.

Итак, старик, приготовив еду для этого человека, начал угадывать [его]. Смотрит, как ест этот человек [Хурокчон], — действительно настоящий богатырь. Здорово ест: взяв в рот мясо величиной с кабаргу, проглатывает его, когда [она] становится величиной с рукавицу, взяв в рот кусок сала величиной с зайца, он проглатывает [его], когда [тот] становится величиной с горностая. Выпив навар, [он] узнает, что допил [его] до конца, только когда стукнется лбом о [край] большого котла.

Итак, покушав, пошел он к богатырям. Пройдя, увидел, что богатыри спят на двух отдельных лабазах, стоящих на месте битвы. А на них лежит снег вершка на три [высотой]. Этот человек, подойдя туда, пнул ногой лабазы. Пнув, повел такую речь:

— Дэгри, дэгри, дэгримой! — Ну, богатырь верхнего мира в золотой одежде, Монгуличон по имени, вначале привет прими, потом разговор. Я богатырь средней земли, имею отца по имени Хургучон, имею мать по имени Солкокчон, я богатырь по имени Хурокчон. Если ты спросишь: зачем [ты] пришел сюда, мата? — так [скажу]: я пришел просить дочь Геван-старика, с взвинченным и известным именем — девицу Унаптук. Расскажи же [теперь все о себе] подробно и толково.

Тот богатырь верхнего мира проснулся и поднялся. Поднявшись, он стал говорить так:

— Угала, угэль! — Ну, богатырь средней земли, с чего это [ты], приди сюда, поиздоровался и разгорячился? Кичишься своим достоинством! Эх, зело меня разобрало, вот беда! Ты не торчи здесь предо мной, — сказал так, он даже не поздоровался с пареньком.

От большой злости он чуть не лопнул в плечах, чуть не разорвался в пояснице. Сердитая кровь хлынула в затылок, упря-

мая кровь дошла до живота [его], бурлящая кровь застлала глаза.

Таким образом, Хуркокчон направился к авахи, увязая в талой земле по щиколотку, в мерзлой земле — по колено. Подойдя к лабазу авахи, саданул [он] ногой по лабазу, на котором тот спал, так что сам авахи покатился, вскакивая на ноги.

Богатыри ударили друг друга черными кулаками. Хуркокчон начал ходить туда-сюда. [Он] сильно взволновался: наверное, ему было стыдно, что [они] не обратили на него внимания. В душе [он] был очень огорчен [этим].

Так вот, долго ли, коротко ли они бились, неизвестно. Бились, бились, перестали. Уперлись лбами, сцепившись плечами, [они] сделали передышку. Сильно задрожали [у них] колени. Изо рта [у них] стала падать пена величиной с зайца, из носа начали течь сопли величиной с куропатку. Тем не менее борьбу продолжали. Вот авахи начал побеждать богатыря верхнего мира.

Поддаваясь, наш богатырь верхнего мира, [когда враг начал его одолевать], такую речь держал: «Сузилась широкая спина моя, укоротились мои длинные мысли, атаман авахов действительно людоед, убийца! Подходит день моей смерти. Где же находится мой спаситель, богатырь средней земли по имени Хуркокчон, куда же он ушел? Можешь ли ты спасти жизнь человеку или нет? Настал день моей гибели, моей смерти. Ужасная печаль, неудача пришла», — говорит.

Услышав это, наш богатырь средней земли не стерпел. Пожалел богатыря верхнего мира. От всего сердца, от всей души (печени) пожалел.

Вот пришел к ним. Смотрит — авахи побеждает богатыря верхнего мира. Отгрызая мягкие части его, людоед продолжает поединок.

Увидев это, богатырь по имени Хуркокчон от сильного гнева начал биться с авахи. Подойдя, так ударил его в основание уха, что [авахи] три раза перекувырнулся. И так и этак бились, бились они, но оба выдерживали. В битве авахи заговорил:

— Конгородонин, конгородонин! — Богатырь средней земли, черными кулаками мы не можем победить друг друга, давай стрелять друг друга из большого лука. Пусть тот, кто попадет и убьет [другого], — победитель, возьмет ту девушку, — сказал.

Хуркокчон на это согласился.

— Пусть будет так, — говорит он.

На двух концах большого поля есть ямы, на дне их — железные колья с заостренными верхушками. Встав друг против друга, на краю этих ям, человек и авахи приготовились стрелять друг в друга. Вот авахи опять говорят:

— Я родился раньше тебя, раньше и выстрелю! Пойди и встань там!

На это богатырь средней земли такую речь произнес:

— Геван-старик, дед мой, богатырша по имени Уньяптук-девица, итак, я иду под стрелу лука; если сувится моя широкая спина, если укоротятся мои длинные мысли, тогда отправлю по ветру свое слово к вам. Если попадет в меня его стрела, — потемнеет солнце. Таким образом вы узнаете, что [я] побежден. Так сказав, он встал на край ямы, напротив [авахи].

Тогда авахи начал заговаривать свой большой лук:

— Большущий железный лук мой, спусти стрелу прямо в черную печень богатыря средней земли.

Сказал — и удар большого пальца его раздался по земле, свист большой стрелы его пронесся по небу. Богатырь средней земли тотчас увернулся, отстранившись в сторону своей родины. Стрела, пролетев, пробила его кафтан. [Хуркокчон], думая: «Убит ли?» — испугался, и солнце, ненадолго потемнев, не осветило. Затем богатырь-аи Хуркокчон сказал:

— Ну, теперь становись!

Авахи, подойдя к краю ямы, встал и ждет, когда, заговорив свой лук, тот спустит стрелу.

— Ну-ка, лук мой большущий, сделанный из одной половины лиственницы, большая стрела моя, сделанная моей бабушкой по имени Нюнтурмок, которая жила одиноко на средней земле, неся в себе волшебное слово, пронзи [его], — сказал [он] — и удар большого пальца раздался по земле, звук стрелы в небе прогремел. Авахи собрался увернуться в сторону нижнего мира, [но] не смог отстранииться. Большая стрела вонзилась в середину печени его. Так он [Хуркокчон] победил авахи. Победив его, он направился к Геван-старику. Придя, такую речь держал:

— Дэгри, дэгри, дэгримой! — Геван-старче, [я], придя ради твоей дочери, девушки-богатырши по имени Уньяптук, из-за ее звучного, известного имени перенес много мучений и тяжелых страданий. Я бился с атаманом авахов нижнего мира Сэлэргун-Сумуюнде и с богатырем верхнего мира в золотой одежде Монгуличоном. Они пришли за дочерью твоей, богатыршей с звучным и известным именем. За нее они дрались три года и три месяца. Когда атаман авахов стал побеждать богатыря верхнего мира, [я], пожалев его, спас богатыря от авахов. Я убил атамана авахов нижнего мира стрелой из половины лиственницы, из большого лука, сделанного из одной половины лиственницы. Их смастерила моя бабушка, одиноко жившая на средней земле. Если бы меня не было, то атаман авахов нижнего мира развеял бы твой пепел и разрыл бы твой очаг. Поэтому, Геван-старче, дедушка, выдай за меня свою дочь! Ты согласен или нет? Посторе говори ясно и толково! Не заставляй ждать спасителя-человека, не задерживай путника. Выслушав это, Геван-старче так и начал говорить:

— Орил дорил, орил дорил! — Ну, богатырь средней земли Хуркокчон, выслушай внимательно и пойми своим разумом мой прямой разговор по порядку! Да, действительно, ты, придя сюда,

спас нас от атамана авахов. Разве человек-аи свою дочь-аи отдаст авахи?! Поэтому, если ты берешь мою дочь, богатыршу Уняптук, то я не препятствую. Если [она] останется здесь, ей все равно не дадут жить богатыри нижнего и верхнего мира, приходя ежегодно. Поэтому лучше сами устраивайте свою жизнь на средней земле!

Так договорившись, [Хурокчон] взял в жены дочь его. Тут же спровели свадьбу. Он увез к себе на родину. Добравшись домой, к родителям своим, стали [они] жить. С тех пор он стал предком эвенков. Они начали разводить скот.

Записано в 1960 г. в пос. Курунг-Урях Аян-Майского р-на Хабаровского края от С. В. Титова (Эден). 1890 г. р., неграмотный, разговорный язык эвенкийский, владеет якутским и русским языками.

15. БОГАТЫРЬ ТАМНАНИ И ДЁЛОМО ДЁНУЙКАН

На берегу реки жили старуха со стариком. В одно прекрасное время у старухи без боли опухло колено. Пухло, пухло, но не болело. Однажды старуха ушибла опухшее колено о порог. От этого ушиба опухшее колено у старухи лопнуло, и вдруг с криком [оттуда] выпал ребенок. Старик поймал его рукой, ребенок оказался мальчиком.

Этот мальчик, переночевав ночь, стал с годовалого ребенка, переночевав две ночи, стал с двухлетнего ребенка. Переночевав семь ночей, стал с семилетнего ребенка; переночевав десять ночей, стал с десятилетнего ребенка. Мальчик начал бегать и играть. Потом этот мальчик стал искать бурундуков и охотиться на них. Вот, получив лук, мальчик начал уходить в далекие места. Он стал удаляться в леса и горы. Бродя по далеким местам, на одной выгоревшей горе, где росла брусника, увидел большого медведя. Вот парнишка стал подкрадываться к нему. Крадучись, подошел близко к зверю. Подойдя, парнишка начал говорить:

— Эйин, эйин! — Какой же ты зверь?

А зверь в ответ такую речь произнес:

— Что это зашумело, кто это, кто заговорил? Я же лесной зверь. Мальчик, мальчик, остановись!

Тут же мальчик произнес такую речь:

— Эйин, эйин! — Я принял тебя за зверя. Я могу выстрелить из лука, сообщи свое имя!

Медведь же стал держать такую речь:

— Эндо! Эндо! — Большое мое имя, стариковское мое имя — Сатана-старик. Ты, мальчик, странствуешь без имени! Мое мое дитя, назову-ка тебя, пусть будет твое имя Тамнани, Тамнани-богатырь.

Как только [медведь] кончил говорить, этот юноша заговорил так:

— Эйин, эйин! — Я не боюсь, но [я] назвал [тебя] лесным зверем, однако уж не дед ли ты мой? Если так, большое спасибо за то, что дал мне имя. Не обижайся, дед! Я же пойду обратно.

Дед же его произнес такую речь:

— Эндо, видо! — Милый мой внучек, иди своим путем! Милый внучек, я дам тебе совет. Выслушай хорошенко, — сказал дед его. Сказав так, он стал советовать:

— Гамиани, человек-богатырь, если с тобой приключится какая-нибудь беда, назови мое имя! Если наступит [твой] смертный час, вспомни меня. Иди вверх по реке. Иди вперед, поднимешься на гору, доберешься до выгоревшего места. Когда дойдешь до вершины, поднимется ветер и [налетит] пурга. Тотчас же выбрось что-нибудь, сказав: «Не дуй, ветер, не мети, пурга». После этого поглядывай во все стороны тайги! Тогда увидишь коня с желтой шерстью. Увидев, как он пасется, подкрадывайся незаметно к нему, чтобы он не заметил тебя. Подойдя близко, испугай его, говоря: «Я твой хозяин!».

Юноша побежал домой. Вот добрался до дома. Придя, переночевал. Но не сидится ему дома, все куда-то хочется идти. За это время подрос, стал постарше. Старуха со старицей предупредили:

— Сынок, не ходи далеко!

Старик и старуха легли спать. Сын их укрыл родителей всей одеждой, которая [у них] имелась. Укрыв, со словами: «Не слышат мой шорох и [мои] шаги» вышел и убежал.

Шел, шел, бежал, бежал вверх по реке. Вот поднялся на гору и дошел до вершины. Когда дошел, задул ветер и поднялась пурга, парень казал: «Ох! Что же мне делать?». Подумав и немного постояв, оторвал лоскут с подола своей одежды и бросил, сказав: «В жертву!». Бросил так лоскутъ несколько раз — небо сразу же прояснилось. Потом поглядел [он] вокруг, смотрит — мелькает желтый конь. Направился он прямо туда. Шел, шел, подошел, а конь не увидел его. Начал он незаметно подкрадываться. Осторожно подошел и вспугнул коня, сказав: «Я твой хозяин!».

Как только [он] испугал [коня], конь так заговорил:

— Эринай, эринай! — Вот пугаешь меня, говоря: «Я твой хозяин», — я же буду твоим конем. Вместо того чтобы пугать меня, садись-ка верхом [на меня]! Когда сядешь, я [тебе что-то] скажу.

Парень, поймав коня, сел верхом на него. Как только он сел на него, конь его произнес такую речь:

— Эринай, эринай! — Вот ты сел верхом на меня, а я буду подпрыгивать и подскакивать в течение трех суток. Держись хорошенько, хорошо сиди, прижмись так, чтобы не упасть.

Когда тот сел, конь стал подпрыгивать и подскакивать. На третий сутки чуть-чуть не упал [юноша]. После этого, наконец, отправился дальше. Когда поехал и куда приехал — парень не знал.

Вдруг [он] просыпается [оказывается] — он спит в доме, а на улице слышатся слова:

— Эрной, эрной! — Долго же спиши, хозяин! Дорожному человеку настало время ехать. Что же, давай поедем!

Выйдя на улицу, парень [сел на коня] и отправился [далее]. Когда поехали, конь заговорил:

— Эрной, эрной! — В какую сторону держишь путь, хозяин, скажи свое желание!

На это юноша держал такой ответ:

— Эйин, эйин! — В какую сторону направлена твоя голова, туда и поеду. Сам знаешь, в каком направлении находятся девицы-красавицы. В какую сторону направились, сам знаешь, туда и поедем!

Вот конь поехал, везя хозяина. Человек же не знал, куда он поехал, только и знал, что двигался. Ничего не чувствовал. Вдруг парень проснулся где-то в тайге. Проснувшись, встал и осмотрелся. Смотрит: горит костер. Подошел, оказывается — над костром висит котел с мясом. Парень здорово проголодался.

— Ох ты! Я же Тамнани, человек-богатырь. Кто же приготовил это [мясо]?

Вот этот человек начал есть из этого котла. Съел до конца все содержимое котла: и мясо, и навар. Кончив есть, пошел искать следы хозяина этого костра. Вот нашел его следы: шел человек с большими следами, шел, проваливаясь в мягкой земле по бедра, а в твердой земле — по колена. Тамнани пошел по [его] следам. Идя так, дошел до одного дома. Дойдя, дернул дверку. Дернул очень сильно — оказывается, крепко закрыта. После этого из дома послышались слова:

— Эндо, эндо! — Что, что это зашуршало?

Когда [он] так сказал, этот человек опять постучал в дверку. После этого опять из дома послышались слова:

— Эндо, эндо! — Что, что это зашуршало? Видимо, придется нам узнать, кто же сильнее. Я же богатырь Сэлэмэ-Сэль.

Тот, который находился на улице, заговорил так:

— Эйин, эйин! — Ну-ка, если так, давай познакомимся. Я человек, Тамнани-богатырь. Давай прежде посмотрим друг на друга. Не повидавшись, как же можем рассердиться друг на друга? Ты же Сэлэмэ-Сэль — богатырь, да?

После того как сказал так, второй опять заговорил:

— Эндо, эндо! — Я знаю тебя! Кто же давал тебе имя как не я. Может быть, это случилось само собой? Кто был на выгоревшей горе, кого ты подстерегал? Знаешь ли ты его? Разве ты не понял моих слов?

Так вот, открыв дверь, они встретились и помирились.

— Эндо! Эндо! — Тамнани, человек-богатырь, заблудившись, бродишь ты. Опять же [я] посоветую: иди прямо по этому направлению, дойдешь до берега моря.

После того как сказал [так Сэлэ-богатырь], Тамнани тут же побежал. Долго ли, коротко ли он шел — и сам не знал.

Вдруг не стало видно поверхности земли. Взглянул он вниз — там вода: оказывается, он идет по горе. Вот он бежит да бежит по горе. Не знает, куда он бежит; то ли вверх, то ли вниз по реке. Так он шел, шел. В пути в одном месте вдруг перед ним пролетели вороны, выскочили лисицы и пробежали горностаи. Он подошел [туда] — одна вонь. Почувствовав такую вонь, человек заговорил так:

— Эйин, эйин! — Куда же я пришел, ой, как воиняет! Что же это? В какое гнилое место [я] пришел? Фу, какая воин!

Лишь только он закончил говорить, тут же с того места, откуда шла воинь, послышалась речь:

— Аен, аен! — Вороны едят, и лисицы едят, и горностаи едят. Осталась от меня только половина. Кто же, кто спасет меня! Чье-то, чье-то слово раздается? Кто же, кто [это] не переносит воинь? Может быть, он спасет меня; [я] прошу спасти [меня]! Я же из моря выброшен волнами! Кто живет на земле такой, кто бы смог выбросить меня [снова] в море?

Подошедший богатырь человек такую речь держал:

— Эйин, эйин! — Воинь, воинь! Не смогу подойти! — говорю. Воинь, воинь, воинь какая! Лежи себе в гнилом месте! Не знаю твоего имени. Что за имя у тебя? Воинь, воинь! Никак не смогу подойти.

Лишь сказал, как тот опять заговорил:

— Аен, аен! — Умоляю, прошу, как-нибудь подойти! Попытайся поднять [меня], я помогу тебе туловищем, как-нибудь откати меня к морю! Пожалуйста, выполни мою просьбу! Если впредь что-либо случится с тобой, я помогу тебе. Как-нибудь выполню мою просьбу! Пожалуйста, выброси меня в море, не оставляй меня!

Выслушав его просьбу, Тамнани, которому было противно, заговорил так:

— Эйин, эйин! — Уж больно запах твой тяжелый! Ну, если ты обещаешь в будущем помочь мне, как-нибудь уж выброшу!

Сказав так, подойдя, обхватив, поднял и выбросил [его] в середину моря. Бросив его, отправился своим путем. Вот он шел, шел. Долго ли, коротко ли шел-шел. Долго ли, коротко ли шел — он не знал. Идет — и вдруг показался конец берега моря. Когда берег кончился, он постоял и сказал: «Ну и устал же!», лег и заснула. Когда он уснула, морская вода подошла и залила [все]. Осталось только то место, на котором спал человек. Проснулся Тамнани человек-богатырь, смотрит, как вода захватывает землю. Встань, он вспомнил молодца, которого [он] выбросил [в море].

— Ох-тя! Ну, погибаю! — сказал так, он продолжал:

— Эйин, эйин! — Какой, какой же я найду выход? Что мне сказать, что придумать? Ведь сейчас, сейчас унесет (меня) в море! Вот-вот погибну в воде! Как мне остаться в живых? Хочу пла-

кать! Что же делать? Кого, кого же вспомнить? Вот обманул [меня] тот, сгнивший. «Помогу», — говорил воюющий молодец. Погибаю, пришла смерть моя! Когда, придя, спасет [меня] тот, которого выбросил [я] в глубину моря? Ох-ты! Вот — ведь погибаю! Как только сказал, из глубины моря донеслись слова. Вот тот молодец стал произносить речь:

— Аен, аен! — Молодец, я говорю. Я живу в море и собираюсь прийти! Слушай меня, если так! Говорил же ты: «Фу, что за воин, что за воин!». Если бы ты так оставил меня, то кого же стал бы звать, кого же стал бы вспоминать сейчас? Потерпн! Сейчас, сейчас приду, приготовься!

Когда он кончил речь, Тамнани забеспокоился и заговорил так:

— Эйин, эйин! — Поскорее приходи, молодец! Вот-вот унесет меня в море! Сейчас погибну.

Прошло немного времени, и в море стала видна спина молодца. Показавшись, молодец сказал:

— Если ты погибаешь, быстрей вскачивай [мне на спину]! Тамнани прыгнул в море. Так и ушел в море. Прыгнув, он не помнил, что было с ним. Вдруг он проснулся. Проснувшись, смотрит: лежит на земле, на берегу реки. Он встал, постояв немного, пошел. Он направился прямо вверх. Он шел, перескакивая с кочки на кочку. Так идя, вдруг он пришел к дому. Когда он подошел, из дома вышел человек. Этот человек сказал:

— Почему [ты] шел, убивая моих оленей? Разваливая кочки, шел, говоря: «Кочки». Вот теперь оживи их! Иди обратно и оживи, — сказал этот человек. Что поделаешь, пришлось Тамнани вернуться обратно. Вернувшись, посмотрел — оказывается, затоптал на ходу десять оленей.

Вот повесил он этих десять оленей на наклоненную сухую лесину. Пройдя от основания до вершины дерева, он начал приговаривать:

— Ну-ка, зашевелитесь так же, как шевелится это дерево, и начните ходить!

Став на вершину этой наклонившейся лесины, начал качать [ее]. Вот олени зашевелились, подражая этому дереву, и начали ходить.

Что же, может быть, у него веревка или что-нибудь другое [было]? Нет, конечно, ничего. Содрав кору тальника и привязав по одному десять оленей, он повел караван. Вот отправился. Когда вел, олени, испугавшись чего-то, стали срываться с привязи. Параень, покрикивая: «Чо, моду!», продолжал вести [их]. Вел себе этих десять оленей, говоря про себя: «Вот возьму себе жену за этих оленей»; думал так и шел. Так добрался до одного соседа. Часть оленей [он] привел, часть убежала. Разве [олени] удержатся на корьевой привязи!

Вот вошел [он] в этот дом. Оказывается, в доме [находится] только одна женщина. Вот эта женщина говорит:

— Выйди-ка ненадолго, я в плохом платье, переоденусь в нарядное.

Вышел парень и стал смотреть на олени. У этой женщины тоже есть олени. «Этого оленя сделаю верховым, а этого оленя кастрирую», — говоря [так] про себя и разглядывая [оленей], он вошел в дом. Вдруг эта женщина преобразилась в другую. Она нанесла очень красивое платье и стала красавицей.

Они решили жить вместе. Вечером подходит время спать. Женщина постелила постель, а он стал раздеваться. Раздевшись, они вместе легли спать. Когда легли, женщина предупредила:

— Тайга ночью как будто оживает. Если начнут раздаваться различные звуки, будут слышны всякие разговоры, ты тогда лежи, не шевелся.

Как только они заснули, еще до наступления темноты, стал раздаваться какой-то звук, зазвенело, послышался звон серег. Со звоном что-то подошло к дверям. Подойдя к дверям, так заговорило:

— Кэнгэ чорон, кэнго чорон! — Утоддин-Мокалдин, открой дверь! Заморозят меня мои серьги и колокольчики! Скорей, скрей, открывай! Что, что [ты] делаешь? Или [ты] лежишь с человеком, — сказала и открыла дверь. Открыв дверь, осмотрелась и увидела, что та [женщина] спит с мужчиной. Тут же, позвякивая, исчезла.

Этот парень вскочил и переломал женщине руки и ноги и бросил ее дома. Потом погнался за другой женщиной. [Но] разве он догонит крылатую женщину? Конечно, нет!

Вот этот парень гонится за этой женщиной. Три дня гнался. Догонял, догонял [но не догнал] и вернулся обратно.

Та женщина, с переломанными руками и ногами, опять преобразилась в другую женщину. Он стал жить с этой женщиной. Так прожив недолго, опять переломал руки и ноги этой женщине: оставил [ее] дома, погнался за улетевшей женщиной.

Старуха со стариком дома оставались — спали. Сколько времени они спали, не знали. Выспавшись, они встали. Встав, посмотрели в доме — а сына нигде нет. Когда [он] ушел, старик со старухой не знали. Так они и жили вдвоем, поджидая своего сына.

В это время у старухи опять стало опухать колено. Опухало, опухало, но не болело.

Однажды старуха, говоря: «Выйду-ка», ударилась опухшим коленом о порог. От этого удара лопнуло опухшее колено, и вдруг старик поймал с писком выпавшего ребенка. Получив сына, старик со старухой очень обрадовался. Действительно, этот ребенок, переночевав десять ночей, стал с десятилетнего ребенка. Вот он, как и старший брат, стал уходить далеко. Получив лук, начал охотиться в далеких местах. Парнишка, убивая зверей, волоком притаскивал их домой.

Однажды этот парнишка стал спрашивать у отца и матери:

— Эрой, эрой! — Отец и мать, как это я один сын у вас? Кроме [меня], есть или нет у вас сын, разве только я один? Говорите скорее! Я собираюсь идти по средней земле. Поскорее отвечайте!

Выслушав своего сына, отец и мать посмотрели друг на друга, потом отец заговорил:

— Дорогой мой сын, не только ты один [у нас], был еще твой старший брат. Он тоже ходил в далекие места и охотился. Твоему брату было скучно дома, он хотел путешествовать. Мы удерживали его. Однажды, когда мы спали, его не стало. Мы не знали, куда он ушел. Три дня и три ночи мы ждали, ждали его. С тех пор ждем его уже три года.

После того как отец рассказал [это], парнишка заговорил так:

— Отец и мать, почему же вы мне не сообщили, не рассказали раньше об этом? К этому времени я бы обязательно нашел его! Что бы то ни было, я должен догнать его. Вот сейчас отправляюсь догонять брата, вы же будьте здоровы!

Отец обратился к сыну с такой речью:

— Дорогой сын мой, счастливого пути! Временами заходи домой, не забывай нас! Мы тоже будем тебя ждать.

Вот парнишка выскочил и давай бежать. Бежал, бежал, шел, шел он. Идя, дошел до одного дома. Вот он попробовал дернуть дверь, дернул — закрыта накрепко. Еще попробовал дернуть — не открылась. Дергал, дергал, никто не открывает. Когда он пытался открыть [дверь], послышались слова:

— Кто же, кто же дергает мою дверь? Это не ты — ли, Тамнани-богатырь? Скажи, тогда открою, — сказал старик.

Парень же стал говорить так:

— Если ты мой брат, то открывай быстрее! Может быть, я твой младший брат? Отец и мать говорили: «У тебя есть старший брат. С той поры, как он ушел, прошло три года», — говорили они.

Выслушав парня, старик заговорил так:

— Я же старик по имени Сэлэмэ-Сэлэ. Если ты братишка Тамнани, то я сейчас же открою [дверь], — сказав так, он открыл дверь.

Войдя в дом, парень такую речь произнес:

— Я даже не знаю имени брата, было ли у него имя или нет? Кто же мог дать ему имя? Если знаешь ты, то скажи мне.

Старик по имени Сэлэмэ-Сэлэ стал говорить так:

— Эндо, эндо! — Сынок, с той поры, как я видел одного парня, прошло три года. Я дал ему имя, я напутствовал его. Видимо, и ты странствуешь без имени. Вот я тебе дам имя и тебе дам напутствие. Если ты одобряешь это, сейчас же назову тебя, напутствие дам. Только скажи!

Парень согласился и стал говорить:

— Эрой, эрой! — Сэлэмэ-Сэлэ, дедушка, ну давай назови меня, напутствуй. Скажи, куда ушел мой брат Тамнани, и покажи мне туда дорогу.

Старик Сэлэмэ-Сэлэ такую речь произнес:

— Эйдо, эйдо! — Паренек, пусть будет твое имя Дёломо-Дёйчукан, Ингама-Инга. Теперь же выслушай мой совет. Брат твой Тамнани ушел вверх по этой реке. Ты тоже иди вверх. Пойдешь так, дойдешь до выгоревшей горы. Дойдя до нее, поднимешься и увидишь тогда пасущегося рыжего коня. Ты подойди к нему, подкрадываясь нев заметно. Подойдя близко, поймай его со словами: «Я твой хозяин». Этот конь обязательно довезет тебя до твоего брата.

Паренек так отвечал:

— Эрой, эрой! — Сэлэмэ-Сэлэ, дедушка! Большое спасибо тебе за имя и за совет! Сейчас же я отправляюсь по следам брата.

Сказал и пошел. Шел он, шел, бежал он, бежал вверх по реке. Так идя, дошел он до выгоревшей горы и поднялся на нее. Идя по вершине горы, увидел вдруг пасущегося коня. Увидев и подкравшись, подошел к коню. Конь не заметил [его]. Подойдя к коню, паренек сказал: «Я твой хозяин» — и сразу же поймал коня.

Тут конь произнес такую речь:

— Эрной, эрной! — Хоть [ты] поймал меня со словами: «Я твой хозяин», но сможешь ли выдержать мою скачку и мои движения? Три дня и три ночи [я] буду прыгать и кататься. Если [ты] выдержишь это, [тогда] говори: «Я твой хозяин».

Вот наш паренек сел верхом на коня. Лишь только сел — конь начал кататься и прыгать. На третий сутки этот паренек чуть-чуть не упал. Тогда конь, перестав кататься и прыгать, так заговорил:

— Эрной, эрной! — Куда направляешься, хозяин, сообщи о своем намерении!

Паренек так сказал:

— Эрой, эрой! — В какую сторону направлена твоя голова, туда и поеду. Сам знаешь, где находится мой брат. Ты знаешь, в какую сторону уехал мой брат, туда и вези меня!

Конь отправился [так], как говорил парень. Паренек и не помнил, как он ехал, что делал. Вдруг он проснулся: находится [где-то] в тайге. Проснувшись, поднялся. Поднявшись, увидел след человека. Увидев след, пошел по следу. Шел он, шел по следу. Вот так идя, увидел впереди человека. Погнался за ним и догнал [его]. Догнав его, сказал:

— Эрой, эрой! — Братец-человек, ты знаешь меня? Я же твой младший брат! Отец и мать остались в своем доме. Прошло три года, как ждут тебя. Что ты делал до сих пор? В каких странах побывал? Сейчас же рассказывай!

И вот брат его начал рассказывать:

— Эйин, эйин! — Браток, браток, много времени прошло с той поры, как [я] начал свой поход, не знаю, сколько лет прошло. Когда я уходил из дома, отец и мать спали. Я гонюсь за девицей-красавицей, чтобы поймать ее и взять в жены. Как-нибудь догоню крылатую девицу-красавицу.

Выслушав [брата], паренек так заговорил:

— Эрой, эрой! — Братец, я твой младший брат по имени Дёлому-Дёнуйкан, Ингама-инга. Братец, братец, где ты находишься, там и будь! Завтра приведу твою невесту!

Когда тот так сказал, старший брат отправился домой.

Младший брат, став пташкой, полетел. Когда он летал, произноси: «Чип! Чип!», когда летал, там и тут спускаясь, прилетела большая птица. Эта пташка [младший брат], произноси: «Чип! Чип!», села на ветку перед большой птицей. Большая птица облетела вокруг нее [маленькой] и спустилась на дерево. Спустилась около пташки.

— Чип, чип! — Сними крылья, посмотрю, насколько хороши твои крылья!

Та женщина [птица], сняв свои крылья, отдала пташке. Вот пташка взяла ее крылья и упала вниз, ударившись о ствол. Тут же она стала человеком. Девица-красавица Кувулгат-Девилгэт была богатыршей.

Паренек же такую речь держал:

— Эрой, эрой! — Пташка зачирикала-заговорила красавицу. Пташка, чирикая и сидя, птицу заманила, пташка заставила Кувулгат-Девилгэт без размышлений сесть на дерево. «Теперь же ты стала моей, моя ты». На его речь девица-красавица, сидя вверху, так отвечала:

— Как же я, не заметив, прилетела? Приняла тебя за пташку, не чувствуя опасности, спустилась! Если бы знала, не прилетела бы, полетела бы в свои места. Теперь ты хитрее и умнее меня. Теперь я сниму свои крылья. Никуда уже не могу идти, твоей стала

Этот паренек поджег ствол дерева, на котором сидела девица. Вот теперь он начал изгонять из нее хитрость и притворство. Лестая с помощью ее крыльев, он был ее веткой, приговаривая: «Пусть исчезнет хитрость и притворство». Так побив ее, повес эту женщину к брату. Привел ее и был этим очень горд.

Прежняя жена брата стала служанкой. А Дёлому-Дёнуйкан должен был искать себе жену.

Брат его начал готовить свадьбу. Убил двух оленей от тэрн-подарков [одного — от невесты, другого — от себя]. Этот дом прежде, когда Тамнани еще не являлся, был домом [его] жены. Когда эта женщина узнала о приходе Тамнани, она стала пытаться улететь из дома. [Но] Дёлому-Дёнуйкан, став пташкой, поймал и привел домой девицу-красавицу и отдал [ее] брату.

Вот они справили свадьбу. Когда Дёлому-Дёнуйкан собрался отправиться, эта женщина так начала говорить:

— Ну, посмотрим, найдешь ли ты девицу лучше Кувулагат-Девиагет и красивее, увидим!

Долго ли, коротко ли [пробыл в странствии] юноша — неизвестно. У него был конь с золотисто-красной шерстью: он позвал его. Тут же прискакал конь. Юноша сел верхом на своего коня, и как только собрался отправиться, конь начал говорить:

— Эрной, эрной! — Дёломо-Дёнуйкан, куда надумал [ехать]? К девице или же на игрища намерен отправиться? Хозяин, хозяин, куда же [ты] думаешь [ехать]? Куда повезу тебя — к ее дому или на игрища?

Хозяин коня ответил так:

— Конечно, к местам игрищ!

Вот конь отправился, куда [хозяин] приказал. Сколько ехал парень — неизвестно. Далеко ли, близко ли ехать — неизвестно. Вот привез его конь на площадку для игр. Парень слез с коня и отпустил его, сказав: «Иди к себе, попасись».

Вот юноша остался на этом месте. «Как же мне быть? Время игрищ наступает» Потом сказал: «Куда же спрятаться? Превращусь-ка в оленью шерстинку», — сказав, стал шерстинкой. Став шерстинкой, прилип к коре стоячего дерева, говоря: «Будет кружиться [девица] вокруг этого дерева и заденет [меня]». Вот сидит он, сидит. В это время парни стали собираться, чтобы играть. Много людей собралось.

— А красавица наша еще не пришла, — говорят парни.

Юноша слушает и смотрит. Вот пришедшие парни начали играть, плясать. Когда они играли, пришла девица с подружками в очень красивой одежде.

— Пришла, пришла, — говорят парни.

Юноша подумал: «Вот это и есть та красавица».

Девица, прия, вошла в круг и начала плясать. Вот все закружились. Когда стали делать второй круг, девица задела дерево платьем, шерстинка прилипла и проникла к ней подмышку. После того как он попал к ней подмышку, наша женщина перестала играть. Как только [она] перестала играть, игру приостановили. Прекратив игру, парни попросили шамана пошаманить.

Вот начал шаман шаманить:

— Деду, деду, деде, дэ-дой! — Кто же, кто же пришел? Что, что за соринка прилипла к ее платью? Шерстинка прилипла. Что станете делать с этой шерстинкой? Ведь она шевелится! У этой шерстинки две ноги, две руки, два глаза, нос и рот, рассказы рассказывающий, новости сообщающий, Хитрее хитрого, умнее умного. Имя его Дёломо-Дёнуйкан, Иггама-инга. Он сильнее сильного, ударишь его — ничего не случится, камень камнем. Вот такой человек, прия, беспокойт красавицу! Жениться пришел. Он намного хитрее и намного умнее, чем наша красавица! Что же с ним делать?

Парни говорят:

— Пусть сам придет и поиграет. Пусть покажет себя.

Парни поглядели — а из-под платья красавицы вышла [шерстинка]. Выпав, превратилась в большого человека.

Отец и мать красавицы были стариком и старухой. Они повели этого парня домой. Девица была покорена, после того как проник к ней за пазуху этот парень-шерстинка. Старику не понравилось, что его дочь потерпела поражение. Старик сам был богатырем. Если бы потерпел поражение он сам, то должен был бы отдать дочь. Дойдя до своего дома, старик стал держать речь:

— Икэн, икэн! — [Я] очень сержусь на тебя и буду ругать [тебя]! Прежде чем встретиться и показать [себя], ты перехитрил своей хитростью и удивил неожиданным превращением. Если бы ты показал себя, [я] бы не сердился. А [ты] что сделал своей хитростью и своей причудой? Я тоже хитрый и могу быть вредным! Мое имя Сэлэмэ-Сэлэ-богатыры! Ну, обхватим-ка туловища [друг другу], давай попробуем-ка сухожилия. Раньше этого я не дам [свое] согласие [на женитьбу].

[Юноша], выслушав это, так начал говорить:

— Ну что ж, своей хитростью [я] стану действовать, своими причудами [я] тебя удивлю. И я могу схватиться и бороться, хоть ты Сэлэмэ-Сэлэ! Говоря: «Я железо», — не хвастайся! Ведь и железо мнется. Хвалишься, говоря: «У меня хорошие сухожилия». У меня тоже крепкие сухожилия. Ведь и я могу похвастаться перед хвастающим, и я могу задирать задирающего, и я могу задаваться перед задающимся, могу схватиться в борьбе с человеком, который обхватит меня. Поэтому и ты не хвастайся и не задирай [меня]! Я юноша, а ты пожилой человек! Возможно, не сможешь выдержать мою силу; возможно, я одержу верх над тобой! По своему желанию не отойду от тебя! Ты пугаешь меня [своими] словами, но твоих слов я не боюсь! Ты, говоря: «Ударил я человека», ударишь Дёло-Дёло (камень — имя героя). Я и не думаю говорить: «Поддамся тебе». «Ребенок он», — говоря, ты собираешься спасовать! Нет, не отойду от тебя!

Когда он так сказал, старик рассердился:

— А ну-ка, если это так! Ты хочешь испробовать мои силы? Сказав, старик подскочил к парню. И ударил старик парня. Лишь только ударил, как образовался камень. Тогда старик стал бить о камень палкой. С камнем ничего не делается, и не кричит [камень]. Вот Дёло заговорил:

— Не бей меня, поломаешь себе руки!

Выслушав это, старик сказал:

— Все равно одолею тебя. Если уж ты камень, то молотком раздроблю камень!

Всю ночь бились. Как только ударит старика Дёломо-Дёнуйкан, старик тут же скимается. Когда же старик ударит, камень издаст звук: «Лас!». Во время поединка старик хватал свой молоток и ударял им по парню, так что тот только звук «лас» из-

давал. Опять ударил старик молотком по острой стороне, только обломок молотка отскочил. Так они дрались всю ночь до рассвета. Вот старик начал поддаваться юноше. Поддавшись, такую речь держал:

— Икэн, икэн! — Действительно, не смогу победить тебя, все тело разбито у меня. Не устоять мне перед твоей силой. Не выдержали мои сухожилия перед твоими. Моя сила сдала перед твоей. Поэтому, Дёлому-Дёнуйкан, давай мириться. Ты богатырь из богатырей! Ты одержал верх своей храбростью и хитростью! Давай же будем мириться!

Противник такую речь держал в ответ:

— Эрой, эрой! — Старший Чадай, почему раньше этого не подумал? Ведь ты знал наперед [все]! Разве ты не думал, что я одержу верх, когда твоя дочь Кувулгат-Девилгат уже была побеждена? «Я одержу верх», — думал [ты]. Я же не сердился, когда ты первым стал бить меня! Ну, если так, давай мириться! — сказал парень.

Старик охотно согласился, затем повел такую речь:

— Икэн, икэн! — Сынок, возьми мою дочь в жены. Будешь справлять свадьбу или нет?

Юноша так сказал:

— Эрой, эрой! — Разве женюсь, не спровив свадьбу, как-нибудь устрою. Теперь же вы стали отцом, матерью! Поможете устроить свадьбу!

Старик на это говорит:

— Уж чего, а еды хватит, всего припас! Для любимой дочери ничего не пожалею!

Вот так договорившись, они устроили свадьбу. После свадьбы юноша стал жить вместе с ними. Однажды, живя вместе [с родителями], он такую речь повел:

— Эрой, эрой! — Теперь я стал настоящим человеком — Дёлому-Дёнуйкан. Стал мужчиной. Семейным стал, женатым стал. Теперь имя мужчины ношу, к слову сказать — красив [я]. С общительным — общителен. В конце концов отправляюсь на свою родину. Став самостоятельным хозяином и женившись, отправляюсь в путь. Выслушай, отец! Старина, прощай, не обижайся! Я ничего плохого не сделал и не говорил плохих слов. Я уезжаю, не чувствуя себя виноватым перед вами. Отец и мать, не сердитесь на меня.

Что ж, старик согласился. Он сам осознал свою вину.

— Икэн, икэн! — Сам я виноват. Разозлившись, я в сильном гневе сказал: «Давай схватимся». В гневе я наговорил оскорбительные слова. Я говорил: «Ребенок остается ребенком», думал: «Одолею [его], раз схватив», «Одним ударом уложу ребенка», — думал я. Сказав так, посмотрел на зятя.

Один или два года прошло с тех пор, как начали [они] жить вместе. Дёлому-Дёнуйкан с женой отправились [на родину].

Долго ли, коротко ли шли — все-таки добрались до старшего брата. Показал он жену брату. Потом, рас прощавшись с братом и его женой, отправились дальше к родителям. Так они шли и шли. Вдруг увидели дым. Увидев дым, Дёлому-Дёнуйкан говорит жене:

— Эрой, эрой! — Дружок, ты видишь дым? Это дымит костер батюшки и матушки, наконец-то мы добрались, не так ли?

Раз виден дым, значит близко им добираться. Вот пришли они. Придя, поздоровались. Вот обрадовалась старуха-мать, говоря: «Сынок вернулся с женой». От радости разорвалось [у нее] сердце, и старуха умерла.

Отец такую речь произнес:

— Сынок, почему долго путешествовал, теперь вернулся, Матушка очень ждала тебя. Если бы ты в свое время появился, она бы не умерла от большой радости. Что же делать? Теперь не думай оставлять меня! А старший брат ушел еще перед тобой, до того как ты ушел. Жив он или нет — никто не знает этого. Ну, дети, похороним мать, — сказал отец.

Парень, очень переживая [удар], стал говорить так:

— Эрой, эрой! — Батюшка, батюшка, разве брат до сих пор не приходил домой? Он живет на полпути [отсюда]. Он имеет свой дом и свою семью. Думая, что брат заходит к вам, я не беспокоился о вас и путешествовал. Как бы то ни было, виноват! О, горе, горе! Жаль, жаль, матушка, зачем ты умерла! Батюшка, батюшка, теперь ты не будешь жить один. Я взял жену — хорошую хозяйку и хорошую стряпуху. Батюшка, батюшка, держись, не плачь! Что же остается нам делать, как не хоронить матушку.

Они похоронили матушку. Вот теперь они стали жить втроем. Отец стал ходить к старшему сыну. Так он и жил то у одного сына, то у другого.

У Дёлому-Дёнуйканы появился ребенок. Они стали жить очень хорошо. Старший брат Человек-Тамнани тоже имел несколько детей. Так они соседями живут до сих пор, приходя в гости друг к другу.

Записано в 1962 г. в селе Талакан Хабаровского края от М. В. Логинова (Монго). 1887 г. р., малограмотный, разговорный язык эвенкийский, владеет якутским и русским.

16. БУТАЛ ИЛАЛИГИР

Раньше, в прошлые времена, Лалигирсы шли вслед за Буталами. Таким образом кочуя, они, Лалигирсы, добрались до ночевки Бута. На этой стоянке Лалигирсы увидели распиленные чурки. В то время Лалигирсы не знали даже пилы. Один Лалигир сказал:

— Как же они срубили это дерево? Как перерубили пальмой такую толщину? Давайте, мы тоже попробуем перерубить пальмой это дерево! — говорит.

Эти мужики пробовали, пробовали срубить пальмой, так и не срубили. Как перерубить пальмой распиленное пилой дерево? Тогда они опять отправились по следам Бута. Так идя, они опять добрались до ночевки Бута. На этом месте стоял лабаз Бута. Лалигиры заглянули внутрь этого лабаза — внутри было много сухожилий. Лалигиры подожгли этот лабаз. Вот подожженный лабаз загорелся с таким треском, словно выстрел раздался из ружья. Лалигиры сильно перепугались. Вот они отправились вдоль хребта. Идя, они заглянули вниз на речку. Так рассматривая, они увидели на самой реке свои тени. Тогда старейший из них сказал:

— Ну, ребята, идем по следам очень опасных людей. Они должны быть очень сильными людьми. Они подрубают очень ровно толстые деревья. Потом оставляют на лабазе опасные сухожилия. Поэтому мы увидели их в воде. Пойдемте-ка отсюда дальше, в другую сторону. Не будем им показываться! Ведь это опасные люди.

А Лалигиры ничего не знали: не знали, что существуют тени, и никакой пилы не знали. В старину и такие ведь люди были.

Записано в 1962 г. в селе Талакан Хабаровского края от М. В. Логинова (Монго).
1887 г. р., малограмотный, разговорный язык
эвенкийский, владеет якутским и русским.

17. КОРШУН

Коршун, коршун,
Кор, кор, коршун!
Урони-ка табакерку!
Коршун, коршун,
Кор, кор, коршун!
Урони-ка чехол кожемялки.
Коршун, коршун,
Кор, кор, коршун!
Взмахнув крыльями, взлети-ка.

Записано от него же.

18. ЗАПЕВКА И ПРИПЕВКА

Мои запевки, притяжки мои,
Мой напев, напев мой, напетый!
Мои звонкие песни-развлечалки.
Зазвенели звонкие песни,
Развлекать стали развлечалки!
Суставы мои смягчились,
Крылья мои задвигались.
Мои припевки и запевки
Разлились, разлились.

Текст и перевод сказания учурских эвенков

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В 1958, 1960 и 1964 гг. нами были осуществлены лингвистические экспедиции в Алданский район¹ к томмотской и учурской группам² эвенков.

Томмотские эвенки издавна живут рядом с якутами, поэтому и говорят им более подвергся влиянию якутского языка. Родным языком владеет незначительная часть эвенкийского населения — в основном люди пожилого возраста. Разговорным языком названной группы эвенков является якутский, молодежь наряду с якутским хорошо владеет и русским. Естественно, что среди них не оказалось и знатоков фольклора, эвенкийский фольклор у них по существу перестал бытовать. От томмотских эвенков нами были записаны несколько сказок с общизвестными сюжетами о девочке-сиротке и луне, о старике со старухой и хитрой лиссе, о медведе и зайце, перехитрившем беркутов, о бое орла со львом. Эти сказки являются вариантами известных всем северным народностям сказок о животных и отличаются лишь в некоторых деталях.

Учурские эвенки, по сравнению с томмотскими, лучше сохранили свой язык. Пожилые эвенки (из б. колхоза им. Чкалова на Учуре) говорят между собой на родном языке, вместе с тем они владеют и якутским языком. Среди этой группы эвенков встречаются отдельные семьи, где дети говорят по-эвенкийски (за исключением воспитанников детских учреждений). Но несмотря на это, и они утратили свой фольклор.

Единственным сказителем, сохранившим в памяти эвенкийские сказания, оказался Н. Г. Трофимов (Бута). От него мы записали сказание «Иркисмондя-сонинг», текст и перевод которого включены в данный сборник. Н. Г. Трофимов родился в верховых

¹ Алданский район ныне объединяет б. Томмотский, Учурский и Тымлинский районы.

² Описание томмотского говора см.: А. В. Романова и А. Н. Мыреева. Очерки говоров токинских и томмотских эвенков. Л., 1962. Описание учурского говора см.: А. В. Романова и А. Н. Мыреева. Очерки говоров учурских, тоттинских и майских эвенков. Л., 1964. См. также: А. В. Романова и А. Н. Мыреева. Диалектологический словарь. Л., 1968.

Учура (приток р. Алдан) в семье эвенка-охотника. О себе он рассказал, что сказание «Иркисмондя-сонинг» первый раз слышал, когда ему было девять лет, в исполнении сказителя Семена Васильевича Заболоцкого (Бута). В десять лет он исполнял сказание своим сверстникам, но тайком от взрослых, так как стеснялся их. Летом дети спали в отдельной палатке, и почами он вполголоса исполнял сказание. Однажды, рано утром, его подслушал один старик. Днем он подозвал к себе мальчика и уговорил исполнить сказание для взрослых. В первый раз сказитель пел сказание семь ночей подряд. Тогда ему было всего двенадцать лет, но взрослые слушали его с интересом, и это его вдохновляло. С тех пор часто просили его петь, и он никогда не отказывался. «Иркисмондя-сонинг» — самое любимое его сказание. Сказитель до Великой Отечественной войны переехал в Кутану. Здесь жители не знали эвенкийского языка, и он в торжественные дни неоднократно исполнял в клубе это сказание на якутском языке. На эвенкийском языке он не пел его лет двадцать, этим он и объясняет обилие якутских выражений, идиом и разного рода калек с якутского. Следует отметить, что большая часть заимствований осваивается эвенками творчески, поэтому не только произношение, но часто и значения слов отличаются от якутских.

Сказитель обладает исключительной памятью: «Один раз послушаю исполнение другого сказителя, запоминаю и исполняю сам», — говорит он. У него была книга с якутским олонхо, ему читали, и сам он пробовал читать (в 30-х годах он окончил лицей) и исполнял якутские олонхи неоднократно. Он очень наблюдательный, схватывает все быстро, например, следил, как мы записывали сказание. После нашего отъезда он сам записал окончание этого сказания и прислал его нам. Интересно, что в этих записях он отметил долготу гласных, смягчение согласных и некоторые другие знаки транскрипции.

Когда мы попросили его продиктовать для записи, он был очень обрадован. Готовясь рассказывать, с сожалением сказал: «Давно меня никто не слушал, я начинаю уже забывать. Вот только жалко, что все до конца не сможем записать. Когда диктуешь, получается плохо и сухо. Надо было бы магнитофон привезти».³ Во время нашей работы входили старики-эвенки, внимательно прислушивались и, посидев недолго, уходили. Один из них сказал: «Окин этад иңхун? Барә-барә!» Когда же кончили писать? Ну и долго же!. Они интересовались и хотели послушать сказание, но такое исполнение-диктовку им было скучно слушать, потому и уходили. Молодые не слушали, но просили перевести на русский или якутский язык и скорее издать.

³ Он уже исполнял якутское олонхо для записи на магнитофон. Через год после нашей записи это сказание было напето М. Г. на магнитофон. Агита (15 бобин на двух дорожках) хранится в фондах (ИЯЛИ) в Якутске.

Сказитель говорил очень быстро и длинными фразами, которые он передавал на один выдох, и только когда заканчивалось дыхание, он делал паузу. Особо длинные фразы объясняются подробным описанием внешности, действий, речи, подробной характеристикой имени героя. Такие длинные фразы неудобны для чтения, тем более для перевода, поэтому в ряде случаев мы делим их на несколько предложений.

Сказание «Иркисмондя-сонинг» по сравнению с ранее известными сказаниями является наиболее полным по объему произведением, в котором подробно описываются герои четырех поколений. В них мы находим много общих черт с якутским олончо, обусловленных тесными историческими связями на протяжении многих столетий. К этим общим чертам относятся: 1) зачин-вступление, в котором проявляется мифологическое представление о появлении среднего мира с его растительностью и живыми обитателями; 2) ярко выраженная генеалогическая цикличность; 3) наличие трех миров (верхнего, среднего и нижнего), где происходят действия героев; 4) описание прихода, гнева, битвы героев; 5) полное имя героя, которое кроме собственного, включает еще имя отца и матери; 6) богатыри прибегают к помощи шаманки или кузнеца и др. Для данного сказания, так же как и для эпических сказаний других народов, характерна гиперболизация, которая проявляется во всем: и в описании природы, и в характеристике внешности и силы героя, и в описании времени и пространства.

Вместе с тем в сказании обнаруживаются все те черты, которые имеются в подобных эвенкийских сказаниях.⁴

---

⁴ См. подробнее: Г. М. Василевич. Исторический фольклор эвенков. Введение, М.—Л., 1960.

ТЕКСТ

19. ИРКИСМӘНД' Ә-СӘНИЦ

Билир-билир илән Сибир мөйкән сәргачинин сәрилдүнал оскәч-бәл-ивит уху. Дулин буңа бимй тәйинәдікән тәлгәнд'әчә, йәғин д'ән йәбін мухәләй д'урә биракәрбүд'ачә, коңорин сулакй койы киләнмән йәғин дундәлі дәлпәрәңәр д'ававчәзачин урәчй бәл-ачә. Чуқан бимй әкін-дә әчин кагдарийда. Эр дулин буңа горово-дб бинәвән, даңава-дә бинәвән әчәв сара. Екүндә дәгрій дәктәндәл-кен, тулаван дәңиссә, кейан өхин иста ёдуң-кат әмірә дәләй буңа бәләран-ивит арай. Эр буңава ичәксә, ичәдәвә колориду ёкүн-дә әнбі тәрәтте айа ичәдәчй, колоксә, коловурва әчин бакавра — кирасәвай айа дунда. Ахйктаңкән мән бимй гакактаңачин арбар-гад'ачә, иректәткән мән н'иргәкәтәчйн сәрбергәд'әчә, д'агдаткән мән күңас улукй иргин ковоючинин куварийкәтна балдід'ачә, сәкта мән сийихинмуна йүд'әчә, н'иәвәктә мән н'ијутәрвүнә йүчә. Эр дулин буңа, нуңан бихәмде әр биңави ойолайви ёкүн хаватәрій бәйіңбүй, сбхуң, бәйәчй гүнмүй, антаңа дундәлдү анатам бәйүнин аксәнин әхй сәвра баран, ирәг урәлдү иркин-бәйүнин ахсәнин әхй сәвра баран, муданца дундәлдү мундуңкән бәйіյн-мойбәкәма гиркукташ'арий, улғән дундәлдү улукй бәйіңән аксәнин әхй сәвра баран, баҳан буңан әчә.

Әргәчин айа дундә бинә д'ур халгалкән, д'улакин дәрәләкән, боско дилілкән бороң ураңкай оскәчбүй, бил'иүән, гүнә ойдби-д'улән ичәтмй, әр буңава хоролихинчана ділачә иктәткәйн даптулкән, ділачә йүктәткәйн дәрәлкән әйбүнә бира оскәчб-бәл-дичә-ивит, коюор н'үүңі'акиң конурұңачинин ёдуң-кат кирасәвай киравин оскәчб-ивит. Тар-дә н'әкекессән, мәбра тојойун дәдүн оскәчб букачаннажайы дундә бичә. Едуң-тә әдін-коллорук иктә-кебинни олус мүскәттак буңа-ивит.

Д'ә әр дундәдү умүн утәлкәхәл д'ур хүркән-куңакән оскәч-у-бадічәл-ивит. Эр нуңардүти бимй „Чо!“ гүнді — орои ачин, „Хот!“ гүнді — мурин ачин, „Элә!“ гүнді — үрина ачин, „Эдо!“ гүнді — гиркй ачин, д'ур мәнтін оскәчәл бәйәл-ивит. Екүил'и иргивиши бил'әре гүнмүй: нәкүндіңу бәйә халгалкән-ивит сән хумут бәйә-ивит, ёкүн-дә діңин халгалкән бәйіյәвән әхй тулутта кити-гирас букатир-бәйә-ивит. Коловурвай гүнмүй, анатам-тәкйва атакий-

гачинд'и-н'ун д'аварй, әхә-бәйінвә комурдоскәннәчий-н'ун д'аварй, иркин-бәйінмә ириктөзечинд'и-н'ун д'аварй; анам-тәкій атакін хәдүн тұксалдірй, иркин-бәйін иргін хәдүн тұксалдірй, әхә-бәйінвә хәриндән хәдүн тұксалдірй; анам-тәкій сачан имүксән ари-иулқан, иркин-бәйін имүксән иргиҳәлкән, әйн-тәкій әвтилән әв-тилкән мата-әвит.

«Д'ә өргөчин айа сумут бойун-бәйе ёмй-дә гәлнәрй гәрбилькән, солтама сурасылкән бичән» гүнән иченән — дулин бујаду тіванчә дулин буға Иркисмәнд'эн гүнумурй букатір-бәйәткән-ивит.

Ақиндібу бәйәвә ичәмй, әр оскәчб утәнми дәдукин тоқорик-тай-кат тобра әчин түрә, улгучбидес, дәлдірй сәна әчин, улгу-мидес, турбән әчин дулей-н'омой сағді әтіркән әдан.

Нұжан нәкүндүви ёкүн сұлұспачай гүнмій, тар-дә умүн тәңәкту тәңәтчәмй, нәкүндібулү ёкүн наған дуруккән әд'арй үс-ивит. Нұжан ёкүндүк-тә татнаван, үй-дә әчб сәра, әр бріви сөпни йидук-тә баканавәп, үй-дә әвкій сәра. Аныу ңәладуви наған-д'ан наған бутічй отуйәчай-ивит, дәйнінү ңәладуви илан-д'ан илан бутічй итарчачай-ивит. Тарит бимй нәкүндібулү бейінвә гарпарй пәктірәвүнмәи әд'авкій-ивит. Д'ә, әр сағді бәйә гәрбін бихәмдә илачайдукпи итарчалқан оча, лібічайдукпи отуйәлкән оча, үс Торбітайды гүнумурй бичә.

Д'ә әр бәйәл горово-кот бинәвәтін әчб сәра, дағава-кат бинәвәтін әчб сәра. Әр бид'әнәл әр дулин буға Иркисмәнд'эн турбән инәнәйвә әнә ариттәра, дулин бујавй тұксад'арй бәйә-ивит. Инәнәйдү д'ан имәндәдүви д'ан бәйінмә ломпотікән үйікес, әмәрй бәйә-ивит.

Д'ә тар н'әкәд'әнә билир билиргидук сордба'окічин дундән, чәр әкса, умнәкән хактіраду д'ан иркинмә әмүвчә, сиксөвукес, ивбектүви гаратчә. Таринци бимй, тімәтнәкән иликса, астәктад'а-ран-ивит; д'ә әр астәктад'ана н'әкәйед'әрекин, утәнінү д'ин әдүктә сурдәк тәпкән сатарийхинчад'аран-ивит. Талу олосес, мит бәй-әніт, утәнтиківи хәтәкхиникес, дулиндүн-н'ун тұксес, истан. утәнми уркәвән улту хәкіхиникес, ичарен, Әр иченән: үс Торбітайды отуїтепи үн'акаммій кондородор иктәчә. Оң-да гүңд'иң әвги-дәллий үс Торбітайды сәксән чән'иктүк мү уңкулбұд'әріңчанин соролтод'орон-ивит. Иркисмә-букатір тікән-тиқби гүнән турблән-сәхәлкән әд'аран-ивит арай:

— Діндәні-діңдени, дәләвәй! — үс Торбітайды ақип гүнді ақинми, дулей-дә, н'омой-дә бимй ёкүн әд'анди? Билиргил сәріл сағділ „үс бәйә әвкій урәра“ гүнијкітін. Ёкүн әхин ичәвре авахин, әмекес, алгахаттан бolla, кәрен гиркіләв әчиңирдаңа! Тікун'ё-союмб! Биргәлд'әлби билдә! Мәнді-дә сағді бәйә бинә, дигин мүннүкілкән колумтандуви д'охуннак бейінжилби имүксөлдүктін әлнәс борйра әдә-ла городдон, бағар, тәдук алгаханді бил'иңен! Сöt химәт иркин-бәйін имүксәйен дізин кохбекія хөңекес, тоқо-дуви борймалчакал! Иркин-бәйін унан хүнпактад'ин үн'акаммі

ун'амалчакал! — тікбін гуниксекбін, утәнми култірвешін әд'врағер хәкихинән.

Талы биракан әйбініңин ус Торбнтай сәксән әйбид'вән. Тар амардукин дулин бұза Иркисмән, иркин-бәйін имүксәдүкін лиции кохжика хәбінек, төбодүви бүрән, иркин-бәйін унан хунцактад'ин акимни уп'аканмай ун'аран. Тарицин бичб бәйәдәпчадук-тә хүләкә оюд'орон-ивит арай.

Д'ә тікбін н'әкәксбл, әмџөликсбл, дулин бұза Иркисмән, ус Торбнтайвін бурә уруникс, илан долбонайлкан инәнгівә әд'аран-ивит арай.

Діңін долбонайдуви д'ә „бәйурідуб әләкін“ гүнне ёқан оюстүви оюохунд'аран. Тімәтна гәван қәмтөлгәд'әрекін әргйт-таргйт әдін-әдін әд'аран, көңзорир түксул койунд'ара, бағдарир түксул барадл'ара. Нуңан ичәд'ибін әвгидалын тігде-тігде тікілдән, имана бою бран, әдін-коллорук бою, ағді-чаңылған н'аңы'алә дәргүйна, дундәлб н'иргийнә әмәксекбін, утәнметтін аран әчб улту иктере. Тар н'әкәксбл, әдінн-тігдән илтәникс, әтәд'әрекін үбйт илан бинал қиңінәнал-қыриләнал тікексбл, умүнтін уркәдүтін дәран, умүнтін утәнтиң чәнадүн дәран, умүнтін малұтін бағанадүн дәран. Эр дәксекін утәнтиң чәнадүн, күккүткәннүачин иргиби күйвалдівчана-күйвалдівчана тікбін гүнне турблекін саҳәлкен әд'ардаға:

— Кіду-кіду, кідудай! — Дулин бұза Иркисмән, уркеви ніксбл, доровою д'авакал: Эр-тарә дәлдікал, әр-тарә улгуркөл! Миннөвә „иргйт тәкәлкін-сәксәлкін бданд?“ гүнекис, сій мәнді-дә сәрәйд'иңес. Билир Гәван әтіркен хәгләпү хунәдин Күккүмачан гүнмурій ахаткәнма илан анијанду ахитакса, Гәван әтіркен хүркен-хутәнбін ус Торбнтайва д'оромоксбл, мора букачандулән хүктілчө матава ханді бид'иңен? Би мәнми гәрбія Күккүмачан гүнмурій бдам, дулагу нәкүнми Дарапек гүнмурій, н'идаеву нәкүнми Сәкәк-киливлі бдан. Дулин бұза Иркисмән, сій турулуые токкун, ёкун бхә, өхіле әмірә кәңтірәс тійладән, қонум д'алис урумудән? Кәңтірбид'ес әдү әміретарән, колахис әдү дөргөннокторон? Ёкун бекәкін, ңәләликс, турбтнес турбнди илан Сибир-сиксиридүн ситетіри н'иргийдән? Д'ә турулуые токкуңи, бакам өхіле. Бу горо ғынбек бујадук айаннәнал өмәрән, төтітпәр син ңөнбләдәв, билгатпар омйнәлдәв. Д'ә „ахитача“ гүнді бимій, д'уләви йұкусбл, д'әзувекбиді д'әвгәлкін бимій, д'әзувекмәлчеквәл! Сәракис-кат, өхикис-көт өтәм мәлд'өхикекен! Мәлд'өхикес-дә н'аңы'алә-дә өтәнді дәғүлдә, дундәлб-дә өтәнді тимирдә!

Дулин бұза Иркисмән тарә дәлдіксбл, омжонови д'ончә бәйәбәчін дәйамак блес: „Онтохок тәд'ыме би ахів бичин тавар“, — гуникес, түлісік хәтәкінчед'әрән-ивит. Түлісік йүксекбін, ичәнен бичб, әдук-кат айал ахаткәр-куյжәр, айткәр, әмәксбл, бид'әрә-ивит. Умүнтін солкомо тәтілкен, умүнтін мәйумә тәтілкен, умүнтін карис тәтілкен — илан нәкүнел, Гәван әтіркен хүпиллин-ивит. Тарилба утарій гиркуес, д'ур ңәладүви әлгөхиникс, утәнми дәлбін йұкусбл, п'уюн хаалгачи кираватту қеккәлехиниәрә тәбә-

вуксб, дигин кирйлкән багдарин мәңүн осталбби тәниксәй, анам-төкйијми сәчә имүксән-арыцми астад'аран, өхә-бәйијијими хәрипдә имүксен д'эвгәијими ирий'эрән. Арахинай айа бәйији улдәлд'ин орбхолорон. Городук өмәчәл ахәткәр-куյакәр әрб-тарәй улгучч-мәтчәнәл-сөхәргәсчәнәл осталбар д'әнгәвән д'әнүкесәл этәкесәл, әр Күккүмачән гүнумурى ахәткән-куյакән, д'үр цекүпий утари тәјекесб, тикбн гүнә турбчч-сөхәчч әд'аран-ивит:

— Кыйду-кыйду, кыйдуй'ар! — Нәкүн гунді нәкнилби, Дарпәк-киләвли, Сәкак-киләвли, су д'үкраб буџалвар сот хымат мучу-калду! Били нәкүндүн өнө тәхийде өзбви, өхөви сүкүн өтби бив-кени. Нуңандулан ихиксәл, „аминмас, дулин буңа Иркисемән, бакарав, — гүкәлду, — эн'инн'унди д'үкраб илалдалы өмәд'ицтиң“ — гүкәлду. Бй костүв хуларин мәңүн д'әхиктү илан колбда карты бид'иңбн, тарилдук үмүнмутин бүкәлду, өмәдәлбн тарит сәра-нијин. Бй дулин буңа Иркисемән, он бихй майгивән сәкес, ёмый-кат д'уләвбн гад'иңб, — гунд'эрән.

Д'ә әр нуңан нәкнилин, әкйимәр турбнмән дәлдиксә, тулийский йүкесәл, иларәкән уңкуруус-таралис и'екөрә, багдарир чивкәткәр бкесәл, бујаткәкйвар кбрәйд'әхине.

Тар амардукин өмәнмүчәл бәйәл илалдамактү бид'әлдә-ибит. Иләйтин тиманийдү Күккүмачән-киләвли тикбн-тикбн гүннб турбчи-сөхәчч әд'аран, әдін'унми, акйними утари тәғәтчәна:

— Кыйду-кыйду, кыйдуй'ар! — Дулин буңа Иркисемән, бәжин гунді бәзинми, гиркй гунді гиркйв, үс Торбнтай акйн гунді акйними, бй улгүрвәв д'үр сәндүвар силдикалду, көңтиրбвер дәлдүн дәл-дикалду, иргәлбвер иктөвкәлду! Су д'үкраб-дә тувәхилдинхун-дә-әдү сәтаран, ёкүндү — дә өхйл олухийда, нүкәхәл! Бй балдәл'ак бујавав, мәңмәв ёкүндү-дә өчблйвәр ишә, сәтар хүркән-хутәвәр-бын әңиңес ичәмүлдә? Су амарләхун хүркән-куյакән балдичәп. Гәлнәрй гәрбий, солтари суракин үй әдән гүнәккесүн, сәлкәндүк сә сәлкән, ёхалкәндүк сите ёхалкән Тобокомо Чәңгаган гүнумурй әдан. Бй, оннәбзор әр йәбүн долбонийлкән инаңйидү хутәй гәл-лихб, әхиндәв әмий әлдән әмәре, д'әштәв д'әвгәв әлдән әмәре. Он-дә су д'улухун өмүхим бихи. Дулин буңа Иркисемән, бодо-чинд-бү, әнд-тү? Эмий бодорю әмүккин әмбнмуд'ицәс — акйними үс Торбнтайва әкесәчим. Эхйт-тб өчблйс сурурү, йәб-дә әтбм сүптивра, ёмий-дә үонум үл'авас үд'ад'иңб, өмца п'әкбәнес кептәд'ицәв. Үс Торбнтай, акйн гунді акйними дуләй-дә, и'омб-дә бичизайви ич-чилбк турбнмәв иргәләви иктәпкәл, дәләви дәлдикал! Балдәл'ак бујалвар мит бајас д'үкраб сурүбт сәт-сәт турганд'и! — гунд'-әрән.

Эхйт-өхйт тулийский йүкесб, багдарин дәңйткән бкесәл, уїниский дәңилд'әрән уху. Тарә дәлдиксә, дулин буңа Иркисемән'зи би-хәмдә били гиркәткйви ичәхйиңәд'әрән. Үс Торбнтайин син дәл-лирка-тү, сәрәйирка-тү — сәчә биңт, бадаңа нуңан. Үс Торбнтай иларәкән уңкуруус-кәләхис и'екөрән, туруйянд'а бкесәл, калтака халгандүви надан-д'ан надан бутичч халкави чоноколброн, кал-

такадуви илан-д'ан илан бутічі итарчаві үзлихинан. Дулин бұза Иркисмән иларәкән уңкурустаралыс и'екәрән, мәңумә гаханд'а оран, Куккумачан-киливли амарқандукин үйискәкі көрәйд'өрә-ивит арай. Нујартін бихемде, дәгрі дәктәндәлкөхел дәйіл бокса, д'апқун түкесу д'апқайадын, Іәғін түкесу токтурйәдүн айаниака-чила-ивит арай. Нујартін бихемде горово-да сурнәвәр әчел сара, дауава-да үзененәвер әчел сара. Д'уңарвән биміл тігдәд'ин-н'ун сана, болорвән биміл бектад'ин сана, түбәрвән бимі иманнад'ин сана, нәлкирвән ләптәркәнд'ин сана айаниад'аравит арай.

Нујартін бикесәл, уداد'ицәтін барадо? Гёван этіркән отоклбн иссара-ивит. Эр иссарактін барғұн ахі ичөвре мобра бихин-ивит, тар тамнаксадүн Куккумачан-киливливар сәмійчөл-ивит арай. Тар-да бинә дулин бұза Иркисмәнд'эн „билир и'екәйнәви бујави көңтірбти-да сәл'ицәв“ — гүнән д'улеви үзенәвкәнд'ердәүэ. Мбраңи барғұвән ичәнән, „чалбуз“ гүнчәнән — чалды актал оча, „н'ивәк“ гүнчәнән — н'ираі өүнекәр-сöхул оча, „ицәран“ гүнчәнәлін — инакил-сöхул оча, „мугдәкәр“ гүнчәнәлін мурин-сöхул оча. Барын сöху дуруқид'ин Гёван этіркән байан-ивит. Д'ә әр сöхулдулә ихикеәл, сöхул дәйтін илә мбртін бокса, үзенәвкәнд'өрә-ивит арай. Эр үзенәвкәнд'өректін ойдан-д'улан ичәнетін бичб д'үр-д'апқун кирілкән ампәр д'ү бид'өрән биче. Эр д'ү уркелән әмексбән, дулин бұза Иркисмәнд'эн дундәлә н'иргий-йкәнд'өне, и'аңн'алә ухутаңчана турғай-сәхәчі әд'аран:

— Диждени-диждени, дәләрәй! — Гёван-этіркән хүйлин, уркөвөр нікәлду, доровою д'авакалду! Минәвә «иргит тәқелкән-сәкәсәл-кән мата, әмексә, түрәлкән бданді?» гүннәл әкәлду үзлөлде. Сöt сәрихун мата бихим! «Турулуйе токуңит» гүниттес, дулин бұза Иркисмәнд'эн гүнумурі мата бдам. Бойун бейе тәттін тәттіе, бойун бейе д'әптиң д'әвгейе сöt бәләнкәлду! Хуркән-хутевәв ичәвкәмәлчәкәлду, сөн горо дундәлук әмәрән. Сири бейәвән әкәлду сири сидамун айа, — гунд'өрән.

Д'ә әр түрән дорғонин әтәд'өрәкин, д'ү додун умүн сөйкү мата тілигирихинчәрән, тікән гүнна турғатты әд'арда:

— Голдір-голдір, гладірмбай! — Эң'ин гунді ән'ими, Куккумачан-киливли, екін гунді екінми, Сәкәк-киливли! Эр екүңит, әмексә, амџанд'ави аячалдан? Көңтірбін ән'иңиң әміжетарән! Таваргачин әміже көңтірбін толкітна-кат әчән дәлдіра, сураккән-кат әчән сәрә! Сöt химәт минә тімәлчәкәлду, бى мәними, йүксе, наңад'а бихикин, вәмәтмалчакта, д'әпнәд'ә бихикин, д'әпнәтмәлчәкте! Екүн-да бихикин ичәдвән ичәмәлчәкте! — гунд'өрән.

Д'увар ләдүн курбувчуд'аре бихайлак хутевәр. Куккумачан-киливли тікән турәлкән әд'аран:

— Киду-килу, кидуай! — Хуркән-хутевә, сөлкәндүк со сблакан, схалкәндүк сипті ўжалкән Төбокомочон Чаянлган, токтогол-бол-

тойкол, әкөл курбуру, дулин буңа Иркисмән гүнмурй амйнді әмәрдәң! Экөл иксара, урпітідук-тә би синду мәтевчө! — гүнна нұвчад аран-ивит арай.

Д'е әр тікбін гүниксөл, Тоңокомо Чаңылғанмар тінд'өрә-ивит әр ахал. Уркөви нікесбекін, амілқан өхбін хәмүрви көпехинчек-нәтін і'уқанымтчараи-ивит. Аның ңайладуви амйнми әлгәхинен, д'әзінің ңайладуви өхбій әлгәхинен, д'уләви йөрөн. Діцин кирил-кән остылдувар муннуктүн тәбекесөл, сөхәргәсчөр-ивит. Эр сөхәргәсченә дулин буңа Иркисмән хутөви адудаң'аран-ивит арай. Д'е әр айат ичәрекин, гүнчэттән: «тәд'әмә-де китигирас-сумут мататқан биңдт, д'е олихин-дә Күккүмачан-киливали сәмәләттән, „әргәчін аяа хутөчі бине әнә сәра бид'өч бихим-ивит»! гүн-четтән.

Д'е әр улгучбәттәләттің өхйт ахал, илан кур обуспа вәксәл, улбәдл, остал идан муннуктүн орохолб'оро-ивит арай. Эр илан бойын, утарита тәбекесөл, д'өвд'әнел, дулин буңа Иркисмән хутөви д'әприйен чинчийнә ичтетчәрән.

Куңа-бейә бине тәд'әмә дағани әрдекит-кохүнд'и д'әпти бейә бичә нұңан. Коловурвән гүнмій, коңиорин улдевә, кара хоро-кінд'и амјахиниксә, каракіндін әд'аракин ниміжеттән; имүксәвбі бимій, мундуқандін амјахиниксә, хәлакіндін әд'аракин ниміжеттән. Оңус гирамдан гүндә ёдукин — дә әхин таңара: комурровын күң ул-дән'үнин колбү сәттән, бултәхин гирамдаван д'үр д'авад'иліви тіківүттән, надан д'ән надан бутічі калантін силембін, калан калтака сәндукин гаксә, силүксе-силүксе, уңу кирид'ин хәйеви көп күңкүхиниксә, силән манавнаван сәрій бейә-ивит.

Эр д'әвд'әрәктің әргит-таргит коңиорир түксуда койунда ара, багдарир түксуда барадаң'ара, хуларир түксуда хүктід'әре, ичәхин-д'инб' әвгидблін әдін-әдін иктөлән, тігде-тігде тіклидән, имана-имана иманалдан, ёдук-дә колдорук бою тікрән, ағді бою сата-рийдан, д'үр д'апкун кирилқан ампар-д'ұва аран әче төре иктере.

Тар амардукин, уркетін д'әбиніңд'ин д'үр бинел күңнанал әмәкесөл, коп дәд'ара. Тар амардукин, уркетін аңызд'ин әмәкес, умүн бойын тікбін гүннә түрбчى-сөхәчей әд'аран:

— Гин'б—гин'б! — Дулин буңа Иркисмән, уркөви нікесө, доровою д'авакал! Минәве «иргйт тәкәлкүн-сөксәлкүн мата әмәнді?» гү-нәкис, уңу буңада оскечә аңнакілдуқ айаргүтін, мatalдуқ манир-гүтін, багдарин мәңүн төтілкүн ділачә омолгын. Д'әргөлд'ин гүнмурі ғәрбилкүн әдам. «Екүн нағадада әрбен горо дундәдук әмәнді?» гүнәкис, су д'охун сурактулайхун, аяа ғәрбилкүн д'ал-дакса, әмәчәв. Тар н'екекес, уркедукин олом, «Екүндук олонді?» гүнәкис, балдікса, толкитна-кат әнәлби ичәре, сураккатін-кат әнәлби әблідіра хәйевер дулиндүн умұтул ёхачай, тиңнәр ду-линдукин умұтул ңайлачай, самаккар дулиндукин умұтул халгачай ёкүділ мatal-гү, олоктокил-гү? Бейалтапты ахията хан'анячинин бейәл-гү, аваҳил-бү гүккічилдүн бид'әрә! Ололтоқки бихид'ин си, йүкес, улгумайкөл-улгучбәткөл, иргйт тәкәлкүн-сөксәлкүн мatal

өмөчбл. Д'ур айи букастриин мит дöлдöбт нуцарватин. Улгур нуцарн'үнтн иконон суроюн, тар амардукин мөртү улгучбмбтчи-џыт! — гунд'эрэн.

Дулин буџа Иркисмэн, өр турённэ дöлдöксä, тулискй йумэл-чөрэн. Эмэксбл, илитчарил бейэлтгий ичхиннэй бичб — тэд' ёмэ-дö, балдöксä, бейэ энэй ичэрэ, ёдү-дö сиatalмайа ачир. Бейэл гундэ — умутул ёхачил, юлачил, халгачил. Тарилба ичэрэн-дö мит бейэйт дöдак сэксэн олуклайн өмөрэн, игим сэксэн ёхалдулайн истан, бардак сэксэн бэлгэлдулайн тиктэн, катай сэксэн кавкалайн истан, корсун сэксэн колтолдулайн истан, д'ур чавуржайдукин д'ян сёре тоёо д'анухинчаран, д'ян чараткийдукин увааас буйуксу сэксэн хэкихинен; нэмкүндулайви аран өчб өтөргөрө, лирамдулайви аран өчб хитаргара; тикилнави ордуви доюото тукалава хэнцэмктүви тэвинэн, үникин тукалава ёрчөмбктуви бадаранийран. Тар амар-дукин тикбн гүннэ турбч-сэхчэй бд'аран:

— Дијдени-дијдэни, дэлдэй! — Екудгдэ матал бимй, дом-дун-да бихикин доровою д'авакалду, инооптий дорово бицин, амаргүн улгур бицин! Минэвэ «Иргйт тэвэлкэн-сэксэлкэн мата доровотпи доксурганд, бахиватпи бардамдэнд?» — гүнэксун, дулин буџа бойкунин, айи букастриин би бицнэм. Сү иргйт тэвэл-кэн-сэксэлкэн бицнэс, ёкүн килэвинай кихалгадун, сб нэдадун айанийнал бицнэс? Гэрбийлкхэл бимйл гэрбийлбэр сбт хи-мэт улгуткбн-улгуркэлду, ёкүн нэдаду өмнөвэр улгучбмалча-кэлдү! — гунд'эрэн.

Чаџу кетэкту илитчарий бейэ көнтрöдүкин гиркиви эвэски анана-анана: «Улгучбмтнэ өмөксб, улгучбмткэл!».

Сбт эвгу бейэ-турэн иль-бодо ѱблэлч бицт: умүн халганин умүнд'иви хилгилч, турбинн эвкий йүре бчч. Тар-дэ бинэ тикбн гүннэ турбч-сэхчэй бд'ардаца:

— Д'эвир-д'эвир, д'эвирйэ! — Дулин буџа Иркисмэн, доюолима дорово! Инооптий дорово бицин, амаргүн улгур бицин! Мунэвэ «Иргйт тэвэлкэн — сэксэлкэн бихис! — гүнэксис, хөргү буџаду балдчал, хөргү буџа авахийлин атамартин айнанал өмөрөв! Ёкүн д'үүдүн өмөрөс?» — гүнэксис, би мэнми, бакаксä, өчбэ өмэрэ, экйинми өнжэхийл өмөврөк. Сү хунд'ихун Сёнак-килайлии сураклан соруниссал өмөрөв, гэрбилэн гэвийнчөнэл өмөрөв. Тар-дэ бичблэн би буџалави мучумухим, сэтар гэрбиви улгүрикте: би гэрбий Хорбин Д'эвир. Экйинми гэрбийн илан-д'ян илан дарил-кан боробулбкама и'уринтэлкэн хөргү буџа авахидин атамантин Д'яэ-Баба гүнмурй ьдан. Сай мэнди улгучбмткэл, — гүниний өкйндуви.

Тар амардукин чаџу бейэ боробулбкама и'уринтэви сэлэмэ игдийнуд'иви өрткй-тарткй килир-калир тэнтд'аран. Некүнми турэн чэсий анахинан. Тар амардукин дулин буџа Иркисмэтийн утари гиркул'аран, тикбн гүннэ турбч-сэхчэй бд'аран:

— Лавир-лавир, лавирду! — Дулин буџа Иркисмэн, доюолима доровою д'авакал! Инооптий дорово бицин, амаргүн улгур бицин!

Бу ёкүн киләвинай кихалгадүн, гиләвинай наададүн өмөнөвөнүн улгумирекис, эр би пækүми көргөнд'ир! Соб сөнччүй, ахийа ал'ас ёчин, гиркитпи сөн д'оюор! Тар бинең ىజләлисөн оча, өхйткөн Сәкак-килияла кумицүнөвөн ичел'ијёт. Бәйикәй отто, омолгы! Тілекес, гадакив син даңамад'ијас! Дулин буңа Иркисмән, сый-де бимй сәксөс ёду койутараң, тікуладіс ёду доноңторон! Бәйикәй отто! Эхиткөн тәрәйил-де бд'ијат: «Сәкак-килияла гад'ијас, — гунна, — өмөм-дб гадимадү гачим». Айа-ңу әйст бүчинди, уха-ңу әйст бүчинди? Айа әйст бурәкис, айат гад'ијас! Уха әйст бурәкис, мәймәс сибайбатад'ијас, — гунд'эрән.

Эрә дәлдікес, мит бейәңит сүзүн бид'ијән бара дб! Тікен гүнә турбетті бд'аран:

— Діңдәни—діңдени, дәләзүй! — Хәргү буңа авахийли атамәнтиң, Д'әң-Баба, бқишилдук сөннөң боскечес? Турәнді ёду толосторон, ичедес-дә бара дб! Ол ихин-да умүн ёхачай оча бихинди! Аваки айи ахткәни маңа буңадү, гасыр, хутеве балдінаваң, сөхүвә иргинәвән ичәкес, тікән идеңенинді? Уваңас сәксөв әд'елін үңқулбуре, катан гирамдаш әд'елін хокоргоро, оңнок нандав әд'елін тәкбәмдә айа әйст он бүмчәв! Сый-де бимй токтоказ! Улбр улдес әд'елін бәрәжестенә, сөлемә гирамдаш әд'елін д'әвидийә, өмөнөви үд'ави ускәй сүптиракис сатанд'ијән! Улгур урумин айа, сири сидамун айа! Кәңтірәс оспен өрчимнәх ун'акана-иши әд'елів урхина ухикинмү сурумулчукул, — гунд'эрән.

Эр тікен гүникескөн, дулин буңа Иркисмән сәнин тәкемәдүн колтод'орон-әвит арай. Д'әң-Баба бихемде иларәкән хоролихинчаран. Д'ә тар амардукин коңнорий улде колтод'ивар коловурдаснал бойундахилд'акатта: бучукин мәвә буектараңар ийәдектәмәтнәл, и'аликин мәвә и'илбираңар анатал, томтор дундәнә топ-нороңор түнәл, оңкучак дундәвә омчороңор тәвиннәл, дүйү дундәдү берчәклийәр бадарәннәнал, маңа дундәдү хәнијеклийәр бадарәннәнал бойундассара-әвит арай. Колтотин ицин и'аң/алә доргуйд'аран, тијилөкитин ицин дундәлә низиргийд'эрән.

Эр бойундасчарактің били ىజләливкі омолгынитін Хорон-Д'әвир-буқатір, били өмб мата үңү буңа бойунин аңпакайлук айаргүтін, маталдук мәниргүтін, багдарин мәңүн төтілкөн ділачай омолгын Д'әргелд'ин илитчарайләк өмекес, тікен гүшә турбетчәрән:

— Д'әвир-л'әвир, д'әвирйә! — Уңу буңа бойупин, аңпакайлук айаргүтін, маталдук маниргүтін ділачай омолгын Д'әргелд'ин, тавар-ка Д'әң-Бабан'ун дулин буңа Иркисмән әйттә-ңү, күхйтә-ңү, ичәттідү ёду айатаран! Мит-пәл, нуңардуктиң ёкүнти итәңес бкес, нуңагдалбатиң ичәттәп! Мит-тә коловурдахимкәракит он бид'ибби, гүнчөнді? Би-дб экіндүквіт итәңес бид'ибби өхим гүнчөрө, сый-де дулин буңа Иркисмәдүкин итәңес етбиді бихи. Өмәңжет бимй өмекел, айан бейәңви әкел алаживчара, сири бейәңви әкел сириптара! — гунд'эрән.

Чайу бәнә, тарә дәлдікес, тікулнави сөдүн умүн тоқорикта уңискин ундуйдүн, лијин ңәла дірамулдаш, жүр чакурғайлукин

д'аң сөрө тобо д'анұхинчаран, д'аң қараткідүкін увақас бүйуксу сәксө қәкихинчөрөн. Тар амардукин әр Д'өргөлд'ин гүнәрі тікен гүнінә турәчій әд'аран:

— Гин'о-гин'о, гин'окан! — Хөргу буја авахйн, Хорон-Д'өвир, тавар-дә бине турәнді әду төратаран! «Әйттө-жү, әтта-жү?» — гүнчә бине-бине, айи бейнелбен әкіншідүк тікен сөнбінел осекесеәл, тікен тәпіті турәчій бихис? Бајар биңин даңаны, будіви инәйіду миндук әза коргутчанді, мәңдүккій коргуттави. Ева гүнчөн гүнчөнді, — кәңтірәдүви увақас сәксөлкөн бихикис, хуларий түксу итөңестүн увақас сәксөвөс үслікөтчијәв, сөлеме гирамдавас мбра иңаранин итәңестүн Йирғилій гиркәд'иңев; өвтілбс гирамнад'ин д'үкчайя сәркәтчијәв, кихэн йаңылә түктікес, чуңун ділбас мәчиктәкбінә әвід'иңев, — гүнд'әрән.

Тар амардукин уталийд'иңән бара-дә әр бейә, авахй омолгыйлән түксанана әмексө, коңорын үлде колототи сөнин тәкемдүн иктәд'әрән. Авахй омолгийн «Татат!» гүнікес, иларәкән хоролихинчача. Тар амардукин нұңартын бихемде дундевә н'иргийвчәнәл, н'аңылә үхуттавчанал тәрәңкәкій бойундасчара-әвит арай. Нұңартын бихемде илалдава-дә бойундаснаватын әчәв сәра, илан-дә д'алдава бойундаснаватын әчәв сәра. Д'ә әр дічин тәрәң бойун катихилнатын бихемде ёкун-дә коловурда ачин улуғер бөю бәд'аран-ивит арай.

Д'ә әр н'әкәд'әнәл ойдан-д'улән ичәрекив, дулин буја Иркисмен Д'әбә-Бабан'ун авгү-кат әвкіл кейінлірә тәрәңил бейел тувлекілдіңел. Уңу буја Д'өргөлд'инин Хорон-Д'өвир гүнәрі авахй омолгыйн, надан долбонйлакан инәйілдү бойундәхикес, д'ә он-ла савирәтхілә бадаңә: авахй омолгийн умүн халгачай умүн халгачайдаң әду-таду хәнијектелувкій оча, әдү-таду орондихинчаликвій оча. Ахүн-дә әнә бра тулықечийләб бихилак, бойундасчары бейәнлив гүннең ңаңылба иктунауқай әд'аран, курбәлә күмнүккій әд'аран. Тарбә н'әкәкес, мит бейәңит, әмә матанит ділачә омолгийн Д'өргөлд'ин бхүннард'иңән бара-дә, ирактәл хәргү гаралайтын пәрінчөнә әкесекес, дундевә надан даримактү лиңгәрәңер гарадәран. Дічин ңаңачай котовий чуптурајар тәнаң, авахй омолгийн кавказан коңдоро-жор тәнаң. Авахй биксөкен түрәнә ачин әмәнмуд'иңән бара-дә, тікен гүннең түрәч-сәхәчій әд'ача:

— Д'өвир-д'өвир, д'өвиріл! — Уңу буја бойунин, ділача омолгийн Д'өргөлд'ин, олихин-дә сураиријатпі сураиричә бихинде, атіріјатпі атірчә бихинде. Бій бујадуви биңәхіви тікен «әкүділә бойунду кейінвд'иңев», әнків гүнчөре, букатір ойолын букатір осекөвкій бивкій-дә-әбит. Тар-дә бине сій буруйис әдү әхйткән ачин, самай оча би әкін гүнді әкінми, «бујадуй әкүмәлви-дә гакта» гүннегөв әілеңхіти әмұвчын. Нұңан-дә миндук әзин хуләре, буја-ләви мучурый үл'дән әкөлду ичәвкенә. Будан кәрәс бурахай! — гүнчә.

Әр биңе түрән, авахицүй омолгыйнан ваксакан, билі д'үчи-цилби д'уләтпі әмәрән. Әмексөкен, тулин сипкитна илиңчаран-әвит

арай. Эр илитчана дәлдіракин били тоқокомо ёхалқан Чайылган гүнмурй күңәкән өнэ кейиңвра курбумй-н'ун курбуд'эрән-әвит. Эр курбувчуд'уну әкйинин Сөкак-киливлі тікән гүнә турәчі-сөхәчій өд'аран:

— Кимә-кимә, кимән'ин! — Нәкүн гүнді иекунми, тоқокомо ёхалқан Чайылган гүнмурй, токтоко-болгойкол, дулин буја Иркисмән амйнді дағанай айакан бид'ијән, әтән кейиңвра. Үзү буза бойунин ділачә омолгый Д'өргөлд'ин Хорон-Д'өвирвә уріе вачан. Екүндук тікән үбләнді, әкәл курбуру! Эхит-тә өмір бойнудастан әдер бәйе арахинай маталн'ун бойнудастан чәхис-тә бид'ијән, токтоко-болгойкол!

Тар амардукин әр дулин буја бойнуда Иркисмәнд'ә гүнмурй авахйл атамәнитін Д'әүе-Бабан'ун бойнудахиилнати туурук анчанай оча. Эр туурук анчанайдү авахй атаманын Д'әүе-Баба арахинай албахитпі, кулд'ун кувулгаттап мит бейненжет дулин буја Иркисмәвбн улор улдәвөн брәзестбд'эрән-әвит, карән наандаван тәкөңед'эрән-әвит. Дулин буја Иркисмән өмір көлтүрбі тийәлчө, үонум д'алин урумулчө, будәрйүин инәййүин өмәчб. Д'ә әр н'өкәд'өнә иччилик турәнд'иви д'үләви өмәчб бейбеткі әдиндү турәни үңд'эрән, тікән гүнде турәчй өд'аран:

— Діңдені-діңдені, дәләбәй! — Енәй-тобнай ёғымми, союом-союомб сорулби! Әмір контрб тийәлден, үонум д'алин урумүлден — хөргү буја авахйлин атамантын ад'арай хунад'ин Д'әүе-Баба обургу арахинай албахитпі карән дулин бүздүкви хүйнүйрин өдан! Карән ая бүзеват бадарачй халганд'иви аттайакиич мүвөнечин аймарын бран. Үзү буја бойнунин ділачә омолгый Д'өргөлд'ин, иччилик турәни мөрдөвү иктөвкөл, сөндүви силдікал! Бй хуркән-хутән'үнни тоқокомб ёхалқан Чагилганин'ун сү эхиткән экелду кихана. Сагділ бейзәл бү ус Торонтайн'ун нопонтиш бойнуда-хикпун. Муневе ачиңчалан өн н'өкәд'өд'ес. Ус Торонтай, дуляй-дә, н'өмбәй-дә бичәліві иччилик турәни мөрдөвү иктөвкөл, дәләви дәлдікал! Он бичәс, өмәксө, комолемкекөл, әріксөнен орухуйкөл, — гүнд'эрән.

Ус Торонтай сөнд'иви-бү дәлдірка, д'алитни-чү сәрәйирке: д'уви калғанмән д'апкун кохит куулустәд'эрән-әвит арай, тар н'өкәд'өнә дүндәлә н'иргийкнен, н'аңылә ухутакнан килахин-чаран. Наданд'ан надан бутічй утуйеви цалыхиннай бойнуда-чарыл бейелдулә түксана өмәд'эрән. Эр өмәксө, бокойна ачин надан д'ан надан бутічй утуйетни «авахимију ділаван намтараңар иктәрдәбим» гүнә авахимију ділмадүн иктәд'эрән-әвит арай. Авахимију калтас н'әкөрән, ус Торонтай Иркисмәни ділбән наңтараңар иктәрән. Тар н'әкәксөкөн, утуйеви гарадараң, коңорын улдәчій колтотпи илдід'эрән авахимијун'ун турән. Авахимијун'ун тәрәңкәкій бойнудастан д'огд'оғолдід'аран әр етиրкән. Д'ә әр бойнуда-чарыктин, д'уви дәлдүн курбұд'урй тоқокомо ёхалқан Чайылган тікән гүнә турәчй — сөхәчий өд'аран:

— Голдир-голдир, голдирмой! — Эн'ин гунді өн'инми, өкін гунді өкійлбі тікун'е-вал дәлбене! Би амінми иүн өлдөн сақра, уриптидук өнел тінө амінмав вайканаас бихіләк. Секак-киливли, өкін гунді өкінми, ахтакан-куяқан-да бине д'аварис ѫду мандатараш, сатар өвтілөвөв кам д'авачинде. Минәгдөвө-вэл худөвуксөл, екунма өтөвкөнимдәкил д'авалаттас! Сәрәнкәлду-сәрбәнкәлду, ишина-кет өхілбін од'ороихим. Илан киливлива иланмухат макмактакәрваңаңи гаратчалим! — гүнән-да илан хуиатна иланмухат гараттан.

Д'апкун кос кулустәнчед'ерій қалғанма д'апкунмухат хәтө-көнчөвкенен, хәкихинен. Д'е әр омолгйтін суптірдаға. Эр суруксокон, аміндудағы түксад'ардаға. Эр түксана өмексө, ичәнән-амінмән кайахақ дардакича! Тоқокомо әхалқан Чазылган тікән гүнне түрәчі-сәхәчі өд'ардаға:

— Голдир-голдир, голдирмой! — Үс Торонтай өхөв, дүләй-да, н'омой-да бимій ичиләк түрәнмәв иргеләви иктөвкәл, сөндуви силдікал, со химат адаңқал тоқокомо әхалқан Чазылган дулин буңа Иркисмәнд'ен омолгін өмем. Би нујанн'унин онжай сектаканд'ин өн'икәрби өлдікта, ирб сектаканд'ин сидекөрби гивгулдікта. Екүн сбва буруйва боча дулин буңа Иркисмәвени атаңстаран? Коңиорин саксөдүкін коталад'иңәв, улбр үлдөдүкін боконд'оңбө! Тікүн'е—тәлбен'е! Элчәл кейда сағділ маталва д'өвуксө-да дән өна тухандайви сағдімілба бултасчанди? Улор үлдөлкөн, ситі имүксөлкөн әдәр бойун би өмем, — гүнд'өрән.

Тар амардукин әр бейштән бихәндә Д'әңе-Бабава сөнин тәкеб-мәдүн икстәд'ерлең. Д'әңе-Баба амасқақай илан гирактамәкту л'эрәүкәйдәд'өрән. Үс Торонтай дариский адаңарап, тар адаңа-д'арыйва Д'әңе-Баба анжү ҳалғанмән хокороюз хәкихинен. Д'е Д'әңе-Бабан'ун тоқокомо әхалқан Чазылган ѫдук-тай ишәнжекит үлде колтолд'ивар утарита колтұмәтинал колтотин ишитін н'аң-н'аля доргүйд'арап, тијиләкілтін иүн дундәле н'иргийд'өрән. Горово-кот бойундаснавар өчәл ойдоро, даңава-кат бойундаснавар өчәл сәра. Мит бейшит турору өңәхйтни өүет тулуутта биче-әбит, наңу анахай атаманин албахин барапин со — илан д'ан илан дарикталқан н'уриктәтпін ңалаван-ҳалғанмән учихинна-учихинна улор үлдөвени сөлеме охйктауд'иви өлә-тәлій тәкәңжед'өрән-өвит арай.

Куңжакан бәйе өңәхин тар-дәт өтәлден, н'ан-дәт кейніврі инегүйцін өмәрән, өміже көңітрең тійблден, ңонум д'алин урумуден. Тар амардукин били өмө бейшүлбви ичиләк түрәими өдінду үңд'өрән-өвит, тікән гүнне түрәчі өд'аран.

— Голдир-голдир, голдирмой! Үңү буңа бойунин, ділача омолгін Д'өргөлд'ин гүнмурі, гиркі гунді гирків, би ичиләк түрәнмәв иргеләви иктөвкәл, дәләви дәлдікал! Мит д'үгүдүт соруяңа буланад'а, булаңай өкә, өмөче Д'әңе-Баба обургу өңәхитни соға-да ачни бине албахин барапин со. Сот химат өмексө, комодекәл, д'ур ата д'ур өд'иңт. Илан д'ан илан дарикталқан бороболока н'уриктен н'ан әкүн-ла албахичи бадаңе:

бейе юллашын-халганин манай өркүнчүлөө улор улдөнөн көндөрөнүр суруттуу. Будәрйиит инээдиг эмэрән! Д'я ахун бичес, эмәксә, әриксызев орухуйкөл, — гунд'эрән.

Эрә дәлдиксә, чакуу бейе, халганин дундажа эликең сара, түк-саны эмэрән, Д'я-Бабава иларакан токорихинчаккан колторон. Тар-дә бине Д'я-Баба д'ур гүннө д'окет-тә өче чугуйда: «Баар д'ур-дә боказду!» — гүниссө, д'ур айиткан бойун-н'ун бой-ундасчардаа. Нууцан бихемде шуцан-дә бимий ёдә-ла молтолчо. Эр авахи молтолнови саран-дә илан д'ян илан дарикталкан н'у-риктөтпүү јалалдуктун-халгардуктун учихинац, әду-таду түвкөннө дилачә йүйттикбийн шуцарватин шөнөвүхинен д'я.

Били мит бейәңилти: «Эрбен кейчал д'я көйдакшут-шардак-пут» — гүнчөд'енәл, сурулдад'еввэл ойдоютиш — јалалкан халган тин хэркөвчөл-әбит, ёхалтун бичө тамнаксат буриччөл. Тар амардукин Д'я-Баба овургуу тикбен гүннө түрөч-сөхөчий од'аран:

— Лавир-лавир, лавирдбы! — Дулин бууда Иркисмэн амилкан, Күккүмачан-кильвали эн'ялбен, тоюкбомо ёхалкан Чаянлган, си баас куңга-бейе этени тулууда! Бујави дацааҗайын мучүкал! Эхит эмий мучүра, өрөй эн'йимбн ичөд'иңбс, мун мунутурмаван ичөд'иңбс. Иникин-дб өмөнүмүй, бубалави кейан эхис өргийде дундажа ихивукса, гарадад'иңб. Сурулдир бимий, миңдук энэ коргутта, мэндүккү коргуткес, јенекел, «ёва гүнчбн», гунд'енни. Дилачә омолгин Д'яргөлд'ин-байун тед'б катийд бимий, сурулдиксә-дб коловурдабин. Сурулдирекин, хайиктави олгыймүйтад'иңб, мундий мүләммүйтад'иңб, мөңми мөләммүтад'иңб. Тара өмий көрэйдэ, бајар суруүн! «Мучүкал» гунда ани өхим аттаста. Д'я д'үкрө-дб дәлдірас, дәлчэтчанал сурумий, авгү-дә мөрдүн д'улбхун. Лавир-лавир! — гунд'эрән.

Д'я өр дәлдиксәл, мит бейәңилти буха катийнал, энэ хүйэнэ ахамий-н'ун ахад'ара. Нууартин бихемде д'уңарван тигдәд'ин санаал, болорбон боктад'ин санаал, туңервэн иманад'ин санаал, иэл-кирвэн лөптеркенд'ин санаал, сурумий-н'ун суруудурлуктуру. Илан-да бөбаду суруунувур өчөл сара, илан-дә анчайиду суруунувур өчөл сара. Нууартин бихемде ёкунд'и-дл тикбен экеэд'арив-бэн юй-көт өвкү сара: «дундэл јенед'эрәп», гүндөтиш, тирилекитин дундаду букатин өхин өркуре, «үүжил дэгд'эрәп», гүндөтиш, дэктөндөтиш н'ян ѿчин — ёма-кат албахит, ёкун-да кунулгатит эксөнөвөн, юй-көт өче сара.

Эр јенед'енәл умисбкем мора букачанын д'ур мөнтүн утаптарта тәңетчөрйөр-н'ун ойдоро. Д'я-Баба овургуу, мора тамнаксалан ихивукса, мөнин ийл-көт суруунувбон-кот, эмәнэвэн-көт өчөл сара. «Енэй-түнүй ёдбигти-өвтү, ёнай-төнай аваккат-өвтү! Эр-дэ н'якексөл, авахиңијар атаманыман вачал бичөл бихикит, бүнөвөр-дә өмчөлтү курутуйда! Д'я бубаллвар он ихиринац болжа? — гүнис. Эмис көнтиргөлтий тийлдө, юйнум д'алитин урумуулдө. Мамарийнэр адудаматнал ичөрөктүн, улор улдайе ийдү-көт өче сулара, карен төттитин бимий олок ѿчинин-дб көрөтө бич: кокодлогтий бими тар-

бакылтн дүңдүн-и'ун бучувчал, аурутпн бимй хорортп дүңдүн-и'ун кам д'авачал, олдийдуктн ичәмй, әңзән-йлтн оңкучак-түй-и'ун судашчал.

Тар амардукин тәңечимнин будетпн н'ян сө! Сатар даңайы гирацимкайра әнәл — гүниәл амаскй юенәвкбид'эрә-әвит. Эр юенәвкбид'эрәктн сөрүйап булача екүн-да охайтачын кейан әнән туктире калдис кадар кайдан. Д'әңгә-Баба овургу шуцартпн мүчүр дундадутпн гарадад'иңди бара дә! Эр кадаңа хәрәдүн, д'ур ахайта текәндүн, дәрәлбәр д'ур ханыяттар д'аваксал, «че, би-ка буңиәп» — гүниәл хуклабд'эрә-әвит. Д'удайчал бәйәл хуклбхине-дб ахиликсбра. Төжомо ёхалкай Чабылган сенин чөрин тикин-дб бихин, эр ад'ана турбын-турбын, сөхэн-сөхэн доргонмбн дәлдіран. Тәңексэр, дәлчүнаи бихемде: узиски тикин-тикан гүндө сөхэн бихин-әвит:

— Кимә-кимб, кимән'ин! — Горб-горб! Карен нәкүн гүндө нәкүнмөв тоҗокбомо ёхалкай Чабылганма били Д'әңгә-Баба сатар мобра иңарандүн умүн-мәл гирамдалан гарадәрка-бы, ёрка-бы? Таригда-да әчб бихй, онноңор убү буңа бойунин ділачә омолгын Д'әргәлд'ин, эр сутулду сорбников, сымурдаев. Союновов үй дәлдід'иңди? Нәкүн гүндө нәкүнми, иникин-дб биксө, иччиләк турбымөв иргөләви иктөвуксө, дәләви дәлдиксә, турбұлда әңнәрән! Ир буңадук гирамдайетпн бакад'ам бөлла? Сатар гирамдатпн ичөврәктн авахйл буңадутпн әмчөв гарадара, — гүндө әрен.

Тар дәлдиксә, тоҗокомо ёхалкай Чабылган тикин гүннө тураңтарәп:

— Гәлдир-гәлдир, гәлдирмбй! — Экйн гүндө әкйнми, Гёван-әтир-кын н'идәү хунайд'ин Сәкәк-киливлай, си баңас сатар бу дәлви әкүн сијадүн әрәйве ичәд'өнді? Бү-да гирамдававун бакакса, ёкүпма туханимдак әмәнді? Бейөвә әхйл тухаллара бксал, наңдал-кай гирамнавун, әржесәгәнүн сулаптан. Тар-да бине ахайткай-куңакай бине јлдү кирсүптаңді, ёкүн албахил'ин эр буңалл әмәнді? Иникирдуун әмексө, бакалдиксә, мүчүнас мәпидүс-те астик. Мәрбүни остоқкор вাচал бимйл, бунөвөр әмчөлбүн курутуйда. Әмексө, ичәдәлвәиевун ёхатпн ичексө, бирастлахиксә, мүчүкал, — гүндө әрен.

Эрә дәлдиксә, били Сәкәк-киливлай, кадаринитпн ойодун үңку-рус-көлехис и'әкексө, иль мәниң биксә, надан дарик-талкай солкомо н'үриктөви дүңдүн д'ур хуларин умуктава уйиксө, нуңардуләтпн тикипд'өрән-әвит. Д'ә өр тикипуксө, тикин гүннө түрәчй д'аран:

— Кимб-кимб, кимән'ин! — Нәкүн гүндө нәкүнми, тоҗокбомо ёхалкай Чабылган, убү буңа бойунин ділачә омолгын Д'әргәлд'ин, д'үкәрә иникирбәхүн орухүйим. Эр умукталаба, гаксал, д'әпкәлду, би н'үриктөви дүңдүн д'үкәрә катанкалду, би өр кадар ойодын туктивугта. Миниәчин д'алилбар әкелду молтотто. Омолгычан-куңакай д'алин д'олодук мәнді гүнәрә. Сот мандінуксайла, н'үриктөдүн катанкалду, — гүндө әрен.

Эр бейәл, тарә дәлдіксәл, әхй хунатпар н'уриктәдүкин д'ур умуктава гасқа, д'әпте. Ёхалтін аран ңөрилә, көйтірелтін аран әмірелә, д'алилтін аран қолкутәра.

Тар амардукин әхй хунатпар н'уриктәдүкин иларәтад учихина. Эр хунат нұндарапатин, йдү-дә әнә тоқтотто, кадар сойолон тәнд'арап-әвит арай. Эр тәниксә, «д'ә ичекте» гүнен. Д'удәйкесәл, бвіе ңбләрін бейәл бочал, нұндаралтін төті гунде төті-дә әчә сулапта, улор улдә. Йдү-дә әчин сулапта, д'алахалдуккар-н'үн хориалдічал, тараҳалтін-н'үн сулапчал. Д'ә өр бейәлбә ичексә, ёхан мүн курұска-курұска тікнә-тікнә тікбін гүннө турбай бд'арап:

— Кимб-кимб, кимбн'ин! — Нәкүн гунді, нәкүнми, тоқокбомо ўхалқан Чабылган, ділачә омолғын Д'әргәлд'ин, су хуркәр-куңақтар бирдәккит — д'алилдүн манділ, бй, бксәл, минијечін әнәл соңоро әмбінмуқалду. Буғаләхун ўдук-тә горо: дундәлі тонқурчактана айаннәрі діцин ҳалгалқан бейңүб, дігрбеки балдиксә, истін буза, дәгрі дәктән дәйі-бейңү, иларәкән умүксә, истін буза. Талә илан анданы дәбидәлән искалду, минәвә «әмбін», гүннәл әкелду коргутта. Бй н'уриктәви калтакаван хобиксә, бүктә, тарә томкохиннал, кира бейңүвә кидінал, амџавар иргинәл, тарит исчадаеват. Бй буғаләви олус иксачад'ам: су амарләхун Күккүмачан-киливлайдук умүн хуркән-куңақан балдічан. Гәлнәрі гәрбін, солтама суракин үи бран гүннексун, илан Сибир-ситкірдүн ситетін гәрбіч. Хәргү буғаду Сәләргүнтікі сәләрі Сәңякчан гүнмурі, дулин буғаду балдірідүвін коколододу чакилдәчә Коколдокан гүнәрі, үбү буғаду сбн'иң чивкәчәнма уқчактарай сбн'ин Мәңженікен гүнмурі әдан. Буралийа бурахай биңін! — гунд'әрән.

Тар амардукин әхйт хунат уңқурусы-коләхис н'әкәрән, китали-киткан-дәңгіткән бран, буғатқәківи киңінәл'ахинан. Эр бейәл хунатпар хуруд'бұмовби ңөнәвәкшәндерә. Били хунаттар н'уриктәд'ин томкохиннал-томкохиннал, кира бейңүвә кидінал ңәнәвәкшімий-н'үн ңөнәвәкшәндерә амасқәкій. Д'ә тәд'әмә дағаны горо-дб, әннек-дб дундәвө әнәл сәра әмәчел-әбит. Эр илан анданы усталқан тәралдүн ил-нал-илнал ңөнәтмій ухдро. Нуңартын бихемде аїарлас-тә кира бейңүет ёва сбт туханд'ицітін, коргуйда-н'үн әнәл айашнәл'ара, өр ңөнәд'әнәл «н'ән-дәт д'удәйде-д'улдеский гираншәт», гүнисесә, амаскі тәмтәрмәл бра. Эр ңөнәд'әнәл, д'ур чекчекиң карад'иктүн д'ур үйлатпар дәрөлбәр каптаксәл, дәрүмкінел хугләхине-әнит. Эр хуклад'әрәктін иртікій-иртікій бблла, турбін дәрәниң дәлдінудан, тікбін гүннө турбайтын:

— Кимб-кимб, кимбн'ин! — Били молток-д'алујан бейәл қайада мунун әхн әмәре! Әмәрі-дб сорокитін д'алуитан. Соңомб-нал сорулы! Каңен и'идәбү нәкүнми д'аланын әд'әлін д'ипкире, улдән сәхин әд'әлін сittә умүн авахі атаманин, хәргү бұза алахан діцин кирилкән Сәләргүп Сәвәйендерә гүнмурі ураті бойын, әмаскесә, минәвә ахакталнаң илан тоңуруқ анданын д'плустин бран. Экін гунді әкіпми, умүн-мул анданыду би д'улдін алахі ат-

маймāн сāраткал, бй муданни бран. Бейэл эмэдэлтэн архыцай албахитий аралд'иткал, — гунд'эрэн.

Эр гүнисेस, д'ур д'апкун кирилкэн ампар-д'уви турбалын, н'уриктэдүкки ихихинес, гарадаран. Н'уриктэн саңг'анин тунарис и'өкөрйдүн, колбохикса саңг'ани ун умүндү, салгинду уркэн нийвнэдүн, саңг'ан оксас, д'уви дблан йрэн. Экйин Дарпээ-килийли тары угари тулисий хэтэкбнэн. Улкуруус-колхис и'өкөрэн, багдарин чивкакткэн бран. Авах атаманин, оксоку оксакан, коллогуу тою додун куунана эмэд'эрэн-эвит арай. Тар д'улбайн чивкакткэн хэтэкбнэнд'эрэн-эвит. Авах атаманин обургу тары ахамтна н'иргийд'эхинен.

Тар амардукин били мит бэйэңилти: «ёнэй-тбнай, ававут-эвил!» — гүнисэба, илда-дй д'е айанийд'ахина. Тар цэнэксэл, че, нэхилэ өржсэвэр-н'ун муданд'ин д'уллвар иссара-эвит.

Эр ихиксэл, тобокомо ёхачий Чайилган гүнмурй бойун тикэн гүнин турчий бд'аран:

— Голдир-голдир, голдирмой! — Гёван-өтиркэн хунйилин, ён'ин гундэ ён'инми Куккумачан-килийли, ёкийн гундэ ёкийни Сёкак-килийли, уркэвэр нийсэл, доровою д'авакалду! Нононтн дорово бицин, амаргун улгур бицин! «Иргйт тэкеэлхэхэл-сэксэлхэл матал эмэрс?» — гүнэксун, тобокомо ёхалкэн Чайилган бй эмэм, длаача омолгийн Д'эргэлд'ин эмэрэн. Эмэксэл-дб ёхалбахун-н'ун уйдэл хан'анмун-н'ун эмэрэн. Эржсэлбээт оруухийнб'е эмэрэ, гүнцэл «эхэлдү уруну!» Бойун-бэйэ д'ептий д'эвгийн бэлэннэхэлду, бойун-бэйэ тэтийн тэтийн бэлэннэхэлду! — гунд'эрэн.

Тара дблдиксэл, Сёкак-килийли уркэви нийсб, д'укрэвэ цалалдуктн элгөнэ йврэн. Диктэл халгалкэн алтама кираватлду тэбэвхийнен. Тулисий йүкб, умнб-д'ур д'ялтэвхийнен. Илан нулгий туцуруумтвчий илан кохилкэн курёду илан н'ама илан д'ан илан актан брин д'алумкакий хинччэрэ. Тар ячблдук, д'ур актава синмакс, наран. Тарицилбий, өлд-тэлд астакс, бэйэңилдүн д'эвув-канд'эрэн. Бэйэңиллин бихамдэ д'удайнэвэр сэдүн д'эвигэ кёйян өлчб йре. Улгучбимэттэвэр өйтчблитин, турьнтийн элчэ йуре, кёйян ёнэл д'ептб, элчэл сорутуне.

Сёкак-килийли тэдук саңаргэвий бд'аран, ёкүн-мал албахилкэн оксас, арай албахит аривий арийт очал гүнин олус муцурданиттан. Тар амардукин умун тиманийдү курелбвий йүкссэн, илан дэткэн дэлээмччвни адулдактана гиркуктад'аран, эр ахаткэн-куцаан.

Тар амардукин илан салалкэн кудукту умун сбр, ёмэкс, н'янжичктэд'эрэн. Тар сбр хэрэлэн суурүн. Эр Сёкак-килийли, хэрэлэн суруксб, убисский ичтэченэ, өргөчийн турчий бд'аран:

— Ким-кимб, кимбнин! — Билир айй бэйэлдүн сорудакту гиркури эхий дэрдэ дэктэндэлкэн сбр-эхэкэ гүнмурй бихин гүнцийгтий-ёт. Си тар, бирдээци? Доровою д'авакал, амаргун улгур бицин. Бий эхйткэн сома кихалгаду бил'ом: бэйэңилби, д'удайй-ксэл, вхийлавир арда иста. Он-мал гиркукс, олбот-мэцэ мүйэн бакакс, ёмунукс букаал! Айяа окаал, айяас лайт тамад'ицэв,

мәнді әкүн әйәттівөс буулам. Екүн тамана гадағай әйәчинді, әкүна ғамүріви сөт химат үлгүчкөл, д'алві сәвкінкал — гунд'эрән.

Сёр-әхәкә әртікі-тартікі килемп-калип ичекшиңәрән, лоник-ловик и н'екәрән, луглас-даглас н'екәрән, тікен ғүннә турбчы olandan:

— Калдім-калдім, қалдімкбай! — Гёван-әтіркби н'идәбу хунай-дин Сәкак-киливали, доудолима дорово! Бій сөт сәм д'е олбот-мәңе мұвән, тәлка горон сб. Арай илан д'ан илан актави, ойор-гүйан синмакса, буд'иңе бихикис, әмүвумчы, — гунд'эрән.

— Д'е сөт әмүвекөл, әмүврідүс белән бид'иңе, — гунивкій.

Сёр бихемде ділачай іктеткәкін күбунд'ахинан. «Әдәр бичә бимі д'ур надан долбонілій, тікін сағданнави бихайд'ин д'ур йәзин долбонілій әмед'иңе», — гунисеб, ңаневкәнд'өрдәңе.

Тар амардукин әр бейел әкүн-дә аяа д'евгедүн әлчбл унүйдә, бимін/үн бид'әрдектәре. Д'ур йәзин долбоній әнә-дә сабра илтәнен, д'алуптін тіманайду били сёр-әхәкә, әмексеб, күретін дәбдүн умун ирбектедү дәран, тікен ғүннә турбчы әд'аран:

— Калдім-калдім, қалдімкбай! — Гёван-әтіркби н'идәбу хунай-дин Сәкак-киливали, соруңас соруккас д'алувум. Д'удайчы бейәве улдаевен ариврі бағдарин умуктава әмүвум, д'аланин арү бічава д'аларбүрій чүтүрін умуктава әмүвум, сәнен манавчайна сәнәрбүрій хуларин умуктава әмүвум. Тарит ойолдүтін имйнәл, дәбдүтін умйннал, аривкаль. Билгатпи омйнәлим — сөт химат актави вәмалчакал! — гунд'эрән.

Тар амардукин Сәкак-киливали умүн актави айаргүвән вәран, урвән хуптәксеб, ғарадәран. Умуктацилбій гакса, д'үләни йүрән, д'удайчәл бейәңілбій улдәтін ойолын имүне, дәбдүтін умйнна бәбәдәрән. Тарицилин бихемде долбонйтікін олол ҳуңтул әд'ара, әдук-тә химат улдәтін ситетерен, синетін ид'эрән, ионоптідуккәркіт хуләкәл көвүлкәхәл мататқар әд'ара.

Тар амардукин гиркій гунді гиркійді әнникса, әр Күккумачан-киливали, дулин буја Иркисмәвән гирамдаған комуїкса, үс То-ройтай әнан алтан әмкәдүн д'аланман д'аландүн д'аваран, бейәве ариврі хуларин олбот-мәңе мұд'ин имүкса, әхид'ин хавашина чакиликса, д'ур н'илбектүви ибкес, белүнә-белүнә тікен ғүннә турбчы-сәхәч әд'аран:

— Кідү-кідү, кідүйәр! — Дулин буја бойнани Иркисема гүнмурій мата, гиркій гунді гиркій, бәзин ғунді бәзиними, бій иччилақ турбімбәй иргөлбви иктәнкөл, дәләви дәлдікал, сәндиуви сиддикал! «Ні ғүнмурій ахдаткән-куңжән туррбунді?» — гүнәкис, сій гиркис Күккумачан-киливали әдам. Бій-дә билир балділ'ары н'ол ирбектөве дүрдүккін хәргискәкій кирайна ургә турбид'и тикивреків, бучувуқкій бицкін. Бучукин мбва н'иңтәдүкін уйискәкій аяа турбид'и алгараків, арикса, н'ол ирбекте бекій бицкін. Кагдан чуқава тәкәндукин уйискәкій алгараків, арикса, балділ'ары чуқа бицкін. Балділ'ары чуқава ускій киарараків, бучувуқкій бицкін. Тарит бимі сій бучб-дә бимі арлілуста әләкин әран, әхинч-дә бимі падлус әләкин әран!

Балу-балу, балукан! Иччилақ турбымов төд'е ичичи бихикин, илә мәнді өксә, ирәндәни ичөвкәкәл, сөт түргәнд'и аријат бимй, аркал, си арнас бүин, би алганав бүин!

Эр тікән, гүниксә, мәсталә иларлакан хукәлчекнән гарадәран, алтан әмкә иланмухат сурукнун. Дүлин буја Иркисмен, илә мәнин өксә, малтас илихинчаран, син ионоптијачипи атіркәңүи, хутеби дороволсно, и'уканина бакалдіран.

Д'е әр амардукин били авахй атаманин Сәләргүн Сәвәйәнд'е ахактанаң хунат Дарпек-килийли, муданин өксә, тікән гүнне ту ретнә-туретнә әмәд'ерән-әвит:

— Йәвәр-йәвәр, йәвәріе! — Гәван-әтіркән хунайлини, әкілкөн нә-
куними, ионоптін дорово биүин, амаргүн улгур биүин! Тәдүк нә-
куними тоқокбомо ёхалкән Чабылган, үзү буја бойунин Д'өргәлд'ин,
сү д'үкәр н'ян дорово! Миневе «би гиркунді?» — гүнәксүн, —
«нәхілә, муданин өксә, әмәм: Сәләргүн Сәвәйәнд'е, бокониксә,
вәйгідан әмәнмүрән. Діхұчиксәл-дә әңиес бихара, діхұчиксәл-дә
әңиес орухүйде. Үс Торбнтай ақйнми әнан бойундাখивун болак-
түн бујнәм, амаргүт үд'авав үд'ад'иңжүн, өхйткән будів аналив,
тәрит будан кәрәс бурахай биүин!» — гүнд'ерән.

Эр амардукин өхйт хунат илан нулгү тугурумчәлкән алтама болаклә, илә мәнин өксә, тікән. Үңқурус-коләхис н'өкәрен, ки-
ринас бран, алтан блакка чолпоројор тікән. Тарә ахана били
авахй атаманин Сәләргүн Сәвәйәнд'е амаркәндукин тікән-дә
илә мәнин бран. Илә мәнин өксә, ахад'ана киринас йәнен чол-
банду чурчәнми дүңд'ин түрән. Тарканду киринас авахй чурчан-
дукин кишихинан, Тәду олоксб, «Татат!» — гүнәйе, — «хәкихин-
чектә», гүниксә, хәнүектөхинчөрән, хәнүенниң дәлпәрәңәр суруун.

Тар амардукин Дарпек-килийли чөлгандулыви йүмәлчәрән, илә мәнин бран, авахй омолгыйн'үнин бойундакилен. Авахй омол-
гый бейеңд'иң бейе бид'иңен-дә — хунатпа гадан-дә, ділин илан
кохок өкнап, гарадәран. Иртікій-кәт әнә ичәхимкәрә хунад'иңими
д'евуликсөран — д'емулнән, сутәнан-дә со бихйләк. Эр ичәксә,
тоқокомо ёхалкән Чабылган-букатір тұксана әмәд'ерән-әвит. Эр
әмексә, тікән гүнне түрәчі-сәхәчі од'аран:

— Гөлдір-гөлдір, гөлдірмой! — Хөргү буја авахйлини атамантин
дијин кирилкән Сәләргүн Сәвәйәнд'е, дәмдүн-дә доровою д'ава-
кал! Амаргүптиң д'улән-амарни өхі сәвра улгур бүин! Миневе
«йргйт төкәлкән-сәксәлкән мата биді?» — гүнәксүн, дүлин буја
бойунин бихим, тоқокбомо ёхалкән Чабылган гүнумурй гәрбілкән
әдам. Си тавар ёкун сәвра буруйва оча ахатқан-кујакәнма илан
анџанайду ахайна ахактаксә, ёхав хәрәлән йаукусә, тікән атаңа-
стәнді? Си ўнум үд'авас олоновун буруйивун хчин, бид'иңен,
әмие үд'авас олонов үзлүмүхій хчин, бид'иңен. Ахактана д'удет-
нис ахатқаныңис д'әпчәліс-тә ёва айд'иңан? Иті түркәри миневе
сәнәріс со! Тавар сәнъиес аваккадун, тавар буруйбас уләлкән
сәксәлүкис коталд'иңәв. Көңтірәс узуктаван үн'аканд'иши урихин-
д'иңән, сәлеме гирамдавас мобра иңарандун гиркең'иңен, чујума діл-

бас көкхөн урәдү мәчиңтәд'иңәв, уваңас сәксөд'ис н'ајн'а хәлацәни итөјестүн услыктна эвйд'иңәв!

Эр амардукин авахй омолгийн бәйә туреттән гүнә «Ә-де», әнә гүнә, «сöхү» туреттән гүнә ичәхине-дә ечә, хүнийд'иңди көйжетни көңид'эрән. Эр бәйә түксана әмәрән, «улгур наңда д'оссо!» гүнчәрән — сөнин тәкемәдүн колторон. Авахй омолгийн «Татат!» гүниксә тикән гүнә турәчى-сөхечй бд'аран:

— Көйжердән'ин-көйжердән'ин! — Дулин буја бойунин Иркисмәнд' амилкән, Гёван-этіркән хунд'ин Күккүмачан-күлгүли өн'ил-кән, тоюкомо ёхалкән Чаңлган-бузатир, нононтиң дорово бијин, амаргуитын улгур бијин! Минәвә «иргйт тәкелкән-сәксөлкән мата бијнәнді?» гүнәкис, — хөргү бузадү өмүкүн ирахтағыт, кулуват, кинехит хавалді дічин кирилкән Сөләргүн Сөвейэнд'ә әдам. «Екүн сорукту өмәнді?» гүнәкис, — сй әкиммәс Сәкак-күлгүлива умучидукки уадимүйәви, д'үчидукви д'үвчамнүйәви, илачидукки ийәктәк гиркүйәви улгучемәчимдек өмәм. Бүрйи, өхүн сöt химат сәвкәкал, айа-бү әйәт бүчинді, уха-бү әйәт бүчинді? Бурекис-кәт, әхикис-кәт гадиви гачим, хә-хә-хәк!

Мит бәйәңит нуңан турәнмән әчә-дә әппеттәсчәре. Бокойя ачин коңорин улде колтолд'иши коллоруктәна сәрин тәкемәдүн савәд'аран. Авахй омолгийн амаргидәтпи илан перәстәмәктү чујурыйна ңенәрән. Тар амардукин, тікуликсә, коңорин сәксөн койнан, ибум сәксөн ёхалан истан, катай сәксөн кавкалан истан-ордак сәксөн олуклән истан, ухук сәксөн урлән тіктән. Мит бәйәңүләт д'ә сорунан, д'авачиң д'агда мәбәжин ид'ир-бид'ир кариви типканан, мандаха-тәкій дилгачинин колтови болточчу д'аваран, мит бәйәңүмәт кулалдан. Эр амардукин әркән-дә таркән д'үр сәңку букатир колтотин ицин н'ајн'алә доргүйлдан, тициләкитин ицин дундәлә н'иргүйлдән ёдук-тә әрчиммәкит.

Дулин буја Иркисмән ариксә, ахакән долбониду бичә бейә кирадихин әчин д'алупра бкә, омолгийви бойундәхишиң әрчимдүн виң тулуйда д'үпті будән.

Д'ә әр бойухал тәрәїкәй күхйд'әрдектәре. Илан долбонид-инәңидү виңдә дәрүмкүхине күхйесә, мит бәйәңит и'ән-дәт әчә тулуйда. Авахй омолгийн ахүнчара-кат еча: охйкталин серәпре, амџан сивйран, улор улдвәен өрәјестәрең, дірам наңданан тәкебүрән. Мит бәйәңит өмірә көңтірән тійәлден, ионум д'алиш урумүлден. Эр и'әкед'енә тикән гүнә турәчى әд'аран:

— Гәлдір-гәлдір, гәлдірмбі! — Уйу буја бойунин ділачә омолгийн д'әргөлд'ин гиркүй, иччилик турәнмөв иргөләви икәнекәл, дәләви дәлдікал, сәндүви силдікал! Би будеріңив ииңдүйнә өмәрәп, өмірә көңтірәв тійәлден, ионум д'алиш урумүлден, сöt химат өмексә, әркиссөвөв орухуйқәл! — гүнд'эрән.

Цаңу бейә, тара дәлдікса, ионон-дә көхбайча бейә наңилийд'иңән-дә — әләттиң түксана әмәрән. Авахй аймактүн билиргидук-тә остик-кактак биксә, уха-айа турәнмә әчә-кәт туретчәре: коңорин улде колтотин сәмадүн колторон. Авахй омолгийн дірин-н'ун

н'екерэн, авахийнтар омолгиван д'ур бинэл комолёлдв. Кухйтэр од'ана тоюокомо ёхалкэн булатир тёра хэтэйчэрэн. Эр амардукин длаача омолгийн Д'ергэлд'ин авахий омолгийнүүн тэрэйжэй бойундажида. Горово-кот бойундаснавар эчэ сара, дацава-кат бойундаснавар эчэ сара. Маяа дундэду хөнгөклэвэр бадарыннаал, дуйн дундэду ёрчэклэвэр бадарыннаал, н'аликин мөва и'албура-цар ийэдэктэмтэнэл, бучукин мөва буутарацар ананал бойундасчара-эвит. Нууцтайн йөзүн долбонилкэн ишэйдү энэл дэрумкийхинэ кухид'ере. Эр н'екексэкэр, мири миридуккэр д'авалдира, хэйвлд'ивэр ойноо, д'укре дэрумкийнэл батканчад'ара. «Авгү молточо?» гүннэ ичээй, мит бэйеийт д'аланин хавахинчай, гирамдан боско сурчб, өриксэн урумулчэ, көнгүйтэн тийэлчэ. Тар амардукин ионон-дэ кахакэн бэйе өрдөрдүк тикэн гүннэ турэчий-сэхечий од'аран:

— Гин'б-гин'б, гин'бкай'ин! — Гёван-өтиркэн хүнийлийн, гиркийв тоюокомо ёхалкэн Чацилган, д'э сэргэнкэлдү-сэргэхэлдү! Бий, йиёчин долбонилкэн ишэйдү бойундажица, н'ян эчэв тулууда, союомо сорулий бирдэхэй! Эдүк цийвэ-дэ өмөврүйт ёчин бран. Били илан Сибир-сиктэрдүн ситеэрий гэрбилькэн Коколдокби гүнумурй хутэвэр тинэксун, би бимчэ? Авхий атамакин куунул-боско колумтанмат уркурыйгдан бран, тоюовот сийрэгдэн бран. Мөрти син өхин тулууда, илан Сибирдү-ситеэри гэрбилькэн бэйе бацар ёкүн-мал идээч бид'иүйн. Иль мэнд'иви илдичэ бэйе өнжтэн тулууда мата өмөч биүст, — гүнд'эрэн.

Эрэ дэлдэксэл, Сёнак-килийви илан Сибир-сиктэрдүн ситеэри гэрбилькэн Коколдокби гүнумурй ишэйдү йуврэн. Д'э тариуяар-да ичнэцт бичэ — ичэврий ичэдэлдүкн бэйе тэй комойжотийн бэйе бичб: ёкун-да дэмий ёчин коколдодикэкин бэйе момболовчно өмэд'эрэн. Эр өмэд'энэ турэчий-сэхечий од'аран:

— Күнгир-кингир, күнгирмой! — Ажин гундэ ажинми тобокомо ёхалкэн Чацилган-булатир, ионоптий дорноо бицин, амаргүнтэн улгур бицин! Минээса иргэйт тэхэлкэн-сэксэлкэн бихиндэй! — гүнэхин, — дулии буца Иркисмэнд'эн амилкэн, Куккумачан-килийви эн'ялкэн, илан Сибир-сиктэрдүн ситеэри гэрбилькэн, хэргү буудаду Сэлэргүнтэй сэлэрий сён'иц Сөнжэктэн одам, дулии буудаду Коколдокби гүнумурй, уцуу буудаду сён'иц чивкочан укчакилкэн Мэннэйкэн одам. Тавар суу уцуу буца бойуннүүн длаача омолгийн Д'ергэлд'иннүүн таварвани-дэ хэргдэцэвэл бинэл көнгүйтэдүвэр д'алихун ахакэн, дладувар иргэхүн увацас, амаргүйтэ-д'улгийтэ вхий ичэвре бүтэй чуцун матава д'алихун-дэ ёкса коижорин улде колтотпор «төнтэд'иүтэ» гүннэл, дилилбар, боско диксэл, бүттэс, улдэвэр-сэксэвэр боско атлэйтас. Буцай, чаский бкаалду! Сёнак-килийви, ёкийн гундэ вхийми, чөр турэнмэв сэндуви силдикал! Сот тургэнд'и Гёван-өтиркэн вхакэнд'эн н'амадук д'ан бутилкэн чуцума мэчник-кэн бакакал, ионоптий бий иуцаннүүн тарит өвийктэ.

Сёнак-килийви билир амийн н'ама хулъкэн д'ан бутилкэн чуцума мэчник-кэн бакаран. Коколдокби гүнэрий кујакэн мэчниктий-

ківи тұксаран, дұлмактұви дүндәдү тімирчә мәчикке копкороңор таңан. Тар тানисс, мәчикки чайыдаған иллакин, бейе бихин йилде өвкі ичөврө. Бойундахивун болжак өвгү кирилдан умшекеме гарадарап.

Тар амардукин авахй атаманин тікен гүннө турбач-сөхәчі өд'аран:

— Көңдердән'ин-көңдердән'ин! — Тоқокомо өхалқан Җаңилган киний, ичекел-ичекел, ин'емб-ин'емб! Тавар қујакан чоростін бине д'алин ёдү өзовторон, караңаччијашын бине д'алин ёдү қататтаран? Мәчиктукки йлік-кет өхй ичөврө бине таварбай хәгді мәчикке гаратқачитта! Тар-дә бичәлін Сәкак-киливива гадіг-дав бран. Тікін өмекс, тавар коколдодін бейе тулуид'ицән дб? Айа өйт өзіл бүре өзәлгөләннәвөхун күнүл-боско хуләптер-вөхун хұзд'ицәв, колумтарвахун уркурд'ицәв! Эрдәрдук сивайдавын өд'акалду! Ха-ха-ха-хак!

Тар амардукин өхйт мит бейеңит Коколдокби буқатір мәчикки уйирийнінә авахй омолгыйлан иткунанд'аран, тікен гүннө турбач өд'аран:

— Кіңгир-кіңгир, кіңгирмой! — Хәргү буза авахайн Сөләргүн-Сөвейәнд'е, д'е сөттә ин'өд'әнді? Ситарій ин'өдес бй мәчикке гарадақта. Ңалатпі-бү төвәчинді, амжатпі-бү төвәчинді? Тәд'е сөңку мата бимій, амжатпі төвәд'ицәс. Эр илан нулгі тозурум-тәлкөн алтан болжак өзбү мудандун илкал, тәдук амжави тохуй-ка! Амжатпі төвәрекис, н'ян хуңту идәтпөр бакалдід'ицәт. Сәп сурурун — сәрәнкәл, ок сурурун — оюхунка! — гүнд'өрән.

— «Ха-хик! Мәчикки-дә өхй кейда!» гүникс, болжак өзбү мүннүктүн илдан.

Эр Коколдокби мәчикке гарадаң'ардаға. Мәчик ағдіачин н'иргійнә сурурун, авахй омолгыйн амжатпі төвемдек амжанд'аши аяран. Мәчик өмәрән-дә, авахй амжатпі төвәрән, «төвәктө», гүникс, илан сахамактү часкай анатумийн төвәхинчәрән. Д'евидійче койгоңачин сәләмә иктелин улту суруру хәргү иктељи доскай нимәрән, убү иктељи тулискі тумунаң. Тар амардукин, мәчикке гакса, Коколдокбидула гарадамдақ тікен гүнд'өвкі:

— Көңдердән'ин-көңдердә! — Дулин буза Коколдокбонин ақин-дүви өхй батта кувулгат, албажиң мата биңет! Гарадаң'дә ёдү өрчимнәктерән! Энб-бән'үн бирғыв! Әхйт бй гарадақта, мини-жечин амжатпі төвекел — сбас сәдәв! Тоқокомо өхалқан Җаңилган-буқатір, карән улгурвет әчиңдәви н'екеләчә Коколдокби кувулгат. Тар-дә бичәлін бй нујанмай өхиткөн-ті вад'ицәв, өр-дә мәчикид'ин гарадаракис өләкін өд'ицән. Сәп сурурун — сәрәнкәл, ок сурурун — оюхунка! — гүнд'өрән.

Коколдокби тікен гүннө турбаччәрән:

— Хәргү буза авахайлар атамайти, «амжатпі төвем», гүниң улбекит өкөл сәккетта, иктес бутунну бурурун — кейан өчәс тәнәре, мини-жечин-н'үн дулин бойун бихинди. Бй дулин бойун бихим-дә ңалатпі төвәд'ицәв тарә гарадаракис, — гүнд'өрән.

Авахй омолгыйн, гарадамий, кууннатчаран, мэчик Коколдокбондула кугунана-н'ирилбнэ эмэрэн. Коколдокбон д'ур цялатпи капкайн төвэрэн. Тар амардукин тикэн гүннэ туречий бд'аран:

— Кингир-кингир, кингирмбай! — Сэлэргүн-Сэвэйнэд'э, сатар дулини бойну бимий цялатни төвэд'иңэс минијчийн. Эрэ кийан эмий төвэрэ умүн турэнэ ёнэ турттэ улорюхийн үд'авий ухинимэн ичвэдэвий! — гунд'эрэн.

Эр гүниксэв, иононтдуккай д'орсо бараан өрчимучйт гарадад'аран. Мэчик куунана-сирилбнэ сурурин. Авахй омолгыйн цялатпи тохуйдан. Нэлдэгүн калти тикиксэв, хакинмэн којдоројор наран. Авахй омолгыйн хакинми ихэхинчэрэн, тарицай којдоројор кикихинан, хэдивэн тулиский тумунан, хэдивэн доский нимнэжэрэн. Тар амардукин тикэн гүннэ турбтчэрэн:

— Кеңэрдбн'ин-кеңэрдбн'ин! — Энэ — бен'ун биргэв, союомо-вал сорив! Кулд'ук кувулгат, Коколдокбон-букатир, коколдодийн бхайн бкса, өргөчийн атаастариван кихийвани ичэрэс өчэлдү! Тар-дэ бичблайн хуркбн-кунажан д'алин чугундук-тэ өвий чугуйда, д'олодук-тэ өвий д'улайд. Эхйт өхийе илэ мэнд'ивий эмекэл, којнорин улдэ колтолд'ивар коловурдаскай! Илэ мэнд'иви кейдакис, мэндүст-тэ астик, миндү-дэ астик. Энэ өзин д'ухун бра сбт тургэнд'и илэ мэнд'иви эмекэл! — гунд'эрэн.

Тар амардукин вр Коколдокбон «д'орсо тавар бкса, дурсу-дэ хоту» гүннэ, сбмат кихийксэв, мэндун укурат алтама куйаккайнми куп-кап тэтгэсэв, тусканы эмэрэн. Бокойна ёчин којнорин улдэ колтоткбонд'иви коллорүктактна кухилдэн. Авахй омолгыйн сб-дэ бимий кейлан ёнэ нэвкэна тэйк и'аун'ава-н'ун дайбактад'аран.

Мит бэйејит д'окёл-дэ сб, нимсан-дэ сб: «хэргиский адаааран», гүнчб — убийлб оттан, «үзиский адаааран», — хөргийлб оттан, аијидлэллэл оттан», гүнчб — д'эзинийд'ин эмексэв, иктэттэн, «д'эзинтий бран», гүнчб — аијид'ин эмвексэв, иктэттэн. Коколдокбон-букатир аијардасти эмүкин дайбайд'арийзачин авахй омолгийн колтодүн дэцдук-тэ ёнэ нэвра аијардасти хэйд'эрэн.

Тар амардукин тарбай бкайнисэв, тулутчијан-дб — ахунчараскат ёнэ; надан сахамакту дојото тукалава товулу гарадад'аран. Аију халганими тулгу д'апкадукин дэжин цялаачий котокбними чунтурацаар тэнан.

Авахий омолгийн тикэн гүннэ турбтчэрэн:

— Кеңэрдбн'ин, кеңэрдбн' — Дулин буца Коколдокбонин, од ихин-дэ сурасиричай бихиндэ, од ихин-дэ илан Сибир-сиктірдүн си-терий гэрбийчий бчай бихиндэ, оннојор бай гундэ бэшава кейинди. Би өр састүви йэжин д'ян йэжин ббийнма вачаа, н'амааван д'алуврэйдүв сбижку тувхисэв, гэрбийнэв суксанда, хулөнтбнэмэх хувундэ, колумтанимав уркунди! Бэлж-тэ бэхэх өхийн моккустэ бэхэх онд. Будан көрс бурахай!

Эр Коколдокбон бихэмдэ, авахийци порюволохама и'уриктадукин илардбн учихинисэв, длавай тонироројор тэнан. Умун йэцлэл туслалуха, йэц оффоди гараткайна, мэчижтэтийн вийд'эрлејэ. Энти-

лән гирамдавән, әд'өлмигдә тәнтікса, д'үкчәна, иливқатна әйірән, мухән гирамдалвән мәра урускадұн умівкәтна әйірән. Тар амардукин д'үләви гиркуна бойболбінчод'орон, әр өмәд'енә тікәп гүнә турбай-сәхәчі әд'аран:

— Күнгир-киңир, киңирмәй! — Гёван-әтіркән хүйлип, Күккүмачан-киливлі ән'йими, Сәкәк-киливлі әкінми, акінми тоқокбомо ѫхалқан Часылган-букатір, уркеве ніксөл, дорбовоjo д'авакалду! Минәве — «он гиркунді?» — гүнәксүп, — «Д'әңжир-д'әнінәд'әңжекүн, ад'асма әчиңнәд'аулахун авахийхүн омолгыйвән ахұпчара-кат әчба. Бойундастәви әйттөв-дә ахұна-кат әчб қүхірә: мәчикке гарадаракив, кейан әнә төверә тәбәшікесбіттән». «Нәлатни тәвекел! гүнекив, хакинми кондолявран. Тар-дә бинә „тәрбетчијәв“, гүнә илан Сибирвә гиркуттан, таваргачин-дә бинә тәк бойун сураккән үңиттән. Эр бى ақінми тоқокбомо ѫхалқан Часылган-букатір таваргачин-дә молток матаду коңул олбр үлдөві бәрәстәвуттән. Тавар-дә угу буза бойунин ділачә омолгийн Д'әргәлд'ин таваргачин-дә молток бинә «син бәйеве кейд'иңә», гүнә бойундаста үлбр үлдөві әрәйдәвкі-әвит. Эргечин биксб, әнөв-дә бойундаста хулаеке бичб-әвит. Сәләргүн Сәвәйбінд'ә чугума ділид'ин үрәвә чөрәс гаратқатна әйіксб, әмәм, мухән гирамдалвән мәра урускалин итәқестүн умівкәтна әйіксб, әмәм. Халд'анави сөбүн: «Әдүк-тә бракин бейә, моккухиксб, әңбтін тәрбеттә бейә бихинде-әвит» — гүнән. Бойун бейә төттін төтій, бойун бейә д'әптін д'әвгейе бөлвиңдекелду! Эмәр әмәд'иңән, сурурй суруд'иңән, авахайл атаманнатиң кейінавар маләхинмән астакалду, — гүнд'әрән.

Тар амардукин Сәкәк-киливлі, уркеви ніксөл, іекүнми Коколдокбомо ѫладукин әлгөнә іврән. Діцин халғалқан болускай кираваттү тәбәвкәнә.

Д'ә әр амардукин авахайл атаманнатиң кейінавар маләхинмән астакад'ара. Эр н'екәйб'әнәл били ділачә омолгийн Д'әргәлд'ин тоқокбомо ѫхалқан Часылганның утари тәбәрән, тікәп гүнә улгутікән улгуд'әрән:

— Гин'б-гина'б, гин'бкән! — Дулин буза Иркисмен амйлакан, Күккүмачан-киливлі ән'йаксп, тоқокбомо ѫхалқан Часылган-букатір, гиркі гүнді гиркій, мит д'үкәрә бакалдіпат-тә городлон, умүндү өрәйдәннәт-тә бараддан, би д'албар-майғывар дуруккан салдірап. Минәве мәңді-дә сәнді, буздадукки әмекес, су д'уләдухун син'п'үн умүндү гиркум. Тар устадун айет гиркиттән, тарит би д'алві улгучб'әрівөв дәллүд'акал, әләкимій, «әләкин», гүндейви, әмій, «әхин», гүндәви. Би нонопті д'алив — сій әкінді Сәкәк-киливлі сураккән сүнчана, айапидан әмөчбөв, умучидукки улдімцүйәви, д'үйидукки д'үвчамжүйәви, илачидукки аналдах гиркійеві улгучембічимдек әмөчбөв. Д'ә тарә би гучикаі, бүрйин-әхіри улгурйкби улгуркәл, — гүнд'әрән.

Тар амардукин тоқокбомо ѫхалқан Часылган тікәп гүнә турбай-сәхәчі әд'аран:

— Гөлдір — гөлдір, гөлдірмой! — Экін гунді әкінми, Гёван-әтіркен иідеңү хұнад'ини, Сәкак-киливли, бй турғымов сөтін'ні бейза надан ииңдіңші кепкөчинин бағдарин сөнд'иви силдіна дәлдікал, иргеләви иктөвкөл, дәләви дәлдікал! Синеве бй гирків ділачә омолгын Д'әргәлд'ин угү буза бойунин: «умұчидукки улдіміңүйеви, д'үчидукки д'үвчаміңүйави илачидукки анал гиркійеви улгумыйд'иңев», гүннө, „әмәзев“ гунд'әрән. «Әлексийдівәр-әхйәр үлбулықен үлгучеккәлду», гүниттөн, тарә он гүчинди, сәт турғенда саққакал! — гунд'әрән.

Әре дәлдіксә, Сәкак-киливли:

— Умунду әрійдінчә бейз сй сакал, сй әлексийекис, әлексийичим, — гүниттән.

Әре дәлдіксә, тоқокомо ёхалқан Җаңилған-букатир д'үләви ярән, тікән гүннө түрәч-сәхәчі әд'аран:

— Гөлдір-гөлдір, гөлдірмой! — Гёван-әтіркән норотін — дуру-кіхун, бй турғымов дәлчүкалду! Угү буза бойунин ділачә омолгын Д'әргәлд'ин мит хунатпат Сәкак-киливлива умұчидукки улдіміңүйеви, д'үчидукки д'үвчаміңүйави улгумыйрән. Экінмій-дб әлек-сийдән, миндү-дб әлекін, тарит городоб бихівә, н'бәркап оронд'и хуктівуксәл, әмүвкәлду, дағат бихівә дулуумдүл орорд'и әлгенел әмүвкәлду! Күтәт-бейз әхіптиң малахинмән айамат астакалду, илан акта аяңын, илан байтахин бастіңын, илан байтахин бейз, илан кур обусыя вакса, астакалду. Кочоду д'алуприл кодоюйил әмәд-иңетін, йәзин долбонйлкән инеңиду әвід'иңетін, — гунд'әрән.

Тар амардукин городү бихільвә, н'бәркап орон сбргүд'ин хуктівуксәл, әр-дэт биливкәнә, дағат бихільвә дулуумдүл орорд'и әлгәнел үмівра. Үңү буза бойунин ділачә омолгын Д'әргәлд'ин әхіләрі сивайван аставукса әтәрән. Кодоюйил, туңурил комуїйвра, омолгыл-хүний параласта. Йәзин долбонйлкән инеңір уру-сивайван әвран. Әр сивайваду үміпчәл бейзәл, хәгдіјет урұникеба, сәхән бою бран, улгур бою барәлдан, әвін бою төрйли-иән: киляхитіл киляймі киңгілахитілла, тұксахал тұксара, тән-чамачур тәнчамәтта, н'орчахал н'орчара, кохон'н'утіл кохуйда, икәләхөл икәрә, алгисчитіл алгара. Йәзин долбонйлкән инеңір устадун әвін бою, д'арбаң бою бран. Әр әвіндү, ңалалқан-хал-ған әвіндүн әр мит бейзенит илан Сибир-сиктірдүн ситетір гөр-білкән Коколдокбн гүнөрй матаду тәртті умұн-кут бейз әчин-әвіт.

Д'е әр амардукин урүтін сивайван әтәрән, тарғастітін әмәрән. Әр таргахиксәл, илалдамакту биксәл, умүн тіманайду әр Кокол-докбн әкінмій Сәкак-киливлива дәптікі тәңерән, тікән гүннө түрәч-сәхәчі әд'аран:

— Киңгир-киңгир, киңгирмой! — Экін гунді әкінми Сәкак-киливли, бй үлбулықен үлгучеккәрісөн сөндуви силдікал, дә-дуви дәлдікал! Бй әдук-тә хуләкә иісә-дә әтән йуре, урұними-кат әтән балдіра. Гиркуна гиркурийду әлекін бран, ёкүн д'үзү-дүн илан Сибирду-ситети гөрбійч очаң илан Сибирнә гиркудағ

нада бран. «Екун наададү гиркумұхинді?» гүнәкис, — өхйт сій гиркіс ділачә омолғын *Д'өргелдін* өдан. Тадук-ті хүңтул ауда ойодун хаватары дурукин д'утәл биңәл гиркитиәл гиркуикил. Тарит бй-дә гирки гунді гиркійеви, умұчидукки улдиміуїеви, д'үчиликкү д'үвчаміуїави, илачидукки аналлах гиркійеви, ир бұзала суруксб, бакамчаб болла? Тарит илан анијаниду сій сиріва гиркучә, гуниңкити, баңар ичөчес бид'иңен? Ичөчә бимі н'үң-иңкәл! Ахұн-дә городук өхим д'улайда, — гунд'эрән.

Тара дәлдіксә, әр Сәкак-килівли тікән гүннө турәлкен бд'аран:

— Кимә—кимә, кимән'ин! — Нәкүн гунді нәкүними илан Сибирду-ситәрій гөрбілкән Коколдокон-букатір, бй улбутікен улгурд'әрівөв дәлчүка! Бй умүн килівлана сариви сәм. *Д'ө* толко горон сб бид'иңн. Эмій кәрәйде суруд'оңбс! Билир билиргідук тар бұзала суручб ахұн-дә соңкул мatal кейан өнөтиң тулуйда, д'үр халгалқанма д'үлбәүви өчин иәре, д'алалқандук өчин су-лурда, тиңелкендук өчин тіктә, олдоңд'иви өчин тіктә, д'үр ңалячива өчин ухуннарда уәү буздадү балдічә д'үйі-тамнақса өванді н'аңын'а омолғын *Д'үзирманда-*букатір бәйе осекең. Тар бәйедү сій коколдодү чакиличаңайс, өн'інній инмеректүн инмеркен бксә, дікбенчед'әчб, синдү әләкин ахатқан-куңакан таригда бид'иңн. Кейан-тулайан н'әкейбрекис, амінн-дә әләкеймій аяна бид'иңн. Урәракис ёва коргутчанді, эмій айавра әрү бәйе бид'иңн. Тара мәнді мәтүчәнә н'әкеймій сатанд'иңас. Әләкеймій, «әләкин», гүкәл, эмій әләкейдә «әхим», гүкәл. Авустукки улгумидәви, авухис баңар сәран бид'иңн, — гунд'эрән.

Тар амардукин әр Коколдокон гирамдави боско сурукниң урунун: «д'ә илан Сибир-сиктірвән ситәрій гиркурдағым» гүннө гирамдан н'умукахинчаран. *Д'ә* әр амардукин әрбә дәлдічә бәйе н'омарийд'иңн дә? Иларәкән уңкурус-көлехис н'әкөрән, багдарин чивкәчтән бран; убискәкій хуркуд'ухинән. Әр ңөнөвкендиңән тікән гүннө турәлкен бд'аран:

— Қиңгир-қиңгир, қиңгирмбы! — Геван-өтіркен хунад'ин Куккумачан-килівли өн'інми, Сәкак-килівли өкінми, авухив ділачә омолғын *Д'өргелдін*, ақінми тоюқомо ўхалқан Чаяилган — дурукихун, минәвә «соңку мата биксә, сәма турәнә әчин сурурун», гүнчед'иңбхүн. Тарит әкін-дә пәрінә әмәриши چолкай өчен сіра, тар-дә бимій, «илан анијаний әмәд'иңев», гүнчәчим. Су тар инги-дәлін ңүнүм д'алихун урумұливкій бракин, өмірә көлтіралдуң тійзәлдекин, салгинаңдү ичиләк турәннәр уциңеңкелду, йлу-да бимій дәлдід'иңев, әріксеәлбәхун орухуйд'иңев! Буралия бурасті би-үни!

Тар амардукин өкінниң Сәкак-килівли тікән гүннө турәч-сәхечй бд'аран:

— Кимб-кимб, кимән'ин! — Нәкүн гунді нәкүними илан Сибир-сиктірдун ситәрій гөрбілкән Коколдокон гүнмурый мата, бй турән-мен дәлдіксә, ңенекәл. Тавар сурупус булас ләгрій дәктоңдәлкен,

иларәкән умүкәсә, истін буңа, дунде ойолын тоңкурчактана хүктіріп дізин халгалқан бәйіш, Ыңғра балдіксә, истін буңа бид'иңбі. Тар буңалайы исемі, иле мәндіви истакис, әттан өләкейдә буңачи бәйеңис, әмі-кат кувулушина истівас өләкейдің. Әмі өләкейділдірә, сү д'укрә бойундахилдаксун илан Сибирдук ёкун-дә бука әттан хуләре, тәдук мәтүчене гиркукал! Синәве мү ёхалқан утарың ічөхине, тәңкәріп ділгалқан әбін ділгаләра, д'үр халгалқанды д'уләви әкәл бүре, тіңелкендүк әкәл тіктә, д'алалқандук әкәл судурда, олдоңдік әкәл олдондіви тікре! Әмиә көңтирас тіңәлдәкін, үбнум д'алис урумұлләкін, әдіндү йчиләк турғымың үздөви! Иду-дә бине турғаттакис, әтбәм әндейде — дәлдідің! Буралийа бурасті биңи! — гунд'арән.

Тар амардукин әр Коколдокбын, бағдарий чивкәчән бкесә, д'ап-кун тусу д'апкайдүн, Йәжин тусу токтурйын айанинән үненев-көндірдәвә. Д'ә баран дундаевә дәлкирән, хујтуа дундаелбे ичә-рән, горово-кот сурунуви әчә сәра, даңава-кат үнененеви әчә сәра. Эр бейеткен д'үзәрвән бимі тігдәдін сәна, болорыбын бимій боктадін сәна, туңервән бихемде әділкән иманадін сәна, нәл-кирвән бихемде ләптәркөндін сәна үненекенчі үненекендірән. Илалдава-кат үнененеви әчә сәра, илан-дә д'әлдара үнененеви әчә сәра, илан-дә бәյава үнененеви әчә сәра, убұр н'аңын'а хоромолдың истан бадаңа нуңан. Эр айанинад'ана хәргиский ичәхинекін, мбра-ниң ичевуттән, үйсікіи кантайкесә ичәхинекін, н'аңын'а әхикәк-тан-яңын ичевуттән.

Тар амардукин әр бейеткен д'улеби үненекендірән. Нуңан биксәкән ахүн-дә горо дунде бичәлін үдад'иңән дб? — «Н'аңын'а омолғын Д'үңірманд'а-буқатір буңан, бollaңа?» Окин-дә әчин хокоргоро чут-чукалқан буңа ичевулден. Эр буңалай ахүнда-кат әнә әр-дәт даңамад'аран. Эр әмәд'әнә ойдан-д'улан иченен ўдуктә айа алас мудандукин мудамактүн чүтүриң тамнакса үхилчанна хүктіктәдірән-әйт арай. Эр бейә, әрә ичексө, «ёкун бollaңай?» гүнне мәддәргахинчаран-дә д'окет-тә әчә чугуруйда, үненекендірән-дә. Эр үнәд'әнә айат уйдени иченен, тамнакса ләбдүн д'ә тә-д'әмә даңаны бойунду өләкін көвүлкән уратима мата тусакта-д'аран-әйт арай. Эр бейәлб, даңадун тікікесө, үнқурус-көлемес и'әкәрән Коколдокбын, иле мәндіви Коколдокбын бкесә, гиркуна бойболбінчоң әмәд'әрән. Эр әмәд'әриве чаңу бейе өзбөткөргө-чии ёхалд'иви батари ичәхинен. Нуңантікәкін әмәд'әнә тікен гүнне турғачи-сөхөчей бд'аран:

— Кида-кида, килад'иң! — Эр-ке, әр-ке си н'аң иргйт тәкәл-көни-сәкесөлкен мата әмәнді? Сәхис ахүн бина тавардін бихинди? Эр буңалай өрү д'адуңан-бәйе әкін-дә әд'әкін әмәре. Әмі-дә мәнми көнді мандіткән бәйе биксө әмәрдәңін. Тар и'әкекесө си кувулун-д'анді бадаңа: тәд'я гирамдас таваргачин д'оке әтви бихи, ката айат әмәнді. Дорово биңи! Би гөлнәрій гарбайнев, сөлтама сурак-кав улгумирәкис, — д'үйсін тамнанаксан бәйнді н'аңын'а омолғын Д'үңірманда гүнмурдай гөрбілкән убұр буңа бойунин бихим. Си

гэлнэй гэрбий, солтама суракки улгутікэн улгучбөл, бий дэлдімалчакта. Бий-дэ буудави бид'эм-дэй аякайн гиркий э ёчин муујурдаана бид'эм. Эхйт бий турэм мөрдүүни. Билир өдөрлүүни килийвун төхилаваа килийкэткал, истацаалавун төхилаваа истацаалкал, көвактүүни корголд'ума төхилаваа көвактанаа өвийкэл. Н'ама хулэкэн д'ян бутылкэн мэчиккэв поробайдакал. Бакалдичакур д'ур айткэн-матаа, нонон өвийксэл, сайдижат, улгурит тар амардукин бүнэн, — гунд'эрэн.

Эр амардукин мит бэйенит дулин буџа Коколдокёнин тикэн гүнэ тулдулжикэн туртчэрэн, улгутікэн улгучбэнд'эрэн:

— Кингир—кингир, кингирмой! — Узүү буџа бойунин н'ийн'а омолгийн д'үйү таманаксан бэндэ Д'угирманда-мата, нононтийн дорово бибин, амаргүптийн улгур бүчин! Минёвэ «иргйт төвэлжин-сбксэлжэн мата эмэндү?» гүнекис, — дулин буџа Иркисмэнд'эн амилкэн, Куккумачан-килийви эн'ялжэн, илан Сибир-сиктэрдүн ситеер гэрбилжэн, хэргү буудад Сөлөргүнтэй сэлөрү Сөнжжин, гүнэрий бдам, дулин буудад Коколдокён гүнэрий бдам, узүү буудад сёнин чивкачан укчакилкэн Мэйнэнжийн гүнэрий бдам. «Екун д'үзүүдүн эмэндү» гүнекис, — умучидукки улдимүйёвни, д'учидукки д'увчамуйжави, илачидукки анал гиркийёвни, сий ахаткэн-куңакэн хутэс томоджикэн уд'ачий бэндэ Имээжин-килийви гэлнэрий гэрбильжэн, солтама суралжан сорунаа айаннанаа эмэм. Таду бий наадав таварит этэрэн. Сий д'алби бжин улгучбэндэви мэндэ сэкаал, өвийнүүн өвийндээс сбмат өйвчим. Килийвун тохиолдийдү бихи — киңдилжэн килийкэчжиг; уцирийвун мэчикис ийдү бихин — уцириймжэн поробайданикта! — гунд'эрэн.

Д'үйрманда-матаа тикэн гүнэ турбчий бд'аран:

— Кайда-кайда, килад'ий! — Дулин буџа Иркисмэнд'эн хүржин-хутэн бихикис, амийн суралжан сбмат дэлдүүкв, тэрит өвэнжийт-кэр айи бойухалтийн бакалдирягпут. Д'э бий өвирйвес ичөчимдээс өйттэв тэжбийн бихин: эр бий буџав сбмай чажуу мудандүн аяад'акэн дэсчэб Арбаажийн-атиркэн гүнумур д'ур омолгийч атиркэн бихин. Талай умүн хэргү буџа авахий илан кирилжэн сёнин Сүмийонд'о гүнумур д'ур атаман-сёнин, эмэксэл, тар аяад'акэр бэйнэлбэ күндел-боско атаажаста д'аран уху. Атаажастайрви чайжидалын оронтийн манавракин, мөрбетийн д'өвумдээс кайчад'аран уху. Бий талай сурумдук мэндээ поробайданикта д'аракив, сий түвэхэ эмчили. Д'э тарит сий н'ян поробайданиккаал, сувэ ситанакин, бацар, аригтистасчижат, — гунд'эрэн.

Тар амардукин н'ама хулэкэн д'ян бутылкэн мэчиклэвни өксэрэн. Эр Коколдокён, бодоксэл, мэчиккэ бимий дулмактүүни тэмирчэрийвэ копкороюр тэнан. «Хук!» гүнекис, н'илбөктүүни наран, «хук!» гүнекис, хакидуй иэрэн, «хук!» гүнекис, уцискэжий гарадаана кбреттэн. Тарицин дојото тукалаваа илан сахамакту лице-кэрэжэр тиктен. Килийкит төхилдулжэн ичэнэн бичж, наатая си-хачий илан д'ян илан төс-ирийт. Тарилба килжина бойбодончолд'орон эр мит бэйенит, д'окёт-та энэ иксэра ихиксэрап. Конактануур

төхилбән көвактана күхүйкәттән, колкукәнд'и истан. Тар амардукин, өвийимәр этексәл, Д'үйирманд'а д'үкәр д'үлән суруд'урдуктуру. Эр суруксәл, Д'үйирманда'а д'үлән ихиксәл, чбраманда'а д'үни уркәвән кикиркән ийд'әрән. Коколдокбәни бихәмдә ңаладукин вәгәхиннән, ёдук-тә д'оке куңакәнма әлгәне өмувүксе, ахйләви д'ә тикән гүнд'әчб:

— Кіда-кіда, киләд'ий! — Солкомо н'уриктәлкән Солкондор гүнмурй гирків, доровою д'авакал! «Инәүмбәті сирйаваң өн гиркунді?» гүнәкис, — сәмат н'екейшм. Дулин буңа бойунин илан Сибир-сиктірдүн ситетәр гәрбилькән дулин буңа Коколдокбәни гүнмурй өр өмәрән. Эр д'океңән өкөлду ичвәре — илан Сивир-сиктірвән ситетәр гиркури бойуткән бид'иңбән. Ката бى авахайл атамандуләттін сурумй айа гиркичй әдам. Сәт тургәнд'и д'әпти д'евгөвөр астамалчакалду, бойун-бәйе бойундайстыйду тәтті тәтійен беләннәкәлду! Эр гиркунма ионон этексәл, тар амардукин, әмәксәл, өр бәйе наðдавән улгучбәтчиңт, — гүнд'әрән.

Тар амардукин Д'үйирманда'а көргәнни солкомо н'уриктәлкән Солкондор гүнмурй киләвли д'ур бойунма дібүн кирилкән осталби тәрйндүн н'үйтәл халгалкән мәнүмә кираватилдү тәбәвкәнтірән. Тар амардукин мәнин, тулискй йүкес, д'ур акта айаргүвән, д'ур байтахин бастыңмән астамалдәксәл, д'евувкәнд'әрдеңе. Нујартын бихәмдә д'ур бойун мата д'әпти д'евгөвөр д'евуксәл этәрә-дә, гиркунмар гиркуртін өмәрән. Эр д'үчі бәйе тикән гүнә турбәлкән-сәхәлкән әд'аран!

— Кіда-кіда, киләд'ий! — Дулин буңа бойунин илан Сивир-сиктірдүн ситетәр гәрбилькән дулин буңа Коколдокбәни, бى гиркури гиркіндүв гирків бна гиркулдіракис, вәәкин бид'иңбән. Баран лундәвә гиркуд'иңбәс, баран бәйөвә-сбхува ичәд'иңбәс. Бى килавинай наðдав — аյад'акән оскечб Арбаңайкән атіркән д'ур хүркән хутәвби кайчад'ана байланнатын манұтчарй турулудай токкүн, кәргү буңа авахилин атамантын илан кирилкән сөн'иң Сүмүйонд'о тар бәйәлбә байлантын манавракни, мәрвәтиң д'әвдәвий бид'әрән. Тарыл әріксәвәтиң орухуйнәд'ә гиркурив анҗанийив әдан. Екүлдә-дә бойунма өчин тулутта сумут сөн'иң атаман, гүнитте. Тәлә д'үкәр исмій, эттә кәйивра. Тарит сәт тургәнд'и сурумулчоқт, айя бәйөлдин айылвар бәйөлвән бәләткәт, инәүй бәйөлдин инәүйиңжәр бәйөлвән діхуткәт, — гүнд'әрән.

Тар амардукин өр д'ур мата, тулискй йүкесәл, хәгдеңү мата мәңүмә гаханд'а оран, өр Коколдокбән багдарин чивкәчән бран. Тар амардукин айад'акән оскечб Арбаңайкән-атіркән буңдалан айанинай ал куңунайхинд'ара. Нујартын бихәмдә д'апкун түксу д'апкайдүн, Ыәсін түксу тоқтурыйдүн, дәгрій дәктәндәлкәхәл дәйт-кәр биксәл, ңаиевкәнд'әрдәктәрә. Горово-дә, дағава-дә ңәнәнөвөр мәртін-дә вчәл сәра, д'үзәнайжмар бимй тігдәд'ин-н'үн санал, боловбән бимй бәктаң'ин-н'үн санал, туңәрвән бими иманаң'ин-н'үн санал, нәлкіркән бимй ләңтәркәнд'ин-н'үп санал айанинайд'ара-әвит арай.

Нұңартін биксөл удал'иңәтін дб? — исті буңалайтар тар-ләт иста. Эр ихисса, угдаксақар бра-лә л'ур иректәткән угдакса-дүн лашкухинмұра. Д'е әр бид'енәл авахйл атамантиң ән и'еке-д'ерівбін сипкитнал бид'ера. Эр ичәректіш, авахйл атамантиң олус сордб'орон-әвит: йлә-кәт тобра әнә түвкәнә мәнми д'әнти-дукки әнә солойғыра сордб'овкі-әвит. Эр Арбаңайқан-атиркән и'йдәбү омолғын Ділкәнүкән гүнәрі бейе өңежітни мулток бинә әрит-тарит улбичимкәвкій-албахириимкәвкій-әвит. Эр бейе, сәмай бургу актави вәкәс, имүксөвбін ирикес, авахйиңи атамандун д'ә-вувкәнівкій-әвит. Эрә д'евукес, авахй омолғын:

- Эр ёкүндүк бакачинді? — улгумийвкій.
- Тавар албахит бакаңнам, — гүнивкій ге бейе.
- Өн албахириңнанді? — гүнивкій.
- Тавәрә, истәнми лукисә, мүкәммуккі ділачаду илалдаду хиңечиңнәм, тәдук таваргачын умүксе йүвкій, д'е сй-де борәбай-дакал, — гүнивкій Ділкәнүкән.
- Д'е бейе бй и'ан борәбайдад'иңәв, — гүнивкій.
- Ке, борәбайдакал! — гүнивкій ге.

Д'е хәкү иненіждү, н'албән истәнми мучуттікес, ділачәткі тоң-койчод'орон-әвит арай. Д'е әр тоңкожод'орй бейелә Ділкәнүкән гүнәрі мата, ділкән бқсәкән, мүкәммукин дәлайн йкес, ун'анивкій-әвит: уңұл оскәрекин «буд'ән-мәл», гүнне. Тарниңин бихемде урин дәдүн уңұл бқсә, урин утүн'ин-дә сб, кулинин мугд'илікән бқа.

- Эр ёкүр бәнирйтте? — улгумийвкій авахй.
- Д'е тарә итікит итікракис, имүксе бқсә, йүд'иңбін, — гүнивкій әр Ділкәнүкән.

Авахйин туран тарә өләметтій тәд'әвкій-әвит. Итікка гамал-чавкій, мүкәммукки «Пур-пур-пур!» итіківкій. Тар амардукин Діл-кәнүкән мата, ділкән бқсә, н'әкәйб'әнә и'аңн'a омолғын Д'үцир-манда' мата әмәнөвбін унүйд'ин сәд'аран-әвит. Эр сәкәс, д'е әхіле ақйндуләви түксаран. Ақйндуләви йкес, тікбін гүнне турәчій од'а-ран:

— Дінә-дінә, дінекән'ин! Ақин гүнді ақинми, дулин буңа Чиркәркәннән гүнмурй, бй ёкүнма-ла мәдәм! Били и'аңн'a омолғын Д'үцирманда' митпә әрікесөнөт орухуйнәд'ә әмечә, балада, унүйн д'үзімұна әмәттән. Сәт турғәнд'и илан тоқориқталқан ги-дави чавархикал, авахйл атаманнатин сөп'иң Сумујонд'опо күмләнәл гидалд'ивар тікимкәбет. Кейивчәліт-тә митпә мұләнді матта әмечә. Әрікесөнбет син орухуйд'иңбін, сәт турғәнд'и әмәмәл-чекәл, — гүнд'өрән.

Тар амардукин әр бейел, гидалбар чавархинникса, сөп'иң Сумујонд'ово тәрініңд'ин тікчәре. Авахй омолғын овурғу нұңартын гидалбатын хоколмігда дайвахинтран, мәрветтін биче ахак-талајттан. Аїарлас охйқталқан иктетпі кәңихинне-кәңихинне сор-блдош. Н'йдәбү мата, ділкән бқсә, суптран, ақинаңу-мата, киарат-тә әхі күвүлүйда бқсә, кейан әнә суптра, тәду коңул-боско

тірөврән. Тәрә ичәксә, әр *Д'үбірманд*'а дікәңчед'ері иректөнүи, иле мәнин одави уңкурус-қоләхис н'екәксә хәтәкәнд'әнә, ҹарылған тікнәүжчинин бутарийхинчавқанан. Авахі омолгілән ихиксә, иченен — ай бейәвән, умускәй тарадәксә, көңтира-дукин көңид'әрән. Эр *Д'үбірманд*'а тікулнави сөдүн д'ур чавургайдукин сөрө тою д'ануран, д'ур д'ән чараткыйдукин буйукесу сәкә хәкихинчарән. Эр амардукин тікән гүннә турәчىй әд'аран:

— Кіда-кіда, киләд'иң! — Хәргү буңа авахйлн атамантін илан кирілкән сбн'иң Сумүйбнд'о, ноноптін дөмдүн-дә бимі дорово бијүн! Миневе «иргит тәкәлкән-сәксөлкән мата әмәнді?» гүнәкін, — н'айн'a омолгін *Д'үбірманд*'а гүнәрі мата би әмәм. Екүн сөва буруйва әчәл аյад'акәр куңакәрва аңардасті атаңстәд'анді, әмүкінд'и әрәйдәд'әнді? Илан тојурук анџайидү кайчана мұннайнас «әкүнма айд'иңән?» гүннә тавадук тухандәви д'әвүнді? Умускәчін үлдәчі, баран куңичі би әмәм. Кеймі, мине д'әпмій айд'иңәс, эксә кейда дәрес-кү салд'ад'ан? *Д'үкәрә-де* әд'әлвәр кейда әхіл әтәре охос-н'оюй матал бакалдірап бид'иңен. Би синеве вәмій әтәд'иңәв, битәр вәмій әтәд'иңәв! Сй соруяң гәрбіләс горо буңадук әмәм, ичәврій буруйлбас үлдәлкән-сәксөдүкис коталәд'иңәв. Әмвіјет бимі әмәкәл, мучүңат бимі мучүкал! — гүниттән әр бәвә.

Авахі омолгін бихәмде «бәйе турбттен», гүннә әчә-кет ичәхине, бейәнни көңімд'иң көңілд'әрән. Эр *Д'үгірманд*'а: «*Д'орсо* әхічій ән'иң азина», гүнексә, сәннін тәкәмәдүн иктәд'әрән. Авахйун д'ирип н'екәд'әрән. Тар н'екәксә, авахі омолгін тікән гүннә турәчىй—сәхәчій әд'аран:

— Киримәнд'е, киримәнд'е! — Угү буңаду осекәчө н'айн'a омолгін *Д'үгірманд*'а гүнмурій мата мәнді мәнд'иві әмәнді дö? Дөмдүн-дә доровою д'авакал! Миневе «иргит тәкәлкән-сәксөлкән сбіјку букатір бихинді?» гүнекис, хәргү буңаду балдічә авахйл атамантін илан кирілкән Сумүйбнд'о бй биңім. Ай бейәлдукин айакән үлдәчійе, мұхәлкөне гәләктене әмәчөв. Ката ей мәнд'иви әмәнене ёду уруиситәрән! Эр-ті әхіт көңтира-ең үңқтаван, ун'акан-д'иви уріхиникса, мәваимас-хәкимнис хәкухйдүн д'әвүхинд'иңөв, — гүнд'әрән.

Тар амардукин нујартын бихәмде тәрәїкекій бұкталийкән бой-ундәхилда, коңорин улде колтолд'ивар сән сәнмар тәкәмәдүн иктәлдінәл күхйад'екетте. Колтолатын иңитін н'айн'aлй доргүйілдан, тіңиәкитін иңин дундәлә н'иргийлден. Маја дундәдү хәң-әкәлвәр бадарәннәнал, дүйү дундәдү әрчәкәлвәр бадарәннәнал, н'әликин мәва н'илбураңар, бучукни мәба бугдаражар ийәдәкта-метнәл бойундәсчара-әвит арай. Эр буңаду кира бәйіввә бутуншу кийдәра, хәгдије бәйіввә хуңтул буңалдул хәтәкәнмүккән, улу-кйл улгәхәлтін урвадулы, биралдул үңқулбуре, мундуқән, гүкіт бәйіввәл мойәлжыкән хәтәкәнне, әхә-бәйіввә ләпнәлжыкән хәтәкәнне, ана-мул-төкіл алчалыкән умутогихине. Эр буңаду хәгдије бойын бейә ачин бивкі-әвит, нујартын-иңиң д'укре сбіјкул туvestө. Тарит

көлорйдү коловурдяа ёчин ороскотиа бд'ара, ичәрйдү әхى сатана ёдәнмә иливра, уд'аксә, әхى боконмура суксакаа бра. Нуңартин әрчимдүтін әру бүмүтә бейә әче тулуйда, мөва бими буказын мойоюнмуканы, балдір чукава бутунну кагдаритта, оскәр сөхүвә мучүвкана, балдір қујаканна маңыммаймукара. Эр бейәл күхйләнетин илан бёңа йәзин-д'ан долбоний иҗитчи д'алуптан, тар устадүн әнәл токторо күхйд'әре-әвит. Авгү-дә әнәл молтәре л'урсу сöt ивәңирнәл күхйлә. Таду сбўур суксака бран, барадан. Нуңартын иҗитин илан Сивирдү бутуннудүн дöлдівран, хәргү буза атамартын кантайнал ичәчивкйл бра, уңу буза бойухалтін н'әңйтнәл ичәчивкйл бра, «дöлдірйл бичбл бихиктиң, нүвриду әләкин бран», гүннәл, әмәнәл-әмәнәл, түрән дöлдіврын дундәлә әр дағаманжатпар кейән әхи йрә. Эр сидиләдүн н'үңүн бёңа долбоний д'алупраң, әр устадүн мултәд'иңдүк әреңемә әңәхйлә, әр бойухал әкүнма-дә әд'әлә сулара.

Әр суксакаа дöлдіксә, убү бүзадү балдічә горо буза кулован, улү گрат кинжин, әвәңкй ирактаңин, әмәкса, нуңардуктын айа түрәнд'иви алтатна нувчад'аран:

— Чахыр-чахыр, чахырмой! Убү буза бойунин н'аң'a омолгын Д'үйирманд'a гүнмурй маты, доңдоли доровоjo д'авакал! Нононти дорово бициң, амаргүптиң улгур бициң! Минәнә «иргйт тәкәлкен-сәксөлкөн маты әмәнді?» гүнекис, — угу бүзадү балдічә горо буза кулован, улү گрат кинжин, әвәңкй ирактаңин бй әдам. «Екүн наададү әмәнді?» гүнекис, — сундулб соруян улгучамбимдек әмәм. Токтокол-болгойкол, улгурвәв дöлдікал! Эр аваҳи атаманн'үниң д'үр сбўук, бакалдіксәл, н'үңүн д'ан долбонидү әнәл токторо күхйрәс. Эр бүзадү аксанин әхى сабра суксака бран, д'ә тарит бй түрәнмәв дöлдікалду! Эхикис дöлдіра әр тукала-буза ичин әтән дәгдәре. Нуңан тікүлдакин, ёмай-кат уха бидиң. Суксанавар буруйбар мәрдүн әтес дәгдәре. Д'ә тарит ёмай-кат әткәлду, — гүнд'әрән.

Әр амардукин бойундассарыл бейәл «бейә түрәттән», гүннәл «әй-дә», әчбл гүне, «сбўу түрәттән», гүннә «хәй-дә» әчбл гүне, д'орсо тікүлда, д'орсо әңәхйлә.

Тар амардукин н'ан умун ахаткән-кујакан түрәлкөн бд'аран:

— Д'әләбәй-д'әләбәй! — Убү буза бойунин н'аң'a омолгын Д'үйирманд'a, хәргү буза бойунин илан кирилкән сөн'иј Сумуй-онда', токтоколду-болгойколду, доровоjo д'авакалду! Минәнә «иргйт тәкәлкби-сәксөлкби ахаткән әмәнді?» гүнекесүн, — длача хунәд'ин томкодікән үд'ачи әвәнді килдама н'уриктәлкүн Киләд'иң-киливлиткән әдам. «Екүн кихалгадүн әр бүзали әмәнді?» гүнекесүн, — суневе нувчадәй әмәчбәв, «дöлдід'иңатин», гүннә. Мәрдүн-дә сәкалду горо буза кулован, көрат кинжин, әвәңкй ирактаңин ахин бијнәм. Тарит би-дә бй түрәнмәв дöлдіраксүн, сатанд'ијан. Эмай дöлдіра, әрвийхүн мәрдүн саспахун сарбийд'ијан, үйеввекун урумурд'ијан, оскәр сбўххүн мучуд'ијан балдір хутехун бу-чувд'ијан. Токтоколду-болгойколду! Бй түрәндув ахикесүн дöл-

діра, ділачә хәгдеңү хунәд'ин Симәксин атіркән әмәд'иңен. Ӯн буруйдәріви д'ә мәнин сәран. Әмәмі, иујан буруйдәракин, бى турәндүв өнөвөр дәлдіра, сотору көмсінд'ијхүн, — гүнд'әрән.

Әр бәйәл д'ә букатін тікүлда. Солочил бичәл биміл нувчаңал бәйәл ойолбітін тікіншіл бичәл. Мәртін тәрәј сәңку бойухал ба-каладіксәл, мәң мәннімәр астасстыдұвар әксәл әмәни мурә. Әр нувча-чәл бәйәл: «Ед'акалду-да!» — гүнә-дб, иларәкән колеҳийкесәл, д'үр гаха әксәл, киіблаләнчад'ахина.

Тар амардукин әр бәйәл илан бәңа долбонидүи иіниччи әнәл токторо йәбин д'аллададу күхід'әрә. Тар амарлән д'ә били ділачә хәгдеңү хунәд'ин Симәксин-атіркән, чөлкө и'үриктөлкөн сағді атіркән ләгәләбінчөнә әмәрен. Даңалатын ихиксә, чөкчөкөн ойодүн таңерән, тікбін гүннә турғай бд'аран:

— Н'имидаңыркоб-н'имидаңыркоб! — Хәргү буза бойунин сәң'иң Сумыңонд'о, уңү буза бойунин и'аңи'а омолғын Д'үзирманд'а, до-ровойо давакалду! Бій түні турәндүків умүқбінмо үйдекелду, д'ан турәндүків түнінави толкуйданкалду, ахұн-да сәңкул бойу-хал биміл өңежійвәр әкеалду тиссимбтә. Д'үрдук гә, сәб-дә әксәл, әр йәбин д'ан долбонидү бнавар ороскотпа син этес д'алувера. Д'үр мәннімәр д'уләввәр әкеалду хәгдіңбдү нәрә, илан Сибир-сиктір-дүн балдарі мәба-чукава, иргири хутәве, оскетті сәхүве мұлда-калду! Сү әрчимдүхун барән суксака бран, ңұлумухін мәрдүхун сома ургәлд'иңен. Әр кордохұвәв әхисун илина, бү суксанахун дунденіңүндүн умүн әксә, вр суксанавар көмсінділ'ихун буруй-дәд'иңәвүн. Әнәл-да дәлдіра коловурдәкалду! «Ева гүнчен?» гүнд'әс, миндук әдәвәр коргутта, мәрдукпәр коргуттавар, — гүн-д'әрән.

«Бәйә турәттән», гүннәл «әї!» вчә гүнә, сәхү турәттән гүннәл «Хәй-дә!» вчәл гүнә күхінөзечинмәр сәңур күхід'әрә. Нујартін бихемде әкін-да әхімәтпәр оскуйда тікүлчәл. Ӯн-да нувчачалтін өлчәл дәлдіра, үйдү-да өлчәл кейнівра. Әра ичексә, Симәксин-атіркән: «Нујартатын кейдіва бакариду әләкін оча, таваргачын нујартін діліна-халгана әчин сурумй илан Сибир-сиктірдүн әва-дә әңетіл сұлара бда», гүннә дунде ичидүн тікбін гүннә иччилик турәнмій уңд'әрән-әвит:

— Н'имидаңыркоб-н'имидаңыркоб! — Дулин буза иччин йдү-йдү биркәс? Би иччилик турәнмәв иргәләви иктеңд'әкәл, дәләви дәл-дікал, сәндуви сиадікал! Илан Сибир-сиктірин суксакан сома ба-рән бран, әкүн-да өңестін дәгдерә ңұлумухівден бра. «Әр әкүн суксакан бран?» гүнәкис, — «әр тәмтергәнме цүй, әмексебкән, ул-гүрікән улгүрнінді?» гүнәкис, — ділача хунәд'ин Симәксин-атіркән биңнәм. Нујартатын арахинай айа турәнд'иви алтажитмій ухбм-дб вчәл дәлдіра. Тарит арай дундәр ән'и иччин, мәнд'иңи ғий-вөл сиңжинникә, нујартатын д'улләрдүн әләкін бран. Балдарі куңа-кәйма майоңонмуқаны, оскөрій сәхүве көзиннәрде, балдарі чукава-мәва кагдаритта, әнүнділ куңактар әхинә, бутбек сағділ буде. Әр-бви суксака ёмай-кат ичәмій сатанді бран. Тарит дунде иччин,

мәнді мәнд'ивій әкса, дулин буғавій йілі-вәл төхбксә, тохуїкал! Нуңарватін дәдүви д'авакал, мәнді дәдүви д'е ичәкел! Буруйватіп бій нұн'ид'иңб: бойындахилнатін тоңурук анијаній әран, тар устадұн әнел токторо күхіре. Тәду әнел тулуйда барән оросқоттіңрән. Тарит илан тоңурук анијанійдұ си д'авакал! «Айидук ці әр оросқотпа әран?» гүнәкис, и'аңн'а омолған Д'угирманда гүнәрій әран, тарит нұңаманнан нәрідүй әлекин. Бейзеве діхүчикес, әңәжін-н'үн әрчимун әр сұксакадұ оросқоттаннан бихід'ин әмәрі-сурурій, дәгрій дәктіләкен, хуктірій халгалқан, сөхудукин ураң-кайлан ихираңар әмәнәл-сурунул д'әвгөвә д'әпкіт дундәнітін, діңн қирилқан багдарин мәнүн остал әксақан, илан анијаній устадұн тәбәттәкін, нұңан әнан оросқотін тәду д'алупчијан, ёкун дурукин иргивд'иңн, илан анијаній устадұн оске д'иңн, мәннин айат дәрүмкід'иңн.

Турулуда тәкун, хәргү буға авахайн илан қирилқан сән'иң Сумуңонд'о хәргү буғадуви әкін балдіран-да ай бейзебен аյардасті атағастаңа, инәңж бейзебен көлтеччи тірбна, ёкун-да д'үгүйе әчин ңблумухіві әран. Эхйткәпти-дә күхіндүви илан Сивирдук баранма сұксаран. «Тар чабидәлін Йәбін д'ан Йәбін бука-тірва д'әпчәв», гүнне мәннин кихиргәттән. Аյардас бейзен тарбә әңделан кира әхій сәвра сұксакава әнан ахұн бихідүн әлекін! Тарит нұңан, Йәбін тобурук анијанійдұ ѫлдаңкій мұгдәкен әксақан, илитчаңын! Эмәрі-сурурій, дәгрій-хуктірій — дурукин амұптінин-чикептінин әкса, иличиңн! Ылдаңкій мұгдәкен, тәкендүлін тоғо кигд'икакса томодікәндүк тулуйна илитчаңарап, таргачин иличиңн! Тарә әкөлду сұлдулайра — ңблумухіві әнә борбастара буд'иңн—мұнда д'иңн. Йәбін анијаній д'алупракин, аյардас хориалдин-н'үн д'аланд'ин, сұму-н'үн тараҳад'ин үндәвәт. Мәннин ёкунма кейімй бейз әбін, әми, әңн, — гүнд'әрән.

Әр Симәксин-атіркән, тікә гүникес, узұ бујаткәківи, багдарин дәбйткән әкса, кирабаланд'ахинаң. Бойындашар бейзел әна-да әнел д'улләрә тиқұлнавар бихемде мән мәннімер үлдеңкен сәкседүкпәр көталаңтнал ѫдук-тә ивеңінекіт-әрчимнәкіт, д'е айат тенийнел, д'е букатін әрдійкесәл, буқталдікән иктөлдід'әре.

Әр и'екәд'әрәктін дулин буға умықәнәп агдіңачин и'ириш-хинчәрән, қабылғаныңачин доргүйдан, колоруккачин күңүнәран, дулықкәліви дәлпәрәбәр сурурин. Әр болуҳал қалтака ңалан'үнтиң дәрәлтиң қалтакан—н'үн дундедүк тохочалда. Тәду нұңаңтын дунда хирихиктәдүн «лапкувдап», гүнне әнел кихана, қалтака ңалалд'ивар дәрәлбәр қалтакаван колтуматнал-охыматнал, човоктотын күхід'әрә-ввит арай. Әр и'екәд'әрәктін дундедүк лапкувуксәл, д'е букатін кихийкесәл, аварнал-аварнал күхід'әрәктін, тиңиләкітін бимій төвииңблайтиң әхій кәдәлд'ийимкәре, хәкихинчблайтиң әхій онқургара ѫдук-кат айа китетә дунда әхинчаран. Дундәнітін бичб д'е ѫдук-кат айа әхинчаран, д'е тәду д'е айат күхілде, д'е айат әрдійде, «тарбаккар сәксөвөн д'е таргатірдакпұт, тиңилеккөр сәксөвөн д'е тәнитірдәкпұт, ёкун айан дундан әмәр-

дэйжий», — гүннэл д’э айат кухйлд’эрэ. Тар н’өкэд’энэл ён-дэ бнавар өчөл сэра — умуутеяна хактирах буџал тикрэ. Ний үйвэ-кэт санаа өчө бурастлэгта-кат, ёра-кат. Эр бэйзэл йий-кэт өмөртгийн сууритгын өхин сэвэр.

Эр амардукин били мит бэйсэжит илан Сибирд ситетий гэрбиль-кэн дулин буџа Коколдоконин били сипкитчакки дундэдүк Д’үүрийнманд’ави буцатгайин багдарин чивкачан бран-дэ уйсиский хуркуд’ухинэн. Эркэн-дэ, таркэн-дэ үнөөвкөнний-н’ун үнөөвкөнд’эрдэгээ — горо-дэ буцава өмөчэл бичэл-эвйт. Эр бэйтэгэн: «Бий бацас, так-дэ бодоксб, тэж хуклэм», гүннэ-гүннэ, гирамдалкэн сумун н’умукаланна-н’умукаланна айанид’ардаца. Нууцан бихэмдэ удавд’ижан бара дэ? Д’үүрийнманд’а бойун оскэд’жэж буџан бкин-дэ өчийн хокоргоро чутурийн чукалкай буџан чурйтгай ичэвудлэн. Эр буџа ичэвулд’эрэкин, турэн-сэхэн дэлдэвд’аран-эвйт. Эрэ чуңус н’өкөксө, эр бэйзэ бихэмдэ дэлчүд’аран, эр дэлдэнан тикэн гүнд’эрэн:

— Герб-герб, гербканин! — Союомб-сорулахи, тикүн’ё-вал биргэлб! Хөргү буџа авахин атаманин дэчин кирилкэн Сэвэйэнд’ё, өмүкин бид’эрэкив өмөксө, сордбд’орийн ичэрэс, эвлэлдүн? Билидэ бэйсэкүмэл бэйзэл кайатин-дэ өлчэл өмөре бблла, горб-горб, горовон’ун! Эр минээвэ илан саллакай ирбктэдү кайчалнан умүн бэйзэ долбоний ибиччи д’алупран. Били бэйзэл д’урдук гё-вал, иччилэг турэммэв дэлдэгээл, орухуйивкийл бихиктэн, ахүн бимчэ! Онэй-тунуй союомб сорив, тикүн’ё биргэв! — гунд’эрэн.

Тар амардукин дулин буџа Коколдоконин: «Д’э бий өхйтэн ихиксэкэн, д’э коловурдасти бэйзэ брдацим», — гүннэ сомат утакса, айанид’аран-эвйт арай. Багдарин дэвжиткэн ёкса, кийинэктна-кириллэктна илардакай перийхинэн, илан нулгий тохурумчэлкэн алтама блак эвгү мудандуйн копкай дэхинчаран. Илардакай ункуруст-таралис н’өкөрэн, Коколдокон илэ мөнин бхинчаран-дэ тикэн гүннэ туречий-сэхэчий бд’аран:

— Кийгир-кийгир, кингирмой! — Хөргү буџа авахийлин атамантий дэчин кирилкэн Сэвэйэнд’ё, дојдолима доровою д’авакал! Минээвэ «иргит тэвэлкэн-сэксэвэлкэн мата өмэндэ?» гүнэхис, дулин буџа Иркисмэнд’ин амилкай, Куккумачан-килийлийн’илкэн, илан Сивир-сиктэрдүн ситетий гэрбилькэн дулин буџа Коколдоконин, айн булатгайрийн бий бицнэм. Тэрэндүй бакаксай, тарбакки сэксэвэйн энэ таргатта, тицилэгки сэксэвэйн сите энэ тэниттэ, илан Сибир-сиктэрээн ситетий көрийнэ гиркуд’арий мата бий өмөм. Сумуви өлчэ кёйда бахикис, сониј сумувэс сунчайрий мататкай бий өмөм. Тавар ахаткай-куяцакайма, илитна чикэндэ ёкса, ама би өтбидэ кёйдэ? «Со биктэ» гүннэ кайчад’андэ дэ? Едү тикун’ятаран, тикүн’ё-дэлбэн’ё биргэв! Бий бицхэхдүв ахийн’ун бойундэссижээ дэ? Бойунда-скайт блаклай өмөмчэхээл! Вэмтэгэл бимийл, бэмтэгэчээл, д’эп-мэттэл бимийл, д’эпмэттэлчээбэл! Сот тургэнд’и өмөксө, блак чабу мудандуй илмалчакал! Би мэчиккэв амьтапни төвэхээл! — гунд’эрэн.

Тар амардукин чайы бейе, діжин кирілкән Сөвөйінд'е, Коколдокбінно ичекинен: «Ха—ха—хок!» гүннө ин'эрән, тар амардукин тікән гүннө турәчі-сөхөчі бд'аран:

— Киримәнд'е, киримәнд'е. — О, татай! О, татай! Тавар-да бике турәнин ёду-ёду човбатарап! Бій дәтек байеве утарі ичетчәне өр турәтчәрівөн аваған ичарес, өчелдүн? Бәйи, өхйткән би, ихиксә, ичәдөвәс ичәд'иңөв! «Умүн-до иктәдүви тәтувл'иңөви, өхим гүнө «сей-дә мәчикис ёкүн сөн бид'өн? Гарадамкәкал дағанай. Ката мәнмөс мәчикид'ис н'амчураңар гарадад'иңәв», — гүннө-гүннө әмәрән-дә болжак чайы мудандүн илдан.

Тар амардукин били мит бәйәңит кинниви Д'уцирманда мәчиккән, н'ама д'ан бутілкән чубұма мәчиккөр копкоројор тәнанда: «Амјатпі тәвәкәл!» гүнчөв-дә, «амјатпі тәвәкәл!» — гүннө-гүннө гарадад'ардаңа. Мәчик ағдізачин н'иргүйн, өзілгапанячин доргүйна сурурун. Койгб сөләлгәчинин иктәнд'блд'иви авахй буқатрии лапқан тәвәкәбрөн амјатпі, «хә-хә-хәк!» — гүнән. Тікән турәчі бд'аран:

— Киримәнд'е-киримәнд'е. — Дулин буза Коколдокбінин, си мәчикис ёду-ёду ән'умтәрән, сөнәс ёду әчинтәрап! Кө, би-көнә си-нәвә гарадәкта, миннәчин амјатпі тәвәкәл, тәд'е сөвас сәдәв! — гүнд'әрән-әвит арай.

Мит бәйәңит, өрә дәлдікса, тікән гүннө турәчі бд'ардаңа:

— Күңгир-күңгир, күңгирмб! Тавар мәчикке тәвәкес, «әтәм», гүннінді дә? Эдук хүнту умүн әвін бихин, д'ур д'апкун өвәтілкән алаңдип гарпамкәкта. Тадук адағамй, тәд'е сөйкү мата бид'иңес. Гаду биханмй, си н'ан мәчикилкән алаңдип сирбт ңәнәдә-дәби.

Инәнжәвә ичекинчәдүккі аргистанді гирків, д'ур д'апкун өвәтілкән алаңд'ав, иччиләк турәнмөв иргәләви иктәвкәл, дәләви дәлдікал, сәндүви силдікал! Бій илан Сивир-сиктірвөн ситетір гиркуна д'ур халгалкәнма әнә сүптівра, тијәлкәндүк әнә тіктө, д'алалкәндүк әнә судурде гиркукса, д'ува төрнікес, сөхүве иргирий, хутеве вәлдіврі ийакилкән бихикив, чугундук-тә әкел чугуйда, иңадук-тә әкел тәйде, авахй атаманитиң ёкүн-мал мұхәйән тонюоројор ңәнәкәл! — гүнд'әрән.

Тікән гүникес, чайы сәмактүви тәникес, күрүгүчонин урвхин-чәрән, чимиткіткәнин чипчихинчаран, бәрин иции сатарийдан, н'урин күкүнәхинчаран. Тар д'уләдүн авахи омолғын ёкундук-та баканаван ңү-дә өчө сәра — чубұма уре чайыдашылап тікчя. Эр бәй-еткән н'урин чуңундук өчө чуңууда, иңадук өчө тәйде, авахи хә-мәдүн чубұма урөвө чолпоројор суруа'урүн. Авахи омолғын тарә ичекес, адағад'аракин, өрхүйнә әмексө, хәнијәнмөн дәл-пәреңер наран. «О, татат!» — гүникес, тікән гүннө турәчі бд'аран:

— Киримәнд'е-киримәнд'е! — Энб-вән'ун әнб, гирамо-вән'ун гирамб! Эр дулин буза бойунин Коколдокбін күвулгат, олихин-дә олихин били хәргү буза авахи атаманмән, би ақйымав Сәләргүн

Сөнөйбид'евө вәлтача, гүнијкитин. Эр-ке, өр-ке йлй н'урин өмәксб, карен мулаң'е хәнијенмөв дәлпәлірән? Тікүн'е-вал биргәв, союомб-вал сориб! Сатар бейе д'алдун гирамдатпи-бү хәгдијекби, хан'ачи бимй, н'өкәд'ецин, сөңкирбұдук өхй ичевре бине, өкүд-да буқатірдуң иччилаң әңажай бойын-евит! Тар-да бичәлини әнә әзин д'үхун бра иле мәнд'иви өмәксө! Иле мәнд'иви кейдакис, мән-дус-та астик бид'ијен, минду-да астик бид'ијен.

Эр Коколдокби ин'емүннәнекән авахитқәкви түксана бойбо-лончорон. Әмәрен-да сөнин тәкәмәдүн колторон. Авахай сордок иларәкән пәріхинчәрән. Тар амардукин тәрәйкәк буқталым иктелдінел күхйәл'әкәтте-да. Мит бейеңит авахай омолгыйан бу-катин олгоқин дундаға дайбәвчад'аран. Авахай омолгийн сордок «мит бейеңиет үйсікі адабаран», гүнчәнен, хәргід'ин өмәксб, хәкихинйттен, «хәргискі адабаран», гүнчәнен — үйілә әттан, «ан-ңидәлә әттан», гүнчәнен, — д'әзинијид'ин өмәксб, иктәттән. «Д'ә-зинтиқій бран», гүнчәнен — анијид'ин өмәксб, иктәттән. Коколдо-кби гүнмурей бойукан ахунчара-кат өнә авахай омолгыйан иктерік-ләви ёдәтчәрән, хәкихинндікәвви көвиретчәрән. Авахай омолгийн өміже кәңтірән тійәлдән, լәнум д'алин урумұлдән, будәрінин инә-ңайин өмәрен. Тарба н'өкәксб тәрәвеквид'ијен дә — дојото ту-калава надан сахамакту ливгәрәжәр гарадаран. Даңын үәла д'әй-әчі котокбонд'иви кавказан коңдороң тәнан.

Авахай омолгийн тікән гүнә түрбәчій әд'аран:

— Киримәнд'е-киримәнд'е! — Соңомо-вол сорулби! Ңи, буқсб, арикса, буді ухаван сәд'ан? Будітін-да сәд'да урге бивкій-евит. Дулин буңа Коколдокбии, әхиткен коңула-боско хұләптәнмөв хувқатта, колумтанимав уркүкәтна так боско атаңтанді! Тар-да бичәлини миңәве иларәкән вәмй, «вәм», гүнәбви. Омолгичан хутес лукикәнд'и әвід'әрәкин, хунат хутес киптийичи әд'аракин өмә-д'ијәв, тәдү айат күхйәд'ијәт, «кейим», гүнә өкөл сәкката. Бу-ралия бурасті биңиң! — гүнд'әрән.

Эр Коколдокон бихәмде авахай атаманмән сәлемә гирамдаған үңү буңа д'олуғин итәқастун д'аристәрдаңа, мухән гирамдаған мора урускалин итәқестүн умйвқачирдаңа. Эр амардукин, били д'учыл бейеңйалдуләви өмәксб, тікән гүнә түрбәч-сәхәчій әд'аран:

Киңгир-киңгир, киңгирмой! — Солкомо н'урителкән Сол-кондор-киливлі, уркәви нікес, доровою д'авакал! Ноноптин до-рово биңин, амаргүлтін улгур биңин! Минәве «иргйт тәкәлкеби-саксақан мата өмәнді?» гүнекис, — илан Сивир-сиктірдүн ситетір гарбілкән дулин буңа бойынин Коколдокби, гүнә, өмәм. «Н'аң'а омолгийн Д'угирманда он гиркуд'аран?» гүнекис, — авахайл ата-ман'иүнтін, бойындахис, авгу-да әнәл кейилдіра илан анијанду дундаға иччиудун тәймұксал, өмәнмурә. Д'угирманда-буқатір әдук д'ур анијандай өмәд'ијән, би, тардалын буқаләви н'өкәйекс өмәм-чәв. Эду ёқунма-да н'өкәрів әчин, тарит бойын бейе д'аптін д'аңғайә бөләннекәл, умиә әвәттәниксб, буқаләві џөнекте, — гүн-д'әрән.

Тар амардукин д'үчй ахй, уркэви нйкес, йурэн-да Коколдо-
кбомо, юлладукин өлгөхиникес, йврән, били багдарин мөңүн
остолби даңадүн тәһеврән. Мәнии, тулисий йүкес, умүн сыймавчә
актави вакса, астамалдәран, осталби тәникес, орохолбюн. Эр
бүйәткән өмөчб бейе бихид'ин д'өпті д'өнгөви д'өвд'өрән әвәтте-
д'әрән.

Эр амардукин өргйт-таргйт коңорир туксул койунд'ара, баг-
дарир туксул барад'ара, хуларир туксул хүктіктәлде, ичәхин-
д'ицб өвгидблйн өдін-әдін өмәрән, тигдә-тигдә тикилдән, имана
бою дәбдәран, коллорук бою тіктән, агді н'иргайдан, чаңылган
чаңылайдан. Эр өмекес, илтәнен, эр амардукин ирас н'аң'а бран.
«Д'е ёкүн ордашай?» гүнә Коколдокбн бойун тулисий йумәлчә-
реи. Хәргү бузаңыт, ділачә йіктійд'ин д'үр-д'үр бинәл, д'үр
авахй бойунин өмәд'өре-әвит арай. Эр өмәд'өнәл тікән гүнә
турәчй-сәхәчй өд'ардаңа д'улгү бейе:

— Лавир-лавир, лавирдә! — Угү буза бойунин н'аң'а омолгын
Д'үгирманд'а, уркэви нйкес, доңдолима доровою д'авакал! Мү-
нәвә «иргйт тәкәлкән-сәксәлкән мататқар өмәрәс?» гүнәкис, —
«хәргү буза авахилин биңнәрәв». Бى мәнии гәрбий илан д'ан
илан дарикталкән пороволәкама н'уриткәлкән Д'әң-Баба гүнүмүрү
биңнәм, нәкүнми гәрбий болықадин бәкталии дунделу-буңаду
балдічә Бурун'укбн-букатир гүнүмүрү өдан. «Екүн киләвинаи
кихалгадү, д'аләвинаи наңадү өмәрәс?» гүнәкис, — си хунар'ис
томкодикән үд'ачи өвәнді Иймекбн-киливлива гадимаду ғанйрав.
Бүрәксун-кәт гаттав, ая-гү әйет бүттәс, уха-гү әйет бүттәс?
Би автүдүн-кат бихим, д'албй сб тургенд'и түлдүлкән түрәткәл,
улгуткән улгуркөл, — гүнд'әрән.

Әрә долдікес, әхит д'үчй ахй, йүкес, тікән гүнә турәчй-сәхәчй
өд'ардаң:

— Дәгрй-дәгрй, дәгрймой! — Хәргү буза авахилин, доровою
д'авакалду! Минә «иргйт тәкәлкән-сәксәлкән ахаткән-нуңақади
бихинді?» гүнәксүн, — соқомо н'уриткәлкән Солкондор гүнүмүрү
биңнәм. Н'аң'а омолгин Д'үгирманд'а ахйн бичев. Илан д'ан
илан дарикталкән н'уриткәлкән Д'әң-Баба, би бәйеңмәв иду
н'әкәвекбнекес, өмәнді? Си аймакиади, айданма өкса, бәйеңиүй
сәмүйкес, бид'әм. Д'орсо хүнәтпа гадәни өмәнді дә? Ая әйет
бид'иңдук, улор улдәтпи, илликин өркесетий, ая ёхатин ичәрйви
илтәнекес, бид'әм. Тікунә-тәлбенә, биргәнд'өв биләп! Илан Си-
вир-сиктірдүн ситети гәрбилькән дулин буза бойунин Коколдокон
куттәтів, ир ахүн бичес? Нуңарн'үнти илдімкөкөл, — гүнд'әрән.

Эр мит бәйеңит дулин буза Коколдокбнин, өрә долдікес,
бид'әд'иңбн? Ордак сәксән олуклән өмәрән, катай сәксән кав-
калән өмәрән, охок сәксән урлбн тікрән, корсун сәксән колтол-
дулән истан, д'үр чавургайдукин сәре-тою д'анүхинчаран, д'ан
чараткйдукин буйуксу сәксө усилхинчверән! Эр амардукин ава-
хилба утари туксана бойболбнчорон. Бойундахивун болакл
истан-дә тікән гүнә турәчй-сәхәчй өд'аран:

— Кингир-кингир, кингирмой! — Хөргү буџа авахйлии атамантий, ионоптий дорово бибин, амаргүйтгүй улгур бибин! Минэвэ «иргйт тэкэлкэн-сэксэлкэн мата өданди?» гүнэксун, — дулин буџа Иркисмэн амилкэн, Куккумачийн-килийви өн'йлкэн, илан Сивирдүүситэрий гэрбилькэн дулин буџа Коколдокбнин өдам. Кулд'ун кувулгат, д'йкэй д'ивилгэт Дөвж-Баба, д'е сий билир ёкуима бнави санди. Д'е д'ур өхадүү д'е ичэвүндэ. Нийвэ-дэх хуятуву экэл ичэрэй Мит д'үкрэ д'е мөртэ бакалдирдакпут. Бий айнмав тоёо-кобмо өхалкэн Чавилганма ёкүн буруйба бнадүн муяначас? Тара бокончуряв д'е бран! Эхит ёма эвийнд и ионон бакалдид'ап: Мечикийгүй төвэскэтчэп? Алаауд'и-гүй нанайкэтчап? Ионокийдук-куйонорийн улдэ колтолд'ивар коловурдахилд'ап? Бий дуруктуун бэлэм бихим. «Мечикий», гүнэксис — гарадарийв сэйт дајат бихин, «алајат», гүнэксис — тэлбэнмүксочим, «коюнорийн улдэ колтот», гүнэксис — колтуликсочим! Мэндэ сакал, — гунд'эрэн.

Тикэн гүнексэй, өр бэйэткэн бойундаживүү болактүү усийтана бойбокэд'аран. Эрэ дэлдэксэй, Дөвж-Баба тикэн гүнэ турчий-сэхэчий өд'ардаа:

— Лавир-лавир, лавирд! Дулин буџа Иркисмэн амилкэн, Куккумачийн-килийви өн'йлкэн, илан Сивир-сиктэрдүүн ситэримэ гэрбилькэн Коколдокбн кувулгат, йийг н'ян вр буџалы исчан! Бурун'и-ук-букатир, нэкүн гундэ нэкүнми, д'е сойжу бэйб түвэстэн бадаа, сэрнкэл-мандуйкаал, бэлэкэнэ бикэл! Бий суракин ухаракин иладирдүүс сөнөвий сачанаа бикэл! Бий дулин буџа Коколдокбн'и-унин коюнорийн улдэ колтолд'иви коловурдахимкакта. Будэрийн ишнийгив эмэрэкин, иччилэг турэнгий өднүүдэй унд'иңэв, эрйксэвэв орухуйдэви, — гунд'эрэн.

Тар амардукин Коколдокбн гүнмурй бойундулаа, охйкталби чөвөлий бэлэннэксэй, амжийн ирд'ахбкин аяжсаа, туссад'аран-эвийт арай. Эр эмэрэн-дэх охйкталкан иктэтий тикчэрэн. Эр бэйэткэн буказин олгокин дундажаа чаварийчана сор боховдн сордолдсон. Охйктатши иктэрэкин, куранакка дайбатисэй, охйкталбай д'олодулаа хоколмийгда иктүвчэрэн. Иктэтий тикчэрэн, оннугдажи бүкэс, ихэйцэлбэ көнжийчэрэн. Эр бэйэткэн хөргиский адаацаран», гүннэн — уүсийский адаацана, «үүсийский адаацаран», гүннэн, — хөргиский адаацана, анижиник иктэрэкин, д'өзүнчидээлэх оттан, д'өзүнтийг бран», гүнчнэн, анижидээлэх оттан. Эр Коколдокбн билир-билиргидук атирчай Дөвж-Бабава ахунчара-кат виэ өдү-таду хөнжүктэлүүчнэ, өдү-таду орондивчана, муяналд'акттани-эвийт арай. Эрйксэвэн тиссөмэйтгий ахунцаа-дэх виэтий бина били «ионон буруйчий бичэн», гүнэ оцкай букусэктэнд'ин он'йкайнман өд'аран, йре сёктакэнд'ин сигдэвэн гивгууд'аран, сэлемэх н'ирйлий тохиинтэлжнэтийн идакад'аран. Тар амардукин Дөвж-Баба тикэн гүнэ турчий-сэхэчий өд'аран:

— Лавир-лавир, лавирд! — Союомб-вал сорусли, тикүн'э-вал биргэлбэ билдэв! Эр уйядуви тикэн кэйнвд'иңэв» өчэв гүнчэрэ. Дулин буџаду бойун-бенэ балдивий-дэх-эвийт! Сатар умнэ-дэх энэ,

иктөкөсб, навкана өр бурдаюм, ёдү-ёду комолтолоқторон! Бурун'иук-букатир, нәкүн гунді нәкүнми, ир он бичес? Эйкесөвө орухуйкөл, сөт турғенди әмекөл! — гунд'өрән.

Түрәчикес, түрәниң доргонин әд'әлли сәмде, дулин буза Коколдокбнин чабы бәйе әмәриң д'уләдүи, кайахак дојото тукалава илан сахамәктү ливгерәгәр гарадәкса, кавкази каркән тәнд'аран. Бурун'иук-букатир «орухуйкте», гүнә әмәнән, д'өңә-Бабан д'ард'аман-н'үн әмукин дардалад'аран. Эрэ ичекес, Бурун'иук-букатир бойуна ичәмдәк чопәлмигде ичәхинәд'өрән. Дулин буза Коколдокбнин, нуңан бихәмде, бойундәхивун бблак чабы мудандүн илитчаран. Эр илитчана тикени гүнә түрәчий-сәхәчий әд'арда:

— Кингир-кингир кингирмай! — Хәргү буза авахын, боликадиң бокталкән буғаду балдича Бурун'иук-букатир, ноноптиң дорово бибин, амаргүптиң улгур бибин! Минәвә «иргйт тәкелкән-сәксөлкән мататкән әмәнді?» гүнәкис, — дулин буза Иркисмән амайлән, Гәван-этіркен хундайин Күккүмачан-киливли өн'илкән, илан Сивир-сиктірдүн ситетірмә гәрбилкән дулин буза Коколдокбнин биңнәм. Ема идәтпәр бакалдіап: мәчикіз-гү тәвәсчәп, алаңалд'и-гү наимайкәсчап, коңорин улде колтотпор-гү коловурдәсчап? Эмәјет бимй, әмәкөл, суруңот бимй—сурукул, бй дуруктүн бихим, — гунд'өрән?

Чабу бәйе тикени гүнә түрәчий сәхәчий әд'аран:

— Гүнжир-туңир, гүңир! — Дулин буза бойунин Коколдокбн гүнүмүрдай айткән букатир! Карапачидиң бинә катан д'аличий бихинді-әвит, чоростің бинә чөвд мата бихинді-әвит. Минәвә утари ичәтчәне, д'алис-тә әкса, мин'иүн бойундастави д'алдәріс-дә бихин. Ке, баңар алаңалд'ивар наллайыт! Сагді бәйе бй нонокто, — гунд'өрән.

Тар амардукин, умүн урәвә тонијороқор тәникә, чуңума урә бқал», — гүникес, д'уләдүви нәрән. Мит бәйәүит әнпү сәптуккй, ман'иёт-карчива гамалчаксә, «мәјумә урә бқал!» — гүникес, д'уләдүви гарадәран.

Эр мәјумә урәлкби чуңүн урәвә чолпороқор ңөнөвкәнникес, Коколдокбнмо навкандімаду иткундайаран арай авахй омолғын. Эр иткундайана түрәчий әд'аран:

— Гүнжир-гуңир, гүңир! — Эрдәлән әйкесөвө орухуйне әмүвчә д'үр йәзин бвәтілкән сөлемәнд'е н'уринд'ав, иччилик түрәнмөв инихинкөл, чубундуқ әкәл чуңыйда, иjadук әкәл тәйдә, д'олодук әкәл д'улайды, дулин буза Коколдокбнмән коңорикән хакинин дулкәкинмән чолпороқор ңөнекөл! Билиргил анданыладу бй түрәнмөв дәлдіріс-дә мбыңис бичбн, йәзин д'ан йәзин бойунма тикикбнчбт, н'амәви д'алуптідүн ама саминд'иңас дә? — гунд'өрән.

Алаңан ижин айманан, н'урин ижин күңүшараи. Чуңума урә дәлпәрғәрен. Авахй н'урин Коколдокбн хакинин дулмәкинмән ичәтиң тохбран. Мит бәйәүит дулин буза Коколдокбнин бихәмде кайбас адаңаран, илтәнд'өрй н'урба тин'ис санџаканд'иый лапкән

д'аваксбран. Тар амардукин әр мит бейеңит турбчай-сәхәчй әд'аран:

— Кийгир-киңгир, киңгирмой! — Хөргү буга авахилын атамантин Бурун'н'ук-букатир, «сәп сурурун», — сәрәнкәл, «ок сурурун» — оюхункал! «Сә бейеңе әне сәвкәна д'әптэн», гунд'иңс. «Айа бейеңе әне мәтәвре вәран», гунд'иңс. Д'ә би ڈаратив дран, си н'урбас ىјалатни тәвәм, си ёкунд'иый тәвәчинди? Эр би гиркүй, д'ур д'апкун бватлакан алајаң, ичилек турбимәв инихикал, ивеңирне-илемчийн сурукес, сәйку матава ёкун-мал мухәвви тоннороңор сурукул! — гунд'эрән.

Тар амардукин алаја ицин сатарийдан, н'ур ицин күңүнәран. Н'ур д'ур кос уреве чолпороңор ңөнәрен. Авай омолгүн, каптас н'екәксб, убайдәлиң ңөнәд'әри н'урба сәлемәнд'е охиктатпи батари чаварийхинан. Эр н'урлыбар әл-тали әллитә, утарита түксанаң әмәре, коңорин улде колтотпор коловурдахиlldа. Маңа дундәдү хәннәклүвәр бадарәннәнал, дүйү дундәдү ёрчәклүвәр әйелтүнәл, бүкталыкән иктәлдинәл бойундәсчара. Эр бейеңел, илан долбоний-кән инәңидү әр буҗадү бойундәхисәл, мит бейеңит Коколдокбн әр бойундәсчана толкуйдәнд'аран бадаңа нујан, тікен гүннә турбчай-сәхәчй әд'аран:

— Кийгир-киңгир, киңгирмой! — Авай атаманин Бурун'н'ук-букатир, би турәнмәв дәлдікал! Эр буҗат бейең-сöхүн, д'урдуң гёт хүләксб, әмәрекит, наңа әд'иңән. Мөвән-чукаван веңт су-кесара, бейеңви-сöхүвән веңт ңөләвкөнә. Миттү әләкин дунда үбү н'аңын'аду өвчә. Илан Сивир-сиктірвән ситети гиркури бейеңедү соруян өвчә буңа бихин. Тар буҗадү ділачә хәгдәвү хунд'ин Симәксин-атиркән гүнмурى бихин. Ёкун-дә әхид'ин ичәхине кургид'әри кулухүнма илавкай. Тар ойолин пәрид'әри колоссөвә тәнивкүй. Талу катанды гилдикәчй бид'иңән. Талә сурукесбл, бойундәскәт. Талу әмй кейилдіра си буҗадүс бойундәхивун буҗачай бихикие, талә сурукесбл, бойундәсчијат. Элекстийм бодокол, әмй мучукал! Улгур урумун айа, гиркун симән айа, — гунд'эрән.

Тікен гүникес, уңкурус-көләхис н'екәрән, бағдарин чиңкәчән әкса, киңбаләнчад'ахинан. Авайл атамантин уңкурус-көләхис н'екәрән, илан дәліч өкесеку дран, амардукин күңүнәд'ахинан. Тар амардукин әр бейеңел бихемдә Симәксин-атиркән буҗалан айан-над'ара-әвит арай. Эр ңөнәривер устадүн дәгріл дәктіләкәхәл дәңжел өкса, охикталд'ивар чөвокотмбын, оюктолд'ивар чоңки-мәтнал күхид'әнәл суруд'увкйл-әвит арай.

Эр бейеңел үбү буңа хорондулән тұқтира, ділачә хунд'ин Симәксин-атиркән буҗалан иста-дә әр Коколдокбн тікен гүннә турбчай-сәхәчй әд'ардаңа:

— Кийгир-киңгир, киңгирмой! — Ділачә хунд'ин Симәксин-атиркән әвәкөв, уркөвий никес, доңдоли доровою д'авакал! Илан Сивир-сиктірдүн ситети гәрбилькән Коколдокбн гүнмурى дулин буңа бойунин би әмәм. «Ёкун наңададу әмәнді?» гүнәкис, — айткәр бейеңел буҗавати әмнек аймара, инәң бейеңелви әмәри сөхүвөтин,

балдірій хутеветін әмдек ңұләвеккіне, өр сій колосөлес үмін сөн'иңна әмүвум. Кулухұнми илакал, колосөвій тәкал, — гунд'өрән.

Әрб дәлдіксә, Симексин-атиркән ичәд'иңә әвгидағын кулухұнми иларан, колосөви тәнан. Тар амардукин:

— Эмүвнөви бихід'ин, бй ионон поржавачим, — гунән Коколдокбін.

Пәрід'өрій колосөлә хәтәкәнчәрән-дб гилдідүн катәхинчаран. Колосе пәрілдән, өр Коколдокбі йәгрекен пәріхинен. Әр Йәсін пәріхиктә дәдүн бейе үйі-кәт ехід'ин ичөвре хымат пәрірій колос-әвіт. Коколдокбін бимій ёра-дә виә иле мәнд'ивій дундағы хәтәкәнчәрән. Авахі омолгін б颤аратін әмәрән. Колосөлә хәтәкәнчәрән-дб, н'айын гилдідукин д'авакса, пәрілдән. Надарәкән пәріхиниксө, виә тәрәрә кургид'өрій кулухұндулә тікрөн. Халгарин, үалалин чаварада, кәңтірән кетородон, урин чұсканаудан. Тар н'әкәхб, авахі биксө турәнә әчин буд'иңен дб! Тікән гүннө түрәчій әд'аран:

— Гуцир-гуцир! — Хәкә-хәкә биргәнд'өв! Нәй, төвөдү кеторекеб, кеторий ухаван сайд'ан? Кулд'ун кувулгат дулин буза Коколдокбінин бейәвә конұл-боско вәріви сәт сәран-әвіт. Әдук-тә брәккін нуңандулаң бй аймакив виңиң соруна! Д'әңқир д'ивилгәт, кулд'ун кувулгат мата-әвіт! Олихин ичәдән-дб бихин дб — сенкирәдүк ехій йүрә ёкүн ан'н'ан бейән тікән бид'иңен? Хәкә-бен'үн хәкб! Будәм тавар биргә, буралия бурасті!

Тар амардукин мит бәнәңит бузаңай атіркәйтікій тікән гүннө түрәчій-сәхечій әд'аран:

— Кинжир-киңжир, кинжирмой! — Ділачә хунад'ин Симексин-атиркән әвәкәв, өр хәргү буза бойунман бөлікадін бөкталқан бузауду оскәчә. Бурун'н'үкка сій колосөлес әмүвуксө, кеторбниксө, вәм. Кулухұнми әчин илара бихикис, илан Сивирдү ситеңи әд'әлив гиркура әңдет кәйівра бойун бичөн. Сумуппи сәңкү сумут мата бичөн, кулухұнми бүкес, ерәйвөв урумүринди. Ема-дә бузауду сұксаса әчә йүре, ёкүн-дә ороскотта әчин вәкес, сурум. Уңу буза бойунни Д'үгірманд'а д'үлән сурум. Тар бузаңай үйдачай бихим. Әдук-тә әмәрій аңаңайладу кихалинмій, синдуле әмәд'иңәв. Әдук-тә д'үләсій он гиркури гиркунми әчәв сәра, әхйткән айава онді, өр онадүс бахайва биңин. Ема-дә бузаудук әмәчө кулд'ун кувулгат әзин атағастарға, сій айис мәндүс, бй айив мәндүп, буралия бирасти биңин! — гунд'өрән.

Тар амардукин үйкурус-көлөхис н'әкесө, багдарин чинкачан әкес, Д'үгірманд'апи бузаңасқаңиң айаңнана күзүиңд'аран. Нујан биксәкен сәнави-ичәнәви дундағуда үдаңайт-тә бейе бил'иңен дб? Тар-дәт исчаран-әвіт арай. Д'үгірманд'амата бузаң чүритікән ичәвудән, илан н'амәй илан д'ән илан актап әймелікви н'әкәй-д'өрә, илан дәткән дәләмічән әймбеке өхинчаран. Үйкурус-көлөхис әкес, иле мәнин браң, тікән гүннө түрәчій-сәхечій әд'аран:

— Кинжир-киңжир, кинжирмой! — Уңу буза бойунни и'аңи'а омолгіп Д'үгірманд'а гүнмурй матад, гиркин гунді гиркин, солжомо

н'үриктөлкөн Солкондор-килйвали, уркөви нікес, доровою д'авакал! Ноноптін дорово бицин, амаргұптын улгур бицин! Минәвә «иргйт әмәчө мата?» турдұрудың гүнәкис, — дулин буја Коколдокбін әмәм. «Гиркунді би бихин?» гүндәкис, — сәт айат гиркуксә, әмәм. Били авахыл атамаитиң Сәвәйбінд'е гүнмуриве, ділачә хұнд'ин Симәксин-атіркән қулухұндұн которбонисә, вәксә, әмәм. Мит бейеңіт били Д'үбірманд'а-мата әмәрән-цү, вә-гу? Әмәчө бимі, доровою д'авацін, әчин әмәрә бихикин, иртікі гиркуд'ам бблар? — гүнд'эрән.

Тар амардукин д'учи ахй, йұмәлчексә, күтетпи Коколдокбінмо, қаладукин әлгөнә івуксә, багдарин моңун осталби дағадұн тәжевекенен. Мәнин, йұксә, д'үрб-иларә әңтөвекхинен, илан нулгі тобурумчәлкөн илан кос күрелбін илан дөткөн дөлемічбін д'алумқажай үхинчөрән. Таридук синмаксә, илан актава вәксә, астамалдәран, осталби ойодұн ирчә улдат орохолорон. Тар амардукин арахинай д'евгәве астаран, Д'үбірманд'а мата әчин-дә бичелін айа остал бран. Әду нұцартін илайкән-да бинәл, илан д'ан бейеңечин, син иле бейеңечин, улгучемётнәл, ин'әнәл, сөхөргәснәл, әйнәл д'евд'әрдектәре.

Әр д'евд'әректін әргйт-таргйт коңнорир түксуд қойнад'ара, багдарин түксуд барадл'ара, хуларир түксуд хүктіктеде, әдін-әдін әмәрән, тігде-тігде тікілдән, иманна-иманна иманалдан, ёдуктә әрчимнек коллорук бою әмәрән, ағді бою н'иргийден, чаңылган бою тіктән, чөрәма д'ұва аран әчә судудураңар иктере. Н'аликир иректә дуїәлтін дундаел сирбаңара, бучукин мәл букталы хоком-до. Әр коллорук илтөнен, тар амардукин ичәд'иңә зәғидәлай әдуктә әіләхі дәктилә ишін, сириләнә әмексәкөн, уркәдүтін коп дохинчаран.

— Қіда-қіда, қілад'иң! — Солкомо н'үриктөлкөн Солкондор-киливлиткән, гиркі гүнді гирків, дулин буја бойунин илан Сивир-сиктірдүн ситетір гәрбилкөн Коколдокбін күттів, уркөве нікесә, доровою д'авакалду, амаргүп улгур бицин! Әр минәвә «иргйт тәкелкән-сәксәлкән мата әмәнді?» гүнәксүн, — уңу бујаду оскечә и'аңи'а омолғын д'үзи тамнаксан бойніді Д'үбірманд'а гүнмурій мата әмәм. «Он гиркуксә, әмәнді?» гүнәксүн, — тоңурук анжанидү бойундаспави д'үбідүн илан аштани устадұн дәрүмкіттідү нағуексә, дунда иччиудун илан тоңурук анжанидү мәйумә остал әкә, тәләчим. Әмәриве-суурурива иргитив, балдіріва-оскәривә тәрійнә биксә, әмәм. Били катікінд'аң, хәргү буја авахын сөн'иј Сүмүйонд'ово әкни балдічайдукки, аді анжанива әмәнәдукки устадұн айи бәйнәлдукин бәйіметінә, айи бәйен сәксәд'ин иргивиен қалымхайдун, әңдін тоңурук анжанидү ёлдаңки мұгдәкөн әкә, иланттіл'ин начетін. Мұгдәкөн тәкендудын тоңа д'әпнен том-коди-н'үн сулаңуксә, илітчаран. Тәрә әмәрі-суурурі, хаватары дурукин, дәгрі-түксарі бутуннан чикөннә-амуна илтөнніттән. Тікін-де н'үцүн тоңурук анжанін әмәнімурән, гүнд'әрән.

Эр Коколдокон кинниви утари тулисий үймөлчөрөн-дээ д'ур хэмуними көпхөхинчөкнөн н'указын мэттан. Д'улан үаладукин элгэнэ йвэрэн, остбол дацаудын, дэжин халгалкэн кираватпа таниксай тээврэхэн. Тариньян хокороюор тээврээн, тэрэг гарадаас, н'ууцин халгалкэн мэнүүмэ кираватпа танин, тэдүү тээврээн. Тар амардукин, остболбар д'орсо аяат таниксай, д'орсо баранды астаксай, д'е ёдук-кат аяат улгучмётнэл-эвийнэл д'эвуксэл этэрэ-дээ, Д'үгирмандаа-букатир н'эхэндий булна-булне тикэн гүннэ турчай-сэхэчий бд'аран:

— Кйда-кйда, килад'ий! — Дулин буца Иркисмэн амилкэн, Куккумачан-киливлэй эн'илкэн, илан Сивир-сиктэрдүн ситеэри гэрбилкэн өр буцадүү сон'иц Мэцнэнкэн гүнмурд күтэтий, мит д'ука, эхийн билир элэксимэ бакалдид'ак лайданлэвар суруксбл, ёкунина сэйтпар эвийшт. Бий билирги идэвши чөвекбэнд'ицэв, сий тикин ахүн булатрви чөвекбэнд'ицэв. Тарлаха бий-дээ д'адлдүүв аяа, сий-дээ д'адлдүүв аяа бид'ицэн. Тар амардукин гирки гүндэ гиркэн'үндэ, айамат астаксай-ёксал, колбод'ицэт, элэксийнди-бүү, вчбс-бүү? Элэксийм, «элэксийм» гүкэл, эми, «эхим» гүкэл, — гүнд'эрэн.

Тар амардукин өр Коколдокон сомат уруунун бадаца нууцан:

— Д'е сот эвийнду эвийчим, — гүниттэн, — кэ, сурүүт! — гүнэн.

— Д'е өр д'ур бойун-бэйэ эвийктэй лайданлэвар суруд'урдуктуру. Эр цонед'эриветин амардуктийн ичтэнэл эмэнмуре д'үбантин. Эр ичэректин, ёдук-тэй ин'емухий бран: сагдаш бэйэ дэжин дарикта дувукилкэн, тунца дарикта элжийлкэн, н'ууцин дарикта аркалкэн. Эр бэйэн'ун даран коколдодийн-н'ун бэйэ гиркухицан ёдук-тэй ин'емухий-эвийт. Эр бэйэл суруксбл, өртээр улгучмётнэл, өртээр килийнвур тохилба, истаналлвурва адулэнан-адулэнэл эвийктэд'эрэвийт арай. Эр эвийктэд'энэл, «н'брчажт!» гүнисэл н'брчакатна эвийлдэ. Эр н'брчаксай, өр Коколдокон киннин он-дээ гарадаачайлын олдоонд'ицэв эхин тикрэ, тар н'экексб:

— Сий-кэнэ гарачимкээл, — гүннэ соруйдан Д'үгирмандаа-маты.

Эр Коколдокон ахакбэнд'и гаратна пэривчэтэр бд'ана көүтүрэбмэд'ин тикивкбэн. Эрэх ичексэ, Д'үгирмандаа-маты тикэн гүннэ турчай-сэхэчий бд'аран:

— Кйда-кйда, килад'ий! — Дулин буца бойунин Иркисмэн амилкэн, Куккумачан-киливлэй эн'илкэн, илан Сивир-сиктэрдүн ситеэри гэрбилкэн, өр буцадувар сон'иц Мэцнэнкэн күтэтий, д'э бий турчинмэв дöлчэткал. Билир бий д'ур халгалкэндук олдоонд'ицэв ёжиков тикрэ, ёхйт сагданим-бүү, он-бүү? Тар-дээ бичэлийн, ичэдэдүүвийн коловорийн ачил энэхий мататкэн бихиндэ-эвийт, цэлас халганд хавахиндийн олус-тэй манд-эвийт. Олихин-дээ авахил атамарватин узисий эхий ичхинмуяа бихиндэ. Эвэнкийтэн бэйэдук син бэйэт-кэн балдивий-эвийт! Д'е тар н'экексэ гирамдас хөгдүүн элзи өр бид'ицэн дээ? Бука сий кувулгатис таваргачин бимухин. Илэ мэнни ичөвекбэнч бихикис, аяа-дээ бимчэ. Бий олус астинимчай биче, власийм, илэ мэнни минду эмүкиндүү ичөвекбэл, — гүнд'эрэн.

Әрә дәлдіксә, мит бәйеңит:

— Нәйдү-де өјәт сәвқана бихикис, баңар биын, — гүнән.

Тар амардукин н'аңылә исчад'ары Йәниндә оболбын суруру. Тар хоромодүн Коколдокбен уңкуруус-колехис н'әкөрән, Ыл-кәт өчин озулуун алтама күн'акилкән айи букатирин Мәңнәйкән иле мәниң д'е ичөвран. Д'е өр иле мәндуулбен Д'угирманд'амата әмексә, даңдун иликсә, тәрәмкәнен нуңандукин діцин үәла гугда, діцин үәла дірам мата-әвит. Д'е өрә ичексә, Д'угирманд'а:

— Д'е н'әкенбет-тә бейә н'әкәд'әнді, ол ихин әрбен биңбетіс бичби! Бى хутәдүә айа бейә тувәхинді, — гүнд'әран.

Тар амардукин уңкуруус-колехис н'әкөрә-дә, багдарир дәңиткәр әкса, д'үләвар күзинәд'ахина. Уркәдүөр коп дәхинчара-дә иле мәртія бра. Әр Д'угирманд'амата тікән гүннә турғай-сәхәчі әд'аран:

— Кіда-кіда, киләд'ий! — Гиркій гүнді гиркій солкомо н'үриктәлкән Солкондор-киливлі, томкодікән үд'ачи Иімәкән-киливлиткән, хутәв! Бى турәнмөв д'ур чөр сөрд'ивар дәлчүкалду, мит әхйә остылбар тәрийгет. Миттү зргәчин бойун-бейә әтән ичөвре. Бى өр бейән'ун әвіктөвкій әнав илан тозурук анчан әран. Тар устадүн би бихйән, ахүн бойуман — дуруккән сәм, тарит өр илан Сивирдү нуңандүн тәрбті әма-дә үстү ўчин бид'иңән. Ху-ләкә балдім балдід'иңән мәндуукин. Тарит ёва-дә әнәл сарәра әхиттітін сивайвайатин сәмат дәләңбайт астакалду! — гүнд'әрен өр бейә бихәмде.

Тар амардукин өр Солкондор гүнәрій ахай хұнәтпі солкомо тәтілвән ділдукин халгамәктүн тәтіврән. Тар амардукин д'үрән иларә әйтәвкәхинән, илан нұлғы тоңуруттәлкән илан кос күрәвән д'алумкәкій илан дәткән дәләмійкән үхинчәрән. Тарилдук синмаксә, илан акта хәгдәңүвән, илан байтахун бастыңман, вәксәл, астамал-дәра. Багдарин миңун остылбар маталықән умйвра. Д'е нуңартын, туңурилбә-кодоюйлба комүйкесә, йәқин долбонйлкән инеңжидү өр сивайвава д'епиңел королед'әрдәкәттере. Улгур бою, сәхән бою әран, кира норот киридуки урунун, хәгдијә норот дуруккин урунун, дәләй баран сивайва, әкса, илтенен.

Тар амардукин омолгыйлкән хұнәт умүндү бра, н'имбр д'үвән д'авара, тоқовбн илара. Сохува иргиряду, хутәвв балдіврідү арәхинай сағділ алгара. Арәхинай ичөр д'аритта, арәхинай икб-ләхәр икәрә, бахива боюово бүре, алгис боюово алгара.

Тар амардукин уру сивайван әтәрән, әвин әтәрән. Әр әтексә, мит бейәңит дүлнн буңа Коколдокбен, кинниви н'аңыа омолгыйн Д'үйирманд'ава дәптікі тәжексә, тікән гүннә турғай әд'аран:

— Күңгир-күңгир, күңгирмой! — Уңу бүздү балдічә н'аңыа омолгыйн таманаксасқан бванді Д'үйирманд'а әтіркән киннинд'ав, солкомо н'үриктәлкән Солкондор ән'иин киннив, бى тудуулжын туратчаривәв, улвуткән улгурда'ривәв дәдувар дәлдікалду, ир-тәләввер иктеңкәлду, сәндүвар силдікалду! «Тар ёкүн?» гүнәкүн, — хуркөн-куյакән, ахакәнма гаксә, буңаләви хүйнүүнә

өксөвкій, гүнинжітін сәріл сағділ. Тарит бій бузаңағы ңөнөрйідүв әлекін өдан. Сү д'алдұхун би бихин гүниттес, д'албар улбутікен улгуркөлду. Би гиркій гүнді гиркій томкодікән үд'ачи Имәкән-киливлі, си н'ан д'албі тұлдуліккен туреткел. — Күнгир-күнгир, күнгирмбі! — гүнд'эрән.

Әрә дәлдікса, Д'үзірманда-маты тікән гүнін турбай әд'аран:

— Кіда-кіда, килад'ий! — Дулин буза Иркисмән амлакан, Куккумачан-киливлі ән'ілкән, илан Сивир-сиктірдүн ситетір гәрбилкән: хәргү бузаду бимі Сөләргүнтікій сөләрі Сәңәкчән, дулин бузаду бимі коколдоду чакилчача Коколдокбін күтетів, би турәнмөв дәдүви дәлдікал, иргөлөви иктевкел, сәндүви силдікал! Тавар си сомат әлекінді гүнинде, би д'алдұв сәріл сағділ бү уәзвүн би-чән, тар мәнді-дә әчбес урара, тарит бій-глә мәни мәлексийм. Гиркій гүнді гиркій солкомо н'үриктәлкән Солкондор, хутә гүнді хутев томкодікән үд'ачи Имәкән-киливлі, су н'ан д'алвар улбуліккен улгуркөлду, тұлдуліккен туреткөлду. Би «суркулду», гүничим, тар амардукин аяа турбанд'и алгачим. Сәммат айат синманатпар айаннана бузавар искаладу! Н'имбр д'үвән әкаалду, д'ү тоюовбін илакалду, орон-сбху куревбін әкаалду, хутеве балдівкаалду, төтіве төткөлду, идәнәвә д'авакалду! Екүн-мал сұксака әдакин, ңонум д'алихун урумұлдәкін, әмнә көнітірәхүн тійелдектін, иччи-ләк турәнмөр әдіндү уңивкіл әдәвәт! Би йдү-дә бимі өтәм өндәйде—дәлдік'иңәв-дә әріксөлвөхун орухуйд'иңәв. — Кіда-кіда, килад'ий! — гүнд'эрән.

Әр амардукин солкомо н'үриктәлкән Солкондор-киливлі тікән гүнна турбай әд'аран:

— Дәгрій-дәгрій, дәгрімбій! — Уәү буза бойунин Д'үзірманда-гиркінд'ев, дулин буза бойунин Коколдокбін күтетів, би турәнмөв дәдүвар дәлдікалду, сәндүвар силдікалду! Би д'алдұв, тавар улгурхун ёкүнин өтән ситана, гүннәс сома әлекін боллаја! Билир-да сағділ улгурдаутін «ахаткән-куңјакан аңнакійтқар аналитін», гүннә уәз сәхән бичбі әчб. Би әрб дә, тарит би д'алдұв әлекін боллаја. Би ахаткән хутев, томкодікән үд'ачи Имәкән-киливлі гүнмүрі хутев, ёкүн-дә сәраңуяйа әчин анал д'авалви камуїкал. Әр би багдарин мәңүн үдәккөв әксәкәл, солкомо н'үриктәс чөлкөлделән әксәнтекел. Таваңис сәхис устадүн сома пәндачы бид'иңән: «айа төті әкаал!» гүнәкис, тәті әд'иңән, «айа идея әкаал!» гүнәкис, идәнә әд'иңән. Тәдүк тавар чимиткидус н'әкәйәри хуларин мәңүн үн'акаптуным н'ан өнә сәмијире, бүрә әксәктекел. Таваңис илан дәткөн дәләмічбі орон әд'иңән. Тәдүк әдакин, әр диңин кирилкән колбайаканма әксәктекел, тавар бихәмдә н'ан илан д'упті унүрис әд'иңән. Әр горо ёниек дундәлә иле орон-дә сохуве, мурин-дә сәхуве иле мәнд'ин илбәхинәксүн, әрәйин сб баран әд'иңән. Тарит тавар би анааллав ихивракис, сунду әлекип иңда瓦хун д'алуд'иңәти. Тәдүк әдакин, тавар хуларин мәңүн киадакан соноюспо аначим, тәдү мәңестенөл суркулду! Суневе ёкүн-дә өзин д'әрәдәре, д'үр халгалқанду д'удаевер вкәлду бура, тијел-

көндүк өкөлду тікре, д'алалкәндүк өкөлду судурда! — Дәгрій-дәгрій, дәгрімбай! — гунд'эрән.

Д'эр әр әвәнкіткәр-бейәл бихемде, тікен гүннел улбутікен улгучембічіксәл, әр Сокондор гүнәрі ахй хунаттүви бихемде халғандукин хоромбіктүн конюорин сулакікса дәй хуларин сукунат төтүврән, тар амардукин ананаалби дуруккатін д'авақанан. Эр амардукин йәжин долбонайлән инәййду уйчәс кувас соноюспо д'авақанан.

Эр амардукин мит бейәңит дулин буја Коколдокбінин ахй-н'уми, соноюспор мәңдүккі мәңумә нәмәлән капкән хәтәкбічек-кесәл, Коколдокбін бујаткәкін д'улкуксөл, хәтәкбімукбіде-әвит арай. Нујартін бихемде томтор дундәвә тоңжороқор түвкенинәл, оңкучак-дундәвә омчороқор түвкенинәл, н'аликин мәба н'албураңар суруд'уру, бучукин мәба бұктараңар ңәнәд'әре. Муриткан бихемде әрчимирд'әманә айанид'ардаңа — тәнйінәдікәр дундәлбә амаскәкі нәпттерәңдер хәкіхинне, коколдодікәр дундәлбә д'уләсбікі хәкіхине ңәнәвкәнд'әрдәң. Эр ңәнәвкәнд'әзис мит бейәңит дулин буја Коколдокбінин, киннилби этхиниксә, тікен гүннө түрәчій әд'аран:

— Күңгір-киңгір, күңгірмбай! — Уәү буја бойунин н'аңын'а омолгін тамнаксакан әванаді д'үцирманд'а-маты кинниңд'ав, солкомо н'уриктәлкән Солкондор-килайли вң'йн киннив, «сбізу бейә бине сәма турәнә ѫчин сурур», гунд'инжхун. Эр мит бихемде д'үр хоктово д'аварап: сү д'уләхун — сүній, бү д'уләвун — мунду бицин. Окин-дә әмерів әхин сәвра, тар-дә бичблій әмій-қат н'әкейәд'иңәв, өріт әтәм өрөжәм сурур. Тәдук әдакин, будәріңүәр әмерекин, ичиләк турәнмәр әдіндү уїйвкіл бидбәт. Иду-дә бимй әтәм әндейдә, дәлдід'иңәв-дә әрікесөвәхун орухуйд'иңәв. Окинин-дә бракин, айи бейәвөн авахйлду әтәм атаңастаңкана. Сү д'уләдүхун улор улдәлкөн сәксөлбі әнә од'оро илан Сивир-сиктірдүн ситеті гиркулдірі мататқан бијнәм. — Күңгір-киңгір, күңгірмбай! — гунд'әрен.

Тар амардукин нујартін бихемде «әр Коколдокбін бујалан, билир Генән-әтиркән ололкон дәрг'әре» гунда, дәгрідүк хујуттү ңәнәвкәнд'әрдектәре. Нујартін бихемде ниміjakан биксө уада'иңәтии дә — тар-дәт әр Коколдокбін, бујаләвік ихіксә, сурук мурин уйчәвун сөргедүн коруийхинчавкәнан-дә муриндук дундәлбә хәтәкенчөрән. Тар амардукин д'үтківи ичәхинд'иңән өвгидалын, д'ү нйүхинчөрән-дә умүн сбізу бойун йүрән-дә нујантікін тојокбрәочин ситеті әхалд'ишиб ичәхиниксө, д'үр д'апкуи әвәтлекан ала-џатпін иткунана тікен гүннө түрәчій әд'аран:

— Уїәлә-уїәлә, уїәндар! — Эр-ке иргйт төкөлкөн-сәксөлкөн мататкін әмәнді? Эрчимус әду ивајнектерән, д'иктіттерән? Ёкун кидағына кижағалұ, дағавына нағадау әмәнді? Сөт турғенд'и тулдуликен түряткөл, улбулыкен улгуркөл. Мине «иргйт төкөлкөн-сәксөлкөн мата бијнәнді?» гүнекис, уәү бујадү балдічә аңнакйлак майаргүти, мatalдук маниргүти багдарин мәңүн тәтілкөн ді-

лачā омолгийн Д'эргэлд'ин амилкāн, Гёван-өтүркбн нийтбүү хуяад'ин Сёнак-килийвли эн'йлкэн, мэндүккү хуларин мөнүн куйиргис контохиалкбн мэрилэх сондоюхиалкэн узүү буџа Хуркокчбнин гүнумурй гэрбилькэн ծдам. Тадук ծдакин си ванад'а бихикис, бүжачий бэйэ мэнми н'брардацим. «Со бэйэвэ энэ сэвкэнна варан», — гунд'ијес: сэн суруурин — сөрөнкэл, ок суруурин — оюхункал! Эрдээт коңорийкэн хакинди дулкакиндуун н'урви катад'алим, — гүнөн-дэ чимиткйчанин ийн чихихинан, хургучбнин урбхинэн, ирүн бэйли наандан томкор илин кин'жинэн, н'урин кујунхинчараан, Коколдокён хакинин дулкакиндуун өмөд'өрэн. Мит бэйэцит бихэмдэ, калбас н'экэкс, н'урдук адаажсран. Тар амардукин өр Коколдокён ткэн гүниэ турвчий ծд'аран:

— Кинжир-кинжир, кинжирмой! — Узүү буџа бойунин длачай омолгин Д'эргэлд'ин амилкэн, Сёнак-килийвли эн'йлкэн, узүү буџа Хуркбкчбнин, нэвчүн гундэ нэкүнми, нононтн дорово бицэн, амаргүпти улгур бицэн! Минэвэ «иргйт тэклэкбн-сэхэлкбн мата бдандий?» гүнэкис, дулин буџа Иркисмэн амилкэн, Гёван-өтүркбн хэгдэбүү хуяад'ин Куккумачан-килийвли эн'йлкэн, илан Сивир-сиктэрдүн си тэрэй гэрбилькэн: хэргүү буџадү Сэлэргунткү сэлэри Сэңжекбн гүнэрй, дулин буџадү дулин буџа Коколдокбнин гүнэрй, узүү буџадү сон'иц чивкачан укчакилкэн сон'ин Мөннөнжийкэн гүнэрй мататкэн ծдам. Си-кэ тавар, ёкундул аутакса, гарпад'анди? Едү утаажатанди? Эрү-молток мататкэн бихикис, өр-дээт вэлжэт бичб бихинди! Бий, сонжу бэйэ биксэ, нэхийле адаажам эчэ бирэ дэ! Токтолол-болгойкол, сине ванад'а эчбэ бихий. Мэнми наададувин илан Сивир-сиктэрвэн си тэрэй гиркукса, өмөм. Умучайдукки улдимнүйэви, д'үчайдукки д'үвчамнүйави, илачайдукки ийлэктак гиркийнвий гакса, өмөм. Тадук ծдакин, Куккумачан-килийвли эн'йнми, Сёнак-килийвли өйнми, тоёокдмо ёхалкэн Чацааган айними, длачай омолгийн Д'эргэлд'ин авухив, бүү гиркийнуми томкодикэн үд'ачий Инмэжэн-килийвлийн балдд'аак д'удув өхипти сивайвайавун аставкий ծкаалду. — Кинжир-кинжир, кинжирмой! — гунд'өрэн.

Чайгу бэйэвткэн, тараа дöлдлэксэ, ёдук-тэх сöt олоксб, ткэн гүнд'өрэн:

— Узүлэ-узвэлэ, узэнд'эр! — Эр-кэ, өр-кэ, он ծд'ам, ичэмбий, биргэнд'ев билдэн! Қарэн-кэрэн мулан'ёвал, акин гундэ айними аран эчбэ үзэндээрэ. Илан Сивир сиктэрдүн си тэрэй гэрбилькэн дулин буџа Коколдокбнин айними, нононтн дорово бицэн, амаргүпти улгур бицэн! Минэвэ умүн алгаастув экэл тикулда, алгис д'ур халгалкандук йүүкй гүйкжтийн эчэ бирэ дэ! Д'орсо синијэчин айчий бинэви омijoчо бихим. Айанди эүхийн содукин, «эр ванад'а боллаца», гүнэ гарпад'ам. Тавар тэд'өмэ-дэ сонжу бэйэ биксэ адаажанди. Эвэнкий бэйэ н'урдүн вхий будэ ийакилкэн мата бихинди-эвит. Тадук ծдакин Куккумачан-килийвли эвэв, Секак-килийвли эн'йнми, сöt тургэнд'и өр өмөл бүйэлдү тэгтэ төтіштэн, д'өнгтэ д'өвгэйэтин бэлэннэхэлду! — гунд'өрэн.

Тарә дәлдіксә, әр Сәкәк-килийвли, урқеви нікса, йұмәлчәрән -дең нәкүнніңмі күкінми д'ур үаладұви әлгәнә یврән, дібін кирил-кән остал даңадұн д'украва тәбәвкәнен-дә, нујарватын дәптікі тәңексә, тікән гүнне турбәчи-сөхәчі бә'араи:

— Кимб-кимб, кимбн'ин! — Нәкүн гунді нәкүнми илан Сибир-сиктірдүн ситетір гәрбілкән дулин буја Коколдокбнин, күкін гунді күкінми томкодікән үд'ачи Инмекбн-килийвли, доңдолима доровою д'авакалду! Ноноптін дорово биңин, амаргүптін улгур бән! Тавар бү омолгівун воңнблдановби бурасті н'якекәлду, тімәтна бй нујанмән айат турбә'иңб. Коколдокбн, нәкүн гүнді нәкүнми, ката сй айат гиркучай бихинди, д'ә тавар хуркбн-кујакән гиркунин тікән бивкй. Д'ә тавар бмакта бейе күкін гүнді күкінми, доңдолима доровою д'авакал! Ноноптін дорово биңин, амаргүптін улгур бән! Миневе «иргйт тәкәдікбн-сәкесәлкән ахй бихинді?» гүнәкис, — Гёван н'йдәбу хунад'ин Сәкәк-килийвли гүнмурй бй биңнәм. Тәдук әдакин, ке, әр ехіль хутәлбер әменетін маләхунатін сöt турғәнд'и астамалчаңат. Илан дәткән дәләмічәвер умйымалчакалду хймат, айа д'олләк сибайбайда бксал, орон-чбн-сбхуве иргири олокпотін бәт, хутәве вәлдіврі д'уватин-тоқовотін бәт. Баран норотпа умйыкалду, туведу д'алупті туңурае, кочово д'алупті кодоюйво комуїкса, тәкалду. Алгаріл алгактін, урунділ урунктиң, әвіріл әвіктің! — Кимб-кимб кимбн'ин! — гүнд'өрән.

Д'ә әр амардукин нујартін бихемдә илан дәткән дәләмічәвер д'үрә-иларә әйтәвкәхине, д'ә илан нулгілкен күрөве д'алум-кайкай үхинчәре. Эр бейәл бихемдә гороло бихайлдулә хймә н'бәркапн оронд'и хуктіврә, дағат бихайл сагділва дулуумдул орорд'и әлгөнел әмувре. Илан акта ариманыңан, илан байтахун бастыңан, илан байтахин мурин мұнжутурвән вәксал, сивайба боқово бксал, д'әвд'әрә-әвит арай әр бейәл. Иәзин долбонйлкай инәүйвә инәл сәра-кат д'әвд'әрдектерә әр бейәл. Сивайба амардукин іјала-халган әвінин бдан. Эр әвінду дүрүктүн әр Коколдокбн'инду угу буја Хуркокчондүн тәрәтті бейе әрәјемә ачин бдан, тәрит: «Эр дулин буја бойухалду тәрәтті бейе ачин-әвіт», — гүнитте.

Д'ә әр амардукин били ділачай омолгін Д'әргәлд'ин амілкән, Сәкәк-килийвли өн'йлкән, уғу буја Хуркокчбни гүнмурй мататкән бейәңилбі өрәлій ичәччәнә тікән гүнне турбәлкен бә'аран:

— Уңәл-үңәл, үңәндәр! — Эн'ин гунді ән'инми, амін гунді аміними, тәдук илан Сибир-сиктірдүн ситетір гәрбілкән дулин буја Коколдокбнин — су дурухихун, бй тулдулайкән турбәччәрйвөв дәлдікалду! Бй әдук-тә ийәв-дә өтән Йурә, урунми-дә өтән Йурә. Эхіль бй хуркән-кујакән гиркунман гиркурайдүв әлекин бран ачб бирә дә? «Тар ёкүй наададу гиркумунді?» гүнәксун — тавар Коколдокбн ақінми, илан Сибир-сиктірвән ситетір гиркуксал, умұчидуккй уллимнүйеви, д'үчидуккй дүвчамнүйави әмуврән ачб бирә дә! Бй н'ән тікә гиркудаб, авгұхун-мал миндү әлекин дүн-

дэйн н'үүн/йкэлду. Сагдл сэрас, бид'иүэн. Ахүн-дэ горо бичблэн
этэм цэлэрэл! — гунд'эрэн.

Эрэ дэлдэксэй, эр Сэкэк-киливи тікэн гуниө туречий-сэхэчий
бд'аран:

— Кимэ-кимэ, кимэн'ин! — Уюу буяа Хуркобжбнин хутэ гундэ
хутэв, д'э тавар сэ сэма турэнмэ туречиндэ. Таварэ бий сэйт аяат
дбауви дэлдэм, сэндуви силдэм, иргэлэви иктэвум. Тарит улдес
сахин өчин-дэ сittэ бичблэн, д'аланди өчин-дэ д'акнара бичблин,
мэндэ айс садан сэйтти н'үүн/йрдэгим. Элэксийм — сурда'үнбс,
өмий — этэндэ. Эхикис өлэксийдэ, амийнд-дэ, акийнд-дэ хууту дун-
дэйс сэра бид'иүэн. Тар-дэ бичблэн бий нонон н'үүнийкэктэ: д'э
эр длаача яуктэкэйн дэрэлкэн йёнб бирацуй солод'орокис илан
терэй налдлакэн од'иүэн. Тарилдук дулгуватин солодбэ, эрийнс
сэ горо дундэ бид'иүэн. Тарэ манаракис, хүнту биралд исчижэс,
тарэ давракис, д'урсу өмнэ бира өмэд'иүэн, тарэ илгэнэкис, н'ян
умүн оруус бид'иүэн. Эр өвгү бира ёдук-тэ ирас багдарин мүлкэн,
дулгү бира чүтурин солко оцилкэн мүлкэн, чайуу бира айи бэйэн
сэксэн мүлкэн бид'иүэн. Тарэ ичэрекис, айи бэйэн муҳэн гирам-
дан урускаличий, н'ирин гирамдан ижаричий бид'иүэн. Тарэ йлтэнэ-
кис, сэва горово үзискэй сурурукис, хүнту дундэ хэгдүүнин,
туспа дойду туйгүнин оча, бкин-кат өчин хокоргоро чут чукал-
кэн, ёдук-тэ айа дундэ бид'иүэн. Тар буяаду өмукин сэ хэгдүү
бэйнтиг Чолбондэр-этиркэн, Оннодор-атиркэн гунмурйл бихий.
Тарил илан хунаттуктин дулгү хунд'итин ун'аканд'ивий ёва-дэ
эхий тулуутта сбн'иү Ун'аптук гунмурй гөрбийлкэн киливали бихин
бид'иүэн. Тарэ, суруксб, улгумийквэл, өлэксийд'эн-чү, ёд'эн-чү?
Эхикин өмэрэ өрэйис сэви сэ бид'иүэн. «Ахүн горо?», гүнэкис, —
дэргий дэктэндэлкэн, иларэ умүкса, истин буяа бид'иүэн, дундэ
ойолын тоңкурчактарий халгалкэн бэйчэ, йэргэ балдэксэ, истин
буяа бид'иүэн. Элэкин бихикин, — «өлэкин», гүкэл, өмий — «өхина»,
гүкэл. — Кимэ-кимэ, кимэн'ин! — гуниттен.

Эрэ дэлдэксэй, уюу буяа Хуркобжбнин: «Эргэчин айа дундэвэ
би сэлд'иүэв, суручим, ббллаца», — гуниө ёдук-дэ сэйт уруниксө,
гирамдан боско сурукиун уруунун, цэнхиндэвий тар-дат курбулдун.
Нууян бихэмдэ били мэндүкж мэйумэ нэмэлкэн, куйиргис кои-
тохилкэн мэрилэ соноюсий ичэнэн сэйку хиймэ мурин сэргэдүн
үйчэд'эрэн-эвит арай. Аяат д'улгийд'ин-амаргийд'ин адудаанан би-
хэмдэ, д'э тэд'эмэ айа кэпичий мурин-эвит: уклавчай иркте моя-
чий н'үүлкэн, илевчэ ахийтаажийн тийакийлкэн, хойжсан, нэвчэ-
чечин дузыкийлкэн, одников, хэтэкаанчайчин олус гугда сулилкэн,
ай-дэкси гирамдалкэн мурин-эвит. Эр бэйв бихэмдэ соноюсий
ойолын коижорин хорокийзачин капкэн хэтэкэнчэрэн-дэ йянэ-бирацуй
солёкж салайдан-дэ томтор дундэвэ тоңкоројар түвкэнине, оюкучак
дундэвэ омчороюр түвкэнине цэнхэнд'эрэн нууян бихэмдэ.

Эр цэнхинд'энэ тікэн гуниө туречий-сэхэчий бд'аран:

— Уюлэ-үүлэ, убэндэр! — Эр-ке бий н'ян д'алан: амилкэн
өнгийнми, ажилкэн уюйв, д'э минөвэ «сэйку бэйв бинэ, сэма ту-

рәймій өнө турғатта сурурун», гүнд'иңжұн, бақар. Сү сәрід'иңжұн, горо әннек бужалә сурум. Ахундулай-дә өмәрів өхин сәвра, сәт химат гүмій, — туғурук анијаный сәвд'иңжұв, дулиндулай гүмій — д'үр анијаный, горот гүмій илан анијаный өмәд'иңжұв. Тәдук әдакин, өмәдељев әдү-дә өнөл тірғөр-атағастағыра бикелду. Дәй мосат ңонум д'алвар урумулдін, өміре көңтиրвлден тійблдін өмәрекін, иччилик турғымер өзіндү үүцијнәкелду, иду-дә бимій, өтбәм әндәйде, дәлдікес, әріксөвәхүн орухуйд'иңжұв. Сү айхұн — сунду, би айып — миндү биңи! — Уәзел-үзел, үәңдәр! — гүнд'өрән.

Тар амардукин әр Коколдокбиң тікен гүннө турғач-сөхөчі өд'аран.

— Күңгир-күңгир, күңгирмой! — Нәкүн гүнді нәкүнми ділачә омолғын д'өргөлд'ин амилкан, Гёван өтіркен н'йдәбү хұнад'ин Сәкак-килийли өн'йлеки, мөрилә соноқохилкән уәү буза Хүркбекчин, би турғымев иргөлбі иктөквәл, дәдауви дәлдікал, сәндуви сиалдікал, түніца турғандук умукбөнмөн ойдәк, д'ан турғандук түніаван д'авакал. Тәд'ә сәңжу сумут бәйе бимій әргийді буза бид'иңи, молток-д'адуңан бәйе өхін әргийдә буза бид'иңи. Тарит си кейівмій-дә «кейивум», гүннө өнө ңбләлде, кеймій-дә «кейім», гүннө өнө ңңені суруру, сәт колкут манді-өміре д'алитпі гиркүмій тулуйдіс буза бид'иңи. Тар бужалу үмүн сәңжу бойун бихин. Тавар улгумайрыс, хунат ақин гүнді ақиннің әктаң ойо түктөлкөн Отани мата гүнмурій ғәрбілкебін бойун бихин гүңкітін. Тар ойолын букатір өрі мата ірәү дундәдү дікәнчөнә өскечө Ирәглайнд' гүнмурій бид'иңи. Тарилдү урәвракис, д'ә уха бид'иңи. Тар-дә бичәлін хүркөн-куңакан д'алин д'олодук-дә манді бивкій гүңкітін: ичхиннөви әхави әкөл хурумда, хәхихиннөви ҳалғанми әкөл чугурутта, д'үр ҳалғалкәндү д'уләвій әкөл бүрә, д'үр ңалалкәнма әкөл ухуннарда, тиңәлкәндүк әкөл тіктө, әвтіләлкәндүк олданда-ни әкөл тіктө, д'алалкәндүк әкөл судурда, хүркөн-куңакан хүктінмен хүктікөл! Ейекитіс өлкін, айхитіс арчаңи! Си айис синду, би айып миндү биңи! Буралия бурасті биңи! — гүннитет.

Д'ә әр амардукин били уәү буза Хүркбекчин д'уләвій ңәнөв-канд'өрдәнде. Горово-кот сурунуви өчө сәра, даһава-кат сурунуви өчө сәра. Д'ударвән силәкесд'ин сәна, болорвөн бәктаңд'ин сәна, туңәрвөн умқактад'ин сәна, ңәнөвкенд'өрән, ңәлкірвөн ләптеркенд'ин сәна суруд'урун. Сәкак-килийли гүннөжечинин илан бирава хәләрән-дә уңискәй хүркүд'урун. Нуңан биксө уداد'иңиң дә, тар-дәт Чолбондәр-өтіркөн бужалан ихилдан бадаңа нуңан. Оқин-дә әчин хокоргоро чут чуқачай дундәлә ихиксә, иченен бихемде — «чалбуң», гүннөн — чалділ актал бра, «Нівең», — гүннан — чулур актал бра; Исарапан», — гүннөн — алал байтахур өрә; «Сәктәң», — гүнчөнен — сирукәр бра. «Салда байлахал мatal бијетіл, бадаңа, нујартын», гүннө — ңәнөвкенд'өрекін, коңорорин тамнакса дәдүн бүгді оран мәтән авулкан, наңдан саңијакилкән, н'бін өхан коколдолкон, амарғын өхан унталкән, буглі уқчакилкән мата

бургалықан хуктувнә өмәд'өрән-ивит арай. Эр өмәд'өнә нуцантикін тікбін гүннә турәчій бід'аран:

— Лиrвә-лиrвә, лиrвей! — Ділачә омолгін *Д'өргөлд'ин* амилкән, Гёван өтіркән нідәйү хунад'ин Сәкәк-кильвли өн'ілкән, мәрилб соножохилкән узү буза Хуркокчонин, дәмдүн доровою д'авакал, амаргұптын улгур биңин! Минәве «йргйт текәлкән»—сәксәлкән мата, өмәкес, доровотпи доксурғәнді, бақиватни бардамданды», гүнекис, Чолбондёр өтіркән омолгілин боккынан бугді укчакиilkәn, бугді төтілкән Боккәлдин гәрбілкән бдам. Турулуйә токун, си д'урсу бү хунатпавун гача гүнмудәви өмәчә бине-бине! Он-дә си, Гёван өтіркән каравул акталдүн қахарвукса, коңорий күвәхәлдүн коңорвукса, гулухәл акталдүн булуныкса, гирамдас хәгдіңбләнәдүкін әхим ңәләр! Эр-ті өхйт чалбан тійевүнд'иви дүлкәкінмас дәлләрәңер иктекес, анжид'авас д'әзинтикій гарададынай, д'әзинңид'евес антикій гарадад'иңай! — гүн д'эрән.

Тікән гүнен-дә, өмәкес, хоронин дулмадүн чалбан тійевүнд'иви иктәд'өрән. Мит бейеңит ёра-вал әчб ңәнәвкәннән ңәнәвкәннетпі тійевүнмән гакса, мәнмән хоромодүн иктерен. Тарыцин бихемде дилин сиклівій, тиңәнин сиклівій, самакин сиклівій дәлләрәңер сурурун. Эр бейеңата мәнмән хокто тәрйиникин гараттан. Тар амардукин әр узү буза Хуркокчонин, д'ә бубачыл маталдулә ихикса, сбјку хымә мурин уйчәвүнин сәргелетін начаванан-дә соноюспій уйдән. *Д'ә* әр өмә бейе тікб гүннә турәчій-сәхәчій бід'аран:

— Убәлә-үзәлә, үбәндәр! — Хујту дунда хәдијдүн, туспа дойду түйгүндүн өмүкин мәнин сб солочай, өмүкин бәзин балдічә узү буза сагдіјилин, Чолбондёр-өтіркби, Оннодор-атіркән гүнәріл гәрбілкәхәр сагділ, уркөвәр нікесәл, доңдоли доровою д'авакалду! Ноноптин дорово биңин, амаргұптын улгур бәзин! Минәве «йргйт текәлкән-сәксәлкән мата өмәнді?» гүнексүн, — узү буза бойунин ділачә омолгін *Д'өргөлд'ин* амилкән, Гёван өтіркән нідәйү хунад'ин Сәкак-кильвли өн'ілкән, мәндуккы мәйиу үбмәлкән, мәндуккы нүйиргис контохилкән мәрилб соножохилкән узү буза Хуркокчонин бй биңән. «Екүн наададу әрбә горо дундәлә айанинана өмәнді?», гүнексүн, сү дулгү хунат-хутәхүн ун'аканд'иви ёва-кат өчін тулутта сбн'иң-Ун'аптук суракин сурурун, гәрбін гәйәнен, тар д'үбүдүн сунчана-дукүрнә өмәм. «Едә?» — гүнексүн, — умучидуккы улдіміjәви, д'үчидуккы д'увчамнүйави, илачиidуккы ийкәтәк гиркйәви улгучбмбчимдәк өмәчәв. *Д'ә* тарә он гүнділ сагділ биңәс? Бурйвер, өхйвер сбт турғенд'и улбутікән улгүркәлду. Айан бейеңен өкелду алачывчара, сири бейеңен өкелду сиричівчара! Эхайл-дә әлвекийде бихиксүн, әрбән горо буҗалә өмәкес, ән так мұчуд'иңай, сү-дә д'алдұхун? Тарит сбт турғенд'и тудаулыкән турәткәлду! — гүнд'өрән.

Эр амардукин д'ү дәлдүккүн умүн сбма ургә тициләк иүнтициргәнә өмәрән-дә, уркә нйвухинчәрән-дә д'өңкүр буқатір ке-

пичий бейе, йүксө, нуңантікін сөт ухат ичәхиниксө, дәлтікій өмәдәрөн-ивит арай. Эр өмәд'ене тікен гүннө турбчы-сәхөчі өд'аран:

— Оқтаний-біктаный, біктан-е! — Эр-ке, әр-ке убү буға бойунин, мәңдукки мәјүн наңмәлкән, мәңдукки күйиргис контохилкән, мөрилә соногохилкән убү буға Хуркокчөнин, доңдолима доровою д'авакал! Ноноптін дорово бицин, амаргұптын улғүр әңин! Минәве «иргйт тәкелкән-сәксөлкән мата биңнәнді?», гүнөкис. — Чолбон-дәр-етіркән амілкән, Оннодәр-атіркән ән'ілкән әктаң ойо түктөлкән Отаний-мата гүнәрій убү буға бойунин, айи букатірин биңнәм. Д'е, тәдук бдакин, си тавар мине-бү сәнбріс сө, анаріс-кү сө? Таваргачин хәгдиң буруйва бча бине, д'орсо ахй наңда дö! Кәрәң, мулан-е-вал омолгыйвав Бәкалдин гүнмурйиве әлдатасө, ава-хиңачын, мәмбиливүн омолгыйд'ивүн сивайбаңдәви н'әкенди дö? Тикун-е-тәлбән-е биргәлби билде! Тавар сәнбінес кихидүн әр-ти әхйт көңтірәс узуктаван ун'акаңд'иви урихйнд'ијәв, уваңас сәксөвөс көңерәнд'едус тәйиксө, н'аңн'а хблаңан итәбәстүн услы-кетнә әвід'ијәв, әвтіләс гирамдад'ин д'үкчәкәна иливқатна әвід'-ијәв, н'иріс гирамдаван мбра иңарәниң итәбәстүн йиргйтікән гирикад'ијәв! Эмәңжт бимй, өмәмәлчәкәл, мучүйәт бимй, мучумал-чакал! Эмейттәкис, тірупчинес сумуві әлнөвөс кейда тікилімә овқанд'ијәв, сон'иң сумуви әлнөвөс кейда судурйтмә әвкәнд'ијәв! Турулуйе тбекун д'е, тувахинди, д'е илә мәнді өмәнді! — гүн-д'арен.

Тікен гүнән-дб бойундаскіт лайдайләви баткарид'ана суру-д'урин. Эр мит бейеңит бихемдә, әр чайгү бейе турәнмбен дәлдікса, сүңун бид'иңен дö ёдук-тә сөт тікүлиksа, нуңан амардукин дуйу дундәду әрчекливи, маңа дундәду хәнијекливи бадараннана-бадараннана баткарид'ахинан. Д'е д'ур айи букатірин илә мәрд'ивер наңдід'ара. Нуңартін бихемде коңорин улда колтолд'ивар коло-вурдаснал, букаталді-кән иктелдінәл тәрәңкөкү күхілд'екетте: колтолтін иңиң и'аңн'алә доргүйилдан, тициләкитін иңиң дундәлә н'иргийилдан, бучукин мона бектараңар ийәдектеметнәл, н'әликин мбва н'албураңар әксөктеметнәл, уреве бимй улту хәкинәл, кочово бимй комулута хәкинәл, дүйу дундәду әрчекливи бадараннана, маңа дундәду хәнијекливи бейелтүнел бләд'ара-ивит арай. Нуңартін бихемде горово-окот күхінөвөр әчәл сара, даңава-кат күхі-нөвөр әчәл сара. Тар н'әкәд'иңел чайгу бейе д'е сөт дәрчә бадаңа: нуңан әду-таду орондіхинчаттан, әду-таду хәнијектөхинчэттән, он-ла ойн сөт мулатчы биңүт, «бейеңиз» гүнна, иңалба иткунайвік өд'аран, курбәлбә күмнүвік өд'аран; ёдә-ла ңонум д'алин урумұлл'әрен, өмір көңтірән тійелд'арен. Мит бейеңит бихемде колторйкләви колочутчаран, иктерйкләви ёдәтчарен, хәкихиндікләви тәптід'арен. Тарбә н'әкәкес, ахұнчад'иңан тар-дәт илан сахамактү дундәнә лиғвөреңер гарадаңан-дб, дізин ңалячай котокбонд'иви қавқаван каркән тәндәви н'әкәллен. Тара чайгү бейе коточай ңалявән уїсиский анучад'ана тікен гүннө турбчы-сәхөчі өд'аран:

— Октаңи-биктәй, октаңе! — Уңу буја бойунин, Хуркокчон мата, бى тулдулайкән түрәтчөрүвөв дöләви дöлдикал, иргөлөвү иктөвкөл, сөндүви силдікал! Эр-ке бى синду ёкун сбва буруйва биав буруйдүү, өр тикен атаңастанды? Ема-дә ңонум ўд'авас олонов буруйив ачин бид'иңен, өмнө ўд'авас коңдортиկәнав ачин бид'иңен. Най боллар омолгыйи мулданина, өр иекүнми мулданина өр муңнанд'ам бид'иңен. Синийе ёвас-кат ёчёв тітэр, синду ухава биав ачин, тарит сатар өркеседүв өкөл илда! Хунатпа гаксад'ары бейә ир буҗаду кинниви балтанаван ичөчес? Ама өңөхйтпү кейчалайи, әдер бейә мәнми гөрбийи-дә өхинни од'оро. Улү баңад'и, таваргачиндү бу-дә хунад'ивун д'улетпи суурүйвэн ёчёв сара. Буруйис баралдан, өр-дә н'екекс, гадис өхин савра. Эду бигде ёчёв бихй, миндук-тб бид'иңэл бойухал бид'иңстин. Тадук өдакин, бى некүн гунді иекүнми ирбү-дундадү өскөчб Ирэглинд'е гунәрү мата, иччилик турәнмөв иргөлөвү иктөвкөл, дöләви дöлдикал, сөндүви силдікал! Би өмнө көнтирең тийәлдөн, ңонум д'алив урумүлдөн, будәрйицив инәййинив өмәрөн, сбт тургәнд'и өмөксб, өркесөвөв орухуйкөл! — гунд'эрэн.

Эр амардукин ичөхинд'иңб өвгидбэйн, ургет-ургет дундеве н'иргиййкнен түнө умүн мата өмәд'эрэн. Мит бейәңжит, өр дöлдиксә, нујанткыйн ичөхиннен бихемдә өр өтән матадук горот хәгдимер-дә, көпмөтпү-дә хулеке мата өмәд'эрэн-ивит арай. Эр өмәнб тикен гуннэ түрбэй-сөхөхий өд'аран:

— Лиңкир-лиңкир, лиңкирийе! — Эр-ке, өр-ке уңу буја Хуркокчонин, доңдолима доровою д'авакал! Тар амардукин улгур өйнан! Минэвэ «иргйт тәкөлкән-сэксөлкән мата өмөксб, улгурилкән бандади?» гүнэкис, — тавар муңнанд'ары бейәңис умүндү балдинан иекүнин ирбү дундадү дикбячэнэ өскөчб Ирэглинд'е гунумурй гөрбүлкөн өдам. Эр си ёкун сбва буруйва оча мата тикен муңнад'анди? Тикүн- ё-төлбөн- ё, ичөмбийе биргөлби билдэ! Д'е би синэвэ өр-ти өхит сумутпи өлнөвөс батта судурйтмэ биканд'иңж, көнтирең ўңуктаван ун'акачанд'иви уржинд'иңж, тикени сөнжине түрчигинес өңөхийи өлнөвөс кейда, тикилмө биканд'иңж, көнжерэнд'өдүс уваңас сэксөвө тәйикс, н'айн'а холајан итөөстүн услайкётине өвийд'иңж, мухәс гирамдал'ин бира урускалин итөөстүн умйвкатна өвийд'иңж, н'ирис гирамдаван мбра ицарапин итөөстүн йиргат-кайн гиркөкбтөн өвийд'иңж! «Ева гунчав гунд'анди», будәриви өмәрекин, миндук өва коргутчицас, мендукки коргуттави. Лиңкир-лиңкир, лиңкирийе! — гунд'эрэн.

Тикен гуннен-дә ёчёв удаад'ара — бутун иректө тийәвүнд'иви хоронин дулмадүн иктөд'эрэн. Мит-да бейәңжит син тулуйтар оры мата өдан, ирбүтө тийәвүн төөрүкита-кат энэ суланта улат суурүн. Мит бейәңжит тар-дат коңкорни улде колтотпи букталыкән иктөнө күхйлд'өкбеттен. Нуңартын бихемдә ёдук-тә ивөңнөкит-арчимишкит бойундасчара-ивит арай. Томтор дундеве омчоројор түнэл, н'аликни мөва и'албурајар, бучукин мөва буқтарајар ийадектәмәттүнэл, дүйн дундадү ёрчөклийөр бадариннанал, маја дундадү хөніјеклийөр

бадарыннайал горово-да, дағава-дә бойундаснавар өчөл сара. Д'ур айткән мата тәрәүкәк күхүд'эрә. Д'уңарвән бимің силәксөд'ин сәнал, болорвон бәктад'ин сәнал, туңервән умқактад'ин сәнал, нәлкирвән бимің ләптеркөнд'ин сәнал бәлдә'ара. Нуңартін бихемде тоңурук анијан үстадын дәрумкіре өнө күхүд'эрә. Тар амардукин мит бейеңит узғу буңа Хуркокчбнин өзбү бейеңе тар-дәт әлчә туулутта — колторйклави орондінчавқаниттан, иктерйклави ёдәтчәрән, хәкихиндіклави тәптід'эрән. Өзбү бейеңе улам-улам молтоб'орон, өмің кеңтірбн тійвлд'эрән, үонум д'алин урумұлдән. Эр амардукин мит бейеңит нуңанмән ахұвчара-кет өнө илан сахамактү дундәвө өмтөрәңер гарадәран, илан тоңорукталқан н'уректедукин д'әзинжү ңалатви иларәкән учихинан, нуңанмән ириктад'амана ојкәй буксәткөнд'ин он'икәнмән бд'аран, ибгунай сәккакәнд'ин сиғдәвөн гивгуд'аран. Өзбү бейеңе будерйиңин инәйиңин өмәрән. Тар амардукин тікән гүннө түрәчі-сәхәчі бд'аран:

— Лиңкир-лиңкир, лиңкир! — Узғу буңа Хуркокчбнин, токтоко-болгойкал! Би ичиләк түрәнмөв иргөлбви иктөвкөл, дәләви дәлдікал, сәндүви сидикал! Екүн сбва буруйва әнадүв ән'икәнмәв әнді? Өкін-дә синдү ухава әнав әчин. Тәдүк айи бейеңен айи бейең әвкі бәлтара, «баракин, мәндүн урга бивкі», гүңкітін. Тарит әріксөдүв әкәл илда. Эдук-тә брақин, би син'иңүн әхим моккусте. Әнә-дә бәлтара, иекүн гүнді нәкүнмөв ун'акандүви ёва-дә өчин туулутта сән'иң-Ун'аптук гүнмурй гәрбилкән киля-влиткәнма мәнді, суруксб, улгучемтәкәл! Д'ә д'уләви бүд'ән-цү, әд'ән-цү? Әмй-дә, әтән, си илан Сибир-сиктірвән ситетір гиркумй, кейікса гамй, гадіс хунат бид'иңиң. Айа д'уләтви син әтән өмәрә, тәд'ә сөңкү мата бимің д'уләвөн-иңүн гамй, гадіс хунат бид'иңиң, — гүнд'эрән.

Мит бейеңит, әрб дәлдікса: «Тәд'әмә-дә айи бейеңен вәмй, бейе мәндүн уха бид'иңиң», — гүнисе, бейеңи ңаладукин д'авакса, иливран. Тар н'әкәкса, д'ә били хунад'иңләви суруд'эрән. Хунат д'үлән ихикса, тікән гүннө түрәчі бд'аран:

— Үңел-үңел, уңандар! — Сән'иң-Ун'аптук, уркөви ніксе, доңдолима доровою д'авакал! Ноңоптін дорово бицин, амарғұп-тін удур бицин! Минәве «иргйт текәлкән — сәксөлкән мата би-хинді?», гүнекис, үзү буңаду оскечә айнакйлдук айаргүти, мата-дук мәниргүти бағдарин мәңүн тәтілкән ділачай омолгүн Д'өргөл-д'ин амілкән, Гёван-әтіркән н'йдеңү хунад'ин Сәкәк-килявли өн'йлән, үзү буңа Хуркокчбнин өмәм. «Екүн әнададу өмәнді?», гүнекис, си гәрбилес соруған өмәм, умүчайдукки улдіміңүеви д'үчайдукки л'үвчамиңайави, илачайдукки ийәктак гиркійеви, гүннө өмөч бейе бихим. Тарә ән гүндіви сөт турғенд'и тулдулыкби түрәткөл, улбутікән улгуркөл! Д'ур ақйнда айа түрәнди улгуми-иеввә ачытін әләкесийде, д'укре комоләре-дә өчөл кейда. «Мәнді, суруксб, улгучемтәкәл» гүнә. Д'ә мәнми әр өмәм, д'ә улгучемтәкәл! Әмөрекис-көт, әхикис-кет әксарі бейе өмәм. Айа-бу әйет

эмечинди, уха-бүү өйт өмечинди? Бий авгүдүн-дэй бөлөм бейе бихим, илан Сибирөө-ситәрй гиркурй матада билд'иңэв. Дээр д'алвий сөт тургэнд'и тулдулайкэн тураткэл, улбулкэн улгуркэл! Айан бейе-өвөн экэл аллаживчара, сирэй бейе-өвөн экэл сирийчивчара». — Узэлбүүдэлэл — гүнд'эрэн. — Тар амардукин эр сөйнүү Унаптуу, д'удукки йүкэс, тикбэн гүннэ турчий бд'ардаа:

— Гурё—гурё, гүрён'о! — Убүү буза бойунин Хуркбкчон гүнэрэй матада, доровою д'авакал! Нокоптии дорово бицин, амаргүйтэн улгур бицин! Бий турэмэв дэлдэдэвийн сөт өйтгээжис, бий-дэх хуркэн кујакан'н'ун улгучомётчицэв, гүнчэйнэм. Синдү таваргачин бардам-доксун д'алилкэн матаду ичэтчэнэ д'улэтии өхим сурурэ. Тэд'с сөнку мата бимий, бикин д'улбэвэй гамий, гад'иңэс, эмий өтэндэ! — Гурё-гурё! — гүникэс, хэтэквид'эрэн-ивит арай.

Мит бэйэцит юлладукин чавархинан-дэй, эр хунат юллавий кирид'ин бейе юллаван тулдирэхээр иктерэн-дэй хөтөкнэн. Бэйе билд'иңэн дб хунатлаа сийх-калти чавархина ахад'аран. Эр хунат баргүн өхий ичөвэрэ мораткий туксаран, морава коңдорохор бололкакнама тэкалэнна туксад'ахинан.

Эр мит бэйэцит убүү буза Хуркбкчонин бихэмдэ порубулбка тигдилэндуулай нуцандукин-дэй хулекэйт өннүүмт туксанаа, давнаа ахад'аран. Эр ахаткэн илан өргөчийн мбрава дэвран-дэй, мит бэйэцит өрөгөмө улам-улам боконд'орон, тар-дат сийх-калти чавархина ахад'аран. Хунат бихэмдэ умүн илй урэлб түханаа истан-дэй, инмэктэн бксэс, илйлэ чийкэн юхинчэрэн. Мит бэйэцит тард тар өчө гүнэ, илардкэн үүкүруус н'өкексэс, илан кирилкэн брбэ сөлөкэн өдан-дэй, хунат ўд'алийн чийкэн юхинчэрэн. Нуцандукин-дэй өнөхйт илй урэвэе улту суурүүк, тар-дат боколдон. Хунат бихэмдэ н'яндэйт арама илдүүк суптиран, багдарин дэгүйткэн бксэс, үүсискэй хуркуд'ухинэн. Эр мит бэйэцит моксоюз-дэгүйткэн бксэс, амар-кэндукин ахамётчараац, д'э нуцан бихэмдэ. Эр ахаткэн-кујакэн бихэмдэ ёдук-дэ горо дундэлб үүсискэй хуркуумийн'ун хуркуд'урчин, убүү н'янжнаа хоромолбн истан-дэй, бкима-кат өчийн хокоргоро чут чукачий лайдалт тиктэн-дэй, илэ мэнин бран-дэ тикбэн гүннэ турчий бд'аран:

— Гурё-гурё, гүрён'о! — Убүү буза Хуркбкчонин, турулуу юл токун, хөрөмө дэрэ, чэлкэх мёван, н'акса хийкин, сий минэвэ бктаак ойо туктэлэн «Отай мата-гү», гүнинди, «ирээ дундэдү дикэнчэнэ оскечэ. Ирэглинд'э-мэтэ-гу гүнинди?» Бука аран хуяту билд'иңэв. Ахаткэн-дэ кујакэн бичээлийн сийгээ өмүкин өтөнли атааастара, синдий юлла-халган миндү-дэ бихин билд'иңэн. «Сий сумудиндэ суму ёчин», гүнинди дб? — Бий синдүк юлла калтакайдинши-кат өхим юблээрэ. Тэд'с сумут сөнку мата бимий, өнөхйтий кэймий-гад'иңэс, эмий ббканими бд'иңэс. — Гурё-гурё, гүрён'о! — гүнд'эрэн.

Эр амардукин мит бэйэцит убүү буза Хуркбкчонин: «Ичэвэл эр ахаткэн-кујакэн бинэ бий-дэ гүнмурй матава тикбэн сацерийн ёду сэстаран», — гүннэ турэнин-дэ өхйтпий йүрэ тикулдан. Нуцантайин өрб-тард өчө туратчэрэ, өмөрэн-дэ коңнорийн улдэ колтотии сений

төкөмәдүн иктерен мит байынит. Аран өчб тәрәхинчаре, ахаткән-куյакан бине тәд'емә-дә сб-дә сумут ахаткән-евит. Били акийлини бид'иңиң дә — горомот әңәхәй-евит. Д'е нуңартын бихәмде омолгыйкән хунат тәрәүкәй болділ'ара: бучукин мбва бұктараңар ийәдәктәмәтнәл, и'аликин мбва н'албураңар ийәдәктәмәтнәл, томтор дундәвә тониоројор түнәл, оңкучах дундәвә омчоројор түнәл, уреңе бимй улту хәкірә, кочово комулута хәкірә, дүйн дундәдү әрчеклівер әйделтүнәл, маңа дундәдү хәнијеклівер әйделтүнәл, горово-кот күхинөвәр өчәл сәра, дағава-кат бойнудаснавар өчәл сәра, нуңартын бихәмде тәрәүкәй бойнудасчал. Эр и'екесең илан бәңа долбонийән, йәғин д'ән долбонийва әнәл илихина дәрүмкірә күхид'әре. Эр и'екесең мит байынит байыни бәйе, ёдә-ла сбүр әмірләч биңйт, ёдә-ла тәптілчә бада нуңан. Эр ахаткән-куյакан ән-дә әңет туруру оча бада, нуңан ёдү-дә орондіхайттан, тәдү-дә хәнијектәхинчэттән, әмір көңтиրен тійәлчә биңйт, ңонум д'алин урумұлчә биңйт. Мит байынит, тарбә и'екесең, ёкун-дә бокой ачин нуңанмән түвкәлтәк-әлтәк перівчәнә эксөтәр әкса, дундәвә илан сахамәктү ливгәрәжәр гарадәран-дә, илан дәрилкән солкомо и'үріктәдүкүн д'әзинијү ңаладуви учихиниксә, нуңанмән ойқой урәлә ирна, эксөкесең, сиғдәвән гивгуд'аран. Эр байе нуңанмән илан долбонийләкән инәңидү ирактад'ана идакад'аран. Эр хунат әрайдәк әмір көңтири тійәлдән, ңонум д'алин урумұлдән, будәріңин инәңиңин әмәрең, нуңанмән, ңү-дә әмекесең, орухуайді ачин әдан. Тар амардукин әр хунат тікән гүннә түрәчү әд'аран:

— Гүрә-гурә, гурен'ә! — Үңү буңа Хуркәкчөнин, гиркү гүнді гиркүв, бәзин гүнді бәзинми, би түрәнмөв иргеләви иктеңкәл, дәләви дәлдікал, сәндүви силдікал! Би әмір көңтири тійәлден, ңонум д'алин урумұлдән, будәрігдәв әдан, «ай байын бине айнијү ахаткән әрайксөдүн илдакис, мәндүс ургә бид'иңиң», билиргил сәрил сағділ тікән гүнијкитин, тарит токтөкол-болгојкай! Ир-ке әр миневе вәлтарақис, гиркү гүнді гиркүс, умучайдукки улдимијүс, д'үчидукки д'үчамајијүс ачин од'иңиң өчә бире дә! Тарит әдан, би-дә буруйив сәврі буруй бимчә бичен-ә. Би акий гүнді акийлавав әүенін ургет ойкәрватин әна әүенімә тирәрівәс мұланикса, тікүлчәв бид'иңиң, буруйив таригда бид'иңиң. Тадук хујтуву ёва-дә әнав ачин бид'иңиң, си мәнді-дә д'алдүс сб хәгдијә буруй бид'иңиң дә? Си ёма-вал сәксөвәс арай авахайл атамартин атаңастәд'ариватин ичечимчәс дә! Тарит-дә д'алдәмкәкал, өхит синөвә-дә атаңастәрій бихикин, би-дә әкин ңері инәңиңив әлдәлән ичеввә илдимчәв, гүнчәчим. Си, тара д'алдакес, токтөрокис-болгојдокис, он ахун бид'иңиң! — гүниттән.

Мит байынит, әрә дәлдікса: «Тәд'емә-дә буруйин доке-ивит», — гүнисең, ңалладукин тәнан-дә тәңевкби. Эр тәңәлкөнисең, иченен-карән айа ичедән умисиммет уларийчай, карән айа тәтін и'ән тәтін әчин әра, карән улор улдән өчін сулапра, карән айа сәксөн и'ән ухачай. Эр байе бихәмде, әрә ичексө, сб-дә бимй д'ә сбмат

богорон, кутуруйдан бадаңа иштән: «Эр карән мулан'ё-вал гиркәй гүнді гирківи өр айләх мүңнәнавав», — гүнән мәнниң-дә көләйдән. Эр амардукин тікән гүнән турәлкән-дә аран өр уңу буңа Хуркәкчөнин:

— Уңелә-үңелә, үңәндәр! — Эр-кә, өр-кә ичәкелду, тікүн'ё-соңомб биргәләв! Карән мулан'ё-вал гиркәй гүнді гирківи, умучидукки улдимүви, д'үчідукки д'үвчамыуви, карән-мал улор айа улдәвән орәжестәчә бихим өчб бирә дә! «Нәй әксә тікән әданді?» гүнәксүн — уңу буңа бойунан Д'әргәлдин амилкан, Гәван әтіркән н'йдәңү хунәд'ин Сәкак-киливләи ән'йлән, мәндукки мәңүмән иәмәлкән, мәндукки күйиргис контохилкән мәрилә соноңохилкән уңу буңа Хуркәкчөнин биңнәм. «Иргйт тәкәлкән-сәкесөлкән ки-ливлана тікән мүңнәнді?» гүнәксүн — уңу буңаду әмүкін мәнниң жәғдің бәзин бчә Чолбондәр-әтіркән амилкан, Оннодәр-атіркән ән'йлән үн'акәнд'иви әва-кат өчін тулатта сәң'иң-Ун'аптүк гүн-мурый гәрбілкән ки-ливлана вәлтарыйдав бчә. Ахаткан-куңдакән буруйин-дә д'океңа, бойухалдус тікүликсә, алгахәчә бихим. Д'е, тарит өр илан Сибир-сиктірдүн миңтікі әрій цүй бихин? Би әнав айавав ңүңнүрді д'алилкән әвенки-аймак умүн-мул мата бирке-гү, әрка-гү? Дәң мосат бимій иччиләк турәнмөв иргәләви иктөвүзин, дәләви дәлдіңин, сәндүви силдіңин, би әма-кат албахитпи әңжет аривра бчә бихим. Умүн-мул айа д'алилкән айтқан мата бимій айайа әракин, би айава айат тамамчәв. Сот турғәнд'и әмексәл, айнәтил бимій аймалчакалду, әңгәтіл бимій, әхивәр айда, и'ән сәвкәкалду. — Уңелә-үңелә, үңәндәр! — гүниттән.

Д'е өр амардукин бихемдә ахұна-дә әнә бихи, коңорир түксуда койунд'ара, бағдарир түксуда барад'ара, хуларир түксуда хүктід'ара, тар-дәт әдін-әдін бран, тігде-тігде тікілден, иманамана иманалдан, бәкта-бәкта бәктаалдан, әдук-тә әвеңнәк-иччиләк коллорук бою бран, агді бою и'иргийден, чагылган бою тікән. Эр тікіксә әтәмүрәкин, үйт илан бағдарин дәгиткәр киғинәннал-кириләнал әмексәл, үржай иларә-дігрә пәрйнәл дәүнкәтәд'әнәл тікән түнәл турәлкәхәл-сәхәлкәхәл әд'ара:

— Кикир-кикир, киңкілән'ин! — Эр-кә, өр-кә уңу буңаду осекенә аյнакілдук айаргүтін, маталдук мәниргүтін бағдарин мәңџиң төтілкән ділачә омолғын Д'әргәлдин амилкан, Гәван әтіркән н'йдәңү хунәд'ин Сәкак-киливләи ән'йлән, мәндукки мәңүн иәмәлкән, мәндукки күйиргис контохилкән мәрилә соноңохилкән уңу буңа Хуркәкчөнин, доңдолима доровою д'авакал! Ноноптін дороға бицин, амаргүптиң улгур биңаң! Эр мунөввә «иргйт тәкәлкәхәл-сәкесөлкәхәл, дәгріл дәктәнделкәхәл дәңйткәр биңнес?» гүнәксүн — өр би и'ән уңу буңаду әскеч-тівәңчә надан әхикәкта укчакилкән Хәгләндәр-әтіркән амилкан, Сивеккилән-атіркән ән'йлән, илан Сибир-сиктірдүн әкүн-дә будәрйен әхй әндәйдә ичәңет иделкән, әкүн уха-дә әвракин айна д'аритті д'арикилкән, буңаң аритті алгихилкән, айи бейәлбән айичимыу, айа удаңан ахаткән Айакчан-киливләи гүнумурый гәрбілкән әдам. — әкүн д'үзүлүп амәнни?

гунэксун — «Эр Чолбондор-атиркэн амйлкан, Ойнодор-атиркэн эн'йал-кэн, ун'аканд'иви ёва-кат ёчин туулутта сон'иң-Ун'аптүк гунмурий аймажткэн ахаткэн будэн-мунден», — гүнэс-тб, тар д'уүдүн өмөм. Эрэй бимий, бэцин-акийни, уүү буџа Хуркбочонин, ёкүн-ка бокс, тикэн муужнайд болжа? Тар-дэй бимий аяа бил'иүн. Сот экэл цэллэрэ, бий турэнмэв иргэлэвий иктэвкэл, дöлжви дöлдикал, сэндуви силдикал! Бий синду ухава бнави ойндас, сукчакави саижантийдэс эр уүү буџат багдарин мөчүн чивкачийн илан умуктаван өмүвум. Таварилд'и бэцэдбэл: хуларин умуктат дöдүн умүвкал, сицарин умуктат гирамдаван имүкэл, багдарин умуктат улдэвэн имүкэл. Тадук бдакин, д'эхжэл өдүк тикэн өкэлдү н'экэрэ, түрэн калтакайан-кат өкэлдү мэжкустэ, д'олихун танигин, батихун д'алувучин, мэвардун колбониктийн, д'ува тাকалду, тоюво илакалду, хутевэ балдивкаалду, сбхувэ курекэлду, оронмо иргикэлду, идэжевэ ижер-кэлду, каччива д'авакалду, тэтэвэ тэткэлду, д'эвгэвэ д'авакалду, д'емуяа айкалду аяа гэрбийвэ гакалду, н'имэр айаргүн бкаалду. Аймакилдун арчактын, аյнакийл айавуктын, сагдлахэлдун илкэйиктийн, эвэлдун-атиркэр алгактийн! Д'ур халгалканду д'улдвэр өкэлдү бүрэ, д'ур цалалканаа өкэлдү ухуннаарда, д'алалкандук өкэлдү судурдэ, тиүэлкэндук өкэлдү тиктэ! Сү айхун сундү, бүй айивун мүндү бибин! Буралыа бурастэ бибин! — Кийкир-кыйкир, киукилайнин! — гунд'эрэн.

Эр тикэн гуниекс, аяа удаан Айакчан-килийли илан умуктава тикид'эрэн-ивит арай. Эрэй бихэмдэ мит бэйзит уүү буџа Хуркбочонин тэвэжсран-да. Д'э, нуцан бихэмдэ били умучидукки улдимнүви, д'үчидукки д'увчамиүви, илачидукки ийлактак гиркиви бэцэдэнэ хуларин умукта мүвэн умүвд'аран, сицарин умуктат гирамдаван имуд'эрэн, багдарин умуктат улдэвэн имуд'эрэн. Тариин бихэмдэ ичед'иже эвгидблэн ноноптидуккикат аяа, улор бхинчаран, тэтидүн бимий йдү-кэт тэкэкэн ёчин, йду-кэт н'аудай-да ёчин бдан. Д'э эр амардукин вр уүү буџа Хуркбочонин тикэн гуниэ турэчий-сэхэчий бд'аран:

— Уүрэл-уүрэл, уүнэдэр! — Эр-ке эхиле уүү буџаду балдийл киливлиткэр, сү д'э бий иччилвэ турэнмэв иргэлэвэр иктэвкэлдү, дöлжвар дöлдикалду, сэндувар силдикалдү! «Ний бданд?» гунэксун, — уүү буџа Хуркбочонин бијнэй. Д'э били миндү айава оча наадан бхижакта укчакийлкэн Хөнгөндор байсан амйлкан, Сибирки-лэн-атиркэн эн'йакэн, илан Сибирдү ёма-дэ бучавэхийн эндэйдэ ичэгээт иделкэн, ёкүн уха-дэ бэржин, айна д'ариттэ д'арихилкэн, бучавэ ариврэй алгихилкэн ай бэйвэлбэн айчимж аяа удаан Айакчан-килийли, бий турэнмэв иргэлэвий иктэвкэл, дöлжви дöлдикал сэн-дуви силдикал! Д'э тэд'эмэ-да эвэнкий ай бэйзэлдүн аяа удаан-ахаткэн балдича бихинд-ивит. Эр бий гиркив, сий вхикис эмэрэ, буунэн-мунден горо очи бимчэ. Тикин д'э буудалжвар мучурйл матаал бдан. Тавар айадус ёмий-кат айаа бд'ицэв, бжин бакалдид-лжвар буралыа бурастэ бибин! Эр айадус балтачий балтард бихийнайа д'авакал! Тадук бдакин, вр бий мэндукки мөчүмэ ибмэлкэн,

мәндукки күйиргис контохилкән мәрилә соноңохив, н'än бى иччи-ләк түрәнмәв иргәләви иктөвкәл, дәләви дәлдікал, сөндүви сил-дікал! Д'е бى умучидукки улдимүүви, д'үчидукки д'үвчамијуви, илачидукки ийактак гиркийөви ёва-кат эчин туулутта сөн'иң Ун'аптук гүнмурый гәрбілкән ахатқан-куңаканма гам. Сөт тур-тәнд'и әмәмәлчекәл, буңалавар сурумулчоқот. — Уңелә-үңелә, уңәндәр! — гүнитен.

Эр амардукин ёкүп нујанмән бәләннәркә болла, әр соноңохит-кән-мурин бихәмдә, ичәхинді әвгидалий иччиви даңадүн иле мән-д'иши әмәкса, коруийхинчаран-ивит арай. Эр әмәчәне мит бәйе-үйт, д'аваксә, айат иченән бихәмдә, әр соноңос ноноптидукки-дә айа, гуд'айхың оча, ёдук-тә сөт бургучб, тулухуйчә. Д'е әр омолгылқан хунат әр соноңостувар д'үгрә мөңжестәнәл, омолгыргү бимй кара хорокиткәнчачин, хунат әрдәеҗехиткән хорокијачин мурин ойолбон капкән хәтәкенчөрө. Нұвә-дә әнәл ичәхине уңу буңа Хуркәкчөнин буңатқакин салайды-дә муринтін «хүктід'әрән», гундә, хуктірйдук хунутут, «дәғд'әрән» гундә, дәғрійдук хунутут, томтор дундәвә тоңијороңор түвкәннәл, оңкучах дундәвә омчоро-ңор түвкәннәл, н'әликин мәба н'албураңар, бучукин мәба буқта-раңар ңәнәвкәнд'әра. Эр бәйә били киннилдүви тікүлман әре-бәр-дә вчин илтәнә биңет бөллаңа, били сибайба-да, ё-дә әчин. Ахиви-нун гаран-дә ёкүн-кәт нәда әчин бадаңа нујандүн. Эр бәйәткән бихәмдә әр киннилби даңалитін ңәнәвкәнд'әнә тікән гүннә турәч-сөхәчий бә'аран:

— Уңелә-үңелә, уңәндәр! — Эр-кә умүн уңу Сибирдү змукин хәгдің бәзин оча Чолбондәр-әтіркән, Оннодәр-атіркән, доңдолима доробойо д'авакалду! Ноноптин дорово биңин, амаргүнтін улгур әңжан! Минәве „иргйт тәкелкән-сәксөлкби мата, әмәкса, доровол-көн әданді?“ гүнәксын — уңу буңа бойунин аңнакілдук айаргүтін. мatalдук маниргүтін ділача омолгин Д'әргәлд'ин амілкән, Геван-әтіркән н'йәңү хунад'ин Сәкак-килівли әң'йләкән, мәндукки мә-ңумә нәмәлкән, мәндукки күйиргис контохилкән мәрилә соноңо-хилкән уңу буңа Хуркәкчөнин биңәм! Ахатқан-куңакан хутважун гадімаду гам. Эчхун бүрә-дә бى аналлакки он әд'әм гада? Би-дә син сунһечин әвәнкі айи бойунин бичав, ёкунман хунтосбл, әнәпекүн әләкейдә мәнми-дә әчвә сәра, тарит син «этәре сибай-баңра», гүннә вчвә тәрийда. Нідук коргуттівар мәрдүн сәрас, би н'än мәнми сәм. Тарә амаргүт-дә, әхйт-дә он гундівәр д'алвар тулдулйкән турбәлду, улбулйкән улгүркәлду. Су айихун сундү, бу айивун мундү биңин! Тар-дә бичблай сөт-айлат бикөлду, ёмай-кат айат н'екейбм, сәнәд'иңәв, буралия бурасті биңин. — Уңелә-үңелә, уңәндәр! — гунд'әрән.

Эрә дәлдіксә, чабу Чолбондәр-әтіркән бихәмдә тікән гүннә турәнми нујандулан өдиндү уңд'әрән:

— Дағир-дағир, дағирйа! — Эр-кә, әр-кә уңу буңа бойунин, аңнакілдук айаргүтін, мatalдук маниргүтін ділачб омолгин Д'әрг-әлд'ин амілкән, Геван-әтіркән н'йәңү хунад'ин Сәкак-килівли

өн'йлкөн, мәндуқки мәңуме нәмәлкөн, мәндуқки күйиргис контохилкөн мәрилә соноңохилкән уңу буңа бойынин Хурбкчөн гүнмүрін мататқан, бى иччиләк түрәнмөв иргөлбви иктөвкөл, дәләви дәлдікал, сәндүви силдікал! Д'е тавар бى д'алдұв сәт әләкинді улғуриңді, городук н'әкәйәрій бәйе барайма тәнмунді. Тар омолгыл суңун әнәл улгучемттө, хунатпар д'албай әнәл нара, тавар айданма ора әчб бире дб. Бى ёва сиидук коргутчам, ахакәнд'икат әхим коргутта, «д'алдұви д'аваран бид'иң», гүннә әкәл д'алдара. Тәдүк әдакин, тавар гүндіңәчинни, мәнді гиркүнді «бкин әләкин әдан, гүнмүй, н'әкәйәдбөвт», бى әүнәм утара. Тәдүк тавар бى ахәкән-куңақән хутөв, ун'акәнд'иви ёва-кат әчин тулуутта сбн'иң Ун'аптук хутө, бى түрәнмөв иргөлбви иктөвкөл, дәләви дәлдікал, сәндүви силдікал! Д'е тавар гиркүй гүнді гиркүй синду сбма әләкин мата әдан, мәнді-дб сәнді бид'иңи, тәрит әдүк әмәрій инәңйлдү, арчарий анијанилдү сбмат айат, сбмат әйелкит бинәл, әнәл түрәмттө, д'ұва д'авакалду, тоқово илакалду, хутеве балдівкалду, сбхуве иргекелду, оронмо курекелду, н'имбр айајин әкаалду! Бى алганав бى алганав әңин, бى түрәнми миннүй-әчин айа илкәйи әңин! Д'ур халгалкәндү д'улевер әкәлду бурә, д'ур ңалалкәнма әкәлду ухуннарда, тијәлкәндүк әкәлду тіктө, д'алалкәндүк әкәлду судурда, әвтилбләкәндүк әкәлду олдонд'ивар тіктө! Су айихун сундү, бү айивун мундү әңин! Буралайа бура-сай бибин! Дағир-далғир, дағиря! — гүниттән.

Д'е әр амардукин әр уңу буңа Хурбкчөнин, нуңан бихәмде, әр мәрилә соноңоспи д'уләвән дулин буҗаткүви салайиксә, д'е илбәд'әкәчирдәкә, кимн'ициңин күхиликән суруа'урин. Соноңос мурин бихәмде тәд'әмә-дб сб-дә сумут мурин-ивит: д'улбдүн бимй багдарин тамнакса бургалыкән суруд'урин, амардүн бимий коңнорин тукала короликәй ңәнәд'әрән. Эр ңәнәд'әнә мурин бихәмде улам-улам дундәду түрйиң әлдән сәвра, тар-дәт дәңилд'әрән-ивит арай. Эр дәңиликсә, нуңан бихәмде д'апкүн туксу д'апкайбдүн, йәенин туксу туктерйәлүн, коңнорин туксу дәдүн нәнәвкәнд'әрән. Д'е әр бәйәл горово-кот сурунувур әчөл сәра, даңав-кат сурунувур әчөл сәра, д'үңарвән бимий силәксәд'ин сәнал, туңарвән бимий умкактад'ин сәнал, ңәлкирвән бимий ләптеркәнд'ин сәнал, болорбон бимий биңад'ин сәнал ңәнәчб ңәнәд'әрдектәре. Д'е нуңартын биксөкөр, ниміјакән биксә, ахүн-дә горо бичблей үдаңјет-дә бәйәл бид'иңетин — тар-дәт дулин буజалдвар исчаралыннит арай. Эр ихикса, уңу буңа Хурбкчөнин бәңза д'апқадүн хактија долбонийва бәңзатанмұчарий мәңүн сәргөдүви соноңоспій үймәлчәрән-дә, д'ур д'апкүн кирилкән ампәр-д'ұви уркәлән әмексә, тікән гүннә түрбчы бә'аран:

— Уңәлә-уңәлә үңендер! — Эр-кө Гёван-әтіркән өхбекбен-д'әв хутөлин — дурукмахун, дорово-д'авакалду! Ноноптін дорово бијин, амаргүнтін улгур әңнан! Тәдүк әдакин, әр мунәвә иргйт тәкөлкөхвәл-сөксөлкөхвәл мatal вмәксәл, дороволкөхол бәлас гүнәксүн, бى мәнми бимий уңу буңа бойынин, аниакйлдук айаргү-

тін, матаңдук маниргүтін, бағдарин мәңүн тәтілкән ділачә омолтін Д'әргөлд'ин амілқан, Гёван-әтіркән н'йдәу хунад'ин Сәкак-килівли ән'йлкән, мәңдүккі мәңуме ішмәлкән, мәңдүккі күйиргис контохилкән мәрилә соноюхилкән уйұ буза Хуркөкчөнин би биңнем. Тадук әдакин, әр гиркій гүнді гиркій бимі уйұ умүн бутун Сибирдү әмүкін мәнин хәгдіс бәյнін бчә Чолбондор-әтіркән амілқан, Оннодор-атіркән ән'йлкән, ун'аканд'иви ёва-кат өчін туулутта сөн'иј Ун'аптук гүнмурій гәрбилкән ахаткән-кујақанма умұчайдуккі улдіміңүйәви, д'үчидуккі д'увчамңүйәви, илачидуккі аналләккі, д'ә илан Сибир-сиктірмәвән ситетіримә гиркукә, әлемөв әксә, д'ә бейәви бейә, д'ә гадімадү гаксә, өмувум. Амін гүнді аміпми, уйұ буза Д'әргөлд'инин, ән'ин гүнді ән'инни Гёван-әтіркән н'йдәу хунад'ин Сәкак-килівли, уркөвөр ийксәл, бй гирківөв ичемелчөкелду. — Үңәлә-үзәлә, угәндәр! — гүн-д'әрән.

Әр амардукин ән'инин Сәкак-килівли, уркөви ийксә, иченен бихәмде, д'ә, тәд'әмә-дә бейә гиркій бихим гүнжетін ахаткән бадаңа нуңан; аяа китіцирас бойун кепиалкән ахаткән-кујакан әмәлдіч-ивит арай. Сәкак-килівли, д'үр ңәладүви әлғене д'үләни йавуксә, н'уңун халгалкән мәңуме кириваттү тәгәвкәнд'әрән. Эр амардукин, тулискій йүкса, д'үрә-иларә әңтөвекөхинен-дә илан нулаги тугурумчөлкән илан кохилкән күрәнд'әлән илан дәткән дөләміч-ән д'алумкәй үхинчөрән. Тар амардукин илан арима актава, илан байтахун бастыңан, илан байтахун бевә вәксә, омолгилкән күкінимй әхиптін малахунатін ичехинд'ијә өвгидаң астаман-дәран-дә, дізин кирилкән осталынд'ава тәникә, аксаман өхй сәвра баран норотпа умывран. Горолб бихівә сбұку н'бәркән оронд'и хүктүвре, дағат бихілбә дулуумдул орорд'и әлғенәл өмувре. Түрүйтімал омолгил голәкә бра, киталикнитімал хүний кинтәкә бра, тууриңд'ән-әтіркөр түвөмөду д'алупра, кодоюйиңдан-атіркәр кочо кочово д'алупра. Эр умыйвуксәл, өвөнкій айи норотін бутуннумән умыйвуксәл, әр уйұ буза Хуркөкчөнин гүнмурій гәрбилкән мататкән ун'аканд'иви ёва-кат өчін туулутта сөн'иј Ун'аптук гүнмурій гәрбилкән ахаткән-кујакан әхиптін сибайбасатін д'әвд'әрдектөр әр өвөнкійткәр. Нұјартын бихәмде әр сибайба д'өвгәдүн йәсін долбонилкән инәңїнә тәңгітматчера: сәхәчіхәл сәхәргөрө, икәләхәл икәре, улгучандыл улгучана, тар амардукин алгалахал алгарға. Тәрит әдук-тә ңопум корулкән-нарилкән, әмінде дөләй өвілкән урү сибайбан одан. Эр умийчал мататкәр, д'әпти д'өвгөвөр өтәксәл, өвікіт лайдацлағвар өтіркөр өтіркәлн'үн әлгөмбітінәл, атіркәр атіркәлн'үн аргистаснал, омолгил омолгилн'үн бодомбтынол, хүний хүнийн'үн әлгөмбітінәл, д'улгү бейәдүк амаргү бейә әхид'ин ичөвре улбуликән бодомбтынол суруксаб, д'ә ңала-алған өвінмән тәріййексәл, түксахал тухсара, килийділ килийкәтта, истаңаләріл истаңаләкәтта, кібактурйл күхүйкәтта, н'брчахал н'брчара, арәхинай манділ матаң тәнчама-ттта.

Эр өвийн дуруктүн өр уюу буяа Хуркбокчондүн тэрэтийн өвийлдэй тавгыт эмчблдук умүн-кут ёчин бран. Арай нууцан'и'унин сбмат колкут д'аланин энэ хавахина өвийлдэй умүн мата оскёч-тівэнчээвийт арай. Эр «иргйт текәлакэн-сэхэлжэн мата бдан», гүнмийн мит мөртэ бэйэжит ионоптэ кихалгалдукит бихачаа били Коколдокбон гүнмурй амилкэн, томодикэн ўд'ачий Ихмөкэн-киливлэй ён'йлкэн, мөндүкки хуларин мөнжун нэмэлжэн, мөндүкки илан дарилжэн улгэр н'бүүлжэн мөрилэ орон укчакилжэн дулин буяа Хуркбокчонин гүнмурй гэрбилжэн мататжэн бдан. Д'э тэдүк городук өмчлөж матаал, өр дулин буяа бойухалдукин сбт д'улайжсаал, өвийндук таргахиссаал, буялжажаа буялдулжвар сурутд'врэ. Тар амардукин өр мит Иркисмийд'эт ичнатилин мөртжин умүн дулин буяавар дэлвэн санаал, бутун гброд бжсаал бид'ердэктэрэ. Эр урүү таргаснаадукин өр дулин буяа Хуркбокчонин илаадава-н'ун бирэн, умүн тиманийд бэйэцилби дэптжээжийн төхөрөн, тикэн гүннэ турблжэн-сэхэлжэн бд'ардаа:

— Уүзэл-уүзэл, дэлхэвий! — Эр-ке, өр-ке, амийн гүндэ амийни илан Сибир-сиктэрдүн ситеэрий гэрбилжэн, дулин буяа Коколдокбонин, ён'ийн гүндэ ён'ийни томодикэн ўд'ачий Ихмөкэн-киливлэй, ажин гүндэ ажини уюу буяа Хуркбокчонин, экийн гүндэ экийни ун'аканд'иви ёва-кат эчийн туулутта сбн'иц Ун'аптук — сү дурукихун, бий турэнмэв иргэлжвэр иктивкэлду, дблэвэр дблдикаалду, сэндүвэр силдикаалду: бий өдүк-тэх урүнмий-кат этэн Йүре, ийев-кэт этэн балдира, д'аланни д'акнаран, улдэв сэхин ситеэн, тарит илан Сибир-сиктэрвэн ситеэрий гиркудэвийн ёйчим. Тарит ёкун-мал сорукийн бүкэлду, иртий бий гиркурдуйвэлэкин дундажаа сэрийл бимий н'уун'йкэлду. Мөнни д'алвав дэлдимүрэл бихисун, умучийдукки улдимижийэви, д'учийдукки д'увчамижийэви, илачийдукки аналлак гиркайэви бакадаий ёйчим. Тарит авгүхун н'уун'итгэс? Сэрийл бимий сбт тургэнд'и н'уун'имэлчэлжэлду, сирэй бэйэвэн экэлду сиричивчара, айан бэйэвэн экэлду алживчара! Ахүн-дэ горо, гүннэл, экэлду кэрэйдэ, хуркэн-куяжэн гиркунмэн гиркурдийн мататжэн бијнэм. — Уүзэл-уүзэл, дэлхэвий! — гүнд'эрэн.

Эр тикэн гүннэдүн ён'ийн Ихмөкэн-киливлэй: «Бий эчэв сэра, амийндэ сэран», — гүниттэн. Тэду бихэмдэ амийн Коколдокбон бихэмдэ: «Бий илан Сибир-сиктэрвэн гиркучалжий, бойундастжидук хулэксэ, ахтжан-куяжанаа эчэв хэрүүчэрв, тарит бий-дэх эчэв сэра. Тавар ажиндэ уюу буяа Хуркбокчонин сэран бид'инжэн», — гүниттэн. Тэду бихэмдэ өр сбн'иц Ун'аптук:

— Бий сам синду өлөхин ахтжанчма, — гүнд'эрэн-ивит арай.

Тар амардукин өр сбн'иц-Ун'аптук, бмакта кукин, дулин буяа Хуркбокчонийн дэптжээжийн төхөксэ, тикэн гүннэ турблчий-сэхэчий бд'аран:

— Гурё-гурё, гурён'ой! — Эр-ке, өр-ке, дулин буяа бойунин илан Сибир-сиктэрдүн ситеэрий гэрбилжэн, дулин буяа Коколдокбонин амилжэн, уюу буяа бойунин н'аижн'а омолгийн Д'үүжирманд'и амилжэн Ихмөкэн-киливлэй ён'йлжэн, мөндүкки мөнжуме нэмвэлжэн,

мәндулкки улгөр өлгүрилкөн мәрилә үкчакилкән, дулин буза Хуркокчөнин, иңкүн гүнді иңкүнми, бى түрәнмәв иргәләви иктөвкәл, дәдүви дәлдікал, сәндүви силдікал! Д'е бى сәйиби н'үзүн/йәккәтө, өләксьийм «әләкин» гүнд'ијас, өмір «әхин» гүнд'ијес. Эр дилачай йүктөмәвән сурурукис, илан Сибирбә өрәзәмә токорда'ори хәгдијә хаваңай соңкү бөзин бчә надан бихиқта үкчакилкән Хәглән-дәр байан атіркөн, Сивекшилән байан атіркән гүнмурйл надан хунәд'итін хөргөн бна оскечә, илан Сибирду ёкүн суксакәва дуруккән өнә өндәйдә ичәрі ичәрәт идеалкби, бучә-дә бихиқин, ариврй д'арыклилкән, ёкүн суксакәва айттідү аналилкән айа удаған Айакчән-кильвли гүнмурй ахәткән бихин-ә! Ката сө, сө горо буза бид'иңән. «Коловурин ахун?» гүнәкис, дәгрй дәктен-далякән ңәнәтән, йәгрә умүкса, истін буза бид'иңән, дундә ойолын тоңкурчактана ңәнәрй, илан йөргө хутәңжисә, истін буза бид'иңән. Тарә өмір көрәйдә, суруксә, өмуvreкис, дуруктүт-тә айа бимчә гүнчәчим. Сий-дә мәнді сәкал, ән гүнді д'алвй турбткәл — Гурә-гурә, гурән'о! — гүниттән.

Эр дәлдіксә, өр дулин буза Хуркокчөнин тікән гүнә турәчай бд'аран:

— Үңәлә-үңәлә, дәләзәй! — Уәй гүнді уәй, әкін гүнді әкінми, ун'аканд'иши ёва-кат вчин тулуутта сән'иң Ун'аптук гүнмурй ки-ливлиткән, д'е тавар сй сöt әләкинд'и н'үзүн/йәнди. Бى д'алдув горон сбүр айа, даңалә гиркучәләви гиркучәдү-да әхим иәре, суракин-да әтән субулуна, гәрбін-дә әтән гәйәнә. Илан Сибир-сиктірвән ситети гиркуракис, мәндүв-дә астік, сунду-дә астік, аңнакиль айаргәнти-дә дәлдіридүтін айа бид'иңән. Тарит, уәй гүнді уәй, тавар дундәвә н'үзүн/йәнәдүс балтаччи балтарә баҳива бибин! Д'е бى айив миндү, сү айихун сунду бәзин, буралия бурасай! — Үңәлә-үңәлә, дәләзәй! — гүниттән.

Тікән гүнән-дә, тулисқи хәтәкәнчәрән-дә мәндулкки мәјумә нәмәлкән, мәндулкки улгөр н'бәзүлкән мәрилә орон үкчакки ойолын кара хорокйткәнчәчин капкан хәтәкәнчәрән-дә, дилачай йүктөмәвән иуџан бихәмдә. Мәрилә орон үкчакин әдү-таду түнә, тәнинәдікәрд'и дундә кирсидукин нәптәлмігдә тәвиина, бучукин мбәвә бұктараңар, н'адиқин мбәвә н'албураңар, секта мова сиїа, томтор дундәвә тоңюрөдор, оңкучак дундәвә омчоројор түвкәннә, мәрилә үкчакин д'уләдүн багдарин тамнакса багдалыкән суруд'урун, борбуйдүн коңорин тукала короликән бодод'орон. Эр бәйеткән бихәмдә өр ңәнәвкөнд'әнә, амасқай әтәхиниксә, тікән гүнә турәчай бд'аран:

— Үңәлә-үңәлә, дәләзәй! — Эр-кә, әр-кә инәңијиив ңәрихийен ичәвкәнчәл, дулин тукала дуңдаудын балдівчәл сағдіңиби, тәдук амилкән, ән'йнми, чут чукалкән дулин буҗав, балдіа'ак д'ур д'апкун кирилкән алаканд'а д'үв, ал тојов — дурукихун, бى түрәнмәв дәләвар дәлдікалду иргәләвөр иктөвкәлду, сәндүвар силдікалду! Тәдук бдакин бى ахүндудай өмериби вчәв сәра, коловурбән гүнмүй, дундәв горон бихайд'ин, сöt сотору гүнми-йәзин

анյанийлй өмөд'иңөв, дулиндулын гүнмий — д'ур йөсүн анյанийлй, сөт удамй — илан йөсүн анյанийлй өмөд'иңөв. Тарә нағенекив: «Әр бәйеңку-бәйе гиркунин ёдү-вал тәнмуран», — гундевет. Тадук будерийив инеңијијив өмөрекин, өдіндү иччиабк турбими уңа'иңөв. Сү-дә бимй будерийијөр инеңијијөр өмөрекин, нән сөт тургенд'и сәвкәмалчакый иделкәхәл өдәват. Тар-дә бичелин ёдү-дә өнөл бакавра, атағастарава айадук айат бикәлду. Бى айив миндү, су айхун сунду биңин, баран горо анյанийлду бураллия бурасты биңин! — Үзөлә-үзөлә, дәләвәй! — гунд'өрән.

Д'е тар амардукин өр сөн'иң Ун'аптук гүнмурый ахаткән тікән гүннә турәчىй бд'аран-ивит арай:

— Гурә-гурә, гурән'о! — Эр-ке, әр-ке, нәкүн гунді нәкүнми, дулин буја Кокодокбенин амайлән, томкодікән ўд'ачи Иімекби-киливлι өн'ілкән, мәндукки мәнумы нәмәлкән, мәндукки улгәр өлгүрилкән мәрилә укчакилкән дулин буја Хуркәкчбенин, бى турбимөв дәләви дәлдікал, сәндуви силдікал! Д'е бى синдү сөви сөб горо дундәвә н'үүн'им, тар-дә бичелин өвнас би'ис сад'иңан. Билиргил сәріл сағділ: «Д'аланин әд'әлін д'акнара, улән сәхин әд'әлій сittә гороло өңиәрә уңде», — гүниңкитін. Д'е мәнді өвнас би'ис садиңан, мәнді-дә гиркурма гиркури мата бид'иңөс, гүнчәчим. Тарит син бәйе бри айлакан бимй, илан Сибир-сиктірвөн ситетір гиркуксә, син хоролихинд'иңөс. Тадук өдакин өр хоктос дурукин арахинаш кулда'ухал кубулгатіл, д'икәй д'ивилгәтіл сөб баран бид'иңетін, тарилдук сөт мәтүчәнө н'әкәйбәл. Тадук тавар укчак оронді сиан өхин суруру бужал брактін, мәнин мәтәвд'иңди, тарә өңиәкәл сиңаләрә. «Әдү биктө», — гүнәкин, тәдү тіниксө, мәнді ёкүн-мал албахитпі суруңнукул. Тадук өдакин, синдү аналилкән ахаткән бид'иңи, тарә мәнин-дә сәран бид'иңи, өтән кәчесте! Тарит си гиркунді н'амадук умүнму синмачәдүк хуләкет үәнәкин, бى турбими айа алгис биңин, д'ур халгалкәндү д'уләви өкөл бүрә, д'ур үәлалкәнма өкөл ухуннарда, д'алалкәндүк өкөл судурда, өвтиләлкәндүк олдонд'иши өкөл тікре, си айис синдү, бى айив миндү биңин! Бураллия бурасты биңин! — Гурә-гурә, гурән'о! — гунд'өрән.

Әр амардукин бихемдә өр мит бәйәйт дулин буја Хуркәкчбенин, мәриләтікбн орон укчакитпі ёдук-дә ивеңиңбекит, әрчим-иекит ділачә Ыуптумөвөн укчакки салайкес, айаниана, блй-дә тәлій әлсөтеннә нујан бихемдә горово-кот сурунуви өчб сәрә, даңапа-кат сурунуви өчб сәра, д'апкун туксу д'апкайәдүн, йөзүн туксу тәктурйөдүн айанинәд'ардаға. Әр мәрилә орон айанин гирандиклән гирактан хәвупна, хәтәкәндіклен хәтәктән өмірле, айанин соңурма тәнийнә үәнәд'өрән. Әр дулин буја Хуркәкчбенин нујан бихемдә соңурма хәвупчамарал-ивит. Арай укчакин-дә бихемдә мәндүн әлекин орон биңет, бадаңа: нујан үәнәнжөвөн ичөтмй, д'уләдүн бағдарин тамнакса бургалыкән суруда'ури, амардукин бихемдә коңнорин тукалат короликән, хәкихиннә нујан йаду-дә түрін өхин виң сәвра д'арилкән-д'өргөлкән суру-

рун. Д'э тар сүгділәдүн нуңан бихәмдә аді-дә хуңту дундеве давдід'аран тар-дә бимій нуңан бихәмдә горово-кот сурунуви әчб сара, даңава-кат сурунуви әчб сара, туңервән бимій умқактад'ин сана, д'уңарвән бимій силәкесд'ин сана, болорвөн бимій бәнад'ин сана, нәлкирвән бимій ләптәркәнд'ин сана алданнад'аран. Д'э әр үенөвкінкес, арахинай ухал мускәтічіл бујалба илтәниксб, ёкүн-кат охіктачин-кат, урүчин-кат әнен утарі ичәхине калдіс кадарлә исчаран-ивит. Д'э әр кадаңава ихиксә; әр мәрилә орон бихәмдә ән-ла олонимбтено-йү, ән-јү д'ур сәйми сәрбәлівчөн-сәрбәлівчөнне иччин ән-дә илбәчәлін әнә олухуйда узуңнад'-аран-ивит. Арай тәдү бихәмдә әр бәйәңку бейе бихәмдә «әдүк әргәчін бујайдағы н'әкәттән?» гүннә укчакки д'әгмәдүн хәкихинд'әрән-ивит. Эр мәрилә орон, үзіскій улгүнчаксә, умұтқтор бран-дә умнәкемә илихинчаран, дісан халғанми діјинмұхбәт түксә, тікән гүннә түрәлкән-сәхәлкән әд'аран:

— Эңтәвлән'ин-әңтәвлән'ин! — Эр-ке, әр-ке әхіле, иччириңд'әв илан Сивир-сиктірдүн ситетір гәрбілкән дулин буја Коколдокбән амілкән, томкодікән үд'ачій Инемекән қиливли ән'ілкән, мән-дукки мөңумә нәмәлкән, мән-дукки улгәр н'әбүлкән мәрилә укчакилкән дулин буја Хуркобкебнин иччириңми, бىй турәнмәв иргәлбви иктөвкәл, дәйәдүви дәлдікал, сәндүви сиалдікал! Д'ә би әдүк д'уләсский ситан әхіе н'әкәйзәре бујал әда бид'иңн, тарит си мәнді ёма-вал албахитпій ңөнөмеккәл. Би әдү өмәнмұктө, оңжови оңжокто, пәріне әмәделәс дәрумкіктә. Амаргұт мәнді, илан Сивир-сиктірвән гиркуксә, өмәрекис, бујаләви мұчүхиннан-кис, дібін үәла дірамұликсә, төбөрикта ңонумұликсә, бихикив, мәнді-дә мұчүрілдүви айимчас әчб бирә дә. Д'ә би турәнмәв ән гүнченді, д'алдәрій д'алилбій улбутікан улгүркәл, тулдулайкән тұрткәл! — Эңтәвлән'ин-әңтәвлән'ин! — гүниттен.

Эр амардукин мит бәйәңит бихәмдә мәрилә орон укчакки дәптикәй иличчана тікби гүннә турәлкән-сәхәлкән әд'ардаја:

— Уәзеле—үәзеле, дәлеңәй! — Эр-ке н'ян би түксарый халғанми, дәгрій дәктәндәв, мәрилә укчакив бараксан, тавар турәндүс балтаччи бахивайа д'авакал! Тәдүк әдакин, миневе «соңку бәйе бине ёкүн-дә сәма турәнмій кәрес әчә өмәнә», — гүнд'иңс, тарит си өвәнкіткән бәйе д'ур киңінен даран иливуичәчин д'ур чөр сәндүви сиалдікал, иргәлбви иктөвкәл, дәләви дәлдікал! Д'ә си бимій әр бујадү әлб-кет әнә суруру, ёдү-кат әнә бакавра сомат айат оңжови оңжоконо, дәрумкітнә бикәл, синеве ё-кат әзин олбимура, ойолис багдарин чивқачан-дә әзин дәгрө, д'улавлайс кувас кутуїак-кат әзин тбра гиркура, д'алилкән әзин давдіра, үәләвкөхәл бәйур әктин үәләвкөн! Би, әр суруксб, химат н'әкәй-шмій, туңурук анжаный сабд'иңәв, әлекінд'и гүнмій, д'ур анжаный дәлдівд'иңәв, удамй илан анжаный өмәд'иңб. Тәдүк әдакин би-дә си-дә будеріңит инәңжит өмәрекин, өдіндү иччиләк турәнмәр үңнәл сәлдід'иңт. Си мәнді гүнәнбәчинни, өмәделәвв діжин үәла омоуликал, төбөрикта ихевкөл. Си айис синду, ба

айын миндү биңин! Буралийа бурасті биңин! — Үзөлә-үзөлә, дәле-
бәй! — гүниттән.

Эр амардукин укчакки улгәр н'обүвән ибмән ойолбын гарада-
ран-дә мәниң, иларәкән уңкуруус-коләхис н'екәксө, сбн'иң моксо-
был дәйткән әкәй, калдис кадарва уңискбый хуркуд'ухинән. Д'е
иуңан бихәмдә, эр суруксө, н'аңн'алә уңалачарй калдис кадар
ойолбын ихиксә, әкима-кат өчин хокоргомкоро чут-чукалкән бу-
յалба исчаран-ивит. Д'е әр үңәнд'әне айат ичәнән бихәмдә өр
надан әжикәкта укчакилкән Ҳәгләнд'бр әтиրкән, Сивәккилән-
байан атиրкан гүнмурйл сағділ буяләттін ихилчә биңт бадаңа
нујан. Тәдү баргумай әхй ичөвре мәрапчанак бихин-ивит. Тар
баргүдүн ёдук-та әмнә лайдаду ойдан ичәнән бихәмдә бутун му-
даннәја-чирип мурир сбхул әда. «Иңәран», гүнчәнән ииак сбхул
бра, «чалбүк», гүнчәнән чалділ актал бра, «н'ивәк», гүнчәнәп—
гулур актал бра, «сәктак» гүнчәнән— сирүткәр бра. Д'е әр
Ҳәгләндәр байан әтирикән тәд'әмә-дә сб-дә байан әтирикән бичә-
ивит арай. Д'е мит бәйәңит дулин буңа Хуркәкчәнин, өр н'имә-
рлә ихиксә, тараңнәр тәвирватин, тіргилаттар тәргеммәти, тур-
гаттар тулгидәвәттін ичәнән ёдә-ла балдір чукаңитин қагдарийчә
биңт, балдір мәңиттін бучувчә биңт. Нуңартын тулгидәдүттін
илен нулгү тобурумчәлкән бойундаживуны лайданитин тұкалан
саңн'аңијачин тіпүхйнчад'аран. Тар дәдүн бихәмдә діңин кирил-
кән сөлә колоруктәна н'екәйд'эрән, тарн'ын умүн ахәткән-куңа-
кән анам-тәкій бутун ағдакадінин хуңтувуми давчамнин, байта-
хун бә д'апкун әвтиләлкән-ихакидинин гихитти багдарин тамнакса
дәдүн ичәвүлтәк-әлтәк пәримбәтчөрән-ивит. Эр амардукин мит
бәйәңит дулин буңа Хуркәкчәнин, нуңартын дағалайтін илтөрәзәр
куңуна илтәниксө, өр д'үчил сағдіңилдуләви ихиксә, д'үтін
уркәдүн көпкән дәхинчаран-дә, иларәкән уңкуруус-коләхис
н'екәксө, иле мәнд'иви әкәй, тікбін гүнә турәлкән-сөхәлкән
бәд'аран:

— Үзөлә-үзөлә, дәле-бәй! — Эр-ке, өр-ке ичәкәлду, надан әхи-
кәкта укчакилкән Ҳәгләндәр байан әтирикән, Сивәккилән байан
атирикән, иччилемә түрәнмәв иргәләввәр иктәвуксөл, уркынд'звәр
нікәлду. Тар амардукин ионоптін доңдолима дорово биңин, амар-
гүптиң улгур әңнән! Эр минәвә «Йргит тәкелкән-сәксөлкән мата
бәндә», гүнексүн, — билир дулин буңа бойунин Ирикисмәнд'б
гүнмурй амайлкән илен Сивир-сиктірдүн ситетір гәрбілкән дулин
буңа Коколдокбин амайлкән, мәндүккү мәңумә ибмәлкән, мән-
дүккү улгәр әлгүрилкән мәриле орон укчакилкән дулин буңа
Хуркәкчәнин бى биңнәм. «Екүн сбма сорукилкән, д'алавинай на-
далкән бәндә», гүнексүн — д'е сү ҳергә хутехун илен Сивирау
ичән иделкән, сұксакава айитті д'арыклилкән, бучбә ариөр алги-
хилкән айа үдаған Айқачан-киливлі гүнмурй гәрбілкән ахәткән
сураклән сунчана айанина өмәм. Тәрә умүчидүккү улдимүйәви,
д'үчидүккү д'увчамиүйәви, илачидүккү аналләк гиркйәви улгу-
миксө, туркәвумдәк-ку, ғамдак-ку өмәч мата биңнәм. Тәрә би-

гунді д'алилбар сöt турғенд'i тулдулайқен турткәлду, улбутікен улгуркәлду! — Уәлә-үзәлә, дәләең!

Д'ә әр амардукин д'үр д'апкун кирилқан ампар д'ү уркен калигирикән нйвухинчөрән-дб умүн чистай өзеке п'үриктәчі сағді етіркән йүрән, нујанмән дәптикәкі тәжекес, тікән гүннә турә-чи-сөхәчі әд'аран:

— Ейдең-әйдең, дәңидор! — Эр-кө, әр-кө дәлдікал, доңдоли доровою д'авакал, амаргұптын улгур бијан, хуте, хуте! Илан Сивир-сиктірдүн ситетірін гарбилькән дулин буза. Коколдокбанин амилкән, томкодікән үд'ачай Иімекбн-кілийли өн'йлкән, мәндүккі мәңуме нәмәлкән, мәндүккі улгәр н'бүзүлкән мәрилә уқчакилкән дулин буза Хуркбекбонин гүнмурй дулин буза бойунин, бй турән-мәв д'үр чөр сөндүви айамамат силдікал, ая мәванд'iви д'авакал! Д'ә тavar сй улгурвас дәлдім, дәлдінави аналлак гиркійевій дотпи д'ончары мататқан бихинд-ивит, ол ихин ионон-дә балдінахун бийхүн тікән бичән. Кө, хуте, әхйлә әмәнді, тavar ая. Эхйлә әд'амй-дә, д'үкрең боксәл, он-дә бомй мәндүхун-дб ая, мундү-дб ая. Бу-ләкә мэрвун әдә синөвә сәлимчәлбүн, ката әмәнәдүс урунув. Д'ә тар н'әкекес, тavar әхйт хәргү буза авахин атаманин алтама таратайка-сәргалкән Айдар-сбн'iң гүнмурй авахий буқатірин әмексә, д'үр жүркән хутевөв д'үкрәвә кейиксә, хунатпав бимй әңжайтпі әкседбви н'әкелчән'ун тavar хунад'ив мәнин бойундасчаран. Кө, хуте, сöt турғенд'i гиркиләви сурукул, дәң, бейәл брый аналкәхал бимй әтес тітөвра. Балдінахун бийхүн өр Сивирдүн ситетімчі, н'аңн'адук караңачи бимчә бичән-ә! Нујан ахүн сб бичбәлін айлининахун айхүн әмчә алгахара бичән, бollaңа; тарит ир ахүн бичбс. Сöt мандүвкал, оңеңж-н'үн ңаладукин кейан хүйзіңүй, баҳиван'үн умүндү гирківи гаксә, хүйзін-мумчәс, бollaңа! — Едең-әйдең, дәңидор!

Д'ә әр амардукин мит бейәңит бихемдә, д'ә етіркен улгурвән сöt айәт дәлдіксә, тікән гүннә адікүн турәнмә улугурда'эрән-ивит арай:

— Уәлә-үзәлә, дәләең! — Эр-кө, әр-кө әхәкенд'ев надан әхин-какта уқчакилкән Хәгләндәр байан етіркән, Сивеккилән байан атіркән әвбкәнд'ев, тavar улгурдүхун балтатчі баҳива бијин! Бй сү д'уләдүхун улор улдәлкән өзің гирамдави әнәмә од'оро илан Сивир-сиктірвән ситетірі гиркурдајим, ичәрдәеүим. Су ѡңум д'алвар әкәлду урумурда, әмір көнтирәлбәр әкәлду тійејүрда, айал бид'ијёт. «Нујандүн кейивд'ијә», әхим гүнә, кейиврів инәңжін әмәрекин, ділачава коңорин түксу кайд'ијән, бй кейиинава тарит сәдәвар. Сәмір-н'үн, ионокийдук дурукихун, апкін-вүксәл, будәвает. Бй-н'үн кейивракив, илан Сивир-сиктірдүн ту-лүйді мата әчин бид'ијән. Тарит нујан ишикінд'i мүннад'иңадукин мбрдин мәрвөр караннахун горот хуләкә бид'ијән. Тарит буралийа буракай бијин! — Уәлә-үзәлә, дәләең! —

Тікән гүникес, өр мит бейәңит бихемдә билік бойундасчарыл бәзәңжилдуләви иопокийдук сохурғаша тікүнчана иунартікітін ка-

риткәрви түкана-түкана, дүйү дундәду ёрчекливи бадарәнна, маңа дундәду һәнијәкливи вайылтуңе гираныйд'ардаа. Эр бәйә ти-күлнави сөдүн д'ур чавурагайдукин д'ән сәрә тоюо д'ануд'аранд'ән чараткыйдукин уваңас буйуксу сәксө чикнийд'эрән, дірамду-лыйви аран өчб хитамда, нәмкүндүлүйві аран өчб өтимде. Даңалә-ти әмәксө, иктәлд'иви кавириниксә, тікән гунда түрәчىй бд'аран:

— Үңелә-үңелә, дәләңәй! — Эр-кә, әр-кә гүнәм-кә, хәргү буңа авахин таратайка-сәргалкән Айдар сбн'иј буқатир, ионоптін до-рово бицин, амаргүптиң улгур бүнән! Эр миңе «иргйт тәкәлкән-сәксөлкән мата әмәнді?», гүнәкис — дулин буңа бойунин илан Сивир-сиктірдүн ситетір гәрбілкән дулин буңа Коколдокбнин амилкән, томкодікән үд'ачи Иңмәкән-килүвли өн/йлкән, мәндүкки мәңумә нәмәлкән, мәндүкки улгәр н/бүлкән мәриле укчакильтән дулин буңа Хуркобкбнин би биңнәм «Екун наңадау әмәнді?», гүнәкис — тавар умүчидукки улдимүүви, д'үчидукки д'үвчамүүви әріксөвбн орухуйнәд'ә әмем. Гиркү гунді гиркүв, илан Сивирдү ичбн иделкән, сұксакаға айитті д'арыкликтән, бучәвә ариврй алги-хилкән айа удаңан Айакчын-килүвли, би ичилдік түрәнмәв иргә-ләви иктәвкәл, дбләви дблдікал, сәндүви силдікал! Си д'аланді әчин д'акнара, улдес сәхин әчин д'ипкире бид'иңән, тәрит чәскі адаңымқакал! Би-кәнә нүзданн'үнин оңкай бұксәткәнән өн/йәрви блдимкакта, ивгүнай бұксәткәнд'ин сиғденд'әлви гивгулдікта. Тәдүк бракин, ад'арай омолгүн, әмүкин ёха, оңеңә омолгүн, сәксө ңала, сивичә д'авад'и, мунуксө бәлсө, әкүн буруйба бочал айиткәр мatalба тавар тікбн сиғде бксә аңардасті атаңастад'анди, әмүкин куриләд'әнни? Синиңүн урәт хуркән-куңакән би әмем! Сәрәнкәл-сербәнкәл! «Со бәйәвә өнә сәвкәна д'аптен», — гунд'иңәс, «Айа бәйәвә өнә мәтәврә балтаран». — гунд'иңбс. Үхинмий-гү, суручинди, бойундасчап-ку? Бойундасті бимй әкүн албахит-ку илдіттеп? Иле мөрд'ивр-гү? Содомма боча бәйә, си сәқал, би авгудун-дә гиркүд'иңәв, миндү син умүн. — Үңелә-үңелә, дәләңәй! — гуниттән.

Д'ә тарә дблдиксә, әр илан Сивирдү ичбн иделкән, әкүн араңын айитті д'арыкликтән, бучәвә ариврй алгихилкән айа уда-ңан Айакчын-килүвли авахий буқатирвән илан берастемектү чубу-рус н/әкәкнән д'улкулброн, амаргидайты тейне адаңыд'аран. Тар амардукин дулин буңа Хуркобкбнин Айдар-сбн'иј д'улвлын түк-сана әмәрән, утари илдан. Айдар-сбн'иј, тарә ичәксө, «татат! татат!» гүнә оюви тулгуын тапкаңатар бксә, тікбн гүннә түрәчىй бд'аран:

— Диңдә-диңдә, дірген/инд'ә! — Эр-кә, әр-кә, ичәкәл, д'урсу билирги устокив Коколдокбн хуркән хувулгат хутән йдук н/ән әмәрән? Эрй, ичәмбй — тәлбән'ә, тікүн'ә биргенд'әлби билде! Карән-карен, мулән'ә-вал, д'ұва тәниксә, тоюво илаксә, хутәвә балдівіјатпав, сохуве иргиңетпәв мөхәктастыд'а әмәчб бирдеңиң! Дулин буңа бойухалин, су кувулгатихун дәлә-дб, тавар-ті бине ңүй бидәви доюмот кәйивд'анди; тавар-ті кувулгатис йүвәнд'эрән,

«ёма албахит йлдід'өп» — гүнчө бинә-бинә. Сүній биксө тар-ті албахихун, тбқундүн аяңихун йүзбіттөн. Билир амйнды Коколдокон кувулгат мине, курғид'ері кулухүндү которбниксә, балтачан. Эхйткен баңас си кувулгаттүс өд'ем-кійе йкес буде. Ке, ке ѡмәкәл! Евән өрүл, мұлтукил матал өдәвар өрит-тарит албахирнал ад'инд'ад'ап: улор үлдөтпөр, иле бодотпор д'ал д'албар боладібәт, сөт турғэнді ѡмәмәлчекәл! — Диңдә-диңдә, диңден-инд'ө! — гүниттөн.

Тікб гүниттөн-дб д'авачи д'агдандаңаңчын каримйтти, сәләмә колтомйтти мит бейеңіт бокбаймай ачин савалыксран. Мит бейеңіт нуңан колтодүн йкес-дб өңт бүрә мататқан өдан, бадаңа, гә бокбайна-да ачин савалсә тухава өчә бакара. Мит бейеңіт бихемдб тәд'бмә-дб сөңкүткән мата биңт, Коколдокон сумун бихин, бадаңа, аваҳи колтодүн би-кат өхин наұра, буқаттіма олғокинма дайбабвчад'аран. «Хәргискій адаңаран», гүннән, үйід'ин, ѡмексө, гедумукмәдүн иктеттөн, «үйискій адаңаран», гүннән, хәргід'ин, ѡмексө, хәқихинйттөн. Тарит мит бейеңіт көлтәччи барихигдадү н'екейзб'еттән, д'е чайу аваҳи омолгын буді өркесен өнін манді боксә, тулуйна әлләсчәрән, бадаңа. Тар-дә бичблін әр аваҳи тәд'бмә сөңкүткү сумут аваҳи бичб-ивит. Нуңартын бихемдә горово-кот бойундаснавар, дағава-кат бойундаснавар өчәл сәра, колто ибин н'аңын алә доргүйд'аран, тиңилек ибин дундәлә н'иргүйд'өрән, балдірі сөхү мұчұл'аран, йүрі чүка көңінд'өрән, буркіләйил бейел-дб буд'өре — таргачын урге иччи-ләк сұксака бою бран, тамтергән бобо тәрилинән, ороскот бобо өвран. Әр матал бихем-дә әр буја лайдадүн йәзин д'ан долбо-нйлкән иненійдү әнәмәл токтохина, дәрумкірә бойундасчара. Тар устадүн әр мит бейеңіт биңәңә колтодүн, охйкадүн өрәжеме өнә наұра бойундасчаран-ивит. Арай әр н'екәд'әнәл били оңеңә буқатірин, үмнә токтохиниксә, тікен гүннә турбчы д'аран:

— Диңдә-диңдә, диңден-инд'ө! Әр-ке, әр-ке, дулин буја Хуркокчбнин, би турғанд'әлбөв дәлчүтчәвкій бд'акал! Әр мит әр бујадү өчбәті кейилдіра, тарит би бујадүв миткечин бойун бейе бойундаскіт бујан бихин. Хәргү буја мәран буқачанын, мәра тамнаксан дәдүн бихин. Тәлә суруқтот, тәлә бойундасті бимй, бодокол, өңт бимй, әкәл! Би әр-дәт сурум. Д'е тәд'ө сәвас сәдәв сурумкокол, тәлә истакис сине-де әләкинмәс ичәд'ијев, бәйикәй бодомкокол! — Диңдә-диңдә, диңнен-инд'ө!

Әр тікби гүннән-дб, иларәкән уңкурусы н'екексө, туруна, дәнинд'ө боксә, чөвлөхинд'өрән. Мит бейеңіт нуңан хәргү бујаду-кин бәлідіт-дә бейеңткен бид'ијан-дб, тәр-дәт амаркәндукин багдарын дәїжиткен боксә, ахаматчаран. Нуңартын бихемдә, ділачә йкәтәмбөбін ичөхиниксәл, ахаматнал айаннад'ара-ивит. Арай үәнер-риви устадүн мит бейеңіт оңеңә омолгынан өрәжеме мәдалад'ана сүзүн өнә үәнәвкәнә әр-дәт д'улблән ѡмексө, дәрәвән охйхиниттан, тар-дәт амардукин бокониксә, көңілтірәвви д'урираңар охйхиниттан. Тікби н'екенә дәлбимә кин'акайна суруд'урин әр мит

бэйэнит: мэнин-дэ боддуккй убуня тувут мататкэн бијэт бадаја нууцан.

Эр н'екексэл, нууцартын биксэл удаад'ицтэн бард-дэ, тар-дат хэргү буца мёран букачандаулан исчардактара. Эр ихиксэл, авахи омолгийн бихэмдэ ёкун-дэ улор улдэлкэнин илэ мэнд'иви эхин тулуйна н'екеийбрэ дундэлэх тикрен. Илэ бэйөвэ катороксбры сималаду дэжин кирилкэн хэхүүлчс сэлэ бокс, тохуйд'аран-ивит арай. Эр мит бэйэнит тара тар эчб гүнэ — тиктэн, илэ мэнд'ивий йаддиксбрэн, тар-дат букалдикэн яктелдлине бойундасчаран-ивит арай эр бэйэнку бэйэ бихэмдэ. Д'э тара сэксэй, эр илан Сивирдү ичэн идэлкэн, араңилба ариттэ д'арикаилкэн, бучёвэ ариврэй алгахилкэн айа удаажан Айакчан-килийви анам-тökий бутун агадакданин хүнтувүүни гаран, энин-тökий д'апкун эвтилблэхн ихакийданин гисви гамалчаран-дэ, самахик-тэтиви тэтгэн. Д'э-вэйт эхийлэ-бэхийн хэкийнилд'экэтэн, ково-чбэрэн кэхэр кицинэд'ахинан-ивит, тэдук тикбий гүнэ турэлкэн бд'аран:

— Хэд'э-хбэй, хэд'э-хбэй! — Эрэй бимий эр-кэ н'ани биньни кэрэн-кэрэн, мулаан-е-вал айткэн матава ичечимний түтэвривэв ичэрэс-ку, эчблдун-цу? Енэй-тёнай аванд'албав, союомо-вол соринд'албав! Нийнич ёкса, цийчив эмэд'ицэн! Бэйкэүн гэлийрэй гэрбий, солтама суракив суксавдэн тэктэний тэрилийн эчэ бирэ дэ! Тавар ухадук би н'екексэ биханивчэв бблла? Эр бимий эр минэвэ вубу буца уратима удаажанин, Уникчай-удаажан эвбкэв илан Сивирдү ухачайва айттэ, бучёвэ ариврэй айилгаду анардүн, арай билир-билир дулин буџаду элэкэс ай эвэнкий бэйэн балддирдүн умүн ус-мата, оскёчэ гүнжийтн-е. Тар бэйэ бунэн д'ур Нэгийн анцанай бран. «Тар чий?» — гунёксун, Гёван-өтэркэн хуркэн хутэн туртгий турэнэ ачин, дэлдэрэй сэна н'ани дулей-н'омбай ус Торбнтай гунумурй эвэнки-айи эхэкэнд'эв бичэ уху. Арай тар эхэкэн гирамдан иччин илиннакин бий гиркй гунд гиркйви, бээгин гунд бээкиймий бихарийв бдан. Эрэй-эрэй бимий, эхэкэнд'эв ўс Торбнтай, сий ёми-дэ иччилкэн бид'ицэс, тарит бий тэд'э айи бэйэвэндэйдиду айлгалдкэн бихикив, иччилэхмэ турэнмэв иргэлэвий иктэвуксэ, дэйлэвий дэлдиксэ, сэндуви силдиксэ, бий турэнмэв толколбкбл, улгуурэв илгэлэвэл! Эр су сэн хуркэн-хутэвэхун алтан таратайка сергалкэн Айдар сон'иц-букатир хүйд'эри сималалд өксөрэн. Тэдү мит бэйэнит илэ мэнд'ивий эхин тулуйда буца, букатима букийтэ дундэлэв сурурун, тара бий-дэ эмухим эрухуйре. Арай сий нэдан д'ан надан бутылкэн утуйевий, илан д'ан илан бутылкэн итарчави гирамдас д'ажихтукин бүрэкис, бий мэндудэвий гахина тэнкисэл, тарилба алгамий арай эрухуйимчэв. Сэйт тургэнд'и утуйэлкэн итарчави коюуллэкэл! Тэдук бдакин ўс Торбнтай эхэкэнд'эв иччилэхмэ сэвүүлин, сэйт тургэнд'и мянтэй эвэски сэвжэд'экэллүү, бий тэд'э иччилэх турэнчий бихикив, бий унтувүүни дэлэн тулуу-ур-талийир тикчэкэлдүү! Сэндулэхун дулин буца Хуркбкчондуулэн сирдэктэ, нууцан эриксэн комускэлдүн миндулэ эмэкеэлдүү, минэвэ экэлдү хүнгэр, бий н'ани су хутэхун бдэвий чөржийн ариксэн Хур-

кәкчәбн'и/үн умүн бдан, «Ема ахаткан бихинд?» гунексун, — Хәбәләндәр байан өтәркән амилкән, Сивәккилән байан атәркән ән/йлкән аядаңан Айакчән киливли бдан, тарит сбт тургәнд/и әвәскәй кәрәйд/әкәлду! — Хед/ә-хәбәй! хед/ә-хәбәй! — гуниттән.

Эр амардукин ичәхинд/иңб әвгиәблән ус Торбытай өхәкәнд/ен наданд/ән надан бутлкан утүйәнд/ен хујтувиң дәлән тулузуркән тикчәрән, илан д/ән илан бутлкан итарчанд/ан килициркән тикчәрән. Тар амардукин әр ахаткан аядаңан Айакчән-киливли били бойундасчарый матаңидуләви коңорын туксу дәдүн һуңтувиңн/үнин гихин ицин умүн тәбүнд/и н/иргийнә суруд/урдуңу. Эр ихиксә, ойолтىн коңорын туксу укчакитпи тула хүктүүк-тәд/ене, тикән гунине турәлкән-сәхәлкән бд/аран:

— Хед/ә-хәбәй, хед/ә-хәбәй! — Эр-кә, әр-кә, әрәй бимй дол-дикалду, ичәкәлду! Дулин буңа бойунин Хуркәкчән-гиркин, бй турбәмөв дәләви дәлдикал, иргәләви иктөвкәл, сәндүви сиалдикал! «Нй әмәксб, д/әрәдәлдән?» гуннә әкәл тикүлда, сй гиркий гунд/и гиркис аядаңан Айакчән-киливли әмәм. Тәдүк бдакин, бй синдү бөләтиңд/и биңнәм, әхйткән ёкүн-кат хүйд/әри мүн-көт, кургид/әри тою-кот әхин тәптире мүд/ин ивирд/иңб. Тәдүк би-лирги әхәквид/ес ус Торбытай утүйәвән авахи букатирткйн, «Иләчийкәл!» гуннә, утәйиксб, тикивум. Тарә, сбт мандувуксә, төвекәл! Тәдүк н/ән илан д/ән илан бутлкан итарчанд/аван синдү гиркивум, әхйт гарадад/иңб. Эр итарчава бимй мәнниң оյеңдала ихиксә, айамат оյеңә амнахинчлән, әхиндукин д/ава-дәви. Д/ә, нуңанмән курбухинйкәлән сбзур әңәхйт д/авад/иңән, хавахинд/икәлән хәвупчиңән. Д/ә, тарлаха сй бн айаврыйти утүй-өтти иктүд/әкәл. Д/ә тәдү нуңан тохин әмәд/иңб. Тар-дә бичб-лийн «кейим», гуннә әкәл өтәксөрө, порувулбәкәндән әдалән дүктөкәл! Тәдүк бй әмәрәкин утүйәви бүдәви! — Хед/ә-хәбәй, хед/ә-хәбәй! — гуниттән.

Тикән гуннән-дб дулин буңа Хуркәкчәнин ойодүн ёдук-та иччи-ләkit тигдә бою тикчәрдәе. Эр тигдәдү әр мит бәйәңит кәңти-рән сбт әмәјелдән, д/алин сбт ңонумулдан, хүйд/әри-дб сималава олоктокбма бран, кургид/әри-дб тоюво түксактаксбома бран. Тар амардукин әр ахаткан-кујакән били утүйәй тикивд/әрән-ивит, тарә бихәмдә әр мататкан әнијү ңалатпи капкән төвөрән-дб оյеңә омолгыйн хоромодүн иктенән сэрэ тою уйискәй кургихинчэттән. Тар амардукин били ахаткан итарчанд/ава, иларәкән далбатаксә, тикиврән. Таринин бихәмдә ус Торбытай тоюлб гарадаңави се-ләүни бн д/ававийниңкн-дә, таргачин-т1 оյеңа омолгийн арканин мандидимадукин лапкан амнахинан-дб бокоймайа ѿчин уйискй си-малайа ѿчин дунделб ирихиликсбран. Авахи бихәмдә бихиңиј-аџиңү өләмәд/ин курбумкорон-да әр итарча сбзурма мандилна д/авад/аран, хавахинд/икәлән хәвупна сбзурма мајат кикихинд/аран. Эр мит бәйәңит бихәмдә, итарча әхиндукин д/анамалча-ран-дә хүйд/әри симала хулиткин түксана, ирна тикивуксә, д/ә

нуңанмāн ус Торбнтай итарчад'ин коңулмә ириктад'ана надан д'аң надан бутылкāн утүйетпi иктөд'емэ өд'аран. Эр дбдукки сирбн хэкулчб сөлемэ кун'аккāн умнёт тиңцалыма иктучб. Арай тар иктуд'ене обејүй дилин илан кохок бхинчакнан утүйенд'етпi иктөд'эрэн. Тарицин бихэмдө коңолй өд'аран ионоптгячинми, ол айи тоют кургине чивухинниң ачин өд'аран, дилин-дя, илан кохок өксä, өн-дя кухид'өд'ен? Нуңан-дя бимй д'е этэрэн, бадаја, чиркөлөкесбмэ бран. Тарә бихэмдө мит бейеңит порувулб-кадикан өдалан утүйенд'етпi чапчад'ардаја. Эр чапчад'аракин, ехйт ахаткан өмэрэн-дб, өдідукпи утүйвбн гөлбнэ гаксä, урекб-чөндін иличчарй иңийд'ава дулжаккәлән, утүйеве иларәкән дал-батаксай, дәлперејер иктөрэн-дб, тар дöлән гарадәран-дя иңајиј дәлпекөвбн, оннудун эвсөрй домноксб, хуйд'ерй сималанжан илива сүлдурајар анаксобран. Д'е тарит нуңанмāн кейиксäl, балтаксäl өр мит бейеңит айа удајан Айакчан-кильвлива ичеччене тикен гуннэ турәлкбн-сөхөлкбн өд'аран-ивит арай:

— Уңел-үңел, дәләкей! — Эр-ке өрэй гунем-ке, айа удајан Айакчан-кильвли, гиркй гунді гиркйкеними, бй турәнимев дöлчүд'-авкй өд'акал! Д'е би сбт-дя муңурданчалав сй, өмексб, өркөсөвөв өрухуййнді. Тавадук хуләкे өн мине айд'анди, мөгдөв бимй өн-дя н'екемй вијт кейда бчав. Тарә бихэмдө сй айа удајан өксä, ус Торбнтай ехөкөвөр сөвулвбн алгаксä, тарит-н'ун кей-дап. Тадук хуңтуду өрөнмө вијт кейивра бичб. Тарит сй тавар айадүви миндук балтаччима бахивайа д'авакал! Тадук өдакин, д'е сй амтілдулас сурумулчубот! Тадук колбості сивайбайавар өксäl, норбтпар умывуксäl, д'өувукбннел, өміјет, дәләкейит күрүлнөл гөлнөрй гөрбивөр гөйенмукбннјет, солтама суракиңар дöлдівкәннјат! — Уңел-үңел, дәләкей! — гунниттэн.

Эр дöлдиксä, айа удајан Айакчан-кильвли тикен гуннэ ту-рәлкбн-сөхөлкбн өд'аран-ивит:

— Кийир-кйир, киңкылән'ин! — Эр-ке гунем, бй гиркй гунді гиркйв, бейин гунді бәзиними, дулин буза Хуркбкчбнин, тавар н'ан со вләкин толколкбн турәнме тулдулжан турәчинди айа ил-гөлкбн улгурвэ улгуринді, бейе сбт сөңердий сёрилкбн сөхөнмө сөхөргөнді, тавар турәндус бахижа бицин Тадук бй-кене турәнимев толколбно дöлдикал, улгурвөв илгөләнә дöлчүкал! Д'е тавар обе-ңајијар омолгыйан кейдівар кейдап-тä, тавацит ёмй-кат йай-вэл бајар суптиран бид'иңи, тарит бй д'алдүв тикен өмәндіт сатајай бид'иңи. „Еда?” гунекис — өр хөргү буза обејалин өкин-кат бра-кин, кейивчалыйвар ёмй-кат бмилтін суптиксäl, бвөдбөвкит өвкй буде мөјеңитін дағат-дя бихин-ивит. Тариңнатиң ачиңмйл, д'е, тәд'б айал бмчалті бичбн-е! Тарит мит тарә ачиңдідү сувәлбскет! Си, бй амтілдулаб суруксб, дәрүмкйчинди-шү, буџалба ичене та-рия бодочинди-шү, тарә мбнді сакал. Бй ёмй-кат, суруксб, ачин-д'иңиав, барисвбн олбот мөнә беңејен меними гамчав. Тарлаха мит марті бучиңилбэр аривумчалті, тадук д'е тәд'е айал бмчалті. Эр-тар кулд'ун кувулгатіл, д'икей д'ишилгетіл өмчел мәнжк ата-

џастара. Мит гәрбіт д'е әміжет сағумчә, д'е үбнумут дәлдівумчә! — Кийир-күкір, киңкілән'ин! — гүниттән.

Д'е тікән гүннәдүн мит бәйеңит тікән гүннә түрәлкән әд'аран-ивит арай:

— Үңелә-үңелә, дәләңәй! — Эр-кә, әр-кә, бىй гиркій гүнді гирків, котун гүнді котунми, айа удаңан Айакчай-киливш, бىй-көнә улгурвәв иргәлбви иктәвкәл, дәләви дәлдікал, сәндүви сиадікал! Д'е, бىй-дә кәрән урувсимә үйликтуккій өрбәнмән умұндүн әрәй-дәніксә, ёдә-вал әмәнмуд'иңәв, буңалба-дә ичәдәв наңда. Тәлук мәрті-дә әр балдідүвар умұндү н'екәненәл мән мәймәр әріксөлбәр өрухуймәтнәл, умүн сувет өңежілбәр колбонол гиркујатіт бимчә бичән бирә дә? Тарит, кә, тар олбот мәңжет йәдү бихин, тәлә ңенеңәйт. Уңелә-үңелә, дәләңәй! — гүнд'әрән.

Әр амардукин айа удаңан Айакчай-киливш тар-дәт самәхик-тәтівій тәттән-дә, анат-тәкій бутун агадакадінин хуңтувүни міншадан, әйн-тәкій д'апқун әвтиләлкән ихакидінин гисвій гадан-дә дулин буза Хуркәкчәнмән д'уләдүви иңкес, ңеневкәхинд'екеттән, ково-чәрән кәхәр киңгілілкән суруд'урдуңу. Тар суруд'уны тікән гүннә түрәлкән әд'аран:

— Хәд'ә-хәбай, хәд'ә-хәбай! — Эрбай, әрбай, бىй-кә, бىй-кө гиркій гүнді гиркіндең дулин буза бойунин Хуркәкчән-мата! Ахүн би-чес? Сәд'и-сәд'и мандүвкал, дәйәдүккій д'аларбукал, айат-айат айаннәкал, иле-бәйе өхйімәл-ә н'екәйәрә буңалбатиң ңенәхинен, айакама айанмар әлбәнійләп. Айа тавар әхилә авахил атамартін албаспатін әчиңдідү анатиксәл, билир уңу буза удаңанын Уник-чай-сөн'иң ңенәнәнәвбиң ңенеңәйт. Тадук әракин, н'ән мит-дә әхилә ахакән-мал албаспа бакасәл, аймакилбар айтқат, тәкәнмәр од'ор-дәйдәйт, тарлаха солтама суракит сүттат суруд'иңен, ғәлнәрій гәрбіт әміжет дәләңәй! — гүннә-гүннә ңеневкәнд'әрән-ивит арай.

Әр амардукин нуңартін бихәмдә уداد'иңәтін барад дә? Тардәт хәргү буза чуңурұлған исчара. Тар ихиксәл, әр Айакчай-киливш удаңанын әмбін инмәкән дран-дә, әр илілә чипкән иңкес, оғеңәл олбот мәңжелитін тар илий дәлдүкін бакаран-дә, мәңдуви ахүн зле-кин брівән хуңтувүндүви гахікса, әр бәңделбә бимій ахүнд'и-дә умдактін нуңардүтін ёкүн-дә тухайда әчиңдан, тәк ичәдән ёкүн-дә әнә уларидә бид'ектүви әмәнмурән. Айакчай-киливш бихәмдә әмәд'ек үд'алайви д'иліскән Нұрән-дә амасқай әйгирәна-үйхутна мұчұд'аран-ивит арай. Д'е нуңартін бихәмдә, ёдук-тә доюомут олбот мәңе мұвени гаксәл, д'албар д'ә д'алувуксәл, үр дәрүмкід'ек дүндөлөвөр әмексәл, иле мәртін әкса, әхйт ахай д'е әр бәйеңтіківи гүниттән:

— Әр бәңеве ганавар ңайду-көт өңінекел улгучынә, улгучынө-кис-и'ун, мит аймакилдүт бағар өтән бәңе бра, гирків-и'ун бимій, бәңинми-и'ун бимій өңінекел улгучынә!

Бәйергү тарә әләкеййден. Тар амардукин нуңартін бихәмдә тар-дәт били Хөглендер-әтіркән буңатқайын, лоскуй коңорын түксуңдувөр узиксәлар, ңеневкәнд'әрә-ивит арай. Д'е әр түксуду

џөнөрйл мatal ахунд'иңдтін? Тар-дат ичәхинд'иңб әвгидблын ис-
чара-ивит арай. Эр ихиссәл, әр duлин була Хуркбкчонин бихемде
тикбн гүннэ түрәлкен бд'аран:

— Уңел-үңел, дәләйе! — Эр-ке гүнәм надан әхикәкта укча-
килән Ҳәгләндөр-әтіркен гүнмурй киннив, Сивеккилән-атіркән
ин'ә-киннив, уркевер ийксәл, доңдолима доровою д'авакалду!
Ноноptиn дорово биңи, амаргүптиn улгур биң! Эр муневе «йргйт
тәкәлкәхәл-сәкесәлкәхәл мatal, әмәксәл, түрәбулдәс?» гүнәксүн —
бй duлиn була Хуркбкчонин әмәм, әр гирків — сү хутәхун айа
удаңан Айакчан-киливli бдан. Тадук суруксәл, әрәзәмә умүндү
н'әкәйрөв, оңжайын омолгыйвән хәргү буңан сималадүн, иңадү
чакиликсәл, гарадәрав. Мундук хүңтүдү әңдт кеййвра оңжән ата-
манин бичбәв, д'үр сб'иң биксәл, балтакатнал әвйрөв. Бй әчин
әмерә бихикив, сү колумтамахун тәкма уркукәтна, хуләптөрвәхүн
хүвкәтнэ әвйиңт бимчә. Тадук әр бй гирків айа удаңан Айакчан-
киливli әхикин кихана н'ән хәргү буңави сималадүн син кеййтін
бчан. Бй ңбнум д'алив сәмат урумұлчәлбн, әмнә кәңтірбв сәт
тійәлчәлбн әр гирків ўс Торбнтай әжәкәнд'б үтүйәвн, алгасса,
тікирвән, тадук итарчаван, доннокс, тікирвән, тадук бими н'ән
хүйд'әрій-дә мүдү, кургид'әрій-дә тободү әхй хәкүлде мүт миневе
иийрден. Тар амардукин бй иуҗанмән такма боско куруләкбчим.
Тадук әдакин, д'ә д'үлкән сагдіңилби, әр бү әхиптин сибайвай-
вун сәт тургәнд'и астамалтавкйл әкалду. Бу, әрбән әркесәлбәр
әрухуймәчиксәл, умүндү әрәйдәниксәл, мәрвүн-дә кәргәннисмәрәв,
ад'ас әңэтіл хүйэтте брав. Тарит нонон өдү сибайбайа әксәл,
бихи маталба дурук әркесәл, умйвуксәл, әмнәт-дәләйейт ғербит
дәләйдід'ин, суракит сурурийд'ин д'әвуксәл-әвийкесәл, бй-кәнә буңа-
дүв duлиn буңави д'аварй малахундүт умйпчиңдт. — Уңел-үңел,
дәләйе! — гүниттән.

Тар амардукин әр Сивеккилән байан атіркән бихемде әнүү
ијаладукк әтіркәңци ойовкөнчб, д'әјинијү налави умүн бокан-атір-
кәңци ойовкөнчб, умүн бокан омолгивар уркевер ийвкөнниксәл,
илан Ыуксәл, әр сагді атіркән-ен'инд'әтиң мәнни, тикбн гүннэ
турәлкен бд'аран:

— Дәңә-дәңә, дәңән'ин! — Эр-ке, әр-ке гүнәм, хутә гүнді ху-
тәв, күтет гүнді күтетів, доңдолима доровою д'авакал ноноptиn
дорово биңи, амаргүптиn улгур биң! Тадук әдакин мит мәрбүн-
н'үн әңәл будә-мундә бй-әрөв. Ката сү, айат гиркуксәл, әмерес!
Эр duлиn була Хуркбкчонин, куңа бейе бине сб-дә д'алура, сумут
мататкән, әвенкй айи бейен әмекс, әркесәлбәвүк врухуйнді.
Тавар айас ама әкин омжовд'он, бу баңас әтіркән'үнми будәл-
вәр әхйвун омжоро айава әнді. Тавар айадус бахйван'үн умүндү
хүнәтпар д'ававкәнділ сагділ биңнәрөв. Тадук әдакин, хутәв илан
Сивирду ичен иделкән, араңна айитті д'арыкликән, бүчбәв ариврй
алгихилкән айа удаңан Айакчан-киливli, си д'албй ноноқидук
мандіт д'алдакал, миңе уржес, инамуктави әкөл тікирде. Били
сү оңжән омолгий'үнин бойнудаңсаракис, duлиn була Хуркбкчонин,

эмэксө, Айдэр-сөн'иңүүн әләкәс наалдірін өрчимдүй әкес тулуйда, били акын гунді акынді тамнаксакан укчакилкән Тамнэр сөн'иң-букатир әчин бчан, гирамдаван д'авачатин-дә, тар ёд'ан, мәндін'үн обежа омолгыйдукин хүйеңүйнэс ая. Оннбөр тар умүн бәйе-дук бид'иңж колумтаммат уркуյатын бичэн, хуләптервәт хувијетти бичди. Ката тавар мәнді аналлакис, өмэксө, өрухуйдән, тарит дуруккән өміжет д'алдаксә, әхиптін сибайбави астәвкй әдәви! Тәдук әдакин әр, алтамаңдан омолгыйл, әкәлду айдәрд'ара, чуңумаг-дән омолгыйл, әкәлду чулуд'ара, сәлемеңдән омолгыйл, әкәлду сәхемсийдә, онорондән омолгыйл, әкәлду хорогд'оро, өр котундұ-вар ая удаған Айакчан-килийвидү мойлан мблаксәл, сивайбари сохулбән, орорвон, оноксәл, вәксәл, астаксәл, бәләтқалду сөд'и-сәд'и турғәнд'и! — Дәңә-дәңә, дәңән'ин! — гүниттөн.

Тар амардукин әр омолгильин-дә нуңан турбімбән сәт итіктәвкил биңёт, бадаң, уркеткәккүөр хәтәкәмүкса, уркөвөр яйривөр тісә-мәтнәл, калғанмар калицир ийксәл, д'ә йүксәл алтамаңдан омолгыйл алчайл түксахинд'ара, чуңумаңдан омолгыйл киңгил түксахинд'ара, сәлемеңдән омолгиль сәлтәл түксахинд'ара, онорогдән омолгиль ор-солайкән түксахина. Тар н'екексәл, әхйткән илан дәткән дәләмічә-вөр илан нулгү түбүрумчелкән илан кохилкан күрәнд'зәдүвөр д'а-лумкәккүөр. Тәдук илан н'амә илан д'ән илан актавар айаргүвән вәра, илан байтахун бастыңчан бәра, илан байтахун бәвә вәра, тарә астамандәра-дә дағат бихайлбә ковот комүйда, горот бихайлбә сүрүк н'бәркәр орорд'и хуктувнәл өмүврә. Эр эйенә бираңџар түвөвән д'алум тујуриудәнмәр үмйвра. Кочовби д'алум кодоңойлбар ко-муйда. Гахантимал-хүнйл килбакә бра, туруйантимал-омолгыйл чир-бакә бхинчара. Тар амардукин д'апкүн халгалкән мәңумә осталылба сираптікі тәна-дә сивайавар д'өвгөвөн осталылвар матәлій әкнан-тін мәңун тәрелкө боюво тәнитте, тар дуруктүн ирчө улдәт оро-холбро, силавчә улдәт сивәра, әхә-бейңж тәкемунд'ин тәнитте, инак сәхү ари алад'иңда, орон арийд'ин хорочбодүн түйүвүксәл, тәвре. Д'ә тар амардукин әр дулин буза Хуркбичбн'үнин ая удаған Айакчан-килийли әхиптін сивайватын д'өвгөвөн ийәнин дол-бонйлкән инәңйидү, әнәл токтобхина д'өвуксәл, хәділ д'өвүд'әр атамар бәйәл бивкйл-ивит. Арахинай бургул орор, мурир имүхе-чил уадәвөтін тәкемунду солтінал д'өптіл матаң оюнилдулайтін д'өпнөтін имүрәйдіти иле әйен-әйенә д'өптікөр матаң битте-ивит. Тәдук вхйлә д'өптівөр әтексәл, ёкүн әвий гүнмурй дурукид'ин әвийксәл, омолгильдук мит бәйәңжт ойгүтін бран, хүнийлдук мит күкінти сбргүтін әдан. Тарә иченәл-иченәл «әр ураңкай әвшан сә-дә манді-ивит, аналлаки, гиркіннәхәл әнатин түвөстин ёдү сә-таран», — гүннәл бәйәл барәдіман сохийчайтін-уху.

Д'ә тар амардукин әр мит бәйәңжт дулин буза Хуркбичбнин бихемдә, киннилби дәптикең тәжексө, тікби гүннә турғалкын бә'аран:

— Үзәлә-үзәлә, дәләңәй! — Эр-кө, н'ян-ә бій-кә итіктарй сағді-цилби Хәғландаң байан әтіркби, Сивеккилән байан атіркби гүн-

мурил балдівчал байанаййлби, бى турбиммәв толколбод'онол дәлчүккалду! Эр-ке бу әхиле буџалавар ңөнәрйидүүн вләкин бдан, олус удам, бадаца. Тарит бى турэндүүв би гүннәл улгуриттөс, д'алилбар улгуривкىл бкалду. Эләксийділ бихиксүн, вр-ті инәймән ңөнәхинмій әләкин бимчә. Би буџав-да сб горо буџа бид'иңи. Тадук бдакин, өр сагдіңилби, би д'уләв сурулдіксбл, таду-канә сивайдүүвүн бихидүүн аяа бимчә, би д'алив тікбн. Су д'аддүхун би бихин, тарә мәрдүн сәкалду. Би мәними д'алби н'ян улгуриктө: әләкин бихикин, «әләкин» гүндбөйт, эмй әләксийдө, «әхин» гүндинвэт. Били сү хүркән утехун тамнаксалкән укчакилкән Тамнэр сөн'иң-бокон'иң'ук гирамдаван бу әксәрйидүүн өн бихин? Тара сувәләккәлду, «ахун-да әңәхидук суве манды, ухйкәндүк сиңе үйен ңбнум», гүннәл билиргил сәрділ сагдял убәтиң бихин. Тарит бу аяа удаңан Айакчан-киливлин'үн әксөд'өнөл, йдү әләкин дундэдү токтоксбл, аривумчалбун. Тадук тарийа эдү өвчә сивайдүдүк боюзоловон бихид'ин буџалавар әксәксбл, таду д'арбаңдәвчамчалду. Д'е, тара өн гүнчәрй д'албар улбулкән улгуркәлду, сү-иң'үн әләксийдәксүн, бу сбт аривдабар әйттөв. Аривракпун, амаргүт мәрбәхун карайймча, мунду-да аяа бимчә! — Уңел-үзөлә, дәлә-җәй! — гүниттен.

Эр амардукин Хөгләндер-әтіркән, нуңанткйн сбт аяат ичәхинисеб, тикбн гүннә турәчй бд'аран:

— Ейдәңи-ейдәңи даңдор! — Эр-ке, өр-ке гүнәм дулин буја бойунин илан Сивир-сиктірдүн ситетиме гәрбилькән дулин буја Коколдокбнин амйлакән, томкодіма үд'алкән Иймәкән-киливлы өн'йләкән, мәндүккү мәңуммә нәмәлакән, мәндүккү улгэр н'обүлкән мәрилә орон укчакилкән дулин буја Хуркбкчонин, ділачә хәрәдүн кундут ичәрй мәңуммә аяа мәвәлкән күтәттөв, д'е би турбиммәв толколбод'оно, улгурвәв илгөлбд'өнә дәлчүд'авкй бкал! Тавар сү улгурвәс дәлдіксә, би гирамдав өн'умулдән, улдев сәхин діриләран, мәвәнми долгүйдан, әхав ңбрйлдән. Д'е тадук бдакин, өр мунә д'уләви әксөдәви әйтчәнді-дә, бу сагдаинаву сб, сурулдімй сигдилдү-да өнәл тулуйда бүмүлмий, әхил кәрәйде бәйәл өксәл бид'эрәп. Тарит «әмүхив кәлина, әчәл ңөнәлдіре», гүннә, «д'алдуви әкәл д'авара». Тадук бдакин, «тавар кинниви омолгыйва тамнаксалкән укчакилкән Тамнэр-сөн'иңна аривдәви н'ян әйбчим», гүчинди. Д'е тавар дурукин аяа мәвандук, аяа д'алдук, өр-тарә уйдерйдук, аяат сеналдайдук йүвкй. Тава н'ян сб урувсий турбын бдан. Тарит д'е су аяа удаңан Айакчан'иң'ун мәрдүн сәкалду, «аривд'иңәт», гүнчөмй сйтар өрә әксәккәлду. Дәң аривраксүн, дәлә аяа бимчә дә, би тарлаха д'урб-иларә балдінав кәрәтә бмча. Ке, хуте, тавар аяа д'алдус, аяа мәвандус балтара бахивайа балтаччима бүчим! — Ейдәңи-ейдәңи, даңдор! — гүниттен.

Д'е тар амардукин эдү-да олокилкәхал бәйәл, аңнакйл-да матал сбт әләкинд'и дәлдіра өр мит бәйәнүйт Хуркбкчон турбиммән. Хаділ: «Сагділ байахалду кәм-да аяа сбүку бөйө түвәхиттән», — гүмбчиттә. Айаврил бәйәл бимй: «Айат бихй бәйәдү әкүн-да уха

әвкі әмәре бблалаға, сағділ-да, куңакар-да мөртін д'олдұтін айлагатін тікбін анатай», — гүмбіттә.

Д'ә тар амардукин әр тамниксакан укчакилкән Тамнәр сөн'иј бокон'иукка әксеріл бксал, әр дулин буја Хуркокчбнин сөләмәңдер омолгайлұ әр Тамнәр букатір гирамдаван лувухимуканан-да, короппән тікбін септүйі діксө, ңәнәвекхине.

Айа удаңан Айакчан-киливлі бимі солкомол тәтілбі сөвудутін орор мүйәлдәвлетін, мурир сәлилвәтін, сулакийкса гириптиләлватін, нондосолво, арахинай төргә гириптиләвән чипчиран, тар дәрпүстітін бихбін тар бичб-ивит.

Тар матаңылті ёкүн-да орон, мурин колодү әхйл нағдійда әда, иларәкән уңкурус-кәлехис н'әкәре-дб гохинан киталикиткар-дәйткәр бра-да дулин бүжатқақивар ңәнәвекбндиңә әр дулин буја Хуркокчбнин тікән гүннө турғалан әд'аран'ивит арай:

— Уңел-үңел, дәләңей! — Эр-кө гүнәм-кө, бй н'ан инәңүйијев ичөвекбенчәл байанайилби, иткітәрій киннилби, надан бхикәкта укчакилкән хәгдің бәзин Хәглендер байан атіркбн, Сивеккилбн байан атіркән, бй турәнмәв дәлләвар дәлдікалду, иргеләввәр иктөвкәлду, сәндүвар силдікалду! Эр миңәве «сәбіку бейә бинә сামа турәнә әзб түрәттә», — гүнд'иңхун. Би дәдүви д'алдәчарй д'алвй гурәликбн гүнд'әривәв дәлдіксал, әмбінмуқәлду. Д'ә, бү әр әксөнөви бейеңи аривд'иңәт гүннө дәдүви әрәнимич, тарит әр матә илан аңаңай дәбидәлін ёмй-кат әмәд'иңән, нуцандукин дәлдідәват, би бу бихйәвүн. Аривмй гәлибрй гирбівбі, солтама сураккән бајар уларитчијавун, тарә әдбөвт хүтебро. Д'ә сү әр хутөвөр әмәдәлбн ёдү-да әнәл бакавра сомат айат будбөвт, бй н'ан би бихйвй илд'иттәд'иңәв. Тәдүк әдакин, сү н'ан дәң будәрйијихун инәңүйијихун әмәрекин, иччилик турғымәр әдіндү уңијиңәлду. Д'ә, сү айихун сундү, бу айивун мундү бүин! Бурагийа бурасті бијин! — Уңел-үңел, дәләңей! — гүниттен.

Д'әр тар амардукин әр Сивеккилбн байан атіркән бихемде амардуктын тікбін гүннө турғачарен:

— Дәбб-дбб дәббән'ин! — Эр-кө гүнәм әхйлә хутә гүнді хутев, илан Сивир-сиктірдүн ёкүн сәмава дуруккән ичбін идәлбін, араңылба айтті д'арыкликән, бучәвә ариврй алгихилкән айа удаңан Айакчан-киливлі, сй н'ан күтәт гүнді күтәтів дулин буја Хуркокчбнин, сй н'ан дәлдікал, әр бй турғын'әлбөв толколбно дәлдікалду, улгурилбөв илгөлбнөл дәлдікалду! Д'ә, мунә «әчел суралдір», гүннөл д'алдұвар әкәлду д'авара. Тәдүк тар акынмар гирамдаван аривраксун, бу сундук ёкүнмар-кат әтбөрөв мулана, бқин-да әтбөрөв омшоро, д'урб-дб балдічадук хуләкет д'алдамчалбун, сунуєчин хутөлкөхөл әнавар д'ә айат сәмчалбун. Тәдүк әдакин, сү н'ан будәрйијиәр инәңүйијиәр әмәрекин, иччилик турғымәр салғынду уңијиқіл әдәват, сәттар бқин бунәвәхүн-мүннәвәхүн сәмчалбун, әрүхүйдігде әчв бирә, дәлдідә, сәдә н'ан наға бивкй. Д'ә тәдүк әрәкін сү, бујаләвар ихиксәл, сома айал н'имбөл боксал, хутөвә балдівкаладу, оронмо курекелду, ёкүн сбху дурук-

кāн иргикəлду, матаł манилактің, аңнакіл айавуктің, əзəр ичнат итіктəбін. Тадук бракин, сү айихун сундұ, бұ айивун мундұ бүнін, буралия бурасті бүнін! — Дәбə-дәбə, дәбəн-иң! — гүниттəн.

Д'ө əр амардукин əр гохинан киталикитқар бихəмдə дулин буғатқайвар айанинан килбаланчанаң ңенеңкенд'өрө-ивит арай.

Әр ңенәд'әнəл уңу буған'ун дулин буға д'угд'үрітін мәңумə урəн гүнумурій урəлб' ихіксəл, тар ойдұн тікте-дə били ақйимар тамнақсакан үкчакилкān Тамнəр сəн'иң букатірва мәңумə əмкəдү сöt айат д'аланмāн д'аландұн д'аваксəл, өр айа удаңан Айакчан-киливлі тікбін гүнне түрəлкбн-сəхəлкбн б'd'аран-ивит арай:

— Хəd'ө-хəбəй, хəd'ө-хəбəй! — Әр-кə гүнəм бй-кə н'āни ақйн гүнді ақйнд'айав, надан бхикəкта үкчакилкān Хəвəлəндəр байан əтиրкбн амйлкān, Сивəккилбн байан атиրкān ви'йлкбн, тамнақса-кān үкчакилкān Тамнəр-сон'иң букатір, бй-кə н'āни иччилəкмə турбімəв иргəлəви иктəвкəл, дöйалави дöлдікаł, сейадұви сил-дікаł! Тар амардукин доңдолима доровою д'авакал, амаргүптін улгур бүнін! Әр минаң «ёма ахаткān əданді?» гүнəкис, — сй мəнді иекүн гүнді иекүнді айа удаңан Айакчан-киливлі бй биңнəм. „Әр гиркис ңй?“, гүнəкис, бй аналлák мəнми гирків илан Сивир-сиктірдүн ситетір гөрбілкбн дулин буға Кокодокбнин амйлкān, мəндүккі мәңумə нəмəлкбн, мəндүккі улғар н'бзүлкān мəрилə орон үкчакилкān дулин буға бойунин Хүркөкчбнин гүнумурій гөр-бйлкбн айи əвəнкій букатірин əдан. Тадук əдакин, бұ синөв д'үпті аривдāвар айитчарыл биңнəрəв, д'ө тадук бракин, бй тəд' бучəвə аривр алгихилкān иччилəк түрəлкбн бихиків, улорлəв и тіккес, ондоңонбквій бна арикса, бұ ёхадұвуи илə мəнді ичөврə-кис дəлə-бəле айа бимч! Ақйн гүнді ақйими, иникин гиркукса, сəхүве иргиရəкис, оронмо күрəлбəкис, хутөвə балдівракис, амар-гүт аңнакийдук айарғантік, матаłдук манирғантін дöлдірдүтін дəлə айа бд'иңjан бире дö! Тарит бй брінмəв иргəлəви иктəвкəл, дөммөв дöллəви дöлдікаł, алгиспав сəндүви силдікаł! Илə мəнді, мəликса, ирас айа ичөдəви ичөвкəкəл! Тадук əдакин гөлнəрі гөрбіс солтама сұракис н'āни хүңтут иң, «ци əдан?» гүнəкис, Хəглəндəр байан əтиրкбн амйлкān, Сивəккилбн байан атиրкān өн'йлкбн д'урб' балдічä, д'апқун түксу д'апқалын д'өрилийкбн ңə-иері д'урб' түксу үкчакилкān Д'өрис сəн'иң букатір гүнумурі гөрбілкбн əкаł! Балу-балу, бəлүкбн, сод'и-сод'и түргəнд'и д'а-ландауви илд'акал! — Хəd'ө-хəбəй, хəd'ө-хəбəй! — гүниттəн.

Тікб гүнəн-дə иларәкān чупчуруйдан, иларәкān далбаттаран, иларәкān хукəлчəкнəн гарадарап. Тар амардукин əр д'апқун түксу дапқалын д'өрилийкбн ңенері д'урб' түксу үкчакилкān Д'ө-рис сəн'иң букатір илə мəнин д'ирас илихинчаран-дə əхйт ахйва əлуклān тіктен, əкүн-дə бокойна ачин савалліксбран. Тара əр хү-най бихəмдə нуҗанмāн əкүн-дə босайа ачин д'ур иша д'апқалын чипчиүхинчакиан д'улкулброн, таријин бихəмдə, бн-ла өрткій-тарткій вайр-туйар адулакса, иехіле ойдонд'орон, бадаңа. Нуҗан, əр ойдоникса, тікбін гүнне түрəчій əд'аран:

— Чайпир-чайпир, чайпир! — Эр-ке, әр-ке, бий-бий әдам, билир-ка н'ян «оңжыл омолгын балтаран, гүннэ балдінави курутуйим-нин будем-муним» гүнчленейе бүчөјечин д'алдачим. Он-би н'әкәксө, нәкүн гүнді нәкүнми, әмексө, аризуңді? Едү-едү айатаран! Эр-ке мәнді аналлакис, гиркис н'ян бихин-ивит, би н'әкәксөл, били оңжыл буқатарин Айдәр-сөн'ијдук суптиксөл, әмәрәс? Тадук әдакин, доңдолима дорово биңин амаргүптін улгур әбін! Тавар айчиксөл, ңөрткі инәңдіңдів д'үпті ичәвзәннәдүхун бахыва биңин! Би д'үпті балдірдағым, тавар билиргил сәріл сағділ: «Бейә брій иңадук-тә, чуңундуң-тә манді бивкій» — гүниңкітін. Д'е, әр айавахун н'ян будәләви әтәм омјоро, әр ариксө, бейә брій айлқан бимій ёкүн-мал айайә әд'иңдә. Әкәлду тікүлда, токтәколду-болтойқолду! — Чайпир-чайпир, чайпир! — гүниттән.

Эр тікән гүннәдүн дулии буңа Хуркәкчәнин, айа удаған Айакчан гүнмурй ахйдуқкі конұлләтіксө, тікән гүннә түрәчі-сәхәчі әд'ардаға:

— Үңәлә-үңәлә, дәләбәй! — Эр н'янни наған өхикәкта уқчакилкән Хәгләндәр-өтіркен амайлқан, Сивәккилән байан атіркән ән'йлеки, тамнаксакән уқчакилкән Тамнәр сөн'иј буқатір, доңдоли доровою д'авакал! Ноноптін дорово биңин, амаргүптін улгур әбін! Эр минәвә «иргйт тәкелкән-сәкесәлкән мата биңнәнді?» гүнәкис — дулин бүзәдү оскәчб-тівәнчә илин Сивир-сиктірдүн ситетіримә гәрбілкән дулин буңа Коколдокбенин амайлқан, томкодікән үд'алқан Инмәкән-киливлі ән'йлеки, мәңдүккі мәңжуме нәмәлкән, мәңдүккі улгәр н'бүлеки мәрилә орон уқчакилкән дулин буңа Хуркәкчәнин гүнмурй мата биңнәм. Тадук әдакин, әр си нәкүндуләс айа удаған Айакчан-киливлілә әменев, авахил атамантин Айдәр-сөн'иј сунәвә сүннәд'арылән ихиксө, әр гиркін'үнми айа удаған Айакчан н'үн күмуләнә нүнжанмән-дә әқин-кат әхид'ин илда, илай дәдүн лапкуксөл, әмексөл, колбохиксөл, әхинтін сивайвадукнун боңголовнос аваккадүн, әр бүзәлә әмүвүкесөл, әр-ті аризврав. Эр би бүзәләв суруксөл, н'ян сивайвава оттав. Д'е мит тәлә суруксөл, сәлдінал тәрийә би бүзәвав, д'ував, д'әллав ичекөл, сәкал. Тадук әдакин, си нониті гәрбис н'ян уларийдан, «үй әм?» гүнәкис, — Хәгләндәр байан өтіркен амайлқан, Сивәккилән байан атіркән ән'йлеки д'үрә балдіча д'апқын түксу д'апқалай д'әрилікән ңәнәрй д'үрә түксу уқчакилкән Д'әрис сөн'иј-буқатір әданді. Тадук әдакин, бүзәләви истіс илин аңцанй болд'окиңкән бихин. Букса, арчә бейәдү айа бейә брій әр хуларин мәңжун коропкаду бихин, әрә уммалчакал, тадук би дулии бүзәләв аргистаснал сурүбт. — Үңәлә-үңәлә, дәләбәй! — гүниттән.

Эр амарлуқин д'е бейәінитін, ойдониксө, н'ян тікә гүннә түрәчі од'ачай-ивит:

— Чайпир-чайпир, чайпир! — Эр-ке гүнәм олихин-дә «ай бейән ай аймактук бейә әўкій», гүннәл сәріл сағділ сәхәнтеңкіл би-чөтін. Эр күтәтілкән нәкүнми, әр д'үпті д'аландув илинвал аризивадүхун балтаччай бахивайә д'авакалду! Эр бейәвә умивнадуксун

йлә-кәт исті мата әдам. Қе, сатар ире дулин буғава иченбәзим! Билир Коколдокби гүнәрі матаға «әкүндә ңәләлкәнма өчін ухуннарда» гуниңкітін, д'ө туңурвій бакалдірдағим, сурүбт! — Чайпир-чиши, чипширий! — гүниттән.

Тар амардукин нуңартын бихемде, әр дулин буға Хуркбекбәнин, айа удаған Айакчай-Килівли киталикитқар әра, били уңу буға бойунин Д'әрис сәнін-иң-буқатір, д'апқун тұксу д'апқалын д'әрилікен ңәнәрі д'урә тұксу уқчактұви үйіксә, нуңарватын ахамәтчаран-ишият арай.

Д'ә нуңартын бихемде әр дулин буғатқақи әркән-дә тарқан сурумй-иң-ун суруд'уру. Нуңартын бихемде дүгәрвән бимій силәк-сәд'ин сәнал, туңервән бимій умқактад'ин сәнал, ңәлкирвән бимій лептәркәнд'ин сәнал, болорвән бимій бәктакәнд'ин сәңаң д'үр йәзин тұксу тәқтүрйәдүн суруд'уру, д'үр д'апқун тұксу д'апқай-адүн суруд'уру. Д'ә тар ңәнәкесәл, нуңартын биксәл, ниміжакән биксә, үада-ијатын барада, тар-дәт Хуркбекбән буғалан исчаралывит. Арай әр ихисқал, мит бейненит, амйәбви ойолитін киталик өкса, хариктад'ана тікбән гүнән түрәчій әд'арап:

— Уңәлә-үзәлә, дәләңәй! — Эр-кә бى инәңйңев ичәвкәнбәз амйән гүнді амйәми, ән'ин гүнді ән'инми, тәдук-тә хуңту аймакилби, әхәлби, әзәлби — дурукмахун, доңдолима доровою д'авакалду! Ноноптын дорово бицин, амаргүптын улгур бән! Эр мунәвә «иргйт тәкәлкәхәл-сәксәлкәхәл мatal өмәрәс?» гүнәкесун, — бى мәнми бимій дулин буға бойунин илан Сивир сиктірдүн ситетіриме гәрбілкән дулин буға Коколдокбәнин амйәкән, томкодікән үд'ачи Иімәкән-киливлі ән'илкән, мәңдүккі мәңумә мәмәлкән, мәңдүккі улгәр н'бәйләкән мәрилә орон уқчакилкән дулин буға Хуркбекбәнин би биңиәм. Эр гиркій гүнді гиркій Хәгләндәр байан әтіркән амйәкән, Сивекшилән байан атіркән ән'илкән айа удаған Айакчай-киливлі әдан, тәдук әр умүимун сү тујурихун гиркій гүнді гиркій акйнин Хәгләндәр байан әтіркән хуркән-хутән д'апқун тұксу д'апқалын д'әрилкән ңәнәрі д'урә тұксу уқчакилкән Д'әрис-сәнін-иң гүнүмүрі гәрбілкән мата әдан. Сорујан сүңе амйәкән ән'инми оннудүтін бакалдінәчә мата әдан. Д'ә тәдук әр мунәвә, «гиркүнмар ән гиркукесәл, өмәрәс?» гүнәкесун, әкүн дуруккән ичәрәв бадаңа, уха н'ан аран әчәлбүн әра, айава н'ан ичәрәв. Бى, хәргү буға авахин атаман-и-үнин әргү буға сималадүн бойундажыксә, аран әчәв кейівра, кейінатын әчәлдән әр гиркій гүнді гиркій, өмәкесә, әрухуайдән. Нуңан өчін өмәрә бихикин, мәнми колтомолдуқиң тоқот курғихиннәтін бимчә. Тара әр айа удаған Айакчай-киливлі хүйд'әрін-дә мұду әхій хәкүлдә, курғид'әрін-дә тоқоду әхін курғире мұт минәвә ивірдән-дә бى көнітірдә олус өмірлән, д'алив олус қонумулдан. Тәдук әр буғадук үс Торбантай әхбеквид'ев д'олләк надан д'ан бутылкән утудайеви, гахикесә, тіківрән, илан д'ан илан бутылкән итарчавын, алгакесә, тіківрән. Тарылд'и бى нуңан-мән алаврітпі д'авам. Тәдук әр айа удаған Айакчай-киливлі, мәнниң өмәкесә, урекәчендін или дәдүн діксә, тар мәнниң бейнен

балтавун сималаңдүн чөпөвкөнөм, д'ө бү гиркуимун таргачын өдан. Тадук мөрвүн, колбохиксәл, өр акын гунді акынмар өмүврөв. Д'ө сү бى амарлаб өн бихис? Екун хәвупран, күбүрәрөн? Улбулайкөн улгурд'екелду, тулдулайкөн түрөтчөкелду! — Үңөлө-үүзөлө, дөлөзөй! — гүниттән.

Эр тікөн гүннөй дулин буза Коколдокөниң д'үн уркөдүн «коп» дохинчара-дә, илә мөртін өксәл, иличчара-ивит арай. Тар амарду кин өр Коколдокөн, уркөви ніксө, нуҗарватын утари гиркуна бойбонмуқанна өмәксө, д'ө ичәдәдүн коломы доровоно д'аварийдә мандігтан, н'уқанилнан-дә өрчимнәк мататқан өдан, анчарви көпәхиникнән ңөктүлдіран, хемурви драмуликтан н'уқанилдіран, тар амардукин тікөн гүннө түрөлкөн өд'аран:

— Күңгир-киңгир, киңгирмой! — Эр-ке н'әни бى уркөн-хутөв, мәндүкки мәнуме наңмәлкән, мәндүкки улғэр н'біңүлкән мәриле укчакилкән дулир буза Хүркөкчөнин, күкін гунді күкінми надан бхикәкта укчакилкән Ҳәгләндер байан өтіркөн амайлән, Сивек-килән байан атіркән өн'йлкән, илан Сивирду ичән идөлкән, араңыа аритті д'арыклилкән, бучбөв ариярй алғахилкән айа удаған Айак-чан-киливлі, тадук өр туңур гунді туңурив д'апкун түкесу д'апкайлайн д'өрлилкән ңенерій д'үрә түкесу укчакилкән Д'өрис сөн'иң-буқатір, сү иланы иларә доровою д'авакалду, амаргүптиң улгур өңин! Эр миневе «иргйт тәкөлкөн-сәксөлкөн бичес?» гүнәксүн, — дулин буза Иркисмәнд'эн амайлән, Гёван өтіркөн хәгдәңү хұнәд'ин Күккүмачан-киливлі өн'йлкән илан Сивир-сиктірдүн ситетір гәрбілкән, хәргү бујадү сәләргүнтиң сәләрі Сәңжекөн-сөн'иң гүнмүрі, дулин бујадү коколдоду чакиличача Коколдокөн гүнмүрі, уәү бујадү сөн'иң Мәйнәнйкөн гүнмүрі гәрбілкән бойни биңнәм. Тадук olandын, бү си амарлас и'амадук умүнму синмачаңачин ёдук-тә айат бид'эрэв. Орон сөхү күрөдү өлдән батта, мурин сөхү конуды н'әни өлдән батта. Тадук olandын авус-өхөс аңнакиңдук айаргүтін матаалдуң маниргүтін длачай омолгыйн Д'өргөлд'ин умүн хұнайт-хутәчй бран. Тадук olandын, өрицилдүн гөлинерій гәрбілтін, сунтар суракилтің үйіб бра гүнәкис, өр авус-өхөс хұнад'иң уәү буза бойунин длачай омолгыйн Д'өргөлд'ин амайлән, Гёван өтіркөн н'йәбү хұнәд'ин Сәкак-киливлі өн'йлкән д'үр д'үрә он'олкөн, н'бәркән бейін укчакилкән Д'өргөкчөн-киливлі бран. Тадук өр уәү буза Хүркөкчөнин амайлән, үн'аканд'иви сп... кат ачин тулуутта сөн'иң Үн'аптуқ өн'йлкән, чөпур бугді и'ојаркән орон укчакилкән, д'олово д'онуйкес, дәлпәрәңер хәқиҳинде Д'онукчай сөн'иң-буқатір өдан. Тадук өр бى хұнад'ив илан Сивир-сиктірдүн ситетір гәрбілкән дулин буза Коколдокөниң амайлән, томкодікән үд'ачай Иммәкөн-киливлі өн'йлкән дурукин солкомо тәтілкән, надан д'әл надан дарнекта солкомо и'уриктөлкән, сөн'иң сбиңа бәйнүмә айахана укчалары Солкокчөн-киливлі өдан. Тадук olandын, өр бى гиркін гунді гирків томкодікән үд'ачай Иммәкөн-киливлі, ке, сөт турғенд'и илан дәткөн дәлемйчөви өркес, илан

акта айаргүйн бাকса илан байтахун бастыжан бакса, илан байтахун бейе, илан кур обусыа бакса, хутөлвөр ёхинтийн сивайтайтийн астамалчакал, город бихийлбэ ковот тэкал, даает бихийлвэ турэнд'и брикэл, ций-көт өчин боёоловро, бейе бараний аяа, д'өвгө дэлэгэйний аяа, амаргүйтэй аяа ира бд'иңэй! — Кийгир-кийгир, кийгирмой! — гүнд'эрэн.

Д'э өр амардукин томкодикан ўд'ачий Иймекэн-килийви хутөлбийн д'улэвийн ийвүкэс, д'апкун халгалкан алтама кираватту тэбэвкэнэндэ, мөнни тулиский иймэлчүкэс, илан нулгий туруумчелкэн илан кохилкан курёви уркэлэн сурукс, д'урб-илард өнгөвкэхинэн бихэмдэ курэн дурукин орон бдан, умүн кохин дурукин мурин-соху бдан, умүн кохин инак-соху бдан. Д'э тарилдук синимакса, илан актава баран, илан байтахунма баран, илан байтахун бёвэ баран, илан кур обуспа баран, тарилба астаса, таду арахинаймава бакана-бакана астад'аран. Буюа бэйнэдүкин эхэ-бэйнэдэйн тэжээлүүсээ, остилилби матайдид'итин нэчэ, анам токий хачан арид'ин хорочбодүн уркүна бакса, н'ян таргатчай, инак арид'ин алад'и боёово астаса — нимижакан бикс дурукин дэлэгэй, боллаца.

Тар амардукин эмже аластин алаха д'улэвийн арахинайма аяна-кйлдук айаргынматин, мatalдук маниргынматин, город бихийлбэ, ковот брикэс, комуйчай, даает бихийлбэ турэнд'иви бричб. Д'э өрбэн эмже д'ува ад'ас ийл-көт д'апкаяа ёчин тэбэксэл, өр сивайваду йөчин долбонийлкан ииёнжээ энэмэл токтохина өрб-тара сэхэр-гаснээл, улгуучемтнээл н'иргийд'эрэ-ивит арай. Эр тэгэлэндү тэбээтчэнэ эвирйил д'э звийд'эрэ, икслэхээл икбд'эрэ, нимижакачимнүүл нимижакэтта. Тар амардукин, сивайва д'өвгэн эзэчблэн тулиский ийкэл, д'э айат няала-халган эвийнмэн тэриййкэл, звийд'эрэ: н'брчахал нэриймэтте, килихитэл кухий килийда, кобвактлахал кухий-кэтте, тэнчаматтэл идечил н'ян поровара, кохониройл чоргуйда. Тар эвийкит лайда тулаан бутуунун эймэс бейе бран, тувеэвэ д'алум туцур, кочово д'алум кодоюй бран, конува д'алум омолгий кончоке, китил д'алум кинтаке хуняйт бдан. Тадук бдакин, эр эвийндү бихэмдэ омолгылдук дулин буяа Хурдбкчбинин ойгү бран, хунайлдук эр Коколдокон бойун хунайд'ин дурукин солкомо тэтилкэн сониий сонца бэйунимэ аяахана укчалдрий Солжбкчбин-сониий килив-литкэн ёкун эвийн дурукид'ин сэргүйтн бран. Тар амардукин эдү умийчэл мatal д'учий бэвжинмэр дулин буяа Коколдокондүн баламатит баанд'и бахивара, аксанин эхий сэвра аяа алгиспа алгара. Горо буялхажал буялхавар сурудбвор курбулду. Тар н'екэд'эрэхтийн, эр Коколдокон туцурин надан бхикакта укчакилкан Хэглэн-дэр байсан этиркэн амилкан, Сивеккилби байсан этиркэн эн'йлкэн д'уре балдичай д'апкун түксы д'апкалайн д'эрлийкэн юнөрдий д'уре түксы укчакилкан д'эрис-сониий гүннүүр матада эр угү буяа Д'эр-гэлд'инмэн дэптэй тэжэрэн, няладукин д'аваран, аяа бийнээс ёхатни ичхинэн, нуяантайх тикэн гүннэ тулдулжийн туртны, улбулжийн улгуурна тикэн гүннэ турчай-сэхэчий бд'аран-ивит арай:

— Чипир чипир, чипиря! — Эр-кө н'айни аյнакйлдук айаргүтиң, маталдук маниргүтің, багдарин мәңун тәтілкән ділачә омолғын Д'ергөлд'ин гүнмурй гәрбілкән, умүн итік сағді н'имәр, д'е би киавинай нағави синдуқ улгумйәви әйбичим. Тәд'б би д'олләк бихиків, әләксийд'иңес бақар. Эр си хунәд'ис д'үр д'урә он'бләкән н'бәркән бейүн укчакилкән Д'ергәкчән-киливли гүнмурй гәрбілкән киливлива миндү умүчидукки улдімнүйөв, д'учидукки д'үчавијүйав, илачидукки ийактәк гиркійөв анаракис, он бимчә бolla, д'е тарә он гүнді мата биркес бolla, д'алві дәлдівкәкал! — Чипир-чипир чипиря! — гүниттән.

Д'е тар амардукин әр Д'ергелд'ин тікән гүннә турбләкән-сөхәлкән бдаран-ивит арай.

— Гин'б-гин'б, гин'бкән'ин! — Эр-кө гүнәм убү буңа бойунин Хәгләндәр байан әтіркән амйлән, Сивекилдің байан атіркән еп'илкән д'үрә балдічә д'апқун д'үрә түксу укчакилкән Д'ерис-сән'иј бойун, д'е тавар турғанды кардаван әмүкки мәнд'иви он гүндіві өңест сәра бихим, мәнми д'алдұв әләкин бимчә. Бақар гирків Сәкәк-киливли өтән әләксийде, хунәд'ис д'үр д'урә он'бләкән н'бәркән бейүн укчакилкән Д'ергәкчән киливли өтән әләксийде. Тара сәксәл, улгучомбетчиңет! — Гин'б-гин'б, гин'бкән'ин! — гүниттән әр Д'ергөлд'ин-букатір.

Тәдук д'үләви ахйн'үнми, хунатпи дәптікі тәбекес, тікән гүннә турәчі әд'аран:

— Эр-кө гүнәм, би гиркій гүнді гирків Гёван әтіркән н'йдәңү хунәд'ин Сәкәк-киливли, хутә гүнді хутев д'үр д'урә он'олкән н'бәркән бейүн укчакилкән Д'ергәкчән-киливли, д'е би турғымөв иргәләвөр иктәвкәлду, илан турғандук умүимбін илгәлкәлду, дәдүвар дәлдіксаң, туңїа турғандук д'урвән толкуйдәкалду, сәндүвар сидіксаң, д'ан турғандук туңїаван д'алимкікалду, би сун'нүн сувлесінде улгучомбетті д'алилкән әдам. «Тар ёкун?» гүнөксын, — тавар убү буңа бойунин д'алби миндүк улбутікән улгумйән, д'е әр д'үр д'урә он'олкән н'бәркән бейүн укчакилкән Д'ергәкчән-киливлива умүчидукки улдімнүйәви, д'учидукки д'үчавијүйави, илачидукки аналлак гиркійөви улгумйән. Д'е тарә он гүнчөттәс! Би д'албас дәлдімураксын, тавар барән дундәвө гиркучә, ёкун әрәйве дуруккән сәран бид'иңен, турғанин-де ёкун-да ухай ачин, кем айадук айаван, әләкиндук әләкиншін турәтті мата бадаңа, тарит би д'алдұв синду әләкин мата бид'иңен, суруридус әләкин. Бақар аналлакис тавар бид'иңви. Кә, хутә, д'алві сәвкәкал! — Гин'б-гин'б, гин'бкән'ин! — гүниттән.

Д'ә әрә дәлдіксаң, әр Д'ергөлд'ин хунәд'ин Д'ергәкчән киливли:

— Би д'алдұв, бүксө, арчад бейең он биргүн, бolla. Он-да д'алив әхин бра. «Тарә д'е турғандут әчә йрә» гүннәл, өкөлду д'алдувар д'авара, — гүниттән.

Д'ә әрә бихемде били өмбә өмакта күкін айа удаңан Айакчан-киливли сәчәй-ивит арай, тар сәксә, нуңардуләтін өмекес, тікән гүннә турәчи од'аран-ивит арай:

— Күкір-күкір, киңкілдің! — Эр-ке, бій бөжин итік әхәкеб, узбұ буңа бойунин аңнакілдук айаргутін, мatalдук маниргутін багдарин мәңүн тәтілкін ділачә омолғын Д'әргөлд'ин әхәв, Геван әтіркін н'йдеңү хунәд'ин Секак-килівли әзбекеб, тәдук әр ізкүн гунді ізкүнімій д'ур д'урға он'олқон н'бізарқан бәйн үкчакилкән Д'әргөкчөн килівли, д'ә сү иланы, бій турбімев дәлчұд'авкіл әкаалду. Тавар хунат турбінін ад'ас аркастарій турбі әхии бихій, әчб бире дö? Су мәрдүн-дә турбінде сома әләкін, д'ә тарит сувелесті етанді биңет-інен. Тавар бій ақий гунді ақиңми д'урға балдінаи айа бид'иңи. Нонон ахун бойун бичен-дә, тардін илан-дінин бойун әксә, бид'ерен. Уйен — н'ан тікен бд'иңен. Хунат сәрарын бій д'аддүв сома әләкін, д'орсу сома сәначій, д'аличій ахаткән-ивит, әкін сәнави бойунду «әк, суручим» гүксөд'иңен. Тарә бихемде мит бәйеңіт д'апкун түксу д'апкалайн д'әрилкөн ңенерій д'урға түксу үкчакилкән Д'әрис сөн'иј буқатір әннан әннін, силикін ситнен, сарғын сәрикін бихін бид'иңен. Тарә сәмкіксәл, айа биңет бихикин, хунатпар бүд'иңет. Уха толкочй бихикин, ән в'әкәд'әп, мән суруд'иңен боллаңа. Д'ә «тар әкунд'и сәмкінд'ап?» гүнәксун, әр Д'әргөкчөн-килівли мәтіретпен ун'аптун тувлекітіннін әксә, ичөвріт н'әнде ухйт ухйивуксебл уййлб лококолду. Тарә нуңан тәд'ә айа сарғын тәндін сәбін! Д'олин әхикин кейда, этен тіківра, онтон нуңан д'олин-сарғын тәнақін, син тіківд'иңен. Тарлаха «нуңан аналлакин бичб-ивит» гунд'иңет. Тадук әдакин, гаршаксә, урамай, нуңан ән-кат әнә гүне бузаңағи ңәнәхиксөнин. Онтон нақанкисә, хунатпі мәтіретпен әнә сұксара тіківрекін, мит н'ан сивайва жавар әликсөттап. Тадук онтон хунат мәтіретпін д'окет-кат сұксавчә бихикин, хунат мәнниң сәд'иңен. Гаксад'арын-кат әңин гаксара, бүд'әрій-дә әңин бұксөре, аналлакин хунту бид'иңен, тарлаха ңй-көт әтәи комоидо. Аналлак саргитін сәрівән мәккүсеч мәнниң буруйн әд'иңен! — Күкір-күкір, киңкілдің! — гүнитет.

Д'ә тарә дәлдіксәл, бәйе дурукни:

— Ке, тікен биңи! Д'ә әр айа удајан Айакчай-килівли сувен ѫду айатаран, — гүннел арахинай айал-кат сағділ, әдәрил-кет сурухинд'әнел мұчұна әмәчб дән, «вләкен!» гүнне, тәлкөчбл дән, д'ә ичветтәнег баға әдан.

Д'ә тар амардукин әр д'урға балдічә д'апкун түксу д'апкалайн д'әрилкөн ңенерій д'урға түксу үкчакилкән Д'әрис сөн'иј-буқатір бихемде айа хунатту әйетчә бәйе бид'иңен дә, д'ә дәкіндүккі киңикалана, улдағы, сумуви тәнитне татқана әртікі-тартікі тіллаңынкса, д'ур д'апкун братилкән алајави бихемде илбен әвән тәнна оюхунд'аран. Тар оюхундалын хунатпар мәтіретпен н'аң'а хорондукин н'әндет ухйивуксебл, ун'аптун тувлекітінн-н'ун әксә ичөвріт локоро-ивит арай. Д'ә тарә бихемде әр Д'әрис сөн'иј-матта, алајави аյаксә, чайу сәнмактуви тәнид'ардаға тікен гүннегүнне:

— Чайыр-чайыр, чайыр! — Эр-кэ гунэм бى, илан Сивир-сиктірдүн ситеңи гиркурйів усталкән-тбрадүн өріксөвөв өрухуй-дідү өвчә: өңкәптікі тіктеків, гәдумуктуків ойбино иливрій ия-килкән, нұркүптікі тіктеків, хәйәдуків ойбино иливрій бнилкән, д'ур д'апқун өватілкән алаңанд'ав, бى иччиләк турбімөв сун'н'увій дойылған дәлдікал, чөлган сөндүви силдікал, иргәлбі иктөвкөл! Д'е бى өхімөв қалбаңнара кавалавав илә мәнд'ин ичөвкәкөл! Н'имәр әкса, д'ұва тәниксә, тоюво илаксә, хутеве балдівійт, сөхүве иргицэт, оронмо күрәйт айилкән бихикив, тавар убү буза бойын багдарын мәңүн тәтілкән аңақйлдук айаргүтін, маталдук маниргүтік ділачә омолгыйн Д'әргөлд'ин амилкән, Гёван әтіркән н'йәзү хунад'ин Сәкак-киливлі өн'йакби д'ур д'урә он'блкби н'бәжаркән бейнүукчакилкән Д'әргәкән-киливлі мәтірет-пен әлі-кәт әнә сукчара н'әндө ухйн текендудай тонијороюор сурукул! Екүн-ка д'уләдүн бى д'урә балдічав, ңү аналла-кин әкса, әлә әмечев! Сöt мандувкал, бى н'үңн'йрвез экел урәра, тед'с д'оллокил бимй! — Чайыр-чайыр чайыр! — гу-ниттән.

Әр мата тікән гунэн-дә имиткічәнин чиңбхинен, үн'акачәнин үйхүйдан, хурупчонин урәхинен, илин киңбхинен, н'урин кү-хиліран, алаңан айдахійнчааран. Бәр ижін дундәләп н'иргийдән, н'аң'алә дәрайдан, ичәд'иң әвгидәлін хунат мәтіретін ухйн текендудай тонијороюор суруксб, Д'әрис сөн'иң д'уләдүн утари тікчөрән-ивит арай. Талә бихемде әдү бихіл матал дуруқматин ичәмдәкил сома көтө әр н'үңн'акылгачин коңноли түксад'ра-ивит арай. Д'е әр түксана әмәре-дә хунат мәтіретпен ичәре. Әр ичә-нәтиң әр д'оллокиң әлі-кәт өчин сукчавра бран, д'е тарит ңү-кәт өхин мәккүсте. Д'е дән күттәт-мата д'алин ёдук-тә сöt ән'умулдән, урундүви сөдүн гирамдан умүн тоборикта уүсүкій үндүйдүн, ирас сәксек ңәрілдән. Д'е тар амардукин сивайвадук салгый сивайва бран. Нонон би тәрійчәтін-дә тәдүк умүн хүңтуйу йчин айа си-вайва әдан. Н'ан кор-нар бөйот д'әпнәл, сәхәргасын ыншартын йәзүн долбонилкән инәүйдү тәбәтмәтті тәбәленимә тәрійд'әрә-ивит арай. Д'е әр сигділәдүн әр айа удаңан Айакчән-киливлі бихемде Күккүмачән гүнмурй сағдају әвәкави имиәнен, тулисқиң йүврән. Тар амардукин:

— Д'е, өвө миндү дулин буза Иркисмәнд'ын гирамдавай, тәдүк үс Торбнтай өхәлбі гирамдаватин ичөвкәкөл, — гуниттән.

Д'е тәдү Күккүмачән-атиркән әтіркүңи гирамдалын әксәрен, тәдү үс Торбнтай'ын гирамдалтін д'үкрә даран бихи-ивит. Тарил-дула әхиксә, әр Айакчән-киливлі бихемде сукунан сәптукин ёкәр н'әчүк-сәкбр гириптиләвін гаран, иларә даалбатаран, тарицен сөн'иң-саман тәтілін бра. Гә сәптуккій найакса гириптиләвін гадан, н'ап иларә даалбатаран, тарицен анам-тәкій бутун ағдакадинин хүңтуүн бран. Умүн тәкій ийән хоңижамдавай гаран, иларә даал-батаран, тарицен әйн-тәкій д'апқун әвтилевкүн ихакйідинин гис бран. Д'е өхйт ахй тәрәвөн дуруқин ситеңиме бран-ивит арай.

Эр өхйт ахй самахик төткөн-дб бимй ділдукин халгамактүн арахинай он'би, көркөлийн-дб сө-ивит. Н'өчүхэ айацид'ин арахинайднаал инижаханал-дөвбнэл он'бнотин, устан-тборан туңурук чурбкта, тулан меңүн-алтан д'икті он'блкён-ивит арай. Д'э тарицилбй төтикс, атпрканду: «Эр өхкөлбий гирамдалбати лувухинијат», гүниө, бөлөчирччене лувран-дб д'үкрөз д'ур алтан өмкөдү бәксө, тар төтчөр төтимэлти д'ур өмкөвө д'ур септүви діксө, умүн н'аңн'алә уյалачарий йай ойолби сурурун. Тар ңенәхинд'ене:

— Кө, өвв, сй, суруксө, байәнилдүвер: «Эхблдун өмөрл бра», — гүкөл. Баҗар, өхикит мөтөврө, слод'ицатин, — гүниттөн.

Тар амардукин мбнин киталик бран-дб килбалынд'ахинан били йаңиткйви. Нуңан биксө уада'ицән бара дб? Тар-дат йай ойолби ихиксә, тикен гүниө-гүннө, хәкни наимилийд'амыран-ивит.

— Хәд'ө-хбжай, хәд'ө-хбжай! — Ейкө әри, ёйкө әри! — Бй иччилаекм турбнмөв дбдлдірас дб? Эр-кө, әр-кө, өхэнд'өлбү, дулин буя Иркисмэнд'ен, ус Торонтай, доңдолима доровою д'авакалду! Ноңоптн дорово бијин, амаргүптин улгур ббн! Эр минөвө, «Иргйт төкөлкөн-сәксөлкөн ахаткайц өмкөсө, арчилана айчилдан, илбихилд'и мәливуудан, иччилаекм иливучилдан?» — гүнөксүн, — сү сөндүн дулин буя Хуркокчбнин умучидукки улдимнүн, д'учидукки д'үвчавијүн, илачидукки аналлакин, надан өхикәкта укчакилкән Хөглөндең байан өтіркөн амилкөн, Сивеккилбн байан атпркән өн'йлкөн илан Сивирдү ичбн идәлкөн, араңна айтті д'арыкликән аяа удаџан Айакчан-киливл өдан. Ейкө, ёйкө, өхэнд'өлбү ус Торонтай, Иркисмэнд'ен! Эввеки өкаалду!

Үбү бујаду сөн'иј удаџан Уникчан-евекб ңенәнијелбн ңенәд'эм! Ейкө, ёйкө, өхкөлбий, бй-кө, бй-кө тәд'и иччилаек турбакшың бкса, бучөвө арйвр алгихилкән бкса, айи өвөнкй төкөнмбн төнитті айлакан бихикив, өхкөлбий, өхйла иле мбнмер мбмвбн ичевкөкелду! Эдәр итчатель, айат осекесөл, айат бинөвөтін ичекелду! Оронмо күрөнөвөтін, сбхувө иргинөвөтін ичекелду! Хутевө балдевнаватін ичекелду! Аңнакийлдук айаргантин, мatalдук маниргантин өн айат д'алднаал су итчательхүн, ирембесөл, умйнаватін ичекелду!

Ейкө, ёйкө, өхкөнд'өлбү, дулин бујалдвар ббралкалду! Алакапд'а д'уллвар д'улуйкалду! Того өхблөвөр түксакалду! Эду ңй бид'ене сунду д'аларвуччарийан сәмийн-үйдемийн мәлкалду! Сей күкйндүн аяа удаџан Айакчан киливл, өмкөсө, айтчам, илкалду! — хәд'ө-хбжай, хәд'ө-хбжай! — гүнисө, гихитпий иларәккн далбатад'аран-ивит арай.

Д'е, тар амардукин д'ур өхбн иле мбртн дәйткитбнэ төзөмйнд'эрө-ивит. Арай өр төзөтччене дулин буя Иркисмэн өрткйтарткй тайвр-түйар ичехијнөд'эрән, өр төзөтччене тикен гүниө түрәчий өд'аран-ивит арай:

— Дијлени-дијдени, дәләкәй! — Эр-кө, әр-кө ичекөл, бй н'ян бн-бн өр бујаду будым? Эри билир-ка н'ян дулин буя бойунин тоңокомбо ёхалкән Чаяилган гүймурый хуркбн-хутев хөргү буя

авахилин атаман'н'үнтін бойундахилчән, таријит ёчан? Эр-кә сй
бй сен күкінми бимі авгутін ахін биңненни? Доңдолима доро-
войо д'авакал! Тадук бй мёлдіви мёлим-дә йлб-дб әңет ңенәре
бихим. Д'ә он д'уләв ихивучинди? Ёва-вал туханимдак аривунді,
болла? Эр-дб арика, он-дә д'аландуви әлчб илда бихим. Он
н'екес, д'ував ичөвкөнничинди? Д'ә, йдү бичән, сот турғенд'и
ичәкес, дәрүмкід'иңәв! — Дијдәни-дијдәни, дәләңәй! — гүниттән.

Тар амардукин әр айа удаңан Айакчан-киливлі тікбн гүнін
турбей әд'аран-ивит:

— Кйкир-кйкир, кијкилән'ин! — Эр-кә дулин буза Иркисмән
әхәнд'ев, доровою д'авакал! Ноноптін дорово биңин, амаргүп-
тін улгур әзин! Эр миң «авгутін ахін бичес?» гүнинді, бй д'ә
сй н'идәү омолгыс илан Сивир-сиктірдүн ситетірі гәрбілкән Ко-
қобадокбн бойун амйлән, томкодікән ўд'ачай Иімекен-киливлі
ән'йлкән, мәндүккі мәіжумә нәмәлжән, мәндүккі улгер н'бүлкән
мерілә орон укчакилкән дулин буза Хуркокбнин гүнумурй сй
сенді дулин буза бойунн бихин, тар ахін — Хәгләндәр өтіркен
хунад'ин, айа удаңан Айакчан гүнумурй биңнәм. Тадук әдакин,
сй дәң илдакис, умұвкіт мұңғыс бихин. Эрә умкалду ус Торб-
тай'ин, тарлаха д'уләвар айат исчиңәхүн. Бука со д'оке бимі
билир д'ур д'ан туңя саствар биңжайпі сәнөвөхун бүрі бәңе
бид'иңән! Кйкир-кйкир, кијкилән'ин! — гүнисә, алтама коропкава
септүккі гаксә, қалтакаваң Иркисмәдү умұвран, қалтакаваң бимі
ус Торбонтай'дү умұвран. Д'ә таријили д'ур д'ан туңя сасләвар
тіктә-дб д'алардувар тар-дәт илда, тадук күкінимәр бодонол д'ү-
ләвар суруд'уру-ивит арай. Айакчан-киливлі бихемде, киталик
әкә, д'уләдүтін н'брәна кильталанчад'аран, дулин буза Иркисмән,
раханд'а әкә, ус Торбонтай туруйанда әкә, амар амардукипар
ахаматчара-ивит арай. Д'ә әр айа удаңан Айакчан-киливлі
иуңарвати тулутчијән, тар-дәт суптіраңар ңенөвкөнд'вән. Нуңан
бикес үداد'иңән дб? Тар-дәт д'уләви истак. Эр әмәрән-дб дун-
дәлә тіктән, иле мәннин бран, тәлгәхеви дулиндүн үр әхвлви
алатна илитчаран.

Тар амардукин били өтіркәр әр-дәт әмәрә-дб, дундәлә тіктә,
иуңарус-коләхис н'әкәре, иле мәртін әра. Д'у ләлүкін н'ән мұ-
дамайа әчин бәйе, сувулима йүкес, иуңарвати дороволосчоро. Д'ә сәмай амардуктін Күккүмачан атіркән били өтіркәңжи омі-
хинчә бичен бид'иңән, «әмал мата әмәрә?» гүши-гүнца бәйел
д'апкалитін даңдалән әмекес, өтіркәңжи омос ичәкес, олоксө, ур-
канан-дә әңкәнчаран. Д'ә, таду бихил бәйел дурукитін-дә, олоксөл,
ху-да хә айдан бодо әран. Тарә бихемде әр айа удаңан Айак-
чан-киливлі, Күккүмачан-атіркәнма гаксә, хәйвәлін умид'урә
хувухинен-дә тар ойдонон. Д'ә тар амардукин Күккүмачан-атір-
кән тәпкөхиннәй, тәңерән, ескапийнайә илдан, өтіркәңжи, кила-
хинчаксә, күмнәрән, дәрүмкін-дәрүмкін дороволостон, н'әхәң-
нә-н'әхәңна н'уканйран, тар амардукин д'ә оскуйдан. Тар амардукин

сагдіңілбар д'уләвар йиүкесбл, сибайвавар д'ә айат д'евулда, д'ә сөт сөхәргәхилде, д'ә айат өвилде, куруләлде. Дулин буза Ирекисмен мәнин мәнд'иви, ус Торбантай мәнд'иви, әр буза итік сагдіңілтін әксәл, әчибел буде дурукитін тіңинбіл-таңынанал сибайвава д'евукесбл өтөре-дб, били күтәт-мата д'урә балдічай д'апкун түксу д'апкалин д'әрилікен ңәнәрій д'урә түксу уқчакилкән Д'әрис-сөн'иң гүннүүрі матада бихемде тікен гүннө түрбчай өд'аран:

— Чипир-чипир, чипирйа! — Д'ә әр бй ділачайнаң ңбрихайбен ичөвкөнчәл, балдівчәл итік киннилби, дулин буза бойухалин, ки-лийдилин, сагділин — дурукмахун, бй түрәнмәв дәдүвар дәлді-калду! Д'ә, бй д'уләви ңәнәрідүү әләкин бран, олус удан, сү д'албар тулдулайкен түрбткәлду! Сибайва-дә әләкин бран, д'алив н'амәдук умүнү синмачаңачин д'алуптан. Бужалайи-дә исмй, улгучбінді солунми барап бдан. Тарит тавар аяа сөвахитпар, аяа д'алитпар, аяа мәванд'ивар ичәнәдүхүн өхй оміжво бахива бицин. «Олус омос ңәнәхинән», гүннәл д'алдүвар әкелду д'авара. Эр күтәтів дулин буза Хуркәкчөнин амтілдув болд'онон долбо-найын дағамаран. Тарит нуцан түрәнни д'аландүви илицин! Болд'онодүн ихикта! «Аяа мурин умүн кимн'йчай, аяа бейә умүн түрбчай-үнә бихин» гүңкітін, таргачин Хуркәкчөн түрәнни умүн — болд'онодүн ихикта. — Чипир-чипир, чипирйа! — гүнниттән.

Д'ә әр тікен гүннәдүн әр олокток матад дурукитін әләкаййде:

— Суруйс әләкин — хуркән-куңакан, ахәткәнма гасә, балдідәк бујадәви хүйәнмүрін ийәкин — он'ин, болжа, — гүнниттә.

Д'ә, тарит әр күтәтіт тәдүк хүнәд'ит Д'әрис-сөн'иң бужалан ңәнәхинд'әрдектере. Нуцартын биксәл уداد'иңәтін, бара дб? Тардат гохинаң гахатқай бра, узискәй хуркуд'урұ-ивит.

Арай д'ә әр ңәнәд'өнә әр убү буза бойунин д'урә балдічай д'апкун түксу д'апкалин д'әрилікен ңәнәрій д'урә түксу уқчакилкән Д'әрис сон'иң-букатір тікен гүннә түрбчай өд'аран:

— Чипир-чипир, чипирйа! — Эр-ке н'әни бй ділачайив ңбрихайбен ичөвкөнчәл итік киннилби — дурукихун, дәлдікалду! Дулин буза, сй н'әни иргөлбви иктөвкәл, дәләви дәлдікал! Д'ә, бу сурурүв, су әмбәнмүрәс, тарит олус-дә айат биксәл, айат-тә куруләкесбл, хүйәттәп. Бй буҗав аран даңа бичә бихикин, әлә әмәкес, олосу-йимчәв-дә буҗав горон сб, амтілби сагдітін сб, тарит этәм әмерә болжа, тар-дә бичблайн әмерекпүн әдбөвәр олоро. Тәдүк әдакин, дәң үдерійнәр инәңйүнәр әмврекин, өдіндү ичилек түрәнмәр уңдбөвет, баңар әріксе-әвекун әрухуйд'иңевүн. Бү н'әни будәп гүнмій түрбнө уңд'иңевүн. Д'ә тарит су айихун сундү, бу айивүн мунду бицин! Буралия бурасай бицин! — Чипир-чипир-чипирйа! — гүнниттән.

Д'ә әр амардукин д'үйн бәйәлдүк әр Сәкак-килайви нуцартын амардуктін ичөччене тікен гүннә түрбчай өд'аран:

— Кимб-кимб, кимән'ин! — Эр-ке гүнәм бй хуте гүнді хутәвүзү буза бойунин ділачай омолгин Д'әргөлд'ин амайлән, Гёван.

этркэн н'йаңыу хунад'ин Сёкак-киләвли эн'йлкэн, д'урә он'бләйн н'бәркән бәйүн укчакилән Д'өргөкчбән-киләвли хутев, тәдук надан бхикәкта укчакилән Хәгләндәр байан этркэн амил-кән, Сивәккилән байан атркән эн'йлкэн д'урә балдигчә д'апкун туксу д'апкалын д'өрилкән юнәрй д'урә туксу укчакилән Д'өрис сән'иң-букатир күтәтів, бى турәнмәв толколонол, улгурвәв илгәләнәл дәлдікалду! Д'е, әр айандүн устадүн—төрадүн ёкүн уха кулд'үн кувулагат әүин д'ивеләрә, үй-кәт әүин мәдалара, айан айаргүн бәзин! Тәдук бәдакин, буҗаләвар ихисәл, Хәгләндәр байан этркэн туујурдүв, Сивәккилән байан атркән кодоюйдүв сома хөгдиме боколбомайа бى гәрбидукис ихивкалду! Тәдук мәрдүн бимй, д'үйавар боксә, тоғово иччиляксәл, хутеве балдівкалду, сбхуве иргикәлду, оронмо күрекәлду, айнакйл айавуктін, иччатихун итиктәзин, айа д'охун н'имбәхәл бокалду! Бى турәнми, айа алгис боксә, аргистахицин, иччилақ улгурйә айа илкбий бәзин! Д'е, тәдук бокин бакалдідала сү айхун сунду, бү айивун мундү биңин! Буралия бурасті биңин! — Кимә-кимә, кимән'ин! — гүниттән.

Д'е тикән алгаксәл, күтәтилән хунатпар буҗаләтиң уңчәл. Эр дулин буза н'имбәхәлин, әр Иркисмәнд'е итік гәрбичй өвөңжүн дундәңин ділбән сәнал, байгал мүжечинин байаниксәл, бира бирава билчалайкан д'алупті инак-сбхут, конү конува коңнолыйкән мурин сбхуве, уре-уреве вәмәкәмә орон-сбхуве иргинәл, д'алан-д'алан хутеве н'имеріңнәл иччатитін городдон, әр-тар буҗалдулә гәрбйтін гәйәнд'емәрән, сураситін сувулунд'амаран.

Д'е, тар амардукин били әр буза Коколдокбонин хунад'ин улден сахин сittін, д'аланин д'акнарйн бран. Эр ахаткән бараксан ирәндән н'урвән ичәмй, бихәмде тәд'әмә-дә өвәңкү хунаттүн ѡчин айа ахй әд'иңән, бollaңа. Нуңан сәксән бимй ѳдук-тә ирәхит д'әңкәрә ичәврй, улден бутей гирамдан д'ирилана ичәврй, гирамдан бутей уманин д'алкайд'йна ичәврй. Нуңамын колори коловур букатін ѡчин, ичәврй ичәдәчй өрөбәмә ѡчин хунат бараксан оскәрен-тівәнан, бадаңа, нуңан әр буза коңнорйн тукалалкән чутурин чүкән ойодүн. Д'е, әр тикән тівәнна-тәнййнә бид'енә, били әхбви ус Торбитаива әксәне, умнә долбонй дулинтікйн сурүксө, әр дулин буза чабу д'үгд'үрән гүмүрүй и'аң'алә уңалачарй йәң ойодун нуңан мәндүн әләкин туујукин умун нулгучй өвикйт болакайав «айат төвиниәкис, әзин аксара», — гүнә алтан айаргуд'ин тәнитівкәннән, ирәкте хәгдеууд'ин мосталавкәнан, ахйкта айаргуд'ин д'акталавкәнан. Д'е таријдуви инәңйтікин өмәнә-әмәнә әвйикй идәчй әд'аран-ивит арай әр ахаткән-куңакан бихәмде. Д'е нуңартын горово-кот бинөвөтін өчбән сәра, д'аңава-кат бинөвөтін өчбән сәра.

Д'е, әр бид'өрәкти, умүн тіманайдү ѳдә-ла и'аң'аңитін туландукин коңнорир туксул койунд'ара, багдарир туксул барадл'ара, хуларир туксул хүктід'эр — ѳмй-дә мәдачира инәңж оскәрен, бадаңа. Д'е тар амардукин әдин-әдин хүвүлдән, тигде-тигде тигдәлдән, имана-имана бургилдан, тар-дайт ағді бою н'иргийнлән,

чабылган барчалалдан, ийин-колорук бою бдан, бучукин моба буқтараңар иктерән, н'аликин моба н'албураңар иктерән, д'ур д'апкун кирилкән ампәр-д'уватин аран өче төре гарадара. Тар сиғділбүтін илітті бейзебе әүеіләй, д'ү туңнуктын тұкалачай иманда тіктән. Д'е, тар амардукин н'аңға әдук-кат ирәс бран, тәдүк уйит умун моксоңол-дәйткән күзуціјана-кириләна тіктен-дә, уркедүтін дөхинчаран-ивит арай. Эр дәксә, тікби гүниә турған-сөхваликән бд'аран:

— Гоңғоб-гоңғоб, гоңғод'и! — Эр-ке гүнәм дулин буза Иркис-мән амилкән, Геван өтіркән Хәгдеңү хунад'ин Кукумачән-кильвли ән'йлкән, илан Сивир-сиктірдүн ситети гәрбілкән хәргү бујадү сөләргүнтікі сөләрі Сәңжекбән, дулин бујадү кокоалододү чакилячай Коколдокбән гүнмурй, убү бујадү сән'иң дәйій укчакилячай Мәйіненікбән гүнмурй дулин буза бойунин, д'е би түрән-мәв дәлдіксә, уркөви ніксә, доровою д'авакал! Ноноптін дорово биғин, амаргүптиң улгур бән! Эр минәв «іргіт тәкәлкән-сәк-сөлкән мата, әмәксә, доровотпій н'бранді, улгуритпи йилинді?» гүнәкис, — убү бујадү оскечбл-балдічайл багдарин түксу амилкән, хулаарин түксу ән'йлкән, убү буза д'огд'урдүн д'онуяна оскечбә, д'орб түксу укчакилячай Д'онор батыр-букатир гүнмурй гәрбілкән убү буза бойунин бй бијнем. «Екүн галавинай нәдалкән, кила-винай кихалгалкән бихинді?» — гүнәкис, — әр миндү умучидукки улдімнүү, д'үчидукки д'үчавиңүү, илачидукки аналлакив ад'ас әчин. Д'е, тарит әр си хунад'ис солтама сураклән сунчана Әмәм, мәңумә гәрбілбн мәйіннә әмәм. Д'е тара әләкссийвкій бичб би-хикис, тар айаван бн омжовчов ухб. Д'урувбн гүнмй — әңкаптікі тіктәкис, гәдүмуктукис ойбомчов, н'уркуптикі тіктәкис, хәйәдукис ойбомчов. Д'е, тарә бн гүнчбәнді? Бүрйви, өхиви сәвкәкал! Бу-бав-дә горо сб, айан бейзебен екел аләчивчара, сирий бейзебен екел сириптара, д'алби сбт турғенди тулдүлій турғатка! — Гоңғоб-гоңғоб, гоңғод'и! — гүниттән.

Д'е әр амардукин Коколдокбән йүдбви уркөтківи гиркуд'-аракин, хунад'ин: «Бй мәнми, Йүксә, нонон бакалдікта», — гүниә амінми нұвчаксбран. Д'е мәнник Йүксә, тікби гүниә турғай-сөхәчай бд'аран:

— Вивир-вивир, вивирйа! — Эр-ке гүнәм убү буза бойунин багдарин түксу амилкән, хулаарин түксу ән'йлкән убү д'огд'урдүн д'онуяна оскечбә, д'орб түксу укчакилячай Д'онор батыр-букатир, ноноптін дорово биғин, амаргүптиң улгур бән! Эр минәв «іргіт тәкәлкән-сәк-сөлкән ахаткән бијиңенді?» гүнәкис, дулин буза Коколдокбәнин амилкән, томкодікән үд'ачи Иімекбән кильвли ән'йлкән, дурукин солкомо тәтілкән, сән'иң-сәнің бейунимә айа-хана укчалары Солкобкчон-кильвли бй бијнем. Тәдүк бдакин, си улгурвас дурукпән дәлдім, дурукис итәјес дәксә, әмәчб мата бихинді-ивит; хәгдеңү нәдас Коколдокбән бойун әрікесөвени діхутті нәдачай бихинді-ивит, умун кихалгас буғаләс горо-ивит, тарин-ләви утары бихинді-ивит, бй д'албав сәмүрй бихинді-ивит. Д'е

тарит бій турғымсән дәлдікал: «сөху, ийетпій өвікссә салдівкій, бейе, жалатпій, халғанд'ивій өвікссә, салдівкій», гүннө уңе бихин. Тарит, тәд'е миндулә мәййінә әмекбі бимій, бій өвіккіт алтама блакләв бодокол, тәд'е порбаудасқат. Д'ур сөйку он әнәл салдіра колбосчиңат! Салдіракит мәрті-дә д'алдұт айа, хүйтудағы астік. Си мине кейді бимій, тәд'еме өрухуайдиңес бейе өріксован. Эвкій кейда бимій, бужалави мұчұракис, әлекін бид'иңен. Мундуқ сирій бейен әдә сиріптандиңес, айан бейен муне әдә алатчиңес? Айан бейен айанмай д'аванаас, хокто бейен хоктовій д'аванаас хуләкә бид'иңен! — Вивир-вивир, вивирда! — гүниттән.

Тікә гүнән-дә өвіккіт алтама блактікәківи, киталик әкса, киңінад'ахинан. Д'е ур бейе «сатар ирш аймаду бакалдікта», — гүннө, моксоюз әкса, амардукин ахаматчаран-ивит арай. Эхйт ахай, алтама блакләви ихиксә, иле мәнниң әкса, илитчаран-ивит. Д'е ур бейе күзунаңа әмәрен, д'е иле мәнниң бран. Нуңан хунатпа айат иченен, д'е бараксан тукала буңаду син айа хунат балдівкій-дә-ивит. Сәксөн бими сәркөләт д'әңжернә ичеврій, улден бимій урумкет тіривинәна ичеврій, төті бутей улден ичеврій, улде бутей гирамдан д'ирілдәна ичеврій, гирамда бутей умәнин д'алкійд'иңна ичеврій айа хунат илитчаран-ивит.

Арай д'е өр ичекссә, ур бейе бихемде улор улдатпи, иле бодотпи, мәнниң мәнд'иви, вайтіліксә, вайр-туйір ичехиңнәнә әмәрен-дә илитчарій хунатпа күмнәхинчәрән-дә н'уқанийликсіран. Эр хунат бихемде тијемедүн д'улкулборон. Д'е өр бейе он-дә онави мәнниң-дә әче сәра, ичехиңд'иң өвгидблік инн'е хәргү мобра ту-вектүн, букачәндулай ихиксә, токторон. Д'е, өр амардукин өр Солкокчын-киливлі д'уләви суруд'урун-ивит арай. Д'е д'үлән бейенжилин өр хунат әдү баламаттаран, таваргачин тәті д'аличій сөйку матава ахаксөрін сөван сохічә сохіраи, үзлөрій үзлөрән. Коколдокбын арай ин'әнә-ин'әнә тулын гиркуктаның бойбоке д'аран. Тар н'екейд'әнә хунатпи мәгдән әмәд'өрівден ичекссә:

— Арай хунад'ихун мәгдән әмәд'өрән, — гүниттән.

Бейенжилин «тар-ка ир матајин?» гүнәл ичэттә-дә, хунат мәгдән әмәд'өрени-ивит. Арай хунат, әмекссә, дундағы тікиссә, иле мәнниң әкса, ин'емүхинчәнейш әмәрен.

— Ир ур матајис? Ілә сурурун? — гүнәл улгумирие д'үбән бейен.

— Мата-гү, тамнакса-гү малйалдлчайва қаскій аナンав, тар хәргү мбралай тіктви. Таваргачин-дә биле әдә әмәнен, болжа, күтур усток, — гүниттән хунад'итін.

Д'е тар амардукин дулин була Хуркокчонин ахйдуви:

— Тавар бойнума он н'екемій мит хунад'ит гөрбін әмекбі сукчавра? — гүннө улгумйттән.

Таду өр айа удаған Айакчан-киливлі бихемде:

— Тәд'еме таргачин ахаксобчай бихикин, таријин буче бихикин, гөрбіт сукчавд'иңән, тарит бій иченбіктә! — гүнән-дә тар-

дат самаҳик-тәтіви тәттән, хүнтувұны, гисви гадан-да тар-дат саmлалдағ/акттан. Д'е ково, қорап көхар киңгилкән сууруун, тәдук тікен гүннө турблкбн өдан:

— Хәд'е-хәбай, хәд'е-хәбай! — Эр-ке, әр-ке, уйү буңа бойнин, бағдарин тусу амайлән, хуларин тусу ән'йлән уйү д'огд-үраун д'онуйна оскечә д'орб тусу укчакилкән Д'онбр батур-буқатыр, он өкса, әхинчас? Ейкә, ейкә! Әхинчә бимй, мәлкал, бучб бимй, аркал, илә мәнді илә бодо илкал! Би түрәнмәв иргәләви иктөвкәл, дәләви дәлдікал, сәндүви силдікал! Эр миңе «әма ахаткән, әмәксө, айичивкй биңненді?» — гүнекис, — Хәрләндәр байан әтіркән амайлән, Сивеккилән байан атіркән ән'йлекән, илан Сивирдү ичбн иделкән, араңча айтті д'арикаилкән, бучавә арирв алгихилкән айа удаџан Айакчан-киливли, әмәксө, алғана д'аларбұд'ам, д'аландүви илкал! Эдү будәкис, дулин буңа гәрбін кәңіндің, бойухалин суракитін сукчавд'ицән, сй-дб мәнді айа гәрбіс сәмд'иң. Гәрбиви әхй сукчара айилкән бимй, сәт тургәнді д'аланимй д'авакал, әхав ичәхикәл! Тәдук өдакин, бу хунатпавун балдинас саргис өчө кейда, аналлакис жүнту бран. Тарит әхилә аракүн-аракүн мәнді аналлакийави айхиттуккй гәләкәл, хүнту буғалдулй бубарукал, городдулй дуғыйданкал! — Хәд'е-хәбай, хәд'е-хәбай! — гүниттән.

Тікен гүникесө, әнин-тәкіи д'апкун өвтілблкбн ихакидінин ги-хитти иларәкән далбаттаран-да, били бейәвә хәйелін д'үрә-иларә хувукинен-дб әхйт бейәв бихемде тар-дат улор улдәтпій, илә бодотпи мәнин мәнд'иви бран-да сариви сәран, үйдориви үйдорон-дб били халд'амулан сб бollaңа. Илдан-да, иларәкән колехис н'әкесө, моксо бол-дәвй өкса, уйү буғаткәй хуркуд'урун-ивит арай.

Д'е, әр амардукин айа удаџан Айакчан-киливли нујан хоктолған д'үләй ичөмникемблэрөн, ёкүн-да уха ачин биңётпен сәксә, дәғне әмәксө. Эр самаҳик-тәтілин йид-дб бихин әхин ичөвре, нујан ёкүнду иңкәривен цй-кет әхин сара.

Д'е, тавар амардукин нујартын бихемде н'ан ә-д'б, ёкун-да кихалгай ачин тициненәл-тацинана, нонон он бичетпін-дб таргачин бид'әрдектөре. Д'е, әр бид'енәл били дурукин солкомо тәтілкән сбн'иј сбн'я бейүнме айхана укчаларй Солкокчан-киливли, били ус Торбнтай өхбви дәптикй тәбекесө, тікен гүннө турблкбн д'аран-ивит арай.

— Вивир-вивир, вивирйа! — Эр-ке би итіктәрй өхбекен д'ев ус Торбнтай, би ичиләк түрәнмәв иргәләви иктөвкәл, дәләви дәлдікал, сәндүви силдікал, д'ан турбындук тунцаван толколбкол, иламнан илгөлбкәл! Д'е, тадук «миңе сағдива соруидан», — гүннө, д'алдуви өкөл д'авара, би умүн сбма наидави соруиучим, «тар ёкүн?» — гүнекис, — д'е миңдү уйү кумтүр н'ајн'a орбидулын пәржинді д'ур д'апкун ծватлкән алаңайав, д'олләк ус ңалатпи өкса, бурекис сб-дб айа бимчә. Би өннав оннав тәдү олус наidийттан. Тар бихикин, би саргив он биңетпін дурукин савумчә. Та-

рит, сій өләкейді бимій, сöt турғенд'i бомалчаксә, бүкөл! — Ви-
вир-вивир, вивирйа! — гүниттән.

Д'ә, әр ус Торбнтай нуңан сәнд'iви-гү дәлдірка, д'алитпи-гү
сәркә: хәді бейеңілбі киләп-киләп ичәхінжәрән, иш'емүхинчәрән,
хунаттың ичәттән, ділбі тоңкок н'әкәксә, тар-дәт надан д'ән на-
дан бутылқан утыйеві гадан, илан д'ән илан бутылқан итарчави
таран-дә уханкіт ампаркәндуләви сурууруун. Кәтін ижин күбү-
нәд'емәрән, утыйен йүн тівийд'емәрән, итарча ижин кичижирад'-
амаран.

Д'ә нуңан «алаңа сәләт өвкій, боблаңа», — гүннө әр Коколдо-
кон, иченәнә әмексә, ичеччәрән-ивит. Эр ичәттәкин, ус бујатпи бән
бейе-ивит: од'арын биринчикин сб д'ә алаңа бимій алтанд'i лакир-
вуттан, чачарвән бимій айа қурухінә хәкрава сәләт лакирвуна,
хуруғумбын бимій брбә сәләт, тілбәнмуқбән бимій тіләк сәләт,
иілбән порувулбка имиңхид'ин илинен өран. Д'ә, таријин би-
хәмдә әр балдічадукки нуңан умүн-дә турәнмә әчин турәттә бейе
«әр алаңа гәрбін Тәбән-сбн'иң бибин» гүннө турәхинән, тәдүк
хуңтуву ёва-кат әче турәттә. Ус Торбнтай өтіркөн д'ә били ху-
нәттуви, әмұвуксә, алаңауи бурән. Хунат бихәмдә, әдүк-тә сöt
урұнкесә, тарә гадан-дә били әвіркіт алтама бблакләви суруурун,
тәдү әкәрва қанликтан әвіркіт алдук-тә сöt бухурғана әйттән.
Әр алаңауи ёва итканаван дуруккән тіківуттән, д'окет-кат әхин
калті ңөнәре. Тадүк нуңан «Мәнәк гарпамай, йән-кә исchan?» гүннө
алаңауи пордвойдәна уйыскәк гарпаратан. Таријин бихәмдә йдү-дә
әнә ичәврә тікін суруурун. Тікөн н'әкәксә, н'урби сәмүйрән-дә,
«йдү-вәл ихиксә, тіктән бид'иңи», гүннө, өрткій-тарткій гәләк-
тәмй үхброн-дә әче бакара. Тадүк ур гарпад'акләви әмәнен
н'урин, әмексә, алтама бблактүн тіпаручад'аран-ивит арай. Д'ә,
әр хунат, тарә ичәкесә, д'ә «әкүн әхин ичәврә кулд'ун кувулга-
ти бирдеңай», — гүннө, н'урбай гаксә, айат адуданан бихәмдә,
арай н'урин Ыулгин тәкәндүккүн умүн айи матад'аванан туніца
тарвакин кеп батари д'аванан бихин-ивит. Д'ә, әрб ичәкесә,
били хунат, уйылбай әмексә, тікөн гүннө турәлкөн-сәхәлкөн
одан:

— Вивир-вивир, вивирйа! — Эр-кә и'ани би-кә-гү уйй гүнді
үйів, надан өхикәкта үкчакилкән Хәглендер байан өтіркөн амйл-
кән, Сивеккилбән байан атрыкән ән'йлкөн, илан Сивирду ичен
идеңкөн, араңа айитті д'арыклилкән, бучбәр ариври алгихилкән
айа удаңан Айакчан-кильвли, би турәнмән дәлләви дәлдікал, ирге-
ләви иктөвкөл, сәндүви силдікал! «Әр әхбә ус Торбнтай әкеснөв
бүнен алаңад'ин «ахүн-кә город суруд'ин», — гүннө, уйыскәк
гарпана, н'урив әрәдәмә әлдәләви ичәврә суручбово сәмүйнөв.
Н'урбай гәләктән суручбләв, гарпад'акләв әмексә, тіпаручад'-
аран. Д'ә, сій ичәкөл, әр минәнә әкүн кулд'ун кувулгатін мбада-
ларан. Эр н'урив Ыулгин тәкәндүккүн туніца тарвакитпи батари
д'аваксә, тіківчә биңбт, алтама бблаккав дулмактуви лидірәңдер

тікчә. Эр ёкүн өхйн ичөвре н'ân мобдалран, кәрән-кәрән мулан'ёвал н'урвав батарита д'авукатна өвирән, минә сәнәрән һәдү сәтаран, тікун'ё-тәлбән'ё биргәлби билде! Он н'әкекес бокон-д'иңәв, әнәй-тәнай аваккавав ичәрәс-гү өчәлдүн-јү? Д'е, си миндү ёкүн-мал сувәйә сувәләкәл! — Вивир-вивир, вивирйә! — гүниттән.

Д'е өрә дәлдікса, өр айа удашан Айакчән-киливлι бихәмдә, «ир н'урис, ичәбәт!» гүниекс, н'урба гакса, адуләттар бран, тәлук тікбын гүниә турбоч-сәхәй әд'аран-ивит, арай:

— Кыйир-кыйир, киңкилән'ин! — Эр-кә, өр-кә гүнәм илан Си-вир-сиктирдүн ситети гәрбілкән дулин буға Коколокбнин амил-кән, томодікән үд'ачи Иимәкән киливлι ән'йлкән, сән'иң сәниә бейнүмә аялахана укчаләр, дурукин солкомо тәтләкән Солкокчы-киливлι иекүн гүнді иекүнми, би турәнмәв дәләви дәлдікал, иргәләвни иктөвкәл, сәндүви силдікал! Д'е өр әхә гүнді өхәкәнд'ес ус Торонтаң тәд'ә сәңку ус-ивит. Эр әнан н'урин ёма сән'иңил-дуәлә иснавай, мәнми-дә өчөв сәра. Эр ёмай-дә си аналлакис бид'иңән, тарит н'ân суруксб, гарпамкакал, тәд'ә миттү аналлак сән'иң-букатир бимй ёкүн-мал сәмайа әд'иңән, тәдүк бәнәд'а-дә бихикин сад'иңәт. Ёкүн-да бицин, өкөл ңәләрә, сәңүр өңөхйт тә-никса, гарпакал, амаргүптиң ән-дә бицин! — Кыйир-кыйир, киңки-лән'ин! — гүниттән.

Д'е, өрә дәлдікса, өр Солкокчон киливлι бихәмдә алајәви гадан-дә били өвйікт алтама блаклави сурурун-дә, гарпакйт дүндөңләви ихикса, алтама блакки хәніңәмәктүви батарий батқа-никса, чайу сәнмәктүви тәникса, илалдадү иткучаран, діңилдәдү тірәчәрән, туңжалдадү турувчаран, н'үнүлдәдү н'үн'иңәрән, на-далдадү батканчаран, д'апкулдаду д'авүчаран, тар амардукин хунәт чимиткічәнин чиңбхинән, хурубучонин урбхинән, ун'ака-чапин ухутаҳинан, илин кикбхинән, алајән айдәрихинчаран, н'урин н'иргийхинчәрән. Эр амардукин н'урин йәб-дә иснан өхин сәвра, н'ауя'а хорбәткәкәйн күзүнәнадан. Д'е, тар амардукин өр Сол-кокбн-киливлι алтама блактүви ускиттәна гиркуктад'ана әрткі-тарткі мундине н'әкейб'ерен. Д'е өр н'әкейб'әрекин убү буға хорондукин багдарин тұксузы лупуруңур багдарин мәңун н'ур кибинәна тікчәрән-ивит, арай. Д'е ичәхинд'иң өвгидәлін алтама блаклә өмөкс, тіктөн-дә дулмәктүви тіпаратинчаран. Эр хунәт, тәлә өмөкс, иченән бихәмдә нуңан мәнин н'урдукин хујутуму н'ур тікчә-ивит. Д'е өр хунәт айат иченән бихәмдә тәкендуки дүбәмәктүви дурукин багдарин мәңун-ивит, гәйид'ин иченән — хунәт-ахй сарумұтталқан әхан кильбантина ичәврі, гәйид'ин ичә-иң — омолгй-бейе сарумұтталқан әхан д'өргәлд'йиң ичәврі н'урин-ивит арай. Д'е тара бихәмдә өр хунәт айат адуләнан — умүн ёдук-тә айа айткән-мәтә мәтіретін бихин. Тарн'ун даран нуңандун өләкин ёдук-та айа айи-ахатқан төзетчәрән. Д'е, өрә ичәкса, Солкокчон-киливлι әдү мобдаттаран гүниә д'уксу айат адуләнан — илан миңун кәрдіхичи-ивит арай. Д'е, өр амардукин

әр Солкокчөн-килівли бихемде, әр нұрва гасқа, д'үләви сурупн. Д'ә әр ихиксә, тікден гүннө турблекбен-сәхөлбен әд'аран:

— Вивир-вивир, вивирйа! — Эр-ке гүнәм амйн гүнді амйними, илан Сивир-сиктірдүн сиңерій тәрбілкбен дулин буза Коколдокбенин, ән'йн гүнді ән'йнми, томкодікән үд'ачи Иімекбен-килівли, убй гүнді үбй аяда үдаған Айакчан-килівли, д'ә сү бй турәнмәв толколбонол дәлдікалду, иччилик турбнмәв илгәлбнзәл дәлдікалду! Д'ә, бй кәрән-кәрән, мулан'е-вал мулан'е ус Торбнтай вхэв бинан алтама нұрвай сәмүйм. Арай әр ёма күлд'ун кувулгат тіківрән бolla, багдарин мәңүн нұр, әмексә, д'уләдүв батари тіктен. Ванад'а-гү биргүи, айнад'а-гү биргүн? Илан хуларйн мәңүн көрдіхилкбен бинә-бинә, әдү-дә мәдатаран. Д'урсу гәһид'ин ичәмий, хунат-ахй сарумұкталкән әхан кильтантина ичөврй, гәһид'ин ичәмий, омолгы-бейз сарумұкталкән әхан д'әргелд'ийнә ичөврй мәтірәтіл бихи-вәт! Д'ә сү-дә ичәкелду! — Вивир-вивир, вивирйа! — гүниттән.

Д'ә, әрбә дәлдіксал, д'үзан бейзәл йүмәлчөре, иченетін тәд'бәмә ад'ас хуңту нұр әмәчб-ивит. Тарә айат иченетін д'ә бейзә бейзәдү әхйн тәрбмкәрб, бейзәдук хәврй хулеқә мата, ая, ичәдәчй айтткән-мата мәтірәтін бихин. Тәдук әр мәртін хунад'итін Солкокчөн-килівли мәнниң мәтірәтін әр тәңетчөрән-ивит арай. Д'ә әрбә ичәкес, әр дулин буза Коколдокбнин бихемде хунаттүви тәк турбнз'иви мәтевуттән:

— Д'ә, сй били ионопті матаваңачин өдбви д'улкулборо, эриңис аяа бейзә биңүт, мәндүс өләкин мата биңүт. Сотору әмәнжет бадаңа, әмәрәкин бу аяа үдаған Айакчан-килівлін'ун улгучбәтчиңбүн, — гүниттән.

Д'ә тар амардукин иуңартін бихемде илалдава бичбләттін, әр аяа үдаған Айакчан гүнмурй кәмун әч-ивит, илйтін инеңйдү тікбен гүннө турблекбен әд'аран:

— Кйкир-кйкир, киңкилән'ин! — Эр-ке н'ани гиркй гүнді гиркй, бәзия гүнді бәзинми дулин буза Хуркбкчбнин, бй турбнмәв дәләви дәлдікал, иргәлбви иктөвкал, сәндүви силдікал! Д'ә мит бейзәјит кәмун әдан, сөрөнкәл-сәрбәнкәл, хуркбн-куңакән балдірйн кәмун әдан! Д'ә айат мандүвукс үркәдүви тохуйкал, бойунбейз хүтән сәңкү бойун бивкй гүңкйтін, тарит бейзәви бейзәкәл! Эхикис кейлан д'авара, амаргүт әкүн-дә әтби кейда, тарит д'ә ахун бичәс, сбт мандүвкал! — Кйкир-кйкир, киңкилән'ин! — гүниттән.

Д'ә тар амардукин дулин буза Хуркбкчбнин әлекес үрквләви исчаракин, хуркбн-куңакән сариләхинчаран-дә, чуңурұви әтірәңәр хәтәкбнчәрән-дә амимий ойолын тар-дәт тулискй сүптиран, багдарин мәңүн чивкәчан әкса, уқискбкй хуркуд'урун. Әр мит бейзәјит Хуркбкчбн бихемде, амаркәндукин н'ан мәңүмә гаханд'а әкса, ахаматчаран-ивит арай. Әр күңакән бихемде ділачә Йүптумәвән күбунад'аран-ивит. Дулин буза Хуркбкчбнин д'ә кихийна-кихийна ахад'ардаға. Әр ахаматчарактін, ділачә Йүктәйд'ин умун багда-

рин колорук бургалықан нујарватиң утары күншід' аран-ивит, арай. Д'е әр колорукка ойдан иченетін бихемде — мәндүккі мәңүн нәмәлкән, мәндүккі күйиргис контохилкән, чистай чәлкә соноңжилкән, багдарин мәңүн тәтілкән әдук-тә айа кирасевай айиткән-мата, бойындук боско хуләкө, өвөнкійдүк әрөвлүл әрдек буқатір, ураңкайдук ураті бейіт мата әмәд'өрән бадаңа нујан. Д'е әр әмәд'әнә әр бейә бихемде, дулин буға Хуркокчон-мөн ичәкесб, муринми токтотиксә, лоскүй алтама лайдаду соноңбоспи иливікәнан-да, мәннин бихемде, мит бейінжет утари әмексб, аның ұлатпій доровово бұна-бұнә тікән гүндә турәлкен әдан:

— Гәрб-гәрб, гәрбкән'ин! — Эр-ке, әр-ке ичәкәл, илан Сивир-сиктірдүн ситетін гәрбілкен дулин буға Коколдоконин амілкән, томкодыкән үд'ачы Имәкбен-килившы ән'йлкән, мәндүккі хуларин мәңүн нәмәлкән, мәндүккі улгәр н'обүлкән мәриле орон үкчакилкән дулин буға Хуркокчонин, доңдолима доровою д'авакал! Ноноптиң дорово биғин, амарғұптың улгур әбін! Тәдүк әдакин, әр миневе «Иргйт тәкелкән-сөксөлкән мата, әмексб, дороволжон әд'анді?» гүнәкис, — илан Сивирә ичәтті мәңүн тою пана哩лкән ділачә-ирактағы амілкән, охордан-дөвөрдән тәтілкән Он'ордөн байан атіркән ән'йлкән, мәндүккі мәңуме нәмәлкән, мәндүккі мәңүн күйиргис контохилкән чистай чәлкә соноңжилкән, багдарин мәңүн күн'акилкән Мәңундәр-сөн'иң-буқатір әмәм. «Екун сбма сорукту, әкун кихалгадү тікән мәңийнә әмәнді?» гүнәкис, — сй бургунас-инак ийәзәчинин д'брөләснә оскенес нақун гүнді нәкүнмөс солкомо сураккән д'үр чөр сәнд'иви чопчума дәлдікса, чистай чәлкә соноңбоспі сү дулин буғаләхун салайкәс, сөн'иң горо гиркунмү сүзтат д'алдакса, әмәчб мата әдам. Д'е, тарит сй хуркби-хутөс мәннин әвшави он'идүви гиркурй мата бид'иңи. Сй әхйт әкәл гүкчана, мәннин н'әкейексб, әмәд'иңи. Әхйт сй, төлка гәрбийән бүкесб, әмбимукел, тарит этән суптіра, әм-кат әмәд'иңи. — Гәрб-гәрб, гәрбкән'ин! — гүниттән.

Д'е әрә дәлдікса, мит бейінжет дулин буға Хуркокчонин бихемде, әр алтама лоскүй лайдандаңудын улор үлдәтпін иле мәнд'иви тикиксб, тікән гүннә турәлкен әд'аран-ивит арай:

— Үңәл-үңәл, әүләңбей! — Эр-ке, әр-ке гүнәм илан Сивирә ичәтті хуларин мәңүн тою пана哩лкән ділачә ирактағы амілкән, охордан-дөвөрдән тәтілкән Он'ордөн байан атіркән ән'йлкән, мәндүккі мәңуме нәмәлкән, мәндүккі мәңүн күйиргис күнтүхилкән чистай чәлкә соноңжилкән багдарин мәңүн күн'акилкән Мәңундәр сөн'иң-буқатір, үйлик күтәтів, доңдолима доровою д'авакал! Тар амардаукин д'е сй тәд'бәмә-да сәнді бид'иңи, тарит баңар би гәрбийән бүктө, тәд'бәмә мәннин әвшави он'идүви сәңбин. Би хуркби-хутөс, ахұн-да айас әмн'ик бичблайи иччилем турғымөв иргәлбви иктеңкәл, дәләви дәлдікал, сәндүви сиадікал! Би синду үбридік инәйиңиңес ичевекбінчб итік ирас амінді, мәндүккі мәңүн нәмәлкән, мәндүккі улгәр н'обүлкән мәриле орон үкчакилкән

дулин буңа Хуркбекбнин бй бијнәм. Тәдук әдакин, си улор уләвәс, манді гирамдавас, илә мәнмәс мәңүп мәванду солко дәдүви оскәтчә кунду эн'инді надан әхикәкта укчакилән Хәгләндәр байан атіркән амилкән, Сивәккилән байан атіркән эн'илкән, илан Сивирдү ичән иделкән, араңыа айтті д'арикилән, бучбә ариവр алгихилән айа удаңан Айакчән-күлдүр гүнмурى гәрбилькән әдан. Тарит таргачин сөн'ицилдук балдічә багдарин мәңүп чивкәчән укчакилән доксун д'онукчән букатир гүнмурى гәрбилькән әка! Д'е, тәдук әдакин, әрдәңестикән ёйекштес әңәрдәхисијин, караткәндикән айихитіс аргистанијин! Д'ур халгалкәндү д'улебі әкел бүрә, тијәлкәндүк әкел тіктә, д'алалкәндүк әкел судурда! Си айис синдү, бй айив миндү бијни! Буралия бурасті бијни! — Уәлә-уәлә, дәләңәй! — гүниттән.

Д'е, тар амардукин әр д'ур айткән букатир мәртін, бакалдікәл, боско алтама лайданыар күтантқынан түтінәл дорболовостін бихәмде дулин бужалә доргүйдан, н'уқанымәттітін н'аңн'алә дәлдівріт чұвурғаран, анчартін иктөлдірітін антиңа дундәлдүлә айдарйхинчаран, гула бужалдулә гүңнтәран. Д'е таргачин әрчимнәкит бакалдіріл матаł әда.

Д'е, тар амардукин әр әмәчә бәйә, мит бәйеңүт утари ичәтчәне, тікән гүнә турәлкән әд'аран:

— Гәрб-гәрб, гәрбкән'ин! — Д'е мит, д'ур сөйку айткәр матаł, бакалдіксаł, д'ур д'апкун әвтиләбләр дәдүтін мәңүп мәванд'ивар, айа д'алитпар, уваңас сәксәтпәр, улор уйитпәр, илә мәңд'ивер аракүкән улгучемәтнәл, айа гәрбивәр гәйәнијнәл, нағыл әмәң дундәдү улгучемәтнәл, д'ал д'албар салдіңәт. Д'е, «әкүп д'үзүдүн тікән әмн'ик ииijләкән д'әбин әрәйдәне турәчйнді?» гүнәкис, — си бургунас инак ииijечинин д'әрәләсне балдинас нәкүн гүнді нәкүнмәс умучидукки улдімүйәви, д'учидукки д'үвчамијүйави улгуминб'ә әмәм. Тарит тавар синду турәтчәм, д'е, гиркй гүнді гиркйв, си айа д'алби мәңүп мәванд'иши улбутікән улгуркәл, тулдулайкән турәткел. Си сувәдукис әтәм Ыре, «әләкүн» гүнәкис, бужаләс ңенәлдід'иүб, өхикис өләкссийдә, өхим д'онуїда, тарә д'алвй сәвкәкал! — Гәрб-гәрб, гәрбкән'ин! — гүниттән.

Д'е, тар амардукин мит бәйеңүт бихәмде туңца тарвакки олд'у-холд'у д'авүмкаксана д'алимкүкса, өхйт бәйеңә дәптики тәңекес, нұжантқиін сöt айат ичәхиниксә, тікән гүнә турәчи-сәхәни әд'аран-ивит арап:

— Уәлә-уәлә, дәләңәй! — Эр-ке, әр-ке гүнәм хуларин мәңүп тою панарилән ділачә ирактәси амилкән, охордой-дәвердән тәтілкән Оп'ордән байан атіркән эн'илкән, мәңдукукки мәңүп ишмәлкән, мәңдукукки мәңүп күйиргис контохиләкән чистай әлкә укчакилән Мәңүндәр сөн'иј гүнмурى гиркй гүнді гиркйв, күтәт гүнді күтәтів, бй тулдулайкән турәччәрівәв, улбулайкән улгурда'әрівәв д'ур чөр сәндуви силдікал, ирас иргөләви ивкәл, улор дәдүви дәлдікал! Д'е тавар си түрәнмәс он гүнне әд'ем өле-

кайда, сб өлөкин, бollaға. Нәкүни дурукин солкомо тәтілкән сөн'иј Солжокчон-киливал мәнин-дб өн сәлд'ен? Әтән сәлде. Бү мәрвүн-дб айа турәнд'ивәр йәд'иңүн бollaға. Тарит, д'ә, д'үкәрә аргистаснал би д'үләв үәнәрдәкпүт. Би амий гүнді амийми-дә әтән мәхәйдәстә, айи әвәнкі бойухалдүн бейә колкучин бид'иңән. Д'ә, хәргү буза авахилдүн ёкүн бид'иңән, бейә состакишин нұңандын бихин, мәнді-дб сураккән дәлдінас бид'иңән. — Уәлә-үәлә, дәләйәй! — гүниттән.

Д'ә, тар амардукин әр чабу бейә бихәмдә, шуцантткін айа әхатпій сöt айат ичәхиниксб, тунца тарвакки өрткік-тартикі д'а-вукса, н'ән өн-ла д'алимкіран бадаға нұңан. Д'ә, тар амардукин әр уәү буза бойынин Мәңүндәр сөн'иң-букатір тікби гүннә турә-ч-сәхәчій д'аран ивит:

— Гәрә-гәрә, гәрәкән'ин! — Эр-кә гүнәм илан Сивир сиктір-дүн ситетір гәрбілкән дулин буза Коколдокбнин амйлқан, томко-дікән үд'ачи Иімекбн-килівли ән'йлкән, мәндүккі мәңумә нә-мәлкән мәндүккі улгәр н'бәүлкән мәрилә орон укчакилкән дулин буза Хуркобкчнин, гиркі гүнді гиркій, иткі киннів, би турән-мәв д'үр чөр сәндүви силдікал, ирас иргәлзви иктевкәл, д'үр д'апкун әвтілбви дәлдікәл! Д'ә, әхйт си мәнді әмүкин сурукул, би өдүк илалдалы исчинәв. Минәвә бакалдінави әкәл улгучбн, хутәдүви гәрбійән бүнәви улгучбәл, тәдүк хуңтуву әкәл туретте. Били нәкүн гүнді нәкүндүс би надан дарикталкән багдарин мәнүн и'урив бид'иңән, Солжокчон-сөн'иј н'урин ус Торонтай өнан алтама и'урин миндү бихин. Бү, мәрвүн бакалді-кәл, тәрәмкәл'иңәвүн, бу тукала-дунда чүт чукадүн өннавун өн'и-вүн өниан ковалан тәдү бихин бид'иңән, тарит улгучбәтчиңәвүн. Д'ә, тарит мин'и'ун өчө аргистаста гүнә д'алдүви «әкәл д'а-вара, айләбин», — өмір өләкайда, мине мәгдәвәв ускй үңишин. Д'үкәрә умүндү истакит, сине: «Н'ән ёкүн кулд'үн кувулгатпән әмувунді?» гүнд'иңән, умүндү буруйдад'иңән. Тарит ионон си мәнді искал — Гәрә-гәрә, гәрәкән'ин! — гүниттән.

Д'ә, тар амардукин әр мит бейәнит бихәмдә «си турбнди синдү, би турбими миндү», — гүнчбәзчин, өн-дә өнө гүнә иларәкән үңкуру-с-коләхис п'екексб, багдарин мәңумә гаханд'а бксб, дулин буҗат-кәківи килбәлбнчөн-килбәлбнчөн айаннад'аран-ивит арай. Нуңан биксб уداد'иңән бара дб? Тар-дат д'үләви исчаран-ивит арай. Эр әмексб, д'үви уркәдүн коп дәхинчаксб, тікби гүнә тулдулй-кән турәтчәрен, улбутікбн улгурд'әрән-ивит арай:

— Уәлә-үәлә, дәләйәй! — Эр-кә гүнәм би гиркі гүнді гир-ків, надан бхикәкта укчакилкән Хәгләндәр байан этіркби амйл-кән, Синеккилбн байан атіркән өн'йлкән, илан Сивирду ичбн иделкән, араңыра айитті д'арикилкән, бучбн ариврй алгихилкән айа удаған Айакчан-килівли, дојдолима дорово бицин! Ионоп-тин дорово бицин, амарғүнти улгур өңин! Эр минәвә иргіт тә-кеңкби-сәкеселкән мата әмәнді?» гүнекис, — си гиркі гүнді гир-кис, мәндүккі хуларин мәнүн нәмәлкән, мәндүккі улгәр н'бәүлкән

мәрилә орон укчакилән дулин буңа Хуркбкчонни биңнәм. «Ир хуркбн-хутәс?» гүнәкис, багдарин мәңүн чивкәчән әкә, суптіран-дә, амаргут ихәвүкәс, әмәл'иңн. Би, нуңандүн әхй сәмде гәлнәрй гәрбийән, солкомо суракий буқес, мучум. «Ема гәрбильән әдан?» гүнәкис, дулин буңа Хуркокчонни амилән, айа удаңан Айакчан-киливлι өң'илән, багдарин мәңүн чивкәчән укчакилән доксун Д'онукчан гүнмурй мата әдан. Д'ә, тарит мит ёва кутуруйд'ап, мәнин мәнни д'улбәви гиркурй мата бид'иңн, миттук балдикә, нуңан мултук-д'адуңан мата әтби брә. Емй-дә сәңку сумут маталин'үн гиркулдірй бид'иңн, нуңандын д'үр халгалән д'улбән әтби гада, д'үр ңалалән әтби ухуннаста, тіңәл-кәндүк әтби тіктә. Мит гәрбивет әтби тикивә гүнчәчим. — Узәлә-убәлә, дәләбәй! — гүниттән.

Д'ә, әр амардукин айа удаңан Айакчан-киливлι тулискй йүрән-дә били бейеңди д'уләви йүрән-дә н'үнүн халгалән багдарин мәңүн кириватту тәкәвеккәнән. Мәнин бихәмдә, тулискй йүкә, д'үр-иларә әңтәвекхинән-дә илан нулгү туңурумчәлән илан кос күрәдүн илан дәткән дәләмйән д'алумкәй җинчәрән-ивит арай. Тар амардукин айа удаңан Айакчан-киливлι илан акта айаргувән синнакә, бәвкәнан, илан байтахун бастыңан бәвкәнан, илан байтахун бә бастыңан бәвкәнан. Тарә дуруккән астаканникә, н'и-мәкилби дуруккәтиң бәркес, әр доксун Д'онукчан балдинан ма-лахинмән, әр дулин буңа Иркисмәнд'ән ичкатин умйүвүкәл, куруләд'әрдәктәре.

Д'ә әр куруләд'әректін, бихәмдә әргйт-таргйт коңорир түксуд койнуд'ара, багдарир түксуд баралд'ара, хуларир түксуд әртікій-тартиқи хүктіктәд'әре. Тар амардукин ахұна-дә өчб бихй, ичәхинд'иң әвгидаңын әдін бою, коллорук бою бран, хиңн бою бран, ағді бою н'иргийдән, чаңылган бою чаңылайдан, тукалачи иманда ичәхинд'иң әвгидаңын илитчарй бейеңе әүјәйәлән тіктән. Әр коллорук бихәмдә д'үр д'апкүн кирилән ампар д'уватин аран өчб төрб иктере. Тар амардукин бкин-дә өчин тігдәрә-иманара н'аң'а-ячин н'аң'а килятікан н'әңделәрән-ивит арай.

Д'ә, тар амардукин били дуруккин солко тәтілән сөн'иң сөңиңа бәйүнмә айахәна укчаләрй Солкокчон-сөн'иң әвйікт лайдай-дүн ёдук-тә ивәңнәк хәгдің чаңылган тіктән бадаја нуңан. Д'ә тар амардукин әр айа удаңан Айакчан-киливлι бихәмдә:

— Эр мит хунәд'ит әвйікт лайдай-дүн сб-дә тоюочи чаңылган тіктән, н'ән ёкүн-ла әмәрән бадаја. Би ичәнектә, — гүниттән.

Таду бихәмдә дулин буңа Хуркбкчонни:

— Кә, сбт сурукул, кулд'ун кувулгат бихикин, сбт миндуль иччилиәк турғимй уздәви, — гүниттән.

Д'ә, тар амардукин әр айа удаңан Айакчан-киливлι, тар-дәт йүкәс, хунәт әвйікт лайдай-дүн багдарин дәйіткән әкә, килят-ләнчад'аран-ивит арай. Д'ә, әр ихикә, ойдән ичәнән бихәмдә, багдарин коллорук ускиттана хүктіктәд'әрек-ивит.

Д'я, ер айа удаңан Айакчан-килии бихемде, дүндөлб тикикес, улор улдәтпі, иле мәнд'иви бокс, ойдан иченен бихемде, дилдүкін халгамактұн йлі-көт әчин үқуулуне багдарин мәңүн тәтилкін букатір, әмекес, хұнат өвйкіт лайдаңдұн әвіктәд'әрән-ивит арай. Д'я, тарә ичекес, айа удаңан Айакчан-килии бихемде ичәрән-дб тәкіксөран-дә тікен гүннө турғыч-сәхәчі бд'аран-ивит арай:

— Кикир-кикир, киңкилән'ин! — Эр-кә, ер-кә илан Сивирвә ичәтті багдарин тою панарилкән Ділачай-ирактаин амайлән, охордбн-дәвәрдбн тәтилкін Он'ордон байан атіркән ән'йлкән, мәндүккі мәңумә нәмәлкән, мәндүккі мәңүн күйиргис күнтухилкән чистай чәлкә соноңохилкән, багдарин мәңүн күн'акилкән Мәңүндәр сби'иң-букатір, доровою д'авакал! Ноноптін дорово бицин, амаргұптын улгур бўин! Тадук әдакин, ер миневе «йдук тәкелкбн-сбксаңкбн ахаткән, әмекес, дороволкбн бданд?» — гүнекис, — уйу буңаду оскечб надан бхикәкта укчакилкән Хәглендәр байан әтиркін амайлән, Сивеккилән байан атіркән ән'йлкән, дулин буңа бойунин Коколдокбн бәзиликән, дулин буңа Хуркбкочбнин гиркілкән, томодікән үд'ачи Иімекбн-килии котулкән илан Сивирду ичбн идәлкән, араңна айтті д'арикилкән, бучбә ариврі алгихилкән айа удаңан Айакчан-килии гүнмурй гәрбілкән биңиң. Тадук әдакин, ер сй ёкүн сорукту, ёкүн кихалбаду ер буңада әмечб мата бданд? Д'алдәрі д'алві улбутікбн улгуркәл, тудулыкбн турғытка! Эрбн горо буңада әмечб улгурчый бид'иңс. — Кикир-кикир, киңкилән'ин! — гүниттән-ивит арай.

Д'я, тадү чайу бейз бихемде нұңантікін тікен гүннө-гүннө дәптик әмәд'әрән-ивит арай:

— Гәрб-гәрб, гәрбілкән'ин! — Эр-кә, ер-кә гүнәм надан бхикәкта укчакилкән Хәглендәр байан әтиркән амайлән, Сивеккилаш байан атіркән ән'йлкән, илан Сивирду ичбн идәлкән, араңна айтті д'арикилкән, бучбә ариврі алгихилкән айа удаңан Айакчан-килии, айа гәрбідүс доңдолима дорово, амаргұптын улгур биңиң! Д'я, сй миндук улгумийұтпін улгумийнді, дәлдімуңатпі дәлдімүнді. Улгумид'әріс-тб айан, әмбн сб, ол ихин-дә гәрбіс геййннен горо бран, суракис сувуллұнан сұнталдан. Нонон-дб бй дәлдійків, сагділ сәріл «әхал даңава ичевкіл, сёр городб дәлдікіл», — гүннәл, ол ихин-дб сәхентевкіл-ивит. Д'я, тар амардукин ер миневе «иргйт тәкелкбн-сбксаңкбн мата әменд?» гүнекис, илан Сивирвә ичәтті багдарин тою панарилкән Ділачай-ирактаин амайлән, охордбн-дәвәрдбн тәтилкән Он'ордон байан атіркән ән'йлкән, багдарин мәңүн күн'акилкән, мәндүккі мәңумә нәмәлкән, мәндүккі мәңүн күйиргис күнтухилкән чистай чәлкә соноңохилкән Мәңүндәр-сби'иң гүнмурй уйу буңа бойунин биңиң. Д'я, тар амардукин «ёкун сбма сорукту, ёкун нарададу әменд?» гүнекис, бй илачидукки ийектакив, д'үчидукки д'үчвліјүв, умучидукки улдиміјүв ер дулин буңаду оскечб гүнитте, тарә гәләктәнә әмәм. Д'я әхйт сй илан Сивир сиктірдүн ситети гәрбілкән дулин буңа Кокол-

докбнин гундс бойун амйлкн, томкодкн уд'ачй Иімекн-кильвали эн'йлкн, дурукин солкомо тетлкн сбн'иј сбнја бэйумнэ аяахана укчаларий Солкокчн-сон'иј кильвали гунмурй. Нуџан бн сёна-бн, д'блдкс-бн минткй алтама н'урви уччн бид'ијн, «миндү аналлак нуџан-цү бирк», — гуннэ бй өмөм. Тадук ьдакин, өр хунатпа дундэ-буја бэйунжчинин тэтувуксэл, сөвэк-сөнек оронжочин симексэл, өр эвийкт алтама бблаклн өмувкэлду. Д'е бу омолгилкн хунат чутурин чукалкн тукала дундэ ойодун, багдарин н'ацн'а хэрэдүн оскнэвэр бн'йвар ичэксэл, тарит улгу-чэмбтчицбун. Элэ өмекелду, баџар хунат сонжу сумут ахаткн бими, «ёкун-мал өвийнд'и пордвайддёт», — гунд, бид'ијн. Тарит өр нуџан эвийкт алтама бблакин айа дундэ бијёт, бу өвийнмэвун мбрдун-дб ичэми астннд'иңхун өчө бирэ дб. Айи бэйэллин айи бэйэлгечинин араккн айадук аят, өмиједук өмијэт улгучэмбичирдэклут. — Гёрб-гёрб, гёрбкн'ин! — гуниттэн.

Д'е, тар амардукин өр айа удаџан Айакчн-кильвали, д'уткайви, багдарин дэййткн бкс, киалбаланчад'ахинан. Нуџан биксб удад'ијн бара дб, тар-дт д'улэви исчаран-ивит арай. Эр ихикс, д'уви уркэдүн копкн дёхинчаран, тикн гуннэ турблкн-сэхэлкн дб'аран-ивит арай:

— Кйир-кйир, киңкылн'ин! — Эр-к гунэм би гиркй гундгиркйв, бэүн гунд бэүнми илан Сивир-сиктэрдүн сиэрд гэрбйлкн дулин буја Коколдокбнин амйлкн, томкодкн уд'алкн Иімекн кильвали эн'йлкн, мэндукки мөнжумэ нэмэлкн, мэндукки улгэр н'бүүлкн мэрилэ орон укчакилкн дулин буја Хуркбкчнин, доңдли дорово! Ноноptин дорово биүн, амаргүпти улгур бүн! Тадук ьдакин, өр миже «идук тэклкн-сбксэлкн ахаткн өмэнд?» гүнэкис, си гиркй гундгиркис айа удаџан Айакчн өмөм. Д'е, өр гиркундүви ёкун сёмайа ичэнд, д'блднди?» гүнэкис, — ую бујаду оскчб багдарин мөнжун тоёо панарилкн Длачч-ирактахи амйлкн, охордбн-дэвэрдн тетлкн Он'брдон байсан атрыкн эн'йлкн, багдарий мөнжун кун'акилкн чистай чэлкэ сондохилкн Мөиундэр-сон'иј гунмурй гэрбйлкн маталдук маниргүти, аյнакийлдук аяргүти айи букатирин, өмөкс, мит хунад'ит Солкокчн-кильвали эвийкт алтама бблактүн эвийктэд'эрэн, тара бакалдим. Эр мата ичөврй ирендэн бн бијёт?» гунэксун, гирамдалкн цујнэции, ичэдэлжн аяаин. «Турчин бн бихин?» гүнэксун, — улгурилкш гурэнши, сонжу сумут мата бијёт. Тадук ьдакин, мит хунад'ит илачиудукки аналлакин, д'учийдукки д'йян, умучийдукки уйликин оча мататкн өмөчб. Д'е митп, өдү бихий өр дулин буја Иркисмэнд'эн ичнатин дурукин, «хунатпар сбн'иј сбнја бэйумэ аяахана укчаларий дурукин солкомо тетлкн Солкокчн сбн'иј-кильвалин дундэ бэйунжчинин тэтувуксэл, сөвэк-оронжочин симексэл, өмувкэлду», — гуниттэн. Д'е, тарит иэкүн гунд нэкүнми Солкокчн-кильвали, си н'ан арай суруксо, мэнд д'ачч карчицачин ёхтии ичэксэл, д'ур чор сэнд'иви д'блдикал. Би мэнми д'алдув, синду сома вля-кин айиткн-букатир өмөчб бијёт, бадаџа. Д'е, тарит мит, айи

бейзелин, айи бейзелгечинин айадук аят, эмиједук эмијет аракүкән улгучбәтнәл, айа гәрбівәр гәйбіңінәл, солкомо сураскар сун-жынал, айа д'алитнар ёкүн-дә уха гәрбін ехід'ин йүре әнәл ті-кулда улгучемәткәт. — Кайир-кайир, киңкылән'ин! — гүниттән.

Д'ә тар амардукин әр дулин буја Иркисмәнд'өн иччатин ёкүн уха-айя норотин дурукин, сагдітай, күнжактай, котунтай, бәзинтей, бәккатай — дурукитин д'улдуқкар тулисқебі хәтәкәмдә. Айа уда-җан Айакчын-килівлівар, утари тұксакса� әмексәл: «д'ә, котун гүнді котунті ир-йдү әмәнәвән ичәнді, кә, иченбәт!» гүннәл, амар-дукин бодоктомол әда-ивит арай. Д'ә, тар амардукин әр дулин буја Коколдокбін мәнниң хутталд'иви умүн пара айадук айа, ма-нидук мани тәтілбер тәтиксәл, умүн пара инжакталқан умүн сә-хин киталиккачин багдарир дәййткәр әксәл, омолгитай, хунәттәй, күттәттәй, күкінтәй, ехтәй, әвәтәй ус Торонтай өхәкәнд'әвәр биң илан нулаги тузыруумчәлкән алтама блактікәйн болор-нәлкир сәхин киталикилгачин килбалықан ңәнәвәкәнд'әрә-ивит арай. Д'ә, тар амардукин нуңартін биксәл үдад'ијатін дб, тар-дәт илан нулаги тузыруумчәлкән алтама блаклә исчара-ивит арай. Д'ә, әр исchanал бихәмде әр дулин буја Коколдокбінин тікән гүнис турвал-кән-сәхәлкән әд'аран:

— Кинжир-киңжир киңжирмой! — Эр-ке гүнәм горо бүнадук гәдәрийна, дәләй бујава дәлкинә әмечәв, узғу багдарин н'айна д'огд'урдүн оскәчә мәңүн тоғо пана哩лкән Ділачә-ирактаби амйл-кән, охордән-дөвөрдән тәтілкән Он'брәдән байан атіркән ән'йлкән мәңдүккү мәјумә нәмәлкән, мәңдүккү мәңүн күйиргис күнтухил-кән чистай әлкә соноюхилкән, багдарин мәңүн күн'акилкән Мә-ңүндәр сөн'иј гүнмүрі мата, доңдолима доровою д'авакал! Ноноптін дорово биңин, амаргүптиң улгур әбін! Тәдук әдакин, әр минәвә «йдук тәкәлкән-свкеслкән мата, әмексә, дороволкән әдаанді?» — гүнәкис, дулин буја бойунин Иркисмәнд'ә амйлкән, Гёван этіркән хәгләнү хунәд'ин Күккүмачан-килівли ви'йлкән, илан Сивир-сиктірдүн ситетәрі гәрбилкән — хәргү бүнадү сәләр-гүнәткі Сәңекчән гүнмүрі, дулин бүнадү коколдодү ча-килчача Коколдокбін гүнмүрі, узғу бүнадү сөн'иј Мәңиәнійкән гүнмүрі дулин буја бойунин биңнәм. Д'ә, тәдук әдакин, «ёкүн со хәгдің нәдалкәхал әксәл, тікбиң ңәнә дәййткәргәчин әмәрәс?» — гүнәкис, си, әр бујалә әмексә, айа түрәнд'иви илд'иттәнәдүс, соруян айа ирәндөвәс иченбәрәв, гүрән гүктәвәс дöлдинәрав, итік улгурвәс д'ур чөр сәндиувар силдінәрав. Д'ур д'апкун өвтілә-кән кәңтірәви дәдүн д'алләрі д'алві улбутікән улгуркәл, тулду-лайкән тураткәл! — Кинжир-киңжир, киңжирмой! — гүниттән.

Д'ә әр чайу мата, әрә дәлдікса, нуңарватин утари ичәччене тулдулайкән түрәччәрән-ивит:

— Гәрә-гәрә, гәрокан'и! — Эр-ке, әр-ке гүнәм илан Сивир-сиктірдүн ситетәрі гәрбилкән дулин буја Коколдокбінин, амйинми-иу гүнд'әм, ақинми-иу гүнд'әм, доңдолима доровою д'авакал! Ноноптін дорово биңин, амаргүптиң улгур әбін! Эр минәвә «уују

айи буџадукин ёкүн сёма сорукту, ёкүн пададу эмээнд?» — гүнэхис, — д'а, бий узүү буџавий ойодун эвийктэй лайдацдуви эвийктэд'эрэкив, алтама н'ур, эмэксэв, коюнорыкайн хакинмав дулкэкинмэн чолпороцор юнэрйтти эмчевэ, сонжу-н'ун сумут мата биксэ иөхиле тэвээзв. Тарэ бихэмдэ хуларин мэйжуу тоёо панарилкэн Длаачайракташи амийми, охордён-дэвэрдэн тэтилкэн Он'ордён байсан атirkэн ён'ийни, ичексэл, «мэндэ аналлак-мэнэллэб анал гиркийс дулии буџа Коколдокбонин амилкан, томкодикэн ўд'ачий Иимэкэн-килийли ён'йлкэн, сон'иј сонија-бэйунмэ аяахана укчалдэй, дурукин солкомо тэтилкэн Солкокчон-сён'иј гүнумурый гэрбилькэн килийли дулии буџаду тэрбийн ёчин ахаткэн балдран», гүннэ, „сий балдинас он'йдус сий аналлакис дукивчэ“, — гүннэл, минэвэ инээж энэл бивкэнэ, долбо энэл ёхинмукаана, элэ уцла. Д'а, тарит сунду бий оюнийдүви оюдохинчамийн балдинав багдарин мэйжуу н'урдүв ёнаванууд бихин бид'иүн. Тарэ ичвэлдэд! Тадук ёкүн эвийн ётгас, мбрдун сэргэгтар тэрийкэлдэд! Айткээр мatal аракүкэн улгучэмэтийл бакалдирдакпут. — Гэрб-гэрб, гердкэн'ин! — гүниттэн.

Д'а, тар амардукин били мит хунад'ит Солкокчон-сён'иј алтама болаклэви илэ мэнд'иви, улор улдэтий, айа ирэндэти кинтас илихинчаран-дэ нуужан «эр горо буџалкан айнакийлдүк айаргүйтн, маталдук маниргүйтн эмчэ», гүннэ эч-дэ кирбициййлдэ, эмб матава иччечнэ, тикэн гүннэ турблкэн-сэхэлкэн бдан:

— Вивир-вивир, вивирдай! — Эр-кэ, эр-кэ сий горо буџа гэрраттүн, узүү буџа гэрраттүн, узүү буџа умдэндун оскечэ-тівэнчэ, хуларин мэйжуу тоёо панарилкэн Длаачай-иракташи амилкан, охордён-дэвэрдэн тэтилкэн Он'ордён байсан атirkэн ён'йлкэн, мэндүкки мэйумэ нэмэлкэн, мэндүкки куйиргис кунтухилкэн чистай чэлкэ сонюохилкэн Мэйундэр сон'иј-букатир, дојдоли дорово бијиш, амаргүйтн улгур ёбин! Эр минэвэ — «иргэти тэхэлкэн-сэхэлкэн ахаткэн-куцакэн, эмэксэ, дороволкэн ёдандай!» гүнэхис, — дулии буџа Коколдокбонин амилкан, томкодикэн ўд'ачий Иимэкэн-килийли ён'йлкэн, сон'иј сонија байжунмэ аяахана укчалдэй дурукин солкомо тэтилкэн Солкокчон-сён'иј гүнумурый гэрбилькэн килийли бдан. Тадук ёдакин, сий «горо буџадук ёмукин ёдам», — гүннэ, экэл кирби-гийдэ, эр-тар эвийнмэ экэл эрэйдэ! Мит овнат он'йт син умүн ёч, ён-дэ и'еками ёхий гурвэрэ каваладу дукувчэ. Тарит би балдинав д'улдэ суруксэл, эр дулии буџа Иркисмен иччэтнэн умийвуксэл, д'дува тэрицид, тоёово иларий, хутэвэ балдирин, оронмо куррэй, сбхувэ иргирий, ён'йвар брий ёхинтийн синайваар иставкайн-цэйт. Бий синэвэ ёхим сэлдэ. Сий минэвэ, айа ирэндэвэв ёхикис сэлдэ, ёкүн-да айдана ёчин колбоскот. Айданнаа бракит, овнат он'йт он'йт этэн ёда, уйлкэн саставар этэн олоккор ёра, тарит карэн дулии буџавар гэрбэ вэн, карэн узу айнвар буџан гэрбэ вэн энэл сукчара айадук айат д'алдаксэл, колбосцот горот хулэвэ бид'иүн. Тадук ёдакин, балдивчэл байжанайлдувар, эхэлдүвэр, эвэлдүвэр эр ёнавар он'йвар, эр сий н'урдүв бихи мэтрэтийн

ичөвкөнүйт, сәрйл сағділ д'аливатін дөлдігәт. Тар амардукин сивайавар бىйт — Вивир-вивир, вивирйа! — гүниттен.

Эр тікбін гуніксө, әр мит хунад'ит Солжекчон-сөн'иң килівлі бихэмдә били мәңүн н'урва вхинин тәкөнілдәд'ин дулмактүн алтама блакка батар ғидаларан-дә «д'ә, ичекәлду!» — гүнэн. Д'ә, әр Иркисмәнд'е ичкатын дурукин улбулайқан әлгембтиәл әмәрә-дә, тулуруучу иликсәл, әр мәңүмә н'урва адудайнатын бихэмдә әр мит хунад'ит мәтіретін иле бодо бихин, узү буза букатірин Мәңундер сөн'иң-букатір мәнник мәтіретін н'ан мәнд'иви бихин-ивит арай. Д'ә, тарит ңүй-кәт өхін мәккустең әнілкәхал куцакәр әда. Д'ә, тарит әкүн-дә айдана ўчин айадук айат, әміждүк әміжт үлгур әдан. Д'ә, тар амардукин д'үләвар сузулықан әлгембтәр-көчин суруксәл, д'үләвар ихиксәл, ёдук-дә дәләңжайт әхиптін сивайаватың әкесәл, дулин буязавар бихій бейзәвін умйүвуксәл, д'ән-дук д'үр долбонайлқан ииңжидү әнәл токторо арахинайма д'әнгеве д'әпнәл, сәхән-бою сурурун, үлгур-бою әдан, икән-бою доргуйдан, әхәкәй-бою н'иргайдән, охокай-бою дәбрахийдан, алгис-бою сатарыйдан.

Д'ә, тар амардукин н'брчәхал н'брчара, тәнчамаңыхал тәнчаматта, киліхитіл килівіда, тұксахал тұксара. Эр әвіндү дулин буза Хуркокчонин, узү буза бойунин Мәңундер-сөн'иң, солкомо тәтілкән Солжекчон-сөн'иң бинәл әр иландү тулуйді ңүй-кәт ўчин әдан. Тарит әр илан ад'ас умүн уртәмәл бойухал әда. Д'ә, тарит сгрән бойухал нуңартін бчал-ивит, арай. Д'ә, тар амардукин нуңартін бихэмдә әр илан тәрәү букатір мәртін сәхәндүвэр: «Әр илан Сивир-сиктірдүн мит ойолайт арай әр дулин буза Хуркокчонин хуркән-хутен доксун Д'онукчан бид'иңән», — гүнчбтін-ивит уху.

Тарит әр мит дулин бујат тариптідук тікирдәлә айат әскексө-балдіксә бид'ерән уху.

ПЕРЕВОД

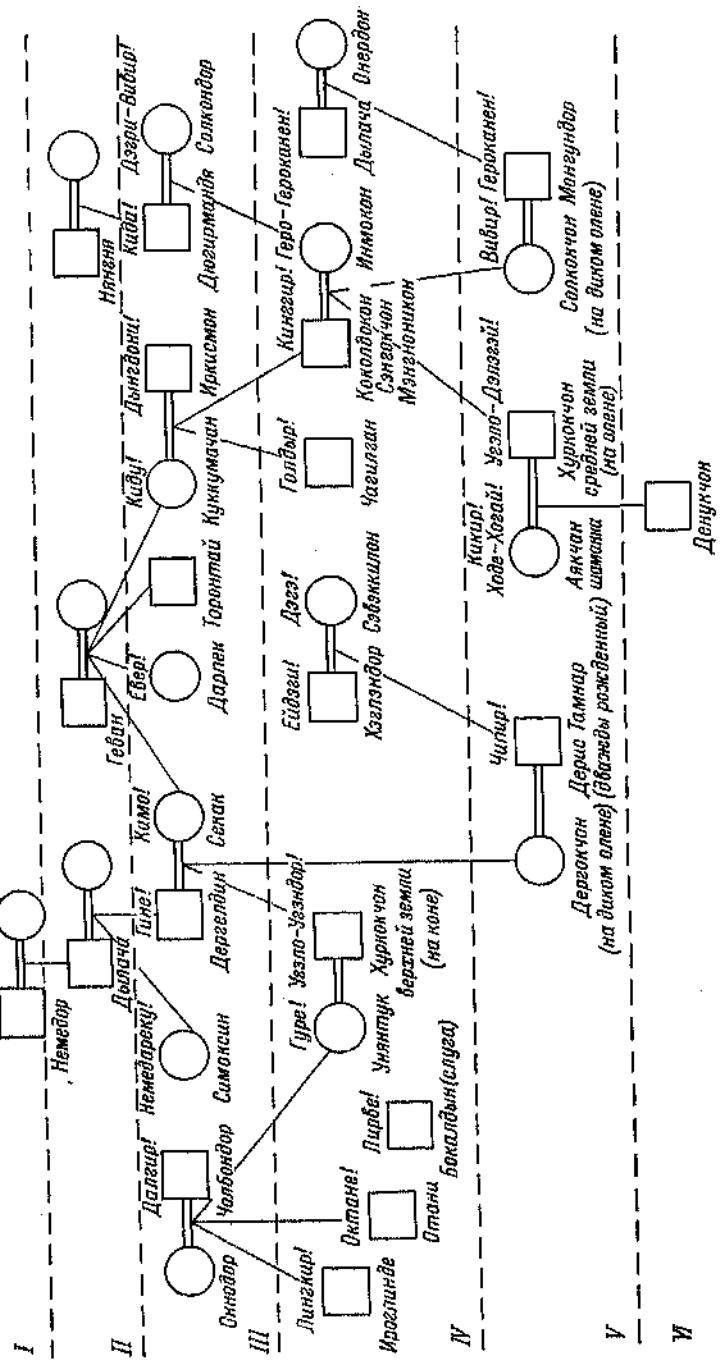
19. ИРКИСМОНДЯ-БОГАТЫРЬ

Давным-давно появились три Сибир[-земли], подобные прислушивающимся ушам годовалого дикого оленя. Средняя же земля в то время с коврик [размером] расстилалась, на ней наметилось девяносто девять направлений для речных русел и выселились горы, подобные разделенной на девять рядов густой шерсти черной лисицы. Трава же [на ней] никогда не увядала. Долго ли, коротко ли существовала эта средняя земля — мне неизвестно. Она становилась до того обширной, что никакая крылатая птица не могла ее облететь. Это была такая красивая страна, что, увидев ее, нельзя было ничего найти, с чем [можно] было бы сравнить [ее]. В этой стране ели распускались, как подснежники, лиственница пушилась, как молодая травка, сосенки росли, переливаясь, подобно пушистому хвосту рыжей белки, тальники вытягивались струной, а марниковые березы росли, разветвляя корни. Вот на такой красивой земле, кроме всего этого, жили бегающие звери-животные и люди. Если рассказывать [обо всем], то на южных склонах было множество лосей-самцов, в горных лиственичных борах водилось большое число оленей-самцов, по окраинам земли прыгали зайцы-зверьки, вдоль речек водились бесчисленные белочки.

Если же внимательно вдуматься, то как не жить в такой хорошей стране рыжему Ураигкаю с двумя ногами, с голым лицом, со свободно вращающейся головой?! По этой земле протекала большая река с устьем где-то на западе, с истоком на востоке, и были ее берега красивы и круты, как клюв черного гуся. Тем не менее эта страна была словно остров в заливе моря; на ней постоянно дули сильные ветры и кружились вихри.

В этой стране в одном чуме жили-поживали два паренька. У них сказать: «Чо!» — так не было оленя, сказать: «Хот!» — не было и коня, сказать: «Сюда!» — не было собаки, сказать: «Друг!» — не было [и] друга, жили они одни, только вдвоеем. Если спросить, чем же питались они и как жили, то младший из них был человеком с сильными ногами — быстроногий богатырь, и ни одного четырехногого зверя он не пропускал. Если пристегни

Циклоиды и брачные отношения в сказании об Иркисонде

Внизу — имена зверей. Римская цифра — поколение. **Музычка** **Лягушка**

пример, [то] лося-самца ловил, как паука, медведя — как жучка, самца дикого олена — как муравья. Бегал [он], держась на уровне третьего позвонка лося-самца, на уровне хвоста оленя-самца, на уровне загривка медведя-зверя. Маслом ему служило внутреннее сало осеннего лося, подорожником — сало осеннего дикого оленя, обедом ему было [мясо] с ребер жирной самки лося.

Посмотрел я и подумал: «У такого сильного богатыря, конечно, должно быть известное имя и громкая слава», это был расцветший на средней земле по имени Иркисмондя, богатырь-молодец.

А если обратить внимание на того, который был старше, то он из родного чума не удалялся и на сажень. Если рассказать [о нем], то для того чтобы слушать, — он был глух, для разговора — нем: был он глухонемым глубоким стариком.

Если сказать, чем он был полезен Иркисмону, то, хотя [он] и сидел сиднем на одном месте, но был кузнецом, мастером на все руки. У кого [он] научился и где нашел свои инструменты, никто не знал. В правой руке у него был семидесятисемипудовый молот, в левой — тридцатитрехпудовые клещи. Ими он и ковал младшему оружие для охоты на зверей. Имя этого старца было [такое] — овладевший с трех лет клещами, с четырех лет молотом кузнец Торонтай.

Долго ли, коротко ли они жили — [я] не знаю. Иркисмондя же средней земли, не пропуская дня, бегал по своей средней земле. За день он приносил десять диких оленей, привязав [их] к десяти вязкам [кафтана].

И однажды поздно вечером, когда земля, по которой он ходил всю свою жизнь, была совсем истоптана, принес [он] десять самцов диких оленей и бросил их там, где рубят дрова. Назавтра встав, начал свеженать их, вдруг из чума раздался страшный крик. Испугавшись, наш человек бросился к чуму, одним прыжком достиг его. Пнув, разбил на мелкие куски дверку чума, посмотрел. Видит: кузнец Торонтай раздавил молотом указательный палец. Кровь кузнеца Торонталя моментально забила ключом, как вода из чайника. Иркисмон-богатырь вот такую речь держал:

— Дынгдонн-дынгдони, дэлэгой! — Кузнец Торонтай! Брат мой! Хоть ты и нем, и глух, что с тобой? Древние мудрые старцы говорили: «Кузнец мимо не бьет». Какой же невидимый авахи заставил ошибиться тебя и лишил меня уважаемого друга! Ох, досадно, обидно! Горе мне! Сам-то ты хоть и старый человек, но что-то давно не угощал четырехугольный очаг салом почитаемых зверей. Может, поэтому ты и ошибся! Быстрохонько отрежь четыре куска сала самца-оленя и угости огонь! Скорее перевяжи палец сырой мездрай самца-оленя! — сказав так, [он] пнул порог чума так, что тот раскололся.

Кровь кузнеца Торонталя потекла через [порог], словно речушка. После этого Иркисмондя средней земли, отрезав четыре куска сала оленя-самца, угостил огонь и палец старика перевязал

сырой мездровой самца дикого оленя. [Рана] от этого стала заживать лучше, чем от любого лечения.

Между тем Иркисмондя средней земли, уснувшиесь и обрадовавшись, что кунаец Торонтай не умрет, проспал подряд трое суток.

На четвертые сутки, говоря: «Пора охотиться», [он] начал готовить снаряжение. И вот на рассвете со всех сторон подули ветры, сгустились черные тучи, появились белые тучи. Не успел он оглянуться, как подул ветер-вихрь, гром-молния, потрясая небо, загромыхала над землей. Молния чуть не разбила вдребезги чум. Потолил ливень, и повалил густой снег. Когда ветер и дождь прекратились, с неба, свистя и шурша, спустились три [птицы]; одна из них села у дверей, вторая — на дымовое отверстие, третья — на столб-малу. Вот одна из них, усевшись на дымовое отверстие, вертя хвостом, как кукушка, такую речь повела:

— Киду-киду, кидуяр! — Иркисмон средней земли, открой дверь и прими привет! Послушай-ка то-се и расскажи о том, о сем! Если спросишь меня: «Откуда родом?», догадаешься и сам. Ты на верняка знаешь мату (богатыря), давным-давно женившегося на старшей дочери Геван-старика, Куккумачан-красавице. Он прожил с ней три года и сбежал на морской остров, похитив кузнеца Торонтая, сына Геван-старика. А мое имя Куккумачан, средняя сестра — Дарпек по имени, а младшая сестра — Секак-красавица. Иркисмон средней земли, ты отъявленный мошенник; что же случилось, что сузилась твоя широкая грудь, укоротились твои длинные мысли (т. е. ум)? Ведь твоя грудная клетка велика и звучен твой голос? Что с тобой, от испуга (что ли) голос твой раздался во всех уголках трех Сибир-земель? Нашла-таки тебя, наконец, бессовестного разбойника! Мы прилетели из далекой обширной страны, одежда не вся еще износилась, но желудок-то наш голден. Если ты говоришь: «Я тебя имел своей женой», то введя [нас] в свой дом, скорее покорми, если у тебя есть еда! Признаешь [ты меня] или нет, все равно не позволю отказаться от меня! А если откажешься, то в небе тебе не летать и по земле не ходить!».

Услышав это, Иркисмон средней земли сделал вид, что вспомнил забытое и выскочил на улицу, сказав: «И в самом деле она была моей женой». Выйдя на улицу, видит — три красавицы-девицы пришли. Одна из них в шелковой одежде, вторая в золотой, а третья в атласной, три сестры, дочери Геван-старика. Быстро подойдя, [Иркисмон] взял их за руки и повел в чум-утэн, посадил их в ряд на скамью о шести ножках, пододвинул свой четырехугольный серебряный стол и стал готовить блюдо из внутреннего сала самца-лоси, топить сало с загривка медведя-зверя. Он пагромоздил на столе мясо разных зверей. Молодые девушки, привывшие издалека, сидели за столом и ели, беседуя о том, о сем. Кончив есть, девушка по имени Куккумачан села напротив своих сестер и заговорила так:

— Киду-киду, кидуяр! — Сестры мои, Дарпек и Секак, красавицы, вы обе сейчас же возвращайтесь-ка домой, а то племянник ваши от скуки не даст покоя ни бабушке, ни дедушке. Придя к нему, скажите: «Нашли твоего отца, Иркисмона средней земли, они с матерью твоей прибудут через трое суток». В моей комнате в золотом ящичке есть три колоды карт, одну из них отдайте ему, пусть он играет до моего приезда. Я же понаблюдаю за Иркисмоном средней земли, узнаю его намерения и во что бы то ни стало уговорю его [вернуться], — говорит.

Вот сестры, услышав речь старшей, вышли на улицу, трижды перевернулись, превратились в белых птичек, взлетели ввысь и отправились домой.

После них оставшиеся прожили еще трое суток. На третье утро Кукумачан-красавица села напротив мужа и брата и заговорила так:

— Киду-киду, кидуяр! — Иркисмон средней земли, хозяином называемый хозяин мой и другом называемый друг мой, кузнец Торонтай, братом называемый брат мой, раскройте уши (букв.: двумя ушами внимайте, нутром слушайте), послушайте мой рассказ, своим нутром услышьте, поймите [его своим] разумом! До чего же вы похожи друг на друга, ничему не поражаетесь, оба хладнокровные. Если не считаетесь ни с моей родиной, ни со мной, то разве вы не хотите повидаться со своим сыном? После вашего [ухода] родился мальчик. Если хотите узнать, как его называли и чем он славен, [то он] из имеющих уши — самый чуткий, из имеющих глаза — самый зоркий, Тогокомо-Чагилган по имени. Я даже за эти девять суток так соскучилась по сыну, что уснуть [бы] — не приходит сон, поесть [бы] — нет аппетита. Не смогу я никак жить в вашем доме. Ты, Иркисмон средней земли, последуешь за мной или нет? Если не пойдешь, останешься один, — брата кузнеца Торонтая я уведу. Если сейчас не пойдешь, все равно никуда не убежишь, что бы ни случилось, я выслежу твои следы, обойду все места, где ты побывал. Кузнец Торонтай, братом называемый брат мой, хотя ты и глух, и нем, мои веющие слова пойми ты разумом, услышь своим нутром! Пойдем же скорее на родину, — говорит.

Быстро выскочила на улицу, превратилась в белую птичку и взлетела ввысь. Иркисмон средней земли, слушая это, посмотрев на друга. Кузнец Торонтай то ли услышал, то ли догадался, — вероятнее всего, понял [в чем дело]. Кузнец Торонтай трижды перевернулся, превратился в журавля, когтями одной лапы скватали семидесятисемипудовый молот, а когтями другой — тридцатитрехпудовые клещи. Иркисмон средней земли перевернулся трижды, превратился в серебряного журавля; и полетели [они] вверх вслед за Кукумачан-красавицей. Превратившись в крылатых птиц, они полетели по краю восьмого неба, под девятым облаком. Долго ли, коротко они летели — не знали. Лето по дождям,

осень по граду, зиму по снегу, а весну по пушистым снежным хлопьям узнавая, держали они путь.

Но разве они задержатся в пути? [Вот] приближаются к местам, где жил Геван-старик. Когда подлетали, показалось море, противоположная сторона которого не была видна, и в тумане его потерялась Куккумачан-красавица. Несмотря на это, Иркисмондя средней земли, говоря: «Давно исхоженные места нутром почую», двигался съѣбе вперед. Окинул он взглядом противоположный берег, подумал: «Березняк», — оказалось стадо белых холощеных членей; подумал: «Заросли тальника», — оказалось стадо новорожденных оленят, подумал: «Камни», — оказалось стадо коров, подумал: «Пни», — оказались лошади. У Геван-старика, оказывается, было много скота. Они опустились и, став людьми, пошли сквозь стадо. Идя, взгляделись и увидели впереди шестнадцатигранный деревянный дом. Подойдя к дверям дома, Иркисмондя средней земли заговорил так громко, что голос его прогремел по земле и прокатился по небу:

— Дынгдони-дынгдони, дэлэгой! — Дочери Геван-старика, откройте дверь, примите привет! Меня не бойтесь, думая: «Откуда родом-племенем мата, который, прия, заговорил». Я хорошо известный вам мата, хотя вы и называете меня бессовестным разбойником, а я средней земли Иркисмондя-мата. Быстро приготовьте мне богатырскую одежду и богатырскую еду! Скорее покажите моего сына, мы прибыли из далекой страны. Не задерживайте путника и не заставляйте ждать его! Хорош короткий разговор, хорошо быстрое передвижение! — говорит.

Когда он закончил свою речь, в доме раздался шум и заговорил сильный мата-богатырь.

— Голдыр-голдыр, голдырмой! — Матерью называемая мать моя, Куккумачан-красавица, тетей называемая тетя Секак-красавица! Кто это, прия, открыл рот? До чего же объемиста его грудная клетка. Такого громогласного я даже во сне не слыхивал, и слуху о нем не было. Сейчас же выпустите меня, [иначе] я сам выйду; если он убийца — буду биться с ним [насмерть]; если он людоед — мы быстро друг друга сожрем. Каков бы он ни был, я немедленно на него посмотрю, — говорит.

В доме, видимо, он вырывался из рук, тогда Куккумачан-красавица заговорила:

— Киду-киду, кидуяр! — Сынок мой, из имеющих уши — самый чуткий, из имеющих глаза — самый зоркий, Тогокомочон-Чагилган, подожди, успокойся, не вырывайся [из рук моих], на верное, прибыл отец твой, средней земли Иркисмон именуемый. Не торопись, ведь я тебе уже сказала, кто он, — уговаривала [она сына].

После этого женщины отпустили Тогокомо-Чагилгана. Открыв дверь, он стал целоваться с отцом и дядей так, что опухли губы. Правой рукой взял отца за руку, левой рукой дядю и повел [их]

в дом. Сев по углам четырехугольного стола, стали [они] разговаривать. Разговаривая, Иркисмон средней земли разглядывал своего сына. Разглядывая его внимательно, отец подумал: «Действительно, [из сына] вырастет ловкий и сильный мата! И правильно меня укоряла Куккумачан-красавица: „Жил ты и не знал, что имеешь такого хорошего сына».

В то время, как они разговаривали, женщины забили трех жирных быков, сварили [мясо] и нагромоздили [его] на три угла стола. Сидя друг против друга, мужчины ели, и Иркисмон средней земли внимательно следил за сыном.

Хотя его сын был ребенком, он ел, как настоящий богатырь. К примеру сказать, [кусок] черного мяса [величиной] с черного глухаря брал [он] в рот и проглатывал [его], когда тот становился с черного рябчика; положив в рот сало размером с зайца, проглатывал [его], когда оно становилось с куропатку. Не церемонился [он] и с костями быка: сахарную кость жевал с мясом, кости голеней ронял из углов рта, навар пил из семидесятисемипудового котла, взяв [его] за одну ручку, и пил до тех пор, пока громко не стукался лбом о верхний край котла, тогда только и видел [он], что навар кончился.

Когда они ели, со всех сторон стали сгущаться черные тучи, стали множиться белые тучи, набежали красные тучи, подул ветер, полил ливень, повалил снег и град, поднялся вихрь, грянул гром и чуть не повалил шестнадцатигранный деревянный дом.

После этого с левой стороны от двери с шумом пролетели две птицы и спустились, щелкнув когтями, [и превратились] в людей. Тогда один богатырь вышел справа из-за двери и такую речь произнес:

— Гине-гине! — Иркисмон средней земли, открай дверь и прими привет! Если спросишь меня: «Откуда родом-племенем, мата?», то [скажу]: «[Я] житель верхней земли, лучший из чужеродцев, почтенный из матов, в серебряной одежде, сын солнца, Дергэлдин по имени». Если спросишь: «Зачем прибыл из такой дальней страны?», то скажу: «Я, приехал, думая о вашей громкой славе и о вашем добром имении. Но я испугался твоей двери». Если спросишь: «Кого испугался?», — [ответчу]: «[Я] от рождения ни во сне, ни наяву не видел и слухом не слыхивал о таких матах: с одним глазом посреди лба, с одной рукой из середины груди, с одной ногой из промежности; это чужие маты или свои? Словно тени елей в лунную ночь, кто они: люди или авахи? Скажите! Ты ведь местный житель, выйди, спроси их, откуда они родом-племенем. Мы, два богатыря-аи, послушаем их. Вначале будет разговор с ними, потом поговорим между собой», — говорит.

Иркисмон средней земли, услышав эту речь, выскошил вон. Когда посмотрел на [стоящих у дверей] — действительно, от рождения не видел такого человеческого обличья. Если сказать

«люди», — что они с одним глазом, с одной рукой, с одной ногой. Лишь посмотрел, как у него свирепая кровь хлынула к горлу, сердитая кровь ударила в глаза, злая кровь спустилась в колени, грозная кровь остановилась в горле, храбрая кровь собралась в кулаках, из обоих висков вылетело пламя, из десяти пальцев струйкой брызнула жидккая кровь; от злости чуть не разорвался в самом тонком месте, чуть не лопнул в самом широком; так разозлился, что от злости он вошел в мерзлую землю по колено, увяз в талой земле до бедер. После этого такую речь держал:

— Дынгдони-дынгдони, дэлэгой! — Кем бы вы ни были, маты, в знак приличия примите привет! Сначала — привет, потом — разговор! Если спросите меня: «Откуда ты родом-племенем, мата, и почему навязываешься со своим приветом?» — [то отвечу]: «Я воин и богатырь средней земли». А вы откуда родом-племенем, какая главная нужда [вас привела] и для чего вы сюда прибыли? Если вы имеете имя, назовитесь скорей, по порядку расскажите, зачем приехали! — говорит.

Сидевший позади, толкая в спину друга: «Пришел разговаривать — разговаривай!» — говорит.

А ближе [находившийся] человек так испугался, что задрожала единственная нога [его] и лишился [он]дара речи. Но, несмотря на это, он все-таки сказал:

— Девир-девир, девирье! — Иркисмон средней земли, прими поклон-привет, потом — разговор! Если ты спросишь нас: «Откуда вы родом-племенем?», — [то мы] атаманы авахов, родившихся на нижней земле, прибыли мы с определенным умыслом! Если спросишь: «Ради чего вы приехали?» — [то] «Я пришел не по своей воле, силой старшая сестра привела». Мы прибыли, узнав о славе и известном имени вашей сестры Секак-красавицы. Но я, вероятно, вернусь на родину; назову-ка я свое имя: имя мое Хорон Девир, имя сестры — атаманша авахов нижней земли Баба Яга, с проволочными волосами в тридцать три сажени. Поговори сама, — обратился он к сестре.

Та начала со звоном расчесывать железным гребешком проволочные волосы. Брата оттолкнула, потом пошла навстречу Иркисмону средней земли и такую речь произнесла:

— Лавир-лавир, лавирдон! — Иркисмон средней земли, прими поклон-привет! Если спросишь: «Ради чего, ради какой нужды пришли?» — [то отвечу]: «Вот моему брату очень нужна семья, а он не имеет жены — нет у него подруги». Хотя и сделал вид, что испугался, но мы посмотрим, как он будет обнимать Секак-красавицу. Эй, держись, парень. Если я [у них] отберу [ее], ты все равно подойдешь [к ней]. Средней земли Иркисмон, густа же твоя кровь, и ты очень вспышчив! Держись! Сейчас мы станем равными: раз я пришла сватать Секак-красавицу, то и возьму ее. Отдань по добру или по здоровью? Если уступишь добром, возьму по-доброму! Если по-худому, посватаюсь к тебе самому, — говорит.

Услышав такое, разве выдержит наш человек! Отвечает [он] ей так:

— Дынгдони, дынгдони, дэлэгой! — Атаманша авахов нижней земли Баба Яга! С каких пор ты загордилаась? До чего же грубы твои слова и вид-то у тебя [страшный]. Вероятно, поэтому ты и одноглаза! Где ты видела, чтобы авахи женился на девушке [средней земли], имел бы от нее детей и разводил скот? Так ты поступаешь! Пока не пролилась моя кровь, пока не поломались мои прочные кости, пока не лопнула моя толстая кожа, по добру я не отдам [ее]. Помолчи-ка ты! Пока живое твое тело мы не разрубили, пока не заржавели твои железные кости, уходи по той дороге, по которой шла сюда! Хорошо, когда разговор краток, а путь недолог. Немедленно отправляйся назад, пока я своим сильным пальцем не вырвал главную аорту из твоей спины.

Сказав так, Иркисмон среднего мира стукнул ее кулаком по самому основанию уха. Баба Яга трижды перевернулась. Вот они схватились в рукопашную (букв.: кулаками из черного мяса): вдребезги разбивая сухие деревья, раздирая коры и ветви сырых деревьев, бугры ровняя с землей, ямы разрушая ногами, в талую землю увязая до бедер, в твердую землю проваливаясь по колена, бились они. Удары кулаков отдавались эхом в небе, удары пяток гремели по земле.

Во время битвы Хорон-Девир, испугавшийся богатырь, подходит к лучшему из гостей, почтенному из людей, одетому в серебро сыну солнца Дергэлдину, приехавшему из верхнего мира богатырю, и говорит ему:

— Девир-девир, девирье! — Богатырь верхнего мира, лучший из тужеродцев, почтеннейший из матов, сын солнца Дергэлдин, смотри-ка, что делают Баба Яга с Иркисмоном среднего мира, играют они или бьются — просто любо на них смотреть! А мы с тобой чем хуже их, а смотрим только на них; как ты думаешь, может быть, мы попробуем побиться? Я не думаю, что буду биться хуже моей сестры, и ты, наверное, не хуже Иркисмона среднего мира. Если согласен, подходи, не заставляй ждать путника, не задерживай страшника.

Услышав эти слова, рядом стоящий человек [Дергэлдин] до того разгневался, что вытянулся на целую пядь, раздался в ширину на четыре пальца (букв.: кисти руки), из обоих висков брызнуло по десять языков пламени, с десяти пальцев брызнула струей жидккая кровь. Этот Дергэлдин заговорил так:

— Гине-гине, гинекан! — Авахи нижнего мира Хорон-Девир, до чего же грубы твои слова! Смеешься что ли, говоря: «Играют они или бьются?». С каких это пор вы стали свысока смотреть на людей среднего мира и говорить с ними так дерзко? Пусть будет по-твоему, но в смертный час не обижайся на меня, вини себя. Слово свое я выполню: если в груди твоей есть жидкная кровь, пролью ее, играючи, и дополню ею красные тучи, кости твои же-

лезные разбрасою по морским камням, умножая их; из ребер твоих поставлю остав [чума] и, поднявшись на снежную вершину горы, поиграю чугунной твоей головой, подбрасывая ее, как мяч.

Высказавшись, этот человек не стал долго медлить, подбежал к авахи и ударил голым кулаком прямо в основание уха. Сын авахи вскрикнул: «Татат!» — и трижды перевернулся. После этого они стали так биться, что задрожала земля и гром раздался в небе. Силы у них были равные. Троє или тридцать суток [они] бились — неизвестно. Бой между четырьмя равными богатырями принес ни с чем не сравнимые бедствия.

Если приглядеться к ним внимательно во время боя, то казалось, что Иркисмон среднего мира и Баба Яга равны по силе и никто из них не может победить. Хорон-Девир, сын авахи, за семеро суток битвы с Дергэлдином, как и должно было случиться с одногоним, начал припадать на колено, стал опираться рукой. И не прошло много времени, как помрачнел его разум — стал он бить по камням, принимая их за противника, стал обнимать большие валуны. Доведя [его] до такого состояния, наш герой, пршелец мата, сын солнца Дергэлдин, не давал ему прийти в себя, поднял его и, повертив на уровне нижних ветвей лиственницы, бросил [его] в землю на семь маховых саженей. Выдернул он из ножен нож шириной в четыре пальца и разом перерезал ему горло. Но разве может умереть авахи, не сказав ни слова, и вот он заговорил:

— Девир-девир, девирье! — Богатырь верхнего мира, сын солнца Дэргэлдин, ты, оказывается, прославился, недаром ты стал известен своим добрым именем. Я, будучи на родине, не думал, что кто-нибудь может одержать победу надо мной. Ведь вот родился же богатырь сильнее меня! Но все же ты в этом не повинен, виновна во всем моя старшая сестра. Я хотел жениться на своей младшей сестре, а она [Баба Яга] привела меня сюда насильно. И пусть ее постигнет такая же участь, как меня, преградите ей путь на родину. Прости, прощай!

Этот человек, убив сына авахи, к хозяевам дома пришел. [Но еще] остановившись на улице, стал прислушиваться и услышал, что мальчик по имени Чагилган с огоньками в глазах вырывается из рук. Удерживая его, тетушка Секак-девица так уговоривала:

— Кимо-кимо-кимонин! — Малыш ты мой, Чагилган с огоньками в глазах, постой же, послушай, ведь отец твой, Иркисмон среднего мира, силен и крепок, не даст себя победить. Богатырь верхнего мира, сын солнца Дергэлдин, давным-давно уже убил Хорон-Девира. Что же ты так беспокоишься, успокойся, не вырывайся из рук! Ведь ты еще молод, придет и твой черед биться с разными людьми, успокойся, подумай!

К этому времени исполнился уже год, как начал биться Иркисмон среднего мира и атаманша авахов Баба Яга. За этот год атаманша авахов Баба Яга билась хитро и коварно: она царапала и

раздирала тело Иркисмона. У Иркисмона среднего мира сузилась широкая спина, укоротились длинные мысли, наступил его смертный час. В это время ветер понес его вещие слова к человеку, вошедшему в дом. А сказал он так:

— Дынгдони-дынгдони, дэлэгой! — Горе, несчастья моя, как плакать хочется! Трудно стало дышать мне, надломлена моя гордая воля (букв.: долгий ум мой укоротился) — атаманша авахов нижнего мира, страшная Баба Яга, хитростью своей вот-вот заставит меня покинуть мою милую землю! Настала минута, когда она растопчет своей грязной ногой нашу милую землю, как будто воду взболтает в бирестяной посудине. Богатырь верхнего мира, сын солнца Дергэлдин, задумайся над моими вещими словами, послушай внимательно! Вы с моим сыном Чагилганом с огоньками в глазах не беспокойтесь лока за меня. Сначала будут биться старшие, мы с кузнецом Торонтай. Когда нас уничтожат, что станете делать [сами решите]. Кузнец Торонтай, хотя ты и глух, и нем, прислушайся внимательно, подумай над моими вещими словами! Какова твоя сила, приди, попробуй помочь мне, спаси мою душу-дыханье, — говорит.

Кузнец Торонтай то ли услышал, то ли догадался: закрывая свою дверь на восемь замков, крикнул так пронзительно, что прогремело по земле и погрохотало по небу. Схватив свой семидесяти-семипудовый молот, побежал к бьющимся. Подбежав, сразу же поднял свой семидесятисемипудовый молот и, нацелившись со словами: «Ударю-ка Бабу Ягу по голове, чтобы размозжить ее», ударил авахи. Та увернулась от удара, и кузнец стукнул молотом по голове Иркисмона, разбив (ее). После этого он бросил молот и стал биться с авахи голыми кулаками. Старик бился наравне с Бабой Ягой. В это время дома Чагилган с огоньками в глазах, до сих пор вырывавшийся из рук тети и матери, заговорил:

— Голдыр-голдыр, голдырмой! — Мать моя родная, тетушка моя, ох, досадно же мне, досадно! Уже не стало слышно моего отца, вы, не пуская меня раньше, позволили убить [Бабе Яге моего отца]. Секак-девица, тетушка моя, хотя ты и молодая девушка, но держишь меня очень крепко, даже скжала мои ребра. Какая от меня одного польза, если даже останусь в живых! Теперь уж я никого не пощажу. Ну, берегитесь-держитесь. Вот-вот я отброшу трех девиц в три стороны, словно комаров! Сказав так, он разбросал девиц на три стороны.

Запертую на восемь замков дверь он пнул ногами, и дверь разлетелась на восемь частей. Так парень вырвался [из рук]. Выйдя, побежал к отцу. Подбежав, он увидел: отец уже давно убит. Чагилган с огоньками в глазах заговорил:

— Голдыр-голдыр, голдырмой! — Кузнец Торонтай, дядя мой, хотя и глух, и нем, подумай над моими вещими словами, послушай внимательно, быстро отстранись: пришел я, сын Иркисмона средней земли, Чагилган с огоньками в глазах. Я с ней [с Бабой Ягой]

тальником с оврага испытаю свою судьбу, красным тальником перебьем друг другу позвоночники. За какую большую вину она обидела Иркисмона средней земли? Я взыщу с нее, пролив ее черную кровь, взыщу с ее черного тела! Эх, как досадно! Какая польза тебе [Баба Яга], если даже съешь немощных, старых матерей, зачем преследуешь ты стареньких! Со здоровым телом и чистым салом пришел я, молодой богатырь, — говорит он.

После этого молодой человек ударил Бабу Ягу прямо в основание уха. Баба Яга отшатнулась назад на три шага. Кузнец Торонтай посторонился, а в это время Баба Яга пнула его так, что перебила ему правую ногу. Чагилган с огоньками в глазах и Баба Яга стали беспощадно биться голыми кулаками, и удары кулаков раздавались по небу, стук пяток отдавался по земле. Долго ли бились они — не запомнили, коротко ли бились — не знали. Наш человек своей мощью мог бы легко победить, но атаманша авахов знала разные уловки: она тридцатитрехсаженными волосами скручивала руки, ноги и железными когтями раздирала здоровое тело [Чагилгана].

Молодой человек стал быстро слабеть, настал день [его] поражения, сузилась его широкая спина, укоротился длинный ум. После этого он обратился к прибывшему человеку [Дергэлдину] с вещим словом, держа такую речь:

— Голдыр-голдыр, голдырмой! — Богатырь верхней земли, сын солнца, Дергэлдин именуемый, друг мой, мои вещие слова впитай в себя, раскрой свои уши: Баба Яга, авахи, прибывшая, чтобы преследовать нас, хотя и не очень сильна, но очень хитра. Приди скорее, помоги! Все-таки вдвоем нам будет лучше. Тридцатитрехсаженные волосы, вероятно, заколдованы: как только заденут руку или ногу, сразу врезаются в тело. Настал мой смертный час! Покажи свою силу, приди, спаси мою душу, — говорит.

Услышав это, тот человек [Дергэлдин] прибежал, не чуя под собой ног, и ударил Бабу Ягу кулаком так, что та трижды перевернулась. Но Баба Яга ничуть не оробела перед двумя богатырями: «Пусть вас будет и двое!» — сказав [так], начала биться с двумя богатырями-ди. Но и она почему-то стала слабеть. Эта авахи, как только почувствовала, что ослабевает, опутала их руки и ноги тридцатитрехсаженными волосами и, не давая опомниться, утащила в сторону захода солнца.

А наши люди подумали: «Наконец-то [мы] одолели, надо добить ее». [Но] они поняли, что ноги и руки их связаны, а глаза окутаны туманом. Тогда коварная Баба Яга начала говорить такие слова:

— Лавир-лавир, лавирдон! — Имеющий отцом Иркисмона средней земли, имеющий матерью Куккумачан-красавицу, с огоньками в глазах Чагилган, ты ведь еще ребенок и не выдержишь! Возвращайся на родину, пока она близка! Если сейчас не вернешься, подвергнешься страшным мучениям, узнаешь предел горя.

Если ты и останешься жив, я притащу тебя и брошу в такое место, откуда уже не сможешь вернуться на свою родину. Если намереваешься идти со мной, не обижайся на меня, пеняй на себя! Потом не говори, что я [тебя] не предупредила. Если сын солица Дергэлдин-богатырь намерен тягаться силой со мной, пусть попробует пойти. Если пойдет со мной, заставлю его сущить мои стельки, сделаю его своим водоножем и дровосеком. Если он не против этого, пусть идет. Я больше не буду уговаривать [вас], чтобы вы возвращались. Вы оба слышали, знаете обо всем, пойдете — дело ваше. — Лавир-лавир! — говорит.

Услышав это, наши люди, еще больше обозлясь, не отставая, так и гнались за ней. Узнавая лето по дождю, осень по граду, зиму по снегу, весну по пушистым снежным хлопьям, они шли и шли. Три ли месяца, три ли года шли — не знали. Как вела их Баба Яга, никто, не знает: если сказать: «По земле идем», — то пятки их земли совсем не задевали, если сказать: «Летим по небу мы», то ведь не было у них крыльев; какими уловками, какой хитростью вела их [Баба Яга], никто не знает.

Идя так, они вдруг почувствовали, что сидят друг против друга на островке в море. Откуда шла коварная Баба Яга и куда она ушла, доведя их до морского тумана, они не поняли. Подумали они: «О горе горькое! Какая досада, какое огорчение! После всего этого, если бы мы, убив атаманшу-авахи, сами умерли бы, то не огорчились бы! Как же мы теперь дойдем до своей родины?». И сузились их широкие спины, укоротились их длинные мысли. Когда осмотрели они друг друга, оказалось, что [на них] не осталось живого места, от столь дорогой им одежды почти ничего не осталось: рукавицы засохли, остались [брывки] лишь на кончиках пальцев, остатки шапок держались только на макушках [их] голов; если посмотреть [на них] сбоку, то лохмотья держались лишь в ямках подмышек.

Находясь [на одном месте], умереть уж очень обидно. Думая: «Хотя бы попробовать уйти недалеко», пошли они обратно. В пути им преградила дорогу отвесная скала, на которую не удавалось вскарабкаться ни одному зверю, имеющему когти. Разве же коварная Баба Яга оставит их там, откуда можно вернуться! Они лежали у подножия этой скалы, под двумя слями, закрыв лицо ладонями, думая: «Когда же наступит смерть?». Истощенные люди, как только легли, начали засыпать. Слух Чагилгана был и теперь еще чутким, во сне он услышал звук каких-то слов чьей-то речи. Он сел и послушал: наверху оказывается слышна речь:

— Кимо-кимо, кимонин! — Ох, как далеко! Может быть, Баба Яга бросила на морскую гальку хоть одну кость моего бедного племянника, называемого Чагилганом с огоньками в глазах? Кроме всего этого, пропал и сын солица Дергэлдин, богатырь верхней земли, запутавшийся в ее волосах. Кто же услышит мой плач?

Племянником называемый племянник мой заговорил бы, если был бы жив, понял бы разумом и почувствовал бы нутром своим мои веющие слова! В какой же стране найду их кости? Нашлись, хотя бы их кости, я не оставила бы их на земле авахов, — говорит.

Услышав это, Чагилган с огоньком в глазах такую речь произнес:

— Голдыр-голдыр, голдырмой! — Тетей называемая тетя моя, младшая дочь Геван-старика, Секак-красавица, а ты-то из-за чего же терпишь мученья, как и мы? Зачем прибыла и какая польза тебе, если даже ты найдешь наши кости? Теперь мы никому не нужны, остались [у нас] лишь кожа да кости и дыхание. Все-таки, хотя ты и молодая девушка, [но] очень храбрая, какой хитростью ты добралась до этой страны? Ты сама утешилась, что вернулась, повстречавшись с нами, застав нас в живых. Если бы мы убили своего врага, не стали бы горевать, что сами умираем. Приди, посмотри на наш вид своими глазами, попрощайся с нами и возвращайся! — говорит.

Услышав это, Секак-красавица перевернулась несколько раз на скале, [под которой они лежали], превратилась в человека; привязала к концу своих семидесятисемисаженных шелковых волос два красных яйца и спустила их к ним. Опустив, она заговорила так:

— Кимо-кимо, кимонин! — Племянником называемый, племянник мой, Чагилган с огоньками в глазах, вас обоих я застала в живых. Возьмите эти яйца, съешьте их, зацепитесь оба за концы моих волос, а я подниму вас на эту скалу. Вы, как и я, не падайте духом. Обычно говорят, что мысли молодых людей бывают тверже камня. Соберитесь с духом и зацепитесь за мои волосы, — говорит.

Эти люди, услышав [ее слова], вынули из волос девушки яйца и съели. Их глаза чуть-чуть посветлели, спины чуть-чуть расширились, мысли их стали яснее.

После этого трижды обернули [они] себя волосами той девушки. А девушка их подняла на скалу, не останавливаясь нигде. Подняв, подумала: «Ну-ка, посмотрю [на них]». Похудев, они стали страшными: на них почти не осталось ничего, что можно было бы назвать одеждой, на их теле не было живого места, кости держались лишь на суставах, остались лишь мышцы живота. Посмотрела [Секак] на этих людей, и из глаз ее закапали слезы, каждая с кружкой. Тогда она повела такую речь:

— Кимо-кимо, кимонин! — Племянником называемый племянник мой, Чагилган с огоньками в глазах, Дергэлдин, сын солнца, вы же храбрые молодцы, мысли ваши крепки, не плачьте, подобно мне, оставайтесь. До родины очень далеко: прыгающий по земле четвероногий зверь, только трижды родив, сможет достичь ее; летающая на крыльях птица-зверь, трижды снесши яйца, сможет достичь ее. До родины добирайтесь за три года, на меня не оби-

жайтесь, говоря: «Оставила». Я, отрезав половину моих волос, отдаю их вам, а вы, делая из них петли (букв.: скручивая их), ловите мелких зверей и, питаясь ими, постепенно добирайтесь до родины. Я очень спешу на родину: после вас у Куккумачан-красавицы родился мальчик. Если спросите, каково его звучное имя, какова его громкая слава, то полное имя его имеется во всех трех Сибир-землях. В нижнем мире он именуется Сэнгэкчон, при приближении Сэлэргун просыпающийся, на средней земле его называют после рождения завернутый в рукавицу Коколдокон, а на верхней земле он стал ездящий верхом на богатырской птице Монгионикон-богатырь. И прости, прощай! — говорит.

Затем эта девушка несколько раз перевернулась, превратилась в стерха-птицу и полетела на родину, свистя крыльями. Эти люди пошли вслед за девушкой. Петлями из волос девушки добывая мелких зверей, идут и идут. Верно, они оказались очень далеко [от дома]; они и не заметили, как прошли огромную незнакомую страну. Все эти три года они ежедневно шли и шли.

К сожалению, от одних-то мелких зверей большой пользы не было, шли впроголодь и в пути снова похудели. Думая сделать шаг вперед, отшатывались назад. Раз прилегли они отдохнуть на проталинках двух кочек, закрыв лица обеими руками. Когда они лежали, откуда-то послышались звуки речи, говорили так:

— Кимо-кимо, кимонин! — Как же долго не приходят те слабые, хилье люди! А время прихода-то уже настало. Горе мне, плакать хочется! Вот скоро исполнится три года с тех пор, как начал меня преследовать атаман авахов нижней земли авахи, необыкновенный богатырь, четырехгранный Сэлвргун-Сэвзенди. А ведь у моего бедного племянника еще не окрепли суставы, и тело его еще не взмужало. Сестрой называемая сестра моя, хоть на один год ради меня отвлеки атамана авахов, пришел мой конец. Пока не придут мужчины, разными хитростями отвлеки его внимание, — говорит.

Сказав так, выдернула несколько волос с головы и бросила в дымовое отверстие своего шестнадцатигранного деревянного дома. Лишь только появился дым от волос, открылась дверь, [и] она, сама став дымом, сменилась с дымом волос и проникла в дом. Сестра ее Дарпек-красавица выскоцила ей навстречу. Перекувырнулась несколько раз и превратилась в белую птичку. Когда атаман авахов, превратившись в орла, приближался, свистя [крыльями], в огненном вихре, перед ним мелькнула белая птичка. Страшный атаман авахов с шумом (букв.: гремя) полетел вдогонку ей.

После этого те наши люди [Чагилган с огоньками в глазах и Дергэлдин], воскликнув: «Горе-горькое, досада какая!», встали и тронулись в путь. Идя на последних силах, добрались до дома.

Придя домой, богатырь с огоньком в глазах, именуемый Чагилган, завел такую речь:

— Голдыр-голдыр, голдыромой! — Дочери Геван-старика, матью называемая мать моя, Куккумачан-красавица, тетушкой называемая тетушка моя, Секак-красавица, открыв дверь, прими привет! Вначале — привет, потом — разговоры! Если спросите, откуда родом-племенем мата пришли, [то] пришел я, с огоньками в глазах [Чагилган]; пришел Дергэлдин, сын солнца. Мы хотя и пришли, но от нас остались одни тени, какая польза от нас! Не радуйтесь, думая, что мы пришли спасать ваши души! Приготовьте богатырскую еду и богатырскую одежду! — говорит.

Услышав это, Секак-красавица открыла дверь и за руки ввела обоих в дом. Посадила [их] на четырехногие серебряные скамьи. Выйдя во двор, раза два подозвала [оленей]. В тройную изгородь длиной в три кочевки полностью набилось стадо холощенных оленей в триста тридцать три головы. Из них выбрала двух оленей и забила. Быстро приготовив [еду], стала кормить своих людей. А те до того похудели, что даже еда не шла им [в горло]. Хотят они разговаривать, а речь пропала. Пробуют есть — не могут, не могут и сил набраться.

Секак-красавица переживала [видя это] и мучилась, думая, как бы помочь, какую бы хитрость придумать — только хитростью можно было восстановить их силы. После этого однажды утром молодая девушка вошла в ограду и начала ходить, осматривая своих оленей.

В это время к священной коновязи, оканчивающейся тремя ответвлениями, прилетел один ворон. Сев [на коновязь], начал всматриваться, наклоняя голову вниз. Секак-красавица подошла к коновязи. Остановилась под вороном и, глядя вверх, так заговорила:

— Кимо-кимо, кимонин! — Говорили, что в старину жил ворон — дед с неустающими крыльями, и он выполнял поручения людей средней земли. Вероятно, и ты такой же? [Вначале] прими привет, а разговор будет потом. Я сейчас очень озабочена: люди мои до того похудели, что нет надежды на их выздоровление. Отправляемся в путь, найди живую воду и принеси мне! Сделай [мне] добро, за помощь [я] отплачу, отдам тебе все, что ты сам пожелаешь. Ну, говори скорее, что ты хочешь взять, сообщи, что ты думаешь! — говорит.

Ворон-дед посмотрел туда-сюда, моргая глазами, помогал головой, помахал крыльями и повел такую речь:

— Калдым-калдым, калдымкой! — Младшая дочь Геван-старика Секак-красавица, сердечный привет! Я хорошо знаю, где эта живая вода, но она [находится] очень далеко. Я бы принес ее, если бы ты отдала мне, выбрав [из табуна], самых лучших тридцать три холощенных оленя, — говорит.

— Ну, неси быстрее, к твоему приходу я приготовлю, — отвечает [она].

И ворон полётали туда, где заходит солнце, свистя крыльями. «Если бы был [я] молод, то вернулся бы через дважды семь ночей. Теперь же я стар и прибуду через дважды девять ночей», — сказал [так, он], отправился в путь.

Затем эти люди жили и жили и никак не поправлялись даже от самой хорошей еды. А дважды девять ночей пролетели незаметно, в назначение утро ворон-дед, прилетев, опустился на одну лиственницу в ограде и заговорил так:

— Калдым-калдым, калдымкой! — Младшая дочь Геван-старика, Секак-красавица, выполнил я твоё поручение. Принес я белое яйцо, восстанавливающее тело похудевшего человека, принес и голубое яйцо, укрепляющее больные суставы, а также красное яйцо, восстанавливающее силы ослабевшего человека. Ими оживите их, смазывая тело и давая пить. Я сильно проголодался, скрой забей холощеного оленя! — говорит.

После этого Секак-красавица забила самого лучшего холощенного оленя и бросила, вспоров ему брюшину. Взяла яйца, внесла их в дом и стала лечить ослабевших людей, смазывая [их] тела и давая принимать во внутрь. И те с каждым днем совершенно преображались, уж очень быстро восстанавливались их тела, вливалась сила, и они становились людьми с еще лучшей, чем прежде, осанкой.

После этого Куккумачан-красавица, вспомнив своего другом называемого друга Иркисмо средней земли, собрала его кости, уложила, приложила суставы к суставам, в медную ляльку, сделанную кузнецом Торонтаем, и, смазав их красной живой водой, оживляющей человека, тую перевязала их, ляльку взяла на колени, укачивая ее, завела такую речь:

— Киду-киду, кидуяр! — Богатырь средней земли, именуемый Иркисмо, мата, другом называемый друг мой, господином называемый господин мой, мои вещие слова пойми разумом, раскрой уши, почувствуй нутром! Если спросишь: «Какая молодая девушка речь завела?», то я [отвечу]: «Твоя подруга, Куккумачан-красавица». Раньше и я, когда растущую свежую лиственницу от вершины до корней проклинала своими тяжелыми словами, то она высыхала. Когда же добрыми словами благословляла от корней и до вершины, высокое дерево, ожив, становилось зеленою лиственицей. Когда же благословляла пожелтевшую траву с основания до вершинок, она, ожив, становилась растущей травой. Когда же растущую траву проклинала, она высыхала. Таким образом, хотя ты и умер, настало время тебе воскреснуть! Если же ты уснул, пора тебе уже вставать! Баю-баю, баюшки! Если мои волшебные слова действительно волшебны, сделайся человеком, покажи себя, очень быстро воскресни, если можешь воскреснуть! Тебе — воскресение, мне — благословение!

Сказала и бросила медную ляльку на пол так, что та трижды перевернулась и раскололась на три части. Иркисмо средней земли,

став самим собой, быстро вскочил на ноги и повернулся своим широким лицом, встретился со своими, как и раньше, поздоровался, целуя и жену, и сына.

А после этого девушка, Дарпек-красавица, которую преследовал атаман авахов Сэлэргун-Сэвэндя, теряя силы, приблизилась и заговорила такими словами:

— Евэр-евэр, евэрье! — Дочери Геван-старика, старшая сестра с младшей, сначала — привет, потом — разговоры! И племянник мой, с огоньками в глазах Чагилган, богатырь верхней земли Дергэддин, вы оба, тоже здравствуйте! Если спросите меня: «Как странствовала?» — [отвечу]: «Едва вернулась, приходит мой конец: Сэлэргун-Сэвэндя, догнав, вот-вот убьет меня. И заступившись за меня, не сможете [меня] спасти; защищая меня, не сможете уберечь от смерти. Я умираю на площадке поединков, оборудованной дядей кузнецом Торонтаэм. Потом пойдете по моим следам, а теперь смерть — моя судьба, поэтому прости, прощай надолго!» — говорит.

Потом эта девушка, обернувшись человеком, оказалась на медном поле окружностью в три кочевки. Став человеком, она перевернулась несколько раз и превратилась в горностая, кувыркаясь, пробила медное поле и упала в отверстие. Тот атаман авахов Сэлэргун-Сэвэндя, гонясь за ней, опустился следом за ней, превратился в человека. Став человеком и, преследуя ее, наступил кончиком большого пальца ноги на отверстие, куда вошел горностай. Тогда горностай укусил за большой палец авахи. Тот, испугавшись, вскрикнул: «Татат!», хотел пнуть, растоптать [ее ногами], но упал на колени, так, что они треснули.

После этого Дарпек-красавица выскочила в это отверстие, стала человеком и начала биться с сыном авахи. Разве авахи не осилит ее: схватил девушку и бросил ее так, что голова [ее] раскололась на три части. Он даже не оглянулся, сразу же стал пожирать девушку — видимо, сильно проголодался. Видя это, с огоньками в глазах Чагилган-богатырь бежал [к ней]; прибежав, произнес такие слова:

— Голдыр-голдыр, голдырмой! — Атаман авахов нижней земли, четырехгранный Сэлэргун-Сэвэндя, для приличия прими привет, а потом будет разговор без конца и края! Если спросишь меня, откуда я, мата, родом-племенем, скажу — я богатырь средней земли, с огоньками в глазах Чагилган — имя мое. А ты за какую тяжкую вину преследовал эту молодую девушку в течение трех лет и так поступил с ней у меня на глазах? За ней нет вины: мы, кажется, не переступали твой длинный путь, и нет за мной греха: не топтал я землю, по которой ты ходил. И какой прок от того, что ты съешь девушку, которую истощило твое преследование! Так ты пренебрегаешь мной! В отместку за твое пренебрежение, за этот твой поступок я взящу с [твоего] тела и крови. Я выдерну указательным пальцем твою становую жилу, железные твои кости

разбросаю по морским камням, чугунной твоей головой, как мячиком, поиграю на ледяной горе, поиграю и жидкой кровью твоей, разбрьзгивая ее на небесную радугу и тем дополню ее еще одним цветом.

Но сын авахи даже не обратил внимания на слова человека и «эх» не сказал в ответ. Не посмотрел на него, подумав, что это говорит какое-то животное. Не остановился; он как грыз тело девушки, так и продолжал его грызть. Этот человек [Чагилган] подбежал, подумал: «Еще разговор нужен ему!» — и стукнул кулаком его прямо в основание уха. Сын авахи вскрикнул: «Татат!» и заговорил так:

— Кэнгэрдонин-кэнгэрдонин! — Отцом имеющий богатыря средней земли и матерью дочь Геван-старика Куккумачан-красавицу, с огоньками в глазах Чагилган-богатырь, сначала — привет, потом — разговоры! Если спросишь, откуда я, мата, родом-племенем, отвечу: «Я на нижней земле единственный царь, улусный голова, князь четырехгранный Сэлэргун-Сэвээндя!». Если же спросишь, зачем я пришел, [то] я пришел сватать твою тетку Секак-красавицу. Когда мне было еще год, она должна была стать моей швеей, когда мне было два года — домохозяйкой, когда стало три — она должна была стать суженой, подругой, об этом пришел я договориться. Отдашь или нет, быстро ответь, по доброй ли воле или по злой отдашь, скажи: а отдашь ты или нет — все равно возьму. Ха-ха-хак!

Наш-то человек и не стал ответ держать на его слова. Тотчас же стал бить его голыми кулаками в основание уха, кружась вихрем вокруг него. Сын авахи попятился назад, отступил на три версты. После этого рассердился так, что сгустилась его черная кровь, ударила в глаза сердитая кровь, прилила к горлу злая кровь, спустилась в живот свирепая кровь, хлынула в горло густая кровь. Ринулся он к нашему человеку, вспучив рукава, обнажил бугристые предплечья рук, словно сосны с ресницами, сжал кулаки с голову двухлетнего лося и начал ожесточенно бить ими. Звук ударов двух сильных богатырей начал раздаваться, загремел стук пятачков по земле.

Иркисмо средней земли, ожив, пожил всего лишь несколько ночей, потому что еще не набрался сил, и, не выдержав стремительности битвы своего сына, умер во второй раз.

Эти богатыри бились, не уступая друг другу. Они бились без передышки в течение трех суток, и наш человек снова не выдержал. Сын авахи не дал [Чагилгану] долго биться: когда авахи покрылись кровью, запачкался в крови и рот — он начал раздирать на куски тело богатыря, порвал его толстую кожу. У нашего человека сузилась широкая грудь, укоротились длинные мысли. Тогда он произнес такие слова:

— Голдыр-голдыр, голдырмой! — Богатырь верхней земли, сын солнца Дергэлдин, друг мой, мои веющие слова пойми разумом,

почувствуй нутром, раскрой свои уши! Пришел день моей смерти, сузилась широкая грудь моя, укоротились мои длинные мысли! Приди скорее, спаси мою жизнь! — говорит.

Тот человек [Дергэлдин], услышав это, проученный еще раньше, не стал мешкать, прибежал во всю прыть. С давних времен у него была обида на племя авахи. Не стал он говорить ни добрых, ни худых слов: голым кулаком стукнул [авахи] прямо в ухо. Сын авахи лишь дрогнул слегка. (Чагилган с Дергэлдином) вдвоем начали биться с сыном авахи. С огоньками в глазах (Чагилган-) богатырь отскочил в сторону. После этого сын солнца Дергэлдин с сыном авахи бились, не уступая друг другу. Долго ли, коротко ли бились — не знали. В твердой земле увязая по колена, в мягкой земле проваливаясь до бедер, упираясь лбами в стволы растущих деревьев, выдирая их с корнями, а высохшие деревья разбивая в щепки, бились они. Они в течение девяти суток бились без передышки. Потом они вязались за плечи, уперлись друг в друга лбами, постояли неподвижно, отдыхая. Если посмотреть, кто же из них ослабел — у нашего человека задрожали суставы, затряслась кости, участилось дыхание, сузилась грудь. Будучи раньше проученным, он начал такую речь:

— Гине-гине, гинеканин! — Дочери Геван-старика и друг мой с огоньками в глазах Чагилган, ну, держитесь-берегитесь! Я, побывавший в течение девяти суток, опять не выдержал, горе мне, плакать хочется! Сейчас некого нам звать на помощь (букв.: приводить сюда). Не отпустите ли вы своего сына по имени Коколдокон, имеющего полное имя во всех трех Сибир-землях? Сыну авахи осталось только свободно разрушить наш очаг и потушить огонь. Мы сами все равно не в силах сопротивляться, а человек, имеющий полное имя во всех трех Сибир-землях, может быть, владеет каким-либо даром. Оказывается, авахи такой мата, которого нельзя одолеть, если биться честно.

Услышав это, Секак-красавица выпустила младшего родственника, именуемого Коколдоконом, имеющего полное имя во всех трех Сибир-землях. А посмотреть-то на него — то от его внешнего вида можно [было] только разочароваться: без всякого преувеличения — шед маленький человек с рукавичку. Подходя, повел такую речь:

— Кингир-кингир, кингирмой! — Братом называемый брат мой, с огоньками в глазах Чагилган-богатырь, сначала — привет, потом — разговор! Если спросишь меня: «Откуда я родом-племенем», [скажу]: «Мой отец — Иркисмондя средней земли, моя мать — Куккумачан-красавица, мое полное имя имеется во всех трех Сибир-землях: на нижней земле я называюсь быстро чувствующим [приближение] Сэлэргуна Сэнгокчон-богатырем, на средней земле называюсь Коколдоконом, на верхней земле — ездиющим верхом на богатырской птице Мэнгиониконом. Вы с богатырем верхней земли, сыном солнца Дергэлдином, хотя ростом

и велики, но мыслей у вас (в грудной клетке) мало, в голове мозг жидкократ; как же вы решились осилить голыми кулаками ни с какой стороны неуязвимого чугунного мату и ни за что [вы] подвергли опасности свои головы, зря предали свои тела и кровь. Ну-ка, посторонитесь! Секак-красавица, теткой называемая тетка моя, раскрой уши для моих звонких слов, очень быстро найди стодесятупудовый чугунный мяч дедушки Геван-старика. Сначала позабавлюсь с ним [с авахи] тем мячом.

Секак-красавица отыскала старинный стодесятупудовый чугунный мяч отца. Парень, Коколдоконом именуемый, подбежал к мячу [больше его по размеру] и вытащил мяч, увязший в земле до половины. Вытащив, встал за ним, и не видно [было], что за мячом стоял человек. Тем не менее, он одним взмахом бросил его на ближний край места битвы.

После этого атаман авахов повел такую речь:

— Кэнгэрдонин-кэнгэрдонин! — Чагилган с огоньками в глазах, племянник жены моей, смотри-ка смотри, ох, как смешно! Этот паренек, хотя ростом и с птичку-чечетку, но до чего же смелы его мысли; хотя ростом он и с ласточку, но до чего же тверды его мысли! Ведь его и не видно из-за мяча, а он подбрасывает такой большой мяч. Но, несмотря на все это, я все-таки женюсь на Секак-красавице. После всех моих побед разве выдержит этот человек? За то, что не захотели отдать [ее] добром, я, играючи, раздую ваш пепел и разрою очаг! Заранее готовьте свадьбу! Ха-ха-ха-хак!

После этого наш человек Коколдокон-богатырь угрожающе приблизился к сыну авахи, подбрасывая мяч свой, и заговорил:

— Кингир-кингир, кингир мой! — Авахи нижней земли Сэлэргун-Севәндя, уже не слишком ли [много] ты смеешься? Чтобы ты смеялся еще сильнее, брошу-ка я мяч. Руками поймаешь или ртом? Если ты действительно храбрый богатырь, поймаешь ртом. Встань-ка на тот край этого медного поля окружностью в три кочевки, открои-ка рот! Если поймаешь ртом, попробуем силы другим способом. Берегись — идет оружие, приготовься — летит стрела! — говорит.

— Ха-хик! И мяч-то не сможешь поднять! — сказал, он [авахи] вышел на дальний край поля.

Этот Коколдокон бросил мяч. Мяч летел, грохоча, как гром, сын авахи разинул рот, чтобы поймать его. Мяч пролетел; подумав: «Поймаю-ка», авахи поймал [его] ртом, но мячом был сдвинут в сторону на три сажени и присел. Железные эзубы, похожие на заржавевшее кайло, раскрошились, нижние зубы он проглотил, верхние выплюнул. После этого он взял мяч, собираясь бросить им в Коколдокона, [и] заговорил:

— Кэнгэрдонин, кэнгэрдон! — Коколдокон средней земли, по сравнению с братом ты очень хитер, ты, оказывается, с разными уловками, мата! До чего силен его бросок! Ох, как больно, горе

мне! Теперь брошу я, лови ртом, как я, докажи свою удалы! С огоньками в глазах Чагилгай-богатырь, хитрец Коколдокон решил помешать моему намерению. И все-таки я его убью сейчас же. Для этого достаточно, если я брошу в него этим же мячом. Берегись — идет оружие, приготовься — летит стрела! — говорит.

Коколдокон говорит ему:

— Атаман авахов нижней земли, напрасно не хвастайся, что поймал [мяч] ртом, зубы твои все выпали — не смог ты поймать [мяч], ты такой же средней силы богатырь, как и я. Я хотя и средней силы богатырь, но поймаю мяч руками, если бросишь, — говорит.

Сын авахи с силой бросил мяч, который, свистя и грохоча, полетел к Коколдокону. Коколдокон ловко поймал его обеими руками. После чего заговорил:

— Кинггир-кинггир, кинггир мой! — Сэлэргун-Севээндя, ты хоть и посредственный воин, а попробуй поймать руками [мяч], как я. Если не поймаешь, то без единого слова, пока цел, обратишь свои взоры в обратный путь! — говорит.

Сказал и бросил [мяч] еще сильнее, чем в первый раз. Мяч полетел, свистя и громыхая. Сын авахи поймал [его] руками, но мяч выкатился [у него] из рук и, попав в печень, разорвал ее пополам. Сын авахи отрыгнул печень и прокусил ее, часть проглотил, часть выплюнул. После этого он сказал:

— Кэнгэрдонин-кэнгэрдонин! — Ох, больно мне, горе мое горько! Хитрый оборотень, Коколдокон-богатырь, ты нарочно обманул меня, сделавшись ростом с рукавицу, смотрите, как издается он надо мной! Для мужественного юноши не страшны ни чугун, ни камень. Теперь подходи открыто сам, попробуем побиться голыми кулаками! Если победишь без всяких хитростей, тебе самому будет приятно. Без всяких превращений подойди сам открыто сию же минуту! — говорит.

После этого Коколдокон подумал: «В таком состоянии он, а еще упорствует». Сильно рассердившись, быстро оделся в свой удобный медный панцирь и подбежал к нему. Носясь вихрем, немедленно начал бить его своими голыми кулаками. Сын авахи, хотя и [был] силен, но размахивал [кулаками] впустую, не попадая в него.

Наш человек [был] хоть и очень мал, но ловок. Когда [авахи] думал, что он находится внизу — тот оказывался наверху; когда [авахи] казалось, что он подскочил кверху — тот нагибался; когда казалось, что справа — [Коколдокон] подбегал и бил [его] слева. Авахи думал: «Слева находится», — а тот, подбежав справа, бил [его]. Коколдокон-богатырь, казалось, бил только один, ни разу не попадая под удары кулаков сына авахи, — бой шел односторонний.

После этого, доведя [авахи] до такого состояния, разве даст он ему опомниться? Сразу же бросил его в мерзлую землю на

семь саженей. С наружной стороны правой ноги выдернул [из ножен] свой пожичек длиной в четыре пальца.

Сын авахи говорит:

— Кэнгэрдоин, кэнгэрдоин! — Коколдокон средней земли, оказывается, ты не зря прославился, не зря имеешь полное имя во всех краях трех Сибир-земель, ты победил даже такого человека, как я. Я за свою жизнь убил девяносто девять богатырей, сотым оказался ты, [но], будучи сильнее меня, обесчестил ты мое имя, развеял мой пепел, разрыл мой очаг! Ты стал таким человеком, которому никто не может противостоять. Навсегда прости, прощай!

Этот Коколдокон, трижды обвив вокруг руки проволочные волосы авахи, оторвал ему голову. Подбежал к одному голыцу и стал играть, подбрасывая голову выше горы. Ребра вырвал так, что те отделились от позвоночника, и поиград ими, составляя из них остов чума, мозговыми костями поиграл, раскладывая их на морских наносах. После этого зашагал маленький человечек. Идя, зашел такую речь:

— Кингир-кингир, кингирмой! — Дочери Геван-старика, матушка Кукумачан-красавица, тетушка Секак-красавица, брат с огоньками в глазах Чагилган-богатырь, откройте дверь, примите привет! Если спросите: «Как странствовал?» — [отвечу]: «Я быстро расправился с вашим ненасытным людоедом, настоящим разорителем, сыном авахи. В поединке с ним [померяться силами] я хотел, он несколько не сопротивлялся: бросил [я] мяч — он, не поймав, присел, предложил поймать руками — не поймал, и мяч ударом рассек ему печень. Будучи таким слабым, [авахи] думал выдержать в битве, и поэтому странствовал по трем Сибир-землям и еще славился, как богатырь! И вот мой брат с огоньками в глазах Чагилган-богатырь дал такому слабому мате легко себя победить. И этот богатырь верхней земли, сын солнца Дергэлдин, будучи таким слабым, думал одержать победу, [но] в битве только мучил себя. Такому слабому лучше было бы и не биться. Поиграв чугунной головой Сэлэрguna-Сэввэнди, подбрасывая ее над город, ребрами поиграв, сделав из них остов чума, мозговые кости разложив по морским наносам, я пришел [гюда]». От большого стыда [авахи сказал]: «Ты такой богатырь, которого даже впредь никто в споре не одолеет», — сказал. [Коколдокон продолжал]: «Приготовьте одежду, которую носит богатырь, и пищу, которую ест богатырь! Приходящие придут, уходящие уйдут, а вы готовьте пир, отметим победу над атаманом авахов», — говорит.

После этого Секак-красавица открыла дверь и, взяв племянника Коколдокона за руку, ввела в дом. Его усадили на блестящую скамью на четырех поижках.

После этого начали готовить угождение для пира в знак победы над атаманом авахов. В это время сын солнца Дергэлдин сел против Чагилгана с огоньками в глазах и стал расспрашивать.

— Гине-гине, гинекан! — С огоньками в глазах Чагилган-богатырь, имеющий отцом Иркисмона средней земли, матерью — Куккумачан-красавицу, другом называемый друг мой, прошло много времени с тех пор, как мы с тобой встретились. Много горя мы видели вместе, изучили друг у друга мысли и характер. Меня ты сам знаешь: приехав из своей страны, я ради всех вас вместе с тобой странствовал. За это время мы крепко подружились, поэтому ты послушай; если согласен — скажи «Да», не согласен — «Нет» скажи. Первое мое желание: я приехал, желая скорее увидеть твою тетушку, славную Секак-красавицу, приехал договориться, чтобы она стала [моей женой]: когда мне был еще один год, она должна была стать моей швеей, когда мне было два года — домохозяйкой, когда было три — суженой, подругой. Как ты думаешь отдашь [ее] или нет, скажи определенно, — говорит.

После этого с огоньками в глазах Чагилган повел такую речь:

— Голдыр-голдыр, голдырмой! — Тетушкой называемая тетя моя, младшая дочь Геван-старика, Секак-красавица, на мои слова раскрой свои белые уши, своей формой похожие на семидневную луну в ноябре месяце, прими своим разумом, почувствуй нутром! Мой друг, сын солнца Дергэлдин-богатырь верхней земли, приехал с думой: попрошу-ка [Секак] с одного года стать моей швеей, с двух лет стать моего дома хозяйкой, с трех лет суженой, подругой. Просит [он], чтобы мы быстро сообщили ему о своем согласии или отказе, как ты думаешь, скорее дай знать, — говорит.

Послушав его, Секак-красавица говорит:

— Ты вместе с ним натерпелся [разных] страданий и решай сам; если ты согласен, я тоже согласна, — отвечает.

Услышав ответ, с огоньками в глазах Чагилган-богатырь вошел в дом и говорит так:

— Голдыр-голдыр, голдырмой! — Все люди Геван-старика, прислушайтесь к моим словам! Богатырь верхней земли, сын солнца Дергэлдин просит нашу девушки Секак-красавицу, чтобы она стала ему с одного года швеей, с двух лет его дома хозяйствкой. Сама тетя согласна, и мне тоже [это] по душе. Поэтому далеко живущих привезите галопом на трехгодовалых оленях; близко живущих привезите на смириных оленях, ведя оленей за узду! Хорошо приготовьте угощение по случаю первой брачной ночи (букв.: перед брачной ночью), забейте трех лучших холощенных оленей, трех яловых кобыл, трех откормленных быков и готовьте угощение. Придут густо живущие в излучинах долин родственники жениха и будут праздновать [свадьбу] в течение девяти суток, — говорит.

После этого живущих далеко быстро привезли на самых лучших трехгодовалых оленях, живущих близко привезли на смириных оленях, ведя оленей за недоузки. Угощение для свадьбы богатыря верхней земли, сына солнца Дергэлдина, было уже подготовлено. Родственники невесты и жениха были собраны, девушки, юноши ходили парами. В течение девяти суток веселились, пошли

разговоры, рассказы, было много разных игр: прыгуны прыгали на одной ноге, бегуны бегали, мастера перетягиваться мерялись силами; борцы боролись, сказители пели сказы, невцы пели песни, доброжелатели славили [молодых]. Девять ночей и девять дней длились игры и гулянье. В этих играх по силе и ловкости не оказалось ни одного богатыря, равного нашему богатырю по имени Коколдокон, имеющего полное имя во всех трех Сибир-землях.

Так прошла свадьба, настало время расставания. После того как [все] разъехались по домам, утром через трое суток этот Коколдокон сел перед Секак-красавицей и новел такую речь:

— Кингир-кингир, кингирмой! — Тетушкой называемая тетя моя, Секак-красавица, на мой подробный рассказ раскрой свои уши, почувствуй [его] нутром. Я больше не возмужаю (букв.: больше у меня и рога не вырастут, и копыта не появятся). Пришла мне пора странствовать, недаром мое полное имя связано с тремя Сибир-землями, я должен походить по трем Сибир-землям. Если спросишь, ради чего мне надо странствовать, то теперь сын солнца Дергэлдин стал твоим другом, а все живое, движущееся по земле, дружно живет парами, а где же я найду себе подругу, называемую подругой, которая с одного года [была бы мне] шеей, с двух лет — домохозяйкой, с трех лет — суженой, подругой. В какой стране я мог бы ее отыскать? Говорят, ты три года странствовала, может быть, ты видела? Если видела, укажи! Я не побоюсь никакого расстояния! — говорит.

Выслушав его, тетушка Секак-красавица отвечает так:

— Кимо-кимо, кимонин! — Племянником называемый племянник мой богатырь-Коколдокон, имеющий полное имя во всех трех Сибир-землях, [вначале] прислушайся к моему подробному рассказу [потом] уходи! Вообще-то я знаю одну девушку. Только она живет очень далеко. Если это тебя не страшит, то (пойдешь). Там живет человек, родившийся на верхней земле, сын неба, состоящего из марева и тумана, богатырь Дюгирандя, которого не смогли никогда осилить даже самые храбрые богатыри, перед которым не мог устоять ни один двуногий, который не падал еще ни от широкогрудого, ни от кругобокого и который быстро расправлялся с двуруким! Когда еще тебя держали в рукавице-неленке, тогда у этого человека, превратившись в иголку, пряталась девочка в игольнике своей матери. Только та молодая девушка и подходит тебе. Если ты выдержишь испытания и если понравишься ее отцу, то [все] будет хорошо. Если же поступишь опрометчиво, не обижайся, [если ты] не понравишься [ему], то он [будет с тобой] жесток. И будет хорошо, если ты будешь странствовать, зная это. Если согласен, скажи: «Да», не согласен — «Нет» скажи. Спросишь у [своего] зятя, может быть, он знает [о ней], — говорит.

После этого Коколдокон так обрадовался, что весь затрезвал, и подумал: «Вот вволю постранствую по всем краям трех Сибир-

земель». От этой мысли у него защекотало в костях. Узнав такую новость, разве станет медлить? Трижды [он] перевернулся, превратился в белую птичку и взмыл вверх. Улетая, произнес такую речь:

— Кинггир-кинггир, кинггир мой! — Мать Куукумачан-красавица, дочь Геван-старика, тетушка Секак-красавица, зять мой Дергэлдин, сын солица, брат с огоньками в глазах Чагилган — все, может быть, вы подумаете обо мне: «Он сильный богатырь, а ушел без слов, которые бы запомнились нам». Поэтому я точно не знаю, когда возвращусь, но все же думаю, что вернусь через три года. Если же до этого станет укорачиваться [ваш] длинный ум и сузится широкая спина, то отправляйте свои волшебные слова по воздуху, я услышу, где бы ни находился, спасу ваши души! И простите, прощайте!

После этого его тетушки Секак-красавица повела такую речь:

— Кимо-кимо, кимонин! — Племянником называемый племянник мой, имеющий в трех Сибир-землях полное имя, богатырь Кокодоконом именуемый, отправляйся, послушав мои слова. Той страны, в которую ты идешь, может достичь лишь имеющий крылья, снесшийся трижды за это время, а четвероногий зверь, вприпрыжку бегающий по земле, только родив девять раз. И если ты доберешься в своем обычном виде до этой страны, это не понравится хозяину; тогда обязательно превратишься [в кого-нибудь] и предстань перед ним! Ему это понравится. Если вы не понравитесь друг другу и начнете биться, от трех Сибир-земель наверняка ничего не останется. Будь осторожен, зная это. Пусть водянисто-глазый не посмотрит на тебя в упор, пусть крикливыи не перекричат тебя, двуногому не поддавайся, от широкогрудого не падай, о выпуклые суставы не спотыкайся, от крутобокого не падай боком! Если сузится [твоя] широкая спина, укоротится длинный ум, тогда отправь свои волшебные слова по ветру! Где бы ты ни стал говорить, я услышу! И прости, прощай! — говорит.

Тогда этот Кокодокон, превратившись в белую птичку, полетел между восемью тучами, под выступами девятой тучи. [Он] пересек много стран, увидел чужие страны; долго ли, коротко ли летел — не заметил. Этот молодец летел, лето узнавая по дождю, осень — по граду, зиму — по ветру и снегу, весну же — по пушистым снежным хлопьям. [Так] он двигался и двигался. Не знал [он], трое, тридцать ли суток или три месяца летел. И, кажется, он достиг самой вершины верхнего неба. Во время пути взглянет вниз — видно только море; вверх, подняв голову, посмотрит — видны лишь звездочки на небе.

Затем этот молодой человек лестит вперед. Как бы ни была далека та земля, разве он задержится в пути? «Это, по-видимому, земля сына неба, богатыря Дюгирманди», — подумал он. Показалась страна с неизъятанной вечно зеленой травой. К ней он быстро приблизился. Подлетая [к ней], всмотрелся внимательно:

оказалось, что по очень красивой поляне взад и вперед двигается туман. Этот человек, увидев туман, подумал с удивлением: «Что это может быть?», но ничуть не отступая, подлетел ближе. Подлетая, приглядевшись еще внимательнее; оказывается, в тумане бегает необыкновенный мата, по облику действительно похожий на богатыря. Коколдокон опустился недалеко от него, перевернулся несколько раз, превратился в человека и зашагал короткими ножками. Тот человек [бегавший в тумане] произил подхватившего взглядом. Глаза его были похожи на утренние звездочки. Направляясь к Коколдокону, [мата] повел такую речь:

— Кида-кида, киладий! — Вот-вот, ты откуда родом-племенем, мата, сюда пришел? Сколько тебе лет и чей ты? В эту страну ни разу не приходил плохой и слабый человек. Ты наверняка крепкий, достаточно сильный человек, потому и пришел. Но все же ты, видимо, притворяешься; в действительности ростом ты, наверное, не такой маленький, хорошо, что ты прибыл благополучно. Прими привет! Если спросишь об известном имени моем и о широкой славе моей, [скажу]: «Я — богатырь верхней земли, по имени Дюгирмандя, сын неба, состоящего из тумана и марева». И ты быстро сообщи свое известное имя и [расскажи] о своей широкой славе, я очень хочу [об этом] услышать. Я, хотя и живу на своей родине, страдаю от отсутствия хорошего друга. Теперь ты исполни то, что я скажу: «Попрыгай на одной ноге по трем разметкам для прыжков, по которым я прыгал в молодости, попрыгай обеими ногами по моим оловянным разметкам для прыжков. Попробуй мой стодесятпудовый мяч. Мы, два встретившихся мата, там сначала поиграв, познакомимся». После этого начнем разговаривать, — говорит.

Потом наш человек Коколдокон средней земли начал быстро говорить и подробно рассказывать:

— Кингир-кингир, кингирмой! — Богатырь верхней земли, сын неба Дюгирмандя-мата, окутанный дымкой марева, сначала — привет, потом — разговоры! Если спросишь: «Откуда ты родом-племенем, мата, пришел?» — [ответу]: «Отец мой — Иркисмондя средней земли, мать — Куккумачан-красавица. [я] имею полное имя для всех краев трех Сибир-земель: на нижней земле [изъясняюсь] Сэягокчопом, чутко пробуждающемся при приближении Сэлэрguna, на средней земле — Коколдоконом, на верхней земле — Мэнгнонниконом, ездиющим верхом на богатырской птице, именуют меня». Если спросишь: «Зачем ты пришел?» — [отвечу]: «Я с определенными намерениями летел к твоей молодой дочери с известным именем и широкой славой, след которой подобен птице, к Инмакон-красавице с тем, чтобы стала она с одного года [име] швейцаром, с двух лет — домохозяйкой, с трех лет — суженой, подругой моей». Вот и все, что мне надо. Когда ты выскажешь свое мнение — реши сам, я очень хочу поиграть в твои игры. Где твои разметки, по которым прыгаешь на одной ноге? Попрыгаю-ка

я с удовольствием. Где твой мяч, который ты поднимаешь? Попробую-ка я приподнять [его], — говорит.

Дюгирмандя-мата говорит:

— Кида-кида, киладий! — Если ты сын Иркисмонди средней земли, а я много слышал о славе твоего отца, так встретились добрые эвенкийские богатыри. Почему я хочу посмотреть, как ты играешь? [Я скажу]: на самом дальнем краю моей страны живет выросшая сиротой Арбагайкан-старуха с двумя сыновьями. Говорят, туда пришел один сильный трехгранный богатырь по имени Сумуендя, авахи нижней земли, и безнаказанно обижает осиротевших людей. Не ограничиваясь своими притеснениями, он, говорят, держит их взаперти, чтобы съесть после того, как прикончит всех их оленей. Ты прибыл как раз в то время, когда я пробовал силы, чтобы отправиться туда. Поэтому ты тоже попробуй свои силы! Если договоримся, может быть, пойдем вместе, — говорит.

Потом повел его к стодесятипудовому мячу. Этот Коколдокон, прия следом, вытащил увязнувший наполовину в земле [мяч]. Вскрикнув: «Хук!» — положил его на колени, вскрикнув: «Хук!» — положил на печень, вскрикнув: «Хук!» — забросил высоко. Мяч, упав обратно, вонзился в землю глубиной до трех саженей. Когда [Коколдокон] увидел разметки [для прыжков на одной ноге], оказалось их тридцать три, в трех саженях [друг от друга]. Наш человек стал прыгать по ним на ножке-коротышке и без малейшего усилия допрыгнул [до конечной разметки]. И обеими ногами стал он энергично прыгать по разметкам [для прыжков на двух ногах] и свободно достиг [последней разметки]. Потом, закончив игры, оба направились к дому Дюгирманди. Дойдя до своего дома, Дюгирмандя со скрипом открыл дверь своего большого чорама-чума. Взял он Коколдокона за руку и, подведя к жене очень маленького ребенка, завел такую речь.

— Кида-кида, киладий! — Шелковистоволосая подруга моя, Солкондор по имени, прими привет! Если спросишь: «Как ты провел сегодняшний день?», — [отвечу]: «Очень хорошо провел». Вот прибыл богатырь средней земли, имеющий полное имя во всех краях трех Сибир-земель Коколдокон средней земли. Не смотрите, что он так мал ростом, — он такой богатырь, который может искоlesить все три Сибир-земли. У меня кстати будет хороший друг, когда я отправлюсь к атаману авахов. Быстрее приготовьте еду для него, приготовьте богатырскую одежду для битвы. Сначала закопчим этот поход, а потом уже вернувшись, будем говорить о заботах этого человека, — говорит.

Потом шелковистоволосая жена Дюгирманди Солкондор-красавица усадила обоих богатырей по обе стороны четырехугольного стола на шестиногих серебряных скамьях. Затем сама вышла на улицу, забила двух лучших холоцентных оленей, двух первосортных яловых воженок, быстро приготовила [еду] и начала кормить их.

Как только два богатыря-маты кончили трапезу, наступило время: похода. Хозяин дома повел такую речь:

— Кида-кида, киладий! — Богатырь средней земли, имеющий полное имя для всех красв трех Сибир-земель Коколдокон средней земли, было бы хорошо, если бы ты отправился со мной странствовать и стал моим другом. Ты будешь странствовать по многим странам, увидишь много людей, много животных. Бесчестный враг, бессовестный разбойник, уничтожающий оленей выросшей сироты Арбагайкан-старухи и держащий взаперти двух ее сыновей, атаман авахов нижней земли, трехгранный богатырь Сумуенде намеревается съесть их всех, когда прикончит их оленей. Основное намерение мое — отправиться в поход, чтобы спасти их души. Сейчас для этого пришло время. Говорят, что он такой сильный богатырь-атаман, что ни один богатырь еще не смог противостоять ему. Если вдвоем доберемся до него, не дадим победить себя. Поэтому мы — люди быстрее пойдем, поможем этим людям, они такие же люди, как и мы, живут под солнцем, — говорит.

Затем эти два маты вышли на улицу. Старший мата стал серебряным белым журавлем, Коколдокон же превратился в белую птичку. И полетели, свистя [крыльями], в сторону мест, где жила выросшая сиротой Арбагайкан-старуха. Превратившись в крылатых птиц, они летели над восемью облаками, по краям девятого облака. Долго ли, коротко ли летели они — не знали, лето лишь по дождю узнавая, осень — по граду, зиму — по снегу, весну — по пушистым [снежным] хлопьям, летели они.

Разве они задержатся? Быстро достигли места, куда должны были прибыть. Дойдя, превратились в кору двух молодых листьевниц и прилипли к ним. Находясь там, [они] незаметно наблюдали за тем, чем занимается атаман авахов. Когда посмотрели, оказывается — атаман авахов очень издается [над людьми]: не дает им и шагу ступить в сторону, мучит их без конца. Младший сын Арбагайкан-старухи по имени Дылконукон был слабым человеком, но всячески пробовал обмануть [авахи]. Этот человек забивал самого жирного ходощеного оления, варил сало и кормил атамана авахов. Съев это, сын авахи спрашивал:

— Где ты находишь эту [еду]? — спрашивал.

— Это я достаю [благодаря] своей уловке, — отвечает второй.

— Как же ты ухитряешься? — говорит [сын авахи].

— Я снимаю штаны и трое суток трею на солнце свой зад, оттуда выходит сало. А попробуй-ка и ты то же [самое] сделать, — говорит Дылконукон.

— Ну, так и быть, я тоже попробую, — говорит.

— Ну, пробуй! — говорит тот.

В жаркий день, опустив свои жестяные штаны, выставил [авахи] зад к солнцу. В то время как этот человек стоял, так наклонившись, мата по имени Дылконукон, превратившись в муху, пробирался [к нему] в задний проход и там откладывал яйца, на-

деясь на то, что [сын авахи] может умереть, когда из яиц появятся личинки. Личинок в его животе стало очень много, и они вызывали у него сильный зуд.

— Кто это ползает? — спрашивает авахи.

— Если ты взболтаешь их мутовкой, они выйдут, превратившись в сало, — отвечает этот Дылконукон.

А авахи, оказывается, сразу же поверил этому. Схватил мутовку и начал вертеть ею в заднем проходе: «Пур-пур-пур». Потом Дылконукон-мата, сделавшись мухой и летая, почуял по запаху, что пришел Дюгирмандя-мата. Узнав [это], он побежал к брату; придя к нему, он сказал:

— Дыне-дыне, дынекани! — Братом называемый мой старший брат, Чиркэркэн средней земли, я что-то почувствовал. Кажется, прибыл сын неба Дюгирмандя спасать наши жизни, чувствуется запах марева. Быстро захвати трехсаженное копье, попробуем вместе вонзить [свои] копья в атамана авахов Сумуендю-богатыря. Если даже мы потерпим поражение, то пришедший мата пожалеет нас. Все равно спасет наши жизни; иди же скорее, — говорит.

Потом эти люди схватили копья и вонзили их с обеих сторон в богатыря Сумуендю. Весильный сын авахи сломал их копья, лишь взмахнув руками, и стал гоняться за братьями. Он начал терзать их, раздирая когтями и кусая зубами. Младший мата спасся, превратившись в муху, а старший мата не мог ни в кого превратиться, поэтому не смог убежать и был задавлен. Увидев это, Дюгирмандя перевернулся несколько раз, чтобы превратиться опять в человека и, спрыгивая с лиственницы, где он прятался, разбил ее в щепки, словно молния ударила. Подошел к сыну авахи и видит: [авахи] бросил [на землю] человека-ай и грызет его спину. Этот Дюгирмандя так разгневался, что с обоих висков вспыхнула [у него] серый огонь, из двадцати пальцев брызнула кровь. Потом он заговорил:

— Кида-кида, киладий! — Атаман авахов нижней земли, трехгранный богатырь Сумуендя, сначала для приличия прими мой привет. Если спросишь меня: «Откуда ты родом-племенем, мата, пришел?» — [отвечу]: «Пришел я, сын солнца, мата, по имени Дюгирмандя». За какую большую вину обижашь парней-сирот, мучаешь их? Какой прок в том, что ты мучил их в течение трех лет, держа взаперти, какую пользу ты надеялся получить от того, что съешь их? Я пришел — [у меня] жирное мясо, полное тело. Если победишь и съешь меня, получишь пользу, если не победишь, то покраснеет от стыда лицо твое. И встретились, видно, два упрямых, напористых маты, которые не перестанут [биться], пока один из них не победит. Я перестану [биться, только], победив тебя, или если ты убьешь меня! Я пришел к тебе специально из далекой страны, чтобы взыскать с твоего тела и крови за те злодеяния, которые я увидел. Если [ты] намерен биться [со мной], подходит,

если же хочешь вернуться [всвои], то возвращайся! — говорит этот человек.

А сын авахи даже не взглянул, подумав: «Пусть говорит человек», — и продолжал грызть тело своей жертвы. Этот Дюгирманда, говоря: «Все еще не обращает никакого внимания», стукнул его по основанию уха. Авахи вздрогнул, а после этого завел такую речь:

— Киримонде, киримонде! — Выросший на верхней земле сын неба, мата, именуемый Дюгирмандой, ты сам пришел своей персоной? Ради приличия прими привет. Если спросишь: «Откуда ты родом-племенем, храбрый богатырь?» — [отвечу]: «Я родился на нижней земле, являясь атаманом авахов, трехгранным Сумуендей». Я пришел искать среди людей человека, имеющего вкусное мясо, трубчатые кости. И как хорошо, что ты сам так пришел! Вот-вот сейчас пальцем выдерну твою спинную аорту, съем твои сердце и печень, пока они еще теплые, — говорит.

После этого они стали биться, не уступая друг другу, колотя друг друга голыми кулаками прямо по основанию ушей. Звуки от ударов кулаков раздавались по небу, звуки от ударов пяток отдавались по земле. В твердой земле увязая по колена, в мягкой земле до бедер, сдирая кору растущих деревьев, расщепляя высокие деревья, бились они друг с другом. Разогнали всех мелких зверей из этих мест, крупных зверей заставили бежать в чужие места; белки стайками побежали через речки и хребты, звери, называемые зайцами, бросились вприпрыжку, подняв уши; медведи-звери убежали на своих коротких лапах, жирные лоси пустились галопом, расставляя широко задние ноги. На этой земле, оказывается, не было сильного богатыря, и только они — оба силачи — столкнулись. Поэтому они этой местности нанесли ни с чем не сравнимый ущерб, принесли невиданные бедствия, произвели непоправимые разрушения. Не выдержали слабые, больные люди разрушений, деревья совершенно перестали расти, завяла растущая трава, уменьшился в числе размножающийся скот; не рождались дети, которые должны были родиться. С тех пор как начали биться эти люди, прошла девяностая ночь третьего месяца. В течение всего этого времени они бились не переставая. Никто из них еще не ослабевал, и они стали биться еще энергичнее. И увеличились разрушения и бедствия. Шум [битвы] был слышен во всех трех Сибир-землях. Атаманы нижней земли начали поглядывать вверх, подняв головы, а богатыри верхней земли начали посматривать, наклонившись вниз. Пробовали богатыри приблизиться к ним, говоря: «Если [они] послушаются, то пора их унять». [Атаманы] пытались подойти на такое расстояние, откуда можно было услышать их голос, [но никто из них] подойти не смог. Тем временем настала [последняя] ночь шестого месяца, но эти богатыри, вместо того чтобы ослабеть, начали биться еще яростнее и продолжали уничтожать все вокруг.

Услышав о таком разрушении, пришел родившийся на верхней земле глава далекой страны, князь великого города, царь эвенков и ласковыми словами начал их уговаривать, прося: — Чахыр-чахыр, чахырмой! — Богатырь верхней земли, сын неба Дюгирманда-маты, прими искренний привет! Сначала — привет, потом разговор! Если спросишь меня: «Откуда ты родом-племенем, мата, пришел?» — [отвечу]: «Я родился на верхней земле, я глава далекой страны, князь великого города, царь эвенков». Если же спросишь, зачем я пришел, — [отвечу]: «Пришел я лично к вам поговорить». Подожди-погоди, послушай-ка то, что скажу я. Вы с атаманом авахов, двое богатырей, встретились и бились без передышки в течение шестидесяти ночей. Вы произвели в этих местах неисчислимые разрушения, поэтому и послушайте мои слова. Если не послушаетесь, не выдержит дух-хозяин этой глинистой страны. Если он рассердится, наверняка будет худо. Вы сами не сможете искупить свою вину за разрушения! Поэтому, несмотря ни на что, кончайте [битву], — говорит.

А бьющиеся богатыри, думая: «Говорит человек», — даже не сказали «Да», думая: «Издает звук животное», — даже «Хей» не сказали. Еще больше разозлились и яростнее стали биться.

После этого заговорила еще одна молодая девушка:

— Дэлогой-дэлогой! — Богатырь верхней земли, сын неба Дюгирманда, богатырь нижней земли, трехгранный силач Сумундя, постойте-погодите, примите привет! Если спросите [меня]: «Откуда ты родом-племенем, девушка, пришла?» — [отвечу]: «Я дочь солнца со следами-ниточками, с блестящими волосами, Киладий-красавица по имени». Если же спросите: «Какая нужда заставила прийти в эту страну?» — [отвечу]: «Пришла я уговарить вас, думая, [что вы] послушаетесь». И знайте вы, что я жена главы далекой страны, городского князя, царя эвенков. Было бы лучше, если бы вы послушались меня. Если не послушаетесь, последствия [битвы] убавят ваши годы, укоротят ваш век, падет скот у вас, засохнет племя ваше. Перестаньте-подождите, если не послушаетесь моих слов, придет старшая дочь солнца Симэксин-старушка. Как она станет вас судить, знает она сама. Придет и обвинит вас — быстро раскакетесь, что не послушались моих слов, — говорит.

Эти богатыри совершенно рассвирепели. Если бы [они] не были заняты, то напали бы на уговаривающих. Не напали потому, что были заняты друг другом. Встретились богатыри, равные по силе. Уговаривавшие люди, сказав: «Поступайте, как хотите», перевернулись трижды, превратились в белых журавлей и улетели, сверкая своей белизной.

После этого эти богатыри дни и ночи в течение трех месяцев бились, не останавливаясь. Девять десятидневок бились. По истечении [этого срока] пришла старшая дочь солнца Симэксин-ста-

руха, старая, седовласая и невысокого роста. Подойдя близко, села на кочку и завела такой разговор:

— Нимидорико-нимидорико! Богатырь нижней земли, силач Сумусенде, богатырь верхней земли, сын неба Дюгирамдя, примите привет! Из пяти моих слов уловите одно, из десяти моих слов обдумайте пять, какими бы вы ни были сильными богатырями, не завидуйте силе друг друга. Если кто из вас и одолеет [другого], все равно не возместить тот ущерб, который мы причинили за эти девяносто ночей. Не переоценивайте себя, пожалейте растительность, малых детей и бесчисленный скот всех трех Сибир-земель! Стремительность вашей битвы принесла много горя, и вина ваша будет очень тяжка. Если же не прислушаетесь к моей просьбе, [то] мы вместе с разрушенной вами землей обвиним [вас] так, что вы пожалеете! Попробуйте-ка не послушаться! Вот вам и весь сказ, и на меня не обижайтесь, пеняйте на себя! — говорит.

Думая: «Человек говорит», не спросили: «Что?», — думая: «Животное издает звук», — даже «Хэй» не произнесли, как бились, так и продолжали энергично биться. Они так разозлились, что никак успокоиться не могли. Не слушались никаких уговоров, не поддавались на них. Увидев это, Симэксин-старушка [сказала]: «Нужно найти на них управу, если они будут продолжать биться, не обращая ни на что внимания, никого [в живых] не оставят на всех трех Сибир-землях». Думая [так], посыпала духу-хозяину земли свои волшебные слова:

— Нимидорико-нимидорико! — Дух-хозяин земли, где же, где же ты? Мои волшебные слова прими разумом, почувствуй нутром, раскрой свои уши! На краю трех Сибир-земель большие разрушения: [маты] совершили тяжкий грех. Если спросишь: «Что это за разрушение? И кто пришел и подробно рассказывает об этом горе?» — [отвечу]: «Это я, дочь солнца Симэксин-старушка». Я, как могла, старалась уговорить [их] всякими добрыми словами, но [они] не послушались. Поэтому только ты, дух-хозяин матушки-земли, сам выгляни где-нибудь и рассуди их. Детям, которые должны родиться, они помешали появиться на свет, многочисленному скоту не дали размножаться, растущие травы и деревья заставили пожелтеть, не осталось ни одного большого ребенка, поумирали слабые старики. Настала пора принять меры против такого бедствия. Поэтому, дух-хозяин земли, превратись в самого себя, взгляни где-нибудь на средний мир! Задержи их у себя и рассуди сам! Об их вине я расскажу: прошел целый год с тех пор, как они начали биться; все это время они бились без передышки. Поэтому и произошло много бедствий. Ты продержи их [у себя] целых три года! Если спросишь: «Кто же из людей принес эти бедствия?» — [отвечу]: «Это сделал сын неба Дюгирамдя, поэтому его надо наказать». Он защищал людей, и в этой битве у него только сила убавилась, поэтому пусть он посидит

в течение трех лет, превратившись в четырехугольный серебряный стол, за которым стали бы свободно кормиться [обиженные им] все крылатые, все бегающие, все животные, [вплоть] до людей. Только тогда искупит он свою вину и сам хорошо отдохнет, все [живое] будет вскормлено, размножится и возместит принесенный им за три года убыток.

Бессовестный разбойник, авахи нижней земли, трехгранный богатырь Сумуенда, как только родился на нижней земле, не спросясь никого, начал обижать и уничтожать людей, живущих под солнцем, и совершил ни с чем не сравнимые преступления. И в последней битве принес он много бедствий во всех трех Сибир-землях. Кроме того, он сам хвалится, говоря: «Съел я девяносто девять богатырей». Можно представить себе, если он столько съел людей, то сколько мелких незаметных бед он совершил! Поэтому пусть он, превратившись в обгорелый пень, постоит сплошь все девять лет! Ходящий взад-вперед, летающий и бегающий — пусть все мочатся и испражняются на него! Обгорелый пень, бывает, держится, словно на ниточке, когда обгорит у основания, пусть и он так постоит! Его не вырывайте, а то он, не искупив своей вины, сгинет. Когда же исполнится девять лет, выпустите его в таком виде, каков он есть: лица соединенные с жилами суставы и брюшина. Если он сможет кого-нибудь одолеть, то выживет, не сможет — умрет, — говорит.

Эта Симэксин-старушка, сказав так, превратилась в белую птичку и, сверкая белизной, улетела в сторону верхней земли. А бывшиеся, ни о чем не думая, в пылу своего гнева не жалея ни тела, ни крови друг друга, продолжали биться еще энергичнее, еще стремительнее, еще более основательно.

В это время вдруг средняя земля прогремела, словно гром, словно от удара молний задрожала, засвистела вихрем и разверзлась по самой середине. Когда [богатыри] провалились и были засыпаны в трещине, стали видны только половина лица и только одна рука [у каждого из] этих богатырей. Там, в этой трещине, они, не обращая внимания на то, что провалились, продолжали биться одной рукой, кулаком, царапаясь ногтями и вонзаясь в лицо друг другу. Поняв, что провалились в трещину земли, они еще более рассердились и продолжали биться еще сильнее. В это время вдруг [под шими] оказалась очень ровная, плотная земля, которая даже нисколько не прогибалась, когда они упирались [в нее] пятками, и не вдавливалаась, когда они ее толтали. Вдруг эта земля стала такой хорошей, что [богатыри] смогли нормально биться, еще более расхрабрились, думая: «Земля такая хорошая, что [неплохо] разогнать кровь от пальцев до пяток», и продолжали биться. Они и не почувствовали, как спустились в совершенно темную страну, но не успели не только проститься, а даже и опомниться. И было неизвестно, где эти богатыри и как они ушли.

Потом тот наш человек, имеющий полное имя в трех Сибир-землях Коколдокон средней земли, с места, откуда наблюдал, вдруг взмыл вверх, превратившись в белую птичку, [и полетел] в сторону родины Дюгирманди. Летел он и летел; оказывается, то расстояние, которое они [с Дюгирмандей] прошли, было очень большим. Этот молодой человек [Коколдокон], говоря: «Зря я последовал за Дюгирмандей и бесполезно пролежал под корой», летел, и было щекотно его жилам и костям. Но разве же он где-нибудь задержится? Вот показалась родина Дюгирманди-богатыря с ее вензелевой, никем не помятой травой. Как только показалась эта страна, послышались чьи-то слова. Попятившись, начал прислушиваться этот человек, и вот он услышал такую речь:

— Геро-геро, герокапин! — Эх, горе мое, горькое, вот-то досада какая! Когда я была одна, пришел атаман авахов нижней земли, четырехгранный Сэвэнде, и видели бы вы, как он меня мучил. Почему же так долго не возвращаются мои храбрые мужчины, ну долго же, долго их нет! Уж кончилась [последняя] ночь одного месяца, с тех пор как он загнал меня на лиственницу с тремя стволами и стережет. Как бы было [хорошо], если бы хоть один из тех двух мужчин услышал мою мольбу и спас меня! Эх, горе мое горькое, вот-то досада какая! — говорит.

После этого Коколдокон средней земли: «Вот наконец-то я сейчас [с кем-то] померяюсь [силами]» — подумал и торопливо пошел вперед. Превратившись в белую птичку, шурша, шелестя [крыльями], перевернулся [он] трижды и ловко опустился на ближний край медного поля окружностью в три кочевки. Коколдокон, перевернувшись трижды, стал человеком и завел такую речь:

— Кинггир-кинггир, кинггирмой! Атаман авахов нижней земли четырехгранный Сэвэнде, прими поклон-привет! Если спросишь меня: «Откуда ты родом-племенем, мата, пришел?» — [отвечу]: «Я [тот, кто] Иркисмана средней земли отцом имеет, Куккумачан-красавицу — матерью, имею полное имя во всех трех Сибир-землях, я Коколдокон средней земли, богатырь-ан». Пришел я, мата, странствующий по всем уголкам трех Сибир-земель, еще не встретив себе равного, чтобы разогнать кровь моих пальцев и моих няточек. Если тебе некуда денять свои силы, мататкан, я тот, который может растигнуть твои сильные жилы. Как же ты не победишь эту молодую девушки, если ты мужчина (букв.: когда ты создан мочиться стоя?). Ты храбришься тем, что стережешь ее [загнав на дерево]. Эх, зло берет, даже душно стало! Как ты будешь биться с женщиной в моем присутствии? Выходи скорее на поле битвы! Если мы намерены убить друг друга, то убьем. Если намерены съесть друг друга — съедим тут же. Ну-ка, скорее выходи и встань на тот край поля! Поймай мой мяч ртом! — говорит.

Потом тот четырехгранный Сэвэнде посмотрел на Коколдо-кона, засмеялся: «Ха-ха-хок!», потом заговорил так:

— Киримонде-киримонде! — О, татай! О, татай! Сам такой [маленький], и до чего же смелы его слова! Посмотрите-ка, он еще [смеет] говорит, смотря в упор на самого меня? Ну, погоди ж, я вот сейчас приду и рассчитаюсь с тобой. Чем может быть страшен твой мяч? Он даже не заденет ни одного моего зуба! Попробуй-ка бросить! А вот я тебя свалю замертво твоим же мячом,— говоря [так], пришел и встал на дальнем крае поля.

После этого наш человек [с силой] оторвал стодесятипудовый чугунный мяч своего тестя Дюгирманди и бросил, говоря: «Раз я сказал: лови ртом, так и поймай!». Мяч пролетел, грохоча, как гром. Богатырь авахов ловко поймал [его] ртом с зубами, похожими на железо кайла, засмеялся: «Ха-ха-хак!» — и заговорил:

— Киримонде-киримонде! — Коколдокон средней земли, ну и до чего же легок твой мяч, ну и до чего же ты бессилен! Ну, теперь я брошу-ка в тебя, поймай, как я, ртом! Чтобы я убедился в твоей храбости! — говорит он.

Услышав это, наш человек говорит:

— Кинггир-кинггир, кинггир мой! — Ты думаешь, все кончил, поймав этот мяч? Кроме этого, есть еще одна игра, попробую пустить стрелу из лука в дважды восемь саженей. Если сумеешь увернуться, тогда действительно ты сильный мата. Если останешься невредимым, ты тоже будешь действовать подряд мячом и луком.

Друг мой, дважды весьмисаженный лук, ставший спутником [моим] с тех пор, как я увидел белый свет, мои проникновенные слова пойми разумом, почувствуй нутром, раскрой свои уши! Если мне суждено странствовать по всем трем Сибир-землям, не упусткая двуногого, не падая от широкогрудого, не спотыкаясь от имеющего суставы, [если суждено мне] иметь свой дом, размножить скот, родить детей, то ты не останавливайся даже перед чугуном, не отскакивай и от камня и произни какое-нибудь из сухожилий атамана авахов! — говорит.

Заклиная [свой лук], натянул [тетиву] до уха, и взревел его указательный палец, взвизгиул его мизинец, прогремел лук, и просвистела стрела. В это время сын авахи — откуда он ее взял, никому неизвестно, — спрятался за чугунную гору. Стрела этого молодого человека не остановилась перед чугуном, не отскочила от камня, пробила чугунную гору как раз в том самом месте, где был авахи. Сын авахи, увидев стрелу, хотел увернуться, но стрела успела долететь и вонзилась в его колено. Он вскрикнул: «О, татай!» и заговорил так:

— Киримонде-киримонде! — Ох, и больно же, больно, как ломит мои кости! Вот так хитрец богатырь средней земли Коколдокон. Вероятно, потому и говорят, что ты убил моего старшего

брата Сэлэрguna-Сэвэндю, атамана авахов нижней земли. Ну и
ну, где пролетела его стрела и раздвоила мое бедное колено?
Ну и зло же берет! Вот досада-то! Если бы был он ростом хоть
больше и имел бы тень, то было бы не так досадно, а то его и не
видно из-под багульника! Он же, оказывается, необыкновенно
сильный богатырь! И все же ты не притворяйся [маленьким],
стань самим собой. Если ты победишь [в настоящем своем виде],
то и ты будешь доволен, и я тоже.

Этот Коколдокон, улыбаясь, побежал на коротеньких ножках
в сторону авахи. Подбежав, стукнул его в основание уха. Несчаст-
ный авахи трижды перевернулся. Потом [богатыри] стали стре-
мительно паскачивать друг на друга, беспощадно колотя кула-
ками. Наш человек [так увертывался, что] сын авахи был вну-
стую. Несчастного сына авахи наш человек, нагибаясь вниз, бил
ногой, а тот думал, что [Коколдокон] находится наверху. Когда
[авахи] думал, что он находится внизу, тот оказывался наверху.
Когда [авахи] думал, что [он] справа, тот подходил и бил [его]
слева. Когда же он думал: «Перешел налево», [Коколдокон] уда-
рял [авахи], подходя справа. Маленький богатырь по имени
Коколдокон долго не возился, каждым ударом он приподнял в смя-
тение сына авахи. И каждым пинком убавлял [его силы]. У сына
авахи сузилась широкая спина, укоротились длинные мысли, при-
шел его смертный день. Доведя до такого состояния [авахи],
Коколдокон разве даст тянуться с собой? — бросил его на мерз-
лую землю, разбив на глубину семь саженей и перерезал ему
горло ножиком с лезвием [шириной] в четыре пальца.

Сын авахи говорит такие слова:

— Киримонде-киримонде! — Эх горе мое горько! Кто, кроме
умершего и сиона воскресшего, испытает тяжесть смерти? Когда
умирают, бывает очень тяжко. Коколдокон средней земли, ты
сейчас играючи произведался надо мной, свободно раздув мой
пепел, разрыв мой очаг! И все же, [только] трижды убив меня,
считай — убил. Когда твой сын станет играть дучком, а дочь
пользоваться ножницами, вот тогда хорошо бы [с тобой] побиться,
[рановато] не хналися, что убил меня. И прости, прощай — говорит.

Этот Коколдокон сложил кости атамана авахов, добавив их
к валунам верхней земли, а мозговые кости, сложил кучей, доба-
вил к морским напосам. После этого пришел к хозяевам дома и
заговорил так:

— Кингир-кингир, кингирмой! — Шелковистоволосая Сол-
кондор-красавица, открай дверь, прими привет! Прими
сначала привет, а потом будет разговор! Если спросишь: «Откуда
ты родом-племенем, мата, пришел?» — [отвечу]: «Я — имеющий
полное имя во всех краях трех Сибир-земель и Коколдоконом
средней земли именуемый богатырь». Если же спросишь: «Как
странствует сын неба Дюгирмандя?» — [отвечу]: «Он бился с ата-
маном авахов, и никто из них не смог победить». Их теперь дух-

хозяин моря втунул в свою стихию на три года, и они там остались. Богатырь Дюгирмандя прибудет через два года, а я бы за это время сходил на родину и вернулся. Здесь мне нечем заняться, поэтому приготовь богатырскую еду, я, пообедав один раз, отправлюсь на родину, — говорит.

После этого хозяйка дома открыла дверь, вышла и ввела Коколдокона [в свой дом], ведя его за руку, и посадила за серебряный стол. Сама вышла на улицу, забила отборного холощеного оленя и, быстро приготовив еду, накрыла (натянула) стол, наложив груду [мяса]. Этот молодой человек, как и полагается присезжему человеку, много ел во время обеда.

Потом со всех сторон сгустились черные тучи, стали умножаться белые тучи, стали бегать взад-вперед красные тучи, в мгновение ока подул ветер, полил ливень, повалил густой снег, закружился вихрь, загремел гром, засверкала молния. Все пришло и прошло, и небо очистилось. Коколдокон выскочил наружу, думая: «Что же случилось?». Оказалось, что с той стороны, где заходит солнце, с нижней земли идут вдвоем два богатыря авахов. Подходя, первым шедший (передний) человек завел такую речь:

— Лавир-лавир, лавирдо! — Богатырь верхней земли, сын неба Дюгирмандя, открыв дверь, прими поклон-привет! Если спросишь: «Откуда родом-племенем мататканы пришли?» — [ответим]: «Мы — авахи нижней земли. Мое имя — тридцатитрехсаженные волосы имеющая Баба Яга, имя моего брата, родившегося на земле с крупным градом, богатырь Бурунюк». Если же спросишь: «С каким важным намерением, с каким неотложным делом вы пришли?» — [отвечу]: «Мы пришли взять в жены твою дочь со следами, как ниточки, Иньзакон-красавицу! Отладите ли [ее] или откажете, все равно возьмем. По-доброму отадите или по-худому? Я согласен на все условия! Немедленно скажи свое мнение, изложи его, — говорит.

Услышав это, хозяйка дома вышла и говорит:

— Дагри-дэгри, дэгримой! — Авахи нижней земли, примите привет! Если спросите меня: «Откуда [ты] родом-племенем девушки являемся?», то [отвечу]: «Я шелковистолосая, именуемая Солкондор. Была я женой сына неба Дюгирманди. Тридцатитрехсаженные волосы имеющая Баба Яга, куда заставила забросить моего мужа, (ты еще) пришла (сюда)? Твои согламенники подняли шум, а я сижу, потеряв мужа. Ты же еще пришла взять мою дочь? Я не только не отдам ее по-хорошему, я даже смотреть-то не стану на вас добрыми глазами, [не отдам ее] покуда жива-здорова, покуда я лицу. Вот ведь несчастье, пришла ко мне беда! Имеющий в трех Сибир-землях полное имя, богатырь средней земли Коколдокон, зять мой, в каком состоянии ты? Попробуй с ними свои силы», — говорит.

Наш человек, Коколдокон средней земли, услышав такое, разве станет медлить? Свирепая его кровь прилила у него

к груди, злая кровь подступила к горлу, густая кровь спустилась в живот, храбрая кровь побежала к кулакам, с обоих висков вспыхнул серный огонь, с десяти пальцев забила ключом водянистая кровь его. После этого он побежал маленькими ножками навстречу авахи. Как только добежал до поля битвы, заговорил так:

— Кинггир-кинггири, кинггирмой! — Атаман авахов нижней земли, сначала — привет, потом — разговоры! Если спросите: «Откуда родом-племенем будешь?» — [отвечу]: «Отец мой — Иркисмон средней земли, мать — Куккумачан-красавица. Я — имеющий полное имя в трех Сибир-землях, Коколдокон средней земли». Коварный оборотень, прехитрая Баба Яга, ты знаешь, что сделала в старину. Наконец-то ты предстала предо мною, я увидел тебя своими глазами. Ни на кого другого ты не рассчитывай. Вот и встретились-таки мы оба. За какую вину ты замучила моего старшего брата с огоньками в глазах Чагилгана? Вот настал час моей мести! С какой игры мы начнем: будем перебрасываться мячом или постреляем друг в друга из лука? Или с самого начала попробуем биться голыми кулаками? Я на все готов. Если скажешь: «Мячом», вот он рядом со мной, скажешь: «Луком», тут же спущу тетиву, если же скажешь: «Голыми кулаками», немедля начну бить кулаками! Решай сама! — говорит.

Кончив говорить, этот человек стал ходить взад-вперед по площадке для поединка. А Баба Яга заговорила так:

— Лавир-лавир, лавирдо! — Имеющий Иркисмона средней земли отцом, Куккумачан-красавицу — матерью, с полным именем во всех краях трех Сибир-земель Коколдокон-хитрец, по какой дороге ты добрался до этой страны? Богатырь Бурунюк, брат мой, кажется, попался нам действительно сильный человек, берегись, крепись, стой наготове! Береги силы, чтобы начать биться, когда померкнет моя слава (т. е. когда ослабевать стану). Я же попробую побиться голыми кулаками с Коколдоконом средней земли. Когда же настанет мой смертный час, отправлю по ветру свои волшебные слова, ты спасешь мою жизнь, мое дыхание, — говорит.

После этого побежала к богатырю, именуемому Коколдоконом, протянув вперед [руку], загнув когти, оскалив зубы. Подбежав, пустила в ход когти и зубы. Этот человек начал вполю издеваться над ней, увертываясь и заставляя ее хватать воздух (букв.: сухое пространство). Когда та хватала [его] когтями, он увертывался, и она замахивалась так, что ломала о камни свои когти. Когда набрасывалась зубами, он, увернувшись, заставлял ее вгрызаться в валуны. Когда она думала, что этот человечек нагнулся, тот оказывался наверху, думала — он наверху, а тот согибался вниз, когда ударяла справа, он оказывался слева, когда же думала, что он перешел налево, — он оказывался справа. Этот Коколдокон начал издеваться над испокон веков славившейся Бабой Ягой, вынуждая

се падать на колено и там и сям и время от времени заставляя становиться на карабчи. Он бы мог сразу покончить с ней, если бы был намерен это сделать. Но, имея в виду прошлую вину, начал хлестать ее гибким овражным тальником, да так, что отделялись мышцы ее спины. Бил ее ивой веткой до того, что стали стукаться друг о друга ее железные позвонки. Потом Баба Яга повела такую речь:

— Лавир-лавир, лавирдон! — Эх, горе мое горе, досада какая! Я не думала, что за свой век потерплю такое поражение. Оказывается, может же родиться на средней земле такой человек-богатырь! Приходится мне умирать, ни разу не ударив его, и до чего же это обидно! Богатырь Буруннюк, брат мой, ну, как ты себя чувствуешь? Спаси мою душу, приди быстрее — говорит.

Коколдокон средней земли уже вогнал ее в мерзлую землю глубиной до трех саженей и с хрустом перерезал ей горло еще до того, как вдали отзвучали ее последние слова и пришел тот человек [ее брат]. Когда богатырь Буруннюк пришел, думая: «Спасу-ка [сестру]», — оказалось: виден только скелет Бабы Яги. Увидев это, Буруннюк-богатырь стал всматриваться глубоко сидящим глазом, чтобы найти богатыря. А Коколдокон стоял на той стороне поля битвы. Стоя, произнес такие слова:

— Кингир-кингир, кингирмой! — Авахи нижней земли, родившийся на земле с крупным градом Буруннюк-богатырь, сначала — привет, потом — разговоры! Если спросишь меня: «Откуда ты родом-племенем, мататкан, пришел?» — [отвечу]: «Отец мой — Иркисмон средней земли, мать — Куккумачан-красавица, дочь Геван-старика, я, имеющий полное имя во всех краях трех Сибирь-земель, Коколдоконом средней земли называюсь». Каким способом встретимся: будем мячом перебрасываться, постреляем ли из лука друг в друга или попробуем побиться голыми кулаками? Если намерен биться — приди, хочешь уйти — уходи, я на все согласен, — говорит.

А тот человек говорит так:

— Гунгир-гунгир, гунгиръе! — Богатырь, средней земли Коколдокон, богатырь-аи, хоть ты ростом и с ласточку, мысли твои смелые. Сам ты с воробья, но оказывается, храбрый мата. Хоть ты ростом и с чечетку, но смел. Глядя на меня, ты надумал тягаться со мной. Ну, давай-ка постреляем из луков, начну-ка, я постарше, — говорит.

После этого [Буруннюк] оторвал одну гору у подошвы, сказав: «Превратись в чугунную!» — и поставил ее перед собой. Наш человек вынул из правого кармана монету, сказал: «Превратись в серебряную гору!» — и бросил ее вперед.

Вот сын авахи, прострелив насеквоздь чугунную и серебряную горы, угрожающие стал надвигаться на Коколдокона и подошел так, что мог попасть [в Коколдокона]. Подступая так, он заговорил:

— Гунгир-гунгир, гунгирье! — Дважды девятисаженная железная стрела моя, до сих пор спасавшая мне жизнь, возьми с собой мои вещие слова: не остановись перед чугуном, не отскочи от камня, не страшись камня, пронзи самую середину черной печени Коколдокона средней земли! В былье времена ты беспрекословно слушалась меня, мы с тобой поразили девяносто девять богатырей, а неужели ты упадешь, не поразив сотового? — говорит.

Послышался звук [тетивы] лука, и засвистела стрела. Чугунная гора продырявилась, серебряная гора раскололась. Стрела сына авахи высунулась, нацеляясь прямо в середину печени Коколдокона. Наш человек Коколдокон средней земли увернулся и крепкой ладошкой ловко поймал пролетающую стрелу. Потом этот наш человек произнес такую речь:

— Кингир-кингир, кингирмой! — Атаман авахов нижней земли, богатырь Буруньюк, берегись — идет лук, приготовься — летит стрела! Ты скажешь, что я сильного богатыря погубил без предупреждения! Хорошего богатыря, не дав [ему] знать убил, — скажешь. Теперь настала моя очередь, твою стрелу [я] поймал рукой, а ты чем поймаешь? Друг мой, дважды восьмисаженный лук, стрела моя, возьми с собой мои вещие слова, пролетев крутясь-вертаясь, пронзи какой-либо хрящ сильного богатыря! — говорит.

После этого звук [тетивы] лука раздался, просвистела стрела. Она пронзила две горы. Сын авахи припал [к земле] и схватил пролетающую над ним стрелу, вонзив в нее железные когти. Тогда они побросали стрелы как попало, подбежали [друг к другу] и начали биться голыми кулаками. В твердой земле увязая по колено, в мягкой земле проваливаясь до бедер, бились они, беспощадно ударяя [друг друга] кулаками. Эти богатыри бились в течение трех суток на этой земле. Во время битвы наш человек Коколдокон задумался [над чем-то] и говорит так:

— Кингир-кингир, кингирмой! — Атаман авахов, богатырь Буруньюк, послушай мои слова. Когда кто-нибудь из нас, остановишь [в живых], придст на эту землю, будут нужны люди и скот. Не станем уничтожать деревья и траву этой земли, не будем пугать людей и животных. На небе для нас создана подходящая страна. Эта страна предназначена для богатыря, намеренного исходить все уголки трех Сибир-земель. В этой стране есть старшая дочь солница, старуха по имени Симэксин. Она разводит пылающий костер, на который не может взглянуть никто. Над костром подвешивает вертящееся колесо. На нем есть колечко, за которое можно ухватиться. Пойдем туда и там побьемся. Если и там не победим друг друга, отправимся в твою страну и, если там есть поле для поединков, будем биться. Если согласен, следуй, если же нет, возвращайся назад! Краткость разговора хороша, быстрота странствования не менее хороша, — говорит.

Окончив речь, перевернулся несколько раз, превратился в белую птичку и полетел, сверкая [белизной]. Атаман авахов [тоже] перевернулся несколько раз, превратился в трехглавого орла и шумно полетел следом. Эти богатыри, оказывается, держат путь в страну Симэксин-старушки. Во время пути, [уже] превратившись в крылатых птиц, они летели и бились, то царапаясь когтями, то клюя друг друга.

Эти богатыри поднялись на вершину верхней земли, и, как только они достигли страны Симэксин-старушки, этот Коколдокон заговорил так:

— Кингир-кингир, кингирмой! — Дочь солнца, Симэксин-старушка, бабушка, открыв дверь, прими поклон-привет! Пришел я, имеющий полное имя во всех краях трех Сибир-земель, богатырь средней земли, по имени Коколдокон. Если спросишь: «Зачем ты пришел?» — [отвечу]: «Я привел к твоему колесу одного богатыря, чтобы не встревожить страну людей среднего мира, чтобы не напугать рождающихся детей их». Разведи костер и запусти колесо, — говорит.

Выслушав его, Симэксин-старушка быстрехонько развела костер, запустила колесо. После этого сказал Коколдокон:

— Так как я привел [тебя], первым и буду пробовать.

И прыгнув к вertiaщемуся колесу, зацепился за колечко. Колесо завертелось, этот Коколдокон сделал девять оборотов. Во время этих девяти кругов колесо так быстро вращалось, что не было видно и человека. А Коколдокон невредимым спрыгнул на землю. Пришла очередь сына авахи. Прыгнул [он] к колесу, зацепившись за кольцо, начал вращаться. Сделав семь кругов, не выдержал и упал в пылающий костер. Начали [у него] стягиваться жилы ног и рук, обгорела脊на, со свистом стал лопаться живот. Но дойдя до такого состояния, разве умрет авахи без слов? Произнес он такие слова:

— Гунгир-гунгир — Ох, жарко-жарко, ну и мученье! Кто, кроме горевшего в огне, узнает, как тяжело сгорать? Хитрец Коколдокон средней земли, оказывается, очень хорошо знает, как легко можно убить богатыря. Пусть отныне никто из моего племени и не думает [биться] с ним. Ловкий хитрец этот матай! Такой уж у него внешний вид: что хорошего можно ожидать от человека, которого из-под багульника-то не видно? Ну и жарко, жарко, умираю, ой, беда, прости, прощай!

После этого наш человек обращается с такими словами к старушке — хозяйке страны:

— Кингир-кингир, кингирмой! — Дочь солнца, Симэксин-старушка, бабушка, вот убил я, принеся к твоему колесу и спалив, богатыря нижней земли, родившегося на земле с крупным градом, Бурунпока. Если бы ты не развела свой костер, то я бы не смог победить [его], пока не исходил бы все три Сибир-земли. Он был сильным и храбрым богатырем, ты же, предоставив свой костер,

избавила меня от мучений. Ни в какой стране не проношлось разрушение, и, убив его, я ухожу, не нанеся никакого ущерба. Я отправляюсь в дом богатыря верхнего мира Дюгирманди. В той стране у меня есть одно дело. И впредь, если мне нужно будет, приду к тебе. Я не знаю, как предстоит мне странствовать, а за помошь спасибо. Пусть не обидит тебя хитрый враг, прибывший из какой-либо страны, твоя судьба при тебе, моя судьба при мне, прости-прощай! — говорит.

Потом перевернулся несколько раз, превратился в белую иттичку и с шумом полетел в сторону родины Дюгирманди. А он разве задержится в знакомой стране? Быстро подлетает. Показалась, зеленая, страна Дюгирманди-богатыря: бегают взад-вперед его триста тридцать три холощеных олена, шевелятся три стада молодых оленей. Перевернувшись несколько раз, превратился [Коколдокон] в человека и завел такой разговор:

— Кинггир-кинггир, кингтирмой! — Шелковистоволосая Солкондор-красавица, подругой называемая подруга богатыря верхней земли, сына неба, матери по имени Дюгирмандя, открыв дверь, прими привет, сначала — привет, потом — разговоры! Если спросишь меня: «Какой мата, прия, заговорил?» — [отвечу]: «Пришел Коколдокон средней земли». Если же спросишь: «Как ты странствовал?» — [отвечу]: «Пришел, пространствовав очень хорошо». Я пришел, убив того атамана авахов, именуемого Сэввэнде, поджарив его на костре дочери солнца Симэкенн-старушки. Наш человек Дюгирмандя-мата вернулся или нет? Если вернулся, пусть примет привет, если же еще не вернулся, куда бы мне пойти? — говорит.

После этого хозяйка дома выскочила и, ведя за руку, ввела зятя Коколдокона и усадила его у серебряного стола. Сама вышла, два-три раза позвала [оленей], и три стада молодых оленей битком набились в тройной изгороди, длиной в три кочевки. Она выбрала из них трех холощеных оленей, забила [их] и быстро сварила мясо, грудой сложила его на столе. После этого приготовила разные блюда. Дюгирмандя-богатырь хотя и отсутствовал, но угощение получилось хорошее. Они хоть и были только втроем [мать, дочь, гость], [но] угощались, разговаривая, смеясь, рассказывая, играя, как тридцать человек.

В это время [когда они ели] везде стали сгущаться черные тучи, умножаться белые тучи, забегали красные тучи, подул ветер, полил дождь, повалил снег, задул сильный вихрь, загремел гром, засверкала молния, и чуть не сорвало чум, верхушки растущих листвениниц [изогнувшись] захлестали землю, высохшие деревья разом сломались. Прошел ветер, и не успели [они] оглянуться, как послышался щелестящий шум сильных крыльев, и [какая-то птица] опустилась у дверей, [стукнув когтями].

— Кида-кида, киладий! — Шелковистоволосая Солкондор-красавица, подругой называемая подруга моя, богатырь средней

земли, имеющий полное имя во всех краях трех Сибир-земель, Коколдокон, зять мой, открыв дверь, примите привет, потом будет разговор! Если спросите меня: «Откуда ты родом-племенем, мата, пришел?» — [отвечу]: «Выросший на верхней земле, сын неба, сделанный из тумана-марева, мата, именуемый Дюгирмандей, пришел». Если же спросите: «Как, постранствовав, вернулся?» — [отвечу]: «За то, что бился в течение целого года, мне присудили отдых на три года, и в течение трех лет сидел у духа-хозяина земли, превратившись в серебряный стол. Я кормил [всех] приходящих и уходящих, обеспечивая рождающихся, размножающихся, теперь я пришел. А моего противника авахи нижней земли, богатыря Сумуенду, за его грех, за то, что с самого рождения за все годы своей жизни охотился на людей-ай, ел [их] и питался их кровью, приговорили стоять в течение целых девяти лет в виде обгорелого пня. И он стоит, держась на ниточке, оставленной огнем у [его] основания. На него прохожие и все живые летающие и бегающие — все мочатся, испражняются, и проходят [мимо]. Осталось ему стоять еще целых шесть лет», — говорит.

Этот Коколдокон выскочил навстречу тестю и стал целовать [его] так, что опухли обе губы. Он за руку ввел его домой, к столу, придинул четырехугольную скамью и усадил его. А тот сел так, что сломал скамью, выбросил ее и, придинув шестиугольную серебряную скамью, сел. После этого стол накрыли еще лучше, приготовив еще больше блюд. Хорошо беседуя и играя, кончили есть, и богатырь Дюгирмандя, вытирая пот, начал говорить такие слова:

— Кида-кида, кидалий! — Имеющий отцом Иркисмана средней земли, матерью Куккумачан-красавицу, с полным именем во всех краях трех Сибир-земель зять мой, богатырь на этой земле именуемый Мэнгнониконом, мы оба пойдем на то поле, где встретились впервые, и поиграем, как умеем. Я покажу тебе, как играл в старину, а ты покажешь, насколько силен сейчас. Тогда будет хорошо на душе у меня и у тебя. И после этого, хорошо подготовившись, приготовив еду, соединим вас — тебя и твою подругу, ты согласен или нет? Если согласен, скажи: «Да», не согласен — «Нет» скажи, — говорит.

После этого Коколдокон, кажется, очень обрадовался:

— Я очень хочу поиграть, — говорит, — иу пойдем!

Эти два богатыря отправились на поле битвы. А домашние, глядя им вслед, остались дома. Смотреть было очень смешно: бедренная кость старшего [Дюгирманды] была в четыре пяди, голеная кость — в пять пядей, а ширина спины — в шесть пядей. И было очень смешно, что с таким человеком рядом шагает человек с рукавичку. Эти люди ушли и, разговаривая о том, о сем, играли, осматривая разметки для прыжков на одной ноге. Играя, так начали бороться. Во время борьбы Коколдокон не падал боком, как бы его тестя ни бросал:

— Ну, теперь ты попробуй свалить [меня], — просит Дюгирманда-богатырь.

Коколдокон, немного покружив, бросил его на спину. Дюгирманда-богатырь, увидев [это], заговорил так:

— Кида-кида, киладий! — Отцом имеющий Иркисмона средней земли, Кукумачан-красавицу — матерью, с полным именем во всех краях трех Сибир-земель, на этой земле Мэнгионикон-богатырь, зять мой, послушай же мои слова. В старину я не падал боком от двуногого, теперь состарился, что ли? Но все же ты, оказывается, силен не по росту, движения твоих рук, ног очень сильны. Поэтому-то ты побеждаешь атаманов авахи. И рождаются же от звонков такие богатыри! И все же неужели твой рост только таиков? Ты, наверное, хитришь. Было бы очень хорошо, если бы ты показался в своем настоящем облике, я бы был очень доволен. Если согласен, покажись в своем облике мне одному, — говорит.

Выслушав его, наш человек ответил:

— Если ты обещаешь никому не говорить, пусть будет так.

Потом они отправились к вершине гольца, упершегося в небо. [Коколдокон] на самой вершине [гольца] перевернулся несколько раз, и показался богатырь-ан Мэнгионикон в своем облике — в нигде не продавленном медном панцире. Дюгирманда-богатырь, подойдя к настоящему [Коколдокону], встал рядом, чтобы сравнить рост. Тот мата был выше на четыре пальца и на четыре пальца толще его. Увидев это, Дюгирманда, сказал:

— Вот потому-то ты и силен, никак не мог ты быть таким [маленьким]. Мой дочке попался хороший человек, ты, — говорит.

Потом они перевернулись несколько раз, превратились в белых птиц и полетели домой, шелестя [крыльями]. Опустились у двери и превратились в людей. Дюгирманда-богатырь заговорил так:

— Кида-кида, киладий! — Подругой называемая подруга моя, шелковистоволосая Солкондор-красавица, со следами, как ниточка. Инмэон-красавица, дочь моя! На мои слова раскройте чуткие уши, — давайте мы накроем стол! Нам больше не встретить такого хорошего богатыря. Прошло целых три года с тех пор, как я стал ходить с этим человеком. За это время я все изучил: его характер, его силу, равного ему нет ни в одном роде, во всех трех Сибир-землях. Если и родится лучше, сильнее его, то родится от него. Поэтому, нисколько не задумываясь, готовьте богатую свадьбу [и честь их первой] брачной ночи, — говорит этот человек.

После этого женщина по имени Солкондор одела свою дочь с головы до ног в шелковую одежду. Потом два-три раза позвала [оленей], и три стада молодых оленей битком набились в место, окруженное тройной изгородью в три кочевки длиной. Из них выбрали трех самых больших холощенных оленей, трех лучших яловых самок, забили их и сварили. На серебряный стол нагромоздили кучи мяса и, собрав всех родственников, населились в тече-

ние девяти суток, угощаясь свадебной едой. И пошли рассказы, разговоры, и маленькие люди, и все до единого большие люди — все поголовно радовались, и прошла очень богатая свадьба.

Так сошлись юноша с девушкой, стали хозяевами дома, развели [семейный] очаг. Мудрые старцы благословили [их] — размножить скот, родить детей; предсказали судьбу предсказатели, пели разные песни, все усердно благодарили и усиленно благословляли [молодых].

Вот и прошла свадьба, прекратились игры. После свадьбы наш человек Коколдокон средней земли сел напротив тестя сына неба, Дюгирманди, и повел такую речь:

— Кингтир-кингтир, кингирмой! — Родившийся на верхней земле сын неба, рожденный из тумана Дюгирмандя-старик, тесть мой, шелковистоволосая Солкондор, теща моя, мои искренние слова, подробную исповедь почувствуйте нутром, поймите разумом, раскройте свои уши! Если спросите: «О чём?» — [отвечу]: «Мудрые старцы говорили, что добрый молодец, женившись на девушке, везет ее на свою родину. Вот и настала пора моего отъезда на родину. Как по-вашему, как думаете, скажите свое мнение. Подругой называемая подруга моя, со следами, как ниточки, Имэкон-красавица, ты тоже скажи свое мнение, не задерживай». Кингир-кингтир, кингирмой! — говорит.

Выслушав его, Дюгирмандя-мата отвечает ему:

— Кида-кида, киладий! — Отцом имеющий Иркисмана средней земли, Куккумачан-красавицу — материю, с полным именем во всех трех Сибир-землях: на нижней земле Сэлэрguna — чуткий из чутких Сэнгокчон, на средней земле — завернутый в рукавицу Коколдокон, зять мой, мои слова почувствуй нутром, пойми разумом, раскрой свои уши! Ты говоришь совершенно правильно: по-моему, мудрые старцы всегда были опорой, и ты сам не ошибся. Я-то сам согласен. Подругой называемая подруга моя, шелковистоволосая Солкондор, дочерью называемая дочка моя со следами, как ниточки, Имэкон-красавица, вы тоже выскажите свое мнение, изложите подробно. Я говорю: «Уезжайте», а потом благословляю [вас] добрым словом. Благополучно доберитесь до родины, доброго вам пути. Обзаведитесь своим домом, разведите семейный очаг, постройте изгородь для оленей, родите детей, одевайтесь в одежду, разбогатейте. Если случится какая-нибудь беда, укоротятся [ваши] длинные мысли, сувятся широкие спины, отправьте по ветру свои вещие слова! Где бы я ни был, не премину прибыть, как только услышу — спасу ваши души — Кида-кида, киладий! — говорит.

После этого шелковистоволосая Солкондор-красавица говорит так:

— Дэгри-дэгри, дэгримой! — Богатырь верхней земли Дюгирмандя, мой друг, богатырь средней земли Коколдокон, зять мой, мои слова почувствуйте нутром, раскройте свои уши. На мой

взгляд, почему может быть неправильным ваш разговор, конечно же, вы правильно говорите! А разве в старину в разговоре не употребляли поговорку: «Молодая девушка должна принадлежать чужеродцу!», ведь не только я [так говорю]. Поэтому мне кажется [все] правильно. Дочь моя со следами, как ниточка, Имэкон-красавицей именуемая, дитя мое, не раздумывая, собери свое приданое. Возьми с собой мое серебряное нагрудное украшение и держи всегда при себе, пока не поседеют твои шелковые волосы. Оно понадобится тебе в течение всей жизни. Если скажешь: «Стань хорошей одеждой!», — станет одеждой, если скажешь: «Стань богатством!», — станет богатством. И то золотое кольцо, надетое на мизинец, тоже храни, не теряй, поси на себе. Оно может превратиться в стадо молодых оленей. Храни у себя этот четырехугольный ящичек, и он может стать выюками с богатством, расставленными в три ряда. В ту дальнюю страну будет очень трудно гнать скот и оленей, и коней; [но] если довезешь то, я тебе завещала в целости, [то] это достаточно обеспечит вас. Еще даю вам молодого коня с золотой шерстью. Садитесь на него верхом и уезжайте! Пусть никто не мешает вам, не уступайте двуногому, не падайте от широкогрудого, не спотыкайтесь от имеющего суставы. — Дэгри-дэгри, дэгрикой! — говорит.

После того, как эти люди-эвенки так подробно [все] обсудили, женщина по имени Солкондор одела свою дочь с ног до головы в красное сукно, подбитое мехом чернобурой лисицы, и вручила все, что подарила. Потом подвела рыжего молодого коня, стоявшего на привязи в течение девяти суток.

После этого наш человек, Коколдокон средней земли, с жепой ловко вскочили на золотое седло молодого коня, направили его в сторону родины Коколдокона и помчались. Они ехали так [быстро], что конь копытами отрывал [левые] бугры, обрушивал ямы и ложились растущие деревья, а высокие деревья ломались. А конек бежал все более стремительно, оставляя за собой оторванные [копытами] пласти земли с коврик [величиной], а вперед выбрасывая комья земли [величиной] с рукавицу. Во время движения наш человек, Коколдокон средней земли, обернувшись, обратился к тестю с тещей с прощальным словом.

— Кингир-кингир, кингирмой! — Богатырь верхней земли, сын неба, сделанный из тумана богатырь Дюгирмандя, тесть мой, шелковистоволосая Солкондор-красавица, теща моя, вы подумаете: «Будучи сильным богатырем, уехал без прощального слова». [Но] ведь у нас с вами два пути: ваша судьба — вам, а наша — нам. Неизвестно, когда я приеду, но все же обязательно навещу [вас], навсегда я не уеду. А когда станете умирать, отправьте с ветром свои вещие слова. Где бы ни был я, не пропущу, услышу и спасу ваши жизни. Ни в коем случае авахам не дам [вас] в обиду. Я такой мата, который, не жалея ни здорового тела, ни

крови, пройдет ради вас по всем краям трех Сибир-земель. Кинггир-кинггир, кинггирмой! — говорит [заканчивает речь].

После этого они [поехали]. Сказать: «Летят к стране Коколдока, и месту, где в старину жил Геван-старик», [нельзя] — не летели [они], ехали очень быстро. В сказке разве можно задержаться — вот уже Коколдокон приехал на родину, и конь резко остановился (букв.: разрыл мордой землю) у коновязи, где привзывают быстроногого коня. [Коколдокон] спрыгнул с коня. Потом он не успел взглянуть в сторону дома, как распахнулась дверь. Вышел один храбрый воин и, взглянув на [Коколдокона] острыми, как угольки, глазами и наделиваясь дважды-восьмисаженным луком, сказал так:

— Угэло-угэло, угэндор! — Это откуда родом-племенем мататкан пришел? До чего же молниеносен и странен твой приезд! С каким намерением, с каким срочным делом ты прибыл? Быстро выскажись, изложи подробно. А если спросишь меня: «Откуда родом-племенем, мата, являешься?» — [ответчи]: «Отец мой — родившийся на верхней земле лучший из иноплеменников, почтенный из гостей, одетый в серебро сын солнца, Дергэлдин, мать моя — младшая дочь Геван-старика Секак-красавица, а именуют меня Хуркокчоном верхней земли, имеющим пегого молодого коня с природным золотым седлом и звенящей золотой уздой». Если же ты убийца, то я первый выстрелю — я хозяин земли; а то скажешь: «Смелого человека убил без предупреждения». Ну, идет оружие — берегись, летит стрела — приготовься! Вот моя стрела вонзится в середину черненькой печени, — сказал он, и взвизгнула [его] мизинец, взревел указательный палец, зазвенела тетива, сплетенная из шкуры дикого оленя, засвистела стрела, наделиваясь прямо в середину печени Коколдокона. А наш человек отскочил в сторону, увернулся от стрелы. После этого Коколдокон повел такую речь:

— Кинггир-кинггир, кинггирмой! — Отцом имеющий богатыря верхней земли, сына солнца Дергэлдина, Секак-красавицу — матерью, Хуркокчон верхней земли, двоюродным братом называемый брат мой, сначала — привет, потом — разговоры! Если спросишь меня: «Откуда ты родом-племенем, мата, будешь?» — [ответчи]: «Отец мой — Иркисмон средней земли, мать моя — старшая дочь Геван-старика Куккумачан-красавица, я, имеющий полное имя во всех краях трех Сибир-земель, на нижней земле именуясь чутким из чутких Сэнгокчоном, на средней земле — Коколдоконом средней земли, на верхней земле — садящимся верхом на богатырской птице Мэнгиониконом, мататкан я». А ты-то вот чем обеспокоенный стреляешь? До чего ж ты вспыльчив! Если бы я был плохим, слабым богатырем, тут же ты мог убить меня. Будучи ловким человеком, я и то едва успел увернуться. Подожди-послушай, мы не убивать тебя приехали. Вернулся я, исходив с определенным намерением все края трех Сибир-земель. Вернулся я, взяв

[ту, которая] когда мне был один год [была предназначена мне] с одного года в швей, с двух лет — домохозяйки, с трех лет — служаные, подруги. И Куккумачан-красавица, мать мои, Секак-красавица, тетушка моя, с огоньками в глазах Чагилган, брат мой, сын солдата Дергэлдин, зять мой, готовьте угощение для нашей свадьбы в честь брачной ночи в родном доме с моей подругой, имеющей следы, как ниточки, Иимэкон-красавицей. Кинггир-кинггир, кинггирмой! — говорит.

Тот человек, выслушав его, сильно испугавшись, говорит так:

— Угэло-угэло, угэндор! — Ну и ну, что же я делаю, как стыдно мне! Эх ты, горе какое! Жалко-жалко, — уважаемого, двоюродным братом называемого брата своего чуть не убил [наповал]. Имеющий полное имя во всех краях трех Сибир-земель Кокодокон средней земли, двоюродный брат мой, сначала — привет, потом — разговор! За первую мою повинность не сердись на меня, ведь говорили же, что совершаются ошибки двуногим! Я, оказывается, уже забыл, что имею такого двоюродного брата, как ты. Я выстрелил потому, что принял тебя за убийцу, потому что приезд твой был молниеносным. Ты и вправду храбрый человек, раз увернулся. У тебя такая судьба, что не умрешь от стрелы эвенка-человека. И Куккумачан-красавица, тетушка, Секак-красавица, мать моя, быстро приготовьте этим приезжим людям одежду и еду, — говорит.

Услышав это, Секак-красавица открыла дверь, быстро вышла, взяла за руки невестку, ввела и, посадив обоих за четырехугольный стол, села напротив и стала говорить:

— Кимо-кимо, кимонин! — Племянником называемый племянник мой, имеющий полное имя во всех краях трех Сибир-земель Кокодокон средней земли, невесткой именуемая невестка моя со следами, как ниточки, Иимэкон-красавица, примите поклон-привет, сначала — привет, потом — разговор! Простите нашего юношу за его шалость, а завтра я его поругаю как следует. Кокодокон, племянник мой, хорошо, что ты постравствовал благополучно, таким и должно быть странствование доброго молодца. И вот новый человек, невесткой называемая невестка моя, прими поклон-привет, сначала — привет, потом — разговор! Если спросишь меня: «Откуда ты родом-племенем, женщина, будешь?» — [ответчи]: «Я — младшая дочь Геван-старика, именуемая Секак-красавицей». А теперь давайте же быстро готовить угощение [в честь] приезда наших детей. Соберите быстро три стада молодых оленей, сделаем хорошую, счастливую свадьбу, благословим их на жизнь с разведением оленей, пожелаем обзавестись домом-очагом и родить детей. Соберите много народа, долину полную соберите родственников-мужчин и полный мыс родственниц-женщин, организуйте [свадьбу]. Благословители пусть благословляют, кто хочет радоваться, пусть радуется, игроки пусть играют! — Кимо-кимо, кимонин! — говорит [заканчивает речь].

После этого они два-три раза кликнули три стада молодых оленей, и олени битком набились в изгородь окружностью в три коченки. Эти люди к далеко живущим поехали гакопом на быстрононгих трехгодовалых оленях. Близко живущих старых людей привезли на смириных оленях, ведя [тех] за недоузки. Забили трех самых крупных холощеных оленей, трех лучших яловых воженок, трех самых лучших яловых кобылиц и устроили свадьбу-пир. Пили, ели, угощались эти люди в течение девяти суток, не замечая [времени]. После свадьбы начались игры для рук и ног. Во всех этих играх не оказалось ни одного человека, равного Коколдокону и Хуркокчону верхней земли, поэтому: «Среди богатырей среднего мира совсем нет равных им», — сказали.

После этого имеющий отцом сына солнца Дергэлдина, имеющий матерью Секак-красавицу мата, именуемый Хуркокчоном верхней земли, глядя на своих людей, повел такую речь:

— Угэло-угэло, угэндор! — Матерью называемая мать моя, отцом называемый отец мой и Коколдокон средней земли с полным именем во всех краях трех Сибир-земель — вы все, послушайте мои слова! Я больше не возмужаю (букв.: больше у меня и рога не вырастут, и копыта не появятся). Не пора ли мне отправиться в странствование, как положено странствовать добруму молодцу? Если спросите: «Ради чего ты хочешь странствовать?», то [отвечу]: «Мой двоюродный брат Коколдокон, исходив все края трех Сибир-земель, привел же [подругу, предназначенную быть] с одного года швеей, с двух лет домохозяйкой!». Кто-нибудь из вас укажите подходящую для меня землю, чтобы и я так [как он] постранировал. Старшие, наверняка, вы знаете [такую землю]. Я не испугаюсь, как бы ни была она далека! — говорит.

Услышав это, Секак-красавица заговорила так:

— Кимо-кимо, кимонин! — Хуркокчон верхней земли, сыном называемый сын мой, ты произнес очень важную речь. Я хорошо выслушала ее, почувствовала своим нутром, вложила в уши, поняла разумом. Поэтому хотя ты еще и не возмужал и твои суставы еще не укрепились, тем не менее я дам [тебе] совет как умею, тобой распорядится судьба. Если согласишься — пойдешь, не согласишься — не пойдешь. Не понравится [мой совет] — твой отец или двоюродный брат [Коколдокон], вероятно, знают другую землю. Тем не менее, я первой попробую указать путь: когда пойдешь вверх по течению большой реки с истоком на восток, [увидишь] три одинаковых ее притока. Пойдешь вверх по среднему притоку, будешь идти очень долго (букв.: будет очень далекой страной). Дойдешь до верховьев притока, там будет другая река, перейдешь ее, дойдешь до широкой реки, когда перейдешь — окажется еще большая река. У ближней реки будет чистая прозрачная вода, у средней вода цвета синего шелка, а у дальней реки вода из крови людей-аи. Присмотришься внимательно — [увидишь] плавник — трубчатые кости людей и камни — позвонки

людей. Когда пройдешь их и полетишь вверх, пролетишь большое расстояние, тогда будет очень красивая, с неувидаемой, никем не помятой травой страна, самая большая из чужих земель, самая отличная из иноземных стран. В той стране одноко живут самый главный хозяин Чолбондор-старик и Опподор-старуха. У них есть три дочери, среднюю из них именуют всепобеждающая указательным пальцем богатыря Унгпук-красавица. Иди и попытайся просить ее [руки], согласится или нет? Если не согласится, то ты [зря] потерпишь много бедствий. Если спросишь: «Как далеко [та страна]?», то летающая на крыльях [птица], трижды снесши яйца, сможет достичь ее, прыгающий по земле четвероногий зверь, родив девять раз, сможет достичь ее, такова земля, до которой ты должен дойти. Если подходит, скажи: «Да», не подходит — скажи: «Нет». — Кимо-кимо, кимонин! — говорит.

Выслушав ее, Хуркокчон верхней земли говорит: «Как же не понравится такая хорошая страна, непременно пойду!». И так обрадовался, что весь затрясся и начал тут же собираться в дорогу. Посмотрел он на своего пегого быстроногого молодого богатырского коня с природным золотым седлом и звенящей золотой уздой — стоит привязанный к коновязи. [Хуркокчон] осмотрел его спереди и сзади — конь и вправду, оказывается, красив собой: голени его [были], как лиственницы без коры, икры ног — как ели с ободранной [корой], бедренные кости [были ладны], как вырезанные, хвост его был высоко поднят, как при галопе от испуга — был он ладным-статным конем. Этот человек [Хуркокчон] ловко, как черный глухарь, вскочил на своего молодого коня, направил его к истокам большой реки и помчался так [быстро], что конь копытами срывал бугры и обрушивал [края] ям.

Отправляясь в путь, он обратился с такой речью:

— Угэло-угэло, угэндор! — Вы — вся моя родня: мать с отцом, невестка с двоюродным братом, может, вы подумаете, что я, будучи храбрым человеком, уехал без прощального слова. Как вы знаете, я отправился в далекую широкую страну. Неизвестно, когда я вернусь, если сказать очень скоро — через год явлюсь, если сказать не очень быстро — через два года, а если сказать долго — вернусь через три года. До моего возвращения пусть вас никто не обидит, живите [хорошо]. Если же придет время, когда начнут укорачиваться ваши мысли, начнут суживаться ваши широкие спины, свои веющие слова отправьте по ветру, где бы я ни был — не пропущу, услышав, спасу ваши души. Ваша судьба — вам, моя судьба — мне! — Угэло-угэло, угэндор! — говорит.

Затем Коколдокон держит такую речь:

— Кингир-кингир, кингирмой! — Двоюродным братом имеемый двоюродный брат мой, имеющий отцом сына солнца Дергэлдина, имеющий матерью младшую дочь Геван-старика Секак-красавицу, имеющий молодого коня Хуркокчон верхней земли, мои слова пойми разумом, почувствуй нутром, раскрой уши,

пойми из пяти слов одно, из десяти пять. Из этой страны возвращается только сильный, храбрый человек, а хилый, слабый человек не возвращается. Поэтому ты, если даже потерпишь поражение, не бойся, думая: «Потерпел поражение», если же победишь, не кичись, думая: «Я победил». Если будешь странствовать, не спеша и спокойно обдумывая, то ты вытерпишь [тяжоты] странствования. В той стране есть один сильный богатырь. Говорили, что есть мата, имя которого наступающий на вершины хребтов, заросших кустарником, Отани-богатырь, [он] — братом имеющим брат той девушки, [к которой] ты сватаешься. Есть и еще богатырь посильнее его, мата по имени выросший, прячась в лиственничном лесу, Ираглинде. Если поступишь [с ними] опрометчиво, то будет плохо. Тем не менее, говорят, что мысли у доброго молодца тверже камня: глазами не мигай, ступиши ногами — не отступай, не уступай двуногому, побеждай двурукого, не падай от широкогрудого, боком не падай от крутобокого, не спотыкайся от имеющего суставы, постранствуй, как добрый молодец! Покровительница твоя пусть укажет путь, а создательница пусть встретит [тебя]! Пусть будет твоя судьба с тобой, моя судьба — со мной! И прости, прощай! — говорит.

После этого Хуркокчон верхней земли поехал вперед. Долго ли, коротко ли ехал, сам не знал. Он ехал, узнавая лето по росе, осень по граду, зиму по снегу, осевшему на ветвях деревьев, а раннюю весну по пушистым снежным хлопьям. Как предсказывала Секак-красавица, [он] переехал три реки и полетел вверх. Разве он задержится [в пути]? Кажется, вот-вот приближается к стране Чолбондор-старика. Доехал до страны с вечнозеленой, никем не помятой травой и увидел, подумал: «Березняк» — оказалось стадо белых холощеных оленей, подумал: «Заросли тальника» — оказалось стадо отборных холощеных оленей, подумал: «Камни» — оказались пестрые яловые олени, подумал: «Тальники» — оказались олени-самцы. [Хуркокчон] склонился, думая: «Вероятно, они очень богатые люди». [В это время] верхом на пестром олене быстро приближался окутанный черным туманом мата в шапке из шкурки головы пестрого оленя, в дошке из шкуры, в рукавицах из камусов с передних ног, в унтах из камусов с задних ног [того] оления. Приближаясь, он обратился [к Хуркочону] с такими словами:

— Лирве-лирве, лирве! — Хуркокчон верхней земли, имеющий отцом сына солнца Дергэлдина, матерью — младшую дочь Геван-старика Секак-красавицу, имеющий пегоего молодого коня, для приличия прими привет, потом пойдут разговоры! Если спросишь меня: «Откуда родом-племенем мата пришел и навязываешься со своим приветом и благодарностью?» — [то отвечу]: «Я слуга сыновей Чолбондор-старика, имя мое ездящий верхом на пестром олене, в пестрой одежде Бокалдын. Бессовестный разбойник, ты приехал, чтобы прослыть мужем нашей девушки (букв.: взявшим нашу девушку)! Я никак не боюсь того, что ты

вырос, нарастив на животе своем сало с мяса серых холощеных олений, [не боюсь того], что от мяса черных холощеных олений потемнела [твоя кожа], что раздобрел [ты] от мяса темносерых холощеных олений Геван-старика! Сию же минуту рассеку тебя падвое ударом своего березового посоха и правую половину тела брошу палево, а левую половину — направо! — говорит.

Сказал и сразу подъехал и ударил березовым посохом по макушке [Хуркокчона]. С нашим человеком ничего не случилось, даже не останавливалась, подхватил посох [Бокалдына] и ударил его самого по макушке. И тот раскололся надвое по среднему шву черепа, по середине грудной клетки и прямо по промежности. Этот человек разбросал его тело по обеим сторонам тропы. После этого Хуркокчон верхней земли доскаль до чужеродцев, хозяев места и, остановившись у коновязи, где привязывают богатырского скакуна, привязал своего молодого коня. Приезжий человек повел такую речь:

— Угэло-угэло, угэндор! — В самой большой из чужих стран, на земле, отличающейся от других стран, вы, старейшины верхней земли, родившиеся единственными хозяевами ее, Чолбондор-стариком и Оннодор-старушкой именуемые старцы, откройте дверь, примите низкий поклон! Сначала — привет, потом — разговоры! Если спросите меня: «Откуда родом-племенем мата пришел?» — [то отвечу]: «Отец мой — богатырь верхней земли сын солнца Дергэлдии, мать моя — младшая дочь Геван-старика Секак-красавица, я, ездящий верхом на молодом коне с природным золотым седлом и звенящей золотой уздой, Хуркокчон верхней земли». Если же спросите: «Ради чего ты приехал в такую далекую страну?» — [то отвечу]: «[До нас] дошла весть о славном имени вашей средней дочери, всенобеждающей указательным пальцем богатырии Уянитук-красавицы, ради нее я и ехал так упорно и настойчиво». «Почему?» — спросите, [то отвечу]: «Я приехал договориться [с вами] о подруге, которая должна была стать мне с одного года швеей, с двух лет — домохозяйкой, с трех лет — суженой. Какой ответ дадите вы, старцы? Отдаете [дочь] или нет, скажите сразу. Не заставляйте ждать путника, не задерживайте странника! Если даже вам не нравится [мое предложение], как по-вашему: как я вернусь [домой один], приехав в такую далекую страну? Поэтому быстро скажите [своё решение!]» — говорит.

После этого послышались со стороны дома шаги тяжелых ног, распахнулась дверь и вышел человек несомненно богатырского сложения. Посмотрел на него [Хуркокчона] недобрими глазами и направился навстречу. Подходя, он заговорил так:

— Октани-октани, октани! — Вот Хуркокчон богатырь верхней земли, имеющий молодого коня с природным золотым седлом и звенящей золотой уздой, прими низкий поклон! Сначала — привет, потом — разговоры! Если спросить меня: «Откуда ты родом-племенем, мата, будешь?» — [то отвечу]: «Отец мой Чолбондор-стар-

рик, мать моя Оннодор-старушка, имя мое наступающий на вершины [гор], заросших тальниками, Отани-мата, богатырь верхней земли, богатырь-аи». Что же ты так пренебрегаешь мной или настолько глуп? Ты совершил такой тяжкий проступок, да тебе еще нужна жена! Ведь ты убил такого хорошего парня по имени Бокаалдын и как враг-авахи, угощаясь мясом нашего же парня, хочешь сыграть свадьбу? Ох, как досадно, горе мне! За такое твое отношение к нам сейчас же своим указательным пальцем вырву твою становую жилу, кровью твоей поиграю, разбрзгивая ее по небесной радуге и тем дополню ее еще одним цветом! Позабавлюсь, составляя из ребер твоих остав чума и разбрасывая позвонки твои по морской гальке! Если намерен прийти — быстро приходи, намерен вернуться — быстро возвращайся! Если [осмелиться] подойти, [то] я заставлю тебя падать, хотя у тебя и упругие сухожилия, заставлю спотыкаться, хотя у тебя и богатырские сухожилия! Бессовестный разбойник, наконец-то ты пошелся, сам пришел-таки! — говорит.

Сказав так [он], твердо ступая, направился к месту поединков богатырей. А наш человек [Хуркокчон], услышав слова того человека, разве стерпит — сильно рассердился и побежал следом за ним, увязая в мягкой земле до бедер, в твердой земле по колена. Так два богатыря-аи и встретились между собой. Они начали энергично биться своими темными кулаками, не уступая [друг другу в силе]: звуки от ударов кулаков раздавались по небу, звуки от ударов пяток эхом отдавались по земле, упираясь и расщепляя высокие деревья, сдирая кору растущих деревьев, подняв, [оши] носили друг друга, растаптывая горы, излучины рек, превращая в ямы, в мягкой земле увязая до бедер, в твердой земле по колена, вот так бились [оши]. Долго ли, коротко ли бились — они не знали. Во время битвы противник [Отани], вероятно, очень устал: там и сям начал падать на четвереньки, начал припадать на колени, помутился его разум — начал [он] угрожающе подходить к камням, говоря: «Мой парень», начал обнимать валуны. Укоротились его длинные мысли, сузилась его широкая спина. Наш человек [Хуркокчон] с каждым ударом кулака заставлял [его] терять сознание, с каждым ударом приводил в смятение, после каждого пинка брал верх [над ним]. Доведя его до такого состояния, [Хуркокчон] не стал медлить — тотчас бросил [его], и [тот] ушел в землю на три сажени. [Тогда Хуркокчон] своим ножом [ширикай] в четыре пальца собрался перерезать ему горло. Противник, отталкивая вверх руку [Хуркокчона] с ножом, заговорил так:

— Октани-октани, октани! — Богатырь верхней земли Хуркокчон-мата, мои страстные слова прочувствуй нутром, пойми разумом, раскрой уши! За какую вину перед тобой ты так надо мной изdevаешься? За мной нет никакого греха — я не переступал твой длинный путь, не пересекал землю, по которой ты ходил. Я по-

страдал, лишь жался своего парня и защищая свою сестру. Твоего я ничего не отбирал, ничего плохого не делал тебе, поэтому пощади хоть мою жизнью! В какой стране ты видел, чтобы жених убивал брата невесты? Хоть ты и силен и можешь победить, но ты молод и должен дорожить своим добрым именем. Бесстыжий, я не знаю, как наша девушка добровольно выйдет за такого, [как ты]. Много за тобой вины, даже [победив меня], ты не вернешь [ее]. Здесь я не один, есть богатыри сильнее меня. Братом называемый брат мой, выросший в лиственничном бору Ирэглииде именуемый мата, мои вещие слова пойми разумом, прочувствуй нутром и раскрой уши! У меня сузилась широкая спина, укоротились длинные мысли, пришел смертный день, приди же быстрей, спаси мою душу! — говорит.

Сразу после этого, гулко ступая по земле, стал приближаться один мата. Наш человек [Хуркокчон], услышав шаги, посмотрел на приближающегося — оказалось, идет мата ростом выше Отани-мата и сложением лучше его. Подошедший заговорил так:

— Лингкир-лингкир, лингкирье! — Ну же, ну же, Хуркокчон верхней земли, прими низкий поклон! После этого поговорим! Если ты спросишь: «Откуда родом-племенем мата, придя, заговорил?» — [отвечу]: «Я родной брат измученного тобой человека, имя мое выросший, прячась в лиственничном бору, Ирэглииде. За какую большую вину ты мучаешь этого мату? Ох, досадно! Ненавижу [тебя], горе мне! Сейчас же я заставлю тебя спотыкаться, указательным пальцем выдерну позвоночную аорту. Если ты пренебрегаешь нами и тебе стало некуда деть свою неиссякаемую энергию, [я] заставлю тебя припадать на колени, кровь твою заставлю стечь в [широкую] грудную клетку и поиграю ею, разбрызгивая ее по небесной радуге, поиграю, позвонки твои разбросаю по морским камням! Потом не сердись на меня, если придет смерть, на меня не обижайся, пеняй на себя. — Лингкир-лингкир, лингкирье! — говорит.

Как только сковал, не стал медлить — посохом из целой лиственницы ударил [Хуркокчона] прямо по макушке. А наш человек оказался из таких матов, которые могут выдержать и такое — лиственничный посох разломался, и от него не осталось и пяди. И наш человек начал ожесточенно доабить его темными кулаками. Бились они сильно, энергично, холмы превращая в ямы, сдирая кору растущих деревьев, расщепляя высокие деревья, в мягкой земле до бедер, в твердой земле по колена увязая. Долго ли, коротко бились — они не знали. Два мата равно бились. Бились они, узнавая лето по росе, осень по граду, зиму по снегу, осевшему на ветвях деревьев, а весну по пущистому снегу. Они бились целый год без передышки. Между тем наш человек, Хуркокчон верхней земли, начал брать верх над противником: от каждого удара [тот] падал на четвереньки, от каждого стука терял силы, от каждого пинка слабел. Противник постепенно ослабевал, су-

живалась его широкая спина, укоротились его длинные мысли. После этого наш человек тотчас бросил его на землю [так, что тот] на три сажени [ушел в нее], Хуркокчон трижды обвил свою левую руку его волосами в три пяди и, таская его по земле, хлестал овражным тальником, бил по спине гибким прутиком. Для противника наступил смертный день, тогда он заговорил так:

— Лингкир-лингкир, лингкирье! — Хуркокчон верхней земли, подожди, послушай! Мои страстные слова пойми разумом, прочувствуя нутром, раскрой уши! За какую вину ты так расправился со мной? Я никогда плохого тебе не делал. Ведь человек-аи не должен убивать человека-аи! Говорят, большой грех, если он убьет. Поэтому не лишай меня жизни. Теперь я с тобой не буду спорить. Меня не убивай, иди и поговори сам с моей сестрой Уньяптук-красавицей, богатыршей, всепобеждающей указательным пальцем. Согласится ли, нет ли (букв.: отдаст ли свое будущее)? Может, и не согласится, она такая девушка, которую не возьмешь, пока не исходишь все три Сибир-земли и не победишь ее. [Она] добровольно все равно не выйдет [за тебя]; если ты настоящий мата и сможешь победить ее, только тогда ты возьмешь ее, — говорит.

Наш человек, выслушав его, подумал: «И вправду, если я убью человека-аи, мне будет плохо» и помог встать [Ирэглиnde] на ноги, потянув его за руку. После этого он отправился к той девушке. Дойдя до дома девушки, повел он такую речь:

— Угэло-угэло, угэндор! — Уньяптук-богатыра, открой дверь, прими низкий поклон! Сначала привет, потом разговоры! Если спросишь меня: «Откуда ты родом-племенем, мата, будешь?» — [отвечу]: «Отец мой — лучший из чужеродцев, родившихся на верхней земле, почтенный из матов, одетый в серебро, сын солнца Дергэлдин, мать — младшая дочь Геван-старика Секак-красавица, пришел я, Хуркокчон верхней земли». Если же спросишь: «Ради чего ты приехал?» — [отвечу]: «Я пришел к тебе, думая, что ты должна была бы стать для меня с одного года швесей, с двух лет домохозяйкой, а с трех лет суженой, подругой. Какой ответ ты дашь, выскажись откровенно, скажи, не задерживаясь! У твоих братьев я спросил по-доброму, а они не согласились, оба бились со мной, но не победили. Они сказали: «Иди сам и поговори с ней». Вот я сам и пришел поговорить с тобой. Я человек, который не-пременно увезет [тебя с собой], пойдешь ли ты или нет. По-доброму выходишь за меня или по-худому? Я готов на все и могу исходить все три Сибир-земли. Быстро скажи свое решение, говори, не задерживай! Не заставляй ждать странника, не задерживай путника! — Угэло-угэло! — говорит.

После этого Уньяптук-богатыра вышла из дома и заговорила так:

— Гуре-гуре, гурене! — Богатырь верхней земли, Хуркокчоном именуемый мата, прими привет! Сначала — привет, потом — разговоры! Если ты очень хочешь выслушать меня, то думаю, что

я тоже смогу поговорить с добрым молодцем. За такого дерзкого мату, как ты, с наглыми мыслями я по-доброму не пойду. Если ты и вправду смелый мата, то возьмешь меня (букв.: мое будущее), одолев меня силой, если же не сможешь — не возьмешь! — Гуре-гуре! — сказала и пустилась бежать.

Наш человек схватил ее за руку, но девушка ребром ладони [другой] руки ударила так по руке [Хуркокчона], что тот выпустил ее, [она] убежала. Молодец разве будет стоять — погнался за девушкой, хватая рукой. Эта девушка побежала к морю, противоположные берега которого не были видны, [через море] перебежала по проволоке, протянутой над морем.

А наш человек Хуркокчон верхней земли легко и быстро следом бежал по проволоке. Девушка перебежала три таких моря, а наш человек постепенно догонял ее, бежал, задевая руками. А девушка добежала до скалистой горы, превратилась в иголку и ловко вошла в [расщелину] скалы. Наш человек не смущился и от этого, перевернулся трижды, превратился в трехгранный железный колышек, вошел в ту же расщелину, куда вошла девушка. [Он] сильнее, чем девушка, раздробил скалу и начал догонять ее. А девушка едва убежала из скалы, превратилась в белую птичку и взлетела вверх. Наш же человек превратился в сокола, полетел ей вдогонку. Молодая девушка летела и летела далеко ввысь, долетела до самого поднебесья, опустилась на поляну, покрытую никем не помятой вениковленой травой, превратилась в человека и начала говорить так:

— Гуре-гуре, турене! — Хуркокчон верхней земли, бессовестный разбойник, с лицом, как подошва, с гнилым сердцем, с гнойной печенью, ты что, принимаешь меня за Отани-мату, наступающего на вершины гор, заросших тальником, или за Ирэглинде-мату, выросшего в глухом лиственничнике? Я, вероятно, чуть отличаюсь от них. Хотя я и молодая девушка, не дам тебе обидеть себя! И у меня есть руки и ноги, как у тебя. Ты думаешь, что у меня нет силы. Я тебя нисколько (букв.: и на одну руку) не боюсь. Если ты вправду сильный, храбрый мата, то только победив, возьмешь, не победишь — станешь моим слугой. — Гуре-гуре, гурене! — говорит.

После этого наш человек Хуркокчон верхней земли так рассердился, что не мог сказать вслух и подумал: «Смотри-ка, как смеет эта молодая девушка преиберегать таким богатырем, как я!». И даже не стал ей говорить ничего наш человек, подошел и ударил ее темнокожим кулаком в основание уха. Та едва не присела, хотя она и была молодой девушкой, оказывается, была очень сильной. Ни в какое сравнение не шла с братьями — была чамного сильнее. Юноша с девушкой оба были сильны и бились, не уступая друг другу: упирались в высокие деревья и расщепляли их, упираясь на растущие деревья, сдирали с них кору, бугры ровняли с землей, обрушивали края ям, разрушили ногами горы, излучины рек

превратили в ямы, в мягкой земле до бедер, в твердой земле по колена увязая, долго ли, коротко ли бились — они не знали и бились, не уступая друг другу [в силе]. Они бились так в течение трех месяцев, в течение девяноста суток (букв.: ночей без пересыпки). Наш человек, как и подобает мужчине, был еще полон сил и начал одолевать [девушку]. А молодая девушка, вероятно, уже не могла сопротивляться, то падала на четвереньки, то на колени, вероятно, сувилась широкая спина и укоротились длинные мысли. Наш человек, доведя ее до такого состояния, не давая ей опомниться, [схватил и] понес, приподняв так, что ноги ее чуть задевали землю. Покружиив, бросил в землю на три сажени. Тогда он обмотал свою левую руку ее трехсаженными шелковыми волосами, поволок ее к отдельно стоящей горе и начал хлестать по спине. Этот человек был, таская ее в течение трех суток (букв.: ночей и дней). У бедной девушки сувилась широкая спина, укоротились длинные мысли, пришел ее смертный день, и никто уже не мог ее спасти. После этого девушка заговорила так:

— Гуре-гуре, гурене! — Хуркокчон верхней земли, другом называемый друг мой, хозяином называемый хозяин мой, мои слова пойми разумом, прочувствуй нутром и раскрой уши! У меня сувилась широкая спина, укоротились длинные мысли, осталось лишь умереть мне. Будучи человеком-аи, если убьешь девушку-аи, будет тяжело тебе, так говорили мудрые старцы, поэтому подожди, послушай! Ведь если ты меня убьешь, то не станет подруги, которую ты назовешь подругой и которую ты будешь считать с одного года швеей, с двух лет домохозяйкой! Ведь вина-то известна тебе — я лишь пожалела своих братьев, которых ты жестоко обидел, оттого и рассердились, только в том моя вина. Больше я ни в чем не виновата, по-твоему, разве это большая вина? Ты разве стал спокойно смотреть на то, как обижают атаманы авахов кого-нибудь из твоих кровных родных? Ты подумай, если бы нашелся кто-нибудь обижающий тебя, я, думаю, стала бы защищать [тебя], пока я жива (букв.: пока длится светлый день мой)! Ты подумай и перестань, послушайся [меня]! — говорит.

Выслушав ее, наш молодец сказал: «Действительно, ее вина невелика», потянул за руку и усадил ее. Усадив, увидел — изменилась ее красивая внешность, изорвалась ее красивая одежда, изуродовалось ее здоровое тело, побледнели ее румяные щеки. Этот человек, увидев ее, хотя и был он сильный духом, — вероятно, очень обеспокоился, огорчился и подумал: «Как же я так издался над своей бедной подругой?». После этого Хуркокчон верхней земли повел такую речь:

— Угэло-угэло, угэндор! — Посмотрите-ка вот, как досадно мне, горе мне, хочется плакать! Как я жестоко изуродовал здоровое тело своей бедной подруги, предназначенней мне с одного года в швеи, с двух лет в домохозяйки! Если спросите: «Кто ты и почему так поступил?» — [отвечу]: «Отец мой — богатырь верхней

земли Дергэлдин, мать моя — младшая дочь Геван-старика Секак-красавица. [Я] имеющий пегого молодого коня с природным золотым седлом и звенящей золотой уздой, имя мое Хуркокчон верхней земли». Если же спросите: «Из какого рода-племени девушку так обидел?» — [отвечу]: «Ее отец единственный главный хозяин на верхней земле Чолбондор-старик, мать ее Оннодор-старуха, ее же именуют Унялтук-красавица, богатырша, указательным пальцем все побеждающая». Я едва ее не убил. Молодая девушка почти не виновата, [я], рассердившись на ее братьев, допустил оплохиность. Кто может стать на мою сторону во всех трех Сибир-землях? Есть ли хоть один эвенк, который может исправить мою ошибку? Если есть такой, то пусть поймет мои вещие слова, пусть раскроет уши и прочувствует их нутром, я же никак не могу поставить [девушку] на ноги. Если бы кто-нибудь из людей-аи помог мне, я бы тоже отблагодарил его добром. Придите скорее, если можете спасти, спасите, не можете — дайте знать и об этом. — Угэло-угэлд, угэндор! — говорит.

Через некоторое время сгустились черные тучи, увеличились белые тучи, побежали красные тучи, поднялся ветер, закружил сильный вихрь, засверкала молния, загремел гром, полил дождь, повалил снег, посыпал град. Как только прошло [все это], шурша и шелестя, прилетели три белые птицы, покружили раза три-четыре и заговорили так:

— Кикир-кикир, кингкиланин! — Вот ты, имеющий отцом родившегося на верхней земле, лучшего из чужеродцев, почтенного из матов, в серебряной одежде сына солнца Дергэлдина, а материю младшую дочь Геван-старика Секак-красавицу, имеющий молодого пегого коня с природным золотым седлом и звенящей золотой уздой, Хуркокчон верхней земли, прими низкий поклон! Сначала — привет, потом — разговоры! Если спросишь нас: «Откуда вы родом-племенем, крылатые птицы, будете?» — [то] отвечу: «Отец мой тоже родился и рос на верхней земле, ездит он на семи звездах, [имя] его Хэгландор-старик, мать моя — Сивэк-килон-старуха, я, не пропуская предугадывающая любую смерть на всех трех Сибир-землях, пением помогающая при всех несчастных случаях, дыханием оживляющая мертвых, помощница людей, добрая шаманка Аякчан-красавица». Если спросите: «Ради чего ты прилетела?» — [то] вы ведь сказали: «Умерла, сгнила девушка-аи по имени Унялтук, имеющая отцом Чолбондор-старика, материю Оннодор-старуху, указательным пальцем все побеждающая богатырша». Вот для этого и прибыла я. Ох, братец наш Хуркокчон верхней земли, что случилось с тобой, почему так поступил? Но все же будет хорошо! Очень-то не бойся, раскрой уши, пойми мои слова разумом, почувствуй нутром! Я принесла [тебе] три яичка серебряной птички с верхней земли, чтобы ты искупил свою вину и исправил ошибку. Лечи ими [девицу]: красного яичка дай выпить, желтым смажь кости, а белым — тело. И впредь вы

так не поступайте, не оскорбляйте друг друга даже полсловом, пусть вам сопутствует счастье, исполняются желания, да соединятся ваши сердца, обзаведитесь чумом, разведите огонь, родите детей, держите в изгородях скот, разведите оленей, пусть будет у вас много имущества, держите у себя деньги, одевайтесь и ешьте, спасайте голодного, прославьтесь добрым именем, станьте самой лучшей семьей, пусть приветливо встречают вас родственники, полюбят чужеродцы, да укажут вам дорогу старые деды и благославят вас бабушки-старушки! Не уступайте двуногому, побеждайте двурукого, не спотыкайтесь от имеющего суставы, не падайте от широкогрудого! Ваша судьба с вами, наша судьба с нами! Прости-прощай! — Кикир-кикир, кикирмой! — говорит.

Закончив речь, добная шаманка Аякчан-красавица спустила три яйца. Наш молодец, Хуркокчон верхней земли, ловко поймал их и начал лечить [девушку], которая должна была стать ему с одного года швеей, с двух лет домохозяйкой, с трех лет суженой, подругой: содержимым красного яйца поил ее, желтым яйцом слизывал кости, а белым — тело. И вид девушки стал лучше прежнего и здоровье стало прежним, одежда стала нигде не порванной и совсем чистой. После этого Хуркокчон верхней земли повел такую речь:

— Угэло-угэло, угэндор! — Вы, родившиеся на верхней земле красавицы, раскройте уши и поймите мои вещие слова разумом, почувствуйте их нутром! Если спросите: «Кто вы?» — [то] я — Хуркокчон верхней земли. Та, что сделала для меня добро, имеющая отцом ездящего верхом на семи звездах Хэглэндора-богача, а матерью Сивэккилон-старушку, не пропуская, предугадывающая любую смерть на трех Сибир-землях, помогающая пением при всех несчастных случаях, помощница людей-аи, добная шаманка Аякчан-красавица, раскрой уши и мои вещие слова пойми разумом, почувствуй нутром! Да, родилась же среди эвенков, людей-аи добная девушка-шаманка. Если бы ты не пришла, то моя подруга давно умерла бы и сгнила. Теперь мы можем отправиться на свою родину. За твою помощь я непременно отплачу добром, до встречи, прости, прощай на долгие годы! За помощь прими мою искреннюю благодарность! И ты, мой молодой легкий конь с природным золотым седлом и эвенящей золотой уздой, раскрой уши, пойми мои вещие слова разумом, почувствуй нутром! Я взял [в жены] указательным пальцем все побеждающую богатыршу, молодую девушку по имени Унятпук-красавица, которая должна была стать мне с одного года швеей, с двух лет домохозяйкой, с трех лет суженой, подругой. [Конь мой], скажи к нам, скорее отправимся домой. — Угэло-угэло угэндор! — говорит.

После этого кто подготовил [коня] — неизвестно, в один миг прискакал молодой конь и остановился возле хозяина, пригнув голову к земле. Наш человек поймал его и внимательно стал осматривать; оказалось, что молодой конь стал еще лучше, кра-

синее, хорошо отгулялся, вырос. Юноша с девушкой оба сели на молодого коня, юноша ловко вскочил, как черный глухарь, а девушка, как тетерев. Даже не оглянувшись, направили [коня] в сторону дома Хуркокчона верхней земли и поехали. Конь [шел так быстро, что] сказать: «Бежит» — не бежал, сказать: «Летит» — не летел, [он] несся, [копытами] холмы ровнял с землей, обрушивал края впадин, сдирал кору с растущих деревьев, расщеплял высокие деревья. Обида [Хуркокчона] на родителей жены, вероятно, еще не прошла, не было ни свадьбы, ни никаких [торжеств]. Взял себе жену, и больше ничего ему не нужно. Этот юноша, проезжая мимо родителей жены, заговорил так:

— Угэло-угэло, угэндор! — На верхней Сибир-земле один главный хозяин Чолбондор-старик и Оннодор-старушка, примите низкий поклон! Сначала привет, потом разговоры! Если спросите меня: «Откуда родом-племенем, мата, пришел и здоровашся [с нами]?» — [отвечу]: «Отец мой — богатырь верхней земли, лучший из чужеродцев, почтенный из матов, сын солнца Дергэлдин, мать моя — младшая дочь Геван-старика Секак-красавицы, я Хуркокчон верхней земли, имеющий молодого пегого коня с природным золотым седлом и звенящей золотой уздой». Вашу дочь, молодую девушку, я взял навсегда. Хотя вы и не хотели отдавать ее, но как же я не возьму свою суженую? Я тоже, как и вы, из эвенков, богатырь-ай, почему вы не признали меня и отвергли [мое предложение] — я и сам не понимаю, поэтому не заехал к вам, думая: «Все равно не сделают свадьбу». На кого обижаться — сами знаете, я тоже сам знаю. Что вы думаете об этом сейчас и как расцениваете, выскажитесь, ничего не тая. Ваша судьба с вами, наша судьба с нами! Но все же вы живите хорошо, если я буду жить благополучно, навещу [вас], простите, прощайте на долгие годы! Угэло, угэло, угэндор! — говорит.

Выслушав его, Чолбондор-старик по ветру посыпал такие слова:

— Даагир-даагир, даагирья! — Ты, богатырь верхней земли, имеющий отцом лучшего из чужеродцев, почтеннего из матов, сына солнца Дергэлдина, а матерью младшую дочь Геван-старика Секак-красавицу, мата, именуемый Хуркокчоном верхней земли, имеющий пегого коня с природным золотым седлом и звенящей золотой уздой, раскрой уши и мои веющие слова пойми разумом, почувствуй нутром! По-моему, ты сказал правильно, ты, присяжий из далекой страны, задержался здесь надолго. Мои сыновья не сумели с тобой договориться и не смогли понять мысли своей сестры, вот и подняли такую шумиху. За что же я буду обижаться на тебя, [я] несколько не обижалась, ты не думай: «В душе обижен». Как ты сказал, навестите нас и отправляйтесь по своему усмотрению, я вас не тороплю. И ты, дочь моя, указательным пальцем все побеждающая богатырша, Уньяптук-красавица, раскрой уши и мои слова пойми разумом, почувствуй нутром! Тот, кого

ты называешь другом, для тебя подходящий мата, об этом ты, вероятно, и сама знаешь, поэтому в предстоящие дни, в годы, которые встретят вас, живите хорошо и мирно, не ссорьтесь, обзаведитесь чумом, разведите огонь, родите детей, размножайте скот, в изгородях держите оленей, прославьтесь хорошей семьей! Пусть мое благословение станет благословением, мои слова укажут вам дорогу! Не уступайте двуногому, побеждайте двурукого, не падайте от широкогрудого, не спотыкайтесь об имеющего суставы, боком не падайте от крутобокого! Ваша судьба с вами, наша судьба с нами! Прощайте на долгие годы! — Далгир-далгир, далгиря! — говорит.

После этого Хуркокчон верхней земли направил своего пегого молодого коня в сторону средней земли, и засвистела его плеть, подгоняя [коня]. Молодой конь оказался в самом деле быстроно-гим конем: [от бега его] впереди стелется белый туман, а позади столбом поднимается черная пыль. Постепенно все незаметнее становились следы коня на земле, и вот [он] полетел. Он полетел сквозь восемь облаков над девятью облаками, внутри черной тучи. Долго ли, коротко ли летели эти люди — не знали [они]. Лето по росе, зиму по снегу на ветвях деревьев, весну по пушистым снежным хлопьям, осень по граду узнавая, они летели. В сказке они разве задержатся [в пути] как бы далеко ни было — вот стали они приближаться к средней земле. Хуркокчон верхней земли, приехав, быстро привязал своего молодого коня к серебряной коновязи, освещавшей безлунную темную ночь, подошел к дверям шестнадцатигранного деревянного дома и заговорил так:

— Угэло-угэло, угэндор! — Вы, дети дедушки Геван-старика, — все примите привет! Сначала привет, потом разговоры! Если спросите нас: «Откуда родом-племенем маты прибыли и приветствуете нас?» — [то скажу]: «Отец мой — богатырь верхней земли, лучший из чужеродцев, почтенный из гостей, одетый в серебро сын солнца Дергэлдин, мать же — младшая дочь Геван-старика Секак-красавица, я сам — Хуркокчон верхней земли, имеющий молодого пегого коня с природным золотым седлом и звенящей уздой». А вот моя подруга, ее отец — Чолбондор-старик, ставший главным хозяином всей верхней Сибир-земли, мать — Оннодор-старуха, имя этой молодой девушки — указательным пальцем всех побеждающая богатырша Уняттук. Исходив все три Сибир-земли, будучи мужчиной, [я] все-таки одолел ее из последних сил и привез [ту, которая должна была стать] с одного года [моей] швеей, с двух лет [моей] домохозяйкой, с трех лет [моей] суженой. Отцом называемый отец мой Дергэлдин верхней земли, матерью называемая мать моя, младшая дочь Геван-старика Секак-красавица, откройте дверь и взгляните на мою подругу! Угэло-угэло, угэндор! — говорит.

После этого Секак-красавица открыла дверь и видит девушку, [ее] действительно можно назвать подругой: приехала [с ее сы-

ном] молодая девушка с виду сильная, ловкая, как богатырь. Секак-красавица повела их за руки, ввела в дом и усадила на серебряную кровать [т. е. скамью] о шести ножках. Затем она вышла, два-три раза позвала [оленей], и три стада молодых оленей битком наполнили тройную изгородь длиной в три кочевки. Тогда [она] забила трех самых крупных откормленных холощеных оленей, трех отборных яловых воженок и трех яловых кобылиц, быстро приготовила угощение для свадьбы (букв.: для первой брачной ночи сына с невесткой), накрыла большой четырехугольный стол и пригласила множество (букв.: неисчислимое количество) гостей. Живущих далеко привезли на быстроногих трехголовых оленях, близко живущих привезли на смиренных оленях. Собрались парни, подобные журавлям, и девушки, подобные стерхам, родственники-старики наполнили долины, родственницы-старухи наполнили излучины реки. Так собрался весь эвенкийский народ и угощался на свадьбе матери по имени Хуркокчон верхней земли и молодой девушки по имени указательным пальцем побеждающая всех богатырша Унаптук. За свадебным столом они присидели девять суток: красноречивые высказались, певцы пели, желающие рассказывать рассказывали, а доброжелатели благословили. Свадьба была очень веселой, с разнообразными играми. Собравшиеся люди, кончив есть, отправились к площадке для игр, старики, взявшись за руки, старухи пошли со стариками, парни за парнями, девушки пошли, держась за руки. Они шли друг за другом, и передний не мог видеть последнего. Там организовали игры для ног и рук: быстроногие бегали, мастера прыгать на одной ноге прыгали, любители прыгать на двух ногах скакали, любители прыгать попеременно на левой и правой ноге прыгали. Борцы боролись, потягались силами и разные силачи.

Во всех видах игр из приехавших [из разных мест] в гости не было ни одного равного Хуркокчону верхней земли. Оказалось, живет-растет лишь один мата, который мог свободно, без напряжения потягаться [с Хуркокчоном]. Если спросить: «Откуда родом-племенем этот мата?» — [то] им оказался сын нашего человека, спасшего от прежних бед, Кокодокона и Имэкои-красавицы со следами, как ниточки, ездящей верхом на нестрем олени с золотым природным седлом и с трехсаженным плетеным недоуздком. Хуркокчон средней земли. Присажие издалека матери подивились [силе] этих богатырей средней земли и, окончив игры, разъехались по своим местам. После этого потомки нашего Иркисмонди, признавая только одного главу средней земли, зажили все вместе (букв.: все городом став). После свадьбы прошло лишь трое суток, однажды утром Хуркокчон средней земли сел против своих людей и повел такую речь:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Отцом называемый отец мой, имеющий полное имя во всех трех Сибир-землях Кокодокон средней земли, матерью называемая мать моя со следами, как ниточки,

Инмэкон-красавица, троюродным братом называемый троюродный брат Хуркокчон верхней земли и жена его, указательным пальцем всепобеждающая богатырша Унятпук, — вы все, раскройте уши и мои слова прочувствуйте нутром, поймите разумом! Больше я не возмужаю (букв.: не появится у меня копыта, не вырастут и рога), суставы укрепились, телом возмужал, поэтому хочу походить по всем трем Сибир-землям. Дайте мне совет, укажите, в какую страну мне отправиться. Если хотите знать мое желание, то я хочу найти [ту, которая должна была стать для меня] с одного года швей, с двух лет домохозяйкой, с трех лет суженой, подругой. Кто из вас мне посоветует? Если вы знаете, скорее скажите, не задерживайте странника, не заставляйте ждать путника! Не беспокойтесь как бы далеко ни было, я такой мата, который может ходить как добрый молодец. — Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

На эти слова мать Инмэкон-красавица ответила: «Я не знаю, отец знает». Тогда отец Коколдокон говорит: «Я хотя и исходил все три Сибир-земли, все бился и не заметил молодой девушки, потому я и не знаю. Твой троюродный брат Хуркокчон верхней земли, вероятно, знает».

— Я знаю подходящую для тебя девушку, — говорит богатырша Унятпук.

Если знаешь, скажи скорее! — говорит.

После этого молодая невестка Унятпук-богатырша села против Хуркокчона средней земли и заговорила так:

— Гуре-гуре, гурене! — Вот ты, богатырь средней земли, имеющий отцом Коколдокона средней земли, с полным именем во всех трех Сибир-землях, имеющий матерью дочь богатыря верхнего мира сына неба Дюгирманди Инмэкон-красавицу, Хуркокчон средней земли, ездащий верхом на пестром олене с природным золотым седлом и плетеным недоуздком, младшим родственником называемый, раскрой уши, мои слова пойми разумом, прочувствуй нутром! Попытаюсь дать совет, сказать то, что знаю. Если согласен, скажешь: «Да», не согласен — скажешь: «Нет». Если пойдешь прямо на восток, то у богатого Хэгландор-старика, вращающегося вокруг трех Сибир-земель, ездащего верхом на семи звездах, имеющего много забот хозяина, и богатой Сивэккилон-старухи есть семья дочерей. Самая младшая из них по имени хорошая шаманка Аянчан-красавица, способная предвидеть все несчастья на трех Сибир-землях, способная оживлять мертвых, рожденная помогать во всех бедах. Только до той страны очень далеко. Если спросишь: «Примерно сколько?» — [то скажу]: «Крылатая птица достигает, снеся яйца девять раз, а бегающий вприспрыжку по земле зверь достигает, родив трижды девять раз». Я думаю, было бы всем нам хорошо, если бы ты, не страшась дальности [пути], пошел и привел бы ее. Решай сам, скажи свое мнение. — Гуре-гуре, гурене! — говорит.

Выслушав ее, Хуркокчон средней земли отвечает такими словами:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Жена моего троюродного брата, указательным пальцем побеждающая всех богатыря Уиялтука, именуемая красавицей, ты дала очень хороший совет. По-моему, очень хорошо, что далеко, я бы был недоволен, если бы не по странствовал. В таком случае и слава распространится, и имя зазвучит. Исходив все три Сибирь-земли, я сам буду доволен, и вам будет хорошо, а лучшие из чужеродцев также услышат с удовольствием [о моем странствовании]. Поэтому за то, что ты, моя невестка, указала ту страну, большое тебе спасибо! Моя судьба со мной, ваша судьба с вами! Простите, прощайте! — Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

Как только кончил речь, вскочил из дома, ловко, как черный глухарь, вскочил на своего пестрого оленя с природным золотым седлом и плетеным недоуздком и отправился прямо на восток. Пестрый верховой олень ступал то там, то сям, отрывая копытами куски земли величиною с коврик, ломая сухие деревья, сдирая кору с растущих деревьев и листву с тальников, ровняя холмы с землей, обрушивая края ям. Перед пестрым верховым валил белый пар, позади столбом поднималась черная пыль. Молодой человек в пути оглянулся назад и заговорил так:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Вы, давшие мне увидеть белый свет, родившие на средней глиняной земле мои старики, мать с отцом, моя средняя земля-родина, покрытая травой, родной шестнадцатигранный дом мой, священный огонь — все вы, раскройте уши и мои слова услышьте, поймите разумом, прочувствуйте нутром! Я не знаю, когда вернусь. Поскольку [я] еду очень далеко, то сказать к примеру: если очень быстро [поеду] — вернусь через девять лет, если не очень быстро — через дважды девять лет, а если очень задержусь — через трижды девять лет вернусь. Когда же пройдет этот срок, скажите: «Странствие этого доброго молодца чем-то задержано». А если придет смертный день, по ветру отправлю свои волшебные слова. И вы, если настанет смертный день, немедленно дайте мне знать. Но все же пусть вас никакая [беда] не настигнет, никто не обидит, живите хорошо. Моя судьба со мной, ваша судьба с вами! Прощайте на долгие годы! — Угэле-угэле, угэндор! — говорит.

После этого богатыря по имени Уиялтук-девица произнесла такую речь:

— Гуре, гуре, гурене! — Ты, мой младший родственник, сын Коколдокона средней земли и Иимэкон-красавицы со следами, как ниточки, Хуркокчон средней земли, ездищий верхом на пестром олене с природным золотым седлом и плетеным недоуздком, раскрой уши и мои слова прочувствуй нутром! Я направила тебя все-таки в очень далекую страну, но пусть будет так, как тебе суждено. Древние старые мудрецы говорили: «Нельзя отправлять

далеко, пока не окрепли суставы и не возвмужало еще тело». Пусть подскажет твоя судьба, я думаю, что ты сам способен странствовать, как мата. И если тебе суждено стать богатырем, пройдешь по всем трем Сибир-землям и непременно вернешься. Если на твоем пути встретятся очень много всяких оборотней и коварных хитрецов, странствуй осторожно. Если же встретятся недоступные для твоего верхового олена места, то он сам это почувствует, ты его не насилий. Если он скажет: «Останусь здесь» — отпусти его, а сам как-нибудь продолжай свой путь. Живет девушка, суженая для тебя, это она сама должна знать и не станет перечить тебе! Пусть твой путь будет лучшим из сотни путей, пусть мои слова будут добрым напутствием, не поддавайся двуногому, одолевай двурукого, не спотыкайся об имеющего суставы, не падай боком от кругобокого, твоя судьба с тобой, моя судьба со мной! Прощай надолго! — Гуре-гуре, гурене! — говорит.

После этого наш человек, Хуркокчон средней земли, быстро [и] ловко поехал на своем пестром олене, направив его прямо на восток. [Ехал он], мелькая то здесь, то там, и не знал, долго ли, коротко ли ехал, сквозь восемь туч, над девятью облаками. Шаги этого пестрого олена все увеличивались, прыжки его становились длиннее, бег его постепенно убыстрялся. Сам Хуркокчон средней земли постепенно смелел. Верховой олень тоже был подстать ему: если понаблюдать, как он бежит — перед ним валил белый пар, а позади поднималась вверх черная пыль, ноги мелькали так, что нельзя было увидеть, где он ступал. За это время [Хуркокчон] пересек несколько стран, но сам и не заметил, долго ли, коротко ли ехал: он ехал, зиму по снегу на ветвях деревьев узнавая, лето по росе, осень по граду, а весну по пушистому снегу узнавая. Он проехал страны с буйными ветрами и достиг отвесной скалы, на которую не могли посмотреть в упор ни когтистые, ни копытные. Подбежав к этой скале, пестрый олень поднял оба уха, как будто испугался чего-то, и уперся, не двигаясь, как ни подгонял его хозяин. Тогда этот смелый человек подумал: «Почему он так ведет себя?» и ударил верхового ногой по челюсти. Пестрый олень встал на задние ноги, попрыгал и вдруг остановился, расставил свои четыре ноги в разные стороны и заговорил [по-человечески]:

— Энгтэвлонин-энгтэвлонин! — Вот теперь, хозяин мой, сын Коколдокона средней земли с полным именем во всех трех Сибир-землях и Инмэкон-красавицы со следами, как ниточки, Хуркокчон средней земли, ездящий верхом на пестром олене с природным золотым седлом и плетеным недоуздком, раскрой уши и мои слова пойми разумом, прочувствуй нутром! Дальше будут такие страны, по которым я не смогу ходить, поэтому ты сам попробуй как-нибудь идти. Я останусь здесь пастись, отдохну, пока ты не вернешься сюда. Ведь тебе будет хорошо, если после странствия по всем трем Сибир-землям вернешься, а я потолстею на четыре пальца, в длину прибавлю на одну сажень. Как ты относишься к моим словам,

как следует (букв.: по порядку) изложи свои мысли, выскажись, не тая! — Энгтэвлонин-энгтэвлонин! — говорит.

После этого наш человек встал перед своим пестрым оленем и заговорил так:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Вот мои бегающие ноги, мои крылья, мой добрый пестрый олень, за твои слова большое спасибо! Может, ты подумаешь: «Будучи сильным человеком, на прощание не сказал никаких добрых слов», нет, ты раскрой свои чуткие уши, подобные поставленным рядом лыжам человека-эвенка, и мои слова пойми разумом, прочувствуй нутром! Ты не уходи с этого места, пусть не найдет тебя никто, хорошо пасись, отдыхай, пусть тебя никто не пугает, пусть не пролетит над тобой белая птица, пусть не перебежит перед тобой рыжая мышь, не победит тебя здравомыслящий, пусть страшные звери тебя не пугают! Я уйду и если быстро скажу, дам знать о себе через год, если нормально пойду — услышишь обо мне через два года, если задержусь — вернусь через три года. И если наступит смертный день для меня или для тебя, то по ветру отправим друг другу свои волшебные слова. Как сказал ты сам, до моего возвращения пусть твой круп станет на четыре пальца толще, а сам вырасти на целую сажень. Твоя судьба с тобой, моя судьба со мной! Прощай на долгие годы! — Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

После этого плетеный недоуздок бросил на седло верхового, перевернулся трижды, превратился в богатыря-сокола и полетел на вершину скалы. Он достиг вершины отвесной скалы, прислоненной к небу, и оказался в стране, покрытой никем не помятой травой. Вот, идя, он всмотрелся и догадался, что пришел в страну Хэглэндор-старика, ездащего верхом на семи звездах, и богатой Сивэкилон-старухи. Там оказалось море с невидимыми противоположными берегами. На той стороне на обширной долине [он] увидел лошадей, похожих на верхушки холмов, и подумал: «Камни» — оказались коровы, подумал: «Березняк» — оказались белые холощенные олени, подумал: «Мелкий тальник» — оказались серые холощенные олени, подумал: «Красный тальник» — оказались олени-самцы. Этот богач Хэглэндор-старик, оказывается, и вправду был очень богатым стариком. Вот наш человек, Хуркокчон средней земли, подойдя до этого нимэр-соседа, увидел, что около дома, где [хозяева] нежились, перед домом, где они ходили взад-вперед, и на всей близлежащей местности почему-то повяла растущая трава, высохли растущие деревья. На поле поединков окружностью в три кочевки поднималась пыль, словно дым. В пыли кружилось четырехгренное железо, вместе с ним в белом тумане, едва виднеясь, кружилась молодая девушка, держа [в руках] бубен [величиной] с целую грудную клетку лося-самца и [шамансскую] колотушку с лопatkой с восемью ребрами яловой кобылицы. Потом наш человек Хуркокчон средней земли с шумом пролетел мимо них, долетев до старых хозяев дома, ловко опу-

стился у двери, перевернулся трижды, стал человеком и повел такую речь:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Вон, посмотри-ка богатый Хэглэндор-старик, ездащий верхом на семи звездах, Сивэккилон-старушка, поймите разумом мои веющие слова и откроите свою дверь. Сначала низкий поклон, потом разговоры! Если спросите меня: «Откуда ты родом-племенем, мата, будешь?» — [отвечу]: «Я сын Коколдокона средней земли, имеющего полное имя во всех трех Сибир-землях, имеющего отцом Иркисмондо, богатыря средней земли, Хуркокчон средней земли, ездающий верхом на пестром олене с природным золотым седлом и плетеным недоуздком». Если же спросите: «Какое у тебя намерение, что за нужда у тебя?», [то скажу]: «Я приехал к добреi славе вашей младшей дочери, имя которой хорошая удаганка Аякчан-красавица, способная предвидеть все в трех Сибир-землях, помогающая в несчастьях, оживляющая мертвых». Я такой мата, который намерен взять [ее, предназначеннную мне] с одного года швей, с двух лет домохозяйкой, с трех лет суженой, подругой или получить отказ. Как вы думаете об этом, скорее выскажите свои мысли, изложите [их] подробно! — Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

После этого дверь дважды восьмигранного дома вдруг со скрипом распахнулась, вышел старик с седыми волосами, уселся против [Хуркокчона] и заговорил так:

— Ейдэги-ейдэги, дэгидор! — Ты вот, сынок, послушай-ка, прими низкий привет, потом разговоры! Сын Коколдокона средней земли с полным именем во всех трех Сибир-землях и Инмэкон-красавицы со следами, как ниточки, богатырь средней земли, имеющий Хуркокчоном, ездащий верхом на пестром олене с природным золотым седлом и плетеным недоуздком, хорошо раскрой свои чуткие уши и мои слова прими к сердцу! Я выслушал твою речь, ты, оказывается, такой мата, который дорожит суженой, подругой, о ком ты наслышан, потому и судьба ваша такова при рождении. Вот ты, сынок, и прибыл, это хорошо. Во всяком случае обоим вместе будет хорошо, что бы ни случилось, и нам хорошо. Мы-то сами за что тебя не влюбим, только рады твоему приезду. Но вот недавно прибыл атаман авахов нижней земли, богатырь авахов Айдар, ездащий на медной повозке, победил двух моих сыновей и хотел было насильно увести дочь, и она теперь бьется с ним. Ну, сынок, быстро иди к своей подруге, если вам случайно суждено остаться в живых, то не дадите победить себя. Ведь ваша судьба должна была иметь связь с этой землей и зацепку с небом! Хотя он и очень силен, но ваша судьба не должна быть иной, поэтому [покажи], каков ты. Хорошенько крепись, и как только вырвешь ее из рук авахи, возвьмешь ее с благодарностью и увесьешь от нас! — Ейдэги-ейдэги, дэгидор! — говорит.

После этого наш человек, хорошо выслушав речь старика, говорит ему несколько слов:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Вот ты, старец, богатый Хэглэн-дор-старик, ездащий верхом на семи звездах, добрая Сивэккилон-старушка, за ваши слова большое спасибо! Я ради вас (букв.: за ваше будущее) исхожу и посмотрю все три Сибир-земли, не жалея ни здорового тела, ни прочных костей. Вы не падайте духом (букв.: не укорачивайте мысли), вздохните в полную силу (букв.: не суживайте свои широкие грудные клетки), мы победим. Я не думаю, что дам себя победить ему, если же наступит день моего поражения, то черная туча закроет солнце, по этой примете узнаете [о моем поражении]. Как только узнаете, то все заранее покончите с собой, удавившись. Если же я потерплю поражение, то на всех трех Сибир-землях не останется ни одного маты, могущего противостоять [авахи]. Поэтому вместо того чтобы заживо быть замученными им, будет намного лучше, если вы распорядитесь собой. Прощайте на долгие годы! — Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

Кончив говорить, наш человек зашагал в сторону бьющихся богатырей, заранее злясь и засучивая рукава, увязая в мягкой земле до бедер, в твердой земле по колена. От злости из обоих висков этого человека заполыхало пламя, из десяти пальцев заструилась алая кровь, чуть не лопнула в плечах (букв.: в толстом месте) и не порвалася в пояснице (букв.: в тонком месте). Подойдя к нему, скрипнул зубами и заговорил:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Вот тебе говорю, авахи нижней земли, богатырь Айдар, ездащий на медной повозке, сначала привет, потом разговоры! Если спросишь меня: «Откуда родом-племенем мата пришел? — [отвечу]: «Отец мой — Коколдокон средней земли, имеющий полное имя во всех трех Сибир-землях, мать моя — Инмэкон-красавица со следами, как читочки, я — Хуркок-чон средней земли, ездащий на пестром олене с природным золотым седлом и плетеным недоуздком. Если же спросишь: «Зачем сюда пришел?», [то] — пришел спасти жизнь той, [которая должна была стать для меня] с одного года швейц, с двух лет домохозяйкой. Подругой называсмая подруга моя, хорошая шаманка Аякчан-красавица, предсказывающая все в трех Сибир-землях, помогающая в несчастьях, способная оживлять мертвых, раскрой уши и послушай мои волшебные слова, прочувствуй нутром, пойми разумом! Твои суставы еще не окрепли, и тело твое еще, вероятно, не возмужало, поэтому попытайся отойти подальше! Теперь я испытаю свою судьбу, [побившись] тальником с оврага, попробуем похлестать друг друга по спине гибким тальником так, чтобы отделилось филейное мясо! А ты, сын авахов, одноглазый чертов сын, кровавая рука, прожорливая пасть, протухшая глотка, за какие грехи ты так бессовестно издеваясь над матами-ан, так безобразничашь один? Равный тебе добрый молодец пришел я! Ну, держись, берегись! А то скажешь: «Меня, сильного богатыря, победил без предупреждения, доброго богатыря убил, не предупре-

див». Идешь обратно или будешь биться? Если будем биться, то с какого способа (букв.: хитрости) начнем? Или кулаками (бука.: своим телом)? Поднявший шум, скажи ты, я согласен на все, мне безразлично. — Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

Услышав это, Аякчан-красавица, хорошая шаманка, предсказывающая все во всех трех Сибир-землях, способная излечивать всех больных, оживляющая мертвых, богатыря-авахи оттолкнула так, что тот попятился почти на три версты, и, отскочив назад, [сама] отстранилась. Затем Хуркокчон средней земли подбежал к Айдар-богатырю, встал перед ним. Айдар-богатырь, увидев его, кричал: «Татат! Татат!», поклопал по бедрам себя и заговорил так:

— Дынгдо-дынгдо, дынгдонинде! — Смотри-ка ты, откуда же появился сын старого моего врага хитрого Коколдокона-молодца? Ух, как ненавижу [его]! Досадно мне, начались мои мучения! Ох, как жалко, досадно; вероятно, ты пришел помешать мне обзавестись домом, разжечь огонь, родить детей, развести скот! Богатыри средней земли, вы очень хитры. Ведь ты не дашь себя победить, как другой [какой-нибудь богатырь]. Так и проявляется твоя хитрость, если говоришь: «Каким способом начнем биться?». Так и проявляете вы свою хитрость, свои тонкие уловки. Давно твой отец, хитрый Коколдокон, убил меня, изжарив в горящем костре. Теперь-то я не поддамся твоей хитрости. Ну же, подходи! Разве мы [с тобой] плохие, слабые маты, чтобы биться какими-то способами, удовлетворим-ка свои намерения голыми кулаками, лицом к лицу, подходи же быстро! — Дынгдо-дынгдо, дынгдонинде! — говорит.

Как только кончил речь, он начал беспощадно бить нашего человека руками, подобными расщепленной сосне, с железными кулаками. А наш человек не такой матя, чтобы подставлять себя под его кулаки, хотя тот и непрерывно замахивался, но все напрасно. Наш человек был настоящим богатырем-матя: в нем была сила Коколдокона, не попадался под удары сына авахов, заставляя бить его по воздуху. Когда [авахи] думал, что тот находится внизу — он оказывался наверху и бил его по шее; когда же [авахи] казалось, что тот подскочил кверху — он нагибался и ударял его ногой. Поэтому наш человек оказывался в выигрышном положении, а сын авахов еще держался только потому, что ему судьбой была дана нелегкая смерть. К тому же авахи был настоящим сильным богатырем. Они не знали, долго ли, коротко ли бились, удары кулаков отдавались в небе, пятки гулко ударялись о землю, скот вокруг перестал умножаться, завяла растущая трава, вымерли все хилые и больные — произошло ужасное разрушение, тяжкое преступление и большое несчастье. Девяносто суток бились богатыри на поле поединков без отдыха и остановок. За все это время наш человек ни разу не попал под удары кулаков и когтей авахи. Во время битвы богатырь авахов вдруг перестал биться и заговорил так:

— Дынгдо-дымгдо, дынгдонинде! — Ты, Хуркокчон средней земли, послушай-ка мои слова! В этой стране никто из нас не победил, а на моей родине есть поле, где боятся такие богатыри, как я. [Это поле] на острове среди морского тумана нижнего мира. Пойдем туда, следуй за мной, если намерен биться там, если не намерен — оставайся, а я сейчас же иду туда. Попробуй последуй, чтоб я убедился в твоей храбрости, когда доберешься [до моей страны], я уж рассчитаюсь с тобой. Попробуй иди за мной! — Дынгдо-дымгдо, дынгдонинде! — говорит.

Кончив речь, перевернулся трижды, превратился в журавля и полетел, выставив длинные ноги. А наш-то человек разве такой молодец, чтобы испугаться нижнего мира, тут же превратился в белую птичку и полетел вслед ему. Они летели друг за другом прямо на запад (букв.: на место захода солнца). Во время пути наш человек мешал лететь сыну авахов, все дразнил его: подлетая спереди, царапал лицо, догнав сзади, когтями раздирал спину. Так наш человек все дразнил его. Сам-то он был злым, злопамятным матом.

Они разве могут задержаться в лути — быстро достигли морского острова. Добравшись, сын авахов спустился на такое место, где невозможно было находиться обыкновенному человеку. Он превратился в четырехгренное раскаленное железо и подготовил встречу [в кипящей] смоле, где человек мог сразу же свариться. Наш человек и внимания не обратил на это: опустился, превратился в человека, и этот настоящий человек начал биться, ожесточенно колотя [авахи]. А Аякчан-красавица, хорошая удаганка, предвидящая все в трех Сибир-землях, вылечивающая всех хилых больных, оживляющая мертвых, взяла свой гремяющий, как гром, бубен [величиной] с грудную клетку лося-самца, схватила колотушку с допатку лося-самки с восемью ребрами, оделась в свой шаманский плащ и начала она изо всех сил шаманить так, что зазвенели колокольцы [на ее плаще]. И повела такую речь:

— Хеде-хогай, хеде-хогай! — Видите ли вы, как досадно и жалко! Ведь у меня на глазах отняли мату-аи! Ох, досада-то какая, горе мне, хочется плакать! Никого у меня нет, кто же ко мне придет! Ведь пришло время, когда прекратится слава моего звучного имени! Как же я освобожусь от этого горя! В те поры, когда знаменитая шаманка верхнего мира, старая Уникчан-шаманка, на-делила меня способностью помогать несчастным трех Сибир-земель и оживлять мертвых, в те поры, когда на средней земле только что появились эвенки, говорили, что родился один мата-кузнец. С тех пор, как он умер, прошло дважды девять лет. Если спросите: «Кто же он?» — [отвечу]: «Это был старый эвенк, сын Геван-старика, не имеющий ни языка для речи, ни уха для слушания, глухонемой мой дед кузнец Торонтай». Если бы дух костей этого дедушки услышал [мою мольбу], то только тогда я бы спасла моего другом называемого друга и хозяином называемого

хозяина. Ой! Ой! Дедушка кузнец Торонтай, у тебя наверняка есть дух-хозяин, и если я вправду наделена даром помогать людям, то, раскрыв уши, поняв мои слова разумом, почувствуй их нутром, вдохни моя слова, благослови мои слова и просьбу! Вот внука Хуркокчона средней земли атаман авахов нижней земли богатырь Айдар, ездящий в медной повозке, завед в кипящую смолу. А там наш человек не может оставаться в живых, его ждет верная гибель, и мне не спасти его. Если бы ты из своего гроба дал мне свой семидесятисемипудовый молот и тридцатиреходные пудовые клемши, я притянула бы их [бубном] к себе и, благословив их, спасла бы [Хуркокчона]. Разреши же скорее взять твои молот и клемши! И вы, волшебные инструменты старого кузнеца Торонта, повернитесь скорее ко мне и, если я вправду владею веющим словами, то с гулким звоном окажитесь в моем бубне! Я поеду к вашему внуку Хуркокчону средней земли; для спасения его жизни придите ко мне, не чуждайтесь меня! Я стану вашей [невесткой], и мое светлое дыхание уже слилось воедино с Хуркокчоном. Если спросите: «Какая же ты девушка?» — [скажу]: «Я — дочь Хэглэндора, богатого старика, и Сиваккилон, богатой старухи, хорошая шаманка, Аякчан-красавица! Скорее летите сюда! — Хеде-хогай, хеде-хогай!

После этого не успела [она] оглянуться, как в бубен гулко ударился семидесятисемипудовый огромный молот кузнеца девушки Горонта и, звеня, упали тридцатиреходные пудовые клемши. Затем девушка, хорошая шаманка Аякчан-красавица в черной туче, гремя своим бубном, направилась к бьющимся матам. Доехав, начала кружить над ними верхом на черной туче и запела так:

— Хеде-хогай, хеде-хогай! — Вы, послушайте, посмотрите! Хуркокчон средней земли богатырь, друг мой, раскрой уши и мои слова почувствуй нутром, пойми разумом! Не сердись, думая: «Кто пришел и мешает?». Я твоя подруга, хорошая шаманка Аякчан-красавица прибыла. Прибыла, чтобы помочь тебе, сейчас я побрызгаю такой водой, которая не поддается ни кипящей воде, ни полыхающему огню. И вот опускаю на богатыря авахов молот твоего старого дяди кузнеца Торонта, произнося: «Размахнись!». Лови его, собравшись с силой! Еще в помощь тебе сейчас сброшу и его тридцатиреходные пудовые клемши. Когда клемши, подлетев к авахи, как следует вонзятся в его пасть, ты сквата за ручки. Тогда от каждого его движения [клемши] будут сжимать его все сильнее и сильнее. Тогда бей его молотом сколько захочешь. Вот тогда он получит по заслугам. Но все же ты скоро не переставай бить, думая: «Победил!», бей до тех пор, пока он не станет тонким, как проволока! Когда же я подойду, отдашь мне молот! — Хеде-хогай, хеде-хогай! — говорит.

Как только та кончила говорить, на Хуркокчона средней земли полил волшебный ливень. Во время ливня нашему человеку стало дышать свободнее (букв.: грудь его сильно расширилась), про-

ясились и его мысли (букв.: ум очень удлинился), [он] стал свободно бродить по кипящей смоле, начал пробегать и по полыхающему огню. Потом молодая девушка опустила тот молот, и мата ловко поймал его правой рукой, стукнул им по макушке сына авахов, и высоко всколыхнулось пламя [от удара]. После этого девушка, замахнув ими трижды, опустила клаещи. Клаещи схватили сына авахов за спину так же ловко, как кузнец Торонтай хватал ими брошенное в огонь железо, и поволокли сына авахов в сторону от кипящей смолы. Сын авахов изо всех сил пытался вырваться, но клаещи с каждым его толчком все крепче, все сильнее стискивали. А наш человек схватил клаещи за ручки, и, уронив [авахи], поволок к кипящей смоле и, волоча, дергал его клаещами кузнеца Торонтая, был беспощадно семидесятисемипудовым молотом. Он быстро разбил панцирь, выкованный из раскаленного железа. В это время он стукнул авахи молотком по голове так, что она раскололась на три части. Авахи стал черным, как и прежде, и перестал жечь огненным пламенем. Как же он будет сопротивляться, если голова раскололась на три части? Вероятно, он скончался — вытянулся. А наш человек продолжал бить до тех пор, пока тот не превратился в проволоку. Когда он был, пришла девица, попросив, взяла молот у мужа, трижды замахнулась молотом и расколола стоящую скалу величиною с гору. Туда бросила авахи, соединила расколотую скалу и столкнула ее в кипящую смолу. Так они победили, убили его, и наш человек, глядя на хорошую шаманку Аякчан-красавицу, заговорил так:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Тебе говорю, хорошая шаманка Аякчан-красавица, подругой называемая подружка моя, послушай-ка мои слова! Ты пришла в самый трудный для меня час и спасла мне жизнь. Сделала самое большее для меня, один я бы не мог никак победить. А ты, став искусной шаманкой, благословила инструменты старого кузнеца Торонтая, поэтому-то мы и победили. Ничем другим мы бы его не победили. За твою помощь прими большое спасибо! Теперь немедленно отправимся к твоим родителям! Потом устроим свадьбу. Собрав народ, угостим, повеселимся во всю ширь и вдополь, и пусть всюду прозвучит наше имя и пойдет о нас добрая слава! — Угэле-угэле, дэлэгэй! — Выслушав его, хорошая шаманка Аякчан-красавица отвечает ему:

— Кинкир-кикир, кингкилани! — Тебе говорю, другом называемый друг мой, хозяином называемый хозяин мой, Хуржокчон средней земли, ты высказал правильную (букв.: толковую) мысль, поведал содержательный рассказ, сказал то, что достойно похвалы, за эти твои слова спасибо. Теперь послушай как следует и обдумай мои слова! Хотя мы и победили сына авахов, но, возможно, он все-таки где-нибудь выскочил; мне, кажется, рискованно будет так оставлять его. Если спросишь: «Почему?» — [скажу]: «Авахи нижнего мира, хотя и терпят поражение, но их души непременно

ускользают». Здесь недалеко есть живая вода, которой они лежатся. Уничтожив эту воду, мы сможем наконец успокоиться. Давай договоримся и уничтожим ее! Ты будешь отдохать, отправившись к моим родителям, или последуешь за мной осматривать страны — решай сам. Я, непременно отправясь, уничтожу и для своей пользы взяла бы этой воды. Тогда бы мы сами оживали наших умерших, тогда бы мы по-настоящему были бы хорошими. И всякие оборотни и злые обманщики не стали бы нас зря обижать. Тогда далеко стало бы известно наше имя, долго бы помнили о нас! — Кикир-кикир, кингилани! — сказала.

На ее слова наш человек ответил так:

— Угэлэ-угэлэ, дэлэгэй! — Вот ты, подругой называемая подруга моя, хозяйкой называемая хозяйка моя, хорошая шаманка Аякчан-красавица, теперь ты, раскрыв уши, пойми разумом, почувствуй нутром мой рассказ! Как же я, столько горя повидав, могу расстаться со своей милой суженой. Но надо посмотреть и на страны. Ведь суждено же было нам в своей жизни странствовать вместе, спасая друг друга от смерти и дружно объединив свои силы? Поэтому пойдем туда, где та живая вода. — Угэлэ-угэлэ, дэлэгэй! — говорит.

После этого хорошая шаманка Аякчан-красавица надела свой плащ, взяла бубен с грудную клетку лося-самца и колотушку с лопатку лося-самки с восемью ребрами, усадила перед собой Хуркокчона средней земли и, звяня бубенцами-челюстями (подвесками), отправилась [в путь]. В пути она повела такую речь:

— Хеде-хогай, хеде-хогай! — Ты, другом называемый, другинце мой, богатырь средней земли Хуркокчон-мата! Ну, каков ты? Держись крепко, крепись изо всех сил, напряги свои суставы, проезжаем по тем местам, по которым не может ходить человек, приближается трудная часть нашего пути. Раз мы решились уничтожить хитрое средство атаманов авахов, мы пройдем по тем местам, по которым прошла в старину шаманка верхней земли Уникчай-богатырша. Если мы найдем хоть немного живой воды, то спасем своих сородичей, продолжим свой род, тогда о нас распространится добрая слава, широко станет известно наше звучное имя! — говоря, [она] продолжала свой путь.

Разве они будут долго в пути? Сразу достигли центра нижней земли. Доехав, душа этой шаманки Аякчан-красавицы превратилась в иголку, ловко вошла в скалу, нашла в той скале живую воду авахов, зачерпнула бубном сколько надо ее, а оставшуюся [воду] заколдовала так, что сколько бы ни пили ее авахи, она уже не приносила [им] пользы. И [вода] оставалась там же, с виду ничем не отличающаяся от прежней. Аякчан-красавица выныриула из той щели, куда вошла, и вернулась быстро и шумно. Так они легко и быстро достали живой воды и, удовлетворившись ей, пришли в то место, где недавно отдыхали, превратились в людей, тогда женщина обратилась к мужу:

— Ты никому не рассказывай о том, что мы достали это лекарство: если расскажешь, то оно может не вылечить наших родственников. Не рассказывай, если ты мне верный друг и хозяин!

Муж согласился с ней. После этого они сели верхом на отдельную черную тучу и сразу же отправились в страну Хэглэндорстарика. Разве долго едут маты на туче? Не успели они оглянуться, как уже достигли [родины Аякчан]. Доехав, этот Хуркокчон средней земли повел такую речь:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Обращаюсь к вам, Хэглэндор-старик, ездящий верхом на семи звездах, тесть мой, Сивэккилон-старуха, теца моя, откройте дверь и примите низкий поклон! Сначала привет, потом разговоры! Если спросите нас: «Откуда родом-племенем мата прибыли и заговорили?» — [отвечу]: «Пришел я, Хуркокчон средней земли, а это моя подруга — ваша дочь, хорошая шаманка Аякчан-красавица». Уехав отсюда, были все время вместе, сына авахов бросили в смолу нижней земли, (затем) заложили его камнем. Кроме нас, атамана авахов никто бы не смог победить, мы, оба храбрые, убили [его], играючи. Если бы я не прибыл, то он мог бы поиграть, разрывая ваш очаг и раздувая пепел. И если бы не побеспокоилась [обо мне] хорошая шаманка Аякчан-красавица, он победил бы меня в смоле своего нижнего мира. Когда уже мои длинные мысли сильно укоротились и сузилась широкая спина, вот эта моя подруга сбросила, благословив, молот старого кузнеда Торонтая, потом сбросила, напутствуя, и клещи его, наконец, обрызгала меня такой водой, которая не зажипала и при полыхающем огне. После всего этого я легко победил [врага]. Теперь же, хозяева-старцы, приготовьте скорее угощение для нашей свадьбы. Мы столько спасали друг друга (букв.: свои дыхания), столько вместе мучились, что так сжились, что никогда не расстанемся. Сначала угощение устроим здесь, пригласим всех здесь живущих матов, соберемся все и поедим, и повеселимся так, чтобы наше имя гремело широко и распространилась далеко наша слава. А потом соберемся на моей родине на пир [по случаю] нашего прибытия на среднюю землю! — Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

После этого богатая Сивэккилон-старуха правой рукой оперлась на своего старика, левой на старуху-служанку, и, заставив парня-слугу открыть дверь, вышли втроем. И сама старая мать-старуха такую речь держала:

— Дэго-дэго, дэгонии! — Тебе говорю, сыном называемый сын мой, зятем называемый зять мой, прими низкий поклон! Сначала привет, потом разговоры! Мы живем лишь один, едва живы-здоровы. Хорошо, что вы вернулись с победой. Ты, Хуркокчон средней земли, хотя и молод, но оказался смышленым и сильным матом, пришел ты, добрый звеник, и спас наши жизни (букв.: дыхания). Разве когда-нибудь забудется твоя добрая помощь? Мы-то со своим стариком не забудем до самой своей смерти. Мы, старики,

вместе с благодарностью за твоё добро вручаю тебе свою дочь. А ты, дочка, Аякчан-красавица, хорошая шаманка, способная предвидеть все на трех Сибир-землях, вылечивающая всех хилых и больных, оживляющая мертвых, ты с самого начала [будь твердохарактерной], мысли здраво, подражая мне, не лей слез; в то время, когда ты билась с сыном авахов, и в то время, когда прибыл Хурокчон средней земли, твой старший брат богатырь Тамнар, ездавший верхом на тумане, не выдержал первого стремительного столкновения [Хурокчона с Айдар-богатырем], скончался, и его похоронили. Но хорошо и то, что ты сама-то убежала от сына авахов. Не говоря уже о жизни одного человека, он мог бы разорить наш очаг и раздуть по ветру его пепел. Когда же ты сама столкнулась, прибыл твой суженый и спас нас, поэтому хорошенко обдумай все это и начинай готовить угощение для своей свадьбы! А вы, парни медные, не шумите, чугунные парни, не свистите, железные парни, не разводите разговоры, парни-пастухи, не толкуйте, [как глухари], быстро помогите своей госпоже, хорошей шаманке Аякчан-красавице, нарубите дров, пригоните оленей, которых надо забить, забейте и приготовьте [угощенье]! — Дэго-дэго, дэго-нин! — говорит.

Тогда эти парни, вероятно, очень уважали [хозяйку] и слушались ее слов, бросились к двери, и каждый постарался первым открыть дверь. Со скрипом распахнули они дверь, выскочили из дома. Медные парни пустились бежать, широко расставляя ноги, чугунные парни побежали, звоня, железные парни, вертя большими головами, парни-пастухи, скаля зубы, пустились бежать. И быстро пригнали они три стада молодых оленей, загнали их в большую изгородь, окружностью в три кочевки. Потом забили триста тридцать отборных выкормленных холощенных оленей и лучших трех яловых кобылиц, приготовили угощение. Живущих близко собрали, звоня в побрякушки, а живущих далеко галопом привезли на быстроногих трехгодовалых оленях. Собравшиеся мужчины-родственники наполнили долину той большой реки. Излучину реки наполнили женщины-родственницы. Девушки мелькали белыми лебедями, а юноши прохаживались длинноногими журавлями. После этого в ряд поставили серебряные столы о восьми ножках, на них разложили свадебное угощение: на серебряные тарелки груды вареного мяса, туда добавили еще куски мяса на вертелах, мелко нарезанное медвежье мясо смешали с внутренним салом, поставили [тарелки] с оладьями, изжаренными на сливочном коровьем масле, подали и сухое крошеное мясо, смешав с оленим сливочным маслом. И вот они, не вставая, девять суток угощались на свадьбе Хурокчона средней земли и хорошей шаманки Аякчан-красавицы. Среди них оказались хорошие едоки-мата. У тех мат, которые ели жирное оленье и конское мясо вместе с медвежьим внутренним салом, из-под подмышек закапал съеденный им жир — были такие едоки-мата. Кончив есть, начали

играть в разные игры, из парней победителем стал наш человек [Хуркокчон], а из девушек сильнее всех оказалась невеста. Видя это, большинство присутствующих подивились, говоря: «Судьба урангхая очень верна, действительно, на удивление сошлись эти созданные друг для друга».

После этого наш человек Хуркокчон средней земли сел перед тестем и тещей, заговорил так:

— Угэлэ-угэлэ, дэлэгэй! — Обращаюсь к вам, уважаемые старцы, Хэглэндор-богатый старик, и Сивээкилон-богатая старуха, добрые родители, послушайте, обдумывая, мои слова! Настала пора отправляться нам на родину, я долго задержался. Как вы думаете ответить на мои слова? Если вы согласны, то было бы хорошо отправиться в путь сегодня же. До моей родины очень далеко. И вам, мои старцы, было бы хорошо, если бы вы поехали с нами и присутствовали на свадьбе [на моей родине] — таковы мои мысли. Как по-вашему, решайте сами. Я выскажу еще такие мысли: если согласны — скажите: «Да», не понравится — скажите: «Нет». Вы посоветуйте нам, можно ли взять с собой кости вашего сына, покойного богатыря Таминара, ездившего на туманах? Посоветуйте, ведь была поговорка у древних мудрецов: «Совет надежнее силы, лыжко прочнее тесемки». А мы с хорошей шаманкой Аякчан-красавицей взяли бы с собой и в подходящем месте воскресили бы. И так как он отсутствовал здесь на свадьбе, взяли бы его с собой, и там бы он повеселился. Как вы думаете об этом, скажите. Если только вы согласны — мы очень хотим оживить его. Если бы оживили, он бы присматривал за вами, и нам бы было хорошо! — Угэлэ-угэлэ, дэлэгэй! — говорит.

После этого Хэглэндор-старик, глядя на него с умилением, заговорил так:

— Ейдеги-ейдеги, дэгидор! — Ты, богатырь средней земли, сын Коколдокона средней земли, имеющего полное имя во всех трех Сибир-землях, и Инэмкон-красавицы со следами, как ниточки, Хуркокчон средней земли, ездищий на пестром олене с природным золотым седлом и плетеным недоуздком, уважаемый под солнцем взять с золотым добрым сердцем, ты послушай, мою речь, обдумывая, оценивая мои слова. Когда я выслушал твою речь, моим kostям стало легче, встряхнулись мышцы, заводновалось сердце, стало светлее глазам. Ты хочешь взять нас с собой на родину, но мы уже очень стары, мы можем заболеть на полпути, не выдержав дороги, поэтому не можем ехать. Ты не обижайся, думая: «Не захотели с нами ехать». Ты говоришь: «Хочу оживить брата жены, Таминар-богатыря, ездившего верхом на тумане». Все это исходит от доброты сердца, умных мыслей, широкого кругозора и от умения ценить. Это тоже радостная весть. Вы с хорошей шаманкой Аякчан-красавицей решайте сами, если думаете: «Оживим», то увозите его. Как бы было хорошо, если бы вам удалось оживить его, я бы стал считать себя прожившим две-три жизни (букв.:

дважды-трижды родившимся). Ну, сынок, за хорошие мысли, за доброе сердце прими большое спасибо! — Ейдэги-ейдэги, дэгидор! — говорит.

Слова нашего человека Хуркокчона очень понравились и местным, и чужеродцам-матам. Некоторые из них сказали: «Старым богатым людям непременно попадется хороший, сильный человек». А сердечные люди произнесли: «К людям, живущим благополучно, никакая беда не приходит. И старым, и молодым — так начертано их судьбой».

После этого Хуркокчон средней земли, решившись везти с собой покойного Тамнар-богатыря, ездившего на тумане, железных парней заставил вырыть [из могилы] Тамнар-богатыря и, положив гроб в карман, собрался в путь.

А хорошая шаманка Аякчан-красавица карманы своей шелковой одежды туго набила подшлейными волосами оленей, волосом с грив лошадей, остатками лисьих и рысьих шкурок, лоскутками разных тканей — такой уж обычай сборов.

Эти маты и не нуждались ни в верховых оленях, ни в конях [для езды]: трижды перевернулись, превратились в пару стерхов-птиц, и, направляясь в среднюю землю, Хуркокчон средней земли обратился [с прощальными] словами:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Обращаюсь к вам, добрые родители, уважаемые тесть и теща, главный хозяин, богатый Хэглэндор-старик, ездящий на семи звездах, и богатая Сивэкилон-старуха, раскройте уши и мои слова почувствуйте нутром, поймите разумом! Вы скажете обо мне: «Будучи сильным богатырем, не сказал прощальных слов». Оставайтесь, выслушав, как я говорю вам свои затаенные мысли. Я надеюсь: мы сможем оживить этого человека, которого взяли с собой. Поэтому этот мата вернется сюда через три года, от него и услышите о нашей жизни. Если оживим, может быть, ему дадим другое имя, так что вы его не чуждайтесь. А вы до возвращения вашего сына живите благополучно, пусть никакая [беда] с вами не случится, я тоже дам знать о своей жизни. Если же наступит ваш смертный день, по ветру отправьте свои вещие слова. Ваша судьба с вами, наша судьба с нами! Прощайте на долгие годы! — Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

После этого богатая Сивэкилон-старуха такое слово произнесла:

— Дэго-дэго, дэгонин! — Вот говорю, дочерью называемая дочь моя! Аякчан-красавица, хорошая шаманка, у знающая все, что происходит во всех трех Сибир-землях, излечивающая всех хилых, больных, оживляющая мертвых, и ты, зятем называемый зять мой, Хуркокчон средней земли, ты тоже послушай. Слушайте мои слова, обдумывая и скаж мой оценивая! Вы не обижайтесь на нас, говоря: «С нами не поехали». Если вы оживите кости своего старшего брата, то мы для вас ничего не пожалеем, никогда вас не

забудем, стали бы считать, что мы прожили более двух жизней (более, чем дважды родились), почувствовали бы хорошо то, что имеем таких детей, как вы. Если наступит и ваш смертный день, по воздуху отправьте нам свои вещие слова, если бы мы и узнали время вашей смерти, было бы неплохо, всегда бывает необходимо услышать и знать. Когда вы доберетесь до своей родины, будьте хорошей семьей, родите детей, разведите оленей и других животных, и пусть матери принимают вас с почтением, пусть любят чужеродцы и уважают молодые. Ваша судьба с вами, наша судьба с нами! Прощайте на долгие годы! — Дэго-дэго, дэгонин! — говорит.

После этого пара стерхов, поблескивая [крыльями], полетела на свою среднюю землю.

В пути они достигли серебряной горы, отделяющей верхнюю землю от средней, спустились на вершину горы. Богатырь Тамнара, ездившего верхом на тумане, уложил в серебряную колыбель, пригнав суставы к суставам, и хорошая шаманка Аякчан-красавица запела так:

— Хеде-хогай, хеде-хогай! — Я обращаюсь к тебе, братом называемый брат мой, сын богатого Хэглэндор-старика, ездащего верхом на семи звездах и богатой Сивэккилон-старухи, богатырь Тамнара, ездивший на тумане, хорошо раскрой уши, мои волшебные слова пойми разумом и почувствуй нутром! Затем прими низкий поклон, потом будет разговор! Если спросишь меня: «Кто ты, девушка?» — [отвечу]: «Я младшей сестрой называемая сестра твоя, хорошая шаманка Аякчан-красавица». Если же спросишь: «Кто твой друг?» — [то отвечу]: «Мой суженый, муж, сын Кёколдо-кона средней земли, имеющего полное имя во всех трех Сибирских землях, богатырь эвенков, Хуркокчон средней земли богатырь, ездащий верхом на пестром олене, с природным золотым седлом и плетеным недоуздком». Мы хотим воскресить тебя, если же я и вправду своими волшебными словами способна оживлять мертвых, то стань-ка здоровым, вдохни и приподнимись! Как бы было хорошо, если бы ты живым человеком предстал перед нашим взором! Старшим братом называемый брат мой, если бы ты, воскреснув, развел скот, оленей, родил детей, как бы было хорошо услышать после [о тебе] лучшим из чужеродцев, почтенным из матов. Поэтому мой зов пойми разумом, мое заклинание почувствуй нутром, раскрой уши и послушай мое благословение! Сам ты, ожив, покажи свою чистую, хорошую внешность! И пусть изменятся твое звучное имя и громкая слава. Если спросишь: «Кем же стал?» — [то] стань сыном богатого Хэглэндор-старика и богатой Сивэккилон-старухи, родившимся дважды храбрым богатырем Дерисом, ездающим на полосатой туче, мелькающей между восемью облаками. Баю-баю, баюшки! Встань же быстро на ноги! — Хеде-хогай, хеде-хогай! — говорит.

Сказав так, трижды вдохнула, трижды взмахнула и бросила

[колыбель] так, что та трижды перевернулась. После этого храбрый богатырь Дерис, ездищий на полосатой туче, мелькающей между восемью облаками, твердо встал на ноги, схватил женщину за ворот и начал беспощадно бить. А девушка без всякого усилия толкнула его так, что он оказался вожатым между двумя камнями. Тогда он бессмысленно посмотрел туда-сюда и стал медленно приходить в себя. Он, прийдя в себя, заговорил так:

— Чипир-чипир, чипирья! — Что же со мной случилось, мне помнится, что я давно умер, огорчаясь тому, что родился, и думая: «Убил меня сын авахов». Сестрой называемая сестра моя, каким же образом ты оживила меня? До чего же хорошо! Оказывается, и твой суженый, друг твой здесь, как же вы сумели убежать от богатыря авахов Айдара-богатыря и пришли сюда? Низкий поклон вам, потом разговоры! Спасибо вам за то, что оживили и дали снова увидеть белый свет! Я родился второй раз! [Недаром] мудрые старцы говорили: «Кому суждено быть человеком, тот тверже камня и чугуна». Вашу помощь не забуду до смерти, и если после воскресения мне суждено стать человеком, то я вам тоже услужу. Не сердись, постойте, послушайте! — Чипир-чипир, чипирья! — говорит.

Хурокчон средней земли на его слова отвечает, получив разрешение у своей жены, хорошей шаманки Аякчан-красавицы:

— Угэле, угэле, дэлэгэй! — Сын Хэглэндор-старика, ездищего на семи звездах, и Сивэккилон-старухи, храбрый богатырь Тамнар, ездищий верхом на тумане, прими низкий поклон! Сначала привет, потом разговоры! Если спросишь меня: «Откуда ты родом-племенем, мата?» — [отвечаю]: «Я — сын родившегося и выросшего на средней земле Коколдокона средней земли с полным именем на всех трех Сибир-землях и Инмэкон-красавицы со следами, как ниточки, я — мата Хурокчон средней земли, ездищий на пестром олене с природным золотым седлом и плетеным недоуздком». Когда я приехал к твоей сестре, хорошей шаманке Аякчан-красавице, в то время шумел у вас атаман авахов богатырь-Айдар. Мы вместе с моей подругой, хорошей шаманкой Аякчан-красавицей, его замуровали в скалу так, что больше ему никогда не подняться. Вернувшись, поженились, но очень огорчились тем, что тебя не было на нашей свадьбе, потому и привезли тебя сюда и воскресили. Приехав на мою родину, устроим свадьбу. Мы приедем туда, познакомимся, а ты увидишь и узнаешь мою родину, дом, родных. И еще изменилось твое бывшее имя, если спросишь: «Кем я стал?» — [отвечаю]: «Ты сын богатого Хэглэндор-старика и богатой Сивэккилон-старухи, родившийся дважды храбрый богатырь Дерис, ездищий верхом на полосатой туче, мелькающей между восемью облаками. На свою родину ты должен вернуться через три года: в этой золотой коробке есть хорошее лекарство для ожившего после смерти человека, выпей его скорее, а потом вместе поедем на мою родину. — Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

После этого их человек все понял и снова заговорил:

— Чипир-чипир, чипирья! — Вот потому-то, оказывается, и говорили старые мудрецы, что человека спасают хорошие родственники. Сестра моя и зять мой, примите большое спасибо за то, что оживили меня и снова поставили меня на ноги (второй раз на суставы)! После того, как напоили меня лекарством, я стал таким матой, что могу куда угодно доехать! Ну, конечно же, я с удовольствием отправлюсь, чтоб увидеть среднюю землю! В старину говорили о мате, именуемом Кокодоконом, что ему не мог противостоять ни один двуручий. Вот и увижу своего родственника, пойдем! — Чипир-чипир, чипирья! — говорит.

После этого они, Хуркоккон средней земли и хорошая шаманка Аякчан-красавица, превратились в стерхов, а богатырь верхней земли, храбрый богатырь Дерис, сел верхом на свою полосатую тучу, мелькающую сквозь восемь туч, и поехал за ними.

Они так и ехали в среднюю землю. Они, лето узнавая по росе, зиму по снегу на ветвях деревьев, весну по пушистым снежным хлопьям, осень по граду узнавая, над дважды девятью облаками, сквозь дважды восемь облаков летели. Так летели они, и разве в сказании задержатся они в пути — вот и достигли родины Хуркокчона. Доехав, наш человек, белым стерхом паря над отчим домом, повел такую речь:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Вы, давшие мне увидеть белый свет, отцом называемый отец мой, матерью называемая мать моя и все остальные родственники, дяди и тети — все примите низкий поклон! Сначала привет, потом разговоры! Если спросите нас: «Откуда вы родом-племенем, маты, прибыли?» — [отвечаем]: «Я сам — сын богатыря средней земли Кокодокона средней земли, имеющего полное имя во всех краях трех Сибир-земель, Инмэкон-красавицы со следами, как ниточки, Хуркоккон средней земли, ездиций верхом на пестром олене с природным золотым седлом и природным плетеным недоуздком». А это моя подругой называемая подруга, дочь богатого Хэглэндор-старика и богатой Сивэкилон-старухи, хорошая шаманка Аякчан-красавица. Один из нас — ваш родственник, брат подругой называемой подруги моей, сын богатого Хэглэндор-старика и зятя матери по имени Дерис-богатырь, ездиций верхом на полосатой туче, мелькающей между восемью тучами. Этот мата прибыл встретиться с вами, как с родным отцом и матерью. Если же спросите: «Как, по странствовав, прибыли?» [отвечу]: «Мы видели очень много, но с нами едва не случилась беда, видели [мы] и плохое и хорошее». Я побился с атаманом авахов на смоле нижнего мира и едва не потерпел поражение. Оставалось ему только победить, но пришла и выручила моя подругой называемая подруга моя. Если бы она не пришла, то от моих ударов кулаком вспыхнуло бы пламя. А хорошая шаманка Аякчан-красавица побрызгала меня такой водой, которая не становится горячей ни в кипящей воде, не загорается ни в полыхающем огне.

Тогда у меня стала шире грудь, удлинились мысли. После этого она [бубном] притянула с этой земли семидесятипудовый счастливый молот старшего дяди кузнеца Горонтая и опустила мне, тридцати трехпудовые клещи его, благословив, бросила мне. Им я и добил его, как мне хотелось. Потом опустилась сама хорошая шаманка Аякчан-красавица, замуровала его в скалу величиной с горку и стolknula в ту смолу, где он губит людей, — таково наше странствование. Потом мы поженились и привезли с собой старшим братом называемого брата. А вы как жили после меня? Что прибавилось или убавилось? Расскажите подробно, скажите, не скрывая! — Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

Заканчивая речь, они ловко опустились у двери дома Кокодокона средней земли, превратившись в людей, встали на ноги. После этого Кокодокон открыл дверь и пошел к ним навстречу, перебирая короткими ножками. Хотя он был маленьким на вид матой, но крепко пожал руку и энергично целовался. Нюхались так, что распухли щеки, целовались до того, что стали толще губы. После этого он заговорил так:

— Кингир-кингир, кингир мой! — Вот ты, мой сын, Хурокчон средней земли, ездящий на пестром олене с природным золотым седлом и плетеным чедоуздком, невесткой называемая невестка моя, дочь богатого Хэглэндор-старика, ездящего на семи звездах, и богатой Сивэккилон-старухи, Аякчан-красавица, хорошая шаманка, предвидящая все на трех Сибир-землях, могущая вылечивать хилых, больных, оживляющая мертвых; и ты, шурин мой называемый мой шурин, храбрый богатырь Дерис, ездящий на полосатой туче, мелькающей сквозь восемь облаков, вам троим трижды привет, потом разговоры! Если спросите меня: «Откуда ты родом-племенем?» — [ответчи]: «Отец мой — Иркисмондя средней земли, мать моя — старшая дочь Геван-старика Куккумачан-красавица, сам имею полное имя во всех краях трех Сибир-земель — на нижней земле меня именуют чутко пробуждающимся [при приближении] сэлэргунов Сэнгэкчон-богатырем, на средней земле [в детстве] завернутым в рукавицу Кокодоконом, а на верхней земле именуют Мэнгнэникон-богатырем». А после тебя мы жили очень хорошо, самой лучшей из ста жизней. Олени не вмещаются в изгородях, лошадям не хватает места на пастбищах. У зятя [мужа Секак-красавицы] сына солнца лучшего из чужеродцев, почтенного из матов Дергэлдина родилась рочь. Если спросите: «Каково ее звучное имя, долгая слава ее?» — [то скажу]: «Дочь нашего зятя зовут дочь богатыря верхней земли сына солнца Дергэлдина и младшей дочери Геван-старика Секак-красавицы Дергокчон-красавицей, ездящей верхом на молодом трехгодовалом диком олене с двумя полосами». А у Хурокчона верхней земли родился сын, имя его сын Хурокчона верхней земли и Уняптукий-красавицы, указательным пальцем побеждающей всех, храбрый богатырь Денукчан, наступив на камни, раскалывающий их пополам.

лам, ездающий на пестром трехгодовалом олене. А это моя дочь, зовут [ее] дочерью Коколдокона средней земли, имеющего полное имя на всех трех Сибир-землях, и Инмэкон-красавицы со следами, как ниточки, одетой в шелка, с семидесятисемисаженными шелковыми волосами Солкокчон-красавицей, садящейся верхом на богатырском диком олене-самке. А ты, подругой называемая подруга моя Инмэкон-красавица, со следами, как ниточки, быстро собери три стада олений, забей трех лучших холощеных оленей, трех лучших яловых оленей-самок, трех яловых кобылиц, трех откормленных быков и готовь угощение для свадьбы наших детей. Далеко живущих зови бубенцами, близко живущих пригласи словами, пусть никто не остается обделенным. Хорошо, когда много гостей и угощения вдоволь. И после будут поминать добром! Кингир-кингир, кингирмой! — говорит.

После этого Инмэкон-красавица со следами, как ниточка, ввела своих детей домой, усадила их на медную кровать о восьми ножках, а сама вышла из дома, пошла к дверям тройной изгороди с окружностью в три кочевки и два-три раза позвала [оленей]. Тогда в одну изгородь набились олени, во вторую — лошади, в третью — коровы. Из них она выбрала и забила трех холощеных оленей, трех яловых воженок, трех яловых кобылиц, трех откормленных быков, разделала их и подготовила разные кушания. Из [мяса] лесных вверей, из загривка медведя она подготовила такому так много, что столы прогибались. Сухое и крошеное мясо смешала с топленым салом внутренностей и расставила на столы, на сливочном коровьем масле нажарила оладьи — в сказке всего вдоволь.

После этого [хозяйка] пригласила в свой большой дом с широкую поляну лучших из разных чужеродцев, почтенных матов. Далеко живущих пригласила бубенцами, близко живущих позвала словами. [Гости] в таком большом доме расселись [за столами] так плотно, что нигде не осталось свободного места. На этой свадьбе [они] пировали, разговаривая и беседуя [между собой] девять суток без отдыха. На этом пиру (букв.: сидении) желающие поиграть играли, пепцы пели, сказители пели сказание. После того, как кончилось свадебное угощение, [они] вышли из дома и организовали игры для рук и ног: борцы кружились, энергично прыгали на одной ноге, не отставали и прыгуньи одновременно на двух ногах, пробовали свои силы и любители перетягиваться, звонкоголосые показали свое красноречие. Вокруг поляны игрищ собралось много народа, долину наполнили родственники-мужчины, а излучину реки родственницы-женщины, по полянам [ходили высокорослые] юноши, по берегам [бегали с длинными шеями] девушки. В играх из юношей стал победителем Журкокчон средней земли, а из девушек во всех играх победила дочь Коколдокона-богатыря храбрая богатырша Солкокчон-красавица, одетая в шелка и садящая на богатырской самке дикого оленя. После

этого собравшиеся гости усердно и много благодарили хозяина дома Коколдокона средней земли и произносили множество добрых благословений. Живущие далеко засуетились, собираясь домой. В это время сын родственника Коколдокона богатого Хэглэндор-старика, ездащего на семи звездах и богатой Сивэккилон-старухи, мата по имени Дерис-богатырь, рожденный дважды, ездащий верхом на тучке, мелькающей между восемью тучами, сел напротив Дэргэлдина верхней земли, взял его за руку, посмотрел на него добрыми глазами и повел такую речь, высказываясь откровенно и излагая подробно [свои мысли]:

— Чипир-чипир, чипирья! — А ты, лучший из чужеродцев, почтенный из матов, одетый в серебро сын солнца Дергэлдин, [глава] одной из уважаемых семей, я хочу спросить у тебя об одном своем важном намерении. Может быть, ты согласишься на мое счастье (если я по-настоящему счастлив). Не думаешь ли ты предназначить для меня свою дочь, девушку по имени Дергокчон-красавицу, ездающую на трехгодовалом диком олене с двумя полосками, чтобы она стала мне с одного года швеей, с двух лет донохозяйкой, с трех лет суженой, подругой? Как ответишь на это, мата? Дай знать твое решение! — Чипир-чипир, чипирья! — говорит.

После этого Дергэлдин держал такой ответ:

— Гине-гине, гинеканин! — Обращаюсь к тебе, богатырь верхней земли, сын богатого Хэглэндор-старика и богатой Сивэккилон-старухи, рожденный дважды храбрый Дерис-богатырь, ездащий на восьми полосках туч, на твои слова я один не знаю, как и ответить, лично я согласен. Подруга моя Секак-красавица, дочь моя Дергокчон-красавица, ездающая на трехгодовалом диком олене с двумя полосками, может быть, не согласится. Узнаем [их мнения] и поговорим! — Гине-гине, гинеканин! — говорит этот Дергэлдин-богатырь.

Затем он дома сел напротив жены и дочери и заговорил:

— К вам обращаюсь, подругой называемая подруга моя, младшая дочь Геван-старика Секак-красавица, дочерью называемая дочь моя, Дергокчон-красавица, ездающая на трехгодовалом диком олене с двумя полосками, мои слова поймите разумом, из трех слов одно [из них] взвесьте, прочувствовав нутром, из пяти слов два обдумайте, раскрыв уши; из десяти слов пять продумайте, я решил с вами поговорить, посоветоваться. Если спросите: «О чём?», [то] у меня спросил свой вопрос этот богатырь верхней земли, он просит, чтобы Дергокчон-красавица, ездающая на трехгодовалом диком олене с двумя полосками, стала ему с одного года швеей, с двух лет донохозяйкой, с трех лет суженой, подругой. Как вы думаете об этом? Если же хотите узнать мое мнение, то тот, который проездил много стран, наверняка испытал трудности, нет ничего плохого и в его словах, этот мата говорит только лучшее и ладное. Поэтому этот мата, на мой взгляд, подходит для тебя, ты можешь за него выйти [замуж]. Может быть, он и есть твой суженый.

Ну, дитя мое, скажи свое мнение! — Гине-гине, гинеканин! — говорит.

Выслушав его, дочь Дергэлдина Дергокчон-красавица говорит:

— На мой взгляд, [я не знаю], каков [тот], который умер и вновь воскрес. Я никак не могу решиться. Не обижайтесь на меня, думая: «Не согласилась с вашим мнением» — говорит.

А приехавшая новая невестка, хорошая шаманка Аякчан-красавица, оказывается, знала об этом, подойдя к ним, заговорила так:

— Кикир-кикир, кингкиланин! — Ты,уважаемый мной почтенный дедушка, богатырь верхней земли, лучший из чужеродцев, почтенный из матов, одетый в серебро сын солнца Дергэлдин-дедушка, младшая дочь Геван-старика Секак-красавица бабушка, и ты сестрой называемая сестра моя, Дергокчон-красавица, ездащая верхом на трехгодовалом диком олене с двумя полосками, вы втроем, послушайте мои слова. Ведь слова этой девушки не являются окончательным отказом? А ваши слова совершенно правильны, поэтому следует посоветоваться нам, вероятно. То, что мой братом называемый брат родился дважды, хорошо. Теперь он втрое сильнее, чем был раньше, жизнь его станет такой. То, что девушка сомневается, по-моему, очень правильно, оказывается, она твердая, умная девушка. Как незнакомому богатырю сразу ответить: «Хорошо, выхожу». У нашего человека, Дерис-богатыря, ездащего верхом на полоске тучи, мелькающей между восемью облаками, вероятно, есть судьба, полное будущее, шарик счастья. Надо узнать об этом, если все будет хорошо, выдадим девушку. Если у него плохое будущее, что сделаем, придется ему ехать одному. Если спросите: «Как мы узнаем [его будущее]?» — [то отвечу]: «Повесьте изображение Дергокчон-красавицы, привязав лентой, так высоко, чтобы оно было видно с донышко наперстка. Пусть решит его [Дерис-богатыря] настоящая, хорошая судьба, выдержит ли она. Если не победит счастье, он не спустит [изображение], если же победит его счастье-судьба, то он все равно спустит. Тогда мы скажем: «Оказывается, она его суженая». Если же он промахнется, пустив стрелу, пусть без единого слова сразу отправится в свою страну. А когда он попадет [стрелой] и спустит изображение девушки целим, мы сразу начнем справлять свадьбу. Если же изображение девушки будет иметь хоть маленькую дарвину, решит сама девушка. Пусть и жених не принуждает и родители не выдают насильно, вероятно, ее суженый другой, тогда никому не будет обидно. Тот, кто пойдет против указания судьбы, будет виноват сам! — Кикир-кикир, кингкиланин! — говорит.

Выслушав ее, все люди говорят:

— Ну, пусть будет так! До чего ж хороши совет этой хорошей шаманки Аякчан-красавицы. Разные мудрые старцы и молодые, и те, которые уходили и вернулись, и те, крикнувшие: «Правильно!» — все захотели посмотреть [Дериса].

После этого родившийся дважды храбрый Дерис-богатырь, ездиший верхом на полоске тучи, мелькающей между восемью облаками, разве будет стоять; полюбивший хорошую девушку, волнуясь в душе, тренируя мышцы и жилы, потянулся туда и сюда и начал готовиться, натягивая тетиву своего дважды восьмисаженного лука. Пока он готовился, изображение девушки привязали ремешком и подвесили к вершине неба так, что оно стало видно с донышка наперстка. Храбрый мата Дерис натянул тетиву лука до правого уха, говоря так:

— Чипир-чипир, чипирья! — К тебе [к луку] обращаюсь, [который] предназначен спасать мою душу во время моих походов по всем краям трех Сибир-земель, [который] поднимает меня, придерживая за шейный позвонок, когда упаду на спину, [который] поднимает, поддерживая за лоб, когда упаду лицом! Дважды восьмисаженный лук мой, мои вещие слова прочувствуй серединой нутра, раскрыв свои чуткие уши, пойми умом! Покажи в настоящем виде мою крепкую хватку! Если мне суждено обзавестись семьей, поставить чум, развести огонь, родить детей, развести скот, держать оленей в изгороди, то прорви (порвав, пройди) у самого основания ремешок, не задевая изображения дочери богатыря верхней земли, одетого в серебро, лучшего из чужеродцев, почтенного из матов сына солнца Дергэлдина и младшей дочери Геван-старика Секак-красавицы, Дергокчон-красавицы, ездищей верхом на трехгодовалом олене с двумя полосками! Ради чего же родился я дважды, будучи чьим суженым, прибыл сюда! Крепись из всех сил, не пролети мимо моей цели, если [мы] вправду [оба] счастливы! — Чипир-чипир, чипирья!

Как только этот мата сказал так, свистнул его мизинец, взвизгнул указательный палец, взревел большой палец, заржала тетива, засвистела стрела, загремел лук. Звук выстрела прогремел по земле, загрохотал по небу, и не успели оглянуться, как [стрела] пронзила (прорвав, прошла) около основания ремешок изображения девушки, и [оно] упало перед Дерис-богатырем. Гурьбой, словно большая стая гусей, все присутствующие там маты бросились туда посмотреть. Прибежав, они увидели изображение девушки. Когда рассмотрели, [оно] на счастье оказалось дело, поэтому никто не стал противоречить. У жениха-маты (зятя-маты) поднялось настроение (мысли стали легкими), от радости он подрос на одну сажень, заалел румянец (чистая кровь засветилась). После этого за [первой] свадьбой последовала другая. Организовали такую хорошую свадьбу, что она ничем не отличалась от прежней. Ели также весело, разговаривали они в течение девяти суток, не вставая с мест. Между тем хорошая шаманка Аякчан-красавица позвала старшую бабушку по имени Куккумачан, вывела из дома. После этого попросила:

— Ну, бабушка, покажи мне, [где лежат] кости дедов Иркис-монди средней земли и кузнеца Торонтай.

Тогда Куккумачан-старуха повела к могиле мужа, там была и могила кузнеца Торонтая, обе рядом. Дойдя до них, эта Аякчан-красавица из кармана своего суконного кафана достала обрезки оленьей ровдуги, взмахнула трижды, и те превратились в одежду богатыря-шамана. Из другого кармана достала обрезки лосиной ровдуги, опять трижды взмахнула, и они превратились в бубен [величиной] с целую грудную клетку лося-самца. [Она] взяла обрубок лосиного рога, взмахнула трижды, тогда он превратился в колотушку с лопатку лося-самки с восемью ребрами. Теперь у этой женщины было все необходимое. У этой женщины шаманская одежда с головы до ног ориентирована и расшита. Она была из лучшей оленьей ровдуги, расшитая подщейной оленьей шерстью, разукрашенная красным суриком, вдоль и поперек были кисти из полосок ровдуги, между ними круглые бубенчики, подол же был красиво вышит серебром и медью. Надев ее, она стала просить старуху [Куккумачан]: «Вытащим кости дедов». При помощи [ее] она вытащила кости, уложила в две медные люльки, обе люльки положила в карманы своей одежды и пошла на вершину гольца, подпирающего небо. Отправляясь, она говорит:

— Ну, бабушка, ты иди к своим и скажи, что деды придут к нам. Если не предупредим, они могут испугаться.

Затем она превратилась в стерха и полетела, поблескивая, к гольцу. Она разве задержится? — тотчас долетела до вершины гольца и начала камлать в своей длинной одежде, припевая:

— Хеде-хогай, хеде-хогай!

Ейкэ это, ейкэ это!

Слышите ли вы мои волшебные слова? Вот вы, мои деды, Иркисмондя средней земли и кузнец Торонтай, примите низкий поклон! Сначала привет, потом разговоры! Если вы спросите меня: «Откуда родом-племенем девушка пришла и начала оживлять нас, страстью будить и волшеством ставить на ноги?» — [отвечу]: «Я та, что должна была стать для вашего внука Хуркокчона средней земли с одного года швейей, с двух лет домохозяйкой, с трех лет суженой, я дочь богатого Хэглэндор-старика, ездящего на семи звездах, и богатой Сивэккапон-старухи, хорошая шаманка Аякчан-красавица, способная предвидеть все в трех Сибир-землях, могущая лечить всех хилых, больных.

Ейкэ, ейкэ, деды мои, кузнец Торонтай, Иркисмондя! Придите сюда!

— Я иду путем богатырши верхней земли, бабушки Уникчан-шаманки!

Ейкэ, ейкэ, дедушки, если же мне вправду суждено своими волшебными словами и благословением оживить мертвых и поставить [на ноги] предков венков, дедушки, станьте людьми (покажите себя в облике человека). Посмотрите, как родившись, хорошо жили ваши потомки! Посмотрите, как держат в изгороди оленей и развели скот! Посмотрите, как они родили детей! Посмотрите, как

лучшие из чужеродцев, почтенные из матов собрались у ваших потомков, приехав гостить из добрых чувств!

Ейкэ, ейкэ, дедушки, спешите на свою среднюю землю! Стремитесь в свой большой дом! Бегите к дедушке-огню! Проснитесь, зная и помня, кто здесь стоит и старается ставить вас на ноги! Встаньте, оживляю вас я — жена вашего внука, хорошая удачанка Аякчан-красавица!

Хеде-хогай, хеде-хогай! — сказав, [она] трижды взмахнула своей колотушкой.

После этого два старика, оба ожив, сели друг против друга. Иркисмон средней земли, сидя, посматривал туда-сюда своими бесмысленными глазами и заговорил он так:

— Дынгдони-дынгдони, дэлэгэй! — Смотри-ка ты, как же я умер в этой стране? Ведь когда-то давно мой сын, богатырь средней земли по имени Чагилган с огоньками в глазах, начал биться с атаманом авахов нижней земли, что же с ним случилось? А ты, моя невестка-внучка, чья жена? Прими низкий поклон! А я, хоть и проснулся, но не в силах двигаться. Как ты доведешь меня до дома? Для какой пользы меня ты оживила? Хотя я и ожил, но никак не смогу встать на ноги. Что ты сделаешь, чтобы я увидел свой дом? Где же он, скорее увидев, я бы отдохнул! — Дынгдони-дынгдони, дэлэгэй! — говорит.

После этого хорошая шаманка Аякчан-красавица заговорила так:

— Кикир-кикир, кингиланин! — Ты, Иркисмон средней земли, дедушка, прими привет! Сначала привет, потом разговоры! Ты спросил: «Чья ты жена?». «Я жена твоего внука богатыря средней земли Хуркокчона средней земли, ездящего на пестром олене с природным золотым седлом и плетеным недоуздком, отец его — твой младший сын богатырь Коколдокон, имеющий полное имя во всех трех Сибир-землях, мать его — Инмэкон-красавица со следами, как ниточка. Я же — дочь Хэглэндор-старика, хорошая шаманка Аякчан. И если ты сможешь встать, у меня есть вода, которой напою тебя. Пейте ее с кузнецом Торонтайем, тогда благополучно доберетесь до дома. Это лекарство самое меньшее сможет вернуть вам энергию, какую вы имели в свои двадцать пять лет! Кикир-кикир, кингиланин! — сказал, из кармана взяла медную коробку, половину [содержимого] дала пить Иркисмону, а вторую половину кузнецу Торонтаю. А те превратились в двадцатипятилетних и сразу встали на ноги и за невесткой отправились домой. Аякчан-красавица, превратившись в стерха, летела впереди, поблескивая [белизной], Иркисмон средней земли, превратившись в лебедя, кузнец Торонтай — в журавля, летели друг за другом. И разве хорошая шаманка Аякчан-красавица сравнится с ними — полетела далеко вперед. Она разве задержится? Сразу прилетела домой. Прилетев, опустилась на землю, превратилась в человека и встала посреди двора, дожидаясь стариков.

После этого прилетели старики, опустились на землю, перевернулись несколько раз, превратились в людей. Из дома вышло множество людей и начали здороваться с ними. Самой последней [вышла] Куккумачан-старушка, вероятно, она подзабыла своего старика, спрашивала: «Какие маты прибыли?» и подошла между людьми поближе. И внезапно увидела своего мужа, потеряла сознание и упала на спину. Все присутствующие тут же испугались, и поднялся шум-гам. Тогда хорошая шаманка Аякчан-красавица взяла Куккумачан-старуху и раза два подуда ей в лоб, и та пришла в себя. Затем Куккумачан-старуха, вскрикивая, села, чихая, встала и, пронзительно вскрикнув, обняла мужа, здоровалась, отдохшая от усталости, деловала, обливаясь потом, только после этого и успокоилась. Затем старииков ввели в дом, и [они] начали с аппетитом есть свадебное угощение, начали оживленно разговаривать, хорошо играть и веселиться. Иркисмон средней земли сам и кузнец Торонтай тоже стали уважаемыми стариками. И все живые шумно и весело кончили пировать; тогда зять-мата, родившийся дважды Дерис-богатырь, ездищий на полоске тучи, мелькающей между восемью облаками, повел такую речь:

— Чипир-чипир, чипирья! — Вы, давшие увидеть мне белый свет, родившие [мою жену], уважаемые родители жены, богатыри средней земли, ее девушки-красавицы и старики — все, мои слова почувствуйте птуром! Настало время моего возвращения домой, я сильно задержался. Как вы думаете об этом, скорее высказитесь! Свадьба была хорошей, все мои желания исполнились. Когда приеду домой, мне есть о чем рассказать, новостей много. Вот незабываемое спасибо за то, что приняли меня с чистой совестью, с добрыми мыслями и с верным сердцем. Вы не обижайтесь на меня, думая: «Так внезапно отправляется домой». Приближается срок, назначенный моим зятем Хуркокчоном средней земли моим родителям. Пусть исполнится его обещание! (букв.: пусть его слово встанет в ряд). Пусть приеду в срок! Говорили есть пословица: «У хорошего коня плеть одна, у доброго молодца слово одно», так и у Хуркокчона слово одно — приеду я в срок. — Чипир-чипир, чипирья! — говорит.

Его слова понравились всем местным матам.

— Тебе ехать следует — доброму молодому положено судьбой, женившись на девушке, увезти ее на свою родину, — говорят.

Тогда зять и девушка отправляются на родину Дерис-богатыря. Они разве станут медлить? Сразу превратились в пару лебедей и взлетели вверх.

Отправляясь в путь, этот богатырь верхней земли, родившийся дважды храбрый Дерис-богатырь, ездищий верхом на полоске тучи, мелькающей между восемью облаками, говорит [прощальную] речь:

— Чипир-чипир, чипирья! — Вы, давшие увидеть белый свет уважаемые родные жены, — все послушайте! Средняя земля, ты

тоже пойми разумом, почувствуй нутром! Мы уезжаем, вы остаётесь, мы расстаемся, так хорошо пожив и повеселившись. Если бы моя родина была поближе, я бы поселился, приехав сюда, но родина так далека и родители так стары, что наверняка не приеду, но все же если приедем, не удивляйтесь. И если придет ваш смертный день, отправьте по ветру свои вещие слова, может мы спасем ваши души. Мы тоже дадим знать, если начнем умирать. Так ваша судьба с вами, наша судьба с нами! Прощайте на долгие годы! — Чипир-чипир, чипирья! — говорит.

После этого из домашних Секак-красавица, глядя им вслед, говорит такие слова:

— Кимо-кимо, кимонин! — К тебе обращаюсь, дочерью называемая дочь моя, отцом имеющая богатыря верхней земли сына солнца Дергэлдина и матерью имеющая младшую дочь Геван-старика Секак-красавицу, дочь моя, ездищая верхом на трехгодовалом диком олене с двумя полосками Дергокчон-красавица, и ты, имеющий отцом богатого Хэглэндор-старика, ездищего на семи звездах, матерью имеющей богатую Сивэкилон-старуху, зять мой, дважды родившийся храбрый Дерис-богатырь, ездищий на полоске тучи, мелькающей между восемью облаками, послушайте, оценивая мои слова, обдумывая речь мою! Во время вашего длинного пути пусть не помешает злой оборотень, пусть никто не задержит, доброго пути вам! А когда приедете на родину, передайте от моего имени низкий поклон отцу зятя богатому Хэглэндор-старику и матери зятя богатой Сивэкилон-старухе. А вы сами обзаведитесь домом, разведите огонь, родите детей, растите скот, огородите олений, пусть вас любят чужеродцы, пусть уважает потомство, станьте хорошей почтаемой семьей. Мои слова пусть станут добрым благословением и сопутствуют вам, мое вещее напутствие пусть укажет вам дорогу! До встречи ваша судьба с вами, наша судьба с нами! Прощайте на долгие годы! — Кимо-кимо, кимонин! — говорит.

Так благословив, они дочь и зятя отправили на родину.

Жители этой средней земли возглавили страну эвенков, имеющую добрым именем Иркисмонди, разбогатели, словно морская вода; коровы наполнили все [долины] рек, склоны чернели от табунов коней, по горам бегало множество оленей. У них выросли семьи в несколько поколений, в разных странах распространилась слава, и пошла молва о их добром имени.

После этого для дочери Коколдокона средней земли настало пора возмужания тела и укрепления суставов. Если посмотреть на внешность этой славной девушки, то, вероятно, из нее вырастет такая красивая женщина, равной которой нет среди эвенкийских девушек. Кровь ее чиста и прозрачна, сквозь мышцы видны прямые кости, а сквозь кости виден чистый костный мозг. На этой земле с черной глиной и зеленою травой выросла и расцвела такая девушка, внешность которой ни с чем не сравнишь. Так она жила, расцветая и мужая. Однажды в полночь она увезла старого куз-

ненца Торонтая к вершине гольца, подпирающего небо, называемого дальним краем средней земли. Там попросила сделать себе для игр площадку окружностью в одну кочевку. Со словами: «Если я наступлю, она не продавится» [Солкокчон] заставила [кузнеда] покрыть лучшей медью, замостить большими лиственницами и укрепить хорошими елями. Эта молодая девушка приходила сюда каждый день и тренировалась. Долго ли, коротко ли они жили — я не знаю.

Когда они так жили, однажды утром со всех сторон неба почему-то начали стущаться черные тучи, начали умножаться белые тучи, забегали красные тучи — настал, вероятно, необычный день. После этого подул ветер, полил дождь, начал сыпаться снег, тут же загремел гром, засверкала молния, закружил вихрь, расщепляя сухие деревья, сваливая растущие деревья и едва не опрокинул их дважды восьмигранный дом. За это время выпал снег с глиной [глубиной] до пояса стоящего человека, до окон дома. Затем [небо] очистилось, и сверху прилетел, свистя крыльями, сокол и сел у дверей. Опустившись, заговорил так:

— Гонгго-гонгто, гонггоди! — К тебе обращаюсь, сын Иркисмонди средней земли и старшей дочери Геван-старика Куккуман-красавицы, имеющий полное имя во всех трех Сибир-землях: на нижней земле чутко просыпающийся [при приближении] врачов Сэнгокчон, на средней земле завернутый в рукавицу Коколдокон, на верхней земле ездящий верхом на богатырской птице Мэнгионикон — богатырь средней земли, послушай мои слова, открой дверь, прими привет! Сначала привет, потом разговоры! Если спросишь меня: «Откуда ты родом-племенем, мата, пришел, начал здороваться и вести разговоры? — [то отвечу]: «Отец мой — белая туча, мать — красная туча, они родились на верхней земле, имя мое — выросший на краю верхней земли, ездящий верхом на быстрой туче храбрый Денор-богатырь среднего мира». Если спросишь: «Какая главная нужда [тебя привела] и для чего ты сюда прибыл?» — [то отвечу]: «У меня совсем нет [той, которая должна была стать для меня] с одного года швеей, с двух лет домохозяйкой, с трех лет суженой, подругой». Поэтому я прибыл, торопясь к громкой славе твоей дочери и примчался к ее славному имени. Если бы ты дал согласие, я никогда бы не забыл твое добро. Обещал бы: упадешь на спину — подниму за затылок, упадешь вниз лицом — подниму за лоб. Как ты думаешь об этом? Дай знать — отдаеш или нет? До родины моей далеко, не заставляй ждать путника, не задерживай странника, мысли свои выскажи, не раздумывая! — Гонгго-гонгто, гонггоди! — говорит.

После этого Коколдокон направился к выходу, а дочь его не дала выйти, сказав: «Я выйду сама и встречу его первой!». Сама вышла и заговорила так:

— Вивир-вивир, вивирья! — Тебе говорю, богатырь верхней земли, сын белой тучи и красной тучи, родившийся на краю верх-

ней земли храбрый Денор-богатырь, ездиший верхом на быстрой туче, сначала привет, потом разговоры! Если спросишь меня: «Откуда ты родом-племенем, девушка?» — [отвечу]: «Отец мой Коколдокон средней земли, мать Имэкон-красавица со следами, как ниточка, я сама вся в шелковой одежде Солкокчон-красавица, ездила верхом на необъезженном богатырском теленке дикого оленя». А твои слова я все слышала, ты такой мата, у которого все не так: главная забота твоя, оказывается, защищать жизнь богатыря Коколдокона, другая забота — дальность твоей родины, туда ты торопишься, хочешь знать мое мнение — послушай мои слова: говорят, есть такая пословица: «Животные узнают друг друга, поиграв рогами, а люди — поиграв силой рук и ног». Поэтому, если ты действительно приехал ко мне, следуй за мной к моей медной площадке, там попробуем [силы]. Два богатыря как породнимся, не узнав друг друга? На душе будет спокойно, когда узнаем друг друга, и для других хорошо. Если ты победишь меня, то только тогда сможешь спасать душу, не сможешь победить — лучшеозвращайся домой, ты ведь путник, зачем из-за нас становишь задерживаться? Лучше будет, если ты, странник, примешься за свое странствование, ты, путник, будешь держать свой путь! — Вивирвивир, вивирья! — говорит.

Кончия говорить, превратилась в стерха и, свистя крыльями, полетела к своей медной площадке для игр. А тот человек, думая: «Еще лучше мне встретиться с ней в лесу», превратился в сокола и полетел вдогонку. А женщина прилетела к медной площадке, превратилась в человека и встала. Тот человек прилетел, шумя крыльями, и превратился в человека. Он внимательно посмотрел на девушку, родилась же на глинистой земле такая славная и красивая девушка. Кровь ее сверкает, как зеркало, гело просвечивает, как хрустальная рюмка, сквозь мышцы видны стройные кости, а сквозь кости просвечивает жидкий костный мозг ее — стоит такая красивая девушка.

Увидев ее, тот человек полюбил ее душой и телом, подошел к ней, глядя бессмысленными глазами, обнял и сразу начал целовать. Девушка толкнула его в грудь. Тот человек даже сам не понял, что с ним случилось, не успел оглянуться, как упал на остров на дне нижнего моря. Затем Солкокчон-красавица отправилась домой. Оставшиеся дома подивились опрометчивости девушки, как она прогнала мату с такими смелыми мыслями, трусливые испугались. Только Коколдокон, смеясь, шагал взад-вперед на своих коротких ножках. В это время он увидел дочь, идущую одну, и говорит:

— А дочь идет одна (только сама). Люди смотрели, говоря: «А где же мата?». Девушка летела одна. Девушка прилетела, опустилась на землю, превратилась в человека и подошла, улыбалась.

— Где же тот мата? Куда ушел? — спросили члены семьи.

— Мата ли, туман ли набросился на меня, я оттолкнула, он упал в нижнее море. Будучи таким, зачем же он прибыл, несчастный, — говорит девушка.

После этого Журокочон средней земли спросил у своей жены:

— Что сделать с тем матом, чтобы не осталось имя нашей девушки?

На это хорошая шаманка Аякчан-красавица ответила:

— Если она его вправду прогнала, если он умер, то ославится наше имя, поэтому я пойду, посмотрю! — сказала. Она надела шамансскую одежду, схватила колотушку и отправилась, камная. Зазвенели колокольчики и бубенчики, удаляясь, она заговорила:

— Хеде-хогай, хеде-хогай! — Ты, богатыры верхней земли, сын белой тучи и красной тучи, выросший на краю верхней земли храбрый Денор-богатырь, ездищий верхом на быстрой туче, как же ты уснул? Ейкэ-эйкэ! Если уснул — проснись, если умер — воскресни, поднимись человеком, каким был! Мои слова поймут разумом, почувствуй нутром, раскрои уши! Если спросишь меня: «Какая девушка пришла и начала спасать меня? — [отвечу]: «Я — дочь богатого Хэгэндор-старика и богатой Сивэккилон-старухи, могущая предвидеть все в трех Сибир-землях, способная вылечить хильых, больных, хорошая шаманка Аякчан-красавица, приди, заклинаю, встать на ноги!» Если здесь умрешь — будет плохо средней земле. Померкнет слава, исчезнет твое доброе имя. Если суждено твоему имени не померкнуть, то быстро встань на ноги, открои глаза! Твоя судьба не одолела нашу девушку, судьба [т. е. суженая] твоя другая. Поэтому у своего покровителя тихонечко попроси о своей судьбе, живи в другой стране, ходи подальше! — Хеде-хогай, хеде-хогай! — говорит.

Сказав так, трижды взмахнула своей колотушкой с лопатку лося-самки с восемью ребрами, два-три раза подуда в лоб того человека, тот сразу выздоровел, восстановился его прежний облик, узнав все, что знал, вспомнил то, что помнил, и ему было очень стыдно. Быстро встал, перевернулся трижды, превратился в сокола и полетел на верхнюю землю.

После этого хорошая шаманка Аякчан-красавица пошаманила на его дорогу и, узнав, что ничего плохого не будет, прилетела. Не видно было, где она хранит свою шамансскую одежду, и никто не знал об этом.

После этого они жили тихо без всяких забот, как и прежде. Жизнь была полной чашей. Однажды одетая в шелка Солкокочон-красавица, ездищая на необъезженном богатырском теленке дикого оленя, села напротив старого кузнеца Торонтай и повела такую речь:

— Вивир-вивир, вивирья! — Ты, уважаемый дедушка кузнец Торонтай, мои волшебные слова пойми разумом, почувствуй нутром, раскрои уши, из десяти слов оцени пять, обдумай три слова! На меня не обижайся, думая: «Заставляет [работать] старого»,

я хочу попросить тебя об очень важном для меня. Если спросишь: «Что это» — [то скажу]: «Если бы ты сделал для меня своими умелыми счастливыми руками дважды восьмисаженный лук, который бы мог облететь весь верхний небосвод и [вернуться сюда], как бы было хорошо тогда». Мне он очень нужен (моя судьба очень нуждается в нем), если бы ты сделал — стало бы известно все мое будущее. Поэтому если ты согласен, сделай побыстрее и дай мне. Вивир-вивир, вивирья! — говорит.

Этот кузнец Торонтай услышал ли ушами, в мыслях ли догадался: посмотрел на присутствующих, улыбнулся, посмотрел на девушку, кивнул головой и тотчас же взял семидесятисемипудовый молот, тридцатицерхпудовые клещи и направился в свою кузницу. Зашумели меха, забухали удары молота, заскрипели клещи.

Коколдокон пришел и, рассматривая, думает: «Он лук, вероятно, кует из железа». Видит, тот недаром стал кузнецом: ковал так искусно, что лук покрыл медью, древко лука из упругой сердцевины прочного дерева покрыл железом, спускную палочку сделал из железа, насторожку из прочного железа,¹ а тетиву из гибкой проволоки натянул. Этот человек, с рождения не произносивший ни одного слова, произнес: «Пусть название этого лука будет Тэгэн-богатырь», кроме этого, ничего не сказал. Старый кузнец Торонтай принес девушке лук и отдал ей. А девушка очень обрадовалась, взяла лук и отправилась на площадку битвы и играла, стреляя в цель. Ходила туда она каждый день и с большим увлечением играла луком. Стрела ее попадала в цель, куда бы она не целилась, она ничуть не отклонялась. Потом со словами: «Если выстрелить вверх, куда дойдет?» и выстрелила вверх наугад, спустила стрелу. Стрела полетела, и не стало ее видно. «До чего-либо дойдя, упала» — говорит. Поискала там и здесь и не смогла найти. Когда же она вернулась к месту, откуда выстрелила, стрела вернулась и вонзилась в медную площадку. Увидев это, девушка подумала: «Это какой же невидимый злой колдун [сделал]» и, взяв стрелу, внимательно осмотрела ее. Оказалось, что у основания наконечника стрелы остались ясные отпечатки пяти пальцев какого-то маты. Увидев это, девушка пришла к жене брата и обратилась с такими словами:

— Вивир-вивир, вивирья! Ты, жена моего брата, дочь богатого Хэглендор-старика, ездишь верхом на семи звездах, и богатой Сивэккилон-старухи, хорошая шаманка Аякчан-красавица, предвящающая все в трех Сибир-землях, могущая вылечить всех хилых, больных, способная оживлять мертвых, мои слова почувствуй внутром, пойми разумом, раскрой уши! Я выстрелила вверх из лука, подаренного дедом кузнецом Торонтаем, думая: «Как далеко улетит [стрела]»; стрела полетела [так далеко], что я потеряла

¹ Сказитель описал изготовление лука как изготовление самострела с насторожкой и спускной палочкой.

ее из виду. После того, как я пошла искать ее, а она вернулась и вонзилась в то место, откуда я ее пустила. Ты посмотри, какой злой разбойник подштил надо мной. Он оставил отпечаток пяти пальцев у основания древка моей стрелы, схватив ее, пустил (бросил) ее обратно, и она упала, вонзившись до половины в медную площадку. Кто же это невидимый продолжает шутить надо мною, [он] схватил стрелу мою, играючи, с чего же преенебрегает мною, ох досада, горе мне! Как же отомщу [я ему], видите ли, как мне обидно [и] досадно? Дай мне какой-либо совет! — Вивир-вивир, вивирья! — говорит.

Выслушав ее, хорошая шаманка Аякчан-красавица говорит: «Где стрела? Посмотрим». Она взяла стрелу, осмотрела ее и повела такую речь:

— Кикир-кикир, кингкиланин! — Тебе говорю, дочь Коколдо-кона средней земли, имеющего полное имя во всех трех Сибирских землях, и Инмэкон-красавицы со следами, как ниточка, одетая в шелка Солкокчон-красавицы, ездящая на необъезженном богатырском теленке дикого оленя, сестра моего мужа (младшей сестрой называемая сестра), мои слова почувствуй нутром, пойми разумом, раскрой уши! Дедушкой называемый дедушка твой кузнец Торонтай, оказывается действительно хороший кузнец. Сделанная им стрела до какого богатыря долетела, я и сама не знаю. Поэтому иди и попробуйпустить стрелу, если этот храбрый богатырь судьбой предназначен нам, то даст какой-нибудь знак, а если он враг — тоже узнаем. Кто бы ни был, ты не бойся, выстrelи, изо всех сил натянув стрелу, пусть что будет, то и будет! — Кикир-кикир, кингкиланин! — говорит.

Выслушав ее, эта Солкокчон-красавица взяла лук, отправилась на игровую медную площадку, дойдя до места, откуда стреляла, оперлась ногами так, что увязла до колен на своей медной площадке, натянула тетиву до правого уха, целилась трое суток, упиралась четверо суток, держалась пятеро суток, направляла шестеро суток, стояла устойчиво семеро суток, держала [лук] восемь суток, только после этого взвизгнула ее мизинец, взревел большой палец, ухнул указательный палец, взвизгнула тетива, прошумел лук, прогремела стрела. Куда долетела стрела, не было видно. Она со свистом пролетела к макушке неба. А Солкокчон-красавица ходила взад-вперед по медной площадке, поглядывая по сторонам. В это время с макушки верхнего мира сквозь белую тучу падала, свистя, серебряная стрела. Не успела оглянуться, как стрела до половины вонзилась в медную площадку. Девушка подошла туда и увидела, что упавшая стрела была другая, а не ее. Вот девушка осмотрела ее хорошенько, она была вся из серебра, посмотрела с одной стороны стрелы — видны блестящие глаза и брови молодой женщины, посмотрела с другой стороны — сверкают глаза и брови молодого человека. Девушка взглянула внимательно — там изображение очень красивого маты. Рядом с ним

сидит подстать ему красавица-девушка. Увидев его, Солкокчон-красавица очень удивилась, разглядела хорошенъко, видит — три золотые насечки. После этого Солкокчон-красавица взяла стрелу и пошла домой. Вот, прия, заговорила так:

— Вивир-вивир, вивирья! — Тебе говорю, отцом называемый отец мой, Коколдокон средней земли, имеющий полное имя в трех Сибир-землях, матерью называемая мать моя, Инмэкон-красавица со следами, как ниточка, жена моего брата хорошая шаманка Аякчан-красавица, вот вы послушайте мои слова, оценивая, мои волшебные слова, послушайте, обдумывая! Я потеряла мою медную стрелу, сделанную дедушкой кузнецом Торонтаэм, ох, как жалко ее! А эту спустил какой-то злой оборотень, эта серебряная стрела воинилась предо мной. Враг ли он, друг ли нам? Она имеет еще три золотые насечки, уж очень это подозрительно. А еще с одной стороны видно изображение с блестящими глазами и бровями молодой девушки, а с другой стороны — со сверкающими глазами и бровями молодого человека! Посмотрите-ка, вы сами! — Вивир-вивир, вивирья! — говорит.

Услышав это, домашние быстро вышли и увидели: действительно, прилетевшая стрела была особой. Разглядели ее хорошенъко — (на ней) было изображение красивого маты, несомненно лучшего из людей. Было здесь и изображение их собственной дочери Солкокчон-красавицы. Увидев это, Коколдокон средней земли предупредил свою дочь такими словами:

— Ты не оттолкни его так, как оттолкнула первого мату. Этот мата, вероятно, хороший человек, тебе подстать он. Видимо, он скоро прибудет. Когда приедет, мы поговорим с шаманкой Аякчан-красавицей, — говорит.

Вот после этого они прожили трое суток, у хорошей шаманки Аякчан наступила пора [родов], на третью утро она говорит такие слова:

— Кикир-кикир, кингкиланин! — Ты, другом называемый друг мой, хозяином называемый хозяин мой, Хуркокчон средней земли, мои слова почувствуй нутром, пойми разумом, раскрой уши! Исполнился срок наших месяцев, держись-приготовься, наступило время рождения сына! Держись крепче и встань у дверей, говорили, что сын богатыря бывает храбрым богатырем, поэтому будь человеком! Если не удержишь — убежит, будь осторожен. Если только теперь не удержим, после его никто не уймет, поэтому покажи себя, держись крепче! — Кикир-кикир, кингкиланин! — говорит.

После этого лишь только Хуркокчон средней земли приблизился к двери, как произвольно заплакал мальчик, прыгнув, порвал себе пуповину и выскоцил через голову отца, превратился в серебряную птичку и взлетел вверх. А наш человек Хуркокчон, превратился тоже в серебряного белого журавля, полетел вдогонку. Этот ребенок с шумом летел прямо на восток. Хуркок-

чон средней земли, все больше распаляясь, гнался за ним. Когда они летели друг за другом, со стороны восхода солнца с шумом приближался к ним белый вихрь. Вгляделись в этот вихрь внимательно, оказалось — приближается одетый в серебро, очень красивый мата, несравненно лучший из богатырей, несомненно храбрый богатырь из эвенков, исключительный из урангкаев на чистобелом молодом коне с природным серебряным седлом и с естественной звенищей уздой. Приближаясь, этот человек увидел Хуркокчона средней земли, остановил коня и, поставив его на медной площадке, сам пошел навстречу нашему человеку, здороваясь правой рукой, заговорил так:

— Геро-геро, герокани! — Смотри-ка, имеющий отцом Кокодокона средней земли, с полным именем в трех Сибир-землях, имеющий матерью Инмэкон-красавицу со следами, как ниточка, Хуркокчон средней земли, ездищий на пестром олене с природным золотым седлом и плетеной вожжой, прими низкий поклон! Сначала привет, потом разговоры! Если ты спросишь меня: «Откуда родом-племенем, мата, прибыл и здороваешься [со мной]?» — [отвечу]: «Отец мой царь-солнце, освещающий три Сибир-земли огненным золотым фонарем, а мать моя — одетая в расшитую и раскрашенную одежду, богатая Онердон-старуха. А я — в серебряном панцире храбрый Мэнгундор-богатырь, ездищий на чистобелом молодом коне с природным серебряным седлом и серебряной звенищей уздой. Если спросишь: «Какое срочное дело, что за нужда заставили приехать к нам?» — [отвечу]: «Я услышал своими обоними чуткими ушами о громкой славе твоей сестры, сестрой называемой, с которой вы росли вместе, как два рога двухгодовалой коровы. Направил [я] своего чистобелого двухгодовалого коня в вашу среднюю страну, основательно обдумав свой храбрый поход, прибыл. А твой сын такой мата, который будет странствовать по указанию своей судьбы. Ты не гонись за ним, сам вернется, постранствовав. Теперь же дай ему имя и оставайся, так он не сможет убежать, непременно вернется! — Геро-геро, герокани! — говорит.

Выслушав его, наш человек Хуркокчон средней земли, превратившись в человека (своим телом человек собою упав), опустился на эту медную площадку, повел такую речь:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Тебе говорю, имеющему отцом солнце-царя, освещающего три Сибир-земли огненным золотым фонарем, и имеющему матерью богатую Онердон-старуху в расшитой узорами одежде, храбрый Мэнгундор-богатырь в серебряном панцире, ездищий на чистобелом двухгодовалом коне с природным серебряным седлом и с естественной серебряной звенищей уздой, предназначенный судьбой [быть мне] зятем, прими низкий поклон! И ты, вероятно, правильно говоришь, поэтому дам ему имя, пусть укажет ему путь его судьба. Мой сын, каким бы ты ни был строптивым и неумным, мои волшебные слова пойми разумом,

почувствуй нутром, раскрой уши! Я — твой уважаемый отец, давший увидеть тебе белый свет, Хуркокчон средней земли, ездащий верхом на пестром олене с природным золотым седлом и плетеным недоуздком. А мать, вырастившую твое здоровое тело, прочные кости, тебя самого в теплой утробе под своим золотым сердцем, зовут хорошей шаманкой Аякчан-красавицей, предвидящей все в трех Сибир-землях, вылечивающей хилых, больных, оживляющей мертвых, имеющей отцом богатого Хэглэндор-старика, ездащего верхом на семи звездах, и имеющей матерью богатую Сивэкилон-старуху. А ты, родившийся от этих богатырей, ездащий верхом на серебряной птичке, по имени будь Денукчаном-богатырем! Пусть сопутствует тебе твой покровитель-тетерев, пусть хранит тебя твой хранитель-глухарь! Не уступай двуногому, не падай от крутобокого, не спотыкайся об имеющего суставы! Твоя судьба с тобой, моя судьба со мной! Прощай на долгие годы! — Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

После этого сами два богатыря, встретившись и шагая по медной площадке так, что она шаталась, начали здороваться, да так, что раздавалось по всей средней земле. А звонкие поделуи их были слышны на небе, щеки их стукались так, что было слышно на южном склоне и отдавалось эхом на северной стороне. Вот так восторженно встретились эти матери.

После этого приезжий человек, глядя в упор на нашего человека, произнес такую речь:

— Геро-геро, героканин! — Мы с тобой оба храбрые матери встретились, давай поговорим не спеша, своими золотыми сердцами в шестнадцати (дважды восемь) ребрах, с хорошими намерениями, с жидкой кровью, с трезвыми мыслями лично сами, славя свои добрые имена, поговорим на тихой, просторной земле и узнаем намерения друг друга. Если спросишь: «Ради чего ты так [красноречиво] говоришь своим языком и челюстями?» — [ответчи]: «Я пришел просить сестрой называемую сестру твою, с которой выросли вместе, как пара рогов двухгодовалой коровы, чтобы она стала для меня с одного года швеей, с двух лет домохозяйкой. Потому тебе и говорю, другом называемый друг мой, ты свои добрые мысли изложи последовательно своим золотым сердцем, выскажи, не тая. Я последую твоему совету — скажешь: — «Согласен», — пойду (я не уйду от своего совета) на твою родину, не согласишься — не стану настаивать, ты дай знать свои мысли! — Геро-геро, героканин! — говорит.

После этого наш человек подумал, сгибая [один за другим] свои пять пальцев, сел напротив того человека, посмотрел на него добрым взглядом и повел такую речь:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Тебе говорю, имеющему отцом солнце-царя с огненным золотым фонарем и имеющему матерью богатую Ондердон-старуху в расшитой и раскрашенной одежде, богатырь по имени Мэнгуидор, ездащий на чистобелом молодом

коне с природным серебряным седлом и естественной звенящей серебряной уздой, другом называемый друг мой, зятем называемый зять мой, мои откровенные слова, мой подробный рассказ, раскрыв свои чуткие уши, пойми ясным разумом, почувствуй здоровым нутром! Разве мне не подойдут твои слова: «Как же я не соглашусь на твою просьбу». Моя сестра, одетая в шелка, богатырша Солкокчон-красавица как же сама не согласится, не откажет она! И мы сами введем [в дом] с добрыми словами, поэтому мы оба давай-ка отправимся в мой дом. И отцом называемый отец мой не станет препятствовать, он среди богатырей-эвенков отличается добрым нравом. А для авахов нижней земли, ничего не скажешь — в нем [сидит] грозный человек, ты, вероятно, и сам слышал о нем! — Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

После этого тот дальний человек, взглянув на него [Хуркокчона] добрыми глазами, согнул пять пальцев один за другим, вероятно, он тоже о чем-то раздумывал. После чего тот богатырь верхней земли храбрый Мэнгундор-богатырь заговорил так:

— Геро-геро, героканин! — Тебе говорю, имеющему отцом Кокодокона средней земли, с полным именем на трех Сибирских землях и имеющему матерью Инмэкон-красавицу со следами, как ниточка, Хуркокчон средней земли, ездащий на пестром олене с природным золотым седлом и естественным плетеным недоузком, другом называемый друг мой, уважаемый шурин, мои слова, раскрыв оба чутких уха, пойми чистым разумом, почувствуй здоровым в шестнадцати (дважды восьми) ребрах своих! Сейчас ты сам или один, а я приеду через трое суток. Ты не говори о встрече со мной, расскажи о том, как ты назвал своего сына, больше не говори ни о чем. У твоей сестрой называемой сестры должна быть моя семисаженная серебряная стрела, а медная стрела Солкокчон-богатыри, сделанная кузнецом Торонтаэм, есть у меня. Мы встретимся сами и померянемся [силами], отгадка нашей судьбы на земле (глине-земле) с зеленою травой, вероятно,кроется в них [стрелях], ими [мы] и поговорим. Ты не обижайся на меня, думая: «Не захотел со мной ехать», если [я ей] не подойду, пусть вернет назад меня одного. Если же приедем вдвоем, [она] скажет: «Какого опять злого оборотня привел?», вместе нас и обвинит. Поэтому сначала ты сам приезжай. — Геро-геро, героканин! — говорит.

После этого наш человек как бы сказал: «Твои слова при тебе, мои слова при мне», ничего не говоря, перевернулся трижды, превратился в серебряного белого журавля и отправился в свою среднюю страну, сверкая и поблескивая. Но разве же он задержится? Тотчас начал приближаться к дому. Прилетев, шумно опустился у дверей и начал говорить откровенно и рассказывать подробно:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Тебе говорю, подругой называемая подруга моя, имеющая отцом богатого Хэгландор-старика, ездащего верхом на семи звездах, и имеющая матерью богатую

Сивэкилон-старуху, хорошая шаманка Аякчан-красавица, предвидящая все в трех Сибир-землях, вылечивающая хилых, больных, оживляющая мертвых, прими низкий поклон! Сначала привет, потом разговоры! Если ты спросишь: «Откуда родом-племенем мата прибыл?» — [то отвечу]: «Я — твой другом называемый друг Хуркокчон средней земли, ездищий на шестром олене с природным золотым седлом и природным плетеным недоуздком». Если спросишь: «Где же твой сын?» — [то отвечу]: «Он хотя и улетел, превратившись в белую птичку, но подрастет и вернется». Я вернулся, дав ему вечное, звучное имя и добрую славу. Если спросишь: «Какое имя дал?» — [отвечу]: «Он стал матой энергичным Денукчаном, имеющим отцом Хуркокчона средней земли, имеющим матерью хорошую шаманку Аякчан-красавицу, ездищим верхом на серебряной птичке. Зачем же нам печалиться, он такой мата, который сам постоит за себя, раз он родился от нас, не может быть слабым, хилым матой. Он будет ходить непременно наравне с храбрыми, сильными матами, он не уступит [в силе] двуногому, не сможет сопротивляться двуручий, он не упадет от крутобокого. Я думаю, что он не подведет наше доброе имя. Угээле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

После этого хорошая шаманка Аякчан-красавица вышла из дома, ввела своего мужа в дом, усадила на серебряную скамейку о шести ножках. А сама вышла, раза два-три покликала [оленей], и в тройную изгородь окружностию в три кочевки полностью набилось три стада молодых оленей. Затем хорошая шаманка Аякчан-красавица, выбрав трех лучших холощеных оленей и трех отборных яловых кобылиц, заставила забить, и трех отборных яловых оленей. Она заставила сварить все мясо и, пригласив всех соседей, устроила угощение в честь рождения энергичного Денукчана. Собралась вся родня Иркисмонди среднего мира и веселилась.

Во время пира со всех сторон начали сгущаться тучи черные, начали умножаться белые тучи, туда-сюда забегали красные тучи. Сразу за этим в одно мгновение поднялся ветер, закружил вихрь, поднялась буря, засверкала молния, загремел гром, и не успели оглянуться, как выпал снег с землей [глубиной] по пояс стоящего человека. Этот вихрь едва не опрокинул их шестнадцатигранный дом. Затем небо засияло так, как будто никогда и не было ни дождя, ни снега.

После этого в площадку, где играла одетая в шелка Солкокчон-богатырша, ездищая на необъезженном богатырском теленке дикого оленя, вероятно, ударила сильная молния. После чего хорошая шаманка Аякчан-красавица говорит:

— На площадку, где играет наша девушка, упала огромная молния, вероятно, снова кто-нибудь пришел. Я пойду, посмотрю.

На это Хуркокчон средней земли говорит:

— Ну, иди быстро, если он злой оборотень, быстро отправь ко мне свои волшебные слова.

После этого хорошая шаманка Аякчан-красавица тотчас вышла и, превратившись в белую птичку, полетела, поблескивая, к игровой площадке девушки. Прилетев, посмотрела внимательно, оказалось [по площадке] взад-вперед бегает белый вихрь.

А хорошая шаманка Аякчан-красавица опустилась на землю, обернулась собой, посмотрела внимательно, оказалось, на площадке, где играла девушка, реввился богатырь весь с головы до ног одетый в совсем не помятую серебряную одежду. Пришел и играет на площадке девушки. Увидев это, хорошая шаманка Аякчан-красавица сразу узнала и повела такую речь:

— Кикир-кикир, кингкиланин! — Это ты, имеющий отцом Солнце-царя, освещающего три Сибир-земли своим огненным золотым фонарем, и матерью имеющей богатую Онердон-старуху, одетую в расшитую и раскрашенную одежду, ездащий на чисто-белом молодом коне с природным серебряным седлом и звенящей серебряной уздой, одетый в серебряный панцирь храбрый Мэнгундор-богатырь, прими привет! Сначала привет, потом разговоры! И если ты спросишь меня: «Откуда родом-племенем, девушка, пришла и здороваешься?» — [отвечу]: «Отец мой, богатый Хэглендор-старик, родился на верхней земле, ездит на семи звездах, мать — богатая Сивэкилон-старуха, свекор — Коколдокон средней земли, муж мой Хуркокчон средней земли, свекровь моя Иимэкон-красавица со следами, как ниточка, а имя мое — хорошая шаманка Аякчан-красавица, предвидящая все в трех Сибир-землях, вылечивающая хилых, больных, оживляющая мертвых. А ты, мата, с какими намерениями, по какой нужде прибыл в эту страну? Расскажи подробно о своих намерениях, скажи откровенно! У человека, прибывшего в такую далекую страну, вероятно, есть о чем рассказать. Кикир-кикир, кингкиланин! — говорит.

На что дальний человек, отвечая так, идет навстречу к ней:

— Геро-геро, героканин! — Тебе отвечаю, дочь богатого Хэглендор-старика, ездащего на семи звездах, и богатой Сивэкилон-старухи, предвидящая все в трех Сибир-землях, вылечивающая хилых, больных, оживляющая мертвых хорошая шаманка Аякчан-красавица! Низкий поклон твоему добруму имени, затем будут разговоры! Ты спросила то, что следует спросить, хочешь услышать то, что следует услышать. И спрашивашь-то ты хорошо, спокойно, поэтому-то давно слышно о твоем имени, слава твоя распространилась глубоко. Давно я слышал, как [говорили о тебе] старые мудрецы: «Глаза видят все вокруг, уши слышат далеко», потому-то и идет о тебе слава. И если ты спросишь: «Откуда пришел ты, мата, чей родом-племенем?» — [скажу]: «Я, отцом имеющий Солнце-царя, освещающего три Сибир-земли огненным золотым фонарем, матерью имеющей богатую Онердон-старуху, одетую в расшитую и раскрашенную одежду, я богатырь верхней земли, имя мое одетый в серебряный панцирь Мэнгундор-богатырь, ездащий на чистобелом молодом коне с природным серебряным

седлом и природной ввенящей серебряной уздой». Если спросишь: «С каким намерением, из-за какой нужды пришел?» — [отвечу]: «Говорят, на этой средней земле выросла та, что должна была для меня стать с трех лет суженой, подругой, с двух лет домохозяйкой, с одного года швеей». Имя ее — одетая в шелка храбрая Солкокчон-богатырша, ездищая на необъезженном богатырском теленке дикого оленя, дочь того, кого ты называешь богатырем Коколдоконом средней земли, имеющим полное имя в трех Сибир-землях, и Инмэкон-красавицы со следами, как ниточка. Это, видно, она, узнав или услышав об мне, опустила свою медную стрелу, а я прибыл, думая: «Может быть, она и есть моя суженая». Эту девушку оденьте, как дикого оленя земли, нарядите, как посвященного богу оленя, и приведите на эту ее площадку игр. Мы, юноша и девушка, испытаем судьбу своей жизни на этой глинистой земле с зеленою травой под белым небом, здесь и поговорим. Туда же идите, может быть, девушка, если она храбрая, сильная девушка: «Давай попробуем [силы] какой-нибудь игрой», — скажет. А ее медная площадка для этого подходит, разве вы сами не останетесь довольны, если сами посмотрите, как мы играем. Мы — люди, как и подобает всем людям, будем разговаривать не спеша, сердечно и спокойно. — Геро-геро, героканин! — говорит.

После этого хорошая шаманка Аякчан-красавица, превратившись в белую птичку, поблескивая, полетела домой. Она разве задержится в пути — быстро долетела до дома. Прилетев, шумно опустилась у двери дома и заговорила так:

— Кикир-кикир, кингкиланин! — Тебе говорю, другом называемый друг мой, хозяином называемый хозяин мой, имеющий отцом Коколдокона средней земли с полным именем в трех Сибир-землях и имеющий матерью Инмэкон-красавицу со следами, как ниточка, Хуркокчон средней земли, ездищий на пестром олене с природным золотым седлом и плетеным недоуздком, прими низкий поклон! Сначала привет, потом разговоры! Если спросишь меня: «Откуда родом-племенем, девушка, пришла?» — [отвечу]: «Твоя подругой называемая подруга, хорошая шаманка Аякчан-красавица пришла». Если же спросишь: «Что нового увидела, услышала в этот раз?» — [отвечу]: «Прибыл родившийся на верхней земле сын Солнца-царя с огненным золотым фонарем и богатой Онердон-старухи, одетой в расшитую и разукрашенную одежду, ездищий на чистобелом молодом коне Мэнгундор-богатырь, одетый в серебряный панцирь, почтенный из матов, лучший из чужеродцев». Прибыв, он резвится на медной площадке нашей девушки, [которая] его встретила. Если спросите: «Как выглядит тот мата?» — [то отвечу]: «Он очень стройный, и внешность его красива». Если спросите: «Какова его речь?» — [отвечу]: «Красноречивый рассказчик и храбрый, сильный мата». Пришел мата, пред назначененный для нашей девушки с трех лет суженым, с двух лет другом, с одного года женихом. А нас, живущих здесь, всех

родственников Иркисмонди средней земли, он просит: «Приведите девушку-богатыршу, наряженную в шелка храбрую Солкокчон-красавицу, ездающую на необъезженному богатырском теленке дикого оленя, нарядив ее, как таежного дикого оленя, нарядив, как посвященного домашнего оленя». Вот поэтому ты, сестрой называемая сестра моя, Солкокчон-красавица, тоже иди и посмотри глазами, подобными десятикопеечным монетам, послушай обоими чуткими ушами. На мой взгляд, кажется, пришел подходящий для тебя мата. Так, мы — люди, как и подобает людям, поговорим [с ним] по-хорошему, спокойно, не спеша, распространяя мольбу о своем добром имени и громкой славе, поговорим по душам, не злясь, чтобы не вышло ничего плохого. — Кикир-кикир, кингкиланин! — говорит.

После этого вся родня Иркисмонди средней земли, от мала до велика — все, старики, дети, женщины, мужчины, слуги — все выбежали из своих домов. Прибежали навстречу к хорошей шаманке Аякчан-красавице и, спрашивая: «Госпожой называемая госпожа наша, где ты его видела? Ну-ка, пойдемте, посмотрим!», все последовали за ней. После этого Коколдокон средней земли со своими детьми оделись в одинаковую, в самую лучшую и нарядную одежду, превратились в одинаковых белых птиц, подобных стае стерхов, и вместе с парнями и девушкиами, зятями и невестками, стариками и старухами полетели, поблескивая, как летят стаи стерхов весной и осенью, к медной площадке окружностью в три кочевки, сделанной стариком кузнецом Торонтаем. Но разве они задержатся [в пути] — тотчас приблизились к медной площадке окружностью в три кочевки. Приближаясь, Коколдокон средней земли говорит такие слова:

— Кипгир-кингир, кингирмой! — К тебе обращаюсь, пересекая обширное пространство, приехавший из далекой страны, родившийся на краю верхнего белого неба, имеющий отцом Солнце-царя с огненным золотым фонарем и имеющий матерью богатую Онердон-старуху, одетую в расшитую и раскрашенную одежду, мата по имени Мэнгундор-богатырь в серебряном панцире, ездащий на чистобелом молодом коне с природным серебряным седлом и звенящей серебряной уздой, прими низкий поклон! Сначала привет, потом разговоры! А если ты спросишь: «Откуда родом племенем мата будешь и здороваешься [со мной]?» — [отвечу]: «Отцом имеющий Иркисмонди средней земли, матерью имеющий старшую дочь Геван-старика Кукумачан-красавицу, я — богатырь средней земли, имею полное имя во всех трех Сибир-землях: на нижней земле чутко пробуждающийся при приближении Салвргунов-врагов Сэнгокчон по имени, на средней земле завернутый в рукавицу Коколдокон по имени, а на верхней земле — Мангникон-богатырь по имени». Если спросишь: «Из-за какой острой нужды прибыли, как переделные птицы?» — [то отвечу]: «Ты, приехав в эту страну, просил по-хорошему, и мы прибыли посмо-

треть на твой благородный облик, послушать твоё красноречие, твой добрый рассказ, раскрыв оба чутких уха, [прибыли послушать]. Свое намерение, спрятанное в груди с шестнадцатью (дважды восемью) ребрами, изложи подробно, скажи откровенно!». Кинггир-кинггир, кинггирмой! — говорит.

А тот мата, выслушав речь и глядя на них, начал откровенный разговор:

— Геро-геро, героканин! — Тебе говорю, Коколдокон средней земли с полным именем в трех Сибир-землях, отцом ли, братом ли назвать — [не знаю], прими низкий поклон! Сначала привет, потом разговоры! Если спросишь меня: «С каким важным намерением, из-за какой нужды ты прибыл из верхнего мира?» — [то отвечу]: «Я, играя на площадке для игр, в своем верхнем мире, когда прилетела медная стрела, нацелившись в самую середину моей черной печени, схватил ее, будучи храбрым, сильным матой». Отец мой солнце-царь с огненным золотым фонарем и мать богатая Онердон-старуха, одетая в расшитую и раскрашенную узорами одежду, увидели ее и сказали: «Родилась-таки предназначенная для тебя суженая, подруга, дочь Коколдокона средней земли и Иммакон-красавицы со следами, как ниточка, богатырша, наряженная в шелка и ездящая на необъезженному богатырском теленке дикого оленя, богатырша Солкокчон-красавица по имени, равной которой нет на средней земле. Нарисована твоя суженая на счастье твоей судьбы», — говоря так, они не давали мне покоя ни днем, ни ночью и отправили меня сюда. А у вас есть моя серебряная стрела, с которой подмышкой я родился, в ней, вероятно, заключена наша судьба. Посмотрите ее! Какую игру хотите, ту по своему усмотрению и организуйте! Мы же, маты, встретимся, не торопясь, с разговорами. — Геро-геро, героканин! — говорит.

После этого наша девушка Солкокчон-богатырша встала на своей площадке, превратившись в человека-красавицу и гордо [вскинув голову]. Она ничуть не смущилась, думая: «Из далекой страны прибыл лучший из чужеродцев, почтенный из матов», и глядя на приезжего, повела такую речь:

— Вивир-вивир, вивирья! — Ты, родившийся и выросший в городе далекой страны, в городе верхней земли, на краю верхней земли, имеющий отцом Солнце-царя с огненным золотым фонарем и имеющий матерью богатую Онердон-старуху, одетую в расшитую и раскрашенную одежду, храбрый Мэнгундор-богатырь, ездящий на чистобелом молодом коне с природным серебряным седлом и звенящей серебряной уздой, низкий поклон тебе, потом разговоры! Если спросишь: «Откуда ты родом-племенем, молодая девушка, появилась и здороваешься [со мной]?» — [отвечу]: «Имеющая отцом Коколдокона средней земли, имеющая матерью Иммакон-красавицу со следами, как ниточка, я сама — девушка богатырша по имени Солкокчон-красавица, наряженная

в шелка и ездила на необъезженном богатырском теленке дикого оленя». А ты, думая: «Из далекой страны я один», не беспокойся и не жди никаких игр! Наши судьбы все равно соединены ничем не растворимыми узами. Поэтому пойдем в мой родной дом, соберем всю родню Иркисмонди средней земли, начнем готовиться к свадьбе, чтобы обзавестись домом, развести огонь, родить детей, держать в изгороди оленей, развести скот. Я не пренебрегаю тобой. Если тебе нравится моя красивая внешность, поженимся без лишнего шума. Если будем шуметь, наша судьба не будет удачной, весь свой век не сумеем наладить жизнь, поэтому будет намного лучше, если поженимся, не роняя достоинство милой средней страны и милой верхней страны. И своим родителям, дедушкам, бабушкам покажем свою судьбу — свои изображения на твоей стреле и давай-ка послушаем мнение старых мудрецов. Потом устроим свадьбу. — Вивир-вивир, вивирья! — говорит.

Сказав так, наша девушка-богатырь Солкокчон-красавица вошла в медную площадку ту серебряную стрелу и сказала: «Ну, смотрите!». И вся родня Иркисмонди подошла друг за другом, взявшись за руки, окружила и начала осматривать стрелу. Там было живое изображение нашей девушки, было подлинное изображение богатыря верхней земли, храброго Мэнгундор-богатыря. Поэтому в будущем молодых никто не сомневался (дети имели счастливую судьбу). Они разговаривали не спеша и не поднимая никакого шума. После этого все отправились друг за другом домой, прия домой, устроили богатую свадьбу, собрали всех людей средней земли. В течение двадцати двух суток без перерыва (не останавливаясь) угощались разной едой, много разговаривали, сказывали сказы, звучали песни, разносилось [пение для хороводов], громко произносились благословения.

После этого боролись борцы, [сильные мерялись силами], перетягивались, прыгали на одной ноге, бегуны бегали. В этих играх не оказалось равного Хуркокчуна средней земли, богатырю верхней земли, храброму Мэнгундор-богатырю и Солкокчон-богатырю, одетой в шелка. Поэтому все трое стали равными богатырями. Так вот их признали тильтесийшими среди богатырей. После этого три равных [в силе] богатыря в разговорах между собой сказали: «В этих трех Сибир-землях сильнее нас будет лишь сын Хуркокчона средней земли стремительный Дениукчан».

Таким образом, наша средняя земля с тех пор до нашего времени (до сих пор) существует благополучно.

*Запреты-обереги и сказки,
записанные на юге Якутии в 1947 г.*

ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ

ОД' ОХАЛ

1. Бейүб иктөлбөн нöдаракис, ётён вäвра. Экөл нöдäра.
2. Нüлгийхинд'энэ, дæлкбнмэ öхä, бейүн гирамналвän нëкөл, бейүн эдэн майара, вäвдän.
3. Эхэ дïлвän, гирамналвän, он бид'еккечин öхä, уйилб сёраңдү түлкөл сибунткөкү; чүкинмй, сөвөкй сагдандалас амаргут уллэйе буд'ејэн.
4. Бейүнэ-вэл, эхбө-вэл вämй, хулганикал, гүнд'энэ «бэйүнэ бүкөл!».
5. Амйкän, гойовун бине, тухаракин, ахакал.
6. Бейүд'е эмэлчөвэ ваневетин эвкил гоюовкбна. Ҥина гоюоллокин, ётён ёкүн-мал вäвра.
7. Нüлгийнэвэ хоктово, бейүнэвэ хоктово эвкил мöt тикйвре. Тикйвректи, ерү öвкй: орон-чү бувкй, бейүн-чү эвкй вäвра.
8. Эхэ ёхавän эвкил д'евре. Д'еврекис, ёхалли балилд'аңјатин.
9. Эхб ёхавän өкөл токторо, эхбө вäd'энэ, токторокис, ёхалли балилд'аңјатин.
10. Бейүн урүнмөн эвкил нöдäд'ара, энэл көкрайре. Нöдäрактин, бейүн элд'иңбн вäвре.
11. Бейүн гирамналвän чанмикал. Эхикис чанмира, бейүн элд'иңбн вäвра.
12. Бейүн иктөлбөн өкөл амјадүви дïре. Дïрекис, иктөлли энү-нилд'еңјатин.
13. Бейүн дïлвän, халганмай, ўрүнмөн ҹинакийнду өкөл д'өбүв-кбнэ, гуликтү нëкөл. Ҥинакин д'еврекин, бейүн элд'иңбн вäвре.
14. Бейэ бэйүхинекин, өкөл ҹинакийнду гоюовкбна, өкөл куја-кäрдү тэпкөвкбнэ. Ҥинакин гоюорокин-чү, кујакай тэпкөрекин-чү, бейүн хуктилд'иңбн.
15. Экөл гүнэ «Эңнөм өбейве ҹблэр». Тикэ гүнекис, амаргут эмэд'иңбн, түрбнмэс дöлдид'ана.
16. Эхэ дïлвän лококол. Н'öдäракис, тікулд'иңбн, бултаракис, ерү бид'иңбн-чү, ётён-чү бакавра.
17. Эхэ гирамналбän конредү нëкөл. Эхикис нëре, тікулд'иңбн, мөнди, гирамналді өгү өд'иңјатин.

18. Бейён сэксөвэн өкөл хөхикйттүү ўјкуре. Ўјкурөкис, өвкүү вәпре бид'ијэн, майад'ајэн.
19. Эхө наандаван хүнәрмий, «төллим», гүннэ гирамдаван хөбүлмий, «таканма гиранд'ам», гүннэ.
20. Елакий мёванимай өкөл д'ептэ, ёлакийгачин цөлөкөс од'ијас.
21. Накита гирамнаван гуликал. Эхикис, амаргут гирамнавас сукчад'ијэн.
22. Вад'эрй илэду өвкүү хөрөвире. Хөрблдирекин, саман, гүске онга, төтижэлвэн чихилд'ајэн.
23. Бейжд'е бэйнэ хоктовоо өвүүрки өвкил тикийре мот — бейнд майад'ијэн.
24. Эхэвэ хөгдижтэг түрэгтэй, дөлдд'ајэн.
25. Эхэвийн гирамнаван, айава колбово ёксал, колбовкийл. Эмий колбовро, эхө тикиуд'ијэн.
26. Муннуканмэ вамий, од'овкийл бичбл: бриктаван ўлвлтими, манавки.
27. Беркенду бүд'е муннуканмэ цина ўбктаракин, өтбн, вавре, манад'ан.
28. Үмүкүвэ вамий, ёсалвэн нимижакэл, згдиве улукйл вад'энд.
29. Амикан ёсаван нимижими, горово бид'энд.
30. Бейж иргивэн өкөл д'ептэ, хоглон од'ијас.
31. Көрөмүн сэксэйэн өкөл тоюду илатта, көрөмүн лэлүүкй бд'ан.
32. Матацан ман'аван ўялшишмий, айлай цөнөд'ене, өтбнни өбийве арчара.
33. Бейнумэ вамил, ёмий-кат гиркйдүви бүчийвийл. Тар байна «гакта наанаш калтакайн», ирээтэн. Тар ирэмий албаракин, од'о. Бейжд'е менэкэн өвкүү ирээр — од'о. Тар од'окитна бүрекис, бейун тикиулвий.
34. Түрэнэ ёчин ширэй куцаканду эхб ўлдевэн өкөл д'эбувкэнэ. Д'епмий, турэнэ ёчин бд'ијэн.
35. Бейнектврду эхб д'улбну халганмэн өвкйл д'эбувквна. Бултаракин, охилд'ини дэрэвэн охилд'ијэн.
36. Ахалду өкөл эхэ иргенэн д'эбүнкэн, ширинэн д'эбувкекэл.
37. Бейён д'улгуунэн иктеливэн куцакан өмкөдүн лококол, куцакан бейумилден бидэн.
38. Экөл эхбнэ өрүү түрбхине, айат түрткэл.
39. Элдер бейнду бейён сама��ан өвкил д'эбувкене. Д'эврекин, сама��ин энүүвкй бд'ијэн. Ахи д'эвмий, хүтэчий олдакин, са-макин энүүд'ијэн. Бейнэ д'эвмий, өвкүү гиркура од'ијэн.
40. Эхө силювэн өвкил д'ептэ, цинакинду-да өвкил д'эпивкэнэ. Д'эвмий ицинду дојотод'ијэн.
41. Эхаду охинчай бейнду барьн-цу, котово-цу өвкал гары.
42. Эхаду охинчай байна өвкүү горово бүдэв.
43. Бейнду өкөл орон-цу, байн-цу локланы, лүкйвэн, атакийн д'эбувквна, атирканду, ахилду д'эбувкекэл.

44. Унталби хайкта ёчир өкөл тэттэ. Эмй тэттэ, йлб-вэл сурмий, энэ вэрэ мүчүд'ијэс.
 45. Экөл балдцарийд бэйён үлдөвэн д'эбүвкэнэ, д'энтэкин, өлд'ијэн вара.
 46. Экөл ахийд амйкэн ділаван, иргэвэн д'эбүвкэнэ, д'эврэкин, ўкүнин ёчин бвкий.
 47. Экөл хүтэчий ахийд амйкэн ўрвэн д'эбүвкэнэ. Ўргэ бракин, хүкитэн энүнийлд'өүжн.
 48. Никйдү бэйе сэксөвэн өкөл умийкэнэ. Умнакин, олгоксб, бучувд'ијэс-ку, д'адац өд'ијэс-ку.
 49. Боло, нэлки дэйцэл дэвзиллэктин, мүйэ ёчин каланма-бу, чайниква-гу өкөл нэрэ, мүчийвэ нэхчикэл, дёйа ёчинмэ күмтэвэл.
 50. Хорокй, хёлакй, бучубурас инијактаван өкөл тирүдү дэрэ. Дирекис, мүвэ олоно, харулд'ијэс.
 51. Д'өл ділаван цинадү өвкил д'эбүвкэнэ, аділа сукчад'ијэн, д'өвми.
 52. Олдо д'эгвэн лококол. Эхикис локоро, олдо майавкй, өлд'ијэн вавре.
 53. Ороно сэвэквэ бкал, өхикис бра, бэйе бүссэвкй.
 54. Орор муйаллэвэтий умивкал, өдтэн хөрөкөлтэ бид'эрэ, орор мүчүдатин.
 55. Орон ёхаван, урүнмэн мөдү лококол.
 56. Орон балдиллакин, өвкил кете бэйэдү ичэчийвкэнэ.
 57. Хүйчэй, энүнд'эрий иктэчий бэйэдү өкөл орон хакинмэн д'эбүвкэнэ. Д'өпми, сötмарит котород'ијэн, иктэлийн сötмарит энүнийлд'өнжтэн.
 58. Орон лёклаван хүнту бэйэдү өкөл д'эбүвкэнэ, д'өпми, ти-кулд'ијэн.
 59. Д'өлөкйивэ, сулакйва, солонгово ваксэ, тоёоду имүрэвэн ўнчэл, бэйијвэ чукчуканил имүрб сайн'андүн.
 60. Бэйүнмэ ваксэ, ділаван хицмий, дэлкиндаин ёхалбан даскал бэйён өдэн ичэттэ. Тадук, ёхадукин бүлдөвэн гаксэ, сэндүн дікел, липкикэл өдэн дөлдирэ, бэйүктэд'энэ дацаамаракис.
 61. Оронмо влмий, ділаван нимбрэдүви бүкэл.
 62. Малуий өкөл юнэрэ. Юнэрекис, д'ү өд'энин энүнийлд'өнжн.
 63. Экөл тоёоду тумйна. Тумйнакис, хүйэмд'ијэн; тумйнакис, йијис энүнийлд'өнжн.
 64. Экөл тоёово котот уркүра.
 65. Экөл и'ацтава, болгиктава, чалбанма тоёоду илара. Иларакис мэндэ-бү, оронд-бү, хүйчэй бими, кородбвд'ијэн.
 66. Хорокй сэксөвэн өкөл тоёо дацаадүн ункулбурэ, хорокй өлд'ијэн д'ававра.
 67. Тоёолд инмөвэ өкөл гарадара, мухунин ливганд'ацэн.
 68. Экөл пуртава тоёоткий иэрэ ён'ёкб халгарвэн хүкчад'аннэ.
 69. Тоёо колумтадүн өкөл токторо, хоктодус тоёо өд'ијбин илавра.

70. Малулы өкөл юнәре, юнәрәкис, д'ү әд'әнин өнүйилд'ијин.
 71. Уха бракин, хујту гәрбивин бүкөл.
 72. Долбо ўркөвө өкөл нічәд'эр. Нічәд'эрәкис, авахй ид'ијин.
 73. Экөл килембөвө котот токторо, тою ёхаван ичүлд'әнни.
     Экөл килембөвө котот дүбре, дүсми әнәмми-ју, амәмми-ју
     бүддәкин, ёхалвани дүгд'ијас.
 74. Долбо өкөл охйката гирра.
 75. Үнтадү килембөвө-ку, сахарва-цу дімі, кетә кариччы бид'ијес.
 76. Ургә ахй өвкі котово хакйра. Хакирекин, хұқитән горово
     өнүйилд'ијин. Хұтәчй әд'ана, сәмат әнүд'ијин.
 77. Ўргә ахй өвкі ўхйвә хакйре. Хакирекин, куңакан чүңүрбәдү
     бид'әнен өрүт балдід'ан; хұтән урин дәбүн бид'әнә, чүңү-
     рәдү ўчйвд'ијен.
 78. Балдід'арй ахй өвкі әрүйә д'әпте. Д'әпмі, корондопчијан,
     бүд'ијен.
 79. Балдід'арй ахй өвкі түрүкәчивә д'әпмі, коронд'ијан, өнүд'-
     ијан.
 80. Балдімактадү әмкәйен хујту бейе әбин.
 81. Өмакта әмкәдүн илалладү халкачанма, котово икәл, айа
     бейумылби бидбен.
 82. Өмакта әмкәдүн качиканмә бекөл, куңакан әден бүгләре.
 83. Ахй өвкі д'үви хоролло. Хороллокин, бейел бүссөлиңәре.
 84. Чипкачанма бмірүктү бекөл, бейе хұтән әден бүгләре.
 85. Ахйжат тәткәлбен өвкіл тұлайлә локод'оро. Локороктін,
     әдін әрү әд'ан.
 86. Ўргә ахйва гуницкітін «Хоктово өкөл хәкйра, дарил җе-
     некәл!». Хоктоли җәнәрәкисин, бейіздү әрү бид'ијин.
 87. Эләр ахидү өвкіл малулы юнәвекбен. Ңәнәрәкисин, д'учай
     бейе өнүйилвкі.
 88. Ўргә ахидү орон ўлдевин д'әпивкәнивкіл, хұтән айат бицин.
 89. Ўргә ахидү өхб ділвән өвкіл д'әпивкән, хұтән ўргет бал-
     дід'ан.
 90. Ўргә ахидү өхб никимнаван өвкіл д'әпивкән; балдіракин,
     никимнан амаскі тәнмудд'ијан.
 91. Хунәт өхб ділвән өнжетін д'әпте. Д'әптекин, ділин өнүйилд'-
     ијин. Хутәчй әлдакин, тәнд'ијан.
 92. Ахй өтіркәижи акйндуң-ју, амйндуң-ју өвкі н'үриктөлви
     и чөвекбен. Ичәвекбенекин, бұлдідүн уха: бұлд'әнә, н'үриктөлви
     исчијан.
 93. Ахй өтіркәижи акйнман-ју, амйнман-ју өвкі гәрбіре.
 94. Куңаканмә өвкіл тою даңадүн чиқбеливкән. Чиқбламі, чи-
     кватүн од'ијан.
 95. Куңаканмә өвкіл тәннеканна, тәнні, тухунй әд'ијан.
 96. Балдічай ахй өвкі олдо ділбән д'әпте. Д'әптекин, хұтән
     д'аликй әд'ијан.

97. Балдічә ахй әвкій хорокі ділбән д'әпте. *Д'әптәкин*, хұтән токtotібин бд'иңән. Әвкій үлүкі ділбән д'әпте. *Д'әптәкин*, хұтән кикивүн бд'иңән.
98. Ахй гарачиива мөва әвкій илачайвқана, балдічә хұтән лив-гәнд'иңән.
99. Ахй әвкій орон д'ад'анмән д'әпте. *Д'әвмій*, үкүн'ен ачин әвкій.
100. Куңаканду мивкікбөв силуктаду әвкіл д'әпивкәнә. Бәйә әкса, ағидү мид'еңди.
101. Куңаканду чиликівә әвкіл бүре. *Д'әвмій*, колтовд'иңән.
102. Куңаканду индікәнма әвкіл д'әпивкәнә. *Д'әвмій*, тікчиңән индікәнміл.
103. Бейіктәлбін бәйә д'үлгідәлін ахіва әвкіл ңөнөвкәнә, бедүн әвкіл тәжевекбәнә, ахічій бейівә әвкіл тәжевекбәнә.
104. Оллономо әкәл курбувчере, үтес боңон бд'иңән.
105. Хұйнл әвкіл орон иргиін д'әврә, үкүртін бучамал бд'иңәтиң.
106. Оллонду д'үрә қаласал әкәл оллоно, д'үрә хутәд'иңбс.
107. *Д'үрә* колобол әкәл үмүкбиду булатта, д'үрә хутәд'иңбс.
108. Мова әкәл иврә хұскій, хутәс амаритви баллід'ан.
109. Сөвектү ад'еңж үзүчад'ара — бүргләд'өнни. Мүйаллөвән әвкі нәдәра, кутуяй ачин бд'анни.
110. Экәл сөвәк әмбәннтікій дагамара, орон бұмұлд'еңж.
111. Этіркебіні ақйин-чұ, амйин-чұ бихідүн ахй әвкій д'улакин бире.
112. Дагалта бейә әвкій ахйләлдіра. Ахйләлдіракин, хутән бұвки, енә бейә бра.
113. Ахй әвкій гаха үлдөвән д'әпте.
114. Балдічә ахй әвкій тухиций арівә д'әпте; илалдамактү әвкій минәре, урбін дәдүн минәливкій; н'ән әвкій үлдіре, үрдүн инмәгәчин идаричиңән, аркід'аңән.
115. Балдічә ахй әвкій беңамактү нұксұчайвә д'авара-зу бра-зу, кородод'иңән.
116. Үрге ахй этіркебін бұчб бейә гирамдаван әвкій бра. *Орап-кин*, ахйн, баллід'ана бұвкій, әнйин әвкій тікте.
117. Билга әнүлләкин, д'иктічива билгаптінма тәтічекөл.
118. Әйнімбін дүндәдү үлбес, мәт тірбеккөл, нина өдән д'әпте. *Д'әптәкин*, куңакан майавкій.
119. Хунйт, сұмұдүк томково бд'ана, ңонумалчанді гева ңбну-марит, гёва үрұмдімарит әвкій томкоро. Тікә әмй һайын бд'аңән.
120. Күңакан қалтакан унтачай, қалтакан ачин бимій, ајад'акан бд'аңән.
121. Әкйин-чұ, ақйин-чұ әвкій куңакәнма ойолын гирана. Гиранакин ехин ихеврә.
122. Ахй этіркебін тәткөвбін әвкій жәкіре. Хәкімій, гирамдан әнүйләд'еңбн.

123. Бейе ахй унташан өвкй тэтте, ахй сэктэвүнмэн өвкй иинхине. Тэтмй, ииймй, гирамдан өнүнийлд'өвжин.
124. Кујакан дэрөвэн долбо өкэл авра.
125. Ахй ўркэдү өвкй төлжтэ. Балдиллакин, эрү бивки.
126. Ахй сүкевэ-цү, ўвүнмэ-цү, котово-цү өвкй ойолин цөнера, балдиллакин, эрү бид'ижен.
127. Балдича ахй өвки тоёово илара, малуду өвкй тајэрэ.
128. Балдича ахй мүнүлчэ үлдэвэ өвкй д'өнтэ. Д'энми, кородончижан.
129. Долбо кујаканмэ түлйлэн өвкйл ийктерэ.
130. Д'үрмий ахидук өвкйл ёва-кат гаря. Гами, мэндэл д'үр хүтэвэ балдид'аңжс.
131. Д'үр д'ок кујаканмэ өвкйл дацаалтит ичөвкнэ.
132. Кујаканмэ өвкйл мигдимэмээт өвийвкнэ, өлд'иүбн ёва-кат сара.
133. Үргэ ахй өкэл олбимукаанэ, хүтэн түрэнэ ёчин өд'ијан; өвкйл бүчбэвэ ичөчийвкнэ.
134. Үргэ ахй өвкй кутуйак д'айанавэн д'өнтэ, хүтэн д'оромийн өд'аңжан. Үргэ ахй д'үсит, түлгит өвкй сичивкнэ. Сичивкнэ нэкин, хүтэн өтбэ бинмэлчэрэ, горово бид'өвжин.
135. Хүтэчий ахй өвкй нимэрлэх н'экэйэрэ — бүмүлд'инэн.
136. Кујаканмэ өкэл ңалэлд'ин бүкэнэ — аялд'акан өд'аңжан.
137. Кујаканду д'үр авунма өвкйл төтичөвкнэ — д'үр ахини өд'ијан.
138. Кујаканду өкэл орон сиргивэн д'өбувкнэ — сиргин энүвкй өд'ијан.
139. Ахий этркэйжи амийн-цү, акийн-цү сэктэвүндүн өвкй төнжэрэ, өвкй түзэдүн спалурэ, өвки с'үймэн тэтте.
140. Ахий балдиллакин, этркэни амийн-цү, акинн-цү өвкй нуцандулан ирэ.
141. Ахий балдиллакин, горово бумувки ахий өвкй нуцандун бөлэчйттэ, бэйэви карайчай ахий өвкй-дэх бөлэчйттэ. Бөлэчйттекин, кујакан сомат кирилгавкий.
142. Ахий горово балдиллакин, сукс'ува, имэндэлба, сунтэрна гурьвкйл, кујакан дöму бвкй.
143. Балдид'ариду ахиду сагд оронмо өвкил вэрэ, өдэрэвэ вайвкйл. Сагд орон үргэ өржсан. Ахий тараавэ д'өвмий, горово бүмүлжийкй.
144. Балдид'арий яхий өвкй д'өлжвэ, тутквимэ, колэмтэвэ д'эрэ. Д'өнтэкин, ўрдүн өнүлигийк.
145. Кујакан эхикин тикмэлчэрэ, бэйэ ујиский гарцаан. Кујакан утаксай химээт тикийкй.
146. Кујакан ударакин, химээт н'экэйэрэ байявэ өрид'өкэл, балдид'ак д'улан имэлчэдэн, тоёово хоролихикэй, ынмэлчэдэн.
147. Булумд'ача хундатца өкэл ин'эрэ, таргачин-дэх өд'ијас.
148. Ахий, хундат бэйүй дилбэн өвки хигра, вайвкй вэрэ. Бэйэ хицэвкй.

149. Ахй бейүн нугдэвэн өвкй нүгдилрэ, өлд¹иңбн вәвра.
150. Балдіч ахй өвкй д'алдэлү бейүн наандаван ўрэ — майдад¹иңян, өлйкй вәммәлчэрэ.
151. Ахй өвкй нидү-кет хәркйви ичевкбнэ.
152. Кираскечи ахий өлкй бейүнәметин д'эрэ. Д'өптекин, бейүнә өллиттэн ичевре.
153. Ахий бейе тәттүвн өвкй хәкйре, ухай бәттан, гирамнан өнүттән.
154. Бейүбәе хүңтү бейәду өхи бүрэ. Бүрекин, үлүмий, майдад¹иңян.
155. Нинаду бейүн нааниаван өхий үмйрэ. Үмйректин, этэн гогоро, майдад¹иңян. Хиктбләттин, өвкйл бейүн нааниаван үвкбнэ, «город биксө укаль», гуниңкитин, сотору ўрекин, нина этэн бейүнә иливкйнэ, ахамй.
156. Нинавар тінәктин, әчин сууре, «тар хәннука», гүннэ «өхин ахара» үненеттән-дә мучуттән.
157. Бейүн ниптәвэн ахий хәкйвкбнэ. Ахий хәкйрекин, ухай бәд¹иңян.
158. Туруйава, киранма, өхийе гәрбүрэ өвкйл вәра — сөвекйл.
159. Долбохик оронмо вәракин, өвкйл гара — гарадаўкйл.
160. Эхб гирамналбай өкәл токторо, ділвән өкәл гарада, ха-лан-мбдү лапкукал, туңсукәва әкал.
161. Ахий эхб бокотовбн, хакинмән өхин д'өпте, ділвән өхин д'өпте-од¹б.
162. Ургэ ахидү веревкава-бү, ухийбнмә-бу өвкйл гиранмукаш, хүтэн чуңурдукки ухийд¹иңян.
163. Сагд бәйәвә өкәл ухат н'екэрэ — од¹б.
164. Бейүнә эңнекөл турбеттэ — тікулд¹иңян.

ЗАПРЕТЫ-ОБЕРЕГИ¹

1. Если бросишь зубы зверя, зверя не будешь убивать (перестанет убиваться). Не выбрасывай.
2. Во время кочевки сделай маленький лабаз и сложи туда кости зверя, чтобы не мучил [охотника] и дал убить себя.
3. Голову и кости медведя сложи в том порядке, как было (в живом), и задожи за ветку в направлении к солнцу; если устроишь чуки [похоронь на дереве], дух-хозяина верхнего мира потом до самой старости будет посыпать зверя (давать мясо).

¹ Обереги-запреты од¹о или ийлум¹ у эвенков бытовали в разных полных и сокращенных формах. В одних указывалось условие, действие и запрет, в других — предложение прописать действие с определенной целью или без указания последней; в третьих — приводился вначале запрет и условие, при котором получался отрицательный результат, или просто выражался запрет на производение определенного действия без объяснения причины.

4. Убив зверя или медведя, принеси жертву со словами: «Подай зверя».
5. Если раненный медведь убежит, обязательно догони, (не добьешься, медведь потом отомстит).
6. Нельзя давать облавивать добычу подходящего охотника. Если собака залает, зверь [ничто живое] не станет попадаться (убиваться).
7. Нельзя бросать палку поперек дороги, по которой кочуют или [по которой] прошел зверь. Если уронят, будет плохо: пропадет олень или зверь, не станет попадаться (убиваться).
8. Глаза медведя не едят. Если съешь, ослепнут [твои] глаза.
9. Когда убиваешь медведя, не тронь его глаз. Если заденешь, твои глаза ослепнут.
10. Нельзя выбрасывать копыта дикого оленя, нельзя разбивать (их). Если выбросишь, зверь перестанет попадаться на пулью.
11. Вывари жир из костей копытного зверя. Если не вываришь, перестанет попадаться [зверь].
12. Не суй зубы копытного зверя в рот. Если сунешь, заболят зубы.
13. Не давай собаке есть голову, ноги, копыта дикого оленя, положи их на лабаз. Если дашь собаке, зверь перестанет попадаться на пулью.
14. Когда человек отправляется на охоту, не позволяй собаке лаять, ребятам кричать. Если залает собака или закричит ребенок, зверь убежит.
15. Не говори: «Не боюсь медведя». Если скажешь так, услышит твои слова и потом придет.
16. Повесь голову медведя. Если выбросишь, рассердится; когда будешь охотиться, произойдет несчастье или (медведь) не попадется.
17. Положи кости медведя в дупло. Если не положишь, (он) рассердится, и заболеешь ты сам или твои кости.
18. Не проливай кровь зверя на троле. Если прольешь, перестанет попадать под пулью, замучает (на охоте).
19. Когда снимаешь шкуру медведя, говори: «Заготовил», когда отделяешь кости, говори: «Шагаю через колодину».
20. Не ешь сердце куропатки, а то станешь трусом, как куропатка.
21. Положи кости медведя на лабаз. Если так не сделаешь, потом поломасти твои кости.
22. Охотнику нельзя пачкаться в крови. Если запачкается, шaman, став волком, порвет [на себе] одежду.
23. Нельзя ронять или валить дерево поперек тропы охотника — прекратится [т. е. не станет размножаться] зверь.
24. Если громко ругать медведя, он услышит. Нельзя.
25. Устроив хороший лабаз, надо похоронить кости медведя (на нем). Если не похоронишь, медведь рассердится.

26. Убив зайца, выполняли оберег: [нельзя варить прямую кишку]: если варили содержимое прямой кишки, (заяц) исчезал [т. е. не попадался охотнику].
27. Если собака понюхает мертвого зайца в самостреле, (зайцы) исчезнут, или перестанут попадаться.
28. Если убьешь белку-летягу, проглоти ее глаза: убьешь много белок.
29. Если проглотишь глаз медведя [не задев зубами], долго проживешь.
30. Не ешь хвост зверя [пушиного], станешь вертлявым.
31. Не жарь кровь белки на огне, белка будет убегать [от тебя].
32. Если, идя по тайге, будешь держать в руке лапу крота, не встретишь медведя.
33. Убив копытного зверя, дают товарищу. Тот со словами: «Возьму-ка половину шкуры», начинает свежевать. Он должен свежевать (если не сможет освежевать одо — запрет). Самому охотнику нельзя свежевать. Если не выполнишь этот запрет, зверь может рассердиться.
34. (Неговорящему) ребенку, еще не начавшему говорить, нельзя давать есть медвежье мясо. Если поест, станет немым.
35. Мальчикам нельзя давать есть мясо с передней ноги медведя. Когда будет охотиться, [медведь] расцарапает ему лицо когтями.
36. Женщинам нельзя есть мозг медведя (будет плохо), можно есть филе.
37. Повесь на колыбель ребенка передние зубы копытного зверя, чтобы ребенок вырос мастером-охотником.
38. Про медведя нельзя плохо говорить, говори только хорошо.
39. Нельзя молодому человеку давать есть мясо с междуноожья. (Если) поест, у него будет болеть эта часть тела. Если же съест женщина, то, когда родит, у нее начнет болеть живот. Если же съест взрослый мужчина, то он не сможет ходить.
40. Нельзя есть отвар из медвежьего мяса, нельзя давать и собаке. Если поест, то в мороз замерзнет.
41. Нельзя брать нож или ружье от человека, исцарапанного медведем (будет несчастье).
42. Человек, подцарапанный медведем, долго проживет, скоро не умрет.
43. Мужчине нельзя давать есть шейные позвонки дикого оленя, старухе и женщине есть можно.
44. Не надевай унты без травяной стельки. Если отправишься куда-либо без стельки, вернешься ничего не добыв.
45. Роженице не давай мяса дикого оленя. Если поест, ты никого не убьешь.
46. Не давай есть женщине голову и мозг медведя. Поест — потеряет молоко.

47. Не давай есть женщине, имеющей детей, брюшину медведя. Когда забеременеет и поест, будет болеть живот.
48. Нельзя давать утке пить кровь. Если попьет, то ты, иссохнув, совсем отощаешь или будешь очень бедным.
49. Осенью, весною, когда начнется перелет птиц, не выставляй за дверь пустой котел и чайник, поставь наполненным, а пустой опрокинь.
50. Не клади в подушку оперение тетерева, тетерки, рябчика. Если положишь, то во время брода (перехода через реку) лоха закружится.
51. Нельзя давать собаке голову тайменя. Если съест, то порвет сеть.
52. Повесь челюсть рыбы. Если не повесишь, рыба (на рыбалке) замучает и ничего не добудешь.
53. Сделай оленя табуированным; если не сделаешь, человек (член семьи) заболеет.
54. Собери подшейную шерсть оленя, чтобы не была разбросана, чтобы олени возвращались.
55. Повесь на дерево глаз и копыта домашнего оленя.
56. Когда телится оленуха, (ее) нельзя показывать многим людям.
57. Раненому, больному зубами человеку не давай есть печень оленя. Если поест, еще больше разгорится (будет жар), еще больше разболится (рана).
58. Не давай есть чужому человеку верхний шейный позвонок оленя. Съест — рассердится.
59. Убив горностая, лису или колонка, покапай на огонь их жир и в дыму окури шкурки.
60. Убив дикого оленя, освежевав голову, покрай селезенкой его глаза, чтобы не увидел. Потом вынув из глаз зрачки, положи (их) ему в уши, чтобы не слышал, когда во время охоты будешь приближаться.
61. Убив домашнего оленя, передай голову соседу.
62. Не проходи вдоль *малу* (священное место в чуме). Если пройдешь, заболеет дух — хозяин дома.
63. Не плой в огонь. Если плюнешь, будет рана. Если плюнешь, заболит язык.
64. Не шевели огонь ножом (ранишь ноги бабушке-огню, рассердится).
65. Не сжигай шишкы и березовый наплыv в огне. Если сожжешь, то сам или твой олень, будучи раненым, сгорит от жара.
66. Не проливай рядом с огнем кровь глухари, не будут попадаться глухари.
67. Не бросай в огонь иголку, подавится дух — хозяин огня.
68. Не клади нож острием к огню, поранишь ноги бабушке.
69. Не руби дров около костра, в дороге не будет гореть огонь.
70. Не переходи через *малу*, заболеет дух — хозяин дома.

71. Если стрясется какая-либо беда, перемени имя.
72. Не держи ночью дверь открытой. Если откроешь, войдет злой дух.
73. Не руби хлеб ножом, ранишь глаза огня. Не руби хлеб ножом. Если разрубишь, умрет отец или мать; ты разрубишь им глаза.
74. Ночью не стриги ногтей.
75. Если ты сунешь в унты кусочек хлеба или сахар, будешь иметь много денег.
76. Беременная женщина не должна наступать на нож. Если наступит, будет болеть живот. Когда родит, будет сильно болеть.
77. Беременная женщина не может наступать на недоузок. Если наступит, то ребенок, запутавшись в пуповине, трудно рождается; ребенок в животе запутается в пуповине.
78. Роженица не может есть плохое. Если поест, то сгорит от жара и умрет.
79. Роженица не может есть соленое. Если поест, сгорит от жара и разболеется.
80. Колыбель новорожденному должен делать чужой человек.
81. Положи в новую колыбель на три дня молоток и нож, чтобы сын был хорошим охотником.
82. В новую колыбель положи щенка, чтобы ребенок не болел.
83. Женщина не должна обходить чум. Если обойдет, заболеют члены семьи.
84. Положи в колыбель птичку, чтобы сын не болел.
85. Нельзя вешать на улице одежды невесты. Если повесит [кто-то], муж будет плохим.
86. Беременной женщине говорили: «Не ходи по тропе [охотника], ходи стороной!». Если пойдет по тропе, зверю будет плохо.
87. Молодой женщине нельзя проходить по жалу (место за очагом). Если пройдет, заболеет хозяин дома.
88. Беременной женщине надо есть мясо [оленя], чтобы сын был хорошим.
89. Беременной женщине нельзя есть голову медведя, ребенок тяжело рождается.
90. Беременной женщине нельзя есть горло медведя; во время родов стянет шею назад.
91. Девушка не должна есть голову медведя. Поест — будет болеть голова. Когда будет рожать, стянет шею.
92. Женщина не должна показывать волосы ни старшему брату мужа, ни его отцу. Покажет — будет плохо; во время болезни выдернет все волосы.
93. Женщина не должна называть по имени ни старшего брата мужа, ни его отца.

94. Нельзя позволять [двум людям] тянуть ребенка. Потянут — будет дураком.
95. Нельзя позволять ребенку мочиться у костра. Помочнтся — будет недержание мочи.
96. Роженице нельзя давать есть голову рыбы. Съест — ребенок будет слюнявый.
97. Роженице нельзя давать голову тетерева. Съест — ребенок будет драчливым. Нельзя давать есть и голову белки. Съест — ребенок будет кусаться.
98. Женщине нельзя зажигать палку с веткой. Зажжет — новорожденный подавится.
99. Кормящая мать не должна есть вымя. Поест — останется без молока.
100. Ребенку нельзя давать поворотную часть кишki. Съест — заблудится в тайге [когда вырастет].
101. Ребенку нельзя давать есть мышцы с ног. Съест — будет драчуном.
102. Ребенку нельзя давать есть коленную чашечку оленя. Съест — разобьет свою.
103. Нельзя позволять женщине проходить перед охотником, садиться на его место, нельзя усаживать (на это место) и женатого человека.
104. Не верти крюком для подвешивания котла: сын будет дураком.
105. Девушкам нельзя есть олений хвост. Поедят — груди будут дряблыми.
106. Нельзя вешать два котла на один крюк: родишь двойню.
107. Нельзя печь сразу два колобка хлеба: родишь двойню.
108. Нельзя вносить полено комелем вперед; ребенок рождается с запозданием.
109. На табуированном олене нельзя ездить: заболеешь. Его подшейный волос нельзя выбрасывать; не будет счастья.
110. Не подходи к выручному седлу табуированного оленя, может заболеть.
111. Перед старшим братом мужа или перед его отцом нельзя показываться голой.
112. На близкородственном человеке нельзя жениться. Женился — сын умрет, не вырастет [не дорос্তя].
113. Женщине нельзя есть мясо журавля-гаха.
114. Роженице нельзя есть соленое масло, в течение трех дней нельзя [есть] резать, будут реви в животе; нельзя шить иголкой — в животе будут колотья.
115. Беременной нельзя в течение месяца [до родов] брать в руки продымленную шкуру или обрабатывать ее — обожжется.
116. Муж беременной не может делать гроб покойнику. Сделает — жена умрет во время родов — не выйдет послед.
117. Если заболит горло, надень ожерелье из голубики.

118. Зарой в землю послед и придави бревном, чтобы собака не съела. Если съест, ребенок намучается.
119. Девушка при изготовлении ниток из сухожилий не должна делать одну нитку длиннее другой. Если сделает так, будет вдовой.
120. Не давай ходить ребенку в одной унте. Будет сиротой.
121. Через ребенка нельзя перешагивать ни отцу, ни матери. Если перешагнет, перестанет расти.
122. Жена не должна наступать на одежду мужа. Если наступит, у него заболят кости.
123. Муж не должен надевать унты жены, не должен переносить постель жены. Если перенесет [постель] или наденет [унты], заболят кости.
124. Нельзя умывать лицо ребенка ночью.
125. Женщина не должна присаживаться у дверки. Когда будет рожать, ей будет больно.
126. Женщина не должна перешагивать через топор, скребок, нож: когда будет рожать, будет плохо.
127. Роженице нельзя разводить огонь, нельзя садиться на малу.
128. Роженица не может есть мясо с душком. Если поест, будет жар.
129. Ночью ребенка нельзя выносить на улицу.
130. От женщины, имеющей двойню, нельзя ничего брать. Если возьмешь, сама родишь двойню.
131. Нельзя близко подносить одного маленького ребенка к другому.
132. Нельзя ребенку давать шумно играть, станет ничего незнайкой.
133. Беременную женщину нельзя пугать: ребенок может быть немым; нельзя показывать покойника.
134. Беременная женщина не может есть запасы мыши, ребенок будет вором. Беременной нельзя высовываться в дверное отверстие чума, чтобы выглянуть на улицу или (с улицы), чтобы заглянуть в чум. Если заглянет, плод скоро не выйдет во время родов, долго будет мучиться.
135. Детная [имеющая детей] женщина не должна ходить по гостям, будет болеть.
136. Не играй с ребенком так, чтобы он упал на спину, (упадет) станет сиротой.
137. Ребенку нельзя надевать две шапки, будет двоеженцем.
138. Нельзя давать есть ребенку поясничные позвонки, его позвонки будут болеть.
139. Жена не может сесть на постель брата мужа или его отца, не может есть из их чашек, не может надевать их одежду.
140. Когда рожает женщина, к ней не может входить ни брат мужа, ни его отец.

141. Когда женщина начинает рожать, долго болевшая женщина или женщина, ухаживавшая за больным мужем, не должна ей помогать. Если поможет, ребенок будет болеть животом.
142. Если женщина долго рожает, развязывают вязки на обуви, одежду, чтобы ребенку легче выйти.
143. Для роженицы не забивают старого оленя, забивают молодого. У старого тяжелое дыхание. Если женщина поест его мясо, долго будет болеть.
144. Роженица не может есть тайменя, щуку, карася. Если поест, будет болеть живот.
145. Если плод не выходит, муж должен стрелять вверх. Ребенок спешит и быстро выпадет.
146. Если ребенок задерживается, скорей позвони проходящего человека, чтобы быстро вскочил в помещение родильницы, обежал очаг и быстро выскочил.
147. Не смейся над развратницей, сама станешь такой.
148. Голову копытного зверя не могут свежевать ни женщина, ни девушка. Свежует мужчина.
149. Женщине нельзя есть мясо с поясничных позвонков, зверь не будет попадаться охотнику.
150. Роженица не может в течение десяти дней мять шкуру зверя. (Зверь) замучает охотника, не попадет под пулю.
151. Женщина не должна никому показывать свои натазники.
152. Менструирующая женщина не должна есть мясо зверя. Если съест, зверь перестанет показываться (охотнику).
153. Женщина не должна наступать на одежду мужа, будет плохо, у него заболят кости.
154. Пушного зверя другому человеку не отдают. Если отдаст, то во время охоты намается.
155. Собаке не дают нюхать шкуру зверя. Нанюхается, не станет лаять, замучает [охотника]. После свежевания не дают сразу обрабатывать (зверя) — «немного погодя обработаешь», — говорят. Если сразу начнет обрабатывать, собака не будет останавливать зверя во время гона.
156. Если собаку спустят и она не уходит — «Это плохо», — говорят, ее гонят, (охотник) пойдет и вернется.
157. Подстилку для свежевания зверя нельзя топтать. Если женщина наступит, будет плохо.
158. Журавля, орла, безымянного (волка) нельзя убивать — они табуированы.
159. Если волк зарежет оленя, его не берут, бросают.
160. Кости медведя не перерубай, голову не выбрасывай, положи на ветку у ствола, сделай могилу.
161. Женщина не ест почки медведя и печень, а также голову — запрет.
162. Беременной женщине нельзя наступать на деревку или ирдоувдок: ребенок в пуповине задавится.

163. Старого человека не ругай — запрет.

164. Зверя не ругай, рассердится.

ГУНДЫКИЛ

1. Осиктачай и'аңы а иңидү — и'ама бид'эн.
2. Иңидү мәл сувурблатин намарәд'ара — и'ама өд'ан.
3. Беңә тәксәмид'өрән — иманаңд'ан-ңу, тигдеңд'өн-ңу.
4. Ділача сәкаләд'аран — иңинилд'өңбін.
5. Куку тигдеңйтчәрән — тімій тигдеңд'өңбін.
6. Пурта д'ейтпі убашкай хукләд'өнен, хуптәкитчәрән — мәтіва вәд'өнни.
7. Тімәтиң тою турәттәкин — айа өд'ан, лұңғұр турәттәкин, әрү өд'ан.
8. Асатқан, чивайа чивамй, ңбнимийа горолб мирәнд'өңбін.
9. Ейа-вал үңкүлбүрекис, бүйі омикин бивкій.
10. Саман буддәкин, мән өңкөрбекій.
11. Сагді мә тіктакин, саман буддән.
12. Ичәчиксән бөзинаракин, матала ичәчиңд'өнни.
13. Инамұксан бөзинаракин, соңолд'онни, әрү өд'ан.
14. Сәндус киң өракин, бейзеңә дәлдиңәтіс.
15. Хемунки курбурекин, ёкүнді-вал хивиңәтіс.
16. Бейе ик бәйі, инәңмән айывукин бид'иңбін.
17. Ханџав утунйракин, айава д'авучад'иңәв.
18. Укунми идарид'аракин, ёкун-мал д'биңчаңән.
19. Энәл хәлінчәд'әре д'әпилләктин, тою хиңкәрд'өрекин, химат ңөнәхиниңбіт.
20. Кујакан өнйими урдуң анңидү бихикин, бейткән балдід'аңан. Д'егиниңдү бихикин, хунатқан балдід'аңан.
21. Ахатқан д'үкәтна, нулгиктәкбітне өвімй, амаргут кетә ороҷй, нулгиктөд'әри өд'аңан. Хутекбітне өвімй, амаргут кетә хутәчй өд'иңан.
22. Хуркеки ороконд'и орокотна, бәркәнд'и бейткәтбітне, д'авит д'аврәкәтне өвімй, амаргут д'авралан, бейткөлбін, кетә ороҷй өд'иңан.
23. Сөвек будәкин, иле ухливкій.

ПРИМЕТЫ

1. Звездное небо в мороз — будет тепло.
2. В мороз соединяются верхушки деревьев — будет тепло.
3. Радужные круги вокруг луны — будет снег или дождь.
4. Радужные круги вокруг солнца — будет мороз.
5. Кукушка кукует — завтра будет дождь.
6. Нож лежит острием вверху — предсказывает: лося убьешь.
7. Если утром пощелкивает огонь в костре — будет хорошо; если вечером — будет худо.

8. Если девочка делает длинную нитку (из сухожилья) — долго не выйдет замуж.
9. Если что-либо прольешь — покойник пить хочет.
10. Когда умирает шаман, (его) дерево засыхает.
11. Если упадет старое дерево, умер шаман.
12. Зачешется веко — увидишь гостей.
13. Зачешется нижнее веко — будешь плакать, будет худое.
14. В ухе зазвенит — услышишь о знакомом человеке.
15. Задрожит губа — будешь о чем-то заботиться.
16. Икнет человек — будет на сегодня сыт.
17. Зачешется рука — что-то хорошее будешь держать.
18. Зачешется грудь — кто-то вспомнил.
19. Если во время медленной еды щелкнет огонь, скорее уходи.
20. Если плод лежит с правой стороны, родится мальчик, если с девой — девочка.
21. Если девочка играет в чум и кочевку, потом будет многооленной. Если играет в куклы, потом будет многодетной.
22. Если мальчик играет в оленей и с лучком, если играет с лодкой, потом будет мастером по гребле, по охоте и многооленным.
23. Если табуированный олень неожиданно оклеет, заболеет человек.

СЭХӨН

1. Колемтэ дэрэн өвөнкүй дэрөнүэчин.
2. Үмүн умукта, йдү-дб нийн, бүдн син үмүн. Үмүн умукта бид'ян, бүйн үмүн.
3. Умнб-балддү айа бимй.
4. Дэцин ёхачий үннакин хамтава иччэйвки.
5. Балдд'ак уха бимй, айа бивки.

ПОГОВОРКИ

1. Морда карася похожа на лицо эвенка.
2. Одно яйцо куда ни положи, смерть одна. Одно яйцо — одна смерть. (Двум смертям не бывать, одной не миновать).
3. Хорошо родиться раз.
4. Собака-четырехглазка видит насквозь.
5. Роженица, будучи худой, хороша.

НИМЦАКАР

1.

Билир сэвэйкай акүнан бичв. Үннакин сэвэйкай бөлөмжүн бичеи. Арахинай оналвай каравүүкйин. Сэвэйкай акйндукуви д'влум бай-урба, дэцилбэ, байвльбэ өйкйин. Тар онави д'уду д'айацкийн, ўрка-

вѣн катақсә. Кулуспи каравұлдұви нинаду бұйкін. Үмнә сөвәкі сүрүчблін ақйнін әмексб, нинава «ұркеве ңікел», гүнен, «сөвәкі ән әнан ичектә». Ңинакин әчбін нірә, әчбін кулуспа бұра. Ақйнін гүнен: «нірекис, синдү әкін-кат әхіс тәтіңнәре тәткібіе бұд'иңа», гүнен. Ңинакин нірән. Ақйнін іекұнми әналбән бұтуннұн әндерен. Тарит нинаду наңдаған бұрән. «С'өвәки, әмексб, нинава әлчән итәгбіде. Бәйе амаргідәвән ичәткәл!», гүнчән тарит ңинакин әчан әхіле.

2.

Сөвәкі бичә нинан'ун. Сәт ойолокит бид'өчтін. Сөвәкі әлбаталә н'әкейевкі. Нина бмівән каравұвкі, әмәдәлән, айат өтәувүкі. Нина сөвәкі айавұвкі дәлби. Умнә сөвәкі ңенбәлән, авахй әмәчб ниналә, гүнчб: «Си бейе бмівән миндү бұрекис, би синәвә әхйт д'әмұлла-кәт, әхйт дәррә-кәт әд'иңа». Нина думайчә, думайчә, бұча. Тәду сөвәкі әмәчб, ұлгұмйчб: «Ир караварис бміңі?». Тәду нина ұлгұчанчб бұнөви, авахй нујанмән әнжет д'әмұлла-кәт, әнжет әра-кат әвқанчә. Тәду сөвәкі тікүлчә: «Си бейе сунат ириктад'ана, никимн'ас тоңорғоксолайпнан әдук әд'иңа». Ахачә нујанмән. Ойолокитін өтәчә.

3.

Кристос ақйнин сатана бичән. Кристос әд'ачән. Нонон әхәкә бейе бичә, ңинакин н'ән бейе бичә. Д'ұкраб караулчал Кристос әналбән, бәләміулин бичбл. Кристос хурувкі, д'ұвән ңинакин каравд'авкі. Сатана әмәвкі «никәл Кристос д'ұвән», гүйівкі. «Әңиәм нірә», тәдүк нірән. Сатана кулинма тінівкі бұтуннұ ңинакинду иніјактайдан бұвкі нинәлін. Тәдүк Кристос д'ұләви әмәрен. «Сатана әдү әд'ачән?» ханіјүвкі. Сатана ңинакинма тәтівүкі бичб. Кристос, тікуликса, гүнен: «Си ңинакин әкал тұрғын әчин әкал! Әрдің д'әпівкі әкал! Д'ән анџанива бикәл! Оңектотви амтаңнакал, аміјатви ғоюқол!». Әхәткі Кристос гүнен: «Си әд'екәл анџанидүн ұлгұкійчин'ун үмүндәу. Әвәнкілә әңиекел иләчаре!».

Иргичій-де бейе бичән. Кристос иргичіткі гүнен: «Си бәзүн бикәл өр дүннәдү. Д'әмұлмай үмұтәкәрә д'әпіүнәкәл!». Өлі-дә бейе бичб. Оліткі гүнен: «Тарә хұрұкел, ичәнәкәл тәлі, әвәнкі вәнәвән д'әбд'әкәл. Тарит, Оліхинд'а іекұнми вәнәвән д'әбд'әбкі дәңжектөвкі.

Дүннә әлекес әлд'аракин, ухакән бичб. Тәдүк хәгділчб. Хәгділхб, упкат д'әгдәчб. Д'әгдәхб, илан анџанилі бутуннұ мү бча, тәлі бирауилин әмуд'ицилин әчал.

4.

Нонон буңа ўйен биче. Тар ўйә эмәлдәкин, Ной гүнмүри бәйә оючово әвкىй. Сөвәкій акинни-аахи оючојивкى сөлөвә. Ўйә эмәрәкин, бәйәл тар сөлә оюгочоло һавкыл. Нойцива «д'ок», гүннел әчәл ире «савахи оючон хәгдије, айа», гүннел һавкыл. Си-вир бутунну мұ овкىй. Тар мұдұ аахи оючон тимәривкىй, бәйәл бүвкىй. Ной оючоңи, ахакан бәйәчий сұлапчадук бәйә тәкбенин оча, оскечә, балдича.

5.

Бәйә ёда д'улакин оча? Билир бәйә инҗактаций биче. Тар бид'ене, д'өмүликсө, химуктәвә д'әбүвкىй. Тар д'әпнәлии инҗактан и'елихинийвкىй. Тарит д'улакин оча, наңдаға әчин.

6.

Олонгтий ёда, дәңгилек, хәргиский инҗагачин тикивкай? Билир олонгтий сөвәкйидук умукталви гәләвкай. «Әхикес бүре, мәдү локовд'ијәв», гүннә, хәргиский тикивкай. «Он-ка чаркимай-ду д'ан д'үр умуктава бүчес!» гүнән. Тариптілук, ўйиский түктікес, хәргиский тикивкай д'олојочин.

7.

Хиңкбән ёда ухакан оча? Билир Никола-сөвәки муринд'иңенәд'әчб. Тар ңекед'эрәкин, бучугурас дәңгилек. Тар дәңгилд'эрәкин, муринин олонивкай. Тар олоксө «би-көт әңнәгер олом. Икуктави олонмуқаныјат», гүйкес бучугурас ўлдәвән хәлгевкай. Тар хәлгәнәва ўлдәвән дәктіләчилду хәпувки. Тәлук олдо анчандын хәпувкай. Тарит хиңкнап ухакан оча, дәңгилдин иүичи бимйәл.

8.

Чивкәчән ділдүн ёда коңорин инҗакта йучб? Чивкәчән кутуякын'ун күхйләчән. Кутуяк чивкәчән мәтавән иептерагар тәнчә. Тар и'әкәкес, конделә илчә. Чивкәчән тар иргизиң чуктуррагар тәнчә. Тарит кутуяк иргиз инҗактайды ачин оча, чивкәчән ділдүн коңорин инҗакта йучб.

9.

Тар ёда қалтарй олдо қалтама оча? Тар билир Кристос — сөвәкйи биче. Тар олдово обеттүви д'әбүвкай. Қалтакаван д'әбүкес, қалтариван тіникесбран. Тарит қалтарй оча.

10.

Хороки ёхалин ёда хуларир оча? Тар иуџан дәғил ңенәд'арғатын бодотто союонон. Эдзи бодоро, гаџил багдарин инҗактандар бүчәтиш. Тарит әмбимүчән. Олихин үмғи дүндөдү бивкай, туңенйле, д'уганийва.

11.

Каракай ёдә акарй ёчә? Билир сөвәкү дәңгилбә мунн'акла әрйөкүй. Тар әринөвөн әнә дәлдіра, биракан д'апкадүн бид'әнә, мунн'аклә ёчин әмәрә. Буруйдүн мәңумәкилд'ива төтүүкүй сөвәкүй. Тарит каракай акарй бинә, хуркадү вавүүкүй.

12.

Едә ўкыңу халгарин амаскү? Дәңгил мунн'актавкил. Тар мунн'актү сөрн'үн тармый сомат түртчөвкүй. Бәңинөвөр бакавкйл гәйжө. Карав «би бәзин өкта, гүнивкүй, би хәгді биким». Тадү ўквийн'ун нирдайи «әрүүвә д'әбүннәнді, тарит бәзиндү әләкин ёчин бихинді», гүнән. Тадук карав, тикүйксә, нирдайва, укәнмә хәкіччүй. Тар хәкіннәлби иниктәнә и'екейевкүй. Тарит ўкән ъалгарин амаскү, эхй гиркура. Дәңгил бәзиндүвер гәйжө бакара.

СКАЗКИ

1.

Данила Степанович Колесов (Бута). Грамотный, русским языком владеет, якутским нет. Алгома, 1947; учурский говор.

Прежде Сэвэки (дух — хозяин верхнего моря) жил со старшим братом. Помощником Сэвэки была собака. Сторожила его творения. Сэвэки изготавлял тайком от старшего брата копытных зверей, птиц, людей. Фигурки [зверей] он прятал у себя в доме, закрывая дверь на ключ. Ключ отдавал караульщику-собаке. Однажды, когда Сэвэки ушел, старший брат, прия, сказал собаке: «Открой дверь, посмотрю, что сделал Сэвэки». Собака не открыла, не дала ему ключ. Старший брат сказал: «Если откроешь, то я дам тебе одежду, которую никогда не носила». Собака открыла. Старший брат осмотрел все, что сделал его младший брат. За это дал собаке мех. Сэвэки, вернувшись, не поверил собаке. «Теперь ходи за человеком (смотри в зад человека)!» — сказал. Вот и появилась тогда собака.

2.

Виктор Конович Семенов [Лаалиги], 1930 г. р., грамотный, русским языком владеет, якутским нет. Урми, 1947; урмийский говор.

Жил Сэвэки с собакой. Дружно жили. Сэвэки ходил туда-сюда. Собака караулила его произведения, до прихода хорошо караулила. Собака любила Сэвэки. Однажды, когда Сэвэки ушел,

к собаке пришел авахи и говорит: «Если ты, парень, мне дашь извания человека, я сделаю тебя неустающей и неголодающей». Собака думала, думала и дала. Тогда же пришел Сэнэки и спросил: «Где фигурки, которые ты сторожила?». Тогда собака рассказала, как отдала [их авахи] и как авахи сделал ее неустающей и неголодающей. Тогда Сэнэки рассердился: «Теперь ты будешь ходить на ремешке, охватывающем твою шею». Прогнал ее. Кончилась дружба между ними.

3.

Алексей Максимович Дмитриев (Денгма). 1881 г. р., неграмотный, русским языком владеет плохо, якутского не знает. Сутам-Тында, 1947, чульманский говор.

Старший брат Христа был Сатана. Христос творил. Прежде медведь был человеком, собака была человеком. Оба караулили фигурки Христа, были его помощниками. Уходил Христос и дом караулила собака. Пришел Сатана и говорит: «Открой дом Христа». «Не открою», — говорит, потом открыла. Сатана впустил змею, и дал собаке щерсть за то, что открыла. Потом пришел домой Христос. «Что делал здесь Сатана?» — спросил [он]. Сатана одел собаку в щерсть. Христос, рассердившись, сказал: «Теперь будь ты собакой, бессловесной. Ешь плохое! Живи только десять лет. Носом нюхай, а ртом лай!». Медведю Христос сказал: «А ты спи полгода с бурундуком. Эвенков не трогай!».

Волк тоже был человеком. Христос сказал волку: «Ты будь хозяином в этом месте. Если проголодашься, то ешь (людей) по одному!». Ворон тоже был человеком. Он сказал ворону: «Отправляйся туда и следи, ешь то, что убьет эвенка». Поэтому ворон ест то, что убьет его младший брат, и летает.

Земля, когда создавалась, была маленькой. Потом стала увеличиваться. Когда увеличилась, все сгорело. После пожара всюду была вода. Тогда и образовались реки и озера.

4.

Данила Степанович Колесов (Бута). Грамотный, русским языком владеет хорошо, якутского не знает. Алгома, 1947; учурский говор.

Вначале был мировой потоп. Когда стал подходить этот потоп, человек, по имени Нои, сделал баржу. Старший брат Сэнэки — Авахи — сделал баржу из железа. Когда пришел потоп, люди вошли в железную баржу. В ноеву не вошли, говоря: «Маленькая». Во всем мире-Сивире стала вода. На этой воде баржа Авахи затонула, и люди умерли. Баржа Ноя с небольшим количеством людей осталась цела. От оставшихся и стал корень людей, рас и размножался.

5.

Почему человек голый? Прежде человек был покрыт шерстью. Так живя, проголодавшись съел бруслику. От того, что ел, шерсть выпала. Поэтому и стал голым, без шерсти.

6.

Почему кулик [бекас], взлетев, камнем падает вниз? Давно кулик просил у Сэвэки дать яйца. «Если не дашь, повешусь на дереве», — говоря, падал вниз: «Ведь дал же ты утке-чирку двадцать яиц!» — говорит. С тех пор, поднявшись вверх, камнем падает вниз.

7.

Почему рыбчик маленький? Когда-то Никола-Сэвэки ехал на лошади. Во время его езды рыбчик выпорхнул. Конь испугался. «И я испугался. Теперь всех заставим пугаться», — сказал (Никола) и взял [белое] мясо у рыбчика. Отбавленное мясо он раздал крылатым. Дал и рыбе на щеку. Вот и стал рыбчик маленьким и летает с шумом.

8.

Почему у птички выросло на голове черное оперение? [Птичка] начала драться с мышкой. Мышь собрала [часть] шкурки с ее головы. Оторвала и забралась в дупло. А птичка потянула ее за хвост. Поэтому хвост мыши стал без шерсти, а у птички на голове черное оперение.

9.

Почему рыбы-камбалы плоские? Давно когда-то Христос был Сэвэки. Он ел эту рыбу на обед. Половину съел, половину бросив, притопнул. Поэтому плоской стала.

10.

Почему красные глаза у глухаря? Это он плакал, когда птицы улетали [на юг]. Чтобы [он] не полетел за ними, лебеди дали ему белые перья. Поэтому он и остался. Всегда живет в одном месте и зимой, и летом.

11.

Почему рыбчик-глухарь глупый? Давно Сэвэки созвал птиц на собрание. А тот, не слыша приглашения, на берегу реки сидел и не пришел на собрание. За эту провинность Сэвэки одел ему ошейник. Поэтому, рыбчик-глухарь, будучи глупым, попадается в петлю.

12.

Почему у гагары лапы направлены назад? Птицы устроили собрание. На этом собрании селезень поругался с вороном. Выбрали себе хозяином лебедя. Журавль: «Я буду хозяином, — говорит, — я большой». Тогда гагара и утка: «Ты ешь плохое, поэтому не годишься в хозяева», — сказали. Журавль, рассердившись, пнул ногой утку и гагару. Таким образом утка и гагара благодаря удару стали плохо ходить по земле (так ударенное им таща). Поэтому, у гагары ноги направлены обратно и она [плохо] ходит [по земле]. Птицы же выбрали хозяином лебедя.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редактора	3
ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ ФОЛЬКЛОРА ТОККИНСКИХ И АЯНО-МАЙСКИХ ЭВЕНКОВ (<i>A. B. Романова</i>)	9
Вводные замечания	9
Тексты	15
1. Тэргэнэй, Алтанэй-да, нэкунтий Нэлэнчик	15
2. Путоной-эд' бкуи, мэнгултэ-эд' ѿи	20
3. Чипал'уй төгербэй	23
4. Чивкайчайн'уй судакий	23
5. Экийтий-дб, нэкийлин-дб	25
6. Сектаяй	25
7. Чара-эн'йкби	26
8. Токко-эн'икзи	26
9. Йацэн	27
10. Гасубур	28
11. Мбл	28
12. Дэвэйль	28
13. Ненэвийла	29
Переводы	30
1. Торгашай, Алтанэй и их сестра Нэлэнчик	30
2. Путоной-Эдикун и Мэлгүлтэ-Эдни	35
3. Птичка с мышкой	38
4. Птичка и лиса	39
5. Старшая сестра и братья	40
6. Сектаяй	41
7. Чара-матушка	42
8. Токко-матушка	42
9. Песня	43
10. Гасугур	44
11. Дерелья	44
12. Дэвэйль	44
13. Загадки	45
ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ ФОЛЬКЛОРА МАЙСКИХ И УРМИЙСКИХ ЭВЕНКОВ (<i>A. B. Романова</i>)	46
Тексты	46
14. Н'уцурмэх аяад' акын-хунэткан	46
15. Тамиий-мата, Д'оломо Д'онуйкан	56
16. Эд'в (причины хороводной пляски перевода не имеют)	69

17. Бутал, Аалигирил	69
18. Хигбчи	70
19. Д'аривка	70
20. Хэд'в (приневы хороводной наляски)	70
 Переподы	71
14. Сиротка Нюнгурмок	71
15. Богатырь Тамчани и Дэлломо Дёнуйкан	82
16. Бутал и Аалигир	94
17. Коршун	95
18. Запевка и приневка	95
 ТЕКСТ И ПЕРЕВОД СКАЗАНИЯ УЧУРСКИХ ЭВЕНКОВ (А. Н. Мыреева)	96
Вводные замечания	96
 Текст	99
19. Иркисеманд'в-сбница	99
 Перевод	202
19. Иркисемонда-богатырь	202
 ЗАПРЕТЫ-ОБЕРЕГИ И СКАЗКИ, ЗАПИСАННЫЕ НА ЮГЕ ЯКУТИИ В 1947 Г. (Г. М. Василевич)	307
 Тексты и переводы	307
Од'хал	307
Запреты-обереги	313
Гуйакий	321
Приметы	321
Сахби	322
Поговорки	322
Нимцакар	322
Сказки	325

**Агния Васильевна Романова
Анна Николаевна Мыреева**

ФОЛЬКЛОР ЭВЕНКОВ ЯКУТИИ

*Утверждено к печати
Якутским филиалом
Сибирского отделения АН СССР*

Редактор издательства И. Н. Королева

Художник Д. А. Андреев

Технический редактор О. А. Мокеева

Корректоры Ж. Д. Андронова и Н. З. Петрова

Сделано в набор 25/V 1971 г. Подано в печати 10/XI
1971 г. Формат бумаги 60×90 $\frac{1}{16}$. Печ. л. 20 $\frac{1}{2}$ =
= 20.75 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 22.40. Изд. № 4431.
Тип. зал. № 308. М-08655. Тираж 2300. Бумага № 2.
Цена 1 р. 45 к.

**Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, Менделеевская лин., д. 1**

**1-я тип. издательства «Наука».
199034, Ленинград, 9 линия, д. 12**